СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Валентин Степашкин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ В. Степашкин
ЖЗЛ

Жизнь ® замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1886

(1686)

Валентин Степашкин

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2018

УДК 271.2-36
ББК 86.372-574
С 79

Scan by Tom Platz

Автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам архивных учреждений, без помощи которых многое в биографии преподобного Серафима Саровского оказалось бы неведомым, а текст не иллюстрирован уникальными документами. Особая признательность коллегам из Музея ядерного оружия РФЯЦ-ВНИИЭФ и Городского музея (Саров) за оказанное содействие и поддержку.

знак информационной продукции **16+**

ISBN 978-5-235-04050-2

© Степашкин В. А., 2018
© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2018

Памяти моей мамы
Марии Епифановны посвящаю

Подлинно как уменьшение истинности в описаниях праведных мужей и чего-либо достойного замечания, так и излишняя похвала их отнимает честь у них.

Исайя (Путилов),
игумен Саровской пустыни

ВВЕДЕНИЕ

Имя преподобного Серафима Саровского известно и любимо всем православным, всем русским людям. Но много ли мы знаем о человеке, причисленном к лику святых Русской православной церкви? В разные годы были выпущены различные жизнеописания преподобного Серафима, и казалось, что все уже о нем сказано. Но их анализ позволил сделать неожиданный вывод: все они представляют собой сборники устных преданий о старце.

При изучении архивных материалов стало ясно: биография преподобного Серафима требует тщательного изучения, пересмотра и приведения ее к исторической точности. Видимо, не случайно в начале XX века исследователи заметили, что достоверная биография старца еще не написана. Попытки ее проанализировать не приносили результатов из-за закрытости архивов, по смерти очевидцев и ввиду одностороннего подхода исследователей, уделявших внимание изучению духовной жизни старца, рассматривая ее земные этапы как нечто второстепенное. Не может жизнь земная существовать отдельно от духовной — в их единстве их убедительная сила. Биографии великих личностей обрастают легендами, былями и небылицами. Домыслы сопровождают их не только при жизни, но и после смерти. Не миновал этого и преподобный Серафим.

Но прежде явления отца Серафима в губернском городе Курске в купеческой семье Сидора Ивановича и его жены Агафьи Фотиевны Мошниных* родился младенец, названный родителями Прохором.

---

* М о ш н и н ы — фамилия, произведенная от названия предмета домашнего обихода: мошна — денежный мешок, кошелек. Что касается написания фамилии через букву «а» или «о», то после изучения новых архивных документов Курского городового магистрата следует признать правильным написание — Мошнин.

Курский период жизни преподобного Серафима, простого мирянина Прохора Сидоровича Мошнина, когда он рос под родительским кровом, трудом зарабатывал пропитание для домочадцев, участвовал в общественной жизни, является для исследователя совершенной загадкой. Середина XVIII века, когда родился преподобный, по историческим меркам близкие времена, но при чтении житий Серафима вопросы возникают на каждом шагу. Кто были его предки и чем занимались? Возможно ли сейчас восстановить родословное древо преподобного и найти среди жителей Курска потомков его сестер и братьев? Когда родился преподобный, где находился родительский дом, владел ли он грамотой.

Первые биографические сведения о преподобном Серафиме стали известны из книги иеромонаха Сергия (Васильева), постриженника Свято-Успенского мужского монастыря Саровская пустынь, прожившего 14 лет в стенах обители вместе со старцем Серафимом.

Изданная в 1841 году книга называлась «Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника». Труд написан отцом Сергием после его перехода из Саровской пустыни в Троице-Сергиеву лавру, где он получил благословение на работу над книгой от наместника лавры архимандрита Антония (Медведева)*, лично знавшего и почитавшего стар-

---

* *Антоний* (*Андрей Гаврилович Медведев*; 1792—1877) — архимандрит. Родился в семье вольноотпущенных графини Екатерины Головкиной в Нижегородской губернии. С юных лет стремился к иноческой жизни, предпринял паломничество к святым мощам, что находились в Муроме и Владимире. Вероятно, в это время он останавливался на короткое время и в Саровской пустыни. О его послушничестве в Сарове ничего не известно. В 1822 году, по данным Арзамасского городового магистрата, уволен для принятия монашеского звания в Высокогорскую пустынь. В этом же году (27 июня) пострижен в монашество с именем Антоний. Недостаток в монашествующих и личные качества способствовали тому, что молодой монах 20 июля был рукоположен в иеродиакона, а 22 июля в иеромонаха. 9 июля 1826 года иеромонах Антоний определен настоятелем Высокогорской Вознесенской пустыни. В начале 1831 года отец Антоний был вызван в столицу, где митрополитом Филаретом назначен наместником Троице-Сергиевой лавры. Вот как он лично описывает это событие: «Скажу вам о себе. В Москву приехал я 10-го марта. От скорби и дурной дороги измученный, 11-е явился к Митрополиту. Милостиво и по отечески был им принят по утру, а после преж. осв. обедни произведен на должность наместника. К присяге, четверг и пятница даны мне были на отдых и на свидание с знакомыми, су-

ца. В 1838 году отец Сергий в своем прошении в Московский комитет по цензуре духовных книг пояснил причину создания жизнеописания старца Серафима: «Из уважения к памяти добродетеля Саровской пустыни Старца Серафима собрал я некоторые черты из его жизни — частию из уст самого Старца, частию из сказаний благочестивых и достойных доверия иноков Саровской пустыни, знавших его лично, частию из собственных наблюдений, так как живши в Саровской пустыне и пользовавшись в продолжение 15 лет его наставлениями, я сам многое, относящееся к его жизни, видел и слышал»[1]. В прошении нет и намека на использование монастырского архива, и поэтому в книге привлекает конкретность дат. Память не всегда достоверный источник, но авторитет первого издания, увидевшего свет под покровительством митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова)* и архимандрита Антония (Медведева), оказался неоспоримым.

боту пробыл у митрополита, а в воскресенье с ним служил и произведен в архимандрита 2-го класса Вифанскаго Монастыря. Нынешний день положено после обеда выехать в Лавру — Что будет един знает Бог и его угодник преподобный Сергий, прошу вас любезная братия помолится» (ГАНО. Арзамас. Ф. 20. Оп. 10. Д 22. Л. 276—276 об.). Выбор митрополита Филарета на место наместника о. Антония был весьма удачен. На долгие годы преосвященный владыка поручил обитель преподобного Сергия в надежные руки, найдя также в лице наместника близкого духовного сомолитвенника. Усилиями и стараниями этих двух иерархов в 1841 году увидело свет первое жизнеописание старца Серафима.

* *Филарет (Василий Михайлович Дроздов;* 1782—1867) — митрополит Московский и Коломенский. Крупнейший церковный деятель и богослов РПЦ XIX века. Родился в городе Коломне. Образование получил в Коломенской и Троицкой духовных семинариях. С 1803 года преподает в родной лаврской семинарии. 16 ноября 1808 года Дроздов пострижен в монашество с именем Филарет. Спустя несколько дней рукоположен в сан иеродиакона. В 1809 году назначен инспектором семинарии и рукоположен в иеромонаха. В 1810 году — бакалавр Санкт-Петербургской духовной академии. В 1811 году возведен в сан архимандрита. В следующем году — ректор Духовной академии, профессор богословия, настоятель Новгородского Юрьевского монастыря. В 1817 году хиротонисан во епископа Ревельского, в 1819-м — в архиепископа Тверского. В 1821 году назначен архиепископом Московским и Коломенским. На этой кафедре святитель трудился до самой смерти. Обладая многими талантами, оставил после себя множество ценнейших трудов, среди которых выделяются работы над переводом Библии на русский язык, составлением православного катехизиса, Манифестом об освобождении крестьян 19 февраля 1861 года. В 1994 году Архиерейским собором РПЦ святитель Филарет причислен к лику святых.

Труд стал впоследствии эталоном в части датировки основных этапов биографии отца Серафима. Это первое «Сказание» брали за основу все последующие биографы старца, расширяя в основном богословский раздел жизнеописания, а даты перекочевывали из издания в издание без попыток их анализа. О курском периоде жизни подвижника рассказывалось очень кратко. Так же поверхностно о мирской жизни старца рассказывали и последующие биографы: иеромонах Георгий (Вырапаев), Авель (Ванюков) и Иоасаф (Толстошеев; в схиме Серафим).

Следует отметить, что иеромонах Иоасаф в своем «Сказании о подвигах и событиях жизни старца Серафима, иеромонаха, пустынника и затворника Саровской пустыни», опубликованном в 1877 году, подытожил сведения о семье подвижника и высказал суждение по поводу собирания таких сведений, ставшее мнением большинства агиографов: «Отец его... назывался Исидором; имя матери было Агафия, — фамилия их Мошнины. Кроме Прохора они имели сына Алексея, который года на полтора или на два был старше Прохора; но неизвестно, были ли у них еще другия дети, и есть ли теперь в Курске потомки Мошниных. Впрочем, и знать об этом излишне; праведник сам уклонялся от воспоминания о своих родственниках и говорил, что для земных родных он мертвец»[2].

Настоящие изыскания по выявлению подробностей родословия преподобного были предприняты накануне торжественного прославления старца в лике святых Русской православной церкви в 1903 году. Естественно, что в роли исследователей выступили и его земляки, уроженцы Курска Анатолий Алексеевич Танков, Григорий Николаевич Бочаров и Сергей Николаевич Булгаков, родом из соседней Орловской губернии. Были привлечены и устные предания и, как часто бывает, они подверглись изменениям по прихоти рассказчиков. Главным источником сведений послужили архивы Курской духовной консистории и Курской казенной палаты. Опубликованные материалы позволили составить первоначальную родословную таблицу, состоявшую из представителей как мужской, так и женской линии, она включала 37 имен и являлась до настоящего момента основополагающим документом для современных биографов преподобного Серафима.

«За смертию его (Прохора Мошнина. — *В. С.*) племянника — Семена Алексеевича и жены его Натальи Ивановны, погребенных причтом Преображенской города Курска

церкви — перваго в 1863 г. и второй в 1861 г., и за поступлением в 1885 г. и 1887 г. в монашество его внучек, из Машниных — родной семьи преподобнаго Серафима никого не осталось»[3]. Вывод был сделан Бочаровым более ста лет назад в мае 1906 года на общем собрании Курской губернской ученой архивной комиссии. Но, как показали современные исследования, указанный племянник и внучатые племянницы являются не последними представителями семьи преподобного Серафима. Такой вывод можно сделать и в отношении двоюродного родства. Утверждать это позволяют последние архивные находки.

Глава первая

КУРСК

Древний Курск

История Курска насчитывает свыше тысячи лет. Первое письменное упоминание о нем обнаружено в «Житии Феодосия Печерского». Нестор-летописец в своем повествовании о жизни «Первоначальника» монашества на Руси преподобного Феодосия рассказывает, как еще мальчиком будущий подвижник вместе с родителями приехал в Курск. Произошло это в начале XI века. На этот момент Курск представлял собой сформировавшийся город-крепость, в котором были православные храмы, рынок, хлебопекарня, кузницы, гончарные мастерские. Город, населенный славянскими «северскими» племенами, управлялся «властелином» — князем или его наместником. Важнейшей задачей жителей являлась охрана восточных границ Киевской Руси от воинственных кочевников — хазар, печенегов, половцев.

В конце IX века у славян появился гончарный круг, что подтверждало становление государственной власти на Руси. Археологические раскопки свидетельствуют об изготовлении на гончарном круге посуды и о курской крепости. Среди находок домонгольского периода, выставленных в краеведческом музее, поражает своими размерами многоведерный сосуд, выкопанный на месте древнего укрепления[1]. Для изготовления такого «горшка» мастер должен был обладать уникальными способностями. На основе гончарного ремесла развилось и кирпичное дело. В черте города обнаружены скопления плинфы — древнерусского кирпича, строительного материала для церквей и княжеских хором. Среди находок археологов следует отметить пряслица — грузики, облегчавшие женский труд при прядении; стеклянные витые браслеты, украшавшие горожанок; цилиндрические железные замки для лавок и амбаров — что свидетельствовало о развитой торговле.

В 90-х годах XI века курская округа становится удельным княжеством и втягивается в междоусобные войны. Вражда подтачивала Киевскую Русь изнутри, а внешние враги, орды степных кочевников, с нарастающим ожесточением нападали на раздробленные уделы, уводя в плен мужчин, женщин, детей, грабя и сжигая селения. Куряне одними из первых принимали на себя удар неприятеля. Не случайно героизм и воинское мастерство курских ратников воспеты в памятнике русской литературы, «Слове о полку Игореве».

Седлай, брате, своих борзый комоней,
А мои те готовы, оседланы, у Курска уже, впереди,
А мои те куряне — попутчики сведущие,
Под звуки труб повиты,
Под шеломы взлелеяны,
С конца копья вскормлены,
Пути им ведомы,
Овраги знакомы им,
Луки у них напряжены,
Колчаны отворены,
Сабли изострены,
Сами скачут, словно серые волки в поле,
Чести ища себе, а князю славы[2].

Поход на половцев северского князя Игоря Святославича оказался неудачным, но то была не самая страшная беда. В начале XIII века к границам Киевского княжества подступил новый, жестокий и коварный, враг: монголо-татарские орды Чингисхана. В ужасе половецкие ханы запросили помощи у русских дружин, но даже этот союз не смог остановить захватчиков.

После прихода на русские земли в 1237 году татаро-монгольских войск оказавшая сопротивление курская крепость была уничтожена. На долгие годы пришло запустение, и хотя поселение на берегах рек Тускарь и Кур неоднократно возобновлялось, о чем свидетельствуют русские летописи, былое величие не вернулось. Только в конце XVI века царь Феодор Иоаннович принимает решение возобновить крепость по ее выгодному географическому положению: через поселение проходила Московская посольская дорога, связывавшая столицу государства с Крымским ханством. Здесь пересекалось несколько торговых путей. Наконец, Курск лежал на пути печально известного Муравского шляха: проторенная крымскими захватчиками дорога южнее Курска раздваивалась и, обогнув город с двух сторон,

уходила к Путивлю и Кромам. Необходимо было поставить надежный заслон на пути следования неприятеля.

Под руководством воеводы Ивана Полева и головы Нелюба Огарева крепость в 1594 году строили служилые люди из Мценска и Орла. Место выбрали древнее, опробованное многовековым опытом — на высоком мысу при слиянии Кура и Тускаря. Крепость представляла собой треугольник, две стороны которого защищали естественные склоны, круто спускавшиеся к речным долинам, а с напольной стороны ее ограждал глубокий ров. Бревенчатые дубовые стены рядом с устьем Кура были укреплены каменным бастионом. Доминировали над крепостью пять башен[3]. Пятницкая, самая большая, защищала въезд в крепость со стороны Красной площади. По названию этой башни и мост, перекинутый через защитный ров, назывался Пятницким. Жилые дома администрации, казармы служивого люда, провиантские и военные склады теснились вокруг основанного в 1613 году Рождество-Богородицкого монастыря (ныне известен как Знаменский) с высокими каменными стенами, который представлял собой «крепость в крепости»[4]. Усилия строителей оправдались: четырежды крепость отразила осаду поляков (1612, 1616, 1617 и 1637 годов), несколько раз ее не смогли захватить крымские и ногайские татары. Каждый раз и крепость, и гарнизон с помощью посадских людей выдерживали испытание.

Под охраной гарнизона стал разрастаться и посад. В начале XVII века перед Пятницкой крепостной башней сформировался городской центр, он представлял собой большую рыночную площадь, окруженную административными и торговыми рядами. От площади, получившей название Красная, на север по гребню междуречья через весь посад уходила Московская дорога, ставшая впоследствии главной улицей города. Налево и направо от нее располагались дома с огородами и садами посадских людей. И если на центральной улице дома строились с соблюдением порядка, то на посаде наблюдалось хаотичное нагромождение усадеб. Улицы были извилисты, местами неоправданно узки, местами слишком широки и часто заканчивались тупиками. Названия имели только площади, на которых располагались храмы: Спасская, Георгиевская, Богословская, — или те, на которых проводились городские мероприятия: Базарная, Мучная. Известны названия центральных улиц: Московская и Херсонская, а, например, один из переулков в бумагах городового магистрата назывался «Переулок, где

ходят из города в Стрелецкую Московскую слободу»[5]. Разбирать архивные бумаги тех лет тяжело, порой невозможно было установить нахождение того или иного двора. Местные названия переулков и тупиков, что были на слуху у горожан в XVIII веке, через несколько десятилетий после перепланировки города в 1782 году были забыты.

К северу от крепости, у Московской дороги, возник мужской Божедомский Ильинский монастырь, спустя некоторое время упраздненный и ставший приходской Воскресенско-Ильинской церковью. В этом приходе и проживали Прохор Сидорович Мошнин и все его предки. В метрических и исповедных книгах этого храма отражалась жизнь семейства Мошниных: рождение, духовное становление, венчание на брак и переход души в жизнь вечную. Уже в середине XVIII столетия усердием прихожан деревянная церковь была заменена каменным строением. Торжественное освящение храма состоялось в 1768 году. Возможно, в этом благом деле принимали участие и Мошнины. Неподалеку от Божедомского находился и Свято-Троицкий девичий монастырь, Верхний, так как располагался на высокой части города, а еще один, Троицкий мужской монастырь в низине за рекой Кур, назывался Нижним. Вокруг монастырей и храмов разрастались поселения — городские слободы Городовая, Солдатская, Рассыльная, Черкасская и Подьяческая. За городской чертой расположились пригородные слободы Стрелецкая, Казацкая, Пушкарная, Ямская[6]. В названиях содержится ответ на вопрос, кто проживал в этих слободах. Например, в Черкасской слободе проживали выходцы с Украины, в Ямской — крестьяне, исполнявшие извозную повинность. Вероятно, наиболее многочисленным было население Городовой слободы, в которой большинство посадских людей занимались купеческой деятельностью. Следует оговориться, что в документах городового магистрата некоторые церковные приходы порой тоже именовались слободами. Именно в Городовой слободе проживало семейство Мошниных, давшее миру подвижника благочестия, преподобного Серафима Саровского.

Родословие семьи Мошниных. Первые имена

Наиболее раннее упоминание фамилии Мошниных обнаружено не в архивных бумагах, а в виде вкладной записи на иконе Пресвятой Богородицы, именуемой Ахтырская:

«Сей образ передан в дар Вознесенской церкви от Анны Никитичны Машниной в 1639 году»*. Установить степень родства дарительницы с предками преподобного не удалось, но имя может служить в качестве отправной точки для продолжения поисков.

Архивных документов XVII века, необходимых для поиска предков преподобного Серафима Саровского, сохранилось немного, и за своей ветхостью они порой недоступны. Большим подспорьем оказался труд Алексея Игоревича Раздорского «Торговля Курска в XVII веке: По материалам таможенных и оброчных книг города». Автор на основе обширного материала проследил развитие торговых связей Курска, являвшегося на этот момент значительным экономическим и военно-административным центром Юго-Западной Руси. В исследовании представлены описи таможенных книг за период с 1619 по 1678 год, в которых приводятся фамилии или прозвища участников торговых операций. Среди них и обнаружены первые Мошнины. По торговым и оброчным книгам выявлены три ветви фамилии Мошниных: Иван по прозванию Машня, Григорий Машнин и Мина Мошнин. Данных крайне мало, но и эта скудная информация оказалась весьма полезной. Первое имя упоминается в таможенной книге в записи от 30 марта 1647 года. В тот день крестьянский сын Иван, по прозванию Машня, из Троицкой монастырской слободы Курска, продал коня пегой масти[7]. В 1656 году Иван записан посадским человеком: это связано с тем, что по царскому указу крестьяне из монастырских слобод причислялись к посадскому сословию. По документам же 1658 года он записан уже как ремесленник — чеботарь, продающий «говяжий товар» и говяжьи кожи[8]. Во втором случае прозвище записано иначе: Мошна, в дальнейшем преобразовавшееся в фамилию Мошнин.

Дети Ивана Мошнина Аким и Карп проживали в Покровском и Троицком (Нижнем) приходах за Куром. Григорий Машнин, посадский человек, упоминается в таможенных книгах 1678 года как торговец медом и вяленым сомом. Его дети Иван, Тимофей и Митрофан записаны в Троицком (Нижнем) приходе. Выявить родственную связь между этими двумя ветвями не удалось, как не удалось это и в отношении третьего имени, более интересного для иссле-

* Икона находится в храме Ахтырской иконы Божией Матери города Курска.

дователей — Мины Мошнина. Единственная запись относится к 3 марта 1661 года, когда Мина Мошнин был отмечен как владелец одного воза говяжьего товара[9]. Отчество Мины Мошнина выявлено в переписной книге Курска за 1678 год (выявленной А. И. Раздорским в Российском государственном архиве древних актов — РГАДА): «Во дворе Минка Иванов сын Машнин»[10]. Именно Иван и располагается у основания семейного древа Мошниных. Так называемое нисходящее родословие удалось установить при изучении материалов РГАДА. В «Переписной книге церковнослужителей, монахов, посадских людей, их дворовых людей и наемных работников, а также нищих г. Курска», представляющей собой сводный документ подворной переписи мужского населения Курска, облагаемого налогами и составленной, вероятно, в 1718 году, на обороте листа под номером 231 обнаружена запись, в которой указан «Минаев сын» Евсей или, в современном прочтении, Евсей Минович, родившийся в 1658 году:

«Церковь во имя Святаго Пророка Илии деревянная...

Во дворе Евсея Минаева сына Мошнина (которому от рождения. — *В. С.*) 60 лет. У него дети Иван 20 Трифон 13 Елисей 10 дочь Марья 18. У Ивана жена Федосия 28 лет сын Максим году* Антон 20 недель. Итого в том дворе мужеска 6 женска 2 человек. Кормитца он Евсей делает горшки плотит он тягла с одной деньги десятой и стрелецкой деньги и протчих при указах запросных зборов»**.

---

* Следует признать некоторую условность в обозначении возраста Максима и Антона и считать разницу в возрасте равной одному году.

** Дело содержит интересную информацию о монастырях и храмах Курска. В Знаменском монастыре на этот год (1718) в монастыре было три каменных храма: во имя Знамения Пресвятой Богородицы, Богоявленский с приделом во имя Николая Чудотворца и во имя апостолов Петра и Павла. Во главе монастыря стоял архимандрит Михаил, иеромонахов насчитывалось шесть человек. Интересная деталь: среди монахов записан инок пятидесяти лет под именем Серафим. Воскресенская «Соборная церковь была деревянная, а ныне токмо одна колокольня от церкви есть». Каменная церковь во имя Живоначальной Троицы находилась в Девичьем монастыре. Во главе монастыря находилась игуменья Феодосия сорока лет, помогала ей казначея Анастасия пятидесяти пяти лет от роду. Из приходских храмов выделялся каменной постройкой храм во имя Флора и Лавра. Остальные храмы были деревянные: Живоначальной Троицы за Куром, Преображения Господня за Куром, Георгия Страстотерпца за Куром в Казацкой слободе, Покрова Пресвятой Богородицы, Архистратига Михаила, Успения Пресвятой Богородицы с приделом Святого муче-

Таким образом, сын Мины Мошнина Евсей проживал со своим семейством в Ильинском приходе. Удалось установить, что семья поселилась там в 1703 году, хотя, возможно, проживала здесь и раньше. Но именно в апреле 1703 года глава семейства купил дом с надворными постройками, огородом и садом у посадского человека Федора Чеботарева за 11 рублей. Копия купчей сделки сохранилась: «Лета 1703 года Апреля в 9 день Курченин посацкой человек Федор Афанасьев сын Чеботарев продал я двор свой вместе с дворовым строением, что в Курске на Посаде в Ильинской слободе на Большом переулке курченину посацкому человеку Евсею Минайлову сыну Машнину а взял я Федор на нем Евсее за тот свой двор и за дворовое строение и за место одиннадцать рублев денег полным чехом а на том моем проданном дворе строение изба да клеть меж ими сени да баня и соогорожен...»[11]

Изба с клетью, соединенные сенями, представляла собой распространенный в то время «трехкамерный» тип жилища: бревенчатый рубленый дом для проживания в зимнее время, соединялся сенями с неотапливаемой и служившей для проживания в летний период клетью. В небольшом отдалении от дома располагалась баня. Весь этот комплекс жилых и хозяйственных построек, «соогороженных» забором, подпадал под общепринятое понятие «крестьянский двор». Питьевую воду жители слободы брали «из колодцов, которых на улицах довольно... Вода в Куре нехороша и ея не употребляют в пищу»[12]. В купчей обязательно оговаривалось месторасположение продаваемого или покупаемого объекта, размеры земельного участка: «А смежно тот мой проданный двор идучи на двор по правую сторону з двором Ивана Добычина, а по левую сторону з двором Герасима Рыбникова. А по меже того моево проданного двороваго и огороднаго места сзади в длину тридцать шесть сажень с полусаженью а поперек семь сажень... аршина а в огороде в саду ширины десять сажень...»

Курский край благодатен для садоводства, в каждой усадьбе разбивался фруктовый сад, приносивший порой значительную прибыль. Куряне умели прививать, размножать, лечить плодовые деревья и кустарники. Самыми рас-

---

ника Никиты. Два храма во имя Святителя Николая Мирликийского: первый – внутри города, второй — на торгу. А также храмы во имя Космы и Дамиана, Пророка Илии, Преподобного Сергия Радонежского и церковь во имя Введения Пресвятой Богородицы в Ямской слободе (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 215. Л. 226, 231—232).

пространенными сортами яблонь были Антоновская, Опортовая, Титовская и Добрый Крестьянин. Из груш ценились Гдинская, Молдавская, Безсемянная, Сахарная и Трубчевская. Яблоки и груши вывозились в большом количестве в Москву, Санкт-Петербург и Одессу. «Есть еще особенный род груш, — вспоминала в начале 1800-х годов в своих мемуарах Екатерина Авдеева, — употребляемый для квасу и сушенья, собственно так называемыя груши (все прочие роды груш в Курске называют дулями). Квас этот приготовляется очень просто: насыпают в боченок груш, и потом наливают водою; недель через шесть выходит довольно приятный напиток. Другой род груш употребляют для сушенья, и потом зимою варят их в воде и подают вместо пирожнаго, в посты, которые в Курске строго соблюдаются»[13].

Разводили куряне большое количество сортов сливы, вишни, черешни, крыжовника, смородины и малины (в диком виде их можно было встретить и в окрестных лесах). На семейной бахче выращивали тыквы, называемые гарбузами, и арбузы, называемые каунами.

Изучая летопись Саровской пустыни конца XVIII — начала XIX века, нередко можно было встретить записи, подобные этой: «26-го посадил огурцы дыни и арбузы вместе. Снегу еще в поларшина»[14]. В Сарове расширяются участки под огороды, появляются сады. С большой долей уверенности можно сказать, что произошло это при участии курян, принесших с собой как саженцы, так и агротехнические новшества. Куряне любили и цветы: розы, нарциссы, тюльпаны, пионы украшали дворы разноцветными красками. «Многие цветы, бывши однажды посажены, растут, не требуя почти никакого присмотра». Так что Курск весной представлял собой большой прекрасный сад.

...Участники сделки отмечали и юридическую сторону вопроса: «...И впредь мне Федору и жене моей и детям и родственникам о повороте того своего проданного двора на него Евсея и на жену ево и на детей Великому Государю не бить челом и никакими делы не вступатца и от уступщиков очищать проспорми и убытки никакими недоставить а наперед сего тот мой Федоров проданной двор и дворовое строение и место кроме ево Евсея иному никому непродан и незаложен а буде я Федор против сей своей записи что писано выше сего хоти в малом в чем неустою и ему Евсею и жене ево и детям взять на мне Федору и на жене моей и на детях по сей моей записи ему Евсею и жене ево и детям на тот мой проданной двор впредь в запись а у сей записи

свидетели курченин Семен Матвеев сын Антимонов Корней (?) Фомин сын Постухова сию запись писал курской крепостных дел подячей Иван Сотников»[15].

По данным переписи 1718 года, глава семейства Евсей Минович уже был в преклонном возрасте, жена, вероятно, умерла после 1708 года, когда родился младший сын Елисей. Средний сын Трифон на три года старше Елисея. Затем по старшинству идет дочь Мария и, наконец, старший сын Иван — дедушка Прохора. Иван обзавелся семьей, но продолжает жить с женой Феодосией и двумя детьми в родительском доме.

В 1721 году в Курске проводилась первая ревизия податного населения, в ходе которой составлялись так называемые ревизские сказки. Всего их было проведено десять. К сожалению, материалы третьей ревизии купеческого сословия города Курска, проводившейся в 1763 году, не обнаружены. Первая, вторая и шестая ревизии не дают сведений о полном составе семьи, так как в это время отсутствовал учет женщин. При исследовании родословия семьи Мошниных эти пробелы оказывались невосполнимыми. Во временной отрезок 20—30 лет малолетние дочери успевали подрасти и выйти замуж, сменив фамилию. Нередко имя не попадало в списки по случаю смерти.

По ревизской сказке посадских людей Курска 1721 года, или, проще сказать, по переписи мужского населения, были найдены и дополнительные сведения о семье Мошниных: в семье родился младший сын Ивана Сидор — отец Прохора. «Того ж числа по указу Великаго Государя Царя и Великаго князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца в Курске в ратуше ратушным бургомистром Семену Володимерову Ивану Фотееву Курченин посадской человек Евсей Минайлов сын Мошнин сказал по Евангельской заповеди Господней вправду живет в Курске себе двором. От роду мне шесдесят три года. У меня дети Иван дватцати трех Трифон шеснатцати Елисей тринатцати. У Ивана дети Максим четырех Антон трех лет Сидор меньше году. Тово мужеска полу семь человек»[16]. Нетрудно заметить, что у главы рода Евсея Миновича, видимо, случился поздний брак, и старший сын Иван появился на свет, когда родителю уже исполнилось 40 лет. А вот у его первого сына Ивана — деда Прохора — первенец Максим родился в 19 лет. Причем жена Ивана Феодосия оказывается старше мужа на восемь лет, что можно объяснить вдовством Евсея Миновича и потребностью в женских руках для ведения

домашнего хозяйства. В начале XVIII века практиковалась ранняя женитьба юношей, и разница в возрасте тогда не являлась препятствием к заключению брака[17]. А вот дочерей выдавать замуж не торопились — рабочие руки, за которые не надо платить налоги, лишними не были, потому-то сестра Ивана Мария еще не была замужем, а ее судьбу дальше проследить не удалось.

В конце 1710-х — начале 1720-х годов правительство озаботилось ухудшением экономического положения, большим количеством беглых, укрывающихся от налогов и рекрутской повинности, отчего уменьшились поступления в казну. Подворная система налогообложения, когда правительство определяло сумму налога, а городские и сельские общины разверстывали ее на каждый двор, переставала действовать из-за резкого сокращения дворов. Правительство решило заменить подворное обложение подушным налогом, и налог теперь должны были платить все мужчины податных сословий независимо от возраста. В этой связи и проводились перепись, за ней ревизия, и вновь перепись. В 1720-х годах состоялась еще одна перепись податного сословия, которую проводили офицеры Нижегородского полка, находившегося в то время на квартирах в Курске: «По сказкам 1721 году во дворе Евсей Минайлов сын Мошнин Леты 63. У него дети Иван 23 Трифон 16 Елисей 13. У Ивана дети Максим 4 Антон 3 Сидор меньше году. По свидетельству и по переписке 1721 года от ковалера Нижегородскаго полку полковника Чернышева с штаб побор афицеры. Живет своим двором в Ылинском приходе. Имеет рукомесло делает горшки и продает. Тягла плотил на 1722 год десятой деньги»[18]. Документ знакомит нас с семейным ремеслом Мошниных — изготовление глиняных горшков, мисок, кувшинов, крынок и прочей посуды и продажа их на местном рынке. Народную загадку о гончарном ремесле: «Был я на копанце, был я на топанце, был я на кружале, был я на пожаре, был я на обваре. Когда молод был, то людей кормил, а стар стал, пеленаться стал» — знали в семье Мошниных с младенчества.

«Копанец» — копание и заготовка глины. Наверняка во дворе Мошниных из бревен и толстых досок был сделан «глинник» — большая яма для хранения глины, в котором она под действием дождей, морозов, солнца и ветра улучшала свои качества. «Топанец» — специальная площадка в избе или во дворе, на которой члены семьи топтали глину ногами, разминая ее и удаляя посторонние вкрапления: ка-

мешки, корешки. «Кружало» — гончарный круг, на котором происходила формовка посуды. Под «пожаром» подразумевается самый ответственный процесс — обжиг посуды в русской печи. Разложенную специальным образом в печи посуду сперва обкладывали дровами, не дающими большого жара — ель, осина. Затем при помощи «жарких» дров — ольхи, березы, дуба — достигался температурный максимум в 900 градусов. После топки выдерживали посуду в печи несколько часов. Обжиг проводили ночью, чтобы легче было контролировать готовность изделий по их цвету. Дров требовалось много[19], потому, вероятно, поленницы Мошниных всегда были большими. «Был я на обваре» — заключительная стадия обработки посуды. Еще горячую, ее окунали в раствор клейстера из ржаной или овсяной муки. Могли использовать для этих целей и квасную гущу. «Обвар» проникал в стенки посуды и надежно закупоривал поры. «Когда молод был, то людей кормил, а стар стал, пеленаться стал» — подразумевается новый горшок-кормилец, а вот старый треснувший горшок бережливые хозяйки не выбрасывали, а, распарив длинные узкие ленты бересты, обвивали ими посуду и она продолжала долго служить. Эти хитрости гончарной профессии наверняка знал и Прохор.

Многие посадские люди занимались кустарным производством и продажей своих изделий. Выпекался хлеб, калачи, пряники, изготавливались сальные свечи, конопляное масло, деготь, солод, квас и уксус, овчины, кузнечные и другие изделия, которые можно было купить в надомных лавках или на базарах. В Курске 16 купцов тем или иным образом были связаны с горшечным ремеслом: кто-то сам делал и продавал свою продукцию, как Евсей и Иван Мошнины, кто-то перепродавал, как Алексей Катов. Еще одна категория ремесленников, к которой относился, например, отец Карпа Первышева Ефрем Мелентьевич[20], занималась только изготовлением посуды. Предположительно, после смерти Сидора Ивановича в 1760 году от гончарного ремесла в семье отказались и началась купеческая деятельность. Что подтверждают и слова Алексея Сидоровича — брата преподобного, относящиеся к 1790 году: «Ему означенным Господином Башиловым (губернским землемером. — *В. С.*) хотя и отведено было место для построения лавки, но в горшешной линии таковаго торгу он совсем не имеет...»[21]

Следующее упоминание о семье Мошниных обнаружено в переписной книге, со сведениями, относящимися к 1744 году, — к сожалению, опять-таки без учета женского

пола и рода их занятий. К этому времени в возрасте восьмидесяти лет умер Евсей Минович (предположительно, в 1738 году), в 1728 году умер его старший сын Иван Евсеевич, «от роду 30 лет»[22]. Из оставшихся в живых детей Евсея Миновича — Елисей Евсеевич обзавелся семьей и перебрался в Космо-Дамиановский приход. За ним записан сын Федор шестнадцати лет[23]. Трифон Евсеевич проживает в Ильинском приходе, у него сын Иван шести лет[24]. В этом же приходе проживают дети Ивана Евсеевича. Максим Иванович отделился, у него есть рожденный после переписи сын Петр годовалого возраста[25]. Далее в переписной книге под номерами 907 и 908 записаны Антон Иванович и Андрей Иванович[26] Мошнины. Обращает на себя внимание ошибка писаря, записавшего вместо имени Сидор — Андрей. Г. Н. Бочаров в своем докладе по родословию преподобного приводит документ (еще один экземпляр переписи), хранившийся в Курской казенной палате. Имя Сидора там записано правильно[27].

В «Переписных книгах» и материалах второй ревизии удалось обнаружить семью деда Прохора по материнской линии: Фотия Семеновича Завозгряева. В 1721 году в переписной книге отмечено, что в Троицком (Нижнем) приходе, что за рекой Кур, проживают братья Завозгряевы: Кирилл, Кондрат, Фотий, Игнат и Петр. Фотий тридцати двух лет живет своим двором, «торгует мескотинным товаром»*, тягло платит вместе с братом Кириллом. В семье Фотия к этому времени появился старший сын Яков — «году»[28], то есть на момент переписи ему исполнился год.

В материалах второй ревизии 1744 года семья Фотия (мужская ее часть) записана все так же в Троицком приходе под номерами с 2285-го по 2288-й. Это — глава семейства Фотий Семенович и его сыновья: Яков двадцати двух лет, Козьма семи лет и Иван пяти лет[29]. По женской части семьи нам известно о двух дочерях: Агафье Фотиевне — матери преподобного, родившейся в 1725 году, и о Прасковье

---

* Мескотинный (москательный, щепетильный) товар, по исследованию А. И. Раздорского, включает в себя широкую группу промышленных товаров, привезенных из Москвы. Наиболее популярная в купеческой среде категория товара в XVII—XVIII веках. По данным 1721 года, 29,9 процента посадских людей занимались торговлей мескотинного товара, 11 процентов приходилось на торговцев скотом и мясом и 8,1 процента — на производителей и торговцев дегтем. Эти три категории составляли почти половину занятого населения Курского посада (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1666).

Фотиевне 1732 года рождения. По материалам переписи обнаруживается полное отсутствие данных о родных братьях матери преподобного. Только документы городового магистрата помогли объяснить этот факт: в середине 1760-х годов Яков, Козьма и Иван со своими семьями переходят в белгородское купечество[30] и навсегда уезжают из Курска. Важная родственная линия преподобного получила свое продолжение и требует расширения круга поисков.

Сестра Агафьи Фотиевны Прасковья Завозгряева вышла замуж за купца Филиппа Корнеевича Белоусова и проживала, как и до замужества, в Троицком (Нижнем) приходе. По ревизской сказке 1782 года у них записаны дети: Максим (1755—1778), Михаил (1759—1777), Екатерина 1757 года рождения, выдана замуж в 1777 году за малороссиянина Андрея Макаенкова, и младшая дочь Матрена четырнадцати лет[31]. К 1784 году Прасковья овдовела. В 1794 году в магистрате разбиралось дело по вексельному долгу мещанина Аввакума Кононова. Взяв в январе 1791 года под расписку на два года довольно большие деньги у купца Григория Силина и у Прасковьи Белоусовой, он прогорел. Прасковья Фотиевна оказалась в критическом состоянии. Размер долга в 72 рубля Силину и еще 125 рублей Белоусовой, нищенское положение должника — свидетельствовало о том, что заимодавице с деньгами придется распрощаться. Но мир не без добрых людей. Летом 1792 года племянник Алексей Мошнин выплатил Прасковье Фотиевне все деньги, а сам остался с просроченным векселем на руках. Дом Кононова хотя и был выставлен на торги для погашения долгов, но из-за ветхого состояния так и остался непроданным. Законодательство тогда сурово обходилось с должниками — за уклонение от общественных работ, когда заработок шел на оплату долга, можно было получить каторжные работы в Сибири. Несколько лет отрабатывал долг Аввакум, находясь в полной зависимости от купца Титова. Только в марте 1797 года Алексей с Григорием Силиным «полное удовольствие по оным своим векселям получили». А бывший должник, наконец, вернулся в пустовавший дом[32].

Год рождения Прохора

Основная ошибка биографов связана с годом рождения Прохора. Жизнеописатели обозначали его как 1759 год, 19 июля, по дате, выбитой на надгробном памятнике, уста-

новленном в 1840-х годах. На основании этого изначально выстроилась ошибочная линия биографии Прохора Сидоровича Мошнина. Первая биография отца Серафима более трех лет проходила цензурные тернии, но они касались только богословской стороны изложения, состоявшего из большого количества чудес. Вопросы относительно датировки событий казались незначительными. Тем не менее дата рождения старца Серафима стала предметом обсуждения историков и богословов в 1903 году, когда в 163-м номере «Курских губернских ведомостей» была помещена статья Анатолия Танкова «Несколько новых данных о преподобном Серафиме Саровском. (Из архива Курской духовной консистории)». На момент опубликования статьи были найдены и изучены исповедные книги Ильинской церкви Курска, прихожанами которой были родители Прохора.

В документах за 1768 год записано: «Вдова Агафия Фатеева дочь Сидорова, жена Машнина, 50 лет. Дети ее: Алексей 17 лет, Прохор 14 лет, Прасковья 19 лет»[33]. По этим документам, год рождения Прохора — 1754-й. Леонид Денисов в описании жизни отца Серафима, изданном в 1904 году, как бы в качестве приложения говорит: «...Ввиду характера исповедных записей, которые по степени своей точности не могут выдерживать сравнения с метрическими книгами, мы пока, до дальнейшего разъяснения этого вопроса, останемся при согласном утверждении всех жизнеописателей преп. Серафима, признающих годом его рождения 1759-й»[34].

После причисления отца Серафима в 1903 году к лику святых поиски документов в подтверждение этой версии продолжались, и в 1906 году на общем собрании Курской губернской ученой архивной комиссии был заслушан доклад Григория Бочарова «К родословной преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца»[35]. Проведя дополнительные изыскательские работы, Бочаров выявил, что акта о рождении Прохора не значится ни в одной метрической книге Ильинской церкви, но в архиве Курской казенной палаты найдены материалы ревизской сказки четвертой переписи населения, датируемой 1782 годом. В ней записано, что при проведении предыдущей ревизии 1763 года Прохору Мошнину исполнилось пять лет. Следовательно, по этому документу год рождения уже падает на 1758 год.

Несообразность вытекает из документов архива по их состоянию на начало XX века. Документы ревизской сказки четвертой ревизии, на которые ссылается Григорий Бо-

чаров, сохранились, и на их основании можно сделать другие выводы.

Во-первых, фолиант с документами ревизской сказки — не первый экземпляр, а его копия. Оригинал до настоящего времени не обнаружен.

Во-вторых, следует отметить низкую грамотность населения во второй половине XVIII века — не каждый дворянин умел читать и писать, а грамотный человек других сословий — большая редкость. Поэтому неудивителен тот факт, что канцелярист при составлении копии документов, количеством более тысячи листов, не особенно следил за соответствием оригиналу. Алексей Мошнин, брат Прохора, подписав ревизскую сказку за свою мать, мог не заметить ошибок. Подтверждением этому одна явная ошибка — отчество матери Прохора вместо «Фатеева» записано как «Матеева». В отношении Прохора, вероятно, допущена ошибка при переписке в реестр данных предыдущей ревизии, и цифра «9» записана как цифра «5». При изучении документов той поры возникают ошибки в прочтении некоторых цифр. Например, цифры «4» и «7» часто писались одинаково: «7» и «7». Добавим к этому небрежность или низкую грамотность писца — и для установления точной даты приходится искать дополнительные источники. Еще чаще вторичное подтверждение приходится искать для цифр «3» и «9», «3» и «5», «4» и «9», «5» и «9». Если принять во внимание, что «9» при переписке ошибочно записали как цифру «5», то, согласно нашей версии, отнимая от года проведения третьей ревизии (1763 год) девять лет, мы выйдем на год рождения — 1754-й. Остается искать истину в недрах архива Саровской пустыни.

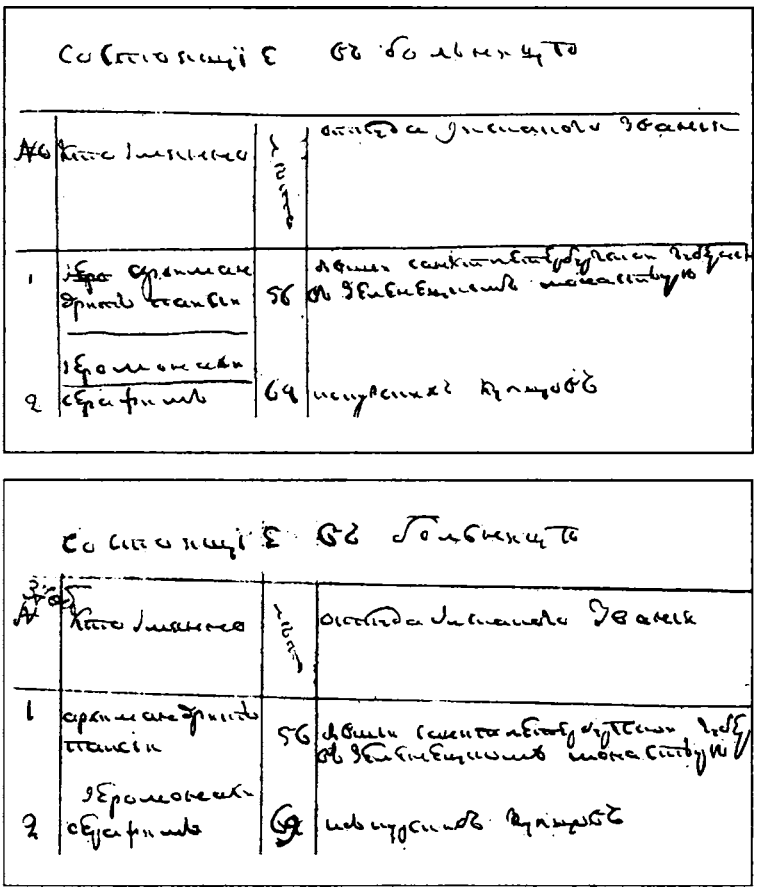
Поступление молодого послушника в обитель с выверенными по тогдашним правилам отпускными документами давало повод предполагать, что ответ находится именно в монастырских архивах. С момента поступления Прохора в Саровскую обитель первое дело с упоминанием его имени относится к 1786 году[36]. В «Списке монахов Саровской пустыни» на обороте листа № 5 впервые встречается имя Серафим с обозначением «32 полных лет». Следовательно, в монастырском делопроизводстве принят год рождения 1754-й. Следующий список датирован 1796 годом. Иеромонах Серафим имеет за плечами 42 прожитых года, отсчет летам ведется от 1754 года. В монастырских делах уже заведено правило: списки монашествующих представлялись в Духовную консисторию ежегодно и даже с разбивкой «по третям» че-

рез каждые четыре месяца (к сожалению, сохранность их оказалась неполной). Ведомости монашествующих 1796, 1797, 1798 и 1799 годов показали возраст 42, 43, 44 года и 45 лет соответственно, что опять же указывает на 1754 год рождения. Как получилось, что во всех биографиях старца годом рождения называется 1759-й? Объяснение находится все там же — в архивных документах Саровского монастыря.

Иеромонах Серафим с сентября 1796 года и до дня своей кончины числился в списках монашествующих, находившихся в монастырской больнице. Начиная с последней трети 1799 года возраст всех находившихся на излечении в «Ведомостях о монашествующих» не указывался. Так продолжалось до 1823 года, когда указом Тамбовской духовной консистории делопроизводство монастыря было приведено в надлежащий вид и возобновился порядок указания возраста всех монашествующих, включая и тех, кто находился на излечении. Трудно предполагать, каким образом был установлен «вновь» возраст отца Серафима, но только он вдруг «помолодел» на десять лет, о чем красноречиво говорит таблица.

Год составления документа	Возраст по документу	Год рождения
1796	42	1754[37]
1797	43	1754[38]
1798	44	1754[39]
1799	45	1754[40]
1823	59	1764[41]
1825	61	1764[42]
1827	63	1764[43]
1828	64	1764[44]
1828	69	1759[45]
1829	70	1759[46]
1830	71	1759[47]
1831 (апрель)	72	1759[48]

Появление ошибки следует, вероятно, отнести к смене поколений в делопроизводстве монастырской канцелярии — все же прошло 24 года с момента полного состав-

Фрагменты «Списка монашествующих монастыря» на начало 1828 года (вверху) и конец 1828-го (внизу), поясняющие происхождение ошибки в пять лет в дате рождения отца Серафима.
ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 542. Л. 27 об. и 37 об.

ления списка монашествующих, временная нить была утрачена, и в делопроизводство могла вкрасться ошибка, давшая такой результат. При сравнении ведомостей за первую и последнюю трети 1828 года видно, как возраст 64 года невнимательным или неграмотным переписчиком превращается в 69 лет. С этого момента год рождения отца Серафима — 1759-й.

Далее ошибка кочевала из одного монастырского документа в другой, из первого «Сказания» в следующее. Наконец, в 1840-е годы стараниями нижегородских купцов Петра и Михаила Ясыревых[49] на могиле старца устанавливается надгробие с надписью:

«Под сим знаком погребено тело
усопшаго раба Божия Иеромонаха Серафима,
скончавшагося 1833 года Генваря 2 дня,
который поступил в сию Саровскую пустынь из курских купцов
на 17 году возраста своего, скончался 73 лет.
Все дни жизни посвящены были во славу Господа Бога
и в душевное назидание православных христиан,
в сердцах коих и ныне Серафим живет»[50].

Это монументальное сооружение окончательно утвердило 1759 год как год рождения отца Серафима. Возможно, ошибку потом обнаружили, но исправлять не сочли нужным.

При изучении проблемы долго не принималась в расчет юридическая сторона вопроса, в частности — какими законами регламентировалось пострижение в монашество? XVIII век отмечен кардинальными реформами Петра I во всех областях жизни России, в том числе и монастырей. «Духовный регламент», имевший силу не одно десятилетие, определял конкретное число монашествующих для каждой категории монастырей, пострижение допускалось только на «убылые» (вакантные) места, с прохождением как минимум трехлетнего послушания. Испытательный срок иногда растягивался на всю жизнь, хотя известны случаи отступления от правил по именным указам. Например, Феодор Ушаков*, прославивший Санаксарскую обитель, был пострижен через год. Но главное, мужчин дозволялось постригать не ранее чем по достижении тридцатилетнего возраста[51]. «О летах пострижения в монахи остается главным правилом в Духовном регламен-

* *Феодор* (*Иван Игнатьевич Ушаков*; 1718—1791) — преподобный, иеромонах. Причислен к лику местночтимых святых Саранской епархии в 1999 году, к лику святых РПЦ — в 2004-м.

те... по силе разрешается оное не прежде, как по достижении тридцатилетняго возраста»[52]. Некоторые послабления в правилах о пострижении в монашество были объявлены указом Святейшего синода № 6040 от 20 июня 1832 года, и касались они только окончивших курс богословских наук и вдовых священнослужителей.

В качестве примера «грамотности» делопроизводителей и строгости «Духовного регламента» хочется привести пример из жизни арзамасской Высокогорской пустыни, кстати, до 1788 года находившейся в подчинении Саровского монастыря. В отношении послушника, которого настоятель намеревался постричь в монашество за прилежание или за грамотность, было произведено служебное расследование. В ходе его записалось «Показание» следующего содержания: «По силе указа из духовной консистории... я нижеименованный... родился в 1771 году итак тепере мне щитается 32 год. В пашпорте же моем по ошибки писца менее годов мне написанное, хотя я и видел тогда, но сие так просто оставил, поелику не имел знания какие леты, по силе духовнаго регламента, к пострижению потребны. Апреля 2 дня 1803 году к сему показанию... послушник Иван Андреев Ющенков руку приложил»[53]. Такое объяснение не помогло послушнику, и его возраст — 29 лет — был оставлен в «Ведомости о монашествующих» без изменения[54]. Только тем, что в 1784 году Прохору Машнину исполнилось 30 лет, можно объяснить его хлопоты об окончательном увольнении из городского общества при поступлении в монашество. Свидетельство Прохор получил 13 февраля 1785 года. При исследовании документов за 1784—1786 годы в разделе «Переписка монастыря с Владимирской духовной консисторией о пострижении в монашество» в обнаруженном «Реестре кто именно ниже подписавшагося послушника и с какова звания и сколько имеет от роду лет, и с коего времени в реченной пустыне находится»[55] записаны четыре фамилии претендентов на пострижение в монашество (и все они были пострижены в 1786 году): Щепетильников, 31 года от роду; Овчинников, 32 года; Задорин, 31 год; и, наконец, «...города Курска мещанин Прохор Сидоров сын Машнин, от роду 32 года». О том, что документ был составлен в период с 1784 по 1786 год, говорит явное исправление цифры «30» на «32», что подтверждает и двухлетнее оформление документов Прохора Мошнина. Пострижение Прохора в монашество подтверждено свидетельством «от внешних», то есть представителями светских

властей, и в рапорте настоятеля в Духовную консисторию три свидетеля записали, что все «...Произведено без всякого к нему принуждения, а точно так, как духовным регламентом и указами повелено»[56].

В монастырском архиве хранится «Ведомость о монашествующих»[57] за 1799 год, где впервые указаны год пострижения иноков Саровской пустыни и их возраст. Путем вычитания получаются следующие результаты: строитель Исайя* пострижен в 32 года, казначей Киприан** в 31 год, иеромонахи

---

* *Исайя* (*Илья Гаврилович Зубков*; 1741—1807) — иеромонах, восьмой настоятель Саровской пустыни. Родился в Суздале в купеческой семье, находившейся в родственных отношениях с купеческим семейством Лихониных, жертвователей на построение Успенского собора в Сарове. Илья рано осознал свое призвание к духовной жизни и в 22 года, получив временный паспорт, отправился на богомолье в Киев, где и проживал на положении трудника около семи лет. В 1770 году, находясь проездом в Москве, Илья встретился с Григорием Васильевичем Лихониным, который и посоветовал ему обосноваться в Саровской пустыни. В августе этого года Илья Зубков вступил в стены пустыни и уже не расставался с ней до своей кончины. В мае 1771 года Илье исполнилось 30 лет, и он направляет преосвященному Иерониму прошение о пострижении в монашество, которое и состоялось 27 апреля 1772 года: Илья Зубков канул в Лету, но появился монах Исайя. Вакансии в Саровском монастыре не было, и молодого инока причислили к Гороховскому Николаевскому монастырю. По отработанной уже практике Исайя объявлен больным и находился в болезненном состоянии несколько месяцев, до открытия вакансии в родном монастыре, кстати, успев за это время удостоиться сана иеродиакона. 13 июля 1774 года он рукоположен в сан иеромонаха. После смерти казначея Иосифа в 1785 году общим советом избран на эту должность. После смерти строителя Пахомия по желанию братии 16 декабря 1794 года отец Исайя утвержден в должности настоятеля. Похоронен под стенами алтаря Успенского собора.

** *Киприан* (*Яков Колотильщиков;* 1752—1806) — иеромонах, казначей. Происходил из купеческого сословия города Кашина. В монастырь вступил в 1778 году. Участвовал вместе с иеромонахом Назарием в паломничестве на Соловецкие острова. В монашество пострижен 23 декабря 1783 года. Рукоположен в сан иеродиакона 5 января 1784-го. Спустя четыре с половиной года — 4 октября 1788 года посвящен в иеромонаха. В 1796-м казначей Саровской пустыни иеромонах Маркеллин по указу Синода направляется в новгородский Клопский монастырь настоятелем, а саровская братия избирает на его место отца Киприана (1794, август). По предположению советского писателя Георгия Шторма, отец Киприан хранил у себя один из списков запрещенного произведения А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Умер в Санкт-Петербурге, где находился по делам монастыря. Похоронен на кладбище Александро-Невской лавры (ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 58 об.).

Леонид* и Иоаким** соответственно в 32 и 41 год. Кстати, иеромонах Нифонт также «пострадал» от руки монастырского делопроизводителя: в 1799 году по ведомости его возраст записан равным тридцати восьми годам[58]. То есть годом рождения будущего игумена необходимо признать 1761-й, а не 1767-й, как записано в более поздних ведомостях, откуда эта ошибка перекочевала и в книгу Авеля (Ванюкова) «Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки в ней подвизавшиеся: Записки, собранные Троицкой Сергиевой лавры иеромонахом Авелем»[59]. Неверная запись цифры «1» как «7» запустила необратимый процесс.

Итак, возрастной ценз был соблюден по всем именам: каждому из монашествующих при пострижении было не менее тридцати лет. Потому и нельзя предполагать, что послушнику Прохору Мошнину сделано исключение и что ему разрешено пострижение в возрасте двадцати семи лет. Недаром Саровский монастырь был славен уставом и своими иноками, строго следившими за его исполнением. В летописи Саровского монастыря отмечен факт, относящийся к 1813 году, когда строитель Нифонт впервые в истории обители получил от епископа Тамбовского и Шацкого Ионы*** награду в виде набедренника, а старшая братия во главе с казначеем Савватием возмутилась такому отличию «одного из равных»[60]. Награда была получена, но важен сам факт протеста — высокая должность не позволяла отступать от норм и правил.

Строительство церкви и чудесное спасение

Деревянная церковь во имя Преподобного Сергия Радонежского была построена на посаде, немного севернее

---

* *Леонид* (1746—?) — иеромонах. Из астраханских церковников.

** *Иоаким* (1738—?) — иеромонах. Из курских купцов. Пострижен в монашество 19 июня 1779 года. Рукоположен в сан иеродиакона 20 сентября 1788-го, во иеромонаха — 22 июня 1788-го.

*** *Иона* (*Иван Семенович Василевский*; 1763—1849) — епископ Тамбовский и Шацкий (рукоположен митрополитом Амвросием 24 марта 1812 года). До назначения на Тамбовскую кафедру исполнял обязанности настоятеля Иосифо-Волоколамского Успенского монастыря Московской епархии. 22 апреля 1821 года назначен епископом Астраханским и Кавказским. 1 октября 1821-го переведен экзархом Грузии, архиепископом Карталинским и Кахетинским. С 22 августа 1828 года — митрополит. 5 марта 1832-го направлен в Санкт-Петербург как член Синода, инспектор Духовной академии. До конца своих дней помогал Саровской обители духовными советами, а также денежными вкладами.

Троицкого женского монастыря, почти рядом с Тускарским откосом, предположительно в начале XVII века. Первое документальное упоминание храма найдено в Переписных книгах посадских людей города Курска за 1718 год.

В 1751 году в Сергиевском приходе деревянная церковь сгорела. Расчищая пожарище от угля и пепла, прихожане обнаружили чудесно уцелевшую от огня храмовою икону Казанской Божией Матери. Увидев в этом явный Божий промысел и указание свыше, прихожане приняли решение возобновить храм уже в каменном исполнении, с двумя престолами, назвав его Сергиево-Казанским, в память о старом престоле и храмовой иконе, чудесно обретенной. Трудно предполагать авторство проекта собора, но специалисты Музея архитектуры им. А. В. Щусева отрицают участие в проектировании Растрелли или его учеников.

Средства на строительство собирали всем миром, но основная доля была предоставлена Карпом Первышевым*, каменный дом которого неподалеку от собора сохранился до настоящего времени. В 1752 году, после освящения места закладки преосвященным Иоасафом (Горленко)**, Сидор Иванович Мошнин выступил в качестве руководителя каменных работ.

Житийная литература указывает на кирпичные заводы, якобы ему принадлежавшие. Заложенный двухэтажный храм своими огромными, по меркам провинциального города, размерами, конечно, требовал для строительства большого количества кирпича и солидных средств. Можно предположить, что прихожане ради экономии сами наладили производство извести и кирпича неподалеку от строительной площадки. Есть предположение, что нижний храм во имя Преподобного Сергия к 1760 году был уже отстроен и каменщики приступили к возведению второго этажа — храма во имя Казанской иконы Пресвятой Богородицы. Нижний храм в это время обустраивался другими подряд-

---

* *Карп Ефремович Первышев* (1706—1784) — курский купец, проживавший в Сергиевском приходе и пожертвовавший большие денежные средства на строительство Сергиево-Казанского храма, ктитор.

** *Иоасаф Белгородский* (*Иоаким Андреевич Горленко*; 1705—1754) — епископ Белгородский и Обоянский (со 2 июня 1748 года). В 1727 году пострижен в монашество. В 1728-м рукоположен в иеродиакона. В 1737-м назначен игуменом Мгарского (Лубенского) Спасо-Преображенского монастыря. В 1744 году посвящен в сан архимандрита и переведен наместником Троице-Сергиевой лавры. В 1911 году причислен к лику святых РПЦ.

чиками. По документам городового магистрата известны, например, имена мастеровых людей, принимавших участие в 1764 году в восстановлении Знаменского монастыря: купец Исайя Ананьевич Афанасьев подрядился за год вставить в Троицком храме оконные рамы[61]; купец-«штукатур» Фрол Резанцев взял на себя обязательство «церковь Божия Знамения и колокольню штукатурством снаружи подмазать и украсить»[62]. Известен и изготовитель иконостаса «с фундаментами» в храме Знамения — «города Осташкова купец иконостасной работы мастер Сисой Изотов»[63]. Готовился иконостас в Ростове. В 1773 году крышу Ахтырской соборной Покровской церкви железом покрыл курский мастер Иван Безчетвертной[64]. Возможно, эти же мастера принимали участие и в строительстве Сергиево-Казанского собора.

К сожалению, Сидор Иванович не увидел освящение построенного им храма в 1762 году, при участии преосвященного Иоасафа (Миткевича)*, епископа Белгородского — строитель умер 10 мая 1760 года, сорока лет от рождения[65]. Его жена Агафья Фотиевна оказалась недюжинной женщиной, она продолжила дело мужа и всего семейства: изготовление и торговля глиняной посудой в надомной лавке, строительство Казанской церкви, поддержание порядка в семье — а это требовало больших физических и духовных сил. История Курска знала примеры таких подвижниц. В середине XVII века на Курском посаде вдова Лукерья Белевцова владела кузницей, а вдова Авдотья Можайкина — торговой лавкой[66]. На протяжении почти двух десятилетий они успешно вели свои дела и исправно, наравне с мужчинами, платили налоги. Надзирая за строительством храма, Агафья Фотиевна иногда брала с собой и малолетнего сына. Первые «Сказания» описывают следующее чудесное событие: «Во время строения сего храма однажды Агафия пошла на церковное здание, взявши с собою и сына своего, которому было тогда около семи лет, — и как взошла на здание, то он, отлучась от нея, по детской неосторожности *упал с высоты здания* на землю»[67] (курсив мой. — *В. С.*).

Даже искатель новых преданий и мифов о старце Серафиме, такой как Иоасаф (Толстошеев), не посмел упоминать слово «колокольня» ни в одном издании биографии старца, потому что в 1761 году она еще не существовала. Храм ведь строится для богослужения, а не для звона на

---

* *Иоасаф* (*Миткевич*; 1724—1763) — епископ Белгородский и Обоянский с 1758 по 1763 год.

пустом месте. И строятся православные церкви по отработанному многими поколениями мастеров методу: в теплое время года, ярус за ярусом, укрепляя стены коваными стяжками. Взглянув на массивное здание собора, невозможно представить, что строители в 1761 году возвели колокольню. Впервые упоминание о колокольне появилось в «Житии старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника» издания 1863 года, и не может служить первоисточником. Тем не менее падение «с высоты здания» обозначено, и какая бы высота ни была, и Божий промысел, и покров Пресвятой Богородицы в спасении отрока Прохора усматриваются. Добавлю, что в 1960-х годах часть жителей засекреченного города Арзамас-75 (Саров) проводила молебны либо на месте Дальней пустыни преподобного, либо по частным домам, либо на городском кладбище. В детской памяти отпечатались богослужения, проводившиеся около могилы у центральной аллеи, где на деревянном кресте висела икона, украшенная венчиками из фольги. Здесь можно было услышать интересные предания о старце. Самое памятное касалось его падения «с колокольни», из уст в уста передавался рассказ о падении отца Серафима с колокольни Саровского монастыря.

В литературе об истории Сергиево-Казанского собора время его строительства обозначено большим сроком. В 1752 году был заложен нижний храм во имя Преподобного Сергия, и только в 1778 году освящен верхний, в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы. 16 лет разделяют даты освящений нижнего храма и верхнего, что объясняют долгим изготовлением большого и сложного по технике исполнения иконостаса. Обычно, если предполагается установка сложной алтарной преграды, то храм освящается с временным иконостасом. Так было и с Казанской церковью: «В Курской городовой магистрат Курского духовнаго правления от управителя города Курска церкви Казанския Пресвятыя Богородицы Протопопа Максима Сонцова сообщение. Прошлаго 771 году августа 27 дня по присланному Ея Императорскаго Величества из Белгородской духовной консистории ко мне указу велено города Курска означенной церкви диакона Иоанна Касмина по представлению нашего курского Троицкаго девичьего монастыря игумении Епистимии с сестрами...»[68]

Из документа видно, что в августе 1771 года Казанская церковь была уже действующей, с утвержденным клиром.

Причем Сергиевская церковь и Казанская отделены друг от друга. До 1830 года войти в верхнюю Казанскую церковь можно было лишь по наружной открытой двухмаршевой чугунной лестнице. Только в 1830 году по проекту архитектора Грознова к колокольне была сделана пристройка с внутренними лестничными маршами. Вход в храмы стал единым, слились и названия: Сергиево-Казанский храм, а с 1833 года он стал Кафедральным собором епархии.

По материалам Городового магистрата выяснились и новые подробности строительства Казанской церкви. 29 января 1773 года архимандритом курского Знаменского Богородицкого монастыря Виктором и игуменом Обоянского Богородицко-Знаменского монастыря Сильвестром в канцелярию Городового магистрата направлен запрос о «утраченном города Курска с Казанской церкви Божественном Агнце»* и о проведении расследования происшествия. Выяснилось, что «...подлежит допросу той Казанской церкви ктитор** Антон Васильев сын Умрихин. О котором оной же Казанской церкви священник Иоанн Александров между протчим показал, что объявленной Умрихин определен был от курского купца Карпа Ефремова сына Первышева и где оной Умрихин находится... не ведает». На следующий день в Городовом магистрате купец Первышев показал: «При Казанской Пресвятыя Богородицы церкви ктитором Антон Васильев Умрихин определен от меня не был. А нахожусь при той церкви строителем я сам и для смотрения заготовленные мною ко оному церковному строению... Антон по кресному отцу Васильев сын... где находится неизвестен, а в доме моем ево не имеетца, да и прежде не живал в моем доме, а построенной близ церкви для Монастыревых людей избе»[69]. Сам Карп Ефремович проживал в своем каменном доме, рядом с Сергиево-Казанским храмом на улице, получившей вскоре по новому генеральному плану наименование Первышевская, в знак

---

* Агнец Божий, Божественный Агнец — символическое имя Иисуса Христа. Агнец евхаристический, согласно Полному православному энциклопедическому словарю — частица просфоры, вынимаемая во время проскомидии и преосуществляемая затем, во время освящения Святых Даров, в Тело Христово. Частица просфоры затем располагается на богослужебном сосуде — дискосе, по краю которого написаны слова Иоанна Предтечи о Христе: «Се, Агнец Божий, вземляй грехи мира».

** Ктитор — в древневизантийской и древнерусской церковной истории лицо, руководившее строительством храма.

признания его заслуг перед городом. Дом Карпа Ефремовича стоял в одной линии с каменными строениями купцов и мещан Фатеевых. Так они и записаны в ведомости: купец Иван Фатеев — купец Карп Первышев — мещанин Петр Фатеев — купец Петр Фатеев — мещанин Иван Фатеев (Мошниных в списке нет). Проживавшие рядом в деревянных домах Андриян и Иван Фатеевы вынуждены были переехать потом на Тускарскую набережную[70]. Такое большое фамильное поселение Фатеевых рядом с храмом объясняет то, что в начале 1900-х годов влизи храма проживал Евгений Ильич Фатеев, чьи воспоминания были использованы при обосновании версии расположения дома Мошниных рядом с храмом.

Итак, в 1773 году в Казанском (уже действующем) храме еще продолжаются, вероятно, отделочные работы, и руководит ими лично Карп Ефремович Первышев — ктитор храма. Можно предположить, что каменные работы были закончены в конце 1760-х годов, а вместе с этим выполнен и семейный обет Мошниных.

И, наконец, свидетельство, относящееся к 6 октября 1777 года. В этот день священник Казанской церкви докладывает о появлении в приходе, «означенной де Казанской церкви», старообрядца[71]. Существование прихода — неопровержимое доказательство действующего храма. Иконостас верхнего храма, сохранившийся до настоящего времени, выполнен в стиле рокайль. Процесс его изготовления очень трудоемкий. В зависимости от количества работников и от их мастерства работа над ним могла продолжаться два-три года и более. Рокайль — детище барокко, архитектурного стиля, перешедшего в XVIII веке на интерьеры помещений, а в храмах — на иконостасы. Удивительное смешение растительных орнаментов, геометрических фигур и объемной скульптуры. Стройные колонны, перевитые диковинными растениями, букеты цветов и злаков, гроздья винограда, парящие ангелы — все, покрытое позолотой, уходит тремя ярусами почти на 20-метровую высоту. Райское убранство иконостаса в теплом свете мерцающих церковных свечей подчеркивает постнические лики святых на потемневших иконах.

22 октября 1778 года в день празднования Казанской иконы Божией Матери при участии преосвященного владыки Агтея (Килисовского) состоялось торжественное освящение иконостаса верхнего храма — храма, который застроил Сидор Иванович Мошнин и закончила с близкими Агафья

Фотиевна. Спустя восемь лет Сергей Ларионов, описывая курские храмы, о Сергиевском храме заметил: «Сия церковь великолепием своим превосходит прочих всех»[72].

Автограф Прохора

Интересен вопрос о грамотности Прохора. «По времени отрок Прохор отдан был для обучения чтению и письму. Он был прилежен и показывал остроту ума»[73]. Из книги иеромонаха Сергия (Васильева) можно сделать вывод, что Прохор проходил обучение при храме самым распространенным способом — по Псалтири и Часослову. Этого было достаточно, чтобы прослыть грамотным человеком. Единственный автограф якобы отца Серафима можно видеть под портретом старца в издании Саровской пустыни 1863 года: здесь неуверенной рукой пожилого человека выведено «Иеромонах Серафим».

Монашествующие обязаны были ставить подпись, удостоверяющую их ознакомление с документом, например указом, либо согласие с решением общебратского собрания. За неграмотных ставил подпись кто-то из его окружения. Единственный документ с упоминанием, что «руку приложил иеромонах Серафим»[74], — только копия решения собрания братии, состоявшегося 12 ноября 1794 года и посвященного избранию на должность настоятеля иеромонаха Исайи (Зубкова). Видимо, отец Серафим участвовал в собраниях крайне редко, а этот автограф взят из неизвестного монастырского дела последних лет жизни старца. Найти оригинал не удалось. Также пока не удалось обнаружить ведомость с подписями монашествующих Саровской пустыни, принявших присягу на верность императору Николаю I в 1825 году, документ, который был обязателен для всех без исключения.

В 1991 году в 12-м номере «Журнала Московской патриархии» опубликована статья Галины Гуличкиной «Автограф преподобного Серафима Саровского»[75]. Предполагаемый автограф отца Серафима хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. В собрании рукописей и книг Троице-Сергиевой лавры, в рукописи «Правило общежительной Саровской пустыни»[76], на ее последней странице скорописью записаны семь поучений монашествующим. Они интересны первозданной чистотой, передающей слог и манеру речи Серафима.

Вспоминается «Беседа преподобного старца Серафима с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни», в которой по тексту разбросаны некоторые сведения о старце. В частности, Мотовилов отметил особенность его речи: «Вот я, убогий Серафим (батюшка произносил свое имя, как все куряне — жители Курска — не Серафим, а "Серахвим")...»[77]

Диалектный говор жителей Курска и его округи, относящийся к южнорусскому наречию, представляет собой удивительное явление в русском языке. Вот как, например, отец Серафим мог произносить слова, в которых в конце слова и перед согласными звук «г» заменялся на «х»: снех — снеха, вместо снег — снега. Или в начале слова перед согласными происходила замена «в» на «у»: вдова — удова, вперед — уперед, в дальнюю — у дальнюю и т. д. Как уже отмечено выше, звук «ф» заменялся на «хв»: фамилия — хвамилия, имена своих близких родных Агафия и Феодосия преподобный произносил как Агахвия, Хвеодосия. Употребление деепричастий с суффиксами -ши-, -мши-, -ши, произносилось, например: не евши, привыкши[78]. Особенности простой, народной речи преподобного не донес ни один его современник. Теперь можно только предполагать о том, как бы Прохор сказал о своем приходе в Саровскую пустынь, которое состоялось накануне праздника Введения Пресвятой Богородицы во храм: «С Курска Введенье пришедши!» О встрече в лесу с медведем: «У лису ведмедя устретил — бойный!»

Поиски свидетельств земной жизни преподобного продолжаются, продолжаются и работы по реконструкции народного диалекта в научно-исследовательской лаборатории по изучению курских говоров в Курском государственном университете, с помощью которой удалось выяснить новые сведения о разговорной речи преподобного.

Возвращаемся к архивному документу, к поучениям старца Серафима:

«[1.] Учись умной молитве сердечной, как учат св. отцы в Добротолюбии: ибо Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к небу.

[2.] Учись творить молитву чрез ноздреное дыхание, с сомкнутыми устами, это искуство есть бичь противу плоти и плотских похотений.

[3.] К обыкновенной Иисусовой молитве прибавляй Богородицею помилуй мя.

[4.] Одна молитва внешняя недостаточна. Бог внемлет

уму, а потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву со внутреннею, не монахи а черные головешки.

[5.] Бойся как геенскаго огня галок намазанных [женщин] ибо оне часто из воинов царских делают рабами сатаны.

[6.] Помни, что истинная мантия монашеская, есть радушное перенесение клеветы напраслины: нет скорбей нет и спасения.

[7.] Все делай потихоньку полегоньку и не вдруг добродетель не груша ее вдруг не съешь».

В собрании, где обнаружены поучения, хранится и личная библиотека наместника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Антония (Медведева). Вероятно, и эта рукопись хранилась у него. Лист является частью сброшюрованной и переплетенной книги, в которой есть и само «Правило», и последняя страница, написанная другой рукой, под заголовком «Отца Серафима слова». И, несомненно, самим наместником добавлено:

«...и его рукою написаны.

Л.[аврский] Н.[аместник] Ар.[химандрит] *Антоний*».

По версии публикатора, приписка удостоверяет подлинность автографа. Но так ли на самом деле? Что это за поучения? На поверку они не в полном объеме воспроизводят поучения из письма Балаклавского архимандрита Никона иеромонаху Иоасафу (Толстошееву) от 17 декабря 1865 года, в котором он описывает свои встречи со старцем Серафимом в 1827 году, во время одной из которых старец, предваряя наставления, сказал: «...смотри напиши следующие слова мои, не на бумаге, а на сердце»[79]. То есть отец Серафим не записывал их лично. Но наставления были известны у монашествующих не одной только Саровской пустыни: архимандрит Никон записал их, и они затем неоднократно переписывались братией. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде Оптиной пустыни хранится дело под названием «Правила старца Серафима Саровского». Рукопись явно второй половины XIX века выполнена на бумаге с фабричным тиснением. «Старца Серафима преподание», как его называют в этой рукописи, дано в полном объеме (как и в письме архимандрита Никона). Вот первые два поучения, пропущенные в рукописи из Троице-Сергиевой лавры:

«1. Каждодневно выметай свою избу, да имей хороший веник.

2. Станови утром и вечером самовар, да грей воду, подкладывая углей, ибо горячая вода очищает тело и душу»[80].

Рукопись Троице-Сергиевой лавры состоит из пятидесяти четырех листов. Вместе с поучениями и «автографом» она написана на бумаге, имеющей в левом верхнем углу штемпель бумажной фабрики «Троицк. фабр. Говарда № 4».

Метод слепого тиснения фабричного штемпеля получил распространение в первой четверти XIX века, но наиболее широко применялся во второй его половине. Фабричный штемпель помогает в определении времени написания документа. Согласно трудам исследователя бумажного производства С. А. Клепикова, указанный штемпель применялся не ранее 1850 года[81]. Анализ переписки между Саровской и Оптиной пустынями позволяет сделать вывод, что личная переписка велась на бумаге с тиснением, но указанного клейма на ней не обнаружено. (Исследован период с 1818 по 1860 год, но следует оговориться, что это не стопроцентный охват по документации.) Бумагу такого качества использовали при переписке книг и рукописей. В рукописном собрании Саровской пустыни, хранящемся в РГАДА, обнаружен труд иеромонаха Авеля (Ванюкова) «Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки в ней подвизавшиеся»[82]. Рукопись интересна тем, что написана на бумаге с интересующим нас клеймом (существует разница только в оформлении внешней рамки штампа, несколько листов с очень похожим тиснением оказались нечитаемы) и надписью: «Принадлежит к числу книг Библиотеки Саровской 1856 года марта 14 дня». В архивах Нижегородской области выявлено наличие штемпеля фабрики Говарда в переписке губернского правления с учреждениями города Москвы. Документы датированы концом 1850-х — началом 1860-х годов. Едва ли есть основания утверждать, что бумага произведена еще при жизни отца Серафима и пролежала почти 20 лет на складах.

Теперь сопоставим некоторые факты. Иеромонах Авель, бывший послушник Саровской пустыни, уже находясь в Троице-Сергиевой лавре, в середине 1840-х годов начал сбор материала по истории Саровской обители. Первое издание книги «Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки в ней подвизавшиеся» увидело свет в 1853 году. 20 ноября 1854 года в Саровскую пустынь из Троице-Сергиевой лавры прибыл иеромонах Авель «на жительство»[83]. Но уже в феврале 1856 года митрополит Филарет дает согласие на его возвращение по собственному желанию обратно[84]. Во время поездки Авель и мог записать эти наставления.

При сравнении почерка Авеля из архивного дела и «автографа» явственно видна одна рука[85] — рука иеромонаха Авеля. Этот инок писал буквы «т», «ц», «р», «ф», «в» очень своеобразно, эти особенности видны и по заголовку «Отца Серафима слова». Ниже заголовка Авелем в печатном написании воспроизведены поучения. Как ни старался отец Авель, отдельные буквы текста поучений совпадают с написанием букв заголовка и особенностями его почерка.

Еще интересный вопрос: как рукопись попала в собрание книг архимандрита Антония? В очередной раз нам поможет архив Троице-Сергиевой лавры в хранилище РГАДА. Первое дело говорит о крупном поступлении в лаврскую библиотеку книг из частных библиотек монашествующих. 3 февраля 1865 года наместник лавры архимандрит Антоний передал 1400 печатных и рукописных книг. 23 сентября отец Авель принимает на себя великую схиму и жертвует для всеобщего пользования 782 книги, оставив для себя только самое дорогое[86]. Когда 24 мая 1869 года отец Авель скончался, при описи его имущества отмечены 12 книг, а под номером 10 — «"Правило Саровской пустыни", писанное полууставом, в кожаном переплете»[87]. Это именно то, что нас интересует. После смерти Авеля книга перешла в пользование архимандрита Антония. Берем в руки дело со скорбным извещением о смерти отца Антония, наступившей 12 мая 1877 года, и в описи вещей находим рукопись: «Правило Общежительныя Саровския пустыни настоятеля или единаго от братии, полуустав в 4-ю долю, в сафьяне. В конце изречение о. Серафима об умной молитве»[88]. Круг замкнулся.

Кто смог убедить наместника в принадлежности автографа старцу Серафиму, предполагать трудно. Вывод один: это все же не автограф преподобного Серафима Саровского.

Недавно в опубликованных записках Николая Александровича Мотовилова обнаружена интересная и, как сначала показалось, нерадостная запись[89]: «Я, Ваше Боголюбие, — обращается старец Серафим к Мотовилову, — плохо учен грамоте, так что с трудом подписываю мое имя, а грамматике и вовсе не учился, однако же читаю не только по церковной, но и по гражданской печати борзо и так скоро, что книги по две или по три мог прочитывать и прочитывал в сутки. А память такую имею от Господа мне данную, что, пожалуй, могу вам от доски до доски все наизусть прочитать — такую сильную память Господь Бог мне изволил пожаловать. Так я хотя и плохо учился грамоте, а

грамматике и вовсе не учился, но знаю очень много и более многих ученых мужей, потому что много тысяч книг содержу в свежей памяти, да и даром премудрости и рассуждения, свыше от Него подаваемого, Господь Бог после всех страданий, что я ради имени Его Святого в жизни моей претерпел, меня обильным благословить изволил. Я вашему Боголюбию скажу просто, почти наперечет, сколько и где я книг перечитал, чтобы вы и сами видеть могли, что я в Писании Церковном и светском силен таки довольно. В нашей саровской библиотеке, мню я, тысяч пять с половиною будет экземпляров, а в иных, как, например, в Ролленевой истории, перевод Третьяковского тридцать томов. И я всю нашу библиотеку прочитал, так что даже и книги о системах миров и даже Алкаран Магометов[90], и другие подобные книги читал. В иных книгах, вот, например, у Третьяковского, тяжел язык, но я смысла добивался, мне хотелось все узнать, что на земле делается и что человеку Бог на веку своем узнать допустил, потому что подобает и ереси знать, да их не творить, и сам Господь говорит в Библии: Егда умножится ведение, тогда откроются тайны; у господина Соловцева* — две тысячи пятьсот книг русских, и их прочитал все до одной; у Аргамакова** господина — тысячи полторы книг, и его библиотеку всю прочитал; у княжен Бибичевых*** — они благодетельствуют же Саровской пустыни — и их книги все прочитал; у братий и отцов святых нашей обители у кого тридцать, у кого семьдесят все брал на прочтение и все прочитал. Неудержимая, ваше Боголюбие, была у меня охота к чтению, и все эти книги прочитал, духовные и светские, и все хорошо обсудил, потому что я не столько читал, сколько рассуждал о прочитанном и все соображал, что и как получше бы для Богоугождения сделать. Ну, так вот я вам в подробности сказываю, что уже не знаю, кто еще на русском языке, по церковной и гражданской печати, так много читал. И это не велехвалясь говорю, а чтобы вы знали твердо, что я много на земле сущего знаю, а Бог и

---

* *Соловцовы* — братья Александр, Африкан и Петр Степановичи — помещики села Леметь Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Благотворитель Саровской пустыни, Петр Степанович, окончил свой жизненный путь монахом этой обители. Все похоронены на монастырской площади рядом с соборным храмом Живоносного Источника.

** *Аргамаковы* — владельцы села Хозина Ардатовского уезда. Благотворители Саровской пустыни.

*** *Бибичевы* — благотворители Саровской пустыни.

недоведомые тайны Свои сверх того открывает, как и о вашей жизни открыл».

Слова старца Серафима о его незнании русской грамматики, как приговор, казалось бы, перечеркнули надежды на обнаружение писем или автографа преподобного. Но это не соответствовало действительности.

В РГАДА, в фонде Курского городового магистрата, обнаружено дело о земельной тяжбе Агафьи Фотиевны Мошниной, ее детей Алексея и Прохора, со своим соседом Петром Ишуниным. О тяжбе будет рассказано позже, для нас более интересно другое: дата и порядок написания документа и, главное, кто его подписал.

Прошение семьи Мошниных в Курский городовой магистрат написано в апреле 1774 года, когда Прохору еще не исполнилось двадцати лет. Далее, прошение составил на гербовой бумаге канцелярист магистрата, а вот подписали документ все члены семейства по правилам делопроизводства тех лет — либо руку приложили лично, либо по неграмотности, при свидетелях, документ подписывал грамотный человек: «К сему прошению сержант Василей Декарев вместа вдавы Агавьи Машниной по ея прошению руку приложил. К сему прошению курской купец Аликсей Машнин руку приложил. *К сему прошению курско купец Прохор Машнин руку приложил*»[91] (курсив мой. — *В. С.*). Вместо Агафьи Фотиевны расписался охранник магистрата, вместе с братом Алексеем «руку приложил» и Прохор. Автограф, казалось бы, обнаружен. Но следует помнить, что рукоприкладство не всегда являлось свидетельством грамотности подписавшего: не умея читать и писать, многие просто заучивали подпись. В те времена, когда прошения, объявления, жалобы и другие бумаги составлялись служителями канцелярии, — уметь больше и не требовалось.

Вопрос грамотности курского посадского населения изучен мало. О существовании в первой половине XVIII века школ в Курске неизвестно. Первое упоминание о «латинской» школе за Куром и об ее учителе Иване Златницком обнаружено в документах Городового магистрата за 1772 год[92]. В 1780 году «от генерала порутчика курскаго наместничества правителя и кавалера Петра Свистунова городничему Белобокову»[93] предписано «стараться» об установлении народных школ для детей разночинцев.

Когда Прохор достиг семилетнего возраста, наступила пора приняться за учение. Купеческие дети обучались письму, чтению и счету дома с помощью наемных учителей или старших братьев либо в приходской церкви.

В архиве Оптиной пустыни, в воспоминаниях преподобного Антония (Путилова)* рассказывается о домашнем обучении. Они относятся к началу 1800-х годов, но могут служить примером того, как проходило обучение грамоте в купеческой семье семилетнего мальчика:

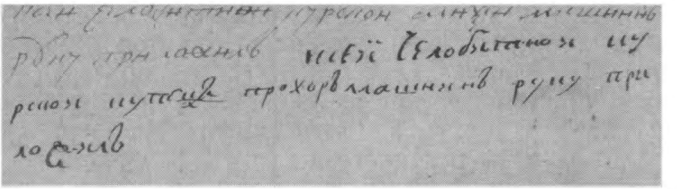
«1802 г. В этом году продолжал я учиться; часослов выучив и оной утвердив, наконец, начал учить псалтирю.

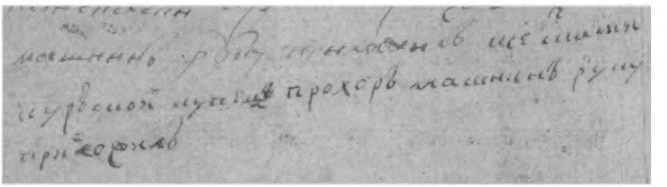
1804 г. В начале сего года, призвав Бога в помощь, начал я учиться писать слова под руководством брата моего Кирилла, что и продолжал чрез весь год»[94].

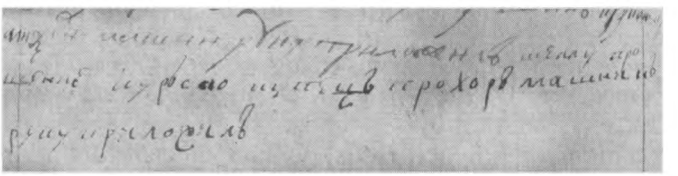
Обучение детей купеческого сословия происходило в

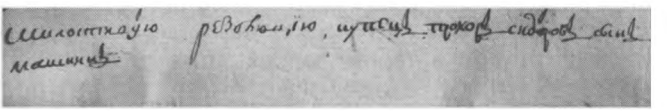
---

* *Антоний* (*Александр Иванович Путилов*, 1795—1865) — схиигумен, преподобный. Родился Великим постом, в пятницу, во время Преждеосвященной литургии в городе Романове Ярославской губернии в купеческой семье. Следуя по стопам своих старших братьев Ионы и Тимофея, 15 января 1816 года вступил в Оптину пустынь. 2 февраля 1820 года в понедельник Сырный на праздник Сретения Господня послушник Александр был пострижен в монашеский чин иеросхимонахом Афанасием, восприемником от Евангелия был отец Моисей (Путилов). 3 июня 1821 года отец Антоний по благословению епископа Калужского Филарета основывает при Оптиной пустыни уединенный скит. 24 августа 1823 года рукоположен в сан иеродиакона преосвященным Филаретом епископом Калужским. «В день Святой Пасхи иеромонах Антоний (то есть — 29 марта 1836 года, вспоминает сам старец. — *В. С.*) в самую полночь поспешая из Скита в обитель к утренней службе, — крепко ушиб себе ногу об дубовый пень. От ушиба за раз приключилась рожа, которая по незнанию разтравлена была примочками; сделалось сильное воспаление, и потом обратилась в скорбутическую болезнь и открылись раны сперва на одной, а потом и на обеих ногах» (ОР РГБ. Ф. 214. Д. 304. Л. 64). 6 декабря 1839 года вступил в должность настоятеля Николаевского Черноостровского монастыря близ города Малоярославца. Своей подвижнической жизнью снискал славу этой обители, которую в июне 1850 года посетили Н. В. Гоголь и М. А. Максимович. «В прошедшее время писавши к Вам [старцу Моисею (Путилову)], запамятовал я упомянуть Вам, что были в Обители нашей двое Ученейших профессоров — Г. Гоголь и Максимович, которые хотели быть и у Вас; оне спрашивали у меня нет ли каких либо исторических сведений о Монастыре, о которых к удовольствию публики могли бы оне понести их в своих изданиях, и просили приготовить ко времени возвращения их из пути к Августу месяцу, но удовлетворить их не имею чем» (ОР РГБ. Ф. 213. Карт. 89. Д. 20. Л. 253). Отец Антоний находился в настоятельской должности до 1852 года, когда по болезненному состоянию написал прошение об увольнении и помещении в больницу при Оптиной пустыни. 9 марта 1865 года принимает великую схиму. Решением руководства РПЦ 26 июля 1996 года преподобный схиигумен Антоний (Путилов) причислен к лику местночтимых святых Оптиной пустыни.

Челобитная курских купцов Алексея и Прохора Мошниных на имя императрицы Екатерины II о даче им выписки из крепостной книги. *Январь 1774 г. РГАДА. Ф. 520. Оп. 1. Д. 7248. Л. 1 об. Фрагмент с автографом Прохора Мошнина*

Сказка курских купцов Алексея и Прохора Сидоровых детей Мошниных об утрате данной на двор. *Январь 1774 г. РГАДА. Ф. 520. Оп. 1. Д. 7248. Л. 4 об. Фрагмент*

Прошение в Курский городовой магистрат купеческой жены вдовы Агафьи, купцов Алексея, Прохора Сидоровых детей Мошниных по земельной тяжбе с купцом Петром Ишуниным. *Апрель 1774 г. РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1129. Л. 17 об. Фрагмент*

Доношение курского купца Прохора Сидорова сына Мошнина на имя императрицы Екатерины II о желании пострижения в монашество в Саровской пустыни. *Август 1781 г. РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1445. Л. 4 об. Фрагмент*

возрасте от семи до десяти лет, далее они вынуждены были осваивать школу купеческого мастерства, от которого зависела судьба семейного дела.

Прохор Мошнин действительно прошел курс обучения счету, русской грамоте, умел читать и писать. Подтверждением служит находка еще одного его автографа, документа, относящегося к августу 1781 года, в котором Прохор просит Городовой магистрат об увольнении его в монашеский чин. «Доношение» писал послушник Саровской пустыни Петр Егоров Пятницкий. Документ разделен на три части, и каждая подписана: «*К сему даношению / купец Прохор Сидоров сын Машнин / руку приложил*»[95] (курсив мой. — *В. С.*).

Первый автограф исполнен несколько нервно, торопливо, с потерей окончания в слове «курской», что, вероятно, можно объяснить неприятными судебными разбирательствами тех лет. Второй автограф написан твердой рукой. Сравнивая их, можно уверенно сказать — человек, взявший в руки перо, представлял, о чем будет писать. Итак, сравним находки. 1-й автограф: «К сему прошению курско купец Прохор Машнин руку приложил». Второй автограф: «К сему даношению купец Прохор Сидоров сын Машнин руку приложил». Можно выделить специфические, присущие одному лицу признаки написания букв «к», «р», «п», «ц», «м». В то же время различное написание знака «ъ» и явные отличия в тексте заверяющих подписей являются подтверждением не механического письма, не рисования, а осознанного письма. Можно уверенно сказать о том, что преподобный Серафим Саровский был грамотным человеком, и подтверждением тому являются документы, подписанные им лично.

Беседа Мотовилова с преподобным Серафимом состоялась 4 сентября 1832 года, за четыре месяца до смерти старца. Объяснить признание преподобного в своей неграмотности сложно, но все же попробуем ответить на этот вопрос в главе, посвященной личности Николая Александровича Мотовилова.

Родословие семьи Мошниных. Продолжение

По материалам ревизских сказок находим, что дети Ивана Евсеевича — Максим, Антон и Сидор — обзавелись семьями и проживали в Ильинском приходе. У Сидора Ивановича (1720—1760) и Агафьи Фотиевны (1725—1800)

родились дочь Прасковья 1750 года рождения, сыновья Алексей (1752) и Прохор (1754)[96]. Сидор Иванович умер 10 мая 1760 года, чин погребения совершил священник Ильинской церкви Петр Колмаков[97]. Ненамного пережила сына его мать Федосья Максимовна, она умерла в 1764 году. В 1771 году Прасковья Сидоровна отдана замуж за мещанина Гавриила Степановича Колошинова (1753—1789)[98]. Она переехала к мужу и проживала в Покровском приходе. У них родились три девочки и один мальчик. Этот факт до настоящего времени был неизвестен. Старшая дочь Елена (1777—?), средняя дочь Анастасия (1778), затем родился сын Михаил (1781)[99] и, наконец, младшая дочь Евдокия (1787). Через два года после ее рождения Гавриил Степанович умирает.

Во время перепланировки города и расширения площади у Покровской церкви[100] было снесено 83 деревянных дома, среди них и дом Колошиновых. После того, предположительно, Прасковья с детьми переезжает к матери, Агафье Фотиевне. Думать так позволяют материалы переписи 1795 года, по которой семья Прасковьи записана на одном листе с семьей Агафьи Фотиевны. Перепись 1811 года не учитывала женской половины населения, да и по мужской линии данных о Михаиле найти не удалось, и продолжить это родословие пока невозможно. Как неожиданно родословная линия получила продолжение, так неожиданно и пресеклась.

Значительно больше данных собрано о семье Алексея Сидоровича. Благодаря работе Григория Бочарова это наиболее изученная ветвь родословной Мошниных. В начале 1770-х годов в семье Агафьи Фотиевны происходят большие перемены. В 1771-м дочь Прасковья выходит замуж, возможно, в этом же году или ранее женится сын Алексей и приводит в дом купеческую дочь Марию Ивановну Ситникову. В следующем, 1772 году у Алексея и Марии рождается дочь Дарья, еще через год дочь Матрена. Сын Иван рождается в 1780-м, в 1783-м дочь Мавра и, наконец, в 1794-м — сын Семен[101]. Но семья и теряла своих членов. 29 февраля 1800 года на семьдесят пятом году жизни скончалась Агафья Фотиевна[102], она была погребена на кладбище при Успенской Ахтырской церкви, прихожанами которой к тому времени стало семейство Мошниных. Этот високосный год принес еще одну утрату: в 24-летнем возрасте, в самом расцвете сил, умирает старший сын Алексея Иван. О дочерях Алексея Григорий Бочаров сообщает следующее: Дарья в

1792 году выдана замуж за купца Аксентьева, а после его смерти вступила во второй брак с Василием Васильевичем Михалевым. Мавра Алексеевна вышла замуж за Николая Бочарова. Подтверждений совместного проживания Дарьи в семье Аксентьевых и Мавры у Бочаровых найти не удалось, но при изучении родословия Михалевых был обнаружен интересный след. «Василья Дмитриева жена 3-го брака Дарья Алексеева дочь»[103]. То есть мужа Дарьи звали не Василием Васильевичем, а Василием Дмитриевичем (1753—1831).

Семейство Михалева было большим, и можно предположить, что последние два сына, Василий (1803—?) и Иван (1810—?), и дочь Мария (1810—?)[104] были рождены Дарьей Алексеевной. Это косвенно подтверждается тем, что братья Василий Васильевич Михалев и Иван Васильевич проживают вместе, холостяками. Материалы последней переписи 1858 года это подтверждают[105]. Бочаров о судьбе сына Алексея Мошнина Семена сообщает: «В 1838 г. дом с усадьбою был продан, и с того времени по смерть свою С. А. Машнин с семьею жил на квартирах, особенно долго он жил на Даншинской ул., в доме родственника Михалева, где и умер»[106]. Видимо, братья Михалевы и приютили Семена Мошнина, а дальнейшая судьба их неизвестна. Что же касается судьбы Мавры Алексеевны, то протоиерей Лев Лебедев* в статье «Загадка одного портрета» написал: «К счастью, в то время (1903 год. — *В. С.*) еще здравствовал 84-летний Василий Николаевич Бочаров, сын Мавры Алексеевны, одной из дочерей Алексея Машнина»[107]. Сведения почерпнуты Лебедевым со слов одного из потомков семьи Бочаровых. Василий Николаевич должен был родиться приблизительно в 1815—1825 годах. Были изучены материалы переписи 1816, 1834, 1859 и 1858 годов.

В 1816 году записано следующее: «Николай Алексеев сын Бочаров 32 (года от рождения. — *В. С.*). Василий — вновь рожденный. Екатерина Иванова 23 лет»[108]. То есть Василий Николаевич Бочаров, 1815 года рождения, которому в 1903 году должно исполниться 88 лет, нами обнаружен. Только мать его зовут Екатерина Ивановна, а такого имени и отчества в роду Мошниных нет. Продолжая изуче-

---

* *Лев Лебедев* (1935—1998) — протоиерей. Окончил исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. По окончании духовной семинарии в 1968 году принял сан священника. С 1974 года служил в Курске. В 1990 году перешел в Русскую православную церковь за границей.

ние родословия Бочаровых, обнаруживаем запись: «Андрей Казмин Бочаров 39 (лет от рождения. — *В. С.*). Сын Петр 6. Жена Елена Гаврилова 38. Его ж дочери Екатерина 8. Праскева 10 недель»[109]. Фамилия жены не указана, но год рождения — 1778-й — и инициалы говорят о том, что это может быть дочь Прасковьи Сидоровны Мошниной-Колошиновой. В 1850 году у Петра родился сын Василий[110], который, вероятно, и был тем Василием, о котором вспомнили много лет спустя и, как это бывает, многое перепутали. Получается, что о дочерях Алексея Ивановича Мошнина Матрене и Мавре мы ничего не знаем.

Достоверно разработана линия сына Алексея Ивановича, Семена. Предположительно в начале 1800-х годов он женился на своей ровеснице Наталье Ивановне (фамилия неизвестна). В 1815 году у них родился первенец Иван, умерший в 1817 году. Затем в 1822-м родилась Пелагея и в 1826-м — Екатерина[111]. По ревизским сказкам 1850 года Пелагея и Екатерина проживают в родительском доме[112]. Не изменилось семейное положение сестер и при проведении десятой ревизии в 1858 году[113], хотя к этому времени они находились в зрелом возрасте: 35 лет исполнилось Пелагее и 31 год Екатерине. 16 марта 1861 года в Преображенском приходе, на квартире у Михалевых, на шестьдесят седьмом году жизни умерла Наталья Ивановна. Пережив жену на два года, 21 июля 1863 года умирает и Семен Алексеевич[114]. После смерти родителей Пелагея и Екатерина, видимо сохранив девство, по примеру своего известного родственника, отправляются в монастырь в село Дивеево Ардатовского уезда Нижегородской губернии, носящий имя старца Серафима. В архиве города Арзамаса в списках монашествующих Серафимо-Дивеевского монастыря за 1881 год обнаружены Пелагея Семеновна и Екатерина Семеновна Мошнины. В монастыре они находятся с 1876 года. Как записано в монастырской ведомости: «Пелагея Семеновна по слабости здоровья послушания не несет, у Екатерины Семеновны послушание келейное»[115]. Младшая сестра Екатерина 5 марта 1881 года записана находящейся «при указе». 16 мая 1882 года пострижена в рясофор. Но только 20 ноября 1885 года, пятидесяти девяти лет от рождения, она была уволена из мещанского сословия города Курска для принятия монашеского звания[116]. Монашеского чина удостоена 25 мая 1887 года с дорогим для нее именем Серафима[117]. Старшая сестра Пелагея получила увольнение 20 апреля 1887 года, но, видимо, по состоянию здоровья закончила

дни в Серафимо-Дивеевском монастыре простой послушницей. Хочется отметить, что в записках дивеевских сестер воспоминания Пелагеи и Екатерины нигде не встречаются, а уж кому как не им быть носителями семейного предания о великом родственнике.

Что касается братьев Сидора Ивановича Антона и Максима, то отмечу малоизвестный факт, извлеченный Анатолием Танковым из исповедных росписей 1768 года. У Антона Ивановича и его жены Варвары Феогеновны было двое детей: «дети ея Петр 22 л., Агафия»[118], у Петра Антоновича после женитьбы на Мавре Афанасьевне Овсянниковой детей не было, и в переписи 1811 года в списке выбывших он записан под номером 66 как умерший[119]. Судьба Агафьи Антоновны неизвестна.

Максим Иванович — второй, старший брат отца Прохора по ревизской сказке 1782 года, не записан. Но в Ильинском приходе проживают его сыновья. Петр (1742—1806) тридцати девяти лет и жена Наталья Дмитриевна тридцати лет, дочь курского купца Михалева. Их дети: старший сын Максим восьми лет, Прокофий пяти, дочь Стефанида четырех и младший сын Карп «году»[120]. В ревизии 1795 года отмечено рождение в 1787 году еще одной дочери, Анны, а в начале 1795-го — смерть Натальи Дмитриевны[121]. По материалам последующих ревизий удалось выяснить, что Максим и Прокофий в 1800 году «отлучились» из Курска, и где находятся, неизвестно[122]. Как сложилась судьба дочерей Максима Ивановича, документы умалчивают. Больше известно о младшем сыне Карпе Петровиче, умершем в 1819 году. По ревизской сказке 1834 года у него записан сын Василий, «новорожденный» во время предыдущей переписи (1815)[123]. В 1846-м Василий отдан в рекруты, а дома у него остались сын Иван (1837 —?) и мать, вдова Акулина Никитична (1800—?)[124]. По ревизии 1858 года они записаны вдвоем[125] — внук и бабушка.

В Ильинском же приходе проживал и второй сын Максима Ивановича Иван (1747—1804). Первая его жена Евдокия Михайловна умерла в 1785 году, он женился второй раз на мещанской дочери Елене Андреевне Сазоновой. От первого брака у Ивана родилась дочь Елена (1783), от второго — дочь Дарья (1792—?) и сын Яков (1797—?)[126]. С Иваном проживала мать Дарья Григорьевна, умершая в 1786 году на семьдесят третьем году жизни[127]. Данных о смерти Максима Ивановича обнаружить не удалось, как и дополнительных сведений об этом семействе.

Следует сказать и о троюродном родстве преподобного. По мужской линии это двоюродный дед Трифон Евсеевич Мошнин (1705—1776), женатый на Ирине Ивановне Калугиной (1705—1769). Их дети (двоюродные дядя и тетя преподобного) Иван Трифонович (1738—1814), женившийся на Александре Потаповне Овчинниковой, и Евдокия Трифоновна (1749—?), замужем за Ксенофонтом Родионовичем Моисеевым[128].

Следующее поколение (троюродные братья и сестры): Никита Иванович Мошнин (1765—1810), Анисья Ивановна (1766—?), Аграфена Ивановна (1774—?), Иван Иванович (1779—1847), Наталья Ивановна (1784—?), Андрей Ксенофонтович Моисеев (1763—?), Евфимья Ксенофонтовна (1782—?), Иван Ксенофонтович (1784—?). Троюродные племянники и племянницы: Мавра Никитична Мошнина (1788—?), Дарья Никитична (1792—?), Анна Никитична (1793—?)[129]; Марфа Ивановна, Николай Иванович (1805—?), Иван Иванович (1825 — отдан в рекруты), Михаил Иванович (1833—?). По линии Моисеевых: Сергей Андреевич (1785—?) и Дмитрий Андреевич (1787—?)[130]. Троюродный внук и внучка: Федор Николаевич Мошнин (1833—?) и Анастасия Михайловна Мошнина (1857—?). Родственная ветвь младшего двоюродного деда Елисея Евсеевича Мошнина (1708—?). Дети: Федор Елисеевич (1727—?), Ульяна Елисеевна (1737—?) замужем за Филиппом Захаровичем Сорокиным (1730—1777)[131], Петр Елисеевич (1744—1778), женатый на Марфе Ивановне Бредихиной (1754—?). Далее троюродные братья и сестры: Татьяна Филипповна Сорокина (1756—?), Андрей Петрович Мошнин (1773—1831), Акулина Петровна (1774—?), Мария Петровна (1776—?), Наталья Петровна (1776—?).

Продолжение рода отмечено только у Андрея Петровича, женившегося на Марии Борисовне Грачевой (1775—?): дочь Анастасия Андреевна Мошнина (1795—?) и сын Петр Андреевич (1800—?). За отсутствием данных линия Анастасии не имеет продолжения. А у Петра Андреевича родились трое сыновей и одна дочь — троюродные внуки преподобного: Михаил Петрович (1822—1842), Василий Петрович (1826—?), Дмитрий Петрович (1834 — отдан в рекруты), Ольга Петровна (1837—?). На этой стадии также происходят утраты, и продолжение фамилии отмечено только у Василия Петровича: дочери Екатерина Васильевна (1845—?), Мария (1849—?), Дарья (1853—?), сыновья Николай (1847—?), Илья (1857—?). Троюродное родство по

материнской линии составляет не меньший по количеству список имен и теряется во второй половине XIX века.

После проведения десятой ревизии 1858 года следующая всеобщая перепись населения состоялась только в 1897 году. И хотя она проводилась очень организованно и опросные листы содержали большее количество вопросов, основной ее целью было накопление социально-демографической статистики. Результаты переписи по Курской губернии опубликованы организационным комитетом в 1904 году в виде общих статистических таблиц и диаграмм. Наиболее интересно, что опросные листы после обработки были уничтожены. Потому восстановление истории рода Мошниных второй половины XIX века возможно только по метрическим и исповедным книгам. Из-за плохой сохранности и утрат документов следует признать, что на этой стадии поиски могут оказаться безрезультатными.

Отеческий дом

О месте расположения родительского дома преподобного Серафима в городе Курске, где он родился и прожил 24 года, в первых «Сказаниях» говорится довольно расплывчато. Более определенно сказано в «Житии» 1863 года: «Жители города, по преданию, до сих пор знают это место и приезжающим указывают на него в числе местных особенностей, достойных внимания. Оно находится на Сергиевской улице*, в близком соседстве с храмом преподобного Сергия. Тут стоял собственный дом родителей о. Серафима»[132].

«Предание», которое, вероятно, выявил Николай Мотовилов, расспросив родственников, не отвечает точно на вопрос. Процесс поиска усложняется тем, что в Курске было три Сергиевских улицы, затем проведена кардинальная перестройка города Курска, после которой семья Мошниных переехала на новое место жительства.

В 1903 году Григорий Бочаров написал доклад, в котором сообщил: «Усадебное место, где родился преподобный Серафим, по рассказам его родственников, находилось сзади Сергиевской церкви, нынешнего Казанского кафедрального собора, но документальных данных добыть в архивах города Курска не оказалось возможным»[133].

* Ныне Можаевская.

Эту версию развил в 1990-х годах протоиерей Лев (Лебедев), но отсутствие архивных материалов не дало положительного результата. Хотя сам отец Лев посчитал свой труд заслуживающим доверия: «Надежды на уточнение не было почти никакой: ведь прошло более двухсот лет. Сколько всего изменилось! К тому же известно, что дом Машниных у ограды собора сгорел в пожаре 1781 года, когда преподобного Серафима уже не было в Курске и брат его Алексей с матерью Агафией Фотиевной переселился на новое место, у Московских ворот»[134].

В краеведческой литературе по истории Курска говорится о большом пожаре 1781 года, в котором сгорело более половины городских строений, в том числе и дом Мошниных. Насколько правдоподобно это утверждение, использованное в своем труде и отцом Львом?

В Государственном архиве Курской области в собрании документов Городового магистрата обнаружено дело под названием: «О случившемся в городе Курске пожаре и о протчем 1781-го года», в котором собраны документы расследования причин возникновения пожара в торговых рядах и его последствиях. В ночь с 25 на 26 августа загорелась харчевня купца Степана Михайловича Сыромятникова, располагавшаяся «по проулку лежащего от церквей Флора и Лавра* вправою сторону на углу смежности купцов от ряду лавок Карпа Первышева, а ззаде харчевенного двора Михайлы Сыромятникова»[135]. Сторож торговых рядов увидел пожар, когда огонь уже пробил крышу. Ночевавший в харчевне двенадцатилетний работник Каллистрат успел выскочить в окно, а случайный постоялец, однодворец Гаврила (фамилию назвать никто не смог) сгорел. Из-за большой скученности построек пожары наносили значительный урон городскому хозяйству и горожанам. Так и теперь от непотушенной свечи сгорело большое количество торговых лавок, на месте которых впоследствии были выстроены гостиные дворы. Ущерб впечатляет размерами: «Згоревших товаров в красном ряду на тритцать две тысячи пять сот восемдесят рублей, в овсяном и рыбном на дватцать восемь тысяч двести три рубли, в стеклянном на пять сот тритцать пять рублей, в табачном на шездесят рублей, в трактирах на пять тысяч шесть сот десять рублей, в харчевнях на четыре тысячи со-

* *Флор* и *Лавр* — Иллирийские мученики. В отдельных изданиях храм называется неправильно — Фрола и Лавра.

рок рублей. А всего на семьдесят одну тысячу дватцать восемь рублей»[136].

Как видно, пожар не имел катастрофических последствий для города, но многим купцам пришлось начинать дела заново. От пожара пострадала и семья преподобного. Деревянные «...строения во время бывшаго пожара згорело со всеми имевшимися в тех лавках товарами»[137], — описывает Алексей Мошнин его последствия.

В заключение своих рассуждений отец Лев делает вывод: «Итак, с восточной стороны дом Машниных тоже стоять не мог. Указание Василия Бочарова* оказалось весьма точным: двор Машниных северо-западным углом упирался в грань юго-восточного угла ограды собора. Теперь это двор дома № 13 по улице Можаевской. Здесь родился преподобный Серафим, здесь и жил до ухода в Саровскую пустынь»[138].

Во всех «Сказаниях» и «Житиях» преподобного говорится о Сергиевском приходе и, как оказалось, не напрасно. В 1765 году курскому купцу Матвею Лавровичу Полевому выдан документ «под строение двора и огорода»: «Заемное им Полевым в городе Курске в Сергиевском приходе из градской порожжей Государевой земли дворовое и огороднее место состоящее в смежности с таковымеж местами курских купцов. Идучи на оное из города Курска по Большой столбовой проезжей дороге по правою вдовы купецкой жены Агафьи Фатеевой дочери Машниной, а по левую стороны Максима Григорьева сына Мальцова»[139].

Из приведенного текста явствует — если идти от центральной Красной площади («из города Курска») вверх по Большой столбовой проезжей дороге, а сегодня это улица Ленина, то с правой стороны, в непосредственной близости к дороге, находилась усадьба, которой владела Агафья Фотиевна. Каким образом она стала обладателем недвижимого имущества — непонятно. Или это наследство от родителей, или это дом, купленный для того, чтобы быть поближе к строительной площадке Сергиево-Казанского храма? В документах за последующие годы упоминания об этом домовладении нет, скорее всего, оно было продано, например, для покупки торговой лавки или товара. Есть тема для размышлений и поиска ответа.

---

* *Василий Николаевич Бочаров* — предполагаемый родственник преподобного Серафима — 84-летний сын Мавры Алексеевны, дочери брата Алексея.

В книге «Преподобный Серафим Саровский: История рода», изданной в 2007 году в Курске, а затем в третьем издании книги «Преподобный Серафим Саровский: Предания и факты» мной было сделано поспешное и, как следствие, неверное предположение о расположении родительского дома. В ходе работы с архивными материалами Курской воеводской канцелярии, хранящимися в РГАДА, удалось обнаружить ряд документов, вносящих дополнительные сведения по данному вопросу.

В 1764 году Курская воеводская канцелярия, нижнее звено в системе местных учреждений управления города, осуществлявшее общий контроль его жизнедеятельности, предпринимает действия, направленные на упорядочение землевладениями посадских людей. В канцелярию начинают поступать обращения горожан с просьбой оформить земельный участок, находящийся под домом, садом, огородом, «захваченный» на порожнем месте, за домовладельцем. После осмотра землевладения горожанин выплачивал определенную сумму в казну и ему выдавалось свидетельство на дворовое место, еще его называли «данной».

17 декабря 1764 года датирована «Выписка о даче по челобитью города Курска Ильинскаго приходу вдовы Агафьи Машниной для владения взятым мужем ее Курским купцом Сидором Машниным под сад и овощ пустыми местами данной и о протчем»[140]. Налог брали по алтыну (3 копейки) с сажени. Под садом у Мошниных оказалось 8 сажень и за них оплачено 24 копейки, под огородом «четырнатцать сажень и с малым аршином»[141] — 43 копейки. Итого: 67 копеек.

После выхода на место свидетелей и измерения участков написан документ: «По Указу Ея Императорского Величества Курская Воеводская Канцелярия слушав дела и из Указов выписки по челобитью города Курска Ильинского прихода вдовы Агафьи Фатеевой дочери умершего Курского купца Сидора Иванова сына Машнина которым она объявила оным покойным мужем ее в означенном в Ильинском на Большем проезжем Московском переулке захвачено под сад лежащее впусте место которое стоит идучи из города по левую сторону в смежности идучи на то место з дворами с курскими купцами по правую Федоса Гапонцова а по левую Кондратья Мальцова а позади к другому переулку, да другое место захваченное порожжее ж под овощ идучи из города Курска по Белогородской дороге к Глинищу по левую сторону смежно с протчими жительми»[142].

Из этого дела узнаем, что у семьи Мошниных в 1760-е годы было место под огород, которое располагалось на правом берегу Кура, вдоль улицы Белгородской, впоследствии Херсонской, а ныне это улица Дзержинского.

Что касается сада, который располагался непосредственно на главной улице города Курска, то сегодня это улица Ленина, а ранее у нее было несколько наименований: Большой переулок, Большая столбовая проезжая дорога, Большой проезжий Московский переулок, Московская улица. Можно предположить, что сад был присоединен к уже имеющемуся домовладению Мошниных или в непосредственной близости к нему.

Дополнительные сведения обнаружены в РГАДА, в фонде 742 «Курская ратуша и Городовой магистрат», в котором находится дело о земельном споре Агафьи Фотиевны Мошниной со своим соседом Петром (Меньшим) Ивановичем Ишуниным*.

12 августа 1773 года Агафья Фотиевна подала в Городовой магистрат жалобу на Петра Ишунина о том, что еще в 1772 году «он Ишунин неведома с какова умыслу насильно сам собою завладел и местом и садом деда его (Сидора. — *В. С.*) Евсея Минайлова сына и мужа ее Сидора Машниных которым владели они с прошлого 1703 году по прошлой 1772 год... про что де знают курские купцы Харлам да Аким Терентьевы дети»[143]. Усадебное место, купленное Евсеем Миновичем, находилось в соседстве с Герасимом Рыбниковым и Иваном Добычиным.

А вот как в Большом переулке поселилась семья Ишуниных. Летом 1721 года посадский человек Сергей Белевцов продал свой двор с огородом и усадом «курченину» Ивану «Фентисову» Ишунину за десять рублей. «А по мере того моего дворового и огороднего места в длину сорок две сажени а поперек во дворе восемь сажень, а во огороде дватцать семь сажень, а хоромное строение изба клеть между ими сени разного лесу да особливо стоит клеть разного ж лесу да на огороде изба рабочая»[144]. Справа усадьба соседствует с хозяйством Ивана Черного, а слева — Дмитрия и Ивана Добычиных. По документам видно, в каком порядке располагались усадьбы посадских людей в этой части Большо-

* Приписка к имени эпитета «Меньшой» говорит о том, что в Курске проживал Петр (Большой) Иванович Ишунин. В ревизских сказках нередко можно было встретить трех братьев с именем Иван или двух дочерей, носящих имя Мария.

го переулка: Герасим Рыбников — Евсей Мошнин — Иван и Дмитрий Добычины — Иван Ишунин — Иван Черный. Во всех купчих не указан сосед по задней линии владений, что может говорить о его отсутствии либо о наличии оврага, болота, тупика.

Из переписки Агафьи Фотиевны с сыновьями с Курским магистратом узнаем о земельном разделе 1752 года между братьями Антоном Ивановичем и Сидором Ивановичем и о возникновении земельной проблемы между соседями: «Прошение. По учиненной прошлого 752-го году июня 24-го дня в Курске у крепостных дел умершим мужем моим а нашим отцом Сидором с братом ево Антоном раздельной записи после смерти мужа моего а нашего отца мы состоящим в городе Курске в выльинском приходе из доставшегося по разделу двора своего частию местом по мере в длину двадцатью восьмью саженями с половиною, в переднем восемью саженьми в средине во огороде толиком же числом да в заднем конце двенатцатью саженьми да на проезд двомя саженями прежде оной раздельной муж мой а наш отец а после ево мы владеем. И для таво за неимением из того места около состоящего на том в заднем конце месте разных древ саду в длину двенатцать впоперек семнатцать сажень места огорожи. Естьли жительствующей в соседстве с нами курской купец Петр Ишунин за неогорожею им из таво в длину из двенатцати впоперек из семнатцати сажень прежде сего и ныне половиннаго числа части места в силу Уложенного "10-й" главы 138-го пункта городить не станет то мы принужденными себе нашли то место все своим коштом в защищение того моего сада от повреждений скотом некоторых древ загородить; вследствие чего курского магистрата прошу сие мое объявление принять и о дозволении нам в наступившую весну за оными резоны все то место загородить а что причтетца за огорожу ево Ишунина места по сметке о приказании ему нам деньги возвратить. Впредь о городьбе ему таво места в защищение меня милостивое разсмотрение учинить. Апреля дня 1774-го году»[145]. Сидору Ивановичу досталось 28 саженей с половиной в длину, шириной восемь саженей впереди и в середине. В задней части — 12 саженей. К «задней» части примыкал еще сад «разных древ» — 12 на 17 саженей. Этот участок стал яблоком раздора, когда Петр Ишунин самовольно завладел им. Следует процитировать еще одну купчую. 3 мая 1772 года купец Трифон Евсеевич Мошнин — брат деда Прохора — продал «внуку своему курскому купцу

Петру Антонову сыну Машнину и наследникам ево в вечное владение крепостное свое отцовское дворовое и огороднее место... на Большом переулке в смежности с местами курских купцов по одну сторону вдовы Агафьи Фатеевой дочери Завозгряевой, а по другую с моим Трифоновым мерою в длину тритцать шесть сажень с полусажнем поперек в переднем семь сажень в заднем концах десять сажень казенной трехаршинной* меры»[146].

С 1721 по 1772 год на уличном порядке произошла смена владельцев. Усадьбы расположились в последовательности: Трифон Евсеевич Мошнин — Петр Антонович Мошнин — Агафья Фотиевна Мошнина — Петр (Меньшой) Иванович Ишунин. Антон Иванович Мошнин женился в свое время на Варваре Феогеновне Ишуниной, дочери посадского человека Феогена Петровича, проживавшего в Ильинском приходе. Проследить степень родства Варвары Феогеновны (1723—?) и Петра (Меньшого) Ивановича (1728—1790) не удалось, но оно существовало по следующим признакам. Земельная тяжба началась при покупке участка и переезде Петра Антоновича со своим семейством на родовое место, а семья состояла из матери Варвары Феогеновны (урожденной Ишуниной), жены Мавры Афанасьевны Овсянниковой (1757—?), Петра Антоновича (1747—?) и малолетней сестры Агафьи (1759—?)[147]. Во-вторых, при разбирательстве «сторонние люди в обыске показали, но одна ли она (А. Ф. Мошнина. — *В. С.*) после онаго Евсея и Сидора Машниных... к тому месту законная наследница и нет ли кроме ея других наследников и не о чужом ли она просит тож и оной Ишунин не имеет ли права завладеть тем местом. Из фармального суда всего того узнать не можно»[148]. Видимо, после купчей и поселения в Большом переулке Варвары Мошниной (Ишуниной) Петр Ишунин и задумал присоединить спорные земли к своей усадьбе. Пользуясь тем, что у Агафьи Фотиевны дети были молоды для противоборства — Алексею в 1772 году было 20 лет, Прохору — 18, алчный сосед огородил участок забором и даже высадил плодовые деревья.

Спорные вопросы о земле всегда решаются долго и тяжело. Бумажная волокита перерастала в нетрадиционные действия сторон:

---

* Одна сажень равна трем аршинам, или 2,134 метра (*Мозилевский Ц. А.* Межевой справочник. Практическая справочная книга для землемера. СПб.: Издание К. Л. Риккера, 1910. С. 33).

«Подана Мая 1 дня 1774 году...
В Курский магистрат от курского купца
Петра Иванова сына Меньшова Ишунина
объявление.

Умершаго курского купца Сидора Машнина жена ево Агафья Фатеева дочь коя жительство имеет со мною в соседстве не знаемо с какова умысла в небытность мою в доме в ночное время со многолюдстве озорнически имеющийся со двора моего плетень ценою четыре рубли подрубя стощили к ней на двор и на оном месте вновь огорожи строить недопущая чем делает мне немалую обиду»[149].

В этот же день (1 мая) служитель магистрата Василий Рудаков рапортовал о взятии Агафьи Мошниной «ко вопросу». Разбирательство было недолгим, и вот Агафья Фотиевна Мошнина посажена под арест. Событие, вероятно, вызвало шок в семье. Алексей и Прохор, оправившись от потрясения, приступили к освобождению матери. 5 мая Алексей от имени Агафьи Фотиевны пишет объяснение в Городовой магистрат: «Взята я во оной магистрат и содержусь в тюрьме под караулом неповинно тому ныне четвертой день»[150]. К нему приложено очередное прошение за подписью Агафьи Фотиевны и Алексея с Прохором, с просьбой разобраться в затянувшемся земельном споре.

Для подтверждения своих прав на землю братья Мошнины обращаются в Воеводскую канцелярию о выдаче копии с купчей на домовладение, документ датирован 16 января 1774 года: «...оная купчая незнаемо каким случаем утратилась потому что они после смерти отца их Сидора Иванова сына Машнина остались в малолетстве»[151]. Копия была выдана, по счастью, документ сохранился в архиве канцелярии.

Какие страсти могли кипеть вокруг земельных споров, можно судить по повести А. С. Пушкина «Дубровский» — документы на имение Дубровских сгорели, и это послужило началу настоящей войны между дворянскими родами.

Дело, из которого приведена цитата, замечательно еще тем, что в нем обнаружены и вводятся в научный оборот еще два автографа Прохора Мошнина (в настоящее время их выявлено уже четыре). На обороте первого листа находится его запись: «К сей челобитной курской купец Прохор Машнин руку приложил»[152]. На другом листе читаем: «К сей сказки курской купец Прохор Машнин руку приложил»[153].

Во время земельного спора между Мошниными и Ишуниным действовал указ Правительствующего сената от 13 июля 1767 года: на земли, имеющие владельцев до 1765 года, притязаний не рассматривать. А если, как заявила Агафья Фотиевна: «Я с мужем моим более дватцати лет а по смерти ево з детьми своими тем владение имела» — прав на землю у Ишунина не было. Надо думать, Агафья Фотиевна была освобождена, а разбирательство продолжалось еще год. В ходе его между соседями было достигнуто мировое соглашение, но Ишунин «...незнаемо для чего ко оной руки не прикладывал и не прикладывает; и выговаривает мне что я де с тобою хотя и помирился точию та челобитная недвижитца... и видно что он Ишунин стараетца своею натурою еще и боле меня обидеть и посадил у нас на моей земле сад... и я было на меже от его саду загородила тын, а теперь видя ево упрямство принуждена оной тын снять»[154]. Эту жалобу и новое прошение Агафья Фотиевна подала 20 октября 1776 года. Какие события происходили после — неизвестно.

Только дело закончилось полюбовным соглашением 11 ноября 1776 года: «Ныне мы Машнина и Ишунин поговоря меж собой полюбовно и разобрався в прозбу не входя более в суд и затруднение помирились с тем что я Машнина от своего взади крепостного дворового места от него Ишунина принадлежащего огороднего места казенной трехаршинной меры в длину двадцать два саженя в ширину в переднем конце восем сажен с малым аршином в заднем одинатцать сажен в средине семь сажен ко владению получила. А затем и мне Ишунину тако ж к таковому ж владению от того городнего места осталось в ширину в переднем конце семь сажен и два малых аршина в средине десять сажен в заднем конце пять сажен три четверти мерою аршина в длину дватцать сажен почему нам Машниной и Ишунину и наследникам нашим впредь друг на друга о том месте нигде не бить челом и никакими делы не вщиняя а мировыя пошлины платить нам пополам»[155]. Челобитную составил «пищик Михайла Умрихин», а подписали за Агафью Фотиевну сын Алексей, за Ишунина по его просьбе подписал подканцелярист Петр Костин.

Четыре года длилась тяжба, но не предполагали ее участники, что спустя еще пять лет им придется обживать усадьбы по новым планам и чертежам, а кому-то даже искать счастья на другой стороне. Дело в том, что 19 мая 1765 года императрица Екатерина II издала манифест «О генераль-

ном размежевании земель во всей империи»[156]. Во времена правления императрицы представители межевой конторы переезжали из одной губернии в другую для проведения работ по межеванию городов, селений и земель. Местные власти должны были предоставить квартиры для проживания землемеров, чернорабочих и воинскую охрану. В период размежевания с новой силой вспыхивали старые споры и тяжбы, потому воинская охрана из семи солдат и одного унтер-офицера на каждую партию были не лишними. Можно предположить, что работы по размежеванию Курска проводились во второй половине 1770-х годов. На основании собранных данных подготовлен «План губернскому городу Курску», утвержденный императрицей Екатериной 26 февраля 1782 года.

По плану город кардинальным образом менял свой облик. Вместо хаотичной застройки город разбивался на прямоугольные кварталы с прямыми улицами и переулками. По так называемой Генеральной линии город был разделен на части Нагорную и Закурную. В каждой были кварталы каменной застройки и деревянной. В Нагорной части предполагалось проложить 20 улиц, главная из которых «Большая Московская першпектива» — Московская улица. Закурная часть разрезалась двадцатью четырьмя улицами, во главе с исторически сложившейся Херсонской (Белгородской) улицей. На севере Нагорной части, перед въездом на Большую Московскую улицу, обустраивалась Московская площадь. Несколько площадей намечалось разбить у храмов. Главная площадь — Красная — расширялась, древний ров засыпан, деревянные здания снесены, а на их месте построены каменные административные здания и торговые ряды. Активное участие в претворении плана принимал губернский землемер Иван Федорович Башилов. Предположительно, ему принадлежит авторство названий улиц Первышевская — в честь купцов Первышевых*, Кодринская — по имени лейб-гвардии капитана Матвея Кодрина, Чикинская, Дружининская, Даншинская и т. д. 12 ноября 1784 года Башилов докладывал губернатору Францу Николаевичу Кличке: «Город Курск по Высочайше конфирмованному плану... в натуре

* По документам 1779 года Карп Ефремович Первышев записан в 3-ю купеческую гильдию. Сын Василий Карпович, двадцати шести лет от роду, с капиталом в 10 тысяч 100 рублей — купец 1-й гильдии (РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1429. Л. 62—67).

расположен; открыты вновь положенные улицы; и знатная онаго часть построена»[157].

Но до окончания перепланировки было далеко. В своем докладе Башилов отмечает трудности, с которыми приходится сталкиваться. Например, один новый двор может составляться из трех-пяти и более дворов. Хорошо, если три-пять и более владельцев решают вопрос переселения по «жеребьям»* или покупкой нового места. Большие проблемы возникают, если один из домов оказывается заложенным под вексель, тогда дело останавливается. Особенно затягивалось каменное строительство. Ввиду сложности проблемы городское начальство давало на обустройство каменной усадьбы десять лет.

Как обстояло дело с усадебным местом Мошниных? Лучше об этом сказать словами Алексея Мошнина: «...Ибо лешился... самаго выгоднейшаго крепостного своего дворового места кое отошло под улицу и хотя на место онаго и отведено ему другое, но в самом отдаленном и неудобном месте»[158]. Становится понятным, что через усадьбу и дом, в котором родился и проживал Прохор, прошла неизвестная улица. Земельные участки под улицу должны освобождаться в первую очередь, и в октябре 1782 года по «Ведомости: кому в городе Курске отведены места и для построения даны планы» под литером «Е» находим запись о том, где семейство Мошниных должно было заново обустраиваться: «На Большой Московской площади Купцу Алексею Мошнину жилой в том же деревянном квартале № 33 Мера сажень: длина 13, ширина 50»[159]. Неподалеку от Алексея, в 32-м квартале, получили место под застройку Петр и Иван Мошнины. Участки им были выделены размером 10 на 40 сажень.

В деле есть еще одна интересная «Ведомость дворам, ныне состоящим в городе Курске на Нагорной стороне. С показанием кто именно в каком месте жительство имеет. По плану настоящаго положения; и какое кто имеет строение и которое в ломку и для чего». Дворы записаны в последовательной нумерации:

«№ 108 Купца Василия Таратина Деревянные, в сломку под улицу.

№ 109 Мещенина Петра Машнина Деревянные, в сломку под улицу.

№ 110 Купца Алексея Машнина Деревянные, в сломку под улицу.

---

* То есть методом бросания жребия.

№ 111 Купца Петра Ишунина Каменная палатка.

№ 112 Купца Федора Ишунина в Каменном квартале»[160].

Если по материалам 1772 года усадьбы располагались порядком: Трифон Евсеевич Мошнин — Петр Антонович Мошнин — Агафья и Алексей Мошнины — Петр (Меньшой) Иванович Ишунин, то спустя десять лет изменений произошло мало. Вероятно, Трифон Евсеевич к этому времени умер и его усадьба продана Василию Таратину. Получается, что все три усадьбы, занимаемые ранее семейством Мошниных, уходят под прокладку новой улицы, а деревянные дома должны быть разобраны и перенесены на новые места. Каменный дом Петра Ишунина (с его каменной палаткой, то есть кирпичным амбаром или лавкой), видимо, вписался в новую застройку и остался на месте. Благодаря этому можно установить приблизительно место, где находилась усадьба Мошниных. Просмотрим ведомость Башилова «Регистер кто именно подаваемыми объявлениями для построения домов в городе Курске требует место и план и в каких кварталах, которой № и на каких улицах». В этом документе купец Петр (Меньшой) Ишунин просит оставить его на «своем собственном месте» в квартале № 18[161]. Этот квартал подпадал под категорию «Деревянных строений», но не следует забывать о «красной линии» улицы, то есть первый ряд строений по улице Большая Московская перспектива должен быть каменным. План Ишунину требовался по той причине, что дом или каменную палатку, построенные по линии старой улицы, вероятно, надо было перестраивать или перемещать согласно новым требованиям.

В городе Курске несколько раз менялась разбивка на кварталы, и в первом варианте нумерация начиналась от Красной площади и шла в сторону Московских ворот. Квартал № 18 заключался квадратом, образованным улицами: с юга улица Кондыревская (ныне улица Димитрова), с севера Большая Московская перспектива (улица Ленина), с востока улица Золотая (название сохранилось) и с запада улица Чикинская (упразднена).

В Государственном архиве Курской области хранится «План города Курска. На подлинном Всевысочайшая конфирмация подписана Ея Императорским Величеством “БЫТЬ ПО СЕМУ”. В С. Петербурге Февраля 26 дня 1782 года». План представляет собой копию с оригинала, сделанную 12 ноября 1906 года курским городским земле-

мером Д. Антоновым. План интересен тем, что на планируемую разбивку 1782 года наложен план города до генерального межевания. Для идентификации места расположения родительского дома преподобного Серафима у нас есть следующие аргументы.

Во-первых, утверждение Алексея Мошнина, что дом располагался на самом выгодном месте, предположительно, это главная улица города, которая имела несколько наименований: Большой переулок, Большой Проезжий Московский переулок и, вероятно, были еще варианты, а современное название — улица Ленина.

Во-вторых, известно расположение квартала № 18 на современной карте города, и нам интересен только отрезок улицы Ленина от улицы Золотой до перекрестка с улицей Кати Зеленко.

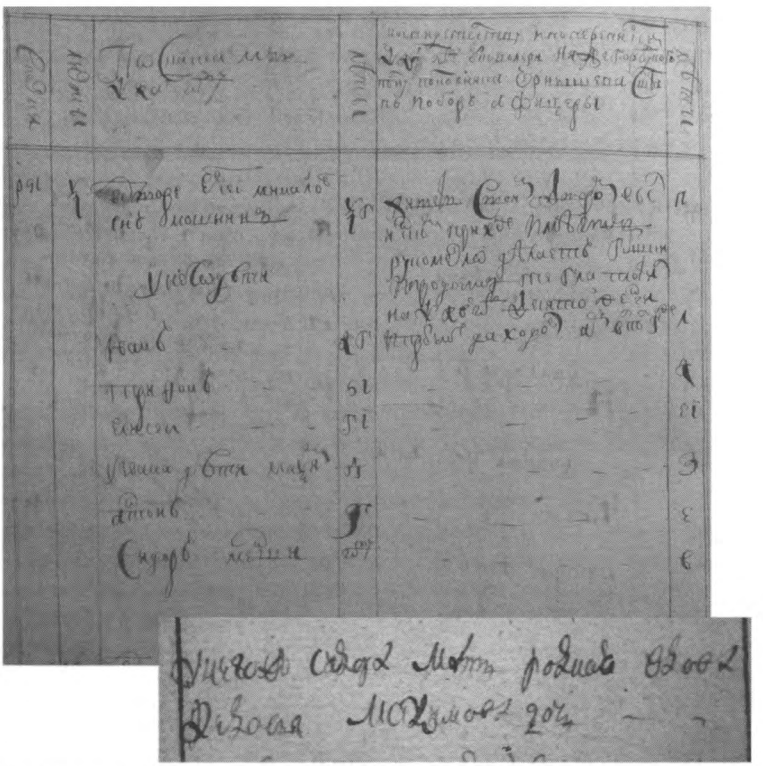
В-третьих, по карте 1782 года видно, что вдоль Большого проезжего переулка с южной стороны широкой дугой проходит рокадная улица, которая наиболее близко подходит к Большому переулку в северо-западном углу квартала № 18, и это может объяснять отсутствие соседей по задней границе домовладения Мошниных.

Исходя из этих сведений, выскажу свою точку зрения, что родительская усадьба, в которой родился и 20 с лишним лет прожил Прохор Сидорович Мошнин, на современной карте города находилась на отрезке улицы Ленина, на проезжей его части, несколько ниже торгового центра «Пушкинский» — ближе к Красной площади.

Как бы то ни было, но вопрос остается открытым и требуются дополнительные сведения для его разрешения.

Крестный ход и чудесное исцеление

1764 год памятен семье Мошниных двумя событиями. Во-первых, смертью бабушки Федосьи Максимовны[162]. Следует обратить внимание на отчество бабушки — до сих пор во многих «Помянниках сродников преподобного Серафима Саровского» и житийной литературе записано имя Наум как отец Федосьи. При тщательном изучении архивного дела «Ревизские сказки 4-й ревизии о купцах и мещанах города Курска», в котором записана и семья Агафьи Фотиевны Мошниной, обнаружена ошибка историков начала XX века, неверно расшифровавших запись писаря. Отчество родной матери Сидора Иванови-

Страница переписной Книги посадских людей города Курска за 1722—1727 годы. *РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1666. Л. 31 об.*

Ревизская сказка посадских людей города Курска. *1782 г. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 190. Л. 588. Во фрагменте документа видна ошибка в прочтении отчества бабушки Прохора (Федосья Максимова)*

ча Мошнина (бабушки Прохора) не Наумовна, а Максимовна.

Во-вторых, в 1764 году тяжело заболел десятилетний Прохор, а исцеление произошло чудесным образом. Ежегодно в девятую пятницу после Пасхи из курского Знаменского Богородицкого монастыря в Коренную Рождество-Богородичную пустынь шествовал крестный ход с чудотворной Курской Коренной иконой Божией Матери «Знамение». В 1764 году этот день выпал на 11 июня. Описывая это событие, отец Сергий (Васильев) отмечает, что во время крестного хода пошел сильный ливень. Место, где стоял дом Мошниных, шло под уклон, потоки воды хлынули на участников хода. Крестный ход повернул в сторону мощенной камнем центральной Московской улицы. «Для удобнейшаго шествия понесли ее (икону. — *В. С.*) чрез двор Прохора. Мать Прохорова, увидевши сие и обрадовавшись сему внезапному случаю, вышла на сретение Чудотворныя Иконы Божией Матери, неся на руках и больнаго отрока Прохора; она поднесла его к Иконе и дала ему приложиться к оной. По сем Чудотворная Икона перенесена была чрез него, и в то же время отрок получил чудесное и совершенное исцеление...»[163]

Согласно этому описанию и устоявшемуся мнению о расположении дома Мошниных под стенами Сергиевской церкви, современные исследователи пытаются выстроить цепочку события[164]. Ямской мост переносится ниже по течению Тускаря — ближе к Сергиевской церкви. Крестный ход, собиравший огромное количество паломников, вопреки здравому смыслу уходит с единственной мощеной дороги и шествует по второстепенной улице, а то даже огородами и садами по грязи. Так ли было на самом деле? Предположим, что улица в это время ремонтировалась, как было, например, летом 1777 года[165], но вероятнее всего, куряне проводили ремонт Московской улицы, не нарушая заведенного порядка проведения крестного хода и ремонт производился заранее.

Накануне хода в храмах Курска с 6 часов вечера начиналось всенощное бдение. В Знаменском монастыре торжественное богослужение возглавлял преосвященный владыка или архимандрит. Ранним утром следующего дня, перед торжественным выносом святой иконы, в храмах проводилась ранняя литургия. Литургия в Знаменском монастыре начиналась на три часа позже — в 8 часов утра — для того,

чтобы встретить на Красной площади и проводить икону могло большее количество богомольцев.

Вот как описана церемония крестного хода Белгородской духовной консисторией в 1791 году: «Архимандрит Курского монастыря *по древнему обыкновению* (курсив мой. — *В. С.*) должен с братиею и всеми священнослужителями градскими при пении и звоне провожать из монастыря до Московских ворот, а оттуда назначаются Курского же монастыря 3 иеромонаха, которые должны быть в оба пути ходу и на месте и в Коренной пустыни иметь прилежное смотрение о целости оной. По принесении же святой иконы к Коренной пустыни, строитель оной должен со всею братиею встретить и с пением препровождать в самую большую церковь. По окончании ярмарки должен он же строитель с подобающим пением провожать икону до назначенного места и отпустить с теми же тремя иеромонахами, а как св. икона на возвратном пути ночует в Ямской слободе, то архимандрит Курского монастыря с братиею и со всем священством при полном звоне должен встретить у Московских ворот и идти прямо в монастырь, поя молебен Пресвятой Богородице»[166].

Реконструкция происходивших 11 июня 1764 года событий такова: «по древнему обыкновению» святыня торжественно вынесена из Знаменского монастыря. Осторожно пройдя по деревянному Пятницкому мосту, перекинутому через древний ров*, процессия монашествующих присоединялась на Красной площади к ожидающим выноса богомольцам. Далее крестный ход прямым путем направлялся по булыжной мостовой Московской улицы к деревянным въездным воротам на Московской площади. По пути следования к процессии присоединялись новые богомольцы — все жаждущие духовного и физического исцеления шли навстречу Пресвятой Богородице. И Агафья Фотиевна с семейством ждала встречи с чудотворной иконой у своего дома, стоявшего как раз на пути крестного хода. Думаю, здесь и состоялась встреча болящего Прохора с иконой и Пресвятой Богородицей. Сильный дождь, разразившийся как раз в это время, заставил занести икону во двор Мошниных, под крышу. По окончании дождя крестный

* Деревянный мост имел длину 15 саженей и 1 аршин, ширину 2 сажени и 1 аршин. Глубина «ис Сухова рва» составляла 2 сажени и 2 аршина. «Зделан на клепках и уже весьма ветх». В 1780 году находился на казенном содержании.

ход продолжил свой путь через Ямской мост* и далее последовал выверенным годами маршрутом.

Как бы то ни было, но данный случай имел в судьбе Прохора большое значение и способствовал укреплению намерения принятия монашеского звания.

Родословие семьи Мошниных. Окончания нет

Курские фамилии Завозгряевых, Колошиновых, Ситниковых, Аксентьевых, Михалевых, Бочаровых и некоторых других, породнившихся в разные годы с семейством Мошниных, известны в той или иной мере. В ходе исследований удалось пополнить представленный список.

Некоторое время назад в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде Оптиной пустыни было обнаружено упоминание о смерти курского мещанина Ивана Михайловича, «родного (по отцу) деда своего старца о. Серафима», то есть еще одного неизвестного доселе внучатого племянника преподобного Серафима. Приводим этот документ из дела «Жизнь послушников и мирян, умерших в Оптиной пустыне».

«В ночь, на 8-е ч. Декабря 1876 г. скончался в новой монастырской больнице (второй покойник), Курский мещанин Иван Михайлов, старичок лет 80-ти. Служивший у Антимоновых** по торговой части, с поступления его

---

* Ямской мост существовал с середины XVIII века, а может, и ранее. Первое упоминание о нем относится к 1754 году. В тот год посадские в своих доношениях рассказывали о том, как ходили к мосту для битья уток, ловли рыбы, как наведывались в кабак «при том мосту» (РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 595. Л. 2, 4). В 1780 году Городовой магистрат произвел опись мостов, и вот что собою представлял Ямской мост: «Чрез реку Тускарь к Ямской слободе по тракту к Москве на содержании он казенном. В длину 36 саженей два аршина, в ширину два сажня два аршина, в высоту 5 аршин. Пришол в ветхость. На постройку коего не менея пяти сот рублей годовой суммы, а отпущаемо было по дватцати по два рубли в год для починки» (ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 8. Л. 106 об.).

** *Антимоновы* — старинный купеческий род города Курска, начинавший свое дело с торговли скотом и рыбой. Два представителя этой фамилии: Михаил Иванович (1807—1865) и Иван Иванович (1810—1894) закончили свою жизнь в сане архимандритов. Первый — отец Мелетий в Киево-Печерской лавре, второй — отец Исаакий, настоятель Оптиной пустыни. Отец Исаакий, видимо, был наслышан о старце Серафиме. В келье над его постелью висел портрет преподобного. И еще одна интересная деталь, отмеченная его келейниками. Во

23 Ноября в больницу, страдавший глухотой, водянкой и одышкой, затруднявшей его дыханию. По сложенным всегда, трем перстам правой его руки, узнали от него, что он по наставлению роднаго (по отцу) деда* своего, старца о. Серафима Саровскаго, проходит молитву Иисусову. Он пользовался советами и наставлениями старца, хаживал к о. Серафиму в пустыньку. Однажды, застал у него медведя, котораго кормил Старец, и испугался такого неожиданнаго гостя. Старец сказал ему: "не бойся, он ничего тебе не сделает, это мой послушник", и погладивши медведя по хребту, сказал зверю: "ну, ступай ты в свое место". Медведь удалился. Дедушка о. Серафим, так учил своего внука молитве Иисусовой, — вместо четок, которые ему, как мирянину не всегда удобно иметь при себе, то чтобы приучить себя к молитвенной памяти, иметь всегда сложенными три перста правой руки, и тем напоминать себе о Иисусовой молитве. Иван Михайлыч, так приобучил себя к этому, что впоследствии, от навыка пальцы его как бы сами собой складывались и напоминали ему наставление дедушкино. Бесам не нравилось такое занятие молитвой Ивана Михайлыча; в особенности, во время предсмертной его болезни, когда не мог он иметь сна, и с сложенными перстами, сидя страдал от занятия духа. По ночам, они безпокоили его разными представлениями, иногда являлись иностранцами в соломенных шляпах, приглашали на ярмарку, толпились в его келье, стучали и показывались в окно, и устрашали его разными скаредными рожами. При крестном же знамении, когда они, уже очень надоедят ему, и он осенит себя — они исчезали. Пред смертию, был он соборован и приобщен Св. Христовых Тайн. А 10-го Декабря, похоронили его на новом монастырском кладбище»[167].

Среди документов Оптинского архива, в деле под названием «Летопись скита», обнаружена первооснова описания смерти Ивана Михайловича[168], а спустя некоторое время установлена и фамилия таинственного «внука» по книге «Памятная запись о скончавшихся»: «1876 года

время болезни отец Исаакий лечился тремя благодатными лекарствами: приобщался Святых Тайн, пил по утрам богоявленскую воду и надевал рясу отца Серафима (ОР РГБ. Ф. 214. Д. 307-2. Л. 193—195).

* Преподобный Серафим Саровский до поступления в монашество не был женат, потому прямого потомства не оставил. Оптинский летописец, видимо, ошибся в передаче слов Ивана Михайловича. Если родственные связи тянулись от отца, фамилия умершего должна быть Мошнин, но не Токорев.

№ 18 Декабря 7. Скончался в больнице престарелый курский мещанин Иван Михайлов Токорев от воспаления печени, с христианским напутствием приобщал иеромонах П... а погребение совершено 10 числа иеромонахом Ираклием и иеродиаконом Леонтием. Покойному от роду 71 г. (лет). Родственник О. Серафима Саровского (паспорт из Курского мещанского управления от 2 сентября 1876 г. № 1543 на 6 мес.)»[169].

Становится понятным, что Иван Михайлович пришел в Оптину пустынь на богомолье незадолго до смерти, в сентябре 1876 года, прожил в монастыре всего четыре месяца, и этот факт объясняет, почему в списках послушников его найти не удалось. Самое главное: родился Иван Михайлович около 1805 года, фамилия его Токорев, а это значит, что появилась новая родословная линия Мошниных. Для ее розыска необходимо было изучить документы Государственного архива Курской области.

По ревизским сказкам 1834 года обнаружена семья Михаила Петровича Токорева (1769—1837) и его жены Марфы Васильевны (1781—?). Среди детей есть сын Иван, родившийся в 1804 году[170]. Казалось бы, разгадка рядом, но... Более ранние материалы не ответили на вопрос, кто из семьи Токоревых породнился с семьей Мошниных. Иван Михайлович остался холостяком и жил в семье брата Василия[171].

Удивительна история Курска: книжное начало берет он от первого монаха Древней Руси Феодосия Печерского, и ныне существует молитвами курянина, наиболее почитаемого святого Русской православной церкви, преподобного Серафима Саровского.

Эта глава повествования не случайно названа «Родословная семьи Мошниных. Окончания нет». Данное исследование ответило на многие вопросы, стоявшие в начале работы, но оказалось — вопросов стало значительно больше. А это значит, что до окончания еще далеко. Многочисленность потомства семьи Мошниных, выявленная в ходе исследования, наводит на мысль о том, что родственники преподобного Серафима Саровского могут жить в Курске и за его пределами и в настоящее время. Прошедшие годы не способствовали и сохранности архивов, и хорошей родовой памяти. Необходимость научного изучения биографии преподобного Серафима Саровского, надеюсь, никем не будет оспариваться. И подтверждением тому являются новые свидетельства земной жизни великого старца, представленные в этой книге.

«Родом я из курских купцов»

«Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы бывало торговали товаром, который нам больше барыша дает»[172], — говорил преподобный Серафим, беседуя с Николаем Мотовиловым.

Необходимо сказать, что российское купеческое сословие сформировалось не сразу. Длительное время в отношении посадских людей, занимавшихся торговым делом, бытовали словосочетания «торговый человек» или «торговые люди». Только в приговоре Сената 1711 года о свободной торговле появляется словосочетание «купецкие люди». В первой половине XVIII века деление купечества по гильдиям было условным. В первой и второй гильдиях были представлены старинные разряды высших торговых чинов — гости и гостиная сотня, не состоявшие в городовом посаде. В 1742 году посадским людям, занимавшимся торговлей, разрешили именоваться купцами третьей гильдии[173].

Следует иметь в виду отсутствие до 1775 года какого-либо разделения купечества по гильдиям в зависимости от величины капитала. Каждый посад устанавливал свои критерии оценки состоятельности своих членов. Манифест правительства от 17 марта 1775 года впервые обозначил показатели трех купеческих гильдий и мещанства. За основу был принят размер семейного капитала. Купцы первой гильдии должны были заявить наличие капитала от десяти тысяч рублей, причем заявленная сумма не проверялась и полагалась на купеческую совесть. Ко второй гильдии причислялись купцы, имевшие капитал от тысячи до десяти тысяч рублей.

«В Курский городовой магистрат
от курского купца Василия Аникеева Белоусова
объявление.

Состоя я именованный по прежде объявленному от меня капиталу тысячи пяти рублей обще с отцом моим Аникеем Белоусовым кои умре и братом Афанасием который ныне находится в отлучке в третьей гильдии нонне приобрел я собственно своим рачением капитала пять тысяч десять рублев. В таком случае Курскому городовому магистрату объявляя сим и прошу по вышеизъясненному имеющемуся у меня такому капиталу написать с отцом моим во вторую гильдию.

Декабря дня 1790 г.»[174].

К сожалению, подобного свидетельства о семье Агафьи Фотиевны Мошниной найти не удалось.

Самая многочисленная, третья гильдия состояла из торговых людей, объявивших размер капитала от 500 до тысячи рублей. Манифест освобождал купечество от уплаты подушной подати, взамен которой устанавливался сбор в один процент от объявленного капитала. Посадские мелкие торговцы и ремесленники представляли сословие мещан и продолжали платить подушную подать. Год спустя, в 1776 году, купечество получило важную привилегию — освобождение от рекрутской повинности, замененной денежным взносом в 360 рублей. Можно думать, что начавшаяся в 1775 году сословно-податная реформа и особенно отмена рекрутской повинности способствовали решению Прохора уйти в монашество.

Материалами Городового магистрата за 1776 год подтвердилась принадлежность Агафьи Фотиевны и ее сыновей к купеческому сословию третьей гильдии: «К сей челобитной вдава Агафия Фотеева дочь Мошнина вместо ее по ее велению сын ее курской третьей гильдии купец Алексей Машнин руку приложил»[175].

Сергей Ларионов писал о курском купечестве: «Купцы всякой день изключая праздничных и торжественных, торгуют в лавках в изрядно устроенных деревянных рядах; (каменныя ж начаты строится) как-то, всяким хлебом, всякими съестными припасами, напитками, всякого роду шелковыми и бумажными материями, сукнами галантереею, и всякими вещьми; словом без излишних прихотей можно пробавиться тамошними товарами без всякого недостатку. Кроме того, бывает два раза в неделю торг в понедельник и в пятницу, куда накануне на под торжище съезжаются из округи поселяны, с разными съестными припасами, хлебом, дровами и сеном и прочим, чего изобильно у них; для продажи или вымена, что им нужно самим»[176].

Вот что можно было увидеть в купеческой лавке Мескотинного ряда в 1777 году из «экзотических» товаров: «1 табакерка черепаховая с патретом... 16 пар чулок женских шелковых... 6 пуд. с половиною кофию... 5 ящиков помади... 8 ящиков духов... 200 кусков обоев... 2 пуда с половиною чернослива Хврацузскаго...»[177]

Крупы, сахар, чай были обязательны на торговых полках. Соль, муку, мясо и рыбу можно было купить в специально построенных торговых рядах. За порядком наблюдали выбираемые старосты и частные смотрители, рапортовавшие в магистрат о происшествиях, касалось ли дело гнилых апельсинов или торговавших «не своим изделием» кресть-

ян[178]. О торговых делах Мошниных можно судить по свидетельству Алексея Сидоровича на страницах дела Городового магистрата.

До переезда на Московскую площадь торговля проходила в надомной лавке, имевшей «выгоднейшее» месторасположение. Затем 3 марта 1766 года Агафья Фотиевна приобрела в Мескотинном ряду, располагавшемся около Красной площади, у курского купца Никифора Прокофьевича Расторгуева первую торговую лавку. Почти через десять лет Агафья Фотиевна увеличила торговые площади, купив соседнюю лавку купца Матвея Борисовича Прилепова. Покупка была оформлена 14 марта 1775 года[179].

«Имеет он (Алексей Мошнин. — *В. С.*) крепостные матери своей в старом мескотинном ряду две лавки под коими места в длину четыре, а поперек две сажени и десять вершков, строение во время бывшаго пожара згорело со всеми имевшимися в тех лавках товарами»[180]. Имеется в виду пожар в торговых рядах в ночь с 25 на 26 августа 1781 года. Событие отрицательно сказалось на благосостоянии семьи. Если прибавить затраты на перенос дома, то можно понять, почему Алексей при постройке каменных лавок на месте пожарища «от приему места отказался по малоимуществу своему, ибо во оном ряду на выстройку лавки требовалась немалая сумма так, что и всего капитала своего едва бы достаточно на то было»[181].

Видимо, первые 1780-е годы стали для Мошниных тяжелыми. Когда 21 апреля 1785 года была опубликована Грамота на права и выгоды городам Российской империи с новыми размерами гильдийного капитала — а для записи в третью гильдию требовалось объявить капитал от тысячи до пяти тысяч рублей, — семейство Агафьи Фотиевны Мошниной перешло в разряд мещан. Но Алексей Мошнин не бросил торгового дела и даже купил у купца Афанасия Безходарного лавку в Овсяном ряду на Херсонской улице.

На месте пожарища начались работы по возведению каменных лавок. Лавочное место Мошниных застроили купцы Неронов и Крюков, которые, «будучи капиталистами приняли теперь места не для чего иного как только отдавать в найми»[182]. В подтверждение новых капиталистических отношений Неронов, получив место в Большом гостином дворе, продал его купцу Алексею Фатееву. Летом 1790 года Алексей Мошнин, видимо окрепнув финансово, пытается вернуть лавочные места с оплатой строительных затрат, понесенных Нероновым и Крюковым. Он даже арендует одну

из лавок на своем крепостном месте «за великую цену так, что едва на заплату оной получаемого на капитал прибытка достаточно бывает; а в содержании себя претерпевает великое изнеможение»[183].

Годовая тяжба закончилась победой Алексея Мошнина, и в июле 1791 года он получил ключи от двух каменных лавок. Но он не смог вернуть прежнего благосостояния и так и остался в мещанском сословии.

Выбыл в монашеский чин

Вероятно, в один из октябрьских или ноябрьских дней 1778 года Агафья Фотиевна и священник Ильинской церкви Петр Саввинович Колмаков благословили Прохора в путь для поиска иноческой жизни. В увольнительном аттестате, вероятно, был указан возраст Прохора и дано описание внешности. «Он был роста высокаго, около двух аршин и восьми вершков (около 180 сантиметров. — *В. С.*)... лицо у него было полное покрытое приятной белизной, нос прямой и острый, глаза светло-голубые, выразительные и проницательные, брови густыя, волосы на голове светлорусые и также густые. Лицо его окаймлялось густою окладистою бородою, с которою на оконечностях уст, или рта, соединялись длинные, густые же усы»[184].

По ревизским сказкам 1782 года, со слов Агафьи Фотиевны записано, что Прохор «779 г. выбыл в монашеский чин»[185]. По законам того времени «никто не может отлучиться от места своего постоянного жительства без узаконенного вида или паспорта»[186]. Купцы могли оформить в Городовом магистрате на свое имя «плакатный» паспорт сроком на один год. Перед окончанием срока действия старого паспорта путешествующий под «опасением быть признанным за беглого» обязан был оформить новый. Перед уходом в 1778 году в Саровскую пустынь Прохор имел паспорт сроком на один год и проживал в обители как богомолец. В 1779 году паспорт продлевается, и так продолжается до 1781 года, когда Прохор проходит трехлетний послушнический искус и приступает к оформлению отпускных документов от купеческого общества для пострижения в монашество.

Прохор находился в Саровской пустыни с 1778 года, что бесспорно. В архиве монастыря в документе с графой «С которого году находится в пустыне» напротив фамилии

Мошнина стоит: «с 1778-го года ж»[187]. 20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения Пресвятой Богородицы во храм, 24-летний кандидат в монашество ступил за стены Саровского монастыря[188].

Встречу курского паломника и настоятеля обители отца Пахомия можно представить, прочитав отрывок книги писательницы начала XIX века Варвары Миклашевич* «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия». Ею зачитывались Грибоедов, Жуковский, Кюхельбекер, Пушкин. Александр Сергеевич писал о Миклашевич в одном из номеров журнала «Современник» за 1836 год: «Недавно одна рукопись, под заглавием "Село Михайловское" ходила в обществе по рукам и произвела большое впечатление. Это роман, сочиненный дамою. Говорят, в нем много оригинальности, много чувства, много живых и сильных изображений. С нетерпением ожидаем его появления». Миклашевич по личным впечатлениям от посещения Саровской пустыни описала ее в том временно́м промежутке (или ранее), когда в нее пришел Прохор Мошнин и, что самое интересное, описание приходится на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Приведем отрывок из книги, чтобы читатель явственнее почувствовал детали быта монашествующих, дух и нравы обители.

« — Кто это? Чей экипаж? — кричал с крыльца у каменных келий послушник. И когда лакей отвечал, что княжны Эмировой, послушник бросился назад в келью и вскричал:

— Батюшка, батюшка! Извольте-с! Воротниковская княжна приехала; где нам отвести, благословите?

— Сюда, ваше сиятельство! Милости просим! — сказал гостиник, сошедши с крыльца с фонарем, которым осветилось почтенное лицо его.

---

* *Варвара Семеновна Миклашевич* (урожд. *Смагина*; 1772—1846) — писатель, переводчица. Родилась и проживала в имении отца, погибшего во время Пугачевского бунта, в Пензенской губернии. Вероятно, в 1780—1790-х годах несколько раз посещала Саровскую пустынь и была знакома с саровскими старцами. Свои впечатления автор отразила на страницах многопланового романа «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия». Отец Серафим в это время еще не достиг вершин духовного совершенства и не был известен среди паломников, поэтому на страницах книги его имя не упоминается. Работа над романом началась в 1828 году по настоянию Грибоедова, и первые главы рукописи вызвали большой интерес не только среди литераторов. Эпиграфы к главам намеревался написать А. С. Пушкин, но, к сожалению, не успел. Первая публикация романа состоялась в 1864 году.

В С...ве гостиницы всегда поверялись самой строгой жизни старцу; он должен отвечать за всех и за все, что случится в гостиных*.

— Не оступись, ваше сиятельство — лестница-то у нас крутенька.

Старец, наклонясь, светил им под ноги. Между тем они вошли в большую келью, где стоял образ, как будто местный, пред которым висела маленькая медная лампадка, и в ней пред иконою теплилась свечка. Келья, называемая трапезною, вся была выбелена и так натоплена, что с холоду казалась банею. У стен стояли простые скамейки с точеными балясинами. Отец Амвросий** так долго молился, приведя гостей, как будто он год в этой келье не бывал.

— Спаси Господи и помилуй! Отец Макарий***! — сказал погромче старец и постучал ножом о стол.

— Благословите, батюшка! — отвечал вошедши молодой рясофорный монах в обыкновенном монастырском кафтане и в белом фартуке.

— Подавай-ка, брате, пищу!

Монах опять сказал: "Благослови" и вышел.

— Общая трапеза кончилась. Повечеряем прежде, чем Бог послал, а там по воле вашей. Надобно думать, что и батюшка строитель после правила посетит вас.

Между тем служащий на гостиной монах вошел с пищею.

— Господи Иисусе Христе сыне Божий, помилуй нас.

— Аминь! — отвечал старец Макарию, принимая от него желтенькое под лаком блюдечко, и поставил его на стол. Все встали:

— Благословен Бог, милующий и питающий нас от богатых даров Своих... — Старец прочитал молитву до конца, и потом все опять сели.

— Бог благословит! — сказал гостиник и, перекрестясь, принялся за ложку сам прежде всех, быть может, в пятый раз, за святое кушанье.

---

* Монах, выполнявший послушание при гостином дворе, назывался гостиником.

** *Амвросий, монах* (?—1795) — по ведомостям о монашествующих за 1785 год записан находящимся в монастырской больнице, шестидесяти трех лет, «грамоте умеет, а к послушаниям за немощью не способен» (см.: ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 2 об.; Оп. 2. Д. 27. Л. 3 об.).

*** *Макарий, молодой послушник* — идентифицировать эту личность не удалось, так как в монастырских ведомостях в этот период времени о послушниках записи делались не всегда.

Гостиник непременно обязан для всех и каждого, хотя несколько прикушать. Все перекрестившись начали кушать из одного блюда; перед каждою гостьею стояла тарелочка так же желтенькая, как и блюдо, мелкая для хлеба, и братинка с квасом, в которую опущен был очень чистый медный ковшик.

— Господи Иисусе Христе сыне Божий, помилуй нас. Батюшка строитель! — сказал гостиник и, соскочивши с места и отдавши аминь на его молитву, отворил двери.

Вошел почтенный и смиренный пастырь словесных овец Христовых. Отец Пахомий* был среднего роста, сухощавый, бледное лицо выражало труды его и подвиги. На голубых, больших глазах его нельзя было найти никакого следа страстей человеческих. Если ж в них не было огня жизни телесной, зато одушевлял их какой-то неизъяснимый свет. Волосы соломенного цвета начинали серебриться. Непрестанная, подобная младенческой, улыбка служила доказательством непорочной его жизни и кроткого нрава...

...В ясное, морозное утро, в девять часов, благовест к поздней обедне, в самый большой колокол, возвещая праздник Введения во храм Непорочной и Пресвятой Отроковицы, разбудил спавших глубоким сном после заутрени. Все на гостиных ожили. В С... ве всенощное бдение выполнялось во всей силе этого слова: начиная с полуночи оно продолжалось до шести часов утра**. В С...кой пустыне теплый соборный храм во имя Живоносного Источника*** самой старинной архитектуры, с маленькими окошками. Крыльцо у храма высокое, крытое. Темный купол освещается четырьмя паникадилами; образа не только в иконостасе, но даже и по стенам, в серебряных ризах, перед каждою иконою вызолоченное паникадило. Крест, Евангелие и сосуды украшены драгоценными каменьями. В этом храме, в настоящий праздник, совершалось богослужение. Начиная

---

* *Пахомий* (*Борис Назарович Леонов*; 1729—1794) — седьмой настоятель и строитель пустыни (с апреля 1777 года). Был первым представителем уроженцев Курска на Саровской земле, положившим тем самым начало курской диаспоры. Похоронен под стенами алтаря Успенского собора (ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 851. Л. 2—124 об.).

** Всенощное бдение в праздничные дни в зимнее время начиналось в час пополуночи и длилось от четырех до пяти часов.

*** Первоначальная деревянная церковь во имя Пресвятой Богородицы и Ее Живоносного Источника, давшая основание Саровской пустыни, освящена 16 июня 1706 года. Теплый каменный соборный храм во имя Пресвятой Богородицы и Ее Живоносного Источника построен и освящен 11 октября 1758 года.

от пастыря, все соборные старцы и иеродиаконы облачены были в богатую парчевую одежду. Дневной свет в мрачном храме не мог препятствовать отражению зажженных свечей на серебре, золоте и на драгоценных камнях»[189].

Видимо, и Прохор первоначально остановился в гостином дворе перед глубоким рвом у западной стены монастыря. Возможно, настоятель сам вышел к дорогим гостям, принесшим весточку из родного края.

По заведенному Святыми Отцами уставу Саровской обители, желающие получить монашеское звание исполняли послушание на монастырских работах. «А без искуса и без начала не подобает никого прияти и постригати, по правилу св. Отец... По сему Номоканон законополагает: "аще кого постриши во инока, или рясу возложити на него; то со искусом. Искус же знаемых местных да будет шестомесячия время... аще же суть... в трех летах искус да будет". Кормч., 359»[190]. Мирянин, которого хорошо знало руководство монастыря, мог рассчитывать на снижение срока послушания до шести месяцев вместо трех лет. Следует оговориться, что кандидат мог воспользоваться этим только по достижении возраста не менее тридцати лет. Прохор пришел в обитель, когда ему было 24 года, и хотя настоятель Пахомий знал о добропорядочности земляка, льгота не могла распространяться на Прохора.

После трехлетнего испытания Прохор возвращается в Курск для получения отпускного аттестата. Предположительно в октябре того года Прохор с Григорием Дружининым и занялись в Курске оформлением документов. Они посетили уездного лекаря, засвидетельствовавшего болезненное состояние обоих и выписавшего затем справку-аттестат:

«Аттестат.

Я ниже подписавшийся под сим свидетельствую что курский купец Прохор Сидоров сын Машнин одержим болезнями ломотою в ногах и болей в голове. Почему и в слабом здоровье находится.

Лекарь каменных болезней оператор

Петр Горбатовский»[191].

Курский лекарь Петр Горбатовский свидетельствовал у Прохора болезнь ног и головы. Григорий Дружинин оказался «одержим закрытым почечуем от чево имеет всегдашнюю боль в голове и ломоту в спине и пояснице. Также (болен. — *В. С.*) и астмаю».

Еще два свидетельства. 31 мая 1792 года курский посад-

ский Дмитрий Сергеевич Мошнин в своем прошении пишет: «От юности моих лет имею я именованный в голове тягчайшую ломоту и внутреннюю чахотную болезн: от чего и имею частые припадки, а чтоб от тех болезней улучить свободность изыскивал я многие способы, но не получил, а посему и в посадстве с протчими на ряду быть и по гражданству всякую должность исправлять не в силах»[192].

Второе свидетельство, также от 31 мая 1792 года, — от Петра Петровича Гладилина: «Имею я именованный в голове несносную ломоту с превеликим во оной жаром, и почечуйную болезнь... о излечении коих изыскивал я многие способы... почему и в посадстве с протчими...»[193] Оба прошения написаны как под копирку одним писарем — монахом Саровской пустыни Тихоном, что, видимо, никак не препятствовало прохождению бумаг через Городовой магистрат.

Диагнозы курского лекаря также не отличались разнообразием, а, видимо, общепринятая уловка с объявлением мнимых болезней облегчала пострижение в монашество.

Цитируемый ниже документ — прошение в Курский городовой магистрат — составлен еще в августе 1781 года послушником Саровской пустыни Егором Пятницким. Прошение примечательно тем, что подписано самим просителем, Прохором Мошниным.

«Всепресветлейшая, Державнейшая
Великая Государыня Императрица
Екатерина Алексеевна,
Самодержица Всероссийская,
Государыня Всемилостивейшая[194].

Доносит курской купец Прохор Сидоров сын Машнин, а о чем мое доношение тому следуют пункты.

1. От детских моих лет нахожусь я подверженным головной ломоте и поныне при той же и от животной болезни имею частыя припадки да и окромя оных и в ногах имею ломотную болезнь и от таковых приключений всем корпусом нахожусь в немалой слабости. И что от тех болезней улучить свободность изыскивал многия способы коих не избавился, почему и в купечестве спротчих наряду быть и по гражданству всякую должность исправлять не в силах, и по таковым обстоятельствам, неполагая в жизни моей иной надежды желаю восприять в Саровской пустыне монашество, *к сему доношени** И дабы Высочайшим Вашего Импе-

* Текст, выделенный курсивом, является автографом Прохора Мошнина.

раторскаго Величества Указом повелено было сие мое доношение в курском городовом магистрате принять, а меня именованного для тех имеющихся во мне болезней к восприятию по моему желанию монашества в реченную Саровскую пустынь или где возможно будет монашество получить уволить и всходства и нынешняго о пострижении узаконения удостоить аттестатом с таковым изъяснением ято я уволен от всега общества и платеж за меня по мою смерть подушных и протчих государственных податей имеет производить все обществож также нет ли до меня каких по казенным или партикулярных людей делам касательных ибо без изъяснения сего обстоятельства к восприятию желаемого мною монашества приступить невозможно и о сем вышеписанном учинить милостивую резолюцию,

купец *Прохор Сидоров сын Машнин.*

Всемилостивейшая Государыня Прошу Вашего Императорскаго Величества о сем моем доношении решение учинить Августа дня 1781 года. К поданию надлежит в курском городовом магистрате. Доношение писал оной же Саровской пустыни послушник Петр Егоров сын Пятницкой, *руку приложил* (резолюция на доношении. — *В. С.*).

Из журнала выписано.

Пожелает ли купечество и мещанство с таковым обязательством оного Машнина уволить объявлен им в собрании старосте Чумакову дать указ».

2 ноября такой указ гражданскому старосте был выдан:

«Указ

Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской из Курского городового магистрату гражданскому старосте Дмитрию Чемакову.

По данному от курского купца Прохора Сидорова сына Машнина доношению курским купцам и мещанам в собрании объявить пожелают ли оне показаннаго Машнина за имеющимися у него болезнми к восприятию в Соровской пустыни монашеству увольнить с таковым обязательством что плотеж за него по ево смерть подушныя и протчих податей имеет производить все общество и что на сие обява взяв за их руками приговор подал в магистрат при репорте.

Ноября 2 дня 1781 году за скрепою бургомистра Семена Хлапонина»[195].

4 ноября 1781 года в Городовом магистрате собрались купцы и мещане для разрешения или отказа в выходе из купеческого сословия двух членов общества. «В курском городовом магистрате курския купцы и мещане будучи

в собрании выслушав объявленныя от гражданского старосты Дмитриея Чюмакова насланныя к нему из оного городового магистрата по доношениям курских купцов Григорья Яковлева сына Дружинина Прохора Сидорова сына Машнина Указы согласно приговорили означенных Дружинина и Машнина к восприятию в Саровской пустыни монашеского чина уволняем с тем что подушныя и другия государственныя поборы по смерть их платить имеем общества курского купечества и мещанства для чего сей наш приговор гражданскому старосте Чемакову объявить в курской городовой магистрат с тем чтоб повелено было оных Дружинина отца и братьев а Мошнина мать и брата ж в подтверждения ж сего нашего приговора в показанном платеже обязать подписками в чем и подписуемся.

Градской Голова *Василей Дружинин*»[196].

(Далее на документе 35 подписей представителей купечества и трех мещан. — *В. С.*)

9 ноября Дмитрий Чемаков рапортовал в Городовой магистрат о решении собрания купечества и мещанства:

«Учиненной курскими купцами и мещанами о увольнении курских купцов Григорья Яковлева сына Дружинина Прохора Сидорова сына Машнина к восприятию в Соровской пустани монашеского чина с тем что подушныя и другия государственныя поборы по смерть их платить имеет общество курскаго купечества и мещанства и обязались в подтверждение оного Дружинина отца а Матнина мать и братьев приговор представляя при сем Ноября дня 1781 году к сему репорту гражданский староста Дмитрей Чемаков руку приложил»[197].

В решении припиской был оговорен платеж подушных и других государственных поборов по их смерти родственниками. 22 ноября 1781 года Агафья Фотиевна и Алексей подали в Городовой магистрат подписку, по которой брали обязательства по оплате налогов за своего сына и брата:

«№ 13. Подана Ноября 22 дня 1781 году. Написан в реэстр.

1781 году Ноября дня в Курском городовом магистрате курская купецкая жена вдова Агафья Фатеева дочь Сидоровская жена и сын ее Алексей Машнины по силе учиненного оного магистрата определения сею подпискою обязуется что я Агафья за сына своево Алексей за брата уволеннаго от курскаго купечества и мещанства к восприятию в Соровской пустыни монашеского чина Прохора Сидоро-

ва сына Машнина капитальныя и всякия государственныя и на общественныя надобности деньги по смерть ево Прохора платить должны без всяких отговорок в чем под сим и подписуемся. К сей подписке курской купец Алексей Сидоров сын Машнин а вместо матери своей Агафьи Фотеевой дочери по ее велению подписался»[198].

Такую же подписку принес в Городовой магистрат 19 ноября и отец Григория Дружинина — Яков Михайлович. Более двух недель документы проходили бюрократическую машину магистрата. 7 декабря Прохор получил отпускной аттестат.

«По Указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны Самодержицы Всероссийской и прочая, и прочая, и прочая.

Из Курского городового магистрата дан сей аттестат Курскому купцу Прохору Сидорову, сыну Машнину, по прошение ево за имеющимися в нем показавшихся по свидетельству лекаря Петра Горбатовскаго ломотною в ногах и головною болезнями, от которых он в мирской жизни быть и мирских обще народных тягостей нести не способен по определение онаго магистрата, а по приговору курского купечества и мещанства уволен по желанию вечно к постижению в монашеской чин Владимирской Епархии в Саровской пустыни или где возможно будет. А капитальныя и протчия государственныя подати по смерть ево обязались платить курское купечество и мещанство. Оный же Машнин состояния добраго, в штрафах и подозрениях и ни в каких наперед сего пороках не бывал, также казенные и партикулярных долгов и ничего и ничем не состоит, почему к восприятию монашескаго чина препятствий не имеется. А естли по власти Божией во оной обители окончит жизнь свою, то для показания об оном впредь при ревизии сей магистрат той обители уведомить письменно, во верность чего ис курскаго городового магистрата сей аттестат с приложением печати и за подписанием присутствующих ему, Машнину, дан декабря 7-го дня 1781 году.

На подлинном подписали: ратман Иван Полевой, ратман Федор Попов, ратман Михайла Полевой, ратман Тимофей Мосветин, канцелярист Григорей Борзенков. Печать приложена из красного сургуча»[199].

Возвратившись в обитель, Прохор продолжил свой послушнический искус. Молодому послушнику повезло: его духовными наставниками были старцы Пахомий, Пити-

рим* и казначей, отец Иосиф** — цвет Саровской пустыни. «Особое смотрение» за послушником было возложено на казначея Иосифа. В житийной литературе упоминаются различные послушания, выполнявшиеся Прохором: «Будильщика, просфоряка, занимался столярною работою, и, по обычаю оной Пустыни, имел келейное занятие резать кипарисные кресты. При построении в то время больничной церкви, он из усердия сделал престол своими руками из кипариса». В архивных документах найдено подтверждение только двум. Это работа столяра и полесовщика. В Саровской пустыни существовало правило непрерывного чтения Псалтири. На каждый год составлялись списки, по которым все, начиная с настоятеля и кончая послушником, обязаны были исполнять это правило. Послушники записывались только по имени, а для распознавания к имени прибавляли слово-пояснение, указывающее либо на прежнее место жительства или службы, либо на послушание, исполняемое в текущий год: Григорий Солдат, Данила Темниковский, Гаврила Хромой, Иван Пчеляк и т. д. В од-

* *Питирим* (*Петр Иванович Дружинин*; 1727—1789) — иеромонах, близкий друг и сподвижник настоятеля Пахомия. Родился в Курске в уважаемой купеческой семье, проживавшей в Сергиевском приходе (для примера: в 1771 году дядя его, Василий Дружинин, был избран бургомистром Курска). По торговым делам побывал во многих российских городах. По достижении тридцатилетнего возраста, а в это время выходит указ императрицы Екатерины о дозволении пострижения в монашество лиц податного сословия, 12 марта 1762 года, получив увольнительное свидетельство, направился в Москву. Здесь на Рязанском подворье 6 марта 1763 года он вместе с Борисом Леоновым (отец Пахомий) пострижен в рясофор. В Саровскую пустынь вступил 14 июля 1763 года. Рукоположен в иеромонашеский сан 19 сентября 1764 года, с получением ставленнической грамоты из рук преосвященного Павла, епископа Владимирского и Муромского. Кроме священнослужения отец Питирим выполнял послушания в шитье священных и церковных одежд, ктитор Успенского собора.

** *Иосиф* (1712—1785) — иеромонах, казначей. Родился в селе Круглые Паны Арзамасского уезда в семье церковнослужителя. В Саровскую пустынь пришел в 1739 году. Пострижен в монашество 2 марта 1742 года. В иеромонашеский сан рукоположен 25 августа 1744 года, в день освящения Успенской церкви. В 1753-м исполнял обязанности ризничего и библиотекаря. Первый казначей Саровской пустыни, избранный после опубликования указа 1767 года, по которому казначеи выбирались не настоятелем, а всебратственно и из старшей братии. Заменил на должности казначея монаха Иринарха, это послушание исполнял до своей смерти. Кроме этого известен тем, что был наставником отца Серафима в первые годы его монашеской жизни. Похоронен под стенами алтаря Успенского собора.

ном из списков «Чред неусыпаемого чтения Псалтири», в четвертой группе, возглавляемой иеромонахом Питиримом, записан и «Прохор сталяр»[200]. Список был составлен в 1783 году, и можно уверенно сказать, что в конце 1782-го и начале 1783 года Прохор выполнял столярные работы. Игумен Исайя II (Путилов)*, рассказывая о церкви Зосимы и Савватия, в одном из писем упомянул также это имя: «...престольная доска кипарисная в эту церковь может быть сделана и Серафимом, но по приказу Строителя, за послушание; ибо отец Серафим по новоначалию находился тогда в столярной работе с прочими»[201]. Но это не указание на его мастерство, а свидетельство выполнения ответственной работы.

Становление Прохора-инока явно проходило в испытаниях возможностей, посредством принятия на себя аскетических подвигов. Им способствовало и возвращение в Саровский монастырь Михаила Мальцова** — не только земляка, но и старшего товарища (Михаил был на 12 лет старше), известного праведной жизнью.

Литература рассказывает о болезни, похожей на водянку, поразившей Прохора в 1780 году и продолжавшейся, согласно «Житию» 1863 года, три года (первые «Сказания» умалчивают о чрезвычайно длительном течении болезни). Современные врачи определяют ее по симптомам, как проявление белкового голодания организма. На питание скудной однообразной пищей организм в виде защитной реакции выделяет под кожу жидкость. Спустя годы в

---

* *Исайя* (*Иона Иванович Путилов*; 1786—1858) — игумен, десятый настоятель Саровской пустыни (с 24 апреля 1842 года). Родился в городе Борисоглебе Ярославской губернии в купеческой семье. 5 мая 1805 года получает от Московского купеческого общества паспорт для богомолья в Саровской пустыни. В 1807-м определен указом. Пострижение в монашество состоялось 6 сентября 1812 года. Рукоположен в иеродиакона 15 августа 1813 года. Рукоположен в сан иеромонаха 14 марта 1815 года. После избрания иеромонаха Нифонта строителем 1 ноября 1822 года определен на должность казначея. 15 августа 1846 года произведен в игумена. В июне 1850 года награжден наперсным крестом и палицею. В 1851 году определен благочинным. Умер от горячки. Погребение совершено соборное братией монастыря во главе с настоятелем Санаксарского монастыря Ксенофонтом. Похоронен под стенами алтаря Успенского собора, по правую сторону от могилы настоятеля Исайи (Зубкова).

** *Марк* (*Михаил Андреевич Мальцов*; 1741—1817) — схимонах. Прославился подвижнической жизнью, известен как Марк-молчальник, причислен к лику местночтимых святых Тамбовской епархии.

опубликованных «Духовных наставлениях» отец Серафим поделится опытом с желающими испытать себя духовно и телесно: «Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то таковое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели»[202]. И еще: «Пищи употреблять должно каждый день только, чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели; иначе может быть и то, что при изнеможении тела, и душа ослабеет»[203].

Болезнь, однако, не могла быть столь продолжительной — с 1780 по 1783 год. Слишком много событий произошло за это время: поездки в Курск для выправки паспорта, получение отпускного аттестата в декабре 1781 года, а в 1782 году Прохор уже несет послушание столяра. В действительности болезнь настигла его в 1780 году. По настоянию Пахомия его поместили в больничную келью, располагавшуюся у северного склона монастырской площади, за церковью Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев, куда намеревались пригласить и врачей. Прохор отказался: «Я предал себя истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу, и Пречистой Его Матери»[204], и попросил святого причастия. Когда после всенощного бдения и литургии о здравии больного Прохор исповедался и причастился Святых Христовых Тайн, к нему в келью явилась Пресвятая Богородица и излечила его. Спустя несколько лет саровские старцы при перепланировке монастырской площади разобрали деревянные больничные кельи и переместили на это место церковь Зосимы и Савватия. Алтарь храма встал на месте явления Прохору Пресвятой Богородицы.

Когда Прохор осенью 1784 года отправился в Курск для оформления отпускных документов, то путешествие представляется в житийной литературе как послушание по сбору денег на строительство в Саровской пустыни Больничного храма во имя Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев. Это утверждение опровергает игумен Исайя II (Путилов): «Больничная церковь построена не по случаю видения Серафиму Божией Матери, но за ветхостию прежней больницы, и по тесноте прежней же церкви на этом месте бывшей, сооружена же теперешняя во имя преподобных Зосимы и Савватия церковь с келлиями для престарелых Астраханским Дворянином Бекетовым, по усердию его и по убеждению старцев»[205].

Приближался 1784 год, в который послушнику испол-

нялось 30 лет, и наступал рубеж, позволяющий надеяться на пострижение в монашеский чин. Но в 1783 году Святейший синод издал указ, по которому всем, кто имеет на руках отпускные аттестаты от своих обществ и кто был записан по переписи населения 1782 года в ревизские сказки, вменялось в обязанность дополнительно засвидетельствовать свои аттестаты в наместнических правлениях[206]. Предположительно в начале лета 1784 года, Прохор предпринял шаги к достижению своей цели. В монастырском архиве обнаружен черновик «верющаго письма», так называлась доверенность на выполнение определенных действий. Послушник Прохор Мошнин просит своего земляка иеромонаха Питирима представлять его интересы в Городовом магистрате, наместническом правлении Курска «или и в другое какое присутственное место»[207], если будет в том необходимость. Черновик, предполагаемый в первом издании моей книги «Преподобный Серафим Саровский: Предания и факты» как автограф старца Серафима — не нашел подтверждения. Ниже документ цитируется в сокращенном виде; в угловых скобках воспроизведен текст, зачеркнутый писавшим; под звездочками обозначены вставки в текст, написанные другой рукой; орфография и пунктуация сохранены.

«Верющее письмо.

Пречестнейший иеромонах Питирим милостивый [наш] мой благодетель. Как уже известно вашему преподобию что я нижеименованный по данному мне от курскаго магистрата в прошлом 1782-м году декабря 7 дня* [по желанию] уволительному атестату по желанию моему нахожусь [для спасения] в обществе вашем в богоспасаемой Саровской пустыне для спасения души своей, в надежде монашества в числе братства: [а как] но во оном атесте о написании меня [по минувшей 4 ревизии в ней с протчими наряду] в поданных от курскаго купечества минувшей 4 ревизии сказках в наличности ничего неупомянуто, [почему и надлежит] а в силу полученнаго в здешней пустыне в прошлом 783 м году последовавшие из святейшаго правительствующаго Синода на представление покойнаго преосвященнаго Иеронима епископа В/И: о пострижении в монашество некоторых купцов имевших у себя увольнительные отпуски... велено оные исходатайствовать от команд своей при засвидетельствовании наместнических правлений справки, что действительно ли они в оную четвертую ревизию записаны

* Ошибка в тексте. Правильно: 7 декабря 1781 года.

в наличности а без местнаго свидетельства постригать запрещено, почему и мне в таковой же силе справка непременно потребна... исходатайствовать, и естли по оному делу вам в какой силе подать в тот магистрат или и в другое какое присутствие [мое место] прошении, то оные вамже от имени своего подавать, а равнож и в чем подлежать будет вместо меня расписываца, в ч[с]ем и [вам] во всем вышеписанном вашему преподобию* в случае или от вас кому ... вхождение за сим делом будет поверено... верю и что те [учинить] по оному делу учинить в том [не только] не только спорить и прекословить не буду но и благодарить всегда пребуду [но и на вас благодарение впротчем препоруча себя сие мою прозбу в ваше отеческое неоставление благонадежием остаюсь] вашего преподобия и милостиваго моего благодетеля покорнейший слуга ... и богомолец из бывшего града Курска купец».

Не удалось найти документов, подтверждающих поездку отца Питирима в Курск. Вероятно, осенью 1784 года Прохор отправился в Курск лично. Это было последнее посещение Прохором родного города, последнее свидание с матерью и братом, прощание с дорогими его сердцу близкими и с курскими святынями. Вероятно, к осени 1784-го Алексей Мошнин разобрал свой старый дом и перевез его на новую усадьбу на Московской площади, куда перебралась семья Алексея и его престарелая матушка. Сюда пришел и Прохор. «Усадьба выходила лицом на площадь, когда выйдешь за Московские ворота, то направо и была 4-ю от угла (от угла у ворот 45 сажень до начала усадьбы) размером 13 сажень по улице, 50 сажень во двор»[208], описывал место усадьбы Мошниных Григорий Бочаров, разыскав сведения в архиве Курского губернского правления. «4-я от угла»: на самом углу у въездных ворот находился постоялый двор купца М. С. Кудрявцева. Затем усадьбы мещан Григория Алексеевича Кавелина и Федота* Матвеевича Шандрикова. Четвертой располагалась усадьба Алексея Мошнина. Незавидное месторасположение усадьбы и лавки при доме.

Торговая жизнь бурлила в центре, а на окраине города много не заработаешь. Гости проезжали мимо к торговым рядам на Красной площади и на Херсонской улице. Только несколько десятилетий спустя Московская площадь начала расти как один из торговых центров города.

---

* Г. Н. Бочаров ошибочно называет соседа Мошниных Федором.

Переезд — тяжелое испытание для семьи, тем более когда перевозить нужно и сам дом. Вероятно, несколько летних месяцев домочадцы Алексея жили у родственников. Алексей с бригадой помощников разобрал дом, а потом ставил его на новом месте. Как это бывает, нижние прогнившие бревна были заменены крепкими. Заново пришлось выкладывать русскую печь, крыть крышу, делать погреб и много другого.

Не только Мошнины — весь город строился. Из Орловской, Брянской, Карачаровской округи в Курск везли строевой лес, драньна крыши, пильные и половые доски. Алексей потратился на переезд и перестройку, а судя по затратам, например, купчихи Анисьи Полевой на свой деревянный дом суммы 231 рубль 25 копеек, переезд Алексея тоже обошелся в копеечку[209].

Бочаров рассказывает, что в 1830-х годах дом соседа Шандрикова был «прикуплен», то есть стал собственностью Мошниных. Удалось также выяснить, что соседский дом едва не перешел в собственность Алексея еще в 1798 году, когда Федот Матвеевич Шандриков задолжал по векселю 20 рублей. В деле есть описание и его жилища: «1-й части дом деревянной в 21-м квартале*, на Московской площади из пластового лесу старова часть есть некоторова круглого лесу в котором одна перегоротка род чулана столярными дверьми и в которые в сени вход, шириною не более как один сажень в которых два чулана холодные в коем одна печь... с разными разводами внутри две лавки соснового лесу полом и потолоком. Крыт же оной тесом по улице забрано тесом двойные ворота и одной калиткой соснового ж лесу»[210]. В тот раз Шандриков долг выплатил, и 16 сентября Алексей просит Городовой магистрат предать это дело забвению. В 1830-х годах соседский дом, вероятно, был «прикуплен» (или взят за новые долги?) неспроста. Хотя семья сына Алексея Сидоровича Семена была невелика, в доме могла проживать Прасковья Сидоровна с детьми. Ничего не известно о дочерях Алексея Матрене и Мавре. Потому утверждение Бочарова о продаже Семеном своих владений следует считать родственным разменом.

Осенью 1784 года Прохор окончательно оформил свой уход из мирской жизни и обратился в Курское наместническое правление за необходимым документом. 24 января

* В Курске нумерация кварталов менялась несколько раз.

1785 года наместническое правление указом предписало магистрату выдать требуемый документ:

«Получено Генваря 29 дни 1785 году. № 114.

Указ Ея Императорскаго Величества
Самодержицы Всероссийской

Из Курскаго наместническаго правления Курскому городовому магистрату по доношению онаго магистрата в коем изъясняя поданное во оной магистрат от курскаго купца Прохора Машнина доношение которым он просил что в минувшею четвертую ревизию в наличности записан и платеж за него государственных податей от общества производится от которого общества дана ему уволнение для восприятия чина монашескаго о даче ему письменнаго от магистрата уверения за засвидетельствованием от наместнического правления. Приказали как в доношении магистрат прописывает что оной Машнин для восприятия монашескаго чина от общества и по определению того магистрата уже уволнен с тем чтобы за него и подати платить обществу то и предписать оному магистрату указом что затем уволнением для восприятия сказаннаго чина и оное правление не препятствует а возлагает во всем принадлежащем на реченной городовой магистрат:

Генваря 24 дня 1785 года [*подпись*].

№ 1. Слушано года ж генваря 25 числа.

За секретаря *Григорей*...
Канцелярист... *Зубков*»[211].

В итоге появилось «Свидетельство по указу Ея Императорскаго Величества из Курского городового магистрата о бывшему курскому купцу и уволенному в Саровскую пустынь для восприятия монашества Прохору Сидорову, сыну Машнину» за № 196 от 13 февраля 1785 года. В пространном документе говорится о пути Прохора к монашеству, официально начатом после оформления увольнительного аттестата 7 декабря 1781 года, а также о необходимости, по указу 1783 года, подтверждения аттестата в наместническом правлении.

«Оное правление не препятствует почему сие свидетельство тебе Машнину для вышеписанного ис курского магистрата с приложением печати и за подписанием присутствующих дано.

На подлинном подписано:

бургомистр *Михаил Золотарев*.
Бургомистр *Иван Полевой*»[212].

Препятствий к принятию монашества Прохором более не существовало. По возвращении Прохора в Саров-

скую пустынь монастырское начальство собрало документы послушников, претендующих на монашеское звание, а кроме Прохора были еще нижегородский мещанин Андрей Щепетильников и ярославские мещане Гаврила Овчинников и Иван Задорин. 24 мая 1785 года подлинные четыре аттестата и свидетельства были отправлены во Владимирскую духовную консисторию. «Посланы при письме к находящемуся в доме Его Преосвященства отцу иеродиакону Арсению»[213], и далее в Святейший синод. Несколько месяцев проходила проверка документов, их оформление, и наконец 5 ноября 1785 года обер-секретарь Святейшего синода Аполлос Наумов* подписал указ на имя преосвященного епископа Владимирского и Муромского Виктора**: «В монашество на основании Духовнаго регламента и указов в штатное число постричь дозволить»[214]. 21 ноября 1785 года епископ Владимирский и Муромский Виктор получил указ из Святейшего синода и наложил свою резолюцию: «Консистории по сему исполнить». Разрешительный указ из Владимирской духовной консистории за № 2127 увидел свет 10 декабря 1785 года: «Курскаго купца Мошнина в силу предписаннаго Святейшаго Правительствующаго Синода Указа в оной пустыне в монахи по церковному чинопоположению при светских честных людях постричь»[215].

Обнаружена интересная запись в журнале регистрации входящих документов от 20 января 1786 года: «О пострижении в монашество в силу Правительствующаго Синода указа находящегося здесь в послушниках курского купца Прохора Мошнина, что ныне в рясофоре, Серафим и какое ему наречено будет в пострижении имя, о том консистории рапортовать»[216]. Необходимо уточнить, что в 1781 году вышел указ, разрешающий кандидатов в монашество покрывать рясофором по усмотрению строителя без указа вышестоящей инстанции[217].

В 1785 году в монастыре было заведено «Дело... рясофорных послушников», еще одно подтверждение, что в том году послушника Мошнина накрыли рясофором, и дано ему имя Серафим. В одном из монастырских документов есть следующая запись: «В 1785 году 19-го марта рясофорный монах Серафим пострижен был в мантию»[218]. Более конкретное

---

* *Аполлос Иванович Наумов* (1719—1792) — обер-прокурор Синода с 1786 по 1791 год.

** *Виктор* (*Василий Анисимович Онисимов*; ?—1817) — епископ Владимирский и Суздальский.

подтверждение обнаружено в архивном деле «Записки иеромонаха Авеля (Ванюкова. — *В. С.*) и собранные им материалы по истории монастыря»: «В этот же год (1785-й. — *В. С.*) 19-го марта о. Пахомий постриг в монашество (в мантию) рясофорного монаха Серафима — в мире Прохора, при большом пострижении имя его осталось то же — Серафим»[219].

Интересен вопрос о монашеском имени преподобного: почему он получил имя, которого нет в святцах? Выбор имени был предопределен тем, что пострижение в рясофор состоялось в марте. С древнейших времен на Руси в марте и апреле из-за того, что эти месяцы приходятся на время Великого поста, празднований святым не проводилось. В исследовании архимандрита Сергия (Спасского) «Полный месяцеслов Востока» говорится: «Не подобает на четыредесятные дни рождения мучеников праздновати... Посему в древних календарях в сии месяцы не было означаемо и самих памятей святых»[220]. Тем не менее пострижение не прекращалось и в Великий пост. Имена постригающимся присваивались по ангельским чинам и именам архангелов — Гавриил, Михаил, Иуд, Рафаил и т. д. Например, тринадцатый саровский игумен Рафаил (Трухин)* был покрыт рясофором 25 марта 1868 года.

---

* *Рафаил* (*Николай Иванович Трухин*; 1844—1901) — игумен, тринадцатый настоятель Саровской пустыни (указ от 31 декабря 1889 года). Родился в семье обер-офицера на Ижевском оружейном заводе Сарапаульского уезда Вятской губернии. 15 января 1865 года окончил офицерскую школу. 1 октября 1867 года поступил в Русский Пантелеимонов монастырь на Афоне. Первоначально проходил послушание на клиросе и письмоводителем в монастырской канцелярии. Накрыт рясофором 25 марта 1868 года. В монашество пострижен 28 марта 1869 года. Через год определен регентом соборным голосовщиком и уставщиком. Рукоположен в иеродиакона 23 ноября 1872 года высокопреосвященным Дионисием, архиепископом Ксанфийским, находившимся в это время на Афоне на покое. Выполняет послушание смотрителя гостиниц. 28 сентября 1875 года посвящен в сан иеромонаха высокопреосвященным Иоакимом, митрополитом Дерконским, впоследствии Вселенским Патриархом Константинопольским (Иоакимом IV). В 1878 году поставлен монастырским духовником. 5 августа 1881 года состоялось назначение настоятелем монастырского собора во имя Святого великомученика и целителя Пантелеимона. 26 июля 1883 года награжден набедренником. 29 июня 1889 года награжден палицею. 30 января 1890 года принял монастырь. Хотя назначение отца Рафаила произошло и не по правилам Саровской пустыни и без участия братии, новый настоятель был встречен приветливо. «В Саровскую пустынь я прибыл благополучно и встречен был братиею очень любезно! Благодарю

Кстати, монашеское имя Серафим прослеживается в списках монашествующих по архивным документам задолго до пострижения Прохора Мошнина. Наиболее раннее его упоминание относится к 1706 году, когда в зарождающейся Саровской пустыни послушник Симеон в марте был пострижен с именем Серафим[221]. Этими обстоятельствами можно объяснить и неточности в «Житии преподобного отца нашего...» 1863 года издания, касающиеся пострижения 13 августа 1786 года: «Восприемными отцами его (Серафима. — *В. С.*) при сем были достопочтенные старцы Иосиф и Исайя». Дело в том, что казначей Иосиф умер 21 мая 1785 года[222] и мог быть восприемным отцом только при пострижении в так называемый малый образ в 1785 году. Эта ошибка присутствует до сих пор во многих жизнеописаниях отца Серафима и в «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» священномученика Серафима (Чичагова). В настоящее время под малым образом, малой схимой или мантией подразумевается пострижение в монахи. Большой образ, великая схима — это приятие монахом дополнительных аскетических обязательств. Тема становления монашеского чина, и в частности рясофорного послушничества, требует изучения, поскольку многие указы и положения неизвестны широкому читателю. Во времена преподобного Серафима пострижение в рясофорные послушники приравнивалось к малому монашескому образу и допускалось, как видим, изменение имени. Добавлю, что в мае 1790 года вышел указ, запрещавший называть рясофорных послушников монахами[223]. Итак, сделав предварительный шаг в марте 1785 года, 13 августа 1786 года мир лишился Прохора Сидоровича Мошнина, но обрел великого молитвенника, преподобного Серафима Саровского.

Господа Бога, что и в настоящее время пользуюсь расположением и вниманием братии, а также и я полюбил всех за их монашеское внимание к делу спасения. Чиноположение и устав обители мне очень нравится, даже почти одинаковый с Афонским уставом», — рассказывал отец Рафаил в одном из писем. 25 июля 1890 года награжден наперсным крестом. Указом Святейшего синода от 25 июля 1894 года назначен начальником Иерусалимской миссии, с возведением в сан архимандрита. 7 октября 1894 года сдал монастырь казначею Иерофею. 14 мая 1896 года по случаю коронации Николая II награжден орденом Святой Анны II степени. 4 июня 1899 года уволен от должности начальника Духовной миссии. 20 октября 1899 года назначен настоятелем Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря в Тверской губернии.

Глава вторая

САРОВ

Благословенный Саров

Сатисо-градо-Саровская пустынь, как она называлась первыми иноками, или просто Саровская пустынь, что более известно среди простых богомольцев, образовалась не на пустом месте. Задолго до появления первых монахов высокий мыс между реками Сатисом и Саровкой привлекал к себе внимание древних поселенцев. Недавние исследования Археологического центра «Регион» (Нижний Новгород) под руководством кандидата исторических наук Николая Грибова* позволяют утверждать, что история освоения человеком этих мест насчитывает две тысячи лет. Первыми поселенцами были представители племен мордовского народа. Древнее поселение, получившее официальное название «Саровское городище», занимало весь мыс между реками, а также значительные площади прилегающей к нему высокой береговой террасы.

Городище, остатки которого увидели перед собой первые монахи, сформировалось предположительно к X—XI векам. Мордовское поселение, кстати сказать, самое крупное из всех известных на сегодня и уступающее среди памятников Нижегородской земли только Городцу и Нижнему Новгороду, находилось как бы в буферной зоне между Русью и Волжской Булгарией. За долгие годы экономические связи местных поселенцев со своими соседями крепли, и на Саровском городище археологи обнаружили керамические изделия и различные украшения, завезенные из сопредельных государств.

* *Николай Николаевич Грибов* (род. 1955) — археолог, научный сотрудник Института археологии РАН (Москва), кандидат исторических наук. В 1984 году окончил Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. С 1993 по 2001 год работал на Саровском городище.

Древнее поселение защищалось целой системой рвов и валов. Первая линия укреплений пересекала мыс в наивысшей его точке на западной стороне. На восточной, напольной стороне располагалась самая протяженная система укреплений — до полутора километров. Внутреннее пространство между этими крайними укреплениями перегораживали еще три ряда оборонительных заграждений. Все эти фортификационные сооружения древние строители подвели к обрывам береговой террасы и как бы поделили поселение на несколько «городов». Принимая во внимание, что высота валов составляла от 3,5 до 5,5 метра, а глубина рва — от 2 до 2,5 метра при ширине в 15—20 метров, можно сделать заключение, что поселение было очень крупным и по некоторым признакам его можно отождествить с поселением протогородского типа. После X века среди мордовских племен наблюдается процесс объединения. В русских летописях существует описание мордовского княжеского удела — Пургасовой волости. Исследования на юге Нижегородской области арзамасского археолога Владимира Мартьянова* позволили обнаружить большое количество археологических памятников, которые существовали приблизительно в одно время с Саровским городищем и могли составлять эту легендарную волость во главе с хорошо укрепленной столицей на берегах двух лесных рек.

В литературе XVIII века и до настоящего времени пересказывается легенда о существовании на месте городища царственного города эпохи Золотой Орды под названием Сараклыч, правителем которого был хан Бехан. В архиве Саровского монастыря первое упоминание о Сараклыче относится к 1780-м годам, где описывается приход из Золотой Орды князя Бехана и основании городища, рассказывается о его войне с московскими князьями, наконец, оставлении города и уходе из этих мест. «А тот город Сараклыч в скором времени пришел в разорение и запустение»[1].

Легенда интересная, но она не подтверждена русскими летописями, нет следов этого города и среди других первоисточников, так же как и нет никаких археологических на-

---

* *Владимир Николаевич Мартьянов* (1934—2015) — археолог, этнограф, профессор Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара, кандидат исторических наук. С 1979 года работал в АГПИ им. А. П. Гайдара. Исследовал большое количество археологических памятников мордвы-эрзи в Нижегородской области. Автор большого количества работ, посвященных археологии и этнографии мордовского народа.

ходок, которые указывали бы на какое-то присутствие татарского поселения. Поэтому специалисты в один голос называют его позднейшим новообразованием, легендой, созданной первыми монахами Саровского монастыря.

Саровское городище существовало, но только не татарское, а мордовское, и оно действительно пресеклось в результате военного нападения и крупного сражения, когда защитникам не помогли и оборонительные сооружения. Первые монахи находили на городище незахороненные человеческие останки — свидетельство этого побоища. Во время последних археологических изысканий обнаружены фрагменты тел, имеющие следы, нанесенные боевым холодным оружием. Все строения погибли в огне пожара. Ученые датируют эту катастрофу первой половиной XIII столетия. К сожалению, археологами не обнаружены предметы вооружения и экипировки воинов, что могло бы как-то помочь в определении воюющих сторон. Поэтому к нападающей стороне можно отнести и русские дружины, находившиеся в этот период в состоянии войны с мордовскими князьями, и татаро-монгольские орды. Установить истину помогут дальнейшие археологические и архивные изыскания.

Заключая этот небольшой экскурс в древнюю историю Саровского городища, следует сказать, что оно пришло в полное запустение и на протяжении многих десятилетий отпугивало новых поселенцев своей страшной историей.

Новая история Саровского городища связана с подвижниками из среды монашествующих. Первые монахи появились на берегах Сатиса и Саровки в середине XVII века. Вековые леса, окружавшие Старое городище со всех сторон, изобилие ключевой воды, тишина и покой привлекали сюда первых поселенцев. В то же время всего в нескольких верстах западнее от Старого городища проходила старинная почтовая дорога, позволявшая в случае необходимости совершить путешествие на север: через Арзамас на Нижний Новгород или через Ардатов во Владимир и Москву. Почтовый тракт в районе Темникова пересекался с Большой посольской дорогой и уводил путника на юг.

Северный склон Саровской гряды, где селились первые монашествующие, круто обрывающийся к пойме Сатиса, привлекал к себе наличием изобильного родника, заливная луговина позволяла поселенцам посадить небольшой огородик.

Предположительно в 1664 году, «первее всех на сие мес-

то прииде монах Феодосий и жил с пять лет с некоторыми пришедшими монахами проводяща безмолвие. И в пребывание его было явление, повествовал всем приходящим, что он видел над горою свет дивный яко огненная заря, а в другое время звон бяша во многие колокола... Сей же монах Феодосий сие провидев и впредь идущие лета на сем месте быть некоторому смотрению Божию и тщатеся собрати братию и построить обитель, но не созволящу Богу взят в строители в Град Пензу»[2].

Феодосий покинул монашескую общину, оставив вместо себя инока Герасима, прожившего на Саровском городище около десяти лет. С уходом Герасима община распалась, и поселение пришло в запустение.

Только в 1690 году (предположительно), наконец, на берега Сатиса приходит человек, положивший всю свою жизнь на строительство новой монашеской обители. Это был монах Арзамасского Введенского монастыря Исаакий. Его трудами вновь созданная монашеская община окрепла, встала на ноги и по праву стала называться «Академией монашества». Кто же он, монах Исаакий?

Мирское имя его Иван Федорович (фамилия неизвестна). Родился в 1669 году в селе Красном, что расположилось в трех верстах от города Арзамаса, в семье приходского дьячка Федора Степановича. После поступления Федора Степановича в Арзамасский Введенский монастырь и пострижения его в великую схиму с именем Феофан за отцом последовал и сын. Произошло это в 1687 году. Спустя два года, 6 февраля 1689 года, послушник Иван Попов пострижен в монахи с именем Исаакий. В это время пришел в Введенский монастырь монах Филарет из Санаксарского Рождество-Богородичного монастыря, который рассказал молодому монаху о старом городище и о его явно избранном Богом предназначении. В начале 1690-х годов Исаакий начинает постепенно обживать городище. В первое посещение он устанавливает православный крест в знак своего серьезного намерения утвердить в глухих мордовских лесах оплот православия. В следующий раз строится временное жилье.

2 февраля 1692 года Исаакий по рекомендации настоятеля (или строителя, как называется еще эта должность) Санаксарского монастыря и благословению святейшего Адриана, архиепископа Московского и Всея Руси и всех Северных стран Патриарха, рукоположен в сан иеромонаха митрополитом Сарским и Подонским Евфимием. Возвра-

тясь из Москвы на Саровское городище, Исаакий положил основание монастырским пещерам, как бы в подражание пещерам Киево-Печерской лавры. Несколько лет Исаакий с переменным успехом продолжал осваивать премудрость пустынножительства. Редкие посетители долго не задерживались в лесной келье. В 1700 году на соседней мельнице, располагавшейся на почтовом тракте у реки Сатис, Исаакий повстречал старообрядца Иоанна Карелина и после долгих бесед сумел обратить его в православие и постриг к себе в пустыню с именем Ириней.

В этом году братия Введенского монастыря убедила отца Исаакия вернуться в родной монастырь и выбрала его настоятелем. Оставив на Саровском городище Иринея одного, Исаакий переселился во Введенский монастырь и был там настоятелем в продолжение шести лет. За это время он преуспел в деле обращения представителей старой веры. Специально для этой миссии ездил за Волгу и вернул в лоно Православной церкви три скита в полном составе — всего 65 человек.

Тем временем на Саровском городище к Иринею присоединились шесть пустынножителей, четверых из которых постриг в монашество Исаакий. Один из новопостриженников — Афиноген — так понравился Исаакию, что он взял его с собой во Введенский монастырь, с надеждой передать ему настоятельскую должность.

Долгое и безуспешное освоение Саровского городища можно объяснить отсутствием юридической базы, которая позволила бы полноправно обосноваться монашествующим на облюбованном месте, да и располагалось старое городище в «медвежьем углу», где сходилось несколько уездов: Арзамасский, Кадомский и Шацкий, даже границ у которых на тот момент не существовало. В июле 1705 года помочь этой беде вызвался стольник, крещеный татарский князь Данила Иванович Кугушев, который обратился к арзамасскому воеводе с челобитной о сыске порожней земли «меж Арзамасскова и Кадомскаго уездов... сыскав повальным обыском»[3] свободные земли. По освидетельствовании, если земля «лежит порожжа и спору никем не будет тою порожжую землю и лес в вышеписанных урочищах велено измерять в десятины и положить в чети, а измеряв тою землю и лес велено отказать ис той порожжей земли нынешнему челобитчику князь Данилу князь Кугушеву на дватцать четей в поле а в дву потому ж... И по отказным книгам велел отказать в церкве Божией Пресвятыя Бого-

родицы Живоноснаго Источника* и монахом Сатисо Града Саровския пустыни на сем с братиею которые на той земле живут на пропитание... Писан на Москве лета 1706 году Генваря в день»[4].

Принимая во внимание, что четь или четверть в те годы составляла половину десятины и принятое официально обозначение «в дву потому ж», то первоначально саровские иноки получили надел в 30 десятин («десять десятин в трех полях»). Официальное оформление земельного владения состоялось только спустя три года: «И по грамоте Великаго Государя ис Приказа Казанского дворца за ними отказана в 1709-м году Декабря дня»[5].

В начале 1706 года отец Исаакий получает долгожданную благословенную грамоту и антиминс для новой церкви. Сдав Афиногену Введенский монастырь, он возвращается на Саровское городище и начинает заготавливать лес для строительства церкви. А когда весеннее тепло растопило снега и отогрело землю, приступили и к самому строительству.

Первый храм возводили всем миром: вместе с иноками трудились и жители окрестных сел и деревень. Работа спорилась, и к 16 мая остались не отделаны только глава и внутреннее убранство. В монастырской летописи отмечены и чудесные явления, которые наблюдали все участники строительства. После водружения на главу храма деревянного креста «Господу Богу благоугодно было чудесным знамением проявить благоволение свое как к избранному месту, так и к воздвигаемому храму! В ночь на 17-е число вдруг раздался на горе "велий" колокольный звон и оный слышали все случившиеся тогда в пустыне и хорошо знавшие, что при строящемся храме и вообще в пустыне сей не было ни единого колокола! Но вот наступило и 17-е число. Кровельный мастер Стефан Феодоров взошел на верх храма ко кресту, для окончательной обивки главы деревянною чешуею, а другие занялись внутренней отделкой храма. Все шло обычным порядком. Но около полудня вдруг осветил всех необычный свет, и вместе с ним раздался опять сильный колокольный звон, "аки во многие колокола звонящий". Приостановив работу, все стали благоговейно при-

* Интересная ситуация: документ на землю написан в первых числах января 1706 года, и отец Исаакий получает в Патриаршем казенном приказе 7 января 1706 года антиминс на построение церкви во имя Пресвятой Богородицы, Живоносного Ее Источника (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 138. Л. 275 об.).

слушиваться к необыкновенному звуку колоколов, надеясь узнать, из какого места он исходит; но звон слышался и внутри храма, и вне его "повсюду того места", где была церковь, и явление сие продолжалось около часу»[6].

Так с Божией помощью, трудами всех участников строительства и подношениями благотворителей церковь была обустроена и подготовлена к чину освящения, которое и состоялось 16 июня (или 29 июня по новому стилю летоисчисления) 1706 года. Торжественное освящение храма во имя Пресвятой Богородицы и Ее Живоносного Источника провел архимандрит Арзамасского Спасо-Преображенского монастыря Павел. С этого великого события и принято считать отсчет истории Сатисо-градо-Саровской пустыни, правда, с небольшой оговоркой — обитель считалась еще некоторое время приписанной ко Введенскому монастырю.

Через три недели после торжества немногочисленная братия, всего восемь человек, собралась и приняла монастырский устав, который еще крепче соединил пустынников в их общем стремлении духовного становления.

Закипела жизнь на старом Саровском городище. Прослышав о новой обители, стали приходить из разных мест монахи и послушники. Каждому хватало работы: кто службу ведет, кто новые кельи строит, кто грибы собирает, а если в немощи лежишь, то по желанию можешь и лапти плести.

Вскоре вокруг нового храма вырос целый городок — прообраз монастыря. Вот как он описан монастырским летописцем. «На горе, к стороне северного ее склона и почти в северо-западном углу, стоял храм Живоносного Источника, за ним по северной и юго-восточной сторонам расположились братские кельи. В юго-западной стороне стояли хозяйственные здания, а по восточной расположены были амбары, погреба и проч. На западной стороне, по городовому валу, стояла ограда со святыми вратами, продолжавшаяся и вокруг всех поименованных монастырских строений»[7].

Прошло совсем немного времени, и стало ясно, что единственная церковь уже не вмещает в своих стенах всех желающих. Поэтому решено было просить в Духовном ведомстве о разрешении строительства двух новых храмов: первого во имя Преображения Господня и второго в честь Архистратига Михаила над Святыми вратами. К этому времени назрел и вопрос о самостоятельности новой обители. Монашествующие и благотворители на общем собрании составили челобитную об утверждении иеромонаха

Исаакия строителем Саровской пустыни. Копия этой челобитной сохранилась в монастырском архиве и представляет интерес еще тем, что содержит первый список монашествующих обители. Челобитную подписали лично или при помощи грамотных собратьев монахи: Иоарам (казначей), Иннокентий, Гервасий, Акакий, Иуст, Гаврил, Серафим, Геласий, Симон, Фома, Арсений, Феолог, Феогност, Софроний, Иоанникий, Иосия, Савватий, Сергий, Тихон, Корнилий[8]. Всего 20 человек. Утвердительная грамота, подписанная Местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Рязанским и Муромским Стефаном*, выдана 5 февраля 1709 года: «Велеть ему, иеромонаху Исаакию, в той пустыне быть строителем»[9].

Жизнь в пустыни была сурова и скудна. Многие приходящие в обитель пробовали испытать свои духовные и физические силы, и не у каждого получалось пройти это испытание даже на начальной стадии. Около четырех лет жила обитель по уставу, составленному Исаакием, взявшем за основу все самое лучшее из трудов Святых Отцов. Так называемый общежительный устав устанавливал равенство всех друг перед другом и в еде, и в одежде, и в послушании, но в то же время присутствовало строгое подчинение младшего старшему. В ноябре 1710 года братия общим собранием принимает решение об официальном утверждении устава и составляет новую челобитную на его утверждение.

Одновременно среди монашествующих, вслед за Исаакием, появились подвижники, бравшие на себя дополнительные испытания, «которые, ревнуя о больших подвигах ко своему спасению», уединялись на время Великого поста в пещеры. Подземные галереи, продолбленные в толще доломита, представляли уже небольшой комплекс, состоящий из нескольких маленьких келий и большего по размеру зала, в котором монашествующие собирались на общую молитву. И задумано было обустроить на этом месте подземную церковь в честь Антония и Феодосия, Киево-Печерских чудотворцев.

---

* *Стефан* (*Симеон Иванович Яворский*; 1658—1722) — митрополит Рязанский и Муромский (хиротонисан в 1700 году), Местоблюститель Патриаршего престола (с 16 декабря 1701 года). Для получения образования принимает унию. В 1687 году принес покаяние и вернулся в Православную церковь. В 1689-м пострижен в монашество. В 1697-м назначен игуменом Киево-Пустынно-Николаевского монастыря. Последние годы находился в опале.

Для решения этих жизненно важных вопросов и отправился Исаакий в Москву. Находясь в столице, Исаакий в поисках благотворителей дошел даже до апартаментов родных сестер Петра I — Марии и Феодосии. Высокопоставленные покровительницы оказали Исаакию содействие в получении разрешения на освящение пещерной церкви, пожертвовали иконостас с иконами, облачения для священнослужения, богослужебные книги и предметы. Кроме этого, Мария и Феодосия передали для обители 14 частиц мощей некоторых Киево-Печерских чудотворцев. Освятили пещерный храм по церковному чиноположению 30 мая. Первое время храм использовался и для проведения служб по умершей братии[10].

В этот же день при общем собрании братии была прочитана и благословенная грамота на общежительный устав, присланная митрополитом Стефаном. Все присутствующие со вниманием и «со слезами на глазах» выслушали особое завещание в стихах, сочиненное самим преосвященным митрополитом:

«Божию милостию Смиренный Стефан Митрополит Рязанский и Муромский, Саровской пустыни Настоятелю и иже о Христе с братиею.

Блюдитеся братие черну нося ризу,
Имейте смирение, око держа низу.
Избегайте гордыни, тщеславия злого,
Еже погубляет всем небесное благо.
Славолюбие, зависть и гнев отлагайте,
Постом и молитвою оных прогоняйте.
Лицемерства, лености лишатися тщитесь,
Но смиренно постяся, в молитвах трудитесь.
Едино общее все вам всем да будет:
Несумнитеся, понеже Бог вас не забудет.
Высший брат над низшим невысокомудрствуй,
Но всегда себе равна быти умствуй.
Сице образ показа и Христос Собою,
Аще, рек, кто в вас вящщий да будет слугою.
Сего ради благость, мир в вас да пребывает,
Кротость, воздержание в вас да водворяет.
Имейте же наипаче любовь между собою —
Истину, а не лестну, совестью благою.
Сия бо вас представит Небесному Трону
И даст нескончаемой радости корону.
В окончании же сего моего завещания
Мир и благословение оставляю вам.
Аминь»[11].

Весь многостраничный устав изложил владыка в своем стихотворении. Перед вступлением в обитель стоило прочитать эти 23 строки, и становилось понятным, что ждет тебя в монастырских стенах. Самое же главное, что утверждал устав обители, — это ее самостоятельность.

Тут же на общем собрании монашествующие пришли к заключению, что невозможно существовать обители без расширения земельных владений. Пустынь просто зачахнет на своем клочке земли в 30 десятин. Уже сейчас хозяйственные постройки начали тесниться на приграничных землях. Для разрешения этого вопроса Исаакий взял на себя самую ответственную часть, юридическую, — поиск владельцев земель, составление договоров купли-продажи. Из способных монахов и послушников подобрали сборщиков пожертвований и направили их по городам и селам. В скором времени был достигнут и первый результат.

22 января 1712 года совершена первая купчая крепость на проданную Саровской пустыни жителем города Темникова Ананием Борисовичем Немцовым землю «по обе стороны речек Сарова и Сатиса и по обе стороны Арзамасской дороги, с вотчинными и бортными ухожеями и рыбными ловлями и всякими угодьями». Купчая составлена и подписана в Темникове «крепостных дел надсмотрщиком», а за землю заплачено десять рублей. До 1729 года Исаакий совершил более шестидесяти сделок с землей и заплатил 664 рубля, 7 гривен, 29 алтын и 4 деньги[12]. Сумма не малая, но и владения монастыря раскинулись на многие километры. Так стараниями Исаакия Саровская пустынь стала крупнейшим землевладельцем России. И хотя земля в основном покрыта была лесами, и лесами заповедными, почему первые несколько десятилетий монашествующие по указу Петра I не могли их разрабатывать (лес представлял собой сплошной частокол, как говорили сами монахи — «руку нельзя было просунуть»), все же Исаакий оказался дальновидным хозяйственником — в конце XVIII столетия в указе Петра I появились некоторые послабления, и монашествующие получили право продавать строевой и корабельный лес.

А пока монастырь существовал только благодаря труду своих иноков на огородах и хозяйственных дворах, поступали в кассу деньги от выполнения церковных треб. Но все же основной статьей дохода было поступление различными вкладами от благотворителей.

В монастырских документах обнаружена интересная за-

пись от 4 ноября 1759 года «по благословению отца строителя начал писать благодарные письма к благотворителям. И написал 115 писем»[13].

На протяжении всего своего существования леса доставляли монастырю и массу неприятностей: это и кража леса крестьянами окрестных деревень, и притязания смежных землевладельцев, и самое страшное — лесные пожары. В 1712 году, только обитель начала крепнуть, весной — а она выдалась сухая и без единого дождя — в глубине леса возник пожар. Сильный ветер уже через сутки принес пламя к монастырю. Сплошной лес стоял прямо у стен обители, и огонь беспрепятственно перекинулся на деревянные строения. «В малом времени труды и заботы многих лет пожерты были пламенем. Сгорели: ограда вокруг монастыря, церковь Архистратига Михаила со святыми вратами, келии и проч., и всякое монастырское имущество со всею рухлядью, в том числе и многие документы»[14]. Целыми остались только недостроенная Преображенская церковь и храм Живоносного Источника. Но последний получил значительные повреждения: из него была выбрана вся церковная утварь, иконы «и даже по скорости во св. алтаре с Престола одежду и срачицу сняли. Велико было это несчастие для обители! Тяжело испытание и для основателя ее!». Но, видимо, не зря Господь избрал в основатели Саровской пустыни такого крепкого духом инока, как Исаакий. Не успело остыть пожарище, как саровские иноки приступили к восстановлению монастыря: заново отстроены кельи, исправлены повреждения в храме Живоносного Источника, и с архиерейского благословения его вновь освятили.

Прослышав о постигшем Саровскую пустынь несчастье, благотворители удвоили свою помощь, а некоторые пожертвовали даже семейные реликвии. Так, помещица села Лемети Ардатовского уезда боярыня Мария Васильевна Соловцова принесла в дар напрестольный крест со многими мощами, частицами Животворящего Древа Креста Господня, багряницы Спаса и ризы Пресвятой Богородицы*.

Спустя два года после пожара трудами монашествующих монастырь стал краше прежнего. И как это всегда бывает, соседей начала обуревать зависть. Досужая молва

---

* Совсем недавно автор познакомился с описью реликвий, изъятых в 1927 году при закрытии Саровского монастыря, этот крест находился в экспозиции Антирелигиозного музея города Пензы. В последующие годы след этой святыни затерялся.

распространяла слухи, что монахи нашли большой клад и на это золото строят храмы, кельи, скупают земли. Первую попытку поживиться чужим добром воровские люди предприняли в сентябре, но просчитались — на праздник Воздвижения Креста Господня пришло большое количество паломников, с помощью которых незваных гостей и выпроводили вон.

Все же разбойники не теряли надежды поживиться и, выждав, когда монастырь опустел от богомольцев и наемных работников, 30 ноября в глухую полночь монахи были разбужены громкими криками. Выбежав на монастырскую площадь, они тут же были окружены нападавшими. Связав монахов по рукам и ногам, разбойники развели костры и приступили к пыткам, выясняя, где спрятаны два котла денег, да 1700 «рублев», привезенных из Москвы. Ну а так как ничего этого не было, разбойники приступили к грабежу. Из церквей и келий вынесли и погрузили на монастырские же подводы все, что попадалось под руку: начиная с церковных облачений и заканчивая рукавицами и косами. «Одним словом, — пишет монастырский летописец, — грабеж обители был полный, как говорится — дотла, от малой до великой вещи».

Под утро, когда грабители уехали, через разбитые ворота в монастырь вернулись те немногие, кто успел укрыться в лесу. Их глазам предстала ужасная картина: вся монастырская площадь усыпана телами избитых до полусмерти монахов. А казначей Дорофей, оставшийся на время отсутствия настоятеля за старшего, так и лежал среди углей догорающего костра. По счастью, все оказались живы, хотя изрядно покалечены, а у отца Дорофея на всю жизнь остался красно-бронзовый цвет лица от пыток на костре, брови и ресницы так больше и не выросли[15]. Разбойники вскоре были все пойманы, это оказались жители ближайших сел. Вернуть имущество не удалось, и для острастки грабителей примерно наказали.

Хлопоты о земле, да и многие другие хозяйственные вопросы требовали постоянной отлучки настоятеля Исаакия. Вот и в наступившем 1715 году он отправился в столицу. По прибытии в Москву с Исаакием приключилась тяжелая болезнь. Состояние больного ухудшалось, и уже не было надежды на выздоровление. Чтобы встретить смерть подобающим монаху образом, саровский инок решил принять великую схиму и попросил об этом строителя Знаменской Красногривской пустыни из Гороховского уезда Ма-

кария. Тот согласился, но выставил условия: «Строителем и ни в каком начальстве у братии не быть, и не священнодействовать и из монастыря не выходить, и братию в церкви от Писания не учить, и в пении церковном и за трапезою с братиею простою стояти и сидети в последних». Получив согласие, Макарий совершил пострижение с именем Иоанн. Под этим именем саровский инок и прославился впоследствии.

Видимо, рано еще было умирать Исаакию-Иоанну, спустя некоторое время здоровье его пошло на поправку, и он возвратился в Саров. Связанный принятыми на себя обетами, Иоанн практически отошел от руководства монастырем, хотя братия по-прежнему обращалась к нему за советом. Но эта неопределенность в руководстве монастыря имела отрицательные последствия, и в молодой обители начались неурядицы и разногласия. Иеросхимонах Иоанн не мог спокойно смотреть, как его творение разрушается прямо на глазах.

В Красногривскую пустынь к настоятелю Макарию с посыльным отправлено письмо с просьбой отеческого совета. Но Макарий своими ответами только еще больше связывает Иоанна по рукам и ногам. Весь 1715 год прошел в тягостном ожидании. Наконец, братия собралась и решила обратиться с челобитной к государю и архиерею за разрешением возникшей проблемы.

Преосвященный Стефан в очередной раз оказал неоценимую услугу Саровской пустыни: 13 марта 1716 года он подписывает указ, в котором, ссылаясь на примеры из древней истории, когда монастырями управляли и схимонахи, — наиболее известный из них преподобный Пафнутий Боровский, архипастырь предписывает Иоанну быть вновь настоятелем и управлять ею по-прежнему.

Приведя в порядок внутренние дела, Иоанн приступил к делам земельным. Вопрос о приобретении и оформлении земель очень важный и хлопотный, требующий постоянных разъездов по всей округе, поэтому в Арзамасе и Темникове куплены хозяйственные дворы для строительства подворий.

Это оказалось как нельзя кстати: началась большая земельная тяжба с братьями Полчениновыми, которые подали в Вотчинную коллегию прошение с доказательством якобы самовольного захвата саровскими монахами земли, принадлежавшей еще их отцу.

Для оправдания совершенных земельных приобрете-

ний Иоанн делал выписки из старинных писцовых книг, доказывающих принадлежность земель татарским мурзам и мордовским князьям. Пришлось ему заняться и родословиями всех продавцов, что служило оправданием более древнего права на земли, на которые претендовали Полочениновы. Между этими заботами саровский настоятель продолжал приобретать все новые участки земли вокруг обители, с каждым разом все более и более расширяя монастырские владения. Последние три купчие на землю оформлены в 1729 году, всего в монастырском архиве хранилось 63 купчих, дарственных и прочих документов. Саровскую пустынь можно было назвать крупнейшим землевладельцем — в ее собственности первоначально находилось более 45 тысяч десятин.

Следует сказать, что влияние Саровского монастыря на духовную и экономическую жизнь этого лесного захолустья заметно возросло. Владельцы окрестных сел и деревень давно поняли благотворное воздействие иноческой обители на местное население. Когда весть о притязаниях братьев Полочениновых разнеслась по округе, на защиту молодой обители встало не только русское население, но и представители других вероисповеданий.

Да и центральной власти необходим оплот православия среди большого количества татар-мусульман, языческой мордвы и ревнителей старой веры. Тем более, что древняя Санаксарская пустынь, основанная еще в далеком 1659 году и расположившаяся на берегах реки Мокши, близ Темникова, пришла в запустение. Указом Святейшего синода оскудевший Санаксар в 1723 году первый раз присоединен к Саровской пустыни[16]. Четыре года Санаксар находился под опекой саровской братии. В 1727 году указом Синода приписанным монастырям возвращалась самостоятельность. Настоятелем монастыря назначен иеросхимонах Петр, а с ним шесть человек братии. При передаче хозяйства Санаксарскому монастырю излишне передали денег 6 рублей 4 алтына, хлебных запасов 13 четвертей, 23 улья с пчелами, корову и две телки. Вернувшийся из поездки Иоанн обнаружил это упущение, но оставил без изменения, как благотворительный вклад.

В 1729 году земельная тяжба медленно, очень медленно, с большой натугой, но все же выходит на финишную прямую. Иоанн в поисках защиты дошел со своей челобитной до Верховного тайного совета, который предписал Вотчинной коллегии во всем разобраться. И закрутилась бюрок-

ратическая машина: «Оное дело записать... описать... принять... отдать по повытию... расписать дачи... выписать из указов и предложить Коллегии немедленно». Решение, которое было доведено до спорящих сторон, было неожиданным как для Полочениновых, так и для насельников Саровской пустыни.

Притязания первых были признаны необоснованными, но оказалось, что и настоятель монастыря по закону 1649 года не имел права покупать земли от инородцев. Поэтому все земли подлежали передаче в казну. Вот такое обескураживающее решение, которое любого повергнет в уныние. Но не таков был иеросхимонах Иоанн, он продолжал борьбу за существование монастыря и обращается в Сенат. В октябре 1730 года сенаторы Михаил Голицын, Алексей Черкасский, Иван Барятинский, Андрей Ушаков и Василий Новосильцев (все эти люди заслуживают поименного упоминания, так как благодаря их заступничеству и ходатайству Саровская пустынь продолжила свое существование)[17] подготовили доклад на имя императрицы Анны Иоанновны. Они «дерзнули» сделать предложение «не соблаговолит ли Ваше Императорское Величество, для не имущества доходов и крестьян и руги, те земли за оною Пустынью утвердить вечно, другим не в образец». Доклад был поднесен императрице 25 октября. Ознакомившись с ним, государыня собственноручно начертала на нем: «Учинить по сему».

Так воля императрицы наконец поставила точку в этом очень важном вопросе. Опережая настоятеля, в Саров полетела депеша с радостной вестью. Настоятель Иоанн объявил 25 октября праздничным днем и как бы в напоминание о том, что более чем на 90 процентов земельные владения покрыты лесом, монашествующие назвали торжества «Лесным праздником». В Саровской пустыни ежегодно в этот день совершалась торжественная служба со всенощным бдением и благодарственным молебном.

Покончив с таким важным делом, Иоанн принялся за установление порядка внутри монастыря. Еще в 1711 году по рекомендации царевен Марии и Феодосии он принял к себе в обитель иеродиакона Симонова монастыря Иосию. Мирское имя его Яков Самгин, происходил из купеческого сословия города Елатьмы. На первых порах он показал себя с хорошей стороны и начиная с 1715 года во время своих отлучек настоятель оставлял за себя иеромонаха Дорофея, а казначеем был поставлен Иосия. Спустя десять лет, пользуясь многодневными отлучками настоятеля, Иосия само-

вольно построил для себя в четырех верстах от монастыря пустынную келью. Спустя еще три года, оставшись за настоятеля, Иосия пытается организовать свой монастырь и переманить монашествующих к себе на пустынное место. Последователи у него, конечно, были, но из этой затеи ничего не получилось. Хотя Иосия и покаялся перед настоятелем, от своего замысла он не отказался. После того как за Иосией стали присматривать иеромонахи Дорофей и Ефрем, он затеял интриги по дискредитации Иоанна и его помощников, при этом перебрался на жительство к себе в пустыню. Сторонники Иосии приходили к нему как к духовнику. Среди них был и монах Георгий (Зварыкин), живший некоторое время при императорском дворе и имевший на руках какие-то запрещенные бумаги. Иосия порекомендовал ему показать эти бумаги бывшему за настоятеля отцу Дорофею и Ефрему и спросить у них, что с ними делать. Саровские монахи не сочли бумаги важными и вернули их хозяину. Тогда Иосия посоветовал Георгию тайно положить бумаги под Святой престол церкви и никому об этом не говорить. Спустя некоторое время, а именно в июне 1731 года, Иосия, прослышав о вакантной должности строителя в Николо-Берлюковской пустыни под Москвой, отправляется к своим благодетелям, с помощью которых и получает эту должность.

Убрав и эту смуту за монастырские стены, Иоанн задумался над своим уходом от управления обителью, благо есть и достойный преемник — иеромонах Дорофей.

В 1730 году происходит событие, которое имело далекоидущие последствия для монашествующих нескольких обителей и для многих высокопоставленных лиц. Первоначальник Иоанн, находясь в Москве по земельным делам, зашел к купцу Максиму Шелягину как к возможному благотворителю. Увидев у Максима тетради, в которых были написаны рассуждения о русском монашестве, выпросил их на время и отправил записки в Саров с монахом Аароном для снятия копии. В обители Иосия, исполнявший обязанности временного правителя, призвал к себе монашествующих Сильвестра, Георгия, Ефрема и Феофилакта и распорядился сделать копию.

Следует сказать, что автором записок о монашестве являлся архимандрит Маркелл (Радышевский)*, пытавшийся

---

* *Маркелл* (*Николай Романович Радышевский*; ?—1742) — епископ Корельский и Ладожский (хиротоносан 10 января 1742 года). 30 июня 1721 года назначен обер-иеромонахом при флоте в Кронштадте.

полемизировать с официальной Церковью по поводу проводимых реформ, за что оказался в опале, а его сочинения были запрещены. Обо всех этих тонкостях отец Иоанн, вероятно, не догадывался. Тетради взял «...спроста для того, что де в тех писано о монашестве». По получении тетрадей из Сарова вернул их хозяину и за хозяйственными заботами забыл об их существовании...

Одним из главных действующих лиц в этой трагической истории является монах Георгий. Мирское имя его Григорий Авраамович Зварыкин. Родился в Костромском уезде в сельце Погорелки в обедневшей дворянской семье. Отец погиб в 1709 году во время битвы под Полтавой. Отличаясь любознательностью, получил неплохое образование, самостоятельно овладел латинским и немецким языками. По рассказу самого Георгия, в монахи он пострижен в 1726 году, когда заболел во время путешествия в Киев[18]. В действительности монашеское одеяние и монашеское имя Зварыкин присвоил самовольно.

Обладая способностями чтения и письма, Георгий был поставлен на послушание делопроизводителя. Нередко первоначальник брал его с собой в длительные поездки как помощника.

Был у Георгия один изъян — он страдал «падучей» болезнью и душевной неуравновешенностью. Георгий несколько раз порывался покончить жизнь самоубийством, но до греха дело не дошло. Своему духовному отцу Иосии Георгий поведал о главном прегрешении — что он отрекся от Бога, и показал расписки бесам, написанные углем и кровью. Иосия принял покаяние и выдал разрешительное письмо Георгию. Шел 1730 год.

По возвращении отца первоначальника в Саровскую пустынь конфликт его с Иосией достиг критической точки. После серьезного разговора Иосия принимает решение покинуть Саровскую пустынь для приискания себе другой обители. Перед отъездом, сложив в деревянный бочонок тетради о монашестве, расписки Георгия, Иосия закопал компрометирующие бумаги в алтаре храма Живоносного Источника. 26 октября, взяв годовой паспорт, Иосия

В 1724 году возведен в сан архимандрита Псково-Печерского, а затем Юрьевского монастыря. Был противником преобразований Петра I, постоянно полемизировал с архиепископом Феофаном (Прокоповичем). Неоднократно арестовывался и даже был приговорен к смертной казни, находился в ссылке в Кирилло-Белозерском монастыре. В 1740-м освобожден.

отправился в Москву, якобы по монастырским делам — получить лампады, приготовленные благотворителями. В Москве он остановился у священника Петра — вкладчика Саровской пустыни. В это время к Петру пришел иеромонах Николо-Берлюковской пустыни и пожаловался, что уже долгое время у них нет настоятеля. Иосия приложил максимум усилий и при помощи отца Петра в январе 1731 года вступил в должность настоятеля подмосковной обители[19].

Сразу после отъезда Иосии из обители первоначальник Иоанн принимает решение о передаче управления обителью достойному преемнику — иеромонаху Дорофею, в миру Дмитрию Анисимовичу Замятнину. Он родился в 1678 году в селе Саватьме Шацкого уезда в крестьянской семье, принадлежавшей князю А. Д. Волконскому. В 1705 году поступил в монашескую общину к Исаакию. Спустя три года был пострижен в монашество, в 1710-м рукоположен в сан иеродиакона, а затем – в иеромонаха[20].

В октябре 1731 гогда вся монастырская братия собралась в трапезе для решения вопроса о новом настоятеле. С сожалением просьба Иоанна была удовлетворена, хотя братия все же оговорила, что прежний настоятель будет во всем помогать вновь избранному. Это решение, за подписью всех монашествующих, и было отослано по инстанции. 4 декабря 1734 года новый настоятель приведен к присяге[21].

Спустя год — 13 декабря 1732 года — Дорофей окончательно утвержден в должности, причем в указе оговаривалось наименование Иоанна почетным званием «первоначальник» и о согласованном с ним руководстве обителью.

К этому времени уже два года братия заготавливала кирпич для строительства новой каменной церкви. В сентябре 1733 года было получено разрешение на строительство храма, но очередная напасть постигла Саров.

Чем больше вчитываешься в обнаруженные архивные документы, тем больше становится понятным — страх перед Тайной канцелярией послужил толчком к началу следственных действий. Тайная канцелярия — страшное ведомство, своего рода российская инквизиция, в которой правила система дыбы и кнута, дававшая заключенным практически только два выхода — на плаху или в Сибирь на каторжные работы.

Дело началось таким образом. В ноябре 1733 года первоначальник отправился с группой монашествующих, сре-

ди которых находился и Георгий Зварыкин, в Москву. Не выполнив до конца своей миссии, саровские монахи 29 декабря отправились восвояси. В паспорте канцеляристом Духовного ведомства сделана запись: «По сему пашпорту показанныя Темниковскаго уезду Саровския пустыни Первоначальник иеросхимонах Иоанн с братиею в Москве в духовной дикастерии явились, которые от оной духовной дикастерии кроме монаха Георгия отпущены по прежнему во оную пустынь»[22].

Монах Георгий был арестован и заключен под стражу. А всему начало положил визит монаха Георгия 13 декабря 1733 года к архиепископу Ростовскому Иоакиму с прошением о принятии его покаяния и успокоении его души, как замученного советью грешника, продавшего душу бесам. Текст прошения:

«Премилостивейший Государь,
Владыко Преосвященнейший.

В прошлом 1724 году согрешил аз окаянный отвергался от Христа, а в прошлом 1725 году в том моем согрешении покаялся, и дадеся мне от отца моего духовнаго заповедь еже не причащатися мне все живота моего время Святых Христовых Тайн даже до смерти. И аз грешник хранил оную заповедь и поныне, но токмо в нынешнем 1733 году я в болезни при смерти сподоблен был причаститися Святых Христовых Тайн другим отцем моим духовным которой и прочия отцы мои духовныя прежняго моего вышеозначенного духовнаго отца означенную мне данную заповеди никто и поныне не разрешили. И я грешный вельми стужаем есмь и снедаем от совести моея, и едва не приходя в отчаяние спасения моего, яко чужд сотворится Святых Тайн причастия: и боялся да не како вельми боля душею о том, в конечное приду спасение моего отчаяния: Приидош до твоего Государя Преосвященства, твоего владыко святыя разсуждения просити архипастырскаго. И еже ты Государь разсудиши оное здесь подписать да соблагоизволиши: прошу и молю тя владыко Преосвященнейший, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа ради.

Твоего Государя Преосвященства всепокорнейший послушник и раб всенижайший, Саровския синодальной области Темниковскаго уезда пустыни

Георгий монах недостойный,
паче всех грешных грешнейший.

Писал сие своеручно декабря в день 1733 года»[23].

Прочитав письмо, владыка, вероятно испугавшись, как бы человек, знающийся с нечистой силой, не навредил ему, разорвал прошение и прогнал прочь волшебника. На этом бы и закончилось все дело, но... Народная почта донесла до Иосии весть о том, что саровский монах Георгий явился с покаянием к владыке в Синодальную контору. Что делать? И Иосия решил действовать на опережение — пишет письмо, в котором как духовный отец монаха Георгия доносит о том, что тот является волшебником. Явление Иосии как свидетеля в Синодальной канцелярии было замечено, и владыке Иоакиму ничего не оставалось делать, как отправить солдат на розыск саровского монаха Георгия.

За арестом Георгия уже 25 января 1734 года последовал арест монахов Берлюковской пустыни: Иосии, Иакова, Боголепа и Сильвестра. Одновременно вторая команда отправилась в Саровскую пустынь для ареста Ефрема с Феофилактом, а затем и первоначальника с Аароном. Руководителям команд предписывалось «в кельях и чуланах книги и тетрати и письма, все что есть неоставливая ни единого лоскута забрать и за печатью прислать в Москву»[24].

Прибыв в Саров, обер-офицер сразу приступил к обыску в церкви. Действительно, как и говорил Иосия, нашли липовый бочонок с бумагами, только не под престолом, а в притворе — под полом. Дополнительный компрометирующий материал дали обыски по кельям монахов. У первоначальника обнаружили запрещенные сочинения Маркелла (Радышевского) «О монашестве» и «Житие Феофана Прокоповича». В келье иеромонаха Ефрема также найдены подобные тетради. Всего 46 книг и тетрадей конфисковали московские следователи[25]. Опросив монахов, комиссия с арестантами и опечатанными рогожными кулями с бумагами уехала.

Арестованы были и купцы братья Максим и Иван Шелягины. Основных фигурантов по делу было 11 человек. 9 марта 1734 года начато дело «О монахе Саровской пустыни Георгии Зварыкине, сужденном за сношения с нечистою силою, и о прикосновении к делу строителя Берлюковской пустыни Иосии, имевшем тетради Маркелла Родышевского против Феофана Прокоповича, о Тайном Советнике Алексее Макарове, о княгине Марье Одоевской, князе Иване Одоевском и других лицах».

Уже 4 апреля Феофан Прокопович* направляет письмо

---

* *Феофан* (*Елисей, Елеазар? Прокопович*; 1681 —1736) — архиепис-

руководителю Тайной канцелярии генералу Андрею Ивановичу Ушакову, в котором говорит о «возжжении смуты». О ходе следствия доложено императрице.

Для того чтобы к основным подозреваемым по делу можно было применять пытки, было принято решение о лишении монашеского звания и священства с Георгия, Иосии, Иакова и Сильвестра. В ходе следствия допрошены сотни человек, многие потеряли средства к существованию, несколько человек расстались с жизнью. Открыл скорбный список монах Саровской пустыни Аарон, неграмотный человек, не читавший запрещенных тетрадей, выполнивший поручение своего настоятеля, — скончавшийся 5 апреля 1735 года[26].

Следующая кончина произошла 17 июля 1736 года. «Содержащийся под караулом иеродиакон Феофилакт умер. Тело погребено при церкви Преображения Господня»[27].

Содержание в заключении не способствовало продлению дней жизни первоначальника, и в декабре 1737 года он умирает.

«№ 792 Подано и докладывано декабря 20 дня 1737 года в Канцелярию Тайных розыскных дел Доношение... стоящей в Тайной Канцелярии на карауле Лейб-Гвардии Измайловского полку... Иван Хрущев а об чем мое доношение тому явствует ниже сего:

1. Декабря 19 дня содержа... в Та...елярии колодник иеро... волею Божиею умре скоропостижно.

2. А до смерти оной Иван исповедован и Святых Тайн приобщен.

3. Тайная Канцелярия об оном благоволила... о сем моем доношении решение учинить.

Декабря 20 дня 1737 года
Иван Хрущов»[28].

Следующая страница архивного дела, изъеденная временем, повествует: «И того ж числа повышеписанной помете при стоящем в Тайной Канцелярии на карауле вышеозначенном подпорутчике Иване Хрущове вышепомянутого колодника иеросхимонаха Ивана мертвое тело осматривано. И по осмотру оное мертвое тело яви... иеросхимонаха Ивана... Ом мертвом теле ран и других ...ных знаков никаких нея...»[29]

коп Новгородский. С 25 ноября 1721 года — первый вице-президент Святейшего синода, с 15 июля 1726 года — первенствующий член Синода, государственный деятель, сподвижник Петра I, писатель и публицист.

Долгое время ставилось под сомнение предположение о захоронении первоначальника Саровской пустыни иеросхимонаха Иоанна рядом с храмом Преображения Господня на Колтовской стороне, и вот обнаружено неоспоримое подтверждение: «1737 году декабря 20 дня по Указу Ея Императорскаго Величества церкви Преображения Господня что на Санкт Питербурхском острову священником с причетники посланное от Канцелярии Тайных розыскных дел мертвое тело колодника иеросхимонаха Ивана по... погребсти...»[30]

В северо-западной части Петроградской стороны Санкт-Петербурга, между Малой Невской и Ждановской, располагалась местность, именуемая «Колтовская» от имени начальника Невского полка, квартировавшего на этом пустынном полуострове. От этого получила свое название и Колтовская церковь. Первоначально была выстроена деревянная, а в 1862 году состоялась закладка каменного храма. На нижнем этаже был освящен придел во имя Святителя Димитрия Ростовского, а на верхнем — во имя Преображения Господня. Рядом с храмом располагалось кладбище, на котором хоронили с 1730-х годов на протяжении двух или трех десятков лет умерших узников Тайной канцелярии. 27 февраля 1932 года храм был закрыт, а в ноябре снесен[31].

Так закончил свой земной путь человек, положивший начало одной из самых замечательных иноческих обителей России, заложивший духовную колыбель, в которой впоследствии выросли такие подвижники благочестия, как Ефрем, Пахомий, Назарий, Исайя, Марк, преподобный Серафим и многие другие. Сохранившаяся до сих пор пещерная церковь является памятником первоначальнику Иоанну. Литературные труды старца служат и сейчас напоминанием о его праведной жизни. «Доброе имя во веки пребывает».

После смерти Феофана Прокоповича расследование дела берлюковских и саровских монахов закончилось в 1738 году. Громкого дела не получилось, но участники были примерно наказаны, чтобы другим неповадно было идти поперек власти даже в мыслях. Самгина и Зварыкина приказано бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри, сослать первого на Камчатку, второго в Охотский острог в работы вечно. Кучина и Ефрема бить кнутом нещадно и сослать первого на «сибирские казенные заводы в работу», второго — «в Оренбург в шахты вечно». Боголепа и Викторова бить нещадно кнутом и отправить на военную службу.

Братья Шелягины как раскаявшиеся и уничтожившие тетради Родышевского до начала следствия, помилованы и под подписку о молчании отправлены домой[32].

В 1739 году настоятель Дорофей, выполняя предписание, составляет описание пустыни. Для читателя оно будет интересно как опись наследства, которое оставил после себя первоначальник.

«Саровская пустынь Темниковского уезда расстоянием от г. Темникова в 30 верстах, от г. Арзамаса в 40 верстах, от села Кременок в 7 верстах, от деревни Балыкова в 6 верстах.

Церкви: деревянная в честь Живоносного Божией Матери Источника, с таковою же колокольнею. Да в ней же (пустыне) строится каменная во имя Живоносного Источника с приделы преподобн. отец Антония и Феодосия Киевопечерских; но оная еще не достроена, крыша же покрыта тесом.

Да в пещерах копанная из камня церковь во имя всех Киевопечерских отец, в коей за ветхостию напрестольной одежды служба не совершается.

Келии братские все деревянные с сенями и навесами для дров, числом 9 келий, от двух до трех сажень длины, и от 2 до 3 сажень ширины, с сенями. Прочия келии названы: больничная и при ней трапезная для больных; келья хлебная и поваренная; просфорня, столярня, портная, оконничная, келья с жерновами, где мелют муку и крупу; келья для ставки пчел в ульях; четыре келии для богомольцев, пять келий порожних; две келии казенных (вероятно, рухлядная и для склада разного материала, эта приписка относится уже к концу XIX века. — *В. С.*), две для рабочих, две на устье пещер. А всех келий 34.

Житниц 4, амбаров 3, ледников и погребов два; один овин, две кузницы; 10 сараев, 4 сенницы, одна конюшня.

Братство. Против древнего установления надлежит быть строителю иеромонахов со строителем 3, иеродиаконов нет, монахов 9 и один схимонах, и 18 послушников. Всех же 31.

Белых попов и диаконов, равно и монастырских вотчинных служителей, а равно так же ни офицеров, ни солдат, и приписных вотчин не имеется. Так же и приписных монастырей нет.

Земли имеются купленные у татар, а в 1730 году, по именному Ея И. В. указу, отданы и отказаны за обителью, "другим не в образец".

Пашни четвертной 173 четверти, налицо же 60 четвертей.

Сенных покосов на 400 копен, а прочая вся земля и все покосы все поросли лесом.

А мельниц и рыбных ловель, також десятинной [казенной] пашни и сева ни какого хлеба не имеется. Сенных покосов на оную пустынь косят 300 копен. Да в наем отдается четвертной пашни [своей] 50 четвертей по 6 рублей; покосов на 100 копен [из 173 четвертей] по два рубля из вышеозначенного [400 коп.].

Доходов денежных, как окладных, так и не окладных, и хлебных и прочих, т. е. руги в сборе не бывает. А пропитание пустынь имеет от подаяния христолюбивых людей»[33].

Сами монашествующие занимались возделыванием земли, косили, мололи, ловили рыбу, то есть выполняли все необходимые работы. В перечневом табеле монашествующих, например, за первоначальником записано рукоделие: «лапти плетет и лестовки делает»[34].

Трагические события 1734 года дополнились требованием вышестоящего духовного руководства о направлении в другие монастыри способных монахов, и к началу 1740-х годов получилось так, что и сама Саровская пустынь оскудела на братию. Казначей иеромонах Филарет отправлен братией в Московскую синодальную контору с прошением о разрешении постричь послушников в монахи и хотя бы не брать некоторое время из монастыря монахов. Эта экспедиция Филарета оказалась удачной, и он получил разрешение на пострижение одиннадцати послушников.

В начале 1740-х годов в обитель начинают вновь приезжать богатые паломники, и вновь оживляется обустройство монастыря.

В 1744 году, наконец, стараниями московского купца Демидова отстроена каменная церковь, заложенная еще в 1730-х годах, которую приехавший на освящение епископ Нижегородский Димитрий освятил в честь Успения Пресвятой Богородицы.

В следующем году построена каменная больница для престарелых монашествующих. При ней застроена церковь в честь Преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев.

Как бы чувствуя свою приближающуюся кончину, отец Дорофей принимает на себя великую схиму с переменой имени на Димитрия. Умер второй строитель Саровской пустыни 4 октября 1747 года.

Саровская братия на общем собрании выбрала на должность настоятеля своего казначея Филарета. До настоящего момента существует ошибочное утверждение о происхождении этого человека. Монастырские летописцы, а затем и современные исследователи приписывают Филарету происхождение из дворян Смоленской губернии. (В начале XX века были изданы воспоминания монахов Саровской пустыни: Евгения, Порфирия, Нифонта. Зачастую они несколько отходили от исторической правды. Это касается эпизода ареста первоначальника, которого якобы сразу после взятия под стражу увезли в Москву[35]. В отношении Филарета — ему почему-то приписана биография иеромонаха Флавиана[36].)

В действительности Филарет (в миру Филипп)* относился к категории российских подданных, не помнящих своего родства. В опросных листах он отвечал, что год рождения и своих родителей не знает, воспитывался чужими людьми. В июле 1718 года поступил в Арзамасский Высокогорский Вознесенский монастырь, где спустя два года пострижен в монашество. В 1731 году перешел в Саровскую пустынь[37]. Время рукоположения в священнический сан не установлено, но уже в 1739 году Филарет исполняет обязанности казначея. Несмотря на свое «безродное» происхождение, иеромонах Филарет был способным и грамотным монахом, так что после ареста первоначальника он оказался просто незаменимым человеком в деле разрешения различных земельных споров, порой крайне затруднительных из-за разбросанного расположения монастырских владений в уездах (Темниковском, Кадомском и Арзамасском) разных губерний (Тамбовской и Нижегородской) между соседними поместьями. Так, за Сатисом в сторону деревни Балыково всего в полуверсте уже начинались владения Татищевых, Леонтьевых, Шаховских, которые ре-

---

* *Филарет* — иеромонах, третий настоятель Саровской пустыни (утвержден в 1747 году). Пришел в Арзамасскую Высокогорскую пустынь в июле 1718 года. 8 июня 1720 года пострижен в монашество. В сентябре 1731 года переведен в Саровскую пустынь. В 1739-м записан как казначей пустыни. Вследствие того, что начиная с 1741 года все документы, направляемые в Московское синодальное правление и получаемые из него, адресованы казначею пустыни Филарету, можно предположить, что он являлся исполняющим обязанности настоятеля из-за болезни (?) отца Дорофея. 28 мая 1749 года отказался от должности настоятеля по состоянию здоровья. Переведен в Суздальский архиерейский дом, затем назначен настоятелем Шартомского Николаевского монастыря с возведением в сан архимандрита.

шили построить винокуренный завод в непосредственной близости от монастыря. Несколько лет казначей, а затем и настоятель Филарет занимались решением этой проблемы. В итоге методом взаимных уступок было достигнуто «полюбовное» соглашение: земля, лежащая за Сатисом против монастыря, уступалась Сарову, а земли, принадлежавшие ему около сел Кременки и деревень Балыково и Рузаново, уступались соседям. Вотчинная коллегия, рассмотрев полюбовные соглашения, предписала, Арзамасской провинциальной канцелярии провести своекоштное (то есть за свой счет) размежевание земель, что и было сделано в 1749 году. На этот момент земельные владения монастыря составляли 19 682 десятины и представляли собой единый монолит — «Дачу единственного владения», как называли они свои земли.

В 1748 году старая деревянная церковь Живоносного Источника разобрана и начато строительство каменной «теплой» церкви с печным отоплением. Строили храм долго — десять лет, и все это время службы зимой проводились в больничном храме Зосимы и Савватия.

Филарет руководил монастырем всего два года, в 1749 году по состоянию здоровья он отказывается от должности. Указом от 28 мая монастырь возглавил иеромонах Маркелл.

Отец Маркелл* родился в Ярославле, в семье дьякона (мирское имя установить пока не удалось). Способный к русской грамоте, он еще юношей помогал в качестве писца в канцелярии епископа Ростовского Димитрия (Сеченова). Спустя некоторое время он поступает в Спасскую Дерновскую пустынь, где и пострижен в монашество с именем Маркелл. В иеродиакона и иеромонаха рукоположен там же. В 1744 году он приходил в Саров с намерением остаться на постоянное жительство, но почему-то вернулся в Дерновскую пустынь. Только в 1746 году Маркелл предпринимает вторую попытку, и более успешную, обосноваться в Сарове, сразу же став помощником настоятеля в ведении земель-

* *Маркелл* (1721—1752) — иеромонах, четвертый настоятель Саровской пустыни (с 28 мая 1749 года). Мирское имя и происхождение требуют уточнений. В сентябре 1744 года в сане иеродиакона направлен епископом Нижегородским и Алатырским Димитрием «для обучения жития пустынного» в Саровскую пустынь. 25 февраля 1746 года в сане иеромонаха «по желанию» переведен из Спасской Дерновской пустыни в Саровскую обитель (зачислен 26 июня 1746 года). Похоронен в Нижнеломовской Успенской пустыни.

ных дел. За время недолгого правления о. Маркелла окончено строительство церкви Архангела Михаила и колокольни над ней, освящена церковь во имя Зосимы и Савватия. Под северным склоном, над источником первоначальника начато строительство храма во имя Иоанна Предтечи.

Иеромонах Маркелл, несмотря на свои заслуги, недолго был настоятелем монастыря, что этому послужило, сказать трудно. Возможно, прав монастырский историк, утверждая о недоброжелательности монашествующих Сарова к пришлому руководителю и, как следствие, поступившие в канцелярию Суздальского епископа доносы. (Саровская пустынь с 1751 по 1758 год подчинялась по духовному ведомству Суздальской епархии). Как бы то ни было, но указом от 14 сентября 1751 года Маркелл переведен настоятелем в бедную Нижнеломовскую Успенскую Салалеевскую пустынь, а на его место определен эконом архиерейского дома иеромонах Исаакий*.

Пятый по счету настоятель Саровской пустыни родился в селе Богородицк Кадомского уезда Тамбовской губернии в семье священника Прокопия Емельянова. Просматривая монастырские бумаги, иногда приходится удивляться методу, по которому монастырский делопроизводитель их составлял. Так, например, в отношении Исаакия — имя и отчество его отца мы знаем, а вот мирского имени самого настоятеля пока нигде не обнаружено.

Будучи еще молодых лет, он вместе со своим отцом пришел в Саровскую пустынь, где спустя некоторое время

---

* *Исаакий II* (1721—?) — иеромонах, пятый настоятель Саровской пустыни (с 14 сентября 1751 года). Мирское имя требует уточнения. 24 сентября 1758 года уволен от должности настоятеля Саровской пустыни. Последовала череда переводов и назначений: эконом в Тамбовском архиерейском доме, игумен Краснослободского Спасо-Преображенского монастыря, настоятель Козловского Троицкого монастыря с посвящением в сан архимандрита, настоятель Нижнеломовского Казанского монастыря с назначением присутствующим членом при Духовной консистории. В 1768 году за подписание письма представителей дворянства о смене Тамбовского архиерея оштрафован отрешением от консисторского присутствия, запрещением на год священнослужения и ношения архимандричьего креста. 10 августа 1774 года под принуждением возглавил встречу у ворот Нижнеломовского Казанского монастыря атамана Пугачева (лжеимператора Петра Федоровича III) и его войска. 27 сентября 1774 года указом Святейшего синода лишен сана, священства и монашества. 3 июля 1775 года подписан указ о разрешении на проживание в Наровчатском Троицком Скановом монастыре на положении простого монаха.

пострижен в монашество. 10 мая 1745 года указом Исаакий вызван в Москву, рукоположен в иеромонаха и получил назначение на должность эконома дома преосвященного Порфирия, епископа Суздальского и Юрьевского. И вот иеромонах Исаакий возвращается в Саров и принимается за устроение обители. За хозяйственными хлопотами новый настоятель не обратил внимания, что стал реже бывать на богослужениях, продолжал носить одеяния столичного покрова. А в Сарове «носили платье грубое, полушубки нагольные не крытые, камилавки валеные, четки ременные, сапогов не носили, но бахилы кожаные, некоторые всегда надевали лапти... Пища тогда тоже была суровая: репа, брюква, редька и проч.»[38].

В Духовную консисторию начинают поступать доносы на настоятеля с указанием на отличие в одежде, хранении монастырской кассы у себя в палатях и даже в рытье подземного хода из кельи.

Если и были какие непорядки, то они были устранены, и на все спорные вопросы даны ответы. Обвинение в копании специального подземного хода попробовал объяснить монастырский летописец при составлении биографии отца Исаакия. «Надобно полагать, что когда копались пещеры, то землю из оных вытаскивали ушатами в три трубы. Из коих на одной сделана глава, а две другие трубы завалены, но и ныне еще значатся. Вероятно, о. Исаакий келью свою поставил на одной какой-либо из этих труб, что и дало повод зложелателям сделать этот донос»[39].

По окончании разбирательства настоятель продолжил работу на пользу обители. В 1753 году получено разрешение и построена водяная мельница на реке Сарме и мельница на Сатисе по дороге в село Аламасово, именовавшаяся в монастыре как Средняя мельница. В этом году по переднему (западному) валу начата кладка каменной стены. Посредине этой стены спланированы Святые врата для встречи высоких гостей, которые приезжали в Саров по старинной почтовой дороге. Рядом с ними разместились ворота для хозяйственных нужд монастыря, а над ними — церковь во имя Николая Чудотворца. По краям откоса стена оканчивалась угловыми башнями. Северная предназначалась для просфорни, а южная для переплетной мастерской.

В 1753 году у соседней Санаксарской пустыни вновь возникли трудности. Настоятель Порфирий, оставшись с одним вдовым попом Александром Семеновым и не считая себя способным хотя бы приостановить упадок монастыря,

Колокольня Саровской пустыни.
Фото 1903 г.

Храм во имя Иоанна Предтечи.
Фото 1903 г.

обратился к епископу с просьбой разрешить ему вернуться в родной Спасо-Евфимьев монастырь. 17 марта последовал указ, разрешающий Порфирию увольнение. Санаксарская пустынь объявлялась приписанной к Саровскому монастырю, и отцу Исаакию вменялось в обязанность направлять в Санаксар одного иеромонаха, монаха и двух трудников для исполнения богослужений[40].

К этому моменту Саровская пустынь действительно окрепла, слава ее распространялась далеко за пределы епархии. В нее стало приходить много паломников, и около западного рва была выстроена деревянная гостиница для богомольцев.

5 июля 1755 года произошло знаменательное событие — из сибирской ссылки в Саров возвратился отец Ефрем, арестованный вместе с первоначальником. Сразу после ареста иеромонах Ефрем был лишен священнического сана и как простой мирской человек в 1738 году сослан в Орскую крепость, где исполнял обязанности пономаря при местной церкви. Освобождению осужденного способствовало удивительное событие.

«Однажды случилось убогому пономарю Ефрему, копая землю, открыть богатый клад, и он принес его военному начальнику, не изъявляя ни малейшего желания получить себе какую-либо часть из приобретенного сокровища. Такое бескорыстие простого пономаря изумило начальство и невольно обратило на него внимание. Узнали, кто был Ефрем и, подняв бывшее о нем дело, открыли совершенную его невиновность. Указом Синода освобожден был страдалец из заточения, и сан священства, по его невиновности в нем не утраченным»[41].

Отец Ефрем сразу же активно включился в монастырскую жизнь, во всем помогая настоятелю Исаакию. Общими усилиями в 1756 году закончено строительство Святых ворот с церковью. В 1757-м куплена водяная мельница на реке Сатисе, называвшаяся «Нижнею, или Ждановской». В эти же годы монашествующие построили «Верхнюю» мельницу, более известную как Масленкова, или, более проще, «Маслиха».

Как бы для укрепления православной веры в этом крае Господь начал собирать в стенах Саровского монастыря истинных подвижников благочестия. 3 февраля 1757 года в Саров прибыл монах Феодор (Ушаков)[42].

Преподобный отец Феодор Санаксарский родился в 1718 году близ села Романова Ярославской губернии, в ро-

довом дворянском имении Игнатия и Ирины Ушаковых. При святом крещении наречено ему имя Иоанн. После достижения совершеннолетия юношу определили на воинскую службу в гвардейский Преображенский полк, где вскоре за особое усердие Ушакова произвели в сержанты. Но не воинская служба была призванием молодого человека, но как «воина Царя Небесного». Улучив момент, Иоанн покинул полк и, переодевшись в нищенскую одежду, пошел в поморские леса к берегам Двины, где и укрылся в лесной избушке. Но недолго продолжалась его подвижническая жизнь. Спустя несколько лет после побега беглец был разыскан и доставлен в Санкт-Петербург, а так как Ушаков дезертировал из гвардейского полка, его доставили к императрице Елизавете Петровне. После недолгого разбирательства императрица поняла, что перед ней будущий духовный вождь, и разрешила ему монашеский постриг, что и было совершено в ее присутствии 13 августа 1748 года в Александро-Невской лавре. Спустя восемь лет монах Феодор получает долгожданное разрешение на отъезд в Саровскую пустынь.

За восемь лет, проведенных в Александро-Невской лавре, вокруг отца Феодора собрался большой кружок его почитателей и сподвижников. Все они отправились вместе с ним. По дороге к месту нового служения отец Феодор остановился в Арзамасе и поместил своих учениц в девичьем Никольском монастыре, а сам с небольшой группой своих последователей поселился в Сарове[43].

В 1758 году восстановлена Тамбовская епархия, упраздненная 59 лет назад*. К Тамбовской епархии был присоединен и Темниковский уезд с его Духовным правлением. Естественно, и Саровская пустынь переходила под управление епископа Тамбовского и Пензенского Пахомия (Симанского). Новый владыка начал решать кадровый вопрос по своей Духовной консистории и при помощи Саровского монастыря. 24 сентября указом настоятель пустыни Исаакий переведен в Тамбовский архиерейский дом на должность эконома.

Если 4 июня освящение храма над Святыми воротами

* В течение своей истории Саровская пустынь имела следующее подчинение по Духовному ведомству: с 1706 по 1751 год — Московской синодальной конторе; с 1751-го по 1758-й — Суздальской епархии; с 1758-го по 1764-й — Тамбовской епархии; с 1764-го по 1788-й — Владимирской епархии; с 1788-го по 1927-й — Тамбовской епархии; с 2006 года — Нижегородской епархии.

в честь Святителя Николая совершал Исаакий, то церковь Живоносного Источника уже вновь назначенный настоятель иеромонах Ефрем.

Шестой строитель отец Ефрем родился в 1694 году в купеческой семье города Тулы. Мирское имя его Евдоким Андреевич Коротков. Семнадцатилетним юношей он уходит в Соловецкую пустынь в Марчугах Московской губернии, где 30 ноября 1712 года пострижен в монашество. Рукоположение в иеромонахи состоялось 16 марта 1716 года[44], после чего он переведен в Знаменский монастырь, что на Красной гриве в Гороховском уезде. Предположительно, здесь по дороге в Москву останавливался на ночлег саровский первоначальник и произошло знакомство Ефрема и Иоанна. Прямых доказательств нет, но, вероятно, по просьбе Иоанна Ефрем переходит в Успенский Кержебелбашский монастырь, где оказывает помощь бывшей старообрядческой общине, обращенной несколько ранее «из раскола» Иоанном.

Переход в Саровскую пустынь состоялся в 1727 году. Главным занятием Ефрема в это время — несение соборной чреды вместе с отцом Дорофеем. При этом Ефрем обладал особенным певческим даром. Келейным занятием его было делание четок. «Но особенное искусство отца Ефрема это писание книг», им написаны нотные тетради, Псалтирь с канонами и много других, среди которых была и книга «Камень веры», послужившая причиной ареста Ефрема в 1734 году. Приговор по этому делу от 13 декабря 1738 года был весьма суров: «Иеромонаха Ефрема за важные его вины, по лишении иеромонашества, бить кнутом нещадно и сослать в Оренбург в шахты вечно». Более двадцати лет продолжалось испытание силы духа отца Ефрема. Выдержав это испытание с честью, он вернулся в Саров и как продолжатель дела первоначальника в 1758 году заслуженно возглавил Саровскую пустынь.

Первое, что озаботило Ефрема, – это отступления от устава, заповеданного еще первыми иноками обители, и малочисленность братии. По указу 1737 года запрещалось постригать податных людей, и если в 1751 году вместе с трудниками в монастыре было 60 человек, то в 1758-м их насчитывалось всего 36. Да еще такая напасть — из Саровской пустыни как кузницы кадров постоянно забирали способных монахов в другие монастыри. Кстати, и Санаксарский монастырь требовал забот. Вот запись от 15 сентября 1760 года: «А в приписанной Санаксарской пустыне

простых монахов не имеется, а для служения посылаются иеромонахи из Саровской пустыни по очереди»[45]. Предположительно первые пять лет отец Феодор (Ушаков) проходил иноческую школу под руководством отца Ефрема. В 1761 году император Петр III отменил указ 1737 года и разрешил пострижение в монашество лиц всякого сословия. Это значительно облегчило судьбу российских монастырей.

13 декабря 1762 года Феодор (Ушаков) был рукоположен в сан иеромонаха, и, вероятно, с этого момента начинаются его основные заботы по возрождению Санаксарской пустыни. К лету следующего года в штате монастыря — два иеромонаха, один иеродиакон и семь монахов. «Да по именному Ея Императорского Величества указу сего 763 года мая 3 дня, прошедшего августа месяца в разных числах пострижены гвардии из отставных солдат 11 человек»[46]. Шесть человек из родного отцу Феодору Преображенского полка и пятеро из Измайловского. Появились вновь и благотворители, способствовавшие тому, что монастырь не был упразднен по реформе Екатерины II: в 1764 году вместо разобранной церкви в честь иконы Владимирской Божией Матери начато новое каменное строение. 16 октября этого же года пришел указ «оную пустынь оставить в числе прочей пустыни от другой каковой исключить и в ней быть начальником вам иеромонаху Феодору и тем монахам, которые ноне в той пустыне находятся»[47].

30 декабря 1764 года поступило распоряжение о немедленной передаче «по прежним описям» монастырского хозяйства, что и было сделано 18 января 1765 года и о чем в Духовную консисторию послан рапорт. С этого момента Санаксарский Рождество-Богородичный монастырь под руководством отца Феодора отправился самостоятельной дорогой к признанию и общероссийской известности.

Реформа Екатерины II затронула и Саровскую пустынь. Итогом ее стало закрытие многих монастырей. Оставшиеся обители разделены на три класса, каждая со своим штатом. Саровская пустынь оказалась за штатом, но была приравнена к монастырям первого класса, и ей разрешалось иметь вместе с настоятелем тридцать одного монашествующего. Преобразования правительства способствовали увеличению количества желающих пострижения. В 1764 году в Сарове уже находилось до 120 человек, проходящих испытание в различных послушаниях, и отец Ефрем озаботился строительством новых келий на южной стороне монасты-

ря. Возникла потребность и в строительстве новой братской трапезной. Также на южном склоне заложили три погреба с кельями хлебной и, уже поверх них, – поварскую келью и трапезную.

В Сарове со дня основания была заведена общая трапеза. На это обратил внимание епископ Владимирский и Муромский Павел (Саровская пустынь с 1764 по 1788 год относилась к Владимирской епархии), посетивший монастырь 2 сентября 1765 года. Владыка специальным распоряжением предписал заведение чина о панагии, заключающегося в изнесении просфоры из храма в трапезу. Вот как этот чин описала Варвара Миклашевич в своей книге «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия». Рассказ хотя и относится к периоду настоятельства Пахомия, но характерен и для времени отца Ефрема.

«По окончании обедни чередной иеромонах, по обыкновению, понес на серебряном блюде просфору прямо в братскую трапезу; за ним шел архиерей, по сторонам его два иеродиакона, за ними строитель и братия по два в ряд: все они были в мантиях.

Посетители также были приглашены к братской трапезе, а губернаторша и прочие посетительницы благословились поглядеть обряд в трапезной, куда оне вперед и отправились. Там были накрыты узкие длинные столы, по трем стенам, не близко от них поставленные и окруженные скамейками, а в четвертой стене две двери: одна для входа братии, а чрез другую подавалось кушанье.

В трапезе, точно так же как в церкви, были большие образа и пред ними паникадила. В этот день для праздника и для посещения владыки зажжены были все свечи.

Посреди, ближе к переднему столу, был амвон, где всегда читают во время обеда, жертвенник то есть — в будни жития святого того дня, а в праздник, приличное к оному слово.

Между тем наружная дверь отворилась, и появился служащий иеромонах в золотой, сверх длинной мантии, епитрахили, в таких же поручах, в одной камилавке, с распущенными волосами, предшествуя с просфорою пастырю и всей братии. Архиерея вели два иеродиакона в полном облачении; голубые бархатные орари, шитые серебряной граненой битью, перекинутые через плечо, и завязанные под другим, придерживали золотые стихари на Иларии и Никоне; праздничные камилавки из черного бархата украшали их белые и несколько бледные лица. Они были одинаково-

го роста и в одинаковой одежде казались издали так похожими один на другого, что можно было их различить только по розовому цвету распущенных, длинных волос. При входе в трапезную торжественно было пропето: "Яко одушевленному Божию кивоту", и вся до конца девятая песнь праздника.

Во время чтения всем собором молитвы на распев "Отче наш" чередной поставил блюдо на стол и разрезал на нем пречистую: так называется эта просфора. По окончании молитвы архиерей, отирая слезы, показал рукою строителю, чтоб он произвел возглас. Тот же иеромонах, сказавши "аминь", поднес блюдо к архиерею, а за ним вся братия взяли по кусочку. Архиерей уступил первое место строителю, когда все уселись, Иларий принес блюдо, чтоб понести посетительницам.

— Приобщайтесь-ка, сударыня, к нашей братской трапезе, — сказал он, когда Ольга брала частицу просфоры с блюда.

В это время строитель ударил три раза в колокол, висящий под святыми иконами. Иларий, передав блюдо Никону, развязал орарь, поправил развеянные по плечам ветром волосы; и, разделив их по обыкновению пустынному, распустил по сторонам груди. Положив три поясных поклона, он взошел на амвон и, благословясь от пастыря, начал с умилением читать жертвенник густым, выразительным голосом.

Вошли двенадцать юных послушников в черных кафтанах, перепоясанные ремнями, в белых фартуках, с распущенными волосами. Разделясь по шести на две стороны стола и тихо творя Иисусову молитву, каждый из них подавал блюдо с пищею для четырех старцев, из которых старший, произнося "аминь", принимал блюдо и ставил его на стол»[48].

Читая это интересное описание из жизни Саровского монастыря свидетеля этих событий, можно представить Прохора Мошнина, подающего кушанья старшей братии, или уже иеродиакона Серафима, читающего святоотеческие книги или сидящего вместе с братией за обеденным столом.

Следует сказать, что в этот период отец Ефрем и епархиальное начальство озаботились наведением порядка в монастыре. 19 апреля 1765 года настоятель, собрав всю братию в трапезном корпусе, зачитал подготовленную им копию с благословенной грамоты на утверждение монас-

тырского устава, разъяснил все пункты его и после ознакомления сам расписался под грамотой, а за ним и вся братия, «не имея права отговариваться незнанием его». Кроме этого, ежегодно начиная с 25 октября (день «Лесного праздника») устав читался в трапезе.

20 августа 1767 года в монастырь поступил указ Синода об избрании казначеев общим собранием братии, и с этого момента казначей становился второй по значимости фигурой в монастырской табеле о рангах[49]. На должность казначея братия выбрала иеромонаха Иосифа, хранителя ризницы и библиотекаря. До этого избрания казначеем был простой монах.

Отец Ефрем с момента своего утверждения в должности настоятеля и до конца своих дней прилагал большие усилия по обустройству монастыря. В 1760 году он переделывает и очищает иконостас Успенского собора и вместо уже ветхого деревянного пола кладет округлые чугунные плиты. В 1764-м в церкви Живоносного Источника сделан новый иконостас и на четырех столпах, поддерживающих свод храма, установлены восемь больших икон в золоченых рамах. В 1768-м московский купец Григорий Васильевич Лихонин пожертвовал две тысячи пудов железа. Его стараниями крыша храма Живоносного Источника украсилась вместо одной главы пятью и покрыта железом. Стены Успенского собора в 1769 году расписаны живописными сюжетами на евангельские темы. В саду при больнице вычищен колодец и вставлен новый дубовый сруб. На конюшне, что располагалась в юго-западном углу, началось строительство каменных келий для работников.

В начале этого года купец Григорий Васильевич Лихонин изъявил желание построить вокруг монастыря каменную с кельями ограду. Заготовка бутового камня и кирпичей шла полным ходом, когда у отца Ефрема возникло другое намерение — построить новый большой летний храм. Богомольцев стало приходить огромное количество, и небольшая Успенская церковь уже не могла вместить всех желающих участвовать в богослужении. Старую Успенскую церковь решено было не разбирать и сделать из нее алтарь и ризницу для нового храма, разобрав только притвор и придел во имя Антония и Феодосия Киево-Печерских. У церкви во имя Архангела Михаила пришлось разобрать алтарь. Из-за того что строительство первых храмов проходило без какого-либо плана, они располагались несколько хаотич-

Собор во имя Пресвятой Богородицы и Ее Живоносного Источника. *Фото 1903 г.*

Храм во имя Всех Святых. *Фото 1903 г.*

но, занимая центральную часть монастырской площади. Отец Ефрем впервые в истории монастыря создает строительный комитет. Общее руководство строительными работами настоятель взял на себя, план и фасад составлял послушник Иван Федоров (постриженный впоследствии в монашество с именем Иоаким*), казначей Иосиф с послушником Михаилом занимались заготовкой материалов и финансовым обеспечением, внутреннее убранство было поручено иеромонаху Питириму.

Ход строительных работ отец Ефрем записывал в специальный дневник, вот как он описывает торжественную закладку храма: «Июня 7 дня была всенощная Архангелу Михаилу и прочим бесплотным небесным силам и чин отправлен на основание храма на оба придела с водоосвящением всебратственно»[50].

Бригада каменщиков из Владимира, общим числом до двадцати человек, плотники, кирпичники и других дел мастера из Темникова и близлежащих сел работали споро и слаженно, не забывая и о праздниках: «1771 год. Июля 7-го и 8-го дела или работы не было. Работные ходили в Дивеево (в приходскую Казанскую церковь. — *В. С.*) на праздник...

1773 года месяца июля 2 дня на новопостроенном здании Честный и Животворящий Крест на средней главе водружен благополучно...

Всесильною помощью Божией, молитвами и престательством Пресвятой Богородицы и Всех Святых в сей Саровской обители начало свое воимело каменное строение и строилось в четырех летах. Кроме подмазки, оное каменное дело окончалося все месяца августа десятого дня 1773 года...

1774 года месяца мая поставлены кресты с немалою трудностию»[51].

---

* *Иоаким* (*Иван Федорович Хощевников*; 1738—1804) — иеромонах. Происхождением из калужских купцов. Поступил в пустынь в 1762 году. Пострижен в монашество 19 июня 1779 года. Рукоположен в иеродиакона 20 сентября 1788 года. Посвящен в сан иеромонаха 22 сентября этого же года. В конце 1770-х годов, будучи послушником, путешествовал в Киев. Вместе с отцом Назарием отправился паломником в Соловецкий монастырь, где в Анзерском скиту они провели целую зиму. В 1793 году митрополит Санкт-Петербургский Гавриил, предполагая «для восприятия начальства» назначить отца Иоакима в Русскую Америку, вызвал его к себе. Чтобы избежать назначения, отец Иоаким принял неординарное решение: обрил голову и бороду. Обладал талантом художника, он автор рисунка Саровской пустыни 1764 года. Его архитектурным талантом создан Успенский собор.

С этого времени строители приступили к внешней и внутренней отделке здания. Правда, процесс этот несколько затянулся, но тому были веские причины.

В 1772 году Ефрему предписано принять по описи от Арзамасского духовного правления в свое ведение Высокогорскую Вознесенскую пустынь, упраздненную еще в 1764 году, для чего следовало назначить по своему усмотрению начальствующего, с необходимым числом монахов и послушников. В Арзамас отправился иеромонах Афанасий с послушниками. В разное время в Высокогорской пустыни побывали и Пахомий, и Назарий, и Феофан, и другие.

Настоящим испытанием для монашествующих стало лето 1774 года, когда волна Пугачевского бунта докатилась и до Темниковского уезда. 25 июля темниковский воевода Неелов прислал в монастырь инструкцию с описанием надвигающейся опасности. Отряды Пугачева продвигались в это время из Симбирской губернии в Саранск, но мятежник в любой момент мог изменить путь следования. Да к тому же жители окрестных селений, прослышав о народной армии, сами брались за рогатины. А разбойников и злодеев ходило по лесам и без этого в большом количестве. Один такой отряд захватил Темников и намеревался идти в Саров. Эта весть дошла до монастыря 9 августа.

«Отец строитель Ефрем с братиею, услышав о сем, пришли в немалое смущение. Братия приступает к нему с просьбой, что им делать. Отец Ефрем присоветовал — братии средних и младых лет, скрыться куда нибудь на такое смутное время, а когда пройдет оное, всем возвратиться в обитель.

Престарелой же братии сказал: а мы, братия, останемся в обители, нам уже приходит время скоро умирать».

Получив благословение, молодая братия отправилась в Арзамас, под прикрытие правительственных войск. Разошлись по домам и строители. Взяли расчет и отправились к себе 25 ярославских штукатуров. Жизнь как бы замерла, не прекращалось только церковное служение. Отправив всех восвояси, саровские старцы занялись укрытием в потайных схронах крестов, сосудов, частиц святых мощей и всего, что могло вызвать интерес лихих людей. Несколько дней монастырь жил в тревожном ожидании прихода мятежников. Но они увлеклись более легкой и близкой добычей — винокуренным заводом С. Ф. Кобанова, а тут подоспели и войска, положившие конец волнениям[52].

Но беда не ходит одна, как следствие прошлой напасти с приходом зимы разразился голод. Многие питались, смешивая хлеб с древесной корой, желудями и лебедой. С первых дней существования монастырь принимал в своих стенах и бесплатно кормил сотни и тысячи богомольцев. В этот раз место паломников заняли изможденные голодом крестьяне. Семь месяцев продолжался голод, семь месяцев шли в монастырь люди за помощью. С наступлением весны некоторые из монахов начали роптать, опасаясь недостатка хлеба для самой обители. Узнав об этом, Ефрем собрал братию и обратился к ним со следующими словами: «Не знаю как вы, братия моя, а я расположился, доколе Богу будет угодно за наши грехи продолжать глад, лучше страдать со всем народом, нежели оставить его гибнуть. Какая нам польза пережить подобных нам людей. Из них, может быть, некоторые до сего бедственного времени и сами нас питали своими подаяниями»[53].

Напрасны были волнения братии, Саровская пустынь вышла из этого трудного положения с честью, еще раз доказав свою духовную мощь.

Спустя год закачивается строительство братской трапезы с келарскими кельями, а еще через год окончено обустройство Успенского собора. К сожалению, не дожил до этого момента отец Иоаким, он умер 4 июля 1775 года, да и сам отец Ефрем держался из последних сил.

Настоятель обращается к епископу Иерониму за разрешением снять престол в старой Успенской церкви. Отвечая на это письмо, владыка сделал интересное предложение: на месте прежнего алтаря «сделать Гроб Божией Матери и назвать тое здание Гевсиманиею, так как у вас сия церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы». Но какие-то причины помешали осуществлению этого. Храм подготовили к освящению в том виде, как это уже было запланировано братией.

Ранней весной, на четвертой неделе Великого поста, отец Ефрем обращается к епископу Иерониму с прошением об увольнении по состоянию здоровья на покой. Действительно, восьмидесятилетний старец заслужил такой чести всей своей праведной жизнью. Истинный ученик первоначальника и продолжатель его дела, отец Ефрем сумел поднять обитель из разряда обычных провинциальных монастырей до категории уникального духовного явления. Кто-то из саровских монахов сочинил двустишие, в котором кратко и емко обозначено значение личности Ефрема:

Не Сирин, русский ты Ефрем,
Саровской пустыни броня еси и шлем.

27 марта 1777 года вся монастырская братия собралась в трапезном корпусе для решения важного вопроса: кто будет новым строителем монастыря? Отец Ефрем пришел последним, поддерживаемый двумя послушниками. Сразу приступили к общей молитве: пропели тропари и кондаки храмовых праздников Богородичных, после этого иеромонах Пахомий (уже известный нам курянин Борис Леонов*) зачитал указ об отказе отца Ефрема от настоятельской должности и предписание о выборе нового. «Всебратственно» избран настоятелем иеромонах Пахомий, о чем составлен приговор и рапорт, подписанный всеми присутствующими. «К сему выбору строитель иеромонах Ефрем руку приложил» — благословив тем самым нового строителя.

2 апреля отец Пахомий, находясь во Владимире, принял присягу, получил утвердительную грамоту и, благословленный владыкой, отправился домой — в Саров.

Вновь назначенный строитель, видя, как изнемогает отец Ефрем, приложил большие усилия для освящения Успенского храма весной 1778 года, не дожидаясь престольного праздника 15 августа. Но не увидел этого торжественного события отец Ефрем – он умер 30 мая. Его похоронили у западной стены созданного им Успенского собора, у самого крыльца, поэтому отец Ефрем не был далек от праздника освящения храма. Его могиле поклонились все участники торжеств, начиная с владыки Иеронима и кончая богомольцами из самых дальних сел и деревень.

Соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы была освящена 15 августа на праздник Успения. Осматривая

---

* Борис Назарович Леонов 8 декабря 1759 года отправился на богомолье в Саровскую пустынь. 23 июля 1761 года решением общего собрания купеческого общества отпущен для пострижения в монашество. 4 августа 1761 года получено отпускное свидетельство магистрата города Курска, разрешающее пострижение в монашество. В 1761 году пришел в Саровскую пустынь. 1 марта 1763 года пострижен в монашество с именем Пахомий в московской домовой церкви митрополита Новгородского Димитрия. 14 июля 1763 года указом митрополита Димитрия разрешено проживание в Саровской пустыни. 19 сентября 1764 года рукоположен в сан иеромонаха епископом Владимирским и Муромским Павлом. 27 марта 1777 года отец Пахомий избран братией настоятелем Саровской пустыни (утвержден 8 апреля). Похоронен под стенами алтаря Успенского собора.

монастырь, владыка Иероним побывал и в пещерной церкви, в которой от сырости иконостас и престол пришли в негодность, отчего службы в этом удивительном храме не проводились уже с 1730 года. Вместе с владыкой присутствовал и благотворитель пустыни майор Николай Афанасьевич Радищев, который изъявил желание пожертвовать на престол мраморную доску. Епископ Иероним со своей стороны обещал напрестольное одеяние. Отец Пахомий взялся за изготовление иконостаса из листового железа. Так общими усилиями эта уникальная церковь готовилась к своему возрождению в 1780 году[54].

Праздник закончился, разъехались родовитые паломники, разошлись те, кто попроще, наступали трудовые будни.

Вот в такой череде праздников и будничных забот, трагических и радостных событий представлена автором краткая история Саровского монастыря с древнейших времен до 1778 года, когда в истории Саровской пустыни начался другой отсчет времени, когда, как сказал летописец обители: «Евангельское горушное зерно, падши, насадилось в вертограде Сарова и возрастало по времени в велие древо, покрывающее своею сенью всю Саровскую обитель, и птицы небесные в великом множестве не престают витати на нем»[55]. Так образно летописец сказал о приходе в стены Саровской пустыни молодого послушника Прохора Мошнина, будущего славного подвижника преподобного Серафима Саровского.

Куряне в Сарове

Куряне узнали о Саровской пустыни, вероятно, в середине XVIII века, благодаря своей торговой деятельности. Курские купцы активно осваивали рынки сбыта и закупки товаров. «Купечество сего города получает лучшие товары из за граничных мест, из Лейпцига, Данцига, Вены, и из Китайскаго государства; из внутренних же, из Санктпетербурга, Москвы, Херсона, Таганрога, Калуги и Тулы»[56].

«Из Китайского государства» товары поступали в основном через Оренбург. Местные рынки и рынки Сибири привлекали внимание тем, что здесь «не первостатейные» купцы могли торговать с купцами сопредельных государств и обменивать свои товары на китайские шелк, пряности, чай. Поездки в Оренбург проходили по одному маршруту:

Собор во имя Успения Пресвятой Богородицы. *Фото 1903 г.*

Курск — Ливны — Елец — Лебедянь — Данков — Ряжск — Шацк — Кадом — Темников — Арзамас. От Арзамаса дорога на север вела к Нижнему Новгороду, на восток через Курмыш и Казань — в Оренбург и Сибирь. На отрезке Темников — Арзамас дорога проходила через владения Саровской пустыни, отстоявшей в двух верстах. Проехать мимо и не побывать в монастыре было невозможно. Частыми гостями Сарова были астраханские купцы, следовавшие в Нижний Новгород.

Первые куряне пришли в Саровскую пустынь в конце 1750-х — начале 1760-х годов. Какой духовной силы были эти люди, можно судить по следу, оставленному ими в истории монастыря. Пахомий — седьмой настоятель обители. Его друг и соратник Питирим — ктитор главного саровского собора в честь Успения Пресвятой Богородицы. Марк — местночтимый святой Тамбовской епархии. Именно они проложили тропинку благочестия, по которой спустя более десяти лет к воротам Саровской пустыни пришел Прохор Мошнин. Кем они были и почему выбрали Саровскую обитель? Иеромонах Пахомий — в миру Борис Назарович Леонов родился в 1729 году в купеческой семье, проживавшей в приходе храма Флора и Лавра. В пятилетнем возрасте потеряв отца, он воспитывался со старшим братом Алексеем в семье дяди Сидора Афанасьевича[57]. Иеромонах Питирим — Петр Иванович Дружинин был на два года старше Бориса. Большая семья Дружининых проживала в Сергиевском приходе, отец занимался торговлей мескотинным товаром[58]. С юных лет Бориса и Петра связывала крепкая дружба, вместе они приобщились к купеческому ремеслу в Курске, а после приобретения навыков стали выезжать и на иногородние ярмарки. В XVIII веке курское купечество расширяло торговые связи не только со столичными городами, но добралось и до окраин империи. Имя Ивана Илларионовича Голикова, сподвижника Г. И. Шелехова, связано с освоением Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки.

Влекли восточные земли и Леонова с Дружининым. Частыми гостями они были в Оренбурге, Троицкой и Орской крепостях, других пограничных селениях. Интересное событие произошло в 1757 году во время торга в Троицкой крепости. Киргизские купцы привезли с собой и живой «товар» — пленных калмыков. Вызволяя одного невольника, куряне выменяли на свои товары приглянувшегося им девятилетнего мальчика Дакыта Буранова[59]. Там же он был

крещен с именем Алексей, отчество записано от крестного отца Бориса. Пробыв около года в Троицке, куряне вернулись домой с новым членом семьи. Первое время Алексей жил в семье Дружининых, затем перешел к Алексею Леонову для обучения скорняжному мастерству, да так и остался в семье своего крестного*.

Саровские монахи, составляя историю обители, предположили, что курские купцы могли во время торговых поездок познакомиться с сосланным на поселение в Орскую крепость бывшим иеромонахом Саровской пустыни отцом Ефремом (Коротковым), арестованным в 1734 году вместе с первоначальником иеросхимонахом Иоанном за переписку запрещенных тетрадей Маркелла (Радышевского). По возвращении в Саровскую пустынь отец Ефрем был избран братией на настоятельскую должность[60], он и принял первых курян под духовное попечение. Предположительно в 1759 году пришли в Саровскую пустынь Борис Леонов и Петр Дружинин. Но только в ноябре 1761 года они написали прошение о принятии их в число послушников, чему способствовал выход указа правительства от 21 сентября 1761 года, разрешающего пострижение в монашество «желающих всякаго чина»[61].

В рясофор Борис Леонов был пострижен 1 марта 1763 года в Москве в домовой церкви члена Святейшего синода преосвященного Димитрия, митрополита Новгородского и Великолуцкого. Указом владыки Димитрия от 7 июля этого года молодой монах направлен в Саровскую пустынь[62], куда и вступил 14 июля 1763 года. В сан иеромонаха рукоположен в сентябре 1764 года. В апреле 1777-го утвержден в должности настоятеля Саровской пустыни[63].

Неразрывна с судьбой отца Пахомия (Леонова) и судьба второго курянина — отца Питирима (Дружинина). Саровские монахи заметили: «Где был Петр, там и Борис, или где Питирим, там и Пахомий. Таким неразрывным дружеским союзом, будучи соединены они в миру, тако же дружественно подвизались и на поприще жизни иноческой»[64]. Стоит посмотреть на послужной список его духовного собрата отца Пахомия — все этапы пройдены нога в ногу. Кроме священнослужения отец Питирим исполнял в монастыре послушание в шитье священных и церковных одежд, при

* По ревизским сказкам 1782 года, Алексей женился на мещанке Аграфене Крюковой и у них годовалый сын Иван (ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 108. Л. 311).

строительстве главного Успенского собора был его ктитором.

За Леоновым и Дружининым в 1763 году в Саров пришел Николай Михайлович Мелехов. «Оной же Николай находится... с 763 года с июня месяца... Грамоте читать и писать умеет, холост у отца духовнаго тоя пустыни казначея иеромонаха Иосифа повсягодно исповедовался и Святых Тайн сообщался»[65].

В июле 1765 года в Сарове появился купеческий сын Николай Саввинович Безходарный. «Грамоте читать и писать умеет, холост»[66]. Как складывалась жизнь Мелехова и Безходарного в монастыре, выяснить не удалось, списки монашествующих с 1765 по 1785 год в архиве Саровского монастыря не сохранились.

Более заметный след оставил Михаил Андреевич Мальцов, вероятно, пришедший в Саров вместе с Безходарным. По ревизским сказкам 1782 года, он записан безвестно пропавшим в 1765 году[67]. Мальцов — личность уникальная. Его жизнеописание «Краткое начертание жизни старца Саровской пустыни, схимонаха и подвижника Марка», составленное отцом Сергием (Васильевым), опубликовано в 1839 году вместе с наставлениями старца Серафима.

По житиям, Михаил-Мефодий-Марк родился в Курске от неизвестных родителей (в одном из изданий называется фамилия Аксеновых*), пришел в Саров в 1764 году и безысходно прожил в монастыре до своей кончины в 1817-м. Саровские летописцы не смогли его идентифицировать, хотя рукой иеромонаха Иакова (Невельского), занимавшегося анализом событий, происходивших в Саровской пустыни, напротив имени Михаила Андреевича Мальцова приписано «О. Марко». Фамилия Мальцов прослеживается и при пострижении его в монашеский чин с именем Мефодий в марте 1784 года[68]. По ревизским сказкам Курска 1721 года удалось найти родителей Михаила — отца, купца Андрея Аксеновича Мальцова и мать Ирину Васильевну (урожденную Лемягову)[69], прихожан Сергиевского прихода. Отчество отца объясняет, откуда в житийной литературе появилась фамилия Аксенов[70]. Семейным делом Аксена Мальцова было кузнечное ремес-

* В одном из номеров «Курских епархиальных ведомостей» за 1903 год опубликованы выдержки из дневника Андрея Никитича Дружинина: «...скончался в Саровской пустыни из граждан Курских из фамилии Сорокиных схимонах Марко...» Объяснить каким-либо образом это утверждение не представляется возможным.

ло. По «Записной зборной» книге 1713 года, в которой отмечался сбор налогов с посадских людей, записаны еще шестеро Мальцовых, владевших кузнями, то есть кузнечное дело было семейным. Только вот прибыли большой не было, и в книге записано, что налогов «з двора не взято за скудостию»[71]. Андрей Аксенович не пошел по стопам отца, а занялся торговлей.

Впервые имя Михаила упоминается в переписных книгах 1744 года. От роду ему два года[72], то есть родился подвижник в 1742 году и был младшим сыном в семье. У него было трое братьев: Федот, Алексей и Василий. Учет лиц женского пола не производился. Михаил, видимо, получил домашнее образование. Свидетельство — автограф в материалах архива Саровской пустыни. В июле 1781 года он подписал прошение о разрешении пострижения в монашеский чин: «*К сему прошению курской купец Михайла Андреев сын Мольцов потписался*»[73] (курсив мой. — *В. С.*). Предположительно, в 1764 или 1765 году Михаил пришел в Саровскую пустынь, 19 марта 1784 года пострижен в монашество с именем Мефодий. В декабре 1788 года переведен в монашествующие, числящиеся в монастырской больнице, но постоянного места пребывания не имел и скитался по саровским лесам и окрестностям.

В марте 1811-го в связи с ухудшением здоровья пострижен в схиму. Вот как описывает это монах Исайя (Путилов, будущий игумен) в письме своему брату Тимофею Ивановичу, постриженному впоследствии в Оптиной пустыни с именем Моисей*: «Отец Мефодий был крайне бо-

---

* *Моисей* (*Тимофей Иванович Путилов*; 1782—1862) — схиархимандрит, настоятель Введенской Оптиной пустыни, преподобный. Родился в городе Борисоглебе Ярославской губернии в купеческой семье. В 1805 году, получив увольнительное свидетельство от Московского купеческого общества, вместе с братом Ионой поступил в Саровскую пустынь для богомолья и выполнения различных послушаний. В 1808 году, получив благословение от своего родителя и увольнительное свидетельство для принятия монашеского звания, обошел несколько монастырей: Белобережский, Площанский, Софрониевый, Глинский, Свенский. Несколько лет жил в лесной пустыни в Рославльских лесах Смоленской губернии. В 1819-м поступил в Оптину пустынь. 3 июня 1822 года настоятелем игуменом Даниилом пострижен в монашество с именем Моисей. 24 декабря 1822 года рукоположен в сан иеродиакона и уже на следующий день — в иеромонаха. 15 марта 1825 года определен настоятелем пустыни. Игумен Моисей хорошо знал отца Серафима Саровского и у себя в монастыре ввел институт старчества, который прославил Оптину пустынь по всей

лен и в болезни пострижен в схиму и переименован Марком. Со всеми говорил и со мною тоже, и вас помнит, как привезли мы с вами ево в монастырь. В нем преудивительный разум духовный. Теперь ему стало полехче и паки и замолчал»[74]. Письмо от 4 апреля 1811 года удивительно по своему содержанию и позволяет ярко представить жизнь великого старца. Приняв на себя долю юродствующего и дополнив подвиг обетом молчания, он стал известен среди богомольцев как Марк-молчальник. Умер 4 ноября 1817 года, похоронен рядом с алтарем Успенского собора, причислен затем к лику местночтимых святых Тамбовской епархии.

До 1778 года, когда в Саровскую пустынь пришел Прохор Мошнин, по монастырским документам отмечены куряне Никифор Борисович Прилепов (пришел в 1767 году) и Борис Яковлевич Подребинников (в 1771-м). Предположительно, до прихода Прохора курян в Сарове было семь человек.

В ноябре 1776 года закончилась длившаяся несколько лет земельная тяжба с Петром Ишуниным, с водворившимся, наконец, спокойствием в доме Мошниных.

Летом 1777-го или 1778 года Прохор отправился в паломничество для поклонения святым мощам Киево-Печерской лавры. «Итак Прохор отправился, с благословением материнским на шее и с посохом в руках, в Киев. Вместе с ним шло еще пять человек русских купцов: это были те самые, которые вместе с Прохором возымели намерение, оставив мир, удалиться в пустынь. Все они после и пошли в монастырь, кроме купца Алексея Семеновича Меленина, у котораго, по непредвиденным обстоятельствам, осталось после смерти родителей на попечении пять братьев и три сестры»[75], — написано в «Житии» старца Серафима 1863 года издания.

Спутниками Прохора были Иван Иванович Дружинин, Иван Степанович Безходарный, Алексей Семенович Меленин и еще двое неизвестных. Список составлен, вероятно, более шестидесяти лет спустя и не совсем точен. Материалы переписи и архив Саровской пустыни позволяют внести правку. Например, Алексей Семенович Меленин, старший из четверых братьев и двух сестер, родился довольно позд-

---

России. Решением руководства РПЦ 26 июля 1996 года преподобный схиархимандрит Моисей (Путилов) причислен к лику местночтимых святых Оптиной пустыни.

но — в 1766 году, а родители умерли в 1784-м и 1789-м. Потому его путешествие могло состояться в начале 1780-х годов. Уверенно можно сказать, что с Прохором в 1780 году пошел в Саров Григорий Яковлевич Дружинин. Этим же годом отмечен приход в обитель Федора Васильевича Дружинина, Петра Матчина и 1782-м— Василия Алексеевича Полевого.

Трудно понять, почему из двенадцати курян, пришедших в монастырь, в списке монашествующих за 1782 год присутствуют только иеромонахи Пахомий, Питирим и два курских послушника, Прохор Сидоров и Василий Алексеев[76]. Пока не установлена личность послушника «Кондрата курского»[77] упомянутого в «Реестре чредам неусыпаемого пения Псалтири», составленного 27 февраля 1783 года.

В 1793 году из Курска в Саров для пострижения в монашество отправились Иван Степанович Вязмитинов, Петр Петрович Гладилин и Дмитрий Сергеевич Мошнин[78] (предположительно дальний родственник преподобного). На всем протяжении истории Саровской пустыни куряне не оставляли своим вниманием эту обитель. Дальнейшие поиски позволят расширить эту интересную тему.

Бесспорно одно — Борис Леонов и Петр Дружинин проторили тропу курянам, искавшим духовного спасения в стенах истинно монашеской обители, какой являлась Саровская пустынь*.

Черные одежды

По указу «Ея Императорскаго Величества... вышеписанный трудник Прохор Мошнин по церковному чиноположению... в монашество при светских честных людях (а при ком именно, прилагается при сем свидетельство) сего августа 13-го числа пострижен; и при оном постриже-

* В библиотеке Саровской пустыни хранилась рукопись, повествовавшая о городе Курске: «О граде Курске, яко [бе] из давних лет». К ней прибавлены еще два интересных списка: «О преславных чудесах Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Приснодевы Марии от чудотворнаго ея образа иже нарицается Курская» и «Явления иконы Богородицы Ахтырской» (РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. Д. 233). Водяные знаки на бумаге указывают даты составления рукописи: 1774—1786 годы или позднее. Рукопись явно была принесена курянами в память о своей родине.

нии наречено ему имя Серафим, а как ныне за приключившейся ему тяшкою болезнию отослать ево в реченной Гороховской Николаевской монастырь никак невозможно, почему он до получения от оной болезни освобождения, и находится в имеющейся в сей пустыне больнице, когда ж от оной болезни получит себе свободу то потому и отправлен быть имеет во упоминаемой Николаевской монастырь. К подлинному рапорту строитель иеромонах Пахомий руку приложил августа 17 дня 1786 году»[79].

При составлении рапорта строителем Пахомием были соблюдены некоторые условности, общепринятые в монастырской жизни: монастыри не имели права содержать штат, превышающий определенную законом численность. Кандидаты на иноческое звание зачастую проходили послушания не один год в ожидании вакантного места. После длительного испытания руководство монастырей не хотело терять своих примерных воспитанников, и часто, чтобы обойти установление, кандидат на монашескую вакансию объявлялся больным или числящимся в отъезде. До занятия свободного места в родном монастыре новопостриженник мог числиться на больничной койке не один год.

Через несколько месяцев отец Серафим был рукоположен в сан иеродиакона.

«1786 г. октября 19 числа то есть в понедельник после полуден в 4 м часу в самую обедню, за благословением Святых Отцов при Божией помощи отец строитель поехал для необходимых монастырских надобностей во Владимир к преосвященному: и с ним поехали братия монашествующих, для произведения во иеромонаха, Анастасия, да во иеродиаконы Аврамий, Гедеон, Серафим...»[80]

27 октября 1786 года епископ Владимирский и Муромский Виктор (Онисимов) рукоположил отца Серафима в сан иеродиакона. На протяжении длительного периода, вплоть до 1901 года, когда вышло в свет пятое издание «Жития преподобного отца нашего Серафима Саровского...», в житийной литературе год принятия старцем сана иеродиакона обозначен как 1787-й. Ошибка прижилась в сознании монахов Саровской пустыни и биографов старца из-за неточности, допущенной при составлении так называемого «Дневника летописи монастыря».

«Дневник» представляет собой множество черновых, порой очень небрежных или, вернее сказать, малограмотных записей на клочках бумаги размером в четверть листа, собранные за столетний промежуток времени, исписанный

не одним поколением монашествующих. Одна из страниц, относящаяся к октябрю 1786 года, содержит явное ошибочное исправление цифры «6» на «7»[81].

Использование черновых записей, а не «ставленнической» грамоты, хранившейся в архиве, показывает уровень, на котором писались первые биографии отца Серафима.

В том же «Дневнике» на странице, относящейся к ноябрю 1786 года, читаем: «Сего 3 числа за благословением божеским после вечерни возвратились из Владимира то есть приехали отец строитель иеромонах Пахомий во святую обитель благополучно. И с ним братия... и Серафим»[82].

С этого момента иеродиакон Серафим допущен к более активному участию в священнослужении.

Нельзя оставить без внимания еще один важный эпизод из жизни отца Серафима. Он относится к периоду иеродиаконства и тесно связан с именем первоначальницы Дивеевской общины Агафьи Семеновны Мельгуновой. Для начала приведем отрывок из издания Саровской пустыни «Жития преподобного отца нашего Серафима Саровского...» 1863 года:

«Если куда выезжал из обители старец Пахомий, один или с другими старцами... часто приглашал с собою о. Серафима. В один из таких выездов о. Серафиму случайно пришлось участвовать в погребении известнейшей инокини Александры, в мире Агафии Семеновны Мельгуновой, основательницы Дивеевской обители. Незадолго до ее блаженной кончины умер в селе Лемети помещик Соловцов, благодетель Саровской обители. На погребение его отправились старцы Пахомий и Исайя, взявши с собою о. Серафима, как иеродиакона. Проезжая через Дивеево, они посетили Агафию Семеновну и, нашедши ее в болезни весьма слабою, совершили над нею Св. Таинство Елеосвящения... Возвращаясь из Лемети, старцы нашли монахиню Александру умершею и едва-едва поспели к ее погребению»[83].

Спустя 30 лет архимандрит Серафим (Чичагов) в составленной им «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» уже более детально сообщает: «В 1789 году в первой половине июня месяца о. Пахомий с казначеем о. Исаием и иеродиаконом о. Серафимом отправились, по приглашению, в село Леметь... на похороны богатого благодетеля своего помещика Александра Соловцова и заехали по дороге в Дивеево навестить Агафию Семеновну Мельгунову.

...Старцы простились, уехали, а дивная старица Ага-

фья Семеновна скончалась 13-го июня в день св. мученицы Акилины»[84].

Событие это записано со слов приходского священника села Дивеева протоиерея Василия (Садовского)*, которому об этом рассказала девица, жившая вместе с Мельгуновой. То есть это устное предание, не основанное на архивных документах, поэтому информация требует дополнительных подтверждений.

О чем же говорит архив Саровского монастыря? Семейство помещиков Соловцовых действительно имело владения в селе Леметь Ардатовского уезда Нижегородской губернии и действительно вносило в казну Саровской пустыни как деньги, так и хлеб. Кроме этого, братья Соловцовы пожертвовали обители колокол в 550 пудов, получивший название «Соловцовский»[85].

Для полной ясности придется привести даты смерти всех Соловцовых по мужской линии, относящиеся к интересующему нас периоду. Первая запись относится к 13 декабря 1786 года[86], когда умер сын Александра Степановича Соловцова. Отец ненамного пережил своего сына и спустя чуть более трех месяцев скончался сам.

Вот как об этом говорит архивный документ: «Преставился в день Св. Пасхи, в самую заутреню (действительно, в 1787 году Пасха состоялась 28 марта. — *В. С.*), а привезен в Саров для погребения в 31 день, а погребен 1-го апреля. Тело его привезли из села Лемети на шести лошадях цугом, и лошади отданы в сию обитель со всем прибором конским»[87]. Ошибиться с датированием этого события просто невозможно.

Второй брат — Африкан Степанович — умер 21 марта 1795 года[88], далеко перешагнув рубеж 1789 года. Заканчивая скорбный список, 19 сентября 1798 года умирает последний из братьев — Петр Степанович[89], на этот момент постриженный в монахи Саровской пустыни под именем Парфений. Итак, ни одна дата не попадает на 1789 год. Анализируя имеющиеся устные предания, уместно сказать, что смерть Мельгуновой наступила в запоминающийся летний Петровский пост, а именно 13 июня в день святой Акулины. Во-вторых, в этот год умер А. С. Соловцов, а

---

* *Василий Никитович Садовский* (1800—1884) — протоиерей. Родился в семье священника. После окончания Нижегородской семинарии 28 лет служил приходским священником Казанского храма в селе Дивееве Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Духовник Дивеевской обители в течение тридцати лет.

это 1787 год. В-третьих, отец Серафим приезжал в сане иеродиакона, и потому следует вспомнить существовавшую долгие годы ошибку о рукоположении отца Серафима якобы осенью 1787 года. Исправление этой ошибки позволяет говорить о возможности приезда иеродиакона Серафима в Дивеево в июне 1787 года.

Представители Саровского монастыря совершали поездку в Ардатовский уезд по каким-то надобностям. Версия, основанная на смерти А. С. Соловцова, не находит подтверждения, но документы Владимирской духовной консистории все же позволяют выяснить некоторые интересные подробности. Осенью 1786 года епархиальное начальство обратилось к строителю Саровской пустыни Пахомию с просьбой произвести опись церковного имущества и после этого освятить три вновь построенных церкви в соседней епархии. В Арзамасском уезде в селе Никольском (Шатки) 12 мая 1787 года освящена каменная церковь во имя Живоначальной Троицы[90]. В Ардатовском уезде в селе Ивановском 19 мая освящена церковь во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи и 20 мая освящен придел этой церкви во имя Апостола-евангелиста Матфея[91]. В том же Ардатовском уезде в селе Нуча строителю Пахомию предписано освятить при Спасской церкви придел во имя Святителя Николая Чудотворца. «Почему оная предельная Николаевская церковь... по церковному чиноположению сего 1787 года июня 13-го дня на память мученицы Акилины и освящена»[92].

Именно после освящения придела в церкви села Нуча саровские монахи совершили погребение матушки Александры, умершей 13 июня 1787 года.

Известная аксиома историков: хочешь доказать свою правоту — ищи дополнительные подтверждения, нет прямых доказательств — ищи косвенные. В «Дневнике летописи монастыря» нашлись записи, касающиеся отсутствия строителя Пахомия в обители летом 1788 и 1789 годов. «1788 г. июня 8 дня поехал отец строитель во Владимер, то есть в четверток ... июня 17 дня приехал из Владимера отец строитель на исходе ранней обедни, то есть суббота»[93]. И наконец, запись, говорящая о том, что строитель Пахомий в мае—июне 1789 года был в отъезде: «1789 г. май 5 числа з благословением Божиим Батюшка наш отец строитель Пахомий поехал в Тамбов. А от толь хотел ехать в Курск...»[94] Поездка получилась длительная, и 22 июня торжественную закладку колокольни пришлось проводить казначею Исайе.

Спустя сто лет архимандрит Серафим (Чичагов) при написании «Летописи» не имел достоверных сведений. Этим объясняются все вышеперечисленные неточности. Этим объясняется и описание торжественного застолья при освящении церкви в селе Нуча, распорядительницей которого якобы была Мельгунова. Вернее всего, это происходило несколько ранее и, возможно, в селе Ивановском.

Здесь следует сказать несколько слов о первоначальнице Дивеевской обители Агафье Семеновне Мельгуновой. Она происходила из старинного дворянского рода Степановых, родиной ее являлся Переяславль Рязанский (современная Рязань)[95]. Агафья Семеновна вышла замуж за представителя дворянского рода Мельгуновых, проживавшего в соседнем имении — Якова Иевича Мельгунова, в 1749 году прапорщик Муромского пехотного полка, что не согласуется со сведениями из житийной литературы, в которой она представлена как «полковничья вдова» — вдовой она была подпоручика. Какое-то образование Агафья получила, но писать не могла — это явствует из архивных документов, которые удалось выявить дивеевскому историку иерею Георгию Павловичу.

После кончины супруга Агафья Семеновна принимает решение посвятить свою жизнь служению Богу. Распродав свои имения и выручив за них около 600 рублей, она окончательно обосновалась в селе Дивееве. По указанию ей Пресвятой Богородицей «жить и угождать здесь Господу Богу до конца дней своих». Своим иждивением она построила в селе каменную церковь во имя Казанской иконы Божией Матери. Предположительно, в 1786 году основала женскую общину и была пострижена в схиму с именем Александра.

В 1828 году Нижегородская духовная консистория предприняла следствие об увольнительных грамотах, необходимых для поступления в женский монастырь. В ходе разбирательства были опрошены жители и священнослужители Дивеева, которые рассказали о том, как была организована община матушки Александры. Наиболее достоверные сведения дала старшая сестра Ксения Михайловна Кочеулова: «Ведя жизнь монастырскую по уставу положенную с благословений Преосвященнейших Нижегородских Вениамина, Моисея, и Мефодия нося соответственное даже и платье сему Ордену; — пищу Она Михайлова прежде получала и с сестрами от трапезы Саровчан по примеру своих предместниц лет десять в течении правления своего, когда еще невелико было собрание сестр за шитье свиток, вязку чулок и

прядение ниток, а как уже умножилось по власти Всемогущаго число их тогда начали дневное пропитание добывать от занятий по способностям и состоянию чистой и черной работ, как то: шитья риз и продчей церковной утвари, уборки фольгою образов, шитья свиток на Саровчан с получением за оное денежной платы, прядения льна и волны, тканья холстов и сукон на себя и людей, вяски чулок для себя и на продажу, шитья котов и туфлей, плетения лаптей, уборки конопляников и огородов, ибо от благотворительных владельцов подарено общине оной земли десятин до трех, занимаются тем же и жатвою, от каковых посильных трудов и пропитывают себя, пользуясь притом благотворениями родственников, и доходами от ветреной двух поставной мукомольной мельнице, а сверх сего оказывает милости особенныя в случае недостатков из дворян девица Елена Васильевна Госпожа Мантурова посвятившая себя на вечное житие при оной Богом хранимой Общине, коя подобает равноапостольным женам служащим Христу Спасителю, от имений своих сооружает и храм примыкаясь к приходскому с благословения Епархиального Начальства по апробованным Санкт-Петербургским Строительным Комитетом плану и фасаду во имя Рождества Христова»[96].

Как видим, община жила очень скромно. В житийной литературе говорится, что матушка Александра на смертном одре вручила отцу Пахомию деньги в сумме 40 тысяч рублей — и медью, и серебром, и золотом. По одной из версий, деньги предназначались на строительство Успенского собора в Саровской пустыни, по второй — на сохранение, так как ее сожительницы по общине не могут распорядиться по-хозяйски с деньгами. Обе версии надуманные и не подтверждаются архивными документами. Да и чисто житейски эти утверждения выглядят неправдоподобно. 40 тысяч в меди, серебре и золоте хранить в крестьянской избе? Его только вывозить надо обозом с охраной. Да и за такое благодеяние саровские монахи должны были угождать общине долгие годы, а не платить за шитье свиток и вязку чулок. Вторая версия совсем неправдоподобная — как же она подбирала кандидатов на совместное проживание, что в конце концов не доверяет им в таком важном вопросе? Сама матушка Александра, не имея больших капиталов от продажи своих имений, ничего и никому не передавала.

Спустя полгода в жизни отца Серафима происходит знаменательное событие — из Владимирской духовной консистории 13 января 1788 года получен указ «О выключе-

нии из здешняго штата за болезнями престарелых иеромонаха Маркела, монахов Никодима, Иринарха, Амвросия, Спиридона; коих велено числить в здешней больнице; а на место их определить в штатное число вновь постриженных иеромонахов Авраамия, Самуила, иеродиаконов Серафима, Макария и Исаакия»[97]. С этого момента (январь 1788-го) отец Серафим официально зачислен в штат Саровской пустыни.

В архиве Саровской пустыни, хранящемся в Центральном государственном архиве Республики Мордовия, обнаружены документальные подтверждения на выполнение послушания Прохором в столярной мастерской и на исполнение обязанностей «полесовщика», то есть смотрителя за лесами.

Более 90 процентов земельных владений Саровской пустыни — леса. Первоначально эксплуатировались они мало. Тут сказалось запрещение правительства разрабатывать корабельные леса. Трудно сказать, как в XVIII веке непосредственно велся учет в лесах Сарова, но по архивным документам видно, что «крупновозрастные» корабельные деревья правительственные чиновники обозначили специальным клеймом, и на протяжении многих лет ревизоры проверяли наличие и здравие ценного леса[98]. По своей законопослушности и обязательности саровские монахи оберегали владения и при обнаружении буреполома или кражи леса окрестными крестьянами тут же старались подать заявление о случившемся в земский суд, чтобы снять с себя ответственность за пропажу клейменого дерева.

В начале 1780-х годов правительство несколько ослабило запрет на разработку заповедных лесов, Саровская пустынь начинает осваивать свои богатства. В январе 1787 года петербургский купец Никон Ананьин за 18 мачтовых деревьев заплатил первые «коммерческие» 250 рублей[99]. Видимо, именно в это время в Саровском монастыре озаботились организацией охраны лесов с помощью так называемых «полесовщиков». «О. Серафим был первый, кого назначили по этому послушанию»[100]. Послушание подразумевало обход и осмотр лесных владений. Вполне понятно, что один отец Серафим не мог охватить своим вниманием всю территорию монастырских владений. Можно предположить, что район его «смотрения за лесом» в конечном итоге обозначился районом, называемым Дальней пустынкой. Необходимо отметить, что леса, протянувшиеся по реке Саровке от Дальней пустынки, и особенно то место,

которое известно современным жителям Сарова как «Протяжная», представляли собой глухие дебри. «Лес был непроходимый — руки просунуть негде»[101], — записал библиотекарь монастыря в своих воспоминаниях.

Выполняя послушание, отец Серафим познал всю глубину и проникновенность уединенной молитвы. Этот многотрудный опыт и привел его впоследствии к пустынножительству, которым он и прославился.

Так протекала жизнь в монастыре иеродиакона Серафима — в череде священнослужений в храме и в выполнении послушаний под присмотром своих духовных наставников, первым среди которых был глава обители отец Пахомий. О строгости отца Пахомия можно судить по случаю, который произошел в 1780 году. В Саровскую пустынь поступил послушник Алексей, «как видно музыкант игравший на гуслях, инструмент этот он вероятно привез с собой»[102]. По этому поводу Пахомий вступил в переписку с владыкой, и хотя тот благосклонно отнесся к увлечению послушника, Алексей был выслан из монастыря.

В 1793 году епископ Тамбовский и Пензенский Феофил рукоположил отца Серафима в сан иеромонаха. Уже несколько лет Саровская пустынь по духовному ведомству подчинялась Тамбовской духовной консистории, и для принятия сана отец Серафим совершил поездку в этот губернский город. Вероятно, это была его последняя поездка за пределы владений монастыря. Да и до этого старец не отличался склонностью к путешествиям — его более привлекала полная отрешенность от мирской суеты: пустынножительство, монастырское затворничество. Утверждения о поездках послушника Прохора, а затем монаха Серафима для сбора денег на строительство храма или на Зеленогорскую (и другие) ярмарку не находят подтверждения. А вот имена монахов–заготовителей хлеба, овощей и другой провизии — Серапиона, Антония, Дионисия известны по приходно-расходным книгам казначея пустыни[103].

23 сентября 1793 года в Саровской обители получен под номером 2281:

«Указ Ея Императорскаго Величества
Самодержицы Всероссийския,

из духовной Преосвященнаго Феофила епископа Тамбовскаго и Пензенскаго консистории, Темниковской Саровской пустыни отцу строителю иеромонаху Пахомию с братиею... Приказали: о произведении Его Преосвященством сего сентября 2-го дня иеродиакона Серафима во

иеромонаха, за известие вместо грамоты к вам отцу строителю с братиею послан указ о чем сей и посылается сентября 12 дня 1793 года.

Козловский игумен *Варлаам*.
Секретарь *Иван Дмитриевский*»[104].

Несколькими днями ранее настоятель пустыни отец Пахомий получил письмо от преосвященного Феофила, в котором владыка между прочим упомянул имя отца Серафима: «...все устроено и отец Серафим иеромонахом и явится пути своево да будет Бог с ним»[105].

С этого момента отцу Серафиму разрешалось выполнять обязанности священника наравне со всей старшей братией.

Иерусалим старца Серафима

Что послужило причиной ухода отца Серафима из стен монастыря в пустынь, трудно сказать. Это станет ясным только после прочтения тех архивных материалов, которые находятся пока под спудом. Версия о болезни как причине этого поступка кажется несколько надуманной, скорее всего, уход был связан со стремлением старца к уединению и самоиспытанию души по примеру святых отцов-отшельников.

Как бы то ни было, но в возрасте сорока лет, по благословению своего духовного наставника и строителя пустыни отца Пахомия, иеромонах Серафим уходит на жительство в пустынь, известную под названием Дальняя. Много мнений и толков вызывала дата ухода Серафима на пустынножительство. Первые биографы говорили, что он «удалился в пустынную свою келлию в 1794 году осенним временем»[106]. Не добавило ясности и «Житие преподобного отца нашего Серафима Саровского» 1863 года издания, в котором это событие описывается так: «После смерти старца Пахомия, с благословения нового настоятеля Исайи, духовного отца своего, отец Серафим 1794 года 20-го ноября, в день прихода в Саровскую пустынь, удалился в пустынную келлию. Для безпрепятственнаго проживания в ней ему выдавался за подписанием строителя Исайи билет, один экземпляр которого еще до селе сохраняется в Саровской обители. Вот текст билета: "Объявитель сего, Саровской пустыни иеромонах Серафим, уволен для пребывания в пустыни в своей (т. е. монастырской) даче; по

Иеромонах Серафим в 1790-е годы. *Художник К. В. Тарасов. 2014 г.*

неспособности его в обществе, за болезнию и по усердию, после многолетняго искушения (т. е. искуса) в той обители и в пустынь уволен, единственно для спокойствия духа Бога ради, и с данным ему правилом, согласно святых отец положениям, и впредь ему никому не препятствовать пребывание иметь в оном месте и оное утверждаю — строитель иеромонах Исайя. 1797, ноября 20 дня. Для верности печать прилагаю при сем"»[107].

В архиве монастыря обнаружена переписка игумена Иерофея с большим знатоком и почитателем жизни отца Серафима Александром Дмитриевичем Иноземцевым, директором Казанской гимназии. Переписка состоялась в связи с подготовкой пятого издания «Жития преподобного отца нашего...» и содержит просьбу к Александру Дмитриевичу помочь исправить и удалить ошибки, содержавшиеся в предыдущих четырех изданиях. Самое удивительное, что, не работая с монастырским архивом, Иноземцев, проведя только анализ житийной литературы, сделал любопытные выводы. Вот один из них: «Старец удалился в пустыню не в 1794, а в 1797 г. (цифра 4 есть недосмотр корректора первого жития). Это видно как из безсрочнаго (а не на год) билета его... так и из того, что по Сказанию... Георгия (...Саровский гостинник Гурий, современник старца), первоначально изданному в Маяке за 1844 г. <...> Отец Серафим священнодействовал "в течение трех лет" с сентября 1793 г.»[108] (то есть с момента рукоположения в иеромонахи. — *В. С.*).

В итоге мы получаем две даты: 20 ноября 1794 года и 20 ноября 1797-го. Попробуем разобраться для начала в доводах А. Д. Иноземцева. Самый главный вопрос: существовал ли в природе этот отпускной билет, датированный 1794-м или 1797 годом? 1794-й следует исключить по следующим причинам: 6 ноября скончался настоятель Пахомий; 12 ноября общим собранием братии на должность строителя избран отец Исайя; только 16 декабря отец Исайя в Тамбове приведен к присяге[109], потому назвать его строителем до изучаемого момента нельзя. Не мог иеромонах Исайя как строитель выписать отпускной билет 20 ноября 1794 года. И вдвойне прав Иноземцев в том, что выписанный билет являлся бессрочным, проще говоря, данная бумага выписана единожды, что видно и из самого документа: «Впредь ему никому не препятствовать...» Взяв в руки словарь русского языка, читаем: «Впредь — на будущее время, в будущем».

Какая существовала необходимость в ежегодном пись-

менном подтверждении, что иеромонах Серафим уволен в пустынь? Да, в конце XVIII века существовали некоторые препятствия к свободному передвижению по России, но в данном случае здесь совсем иная ситуация. Дальняя пустынь располагалась в пределах монастырских владений, они на многие километры раскинулись вокруг нее. Спрашивается, зачем выписывать отпускной билет? Это так же нелепо, как если бы владелица поместья в деревне Балыково (окрестности Саровского монастыря) госпожа Татищева принялась выписывать отпускные билеты своим крестьянам, отправляющимся на сенокос. Для составления билета должна возникнуть веская причина. Такой причиной могли быть события, происходившие в Саровской пустыни весной 1797 года.

5 мая в пустынь пришел отряд солдат Выборгского мушкетерского полка в количестве тридцати восьми человек под командованием поручика А. И. Нейгардта[110]. Цель прихода — обеспечение охраны предполагаемого пути следования по Темниковскому тракту императора Павла I. Можно не сомневаться, что солдаты прочесали весь лес вокруг Саровской пустыни и оставили в покое одиноко живущего отшельника, ибо у него имелся на руках отпускной билет на проживание от строителя за подписью и печатью. Именно для предъявления им и был предназначен монастырский документ. Дата 20 ноября, возможно, дописана позднее. «Пришел 20 ноября», «ушел 20 ноября» — явное искусственное сближение двух событий. Самого отпускного билета до настоящего времени найти не удалось (только его черновик).

Точная дата ухода в пустынь обнаружена в рукописном собрании Саровской пустыни в РГАДА, где сохранилась следующая запись: «Отлучися от обители отец Серафим совершенно на житие в пустыню, месяца августа в дню 27 числа 1794 года»[111]. Так что правы были первые биографы, утверждая, что ушел старец в пустынь «1794 года осенним днем».

А игумен Иерофей при подготовке пятого издания «Жития» поступил «мудрее»: когда книга увидела свет, отпускной билет в ней был уже датирован 20 ноября 1794 года[112].

Располагалась пустынная келья в пяти верстах от монастыря на правом берегу реки Саровки. Вот описание пустыни, относящееся к 1890-м годам: «Келлия была большая, пятистенная с сенями и крыльцом (с южной стороны), над коим был навесец на столбиках, крыльцо было о трех приступках. В сенцах был огорожен чуланчик, в котором было

оконце; в келлии было только одно волоковое окно. Печь стояла в северо-западном углу келлии, и топилась из нея. Под полом келлии был погребок. К сенцам с западной стороны была сделана бревенчатая пристройка, служившая и двором и сараем, ход в нее был со вне, с южной стороны. Все это было покрыто двускатною тесовою кровлею — в одну связь в застрехи. Саженях в десяти от келлии на берегу вырыта была пещерка, в которую иногда уединялся о. Серафим. Внизу под горою был колодезь — родник. Вокруг келлии был огород, обнесенный жердневым забором, в столбах»[113].

Обнаружена запись в монастырских делах за 1814 год о том, что на Дальней пустыни разобран мшаник для пчел[114] и перевезен на Маслиху*. Игумен Исайя II подтверждает это в своей переписке с иеромонахом Авелем: «У старца Серафима в пустыне был подле кельи пчельник и несколько пеньков пчел»[115]. Рядом с избушкой огород, отец Серафим выращивал овощи для пропитания. «Это были картофель, свекла, лук и трава, называемая снить»[116]. Удивительным кажется упоминание о выращивании картофеля в те годы — до начала его активного культивирования в России еще не одно десятилетие. Тем не менее Саровские монахи уже в «1789 г. май 1 числа посадили на огороде, что за Предтечею (за храмом во имя Иоанна Предтечи. — *В. С.*) картуфель, свеклу»[117]. Большим подспорьем в пищевом рационе пустынника играла «снить» — трава, употребляемая как в свежем, так и в сушеном виде. Траву можно встретить и сегодня на мемориальных местах саровских лесов.

Существует описание избушки, относящееся к периоду, когда она уже стала алтарем Преображенской церкви в Дивеевской общине. «Келлия из соснового леса, толщиною 7 вершков, срублена в угол в 12 венцов, внутри стены обтесаны; длиною 6, шириною 8 аршин, пол и потолок из сосноваго теса; западная стена вынута. Окно (ныне двухзвенные $1\frac{1}{2}$ — 1 арш.) было волоковое — 4 вершк.; двери одностворчатые (ныне 2 — $1\frac{1}{4}$ арш.), печи нет (а была). В настоящее время среди келлии устроен Св. Престол, в северо-восточном углу жертвенник, а в юго-восточном углу...» витрина с вещами старца[118].

Об укладе жизни отца Серафима в пустыни можно судить по житийной литературе. В Отделе рукописей Россий-

---

* Маслиха — местность, где первоначально располагалась водяная мельница, а затем скотный двор монастыря.

ской государственной библиотеки хранится «Устав пустынножителей Валаамского общежительного монастыря»[119], составленный игуменом Иннокентием и братией в 1811 году. Принимая во внимание, что с 1781 по 1804 год на Валааме проживал и занимался восстановлением монастыря саровский иеромонах Назарий* — большой любитель уединенной жизни, перенесший с собой из Сарова устав и правила монашеской жизни, то, вернее всего, составление «Устава» 1811 года — это попытка его последователей привести к законной форме уже опробованные монашеской жизнью методы организации пустынного проживания.

«В Валаамском общежительном монастыре издревле видимо есть, что монашествующие имели отшельническое, пустынное пребывание, а посему по воле Божией и благословению архипастырскому и ныне в обители Валаамской имеется братия, которая, желая себе совершенно-

---

* *Назарий Валаамский* (*Николай Кондратьев*; 1735—1809) — преподобный, игумен. Родился в семье причетника села Аносова Кадомского уезда Тамбовской губернии. В 1752 году вступил в Саровскую пустынь, но спустя несколько лет перешел в Астраханскую епархию. Предположительно в 1760 году пострижен в рясофор, а в 1764-м — в монашество. В этом же году он рукоположен в иеродиакона и по указу Святейшего синода от 28 сентября 1764 года переведен в Саровскую пустынь. С 6 марта 1765-го по 26 февраля 1766 года проходил послушание при Архиерейском доме епископа Владимирского и Муромского Павла. В 1772 году и до 1779-го к Саровской пустыни приписана Арзамасская Высокогорская пустынь. «Туда же посылаемы были иеромонахи Назарий, Феофан, Варсонофий, Игнатий и другие» (отец Назарий рукоположен в иеромонаха 4 декабря 1776 года). Почти 20 лет своей жизни отдал отец Назарий Валааму. В начале 1800-х годов он уходит на покой и по указу Синода от 13 апреля 1804 года возвращается в Саровскую пустынь, где поселяется в трех верстах от обители в пустынной келье на правом берегу реки Саровки. Перед водворением на пустынке Назарий совершил свое последнее путешествие. Получив в сентябре 1804 года паспорт, старец отправился в Екатеринославскую епархию. Отец Назарий, по всей вероятности, оказывал духовное окормление братии и приходящих к нему паломников. Несомненно, праведная жизнь старца Назария служила примером пустыннику Серафиму. До конца своей жизни старец пользовался уважением и у духовного начальства. Так, владыка Тамбовский Феофил в письме на имя настоятеля Нифонта высказывает о намерении преосвященного Екатеринославского Платона просить отца Назария согласиться возглавить один из монастырей его епархии в сане архимандрита, но силы отца Назария уже ослабели. Похоронен у алтаря соборного храма во имя Пресвятой Богородицы и Ее Живоносного Источника. Решением Святейшего синода Назарий Саровский причислен к лику местночтимых святых Тамбовской епархии.

го спасения, с благословением настоятеля проходят уединенную жизнь. И таковое их по бозе пустынное житие дабы и навсегда продолжаться могло беспрепятственно, паче ж и к отсечению собственных каждому пустынных мудрований, от которых тягчайший вред душам происходить может, то дабы каждый ведал отшельник общие пустынные правила»[120]. Чин пустынножителей состоял из десяти параграфов и регламентировал практически все стороны прав и обязанностей желавших уединенной жизни. Вот основные его положения:

«1. Желатель пустынного отшельнического жития должен прежде многие годы прожить с братиею в обществе и всякие послушания понести без роптания. Обучить себя, по возможности, воздержанной жизни.

2. Если кто по вышеописанной главе с одобрением и у духовника будет проситься и у отца игумена на уединение, то по испытании его намерения, призвать к себе первейших братий, и с ними иметь о том совет и по согласию общему такового отпущать в пустынь, дав ему свое благословение.

3. Живущему монаху... паче всего потребно совесть иметь во всем справедливу и чисту, и по Бозе духовному отцу или настоятелю в нуждах смутительных откровенну. Правило молитвенное исправлять ежедневно.

4. Пустынному жителю прилично паче всех сего добродетелию себя украшать, начиная от внешности. Во-первых, иметь все одеяние свое бедности приличное, и вещей никаких хороших при себе не иметь, в поступках быть скромну и постоянну, в речах воздержанну и ко всем почтительну, простодушну и любовну и келия его была б тому соответственна, а по душе мыслить о себе, что он грешнее есть всех человек.

5. Пустынная келья должна быть сделана деревянная от общества, но по произволу пустынника, на каковом месте пожелает... Содержание им хлеб, овощи огородные, крупа, масло посное, и в платье потребность белье и обувь в приличность пустынникам все имеют получать от монастыря.

...В монастырь же приход иметь всегда ко всякому воскресению и должен каждый отшельник в субботу, повечеревавши в келии своей пустынной, приходить в обитель к правилу общему церковному. Где отслушав всенощное бдение и обедню раннюю и взяв что нужное для келии его и братскаго печения поснаго, с благословением от настоятеля отходит в свое уединение.

6. Начиная от святой Пасхи, к которой приход иметь пустынникам в монастырь на страстной в четверток к обедне. А которые желать будут причастия Св. Тайн в четверток, тем оставаться с понедельника и ходить за трапезу братскую и быть до св. Пасхи в монастыре.

7. Пустыннику потребно иметь варение какое пожелает посное из овощей огородных, и дабы пища была по совести... А на себя ничего не делать, разве без чего обойтись нельзя.

8. Для пользы душевной или большого уныния посещать друг друга пустынникам не возбранно, то ж да будет сие в редкость времени.

9. Живущих на уединении пустынников на общие послушания, как то: в летнее время на сенокосы, жнитво, огородные уборки, и прочие в монастыре всякие поделия, никого не брать, а которые отчисленики по доброй своей воле и сами пожелают в летнее время помочь подать братии... тех принимать"»[121].

Легко понять — жизнь пустынника была строго регламентирована и не дозволяла своеволия.

Первые годы пустынножительства отца Серафима, приблизительно 12—13 лет, полностью соответствовали требованиям приведенного «Устава». Жизнь его состояла из возделывания овощей на огороде, содержания пчел, заготовки дров и, конечно же, из исполнения молитвенного правила.

Келья, в которой проживал отец Серафим, располагалась на высоком холме, в низине протекала река Саровка. Монастырские леса рассекались оврагами и балками. Местность вокруг пустыни была знакома старцу. Всякий холм и каждая ложбинка имели у него свое название, они переносили уединенную избушку на Святую Землю, где происходили евангельские события. Тут были свои Афонская гора и святой город Иерусалим, посещал он и Назарет, и Вифлеем, и реку Иордан. Вспоминал он евангельские события в укромных уголках под названиями Фавор, поток Кедрон, Голгофа и гора Елеонская.

При анализе жизнеописаний старца Серафима все эти названия первоначально воспринимаются, возможно, как некий литературный прием. Но, изучая историю Саровского монастыря, убеждаешься, что в жизни старца не было случайностей и все имело под собой определенную основу.

В Саровской пустыни проживал удивительный иеромонах. Почти ровесник Прохора Мошнина родился в 1752 году в Астрахани, в купеческой семье, «приватно обучал-

ся арифметике, российской грамматике, логике и другим частям философии с риторикою». В Саровский монастырь поступил в 1777 году, в мантию пострижен в 1782-м с именем Мелетий*. В 1793 году, уже иеромонахом, он предпри-

* В «Ведомости монашествующих Арзамасской Высокогорской пустыни за 1803 год» записано: «Строитель иеромонах Мелетий, Великороссийской нации. Купеческого звания. Приватно обучался арифметике, российской грамматике, логике и другим частям философии, с риторикою кроме тактики. Пострижен в мантию 1782 года Саровской пустыни строителем иеромонахом Пахомием. По 1777 год находился в Астраханском купечестве, а в 1777 году пришед с вечно увольнительным атестатом в Саровскую пустынь и был в оной пострижен в мантию 1782 года в иеродиакона и иеромонаха произведен Преосвященным Виктором епископом, а в прошедшем 1800 году по увольнении из Тамбовской епархии указом Нижегородской консистории определен в оную пустынь строителем. Состоит в штате. 51 год (родился в 1752 году. — *В. С.*). При должности строителя отправляю и письменныя к монастырю дела. Но впредь приумножающему нездоровье делает к тому не способным» (ЦАНО. Арзамас. Ф. 20. Оп. 1. Д. 10. Л. 241 об.— 242). О трагической кончине отца Мелетия, отправившегося во второе путешествие на Святую землю, мы узнаем из письма иеромонаха Московского Новоспасского монастыря Михаила иеромонаху Саровской пустыни Евгению: «Касательно о любезном нашем брате и друге покойном отце Мелетии. Он до разбития корабля был болен дней с 20-ть даже до смерти. В сие время у духовника на корабле исповедовался, и Святых Тайн Христовых причастился; потом почувствовав приближающуюся кончину, распределил при всех, его окружавших спутниках, о деньгах, вещах и одежде своей по собственной своей воле. За сим в случившуюся после сего ноября 6-го дня бурю и кораблекрушении сидел он в своей каюте, и по слабости сил своих ничего ко избавлению своему от потопления не предпринимая, благословением Всевышнего, по разбитии корабля, с каютою своей, сидящий в оной, в скорости от волн выброшен был на землю, из коей, т. е. каюты, тот час от тамошних прибрежных жителей был вынут и отнесен в селение, где теплою водою в теплоте, его старались согревать. На другой день в селении, 7-го т. е. числа, пришед в крайнее изнеможение, был паки исповедован и причащен, и ко исходу изготовлен, а 8-го дня ноября, в день рождения своего и мирского тезоименитства, дух свой предал в руки Господу, где тамошними двумя греческими священниками при церкви и погребен монашеским погребением по чиноположению в присутствии своих сопутников. Вот кончина его!.. Да упокоит Господь дух его со праведными! Я и в церкви и в келье его поминаю; прошу покорно и вас так же поминать его. Сим любовь наша к нему докажется, что она не на словах была, но на деле... Леонтий Михайлов, послушник Его, так же спасся от потопления скоро, держась с прочими за мачту. Укладка о. Мелетия с деньгами и вещами вскорости так же выброшены... на берег, и по окончании всего Леонтием с прочими сопутниками доставлена во Иерусалим ко Гробу Господню; и все распределения его, т. е. о. Ме-

нимает первое среди саровских монахов паломничество к Святым местам. Отец Мелетий возвращается в Саровскую пустынь из путешествия в августе 1794 года. И в августе этого года отец Серафим уходит «совершенно на житие в пустыню». Повлияло ли на решение отца Серафима пустынножительствовать возвращение этого паломника, сказать трудно. До своего перехода в Арзамасский Высокогорский монастырь в 1800 году на должность строителя паломник по Святым местам в тиши Саровской пустыни написал книгу «Путешествие во Иерусалим Саровския Общежительныя Пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году». Книга издавалась дважды в московской типографии А. Решетникова в 1798 и 1800 годах и занимала почетное место в монастырской библиотеке. Но, вероятно, беседы и рассказы путешественника легли на сердце отца Серафима — отсюда и названия святых мест на Саровской земле. По возвращении из дальнего странствования отец Мелетий с благословения настоятеля завел обычай, увиденный им на Святой земле, — на Страстной и Светлой неделе начинали употреблять 12 бил. «В вечер Страстной субботы, после келейного правила 12 мальчиков одетых в белые новые балахончики с таковыми же новыми на головах платочками, узкие... коих только черные, отправляются к нарядчику монаху, который и выдает им эти била и каждому по молотку. Мальчики била эти поставляют на равном разстоянии вокруг собора и каждый близ своего била заготовляет кучу смоляных сосновых дров. Дрова эти они с начала благовеста к заутрени во время полунощницы зажигают немного. Потом ко времени крестного выхода разжигают все эти кучи и таким образом освещается весь монастырь. Когда же начнется звон во все тяжкие, то мальчики начинают мерно и стройно бить каждый в свое било и продолжают до тех пор пока кончится звон на колокольне по данному из алтаря на колокольню пономарем знаку (колокольчик в 30 фунтов).

Вообще бьют в била эти в продолжении всей Светлой седмицы тогда только, когда бывает на колокольне звон во вся. После первой воскресной заутрени била эти мальчики

летия, в точности исполнено... Леонтий убежден будучи от русского иеромонаха Арсения, живущего при Гробе Господнем в уважении и духовником... остался при нем вместо сына тамо... Возвратился ли он сюда, или нет, ныне еще не известно. Его уговаривали там принять монашество, но он не согласился; посвящение же в стихарь принял без отлагательства... как сказано мне» (ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 319. Л. 16—17 об.).

переносят к братской трапезе и поставляют к крыльцу оной по обе стороны по 6-ть в ряд и так бьют во оные во время каждого звона на колокольне или во время заутрени и обедни, после обедни при выходе братии с Артосом и иконою в трапезу и из трапезы в собор, во время крестных ходов в понедельник, среду и пяток: таким образом употребление сих бил продолжается до субботы. В этот день в последний раз вместе со звоном по выходе братии из трапезы в келлии (так как входа братии опять в собор не бывает уже) мальчики, пробив последний раз в свои била, относят оные опять к нарядчику. Платье же им отдается в собственность. При этом надобно сказать, что к Св. Пасхе всем рабочим выдаются новые балахоны и платки»[122]. Вот такой интересный и красивый обычай был введен в Саровской пустыни по примеру монастырской жизни на Святой земле и чему был свидетелем отец Серафим.

В 1796 году отцу Серафиму предлагалось место настоятеля в Алатырском Троицком монастыре. Прямых подтверждений этого факта не обнаружено, но существует упоминание об этом в переписке А. Д. Иноземцева и Алатырского архимандрита Мефодия[123]. Как известно из житийной литературы, отец Серафим отказался от предлагаемой должности, и вместо него отправлен был иеромонах Авраамий*.

Следует отметить, что более тридцати воспитанников Саровской пустыни были направлены во многие монастыри России на должности настоятеля или казначея. Среди них наиболее известны: преподобный Феодор Санаксарский,

---

* *Авраамий* (1733—1837) — архимандрит (с 1798 года). В реестре входящих бумаг в монастырскую канцелярию за 1783 год от 13 сентября записан указ о пострижении в рясофор купца Андрея Лазарева и наречено ему имя Авраамий. Указ о пострижении в монашество поступил 23 мая 1786 года (в ведомости за этот год записан его возраст — 33 года). В октябре 1786 года во Владимирской духовной консистории рукоположен в сан иеродиакона. В этот же приезд происходит и посвящение в иеромонашеский чин. Столь стремительное достижение священнического сана говорит о незаурядности этой личности, что впоследствии и подтвердилось. Из-за отсутствия вакантного места в Саровской пустыни до января 1788 года находился за штатом. В 1796-м назначен игуменом в Алатырский Троицкий мужской монастырь, по житийной литературе якобы вместо отказавшегося от этой должности отца Серафима, который в этом году по состоянию здоровья зачислен в монастырскую больницу. Управлял монастырем до 1827 года, когда за слепотою и слабостью здоровья был уволен на покой.

преподобный Назарий Валаамский, игумен Маркеллин Клопский, иеромонах Мелетий Иерусалимский. И многие-многие другие, распространившие славу Саровской пустыни по всей стране. «О Саров! Саров! Не только колыбель монашества: но ты Академия монашества!»[124] — восклицал в одном из писем в адрес саровского начальства архимандрит Антоний (Медведев).

После упоминания о «раскольниках» следует сказать, что в Саровской пустыни оставалось многое от древнерусской церкви: это и знаменный распев, четки лестовки, короткие полумантии и т. д. Порой старца Серафима причисляют к тайным старообрядцам, но все доводы легко опровергаются.

Исайя (Путилов) в письме своему брату отцу Антонию пишет о саровской трезвости: «Упомянули вы о том, как мы праздн̆уем именины? Благодарю Бога, у нас еще не взошло обычая угощать в келье. На трапезе общей пустынное угощение бывает самое простое, именно ягоды, брусника с медом, свое лесное произведение, мед, свой же, квас медовый — все это называется у нас велиим утешением, и голова от этого не болит. У нас и вообще по кельям не бывает приемов и угощений. Кроме гостиницы за оградой, но и там хмельное не позволено»[125].

Слава о саровских подвижниках распространялась по всей России. В 1792 году строитель Пахомий получил указ из Святейшего синода, в котором говорилось о прошении граждан города Курска учредить в Коренной Рождество-Богородичной пустыни общежительный устав. Отцу Пахомию предписывалось, избрав из братии «способного и надежного», отправить его в Белгородскую епархию немедленно. Такой чести удостоился иеромонах Илларий.

«Не жалейте Вашего семени, — говорил владыка Феофил (Раев). — Пусть оно развевается по России к славе Божией!»[126] И расходились саровские иноки и разносили саровское благочестие по всей стране.

Каждому, кто направлялся из Сарова на должность в другие монастыри, настоятелем выдавалась инструкция, как следует «заводить» общежительный устав на новом месте, порой саровские монахи направлялись в монастыри, где уже служили выходцы из обители, для инспекционной проверки. В 1788 году отец Пахомий направляет иеромонаха Мелетия в Южскую пустынь со следующей инструкцией:

«Честный отец иеромонах Мелетий. По общебрат-

ственному нашему согласию послан ты в Южскую пустынь для нижеследующего:

1-е, засвидетельствовать отцу строителю Анастасию с братиею от общежития нашего мир и любовь, и узнать, согласном в оной пустыне ея чиноположение с нашим Саровским и всякое ли его предписанному от нас Южской пустыни отцу стр. Анастасию с братиею наставлению в церкви Божией, отправляется священнослужение.

2-е, во управлении монастырском и в содержании братии согласно ли происходит положенному в нашей Саровской пустыне общежительному уставу, и нет ли какого упущения а братии утеснения.

Все сие рассмотри, если найдено будет вами как в церкви Божией, так и в управлении монастырском и содержании братии, происходить благочинно и согласно нашему уставу, то за все оное объявить отцу строителю и отцу казначею и всей братии Божие всещедрое а при том и наше смиренное благословение, а за сохранение устава, — общебратственную похвалу и благодарность. Если же, паче чаяния, от чего Боже сохрани! Усмотрено будет тобою какое либо упущение и общежительному нашему Саровскому уставу не согласное поведение, то об оном, во первых с увещанием поговорить келейно. О. строителю иеромонаху Анастасию и казначею иеродиакону о. Гедеону, чтоб потщились как церковную службу, так и управление в обители и в братии исправлять согласно нашему общежительному уставу Саровскому, от Первоначальника нашего нам приданному, с коего и в оную Южскую пустынь для исполнения по оному дана мною в прошлом 1786-м году за подписанием моей строительской руки копия, и о том в общем собрании то же подтвердить. Но, если к крайнему нашему оскорблению паче чаяния упоминаемые о. строителем с братиею свои упущения противу устава и свои неисправности не правильно будут защищать и ко исправлению не объявят своего произволения, то в таком случае объявить им, что таковые их поступки нарушают данные им пред Богом и пред братиею к сохранению устава обещания; а чрез то и наш дух крайне оскорбляют и принуждают объявить, что они от нас своим непослушанием отделяются и из числа сынов обители и нам любезной братии исключаются, а сверх всего мы должны обо всем оном со оскорблением донесть Его Высокопреосвященству Гавриилу митрополиту Новгородскому, но от сего, Боже сохрани и помилуй Южскую общежительную пустынь и отца строителя и братию, а ниспошли на оную

и на живущих в ней Божественную свою благодать и милость, и утверди и укрепи их творити во мо Твою святую, и сподоби хранити отеческия предания без преткновенно, чего все усердно видеть и слышать и радоваться желаем и во уверение сего подписуемся

Саровской пустыни строитель
иеромонах *Пахомий* с братиею его М. П.
1788 года Генваря 2 дня. Саровская пустынь»[127].

В «Дневнике летописи монастыря» на странице, датированной 1797 годом, составлено «Описание дороги ко отцу Серафиму» в «Дальнюю пустынку»: «От селе идти от кирпишных сараев 3 дороги. Две оставить по третьей взять вправо вкруче не доходя валу к Мефодию вправо идти за вал мимо избы в ворота пройти сею дорогою прямо держатца в лево повернуть вправо оставлять чрез вершину проходя сие недалече направо к Дорофею с полверсты проидя и струб вправе лес лежит на кельи потом наверх недалече прямо ити две малые дороги. Надобно загнуть ити вправо сквозь дерево по малой дорожке потом вершина приидити и дрова рубленыя повороти влево Серафима от него одна дорога»[128]. Текст трудно читать, еще труднее переложить его на карту Сарова, с чем может справиться только житель современного города. В описании упоминаются еще два подвижника: Мефодий, или в схиме Марк (Мальцов) и Дорофей. Мефодий жил где-то рядом с последним, большим валом Старого городища. В действительности у Мефодия не было постоянного жилища — сегодня он жил в шалаше, завтра «гостил» в пустыни у Назария Валаамского, а спустя некоторое время его могли видеть далеко за пределами владений Саровской пустыни. «Он скитался до глубокой старости по всему лесу, безпрестанно изменяя свое жилище, доколе от дряхлости не укрылся в обитель».

Келья Дорофея располагалась на полпути к Дальней пустыни. До весны 1803 года эти три пустынножителя находились недалеко друг от друга.

Среди архивных документов порой встречаются интересные описания событий, участниками которых был и отец Серафим. «1803 году марта 13 дня поутру. В половине 7-го часа в неделю крестопоклонную в день пятка загорелся у трапезы братской купно и с хлебнею верх, который весь до сводов сгорел без остатку. Пожар сей был весьма опасен для обители потому, ежели бы не было сие здание покрыто чугунною черепицею, которая препятствовала быть большому пылу, то без сомнения едва ли бы могли отстоять ар-

хиерейские кельи, когда подгорели стропилы от одних быков с трудом могли оныя кельи отстоять. Но при помощи Божией, и за молитвами святых отец, во обители сей живущих, и при сильной расторопности о Христе любезной братии, кои друг друга поощряя к погашению, сей пожар благополучно утушили.

При погашении сего были и пустынники отец Серафим, отец Дорофей и отец Мефодий, кои услыша в пустыни необыкновенной звон скорейше поспешили на пожар. Отец Серафим во время пожара с молитвою осенял крестом своим, носящим на себе, горящее здание, отец Дорофей гасил пламя, а отец Мефодий, вышед вне пустыни на малое растояние, стоя на коленях, молил Бога, дабы огнь погас и обитель избавилась от беды»[129].

Как видим, в Саровской пустыни на 1803 год проживало три пустынножителя: Серафим, Дорофей и Мефодий. В это время саровские монахи в описи своих покупок сделали следующую запись: «600 саек и кренделей для пустынника, всего на 31 р. 50 коп.»[130]. Кому из троих пустынножителей был куплен гостинец или всем троим — непонятно. Одно ясно, что сайки и кренделя употреблялись в пищу в основном в засушенном виде.

Отец Серафим с января 1796 года по болезни не участвует в священнослужении, а с сентября 1796 года он уже числится в больнице[131], и так до своей кончины.

Отец Дорофей родился в 1756 году, выходец из тульских мещан, поступил в Саровскую пустынь в 1784 году, 19 июня 1792-го пострижен в монашество, рукоположен в сан иеродиакона 3 июля 1793-го, в сан иеромонаха —28 августа 1819 года[132]. В больнице не числился, начиная с 1790-х годов священнослужение выполнял не постоянно: «служит редко, а упражняется в разных рукоделиях». В одном из монастырских документов записано: «послушание его ложки точил». Последние годы отец Дорофей проживал в лесной пустынке, на правом берегу реки Саровки. Был уважаем среди братии и богомольцев. Умер в сентябре 1825 года[133]. Именно в избушке отца Дорофея поселился старец Серафим после выхода из келейного затвора в 1825 году.

В «Житии» 1863 года находим следующую запись: «Из постоянных посетителей о. Серафима известны схимонах Марк и иеродиакон Александр, также спасавшийся в пустыни. Первый бывал у него два раза в месяц, а последний — однажды». Не принимая во внимание искусственную очередность посещения гостями пустынки старца Серафима,

находим, что отец Мефодий уже называется схимонахом Марком, и упоминается новое лицо — иеродиакон Александр.

Монах Александр, из курских купцов, пришел в Саровскую пустынь в 1792 году, пострижен в монахи 7 марта 1797 года, в сан иеродиакона рукоположен 4 ноября 1800-го[134]. В описании пожара трапезного корпуса его имя не упоминается потому, что он присоединился к пустынножителям приблизительно в 1807-м. По ведомости, относящейся к сентябрьской «трети» 1808 года, иеродиакон Александр «по слабости здоровья служит редко, а упражняется в разных рукоделиях»[135]. Несколько позже, начиная с 1811 года, он числился в больнице. Иеродиакон Александр умер 5 августа 1840 года[136].

Еще одно громкое имя среди пустынножителей — валаамский игумен Назарий. Его имя можно поставить в первом ряду саровских пустынножителей, и своей подвижнической жизнью он оказал несомненное влияние на молодого послушника Прохора Мошнина. Предположительно в 1780 году иеромонах Назарий посетил в качестве паломника Соловецкий монастырь и, найдя Анзерский скит в весьма плачевном состоянии, пишет в июле 1781 года прошение в Святейший синод. В своем письме отец Назарий просит о разрешении ему вместе с несколькими саровскими послушниками поселиться на Анзерском острове и предлагает свой план восстановления его духовной жизни[137]. Ответом на это смелое предложение последовал вызов в Санкт-Петербург и назначение настоятелем в пришедший к этому времени в упадок Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. Вместе с ним там трудились и саровские монахи Гервасий и Серапион. Когда в 1875 году на Валааме побывал один из саровских иноков, то он передавал, «что устав Саровский так верно и точно исполняется, что все на Валааме будто то же, что и в Сарове. Вот какие плоды посеяны Саровом на Валааме».

В 1804 году он вернулся в Саровскую обитель и сразу поселился в пустыни. Но недолго пробыл Назарий на уединенном жительстве. Он умер «1809 года февраля 23... по полудни в 6-м часу, в выстроенной своей пустыни на берегу реки Саровы по течению ея на правой стороне. А умер... хотя его и застали в живых некоторые из братии, но уже не мог ни слова сказать оной братии»[138].

К категории пустынножителей можно отнести и рясофорного послушника Варлаама (Федосеева) — отставного

лекаря, умершего 9 января 1823 года. «Всего жития его было около 60 лет. Во уединении находился и любитель величайший был безмолвия; ревнитель и подражатель был древних отцов умозрением вел духовную жизнь; ученик безмолвного отца Серафима и жил в пустыне с 15-ть лет, а потом в братской больнице совершивший течение жизни благочестиво и назидательно»[139]. В братских ведомостях 1811 года он записан как «праздной пустынник» по состоянию здоровья[140]. Из всех перечисленных пустынников Варлаам действительно болел. О состоянии здоровья остальных можно говорить только после получения дополнительной информации.

Отец Серафим в своей пустынной келье принимал для назидания монастырскую братию. К нему приходили не только послушники, недавно вступившие на монашескую стезю, но и монахи. К 1803 году относятся следующие воспоминания иеромонаха Евгения*. Три года он просил отца строителя Исайю отпустить его в Киев для поклонения святым мощам, но каждый раз получал отказ. Наконец в последний раз отец строитель пообещал отпустить его весной 1804 года. «Итак, я повинуясь воле отца своего, намерение свое оставил до будущей весны. Сие было мая 7-го. Я несколько от сей остановки смутился и пошел того ж утра к отцу Серафиму в пустыню, объявил свое приключение. Он на сие мне сказал, что не худо и отцу повиновение оказать. Однако же ты о сем запиши для памяти, дабы отец строитель данное тебе слово было до будущей весны памятно.

1804 г. мая 15 числа выехал я из Саровской пустыни для богомолья...»[141]

Далее следует эпизод из жизни отца Серафима, относящийся к 12 сентября 1804 года. Во всей житийной литературе эта дата означает день нападения на старца Серафима крестьян из ближайшего села Кременки. До настоящего вре-

---

* *Евгений* (*Ефим Петров;* 1766—1832) — иеромонах. Родился в крестьянской семье города Кирсанова. В Саровскую пустынь вступил в праздник Святой Троицы 1786 года. В стихарь посвящен 16 августа 1789 года епископом Тамбовским и Пензенским Феофилом в церкви Преображения Господня, которую в этот день освятил. В монашество пострижен 6 мая 1794 года. 3 июня 1794 года в тамбовской приходской Знаменской церкви посвящен в сан иеродиакона. В иеромонаха рукоположен 24 января 1794 года. Последние восемь лет был болен и послушания никакого не исполнял. После себя оставил записки о событиях, происходивших в монастыре, свидетелем которых он являлся.

мени архивы Саранска, Нижнего Новгорода и Арзамаса ни одним словом не дали подтверждения известному в народе факту, хотя монастырские дела пестрят заголовками о нападении крестьян окрестных сел и деревень на монахов и владения Саровской пустыни то в одном, то в другом месте[142]. В основном это были браконьерские набеги на мед, дичь, рыбу, водившуюся во владениях монастыря, или порубка леса. Нередки были стычки между монашествующими и крестьянами, но грабежи были единичны и совершались пришлыми людьми. Объяснить отсутствие доказательств этого нападения пока невозможно, точно так же, как и точную его датировку. (К моменту канонизации старца Серафима в 1903 году существовало его персональное дело с подборкой документов, но до настоящего времени оно не обнаружено.)

Чтобы понять дальнейшую жизнь старца Серафима, остановимся на сложившейся в монастыре ситуации в начале 1806 года.

16 января 1806 года умирает казначей пустыни иеромонах Киприан. Спустя две недели, 31 января, на его место братия избирает «духовника» монастыря отца Нифонта[143]. Кто такой Нифонт? В будущем строитель и первый игумен Саровской пустыни, человек, достигший значительных успехов в экономическом развитии обители, при котором жили все знаменитые пустынники.

Родился Василий Петрович Черницын (мирское имя отца Нифонта) в 1761 году[144] в городе Темникове в мещанской семье. 8 февраля 1787 года пришел в Саровскую пустынь. Прожив один год по паспорту, 4 сентября 1788 года он получает увольнительное свидетельство для поступления в монашество. Через год, 15 августа, при посещении Саровской пустыни епископ Феофил посвящает Василия в стихарь. Спустя два года (12 апреля 1791-го) тогдашний казначей Исайя накрывает Черницына рясофором и дается ему имя Нифонт. По достижении тридцатилетнего возраста, 19 июня 1792 года, рясофорный послушник Нифонт становится монахом. При пострижении имя оставлено прежнее. В сан иеродиакона рукоположение состоялось 7 июня 1793 года, в иеромонаха —10 февраля 1796-го. Необходимо признать, что молодой священник оказался не без способностей. В 1797-м отец Нифонт избирается в собор монастыря (руководящий орган, состоящий из шести старших иеромонахов) вместо умершего старца Иуста* с возложени-

* *Иуст* (1721—?) — иеромонах.

ем на него обязанностей проверки правильности ведения документации при казначее Маркеллине*. Спустя два года (23 февраля 1799 года) общим решением собора избран «братским духовником»[145]. Взлет по иерархической лестнице довольно стремительный. И кажется неудивительным, что 28 февраля 1806 года Нифонт указом из Тамбовской духовной консистории утвержден в должности казначея, которая по значимости была второй после настоятеля[146].

---

* *Маркеллин Клопский* (*Михаил Петрович*; 1742—1825) — игумен. Родился в городе Корсуне Симбирской губернии в семье священника в четвертом поколении. Его отец, Петр Иванович, овдовев в 1760 году, поступает в Санаксарский монастырь, где спустя некоторое время постригается в монашество с именем Павел. В 1763 году по ведомостям монастыря в Санаксаре записаны два иеромонаха: Феодор (Ушаков) и Павел (ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 7 об.). В январе 1764-го, когда Санаксарский монастырь вновь стал самостоятельным, Павел переходит в Саровскую пустынь (ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135. Л. 114). Именно в Саров 23 мая 1765 года приходит и Михаил «для приобучения грамоте и монастырских же трудов», в чем весьма преуспел (ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 23). 9 июля 1773 года Михаил пострижен в монахи с именем Маркеллин и из-за отсутствия вакантного места в Саровской пустыни переведен в Гороховский Николаевский монастырь. Перевод осуществлен только на бумаге, на самом деле Маркеллин проживал в Сарове вплоть до 19 июня 1774 года, когда в монастыре наконец открылась монашеская вакансия. После того как Маркеллин официально обосновался в монастыре, Пахомий направляет в Духовную консисторию прошение о рукоположении молодого монаха в сан иеродиакона. Рукоположение состоялось 13 июля. А 20 августа 1780 года, когда епископ Иероним, находясь в Саровской пустыни, проводил освящение второго придела Успенского собора во имя Антония и Феодосия Киево-Печерских, Маркеллин посвящен в сан иеромонаха. Занимаясь межеванием земель монастыря, Маркеллин показал себя как человек грамотный во всех отношениях, обладающий дипломатическими способностями, находя правильные решения в общении как с соседями, так и столичными чиновниками. Эти качества были приняты во внимание, когда после смерти Пахомия Маркеллин утвержден в должности казначея. Но недолго он занимался финансовыми делами монастыря: 3 июля 1796 года, по указу, переведен в Свято-Троицкий Михайло-Клопский монастырь, расположенный в 15 верстах от Новгорода, на должность настоятеля с возведением в сан игумена. Около пяти лет Маркеллин занимался благоустройством древней обители и изучением ее истории. Возвратясь в октябре 1801 года после увольнения от дел на покой в Саров, игумен Маркеллин активно помогал руководству монастыря в хозяйственных делах. В Сарове он был первым, кто изучил, подготовил и опубликовал в 1804 году книгу под названием «Краткое историческое описание Саровской пустыни». До 1825 года, когда отец Маркеллин умер, книга выдержала девять изданий.

В 1806 году в Саровской пустыни возникает следующая ситуация. Член собора Нифонт, наблюдающий за деятельностью казначея (а может быть, даже и исполняющий его обязанности в последнее время, так как казначей Киприан до самой кончины долгое время находился в Санкт-Петербурге), видит, как быстро прогрессирует болезнь строителя Исайи. Дальнейшие события подтверждают, что иеромонах Нифонт сумел проявить себя и для начала занял место казначея. 1806-й год для Нифонта стал определяющим в его служебном продвижении. Каким образом достигнута вершина власти, свидетельствует документ:

«Великому господину Преосвященнейшему Феофилу, Епископу Тамбовскому и Шацкому и кавалеру; Саровской пустыни от иеромонахов, иеродиаконов и монахов всепокорнейшее прошение.

Как уже небезизвестно вашему Преосвященству, что наш отец строитель Исайя за имеющеюся весьма сильною и продолжительною болезнию в совершенное пришел изнеможение, и еще от минувшего ноября 27 числа слег в постелю, да и теперь находится на смертном одре без всякой надежды в получении себе облегчения, чего ради призвав он, строитель Исайя, к себе всю о Христе братию, минувшего декабря 12 числа от правления должности своей отказался, назначив притом в преемники казначея иеромонаха Нифонта; но как от вашего Преосвященства, сего генваря 5-го дни прислан был ордер с тем, чтоб учинить выбор в строители со всеобщего братии согласия, ежели настоит необходимая тому нужда; чего ради мы, нижеподписавшиеся, по согласному всего общебратского нашего сословия и выбрали означенного казначея иеромонаха Нифонта; и оной выбор за руками всего нашего братства к вашему преосвященству отослан при прозьбе, которою и просили всепокорнейше ваше преосвященство утвердить в бытии ему казначею в нашей пустыни настоящим строителем; но к крайнему и сердечному прискорбию нашему в полученном из Духовной вашего Преосвященства консистории сего генваря от 21 дня Указе изображено, чтоб сказанному казначею иеромонаху Нифонту поручить одну только должность, а старому быть до смерти строителем, что самое и может быть поводом к вящему нашей обители растройству и беспокойствию, но как и то не без известно вашему преосвященству, что в нашей обители находится в одном штате весьма немалописаное количество братии, так равно и приуказных послушников в надежде пострижения в монашес-

тво, которые все управляемы бывают добрыми советами и наставлениями строителя, следовательно, не имея теперь настоящего Отца и путеводителя ко спасению, неминуемо могут притти в растройство и раслабление; яко то, по церкви и в прочих монастырских надобностях, может последовать остановка и упущение...» 1 февраля 1807 года к этому документу «руку приложили» 35 штатных монахов, подписи отца Серафима и отца Мефодия отсутствуют[147]. На прошение епископ выразил удивление: «...требуют еще указ на указ?».

Состояние здоровья строителя Исайи уже не оставляло надежды на выздоровление, прежний указ как бы в признание заслуг предоставил ему почетное настоятельство до кончины. В истории Саровской пустыни известно совместное управление строителя Дорофея и первоначальника Иоанна. Казначей-строитель Нифонт, сконцентрировавший в своих руках всю власть в монастыре, не мог делить ее с кем-либо даже малый промежуток времени. Кто еще претендовал на власть, сказать трудно, но кандидаты были, и они составили «оппозицию» новому строителю. В житийной литературе говорится, что первоначально якобы место строителя предложено было отцу Серафиму, но, во-первых, в Сарове существовала традиция назначать на должность настоятеля казначея, и это правильно — человек, знавший и экономику, и финансы монастыря — первый претендент. Во-вторых, старец, отрешившийся от мира и ушедший в себя, не искал настоятельского места. Судя по развивающимся событиям, если и были какие-то попытки кого-либо изменить ситуацию, то действия Нифонта и его «партии» их опередили.

Интересный факт: подписей старцев Мефодия и Дорофея под прошением нет, а вот курянин иеродиакон Александр не остался в стороне и подписался. Кстати, Мефодий с этого времени исчезает из ведомостей о монашествующих. Уход из монастыря в знак протеста? Возможно. Только вновь его имя появляется в монастырских бумагах в 1811 году.

Итогом всех бумажных дел стало утверждение в должности строителя Нифонта и предписание о проведении выборов казначея: «Касательно же казначея то кроме Матфея, избрав немедленно обще братственно представить кандидатов, дав преимущества одному пред другим». Настоятель Исайя умер 4 декабря 1807 года[148].

Что касается отца Серафима, неудивительно, что начи-

ная с 1807 года старец замкнулся, прекратил всякое общение как с монашествующими, так и с мирянами (узкий круг доверенных людей, вероятно, все же существовал). Можно предположить, что отец Серафим прекратил посещать и саму обитель. Так называемый «столпнический» период, предположительно, приходится именно на 1807—1810 годы. Вот что сообщал касательно столпничества игумена Исайя II в письме Авелю (Ванюкову) в декабре 1848 года: «Отец Серафим, когда только начал пустынную отшельническую жизнь в отдаленной от монастыря келии, то имел правило молитвенное чрезвычайно продолжительное, по его словам, одному близкому тогда монаху Авелю (выходец из казанских мещан, в монастырь поступил в 1797 году, пострижен 3 сентября 1804-го[149], умер тридцати девяти лет от роду 26 августа 1809 года[150]. — *В. С.*) сказанных, именно: стоял неподвижно по 17 часов, и в таком положении подвизался более трех лет неизменно, с 1804-го по 1808 год; а когда от напряжения ноги его отекли, сделались в ранах, то он такое правило уменьшил. Вот в последствии и повторял Старец в своей беседе: "Было время Серафим стоял в своем правиле боле тысячи дней, как камень, неподвижно" (подчеркнуто в оригинале. — *В. С.*). Эти слова и теперь у некоторых на памяти»[151].

Как воспринимать слова игумена Исайи, еще предстоит выяснять — именно он был долгие годы казначеем и доверенным лицом Нифонта, и именно при нем закончилось пустынножительство.

В Историко-краеведческом музее Сарова в зале истории монастырского комплекса находится карта лесных владений обители, выполненная в 1867 году. На ней ясно обозначен «Камень отца Серафима». 1867-й — это год правления игумена Серафима (Пестова)*, почитателя стар-

---

* *Серафим* (*Спиридон Андреевич Пестов*; 1804—1878) — игумен (с 15 августа 1867 года). Родился в деревне Яровской Крутихинской волости Шадринского уезда Пермской губернии. В октябре 1823 года вместе с отцом отправился в Саровский монастырь с надеждой на пострижение в монахи. Мать Екатерина Тимофеевна отправилась в Екатеринбург для поступления в Тихвинский девичий монастырь, где уже шестой год находились ее дочери Анна и Анастасия (ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 815. Л. 1—23). Семнадцатилетний соискатель иноческого звания первоначально проходил послушание письмоводителя при настоятелях Нифонте и Исайе. Посвящен в стихарь 19 июня 1827 года. Пострижен в монашество 20 июля 1835 года. Рукоположен в сан иеродиакона 29 сентября 1835 года, в иеромонаха — 29 мая 1844 года. Назначен на должность казначея в 1848 году. Награжден набед-

ца. Вероятно, именно он был инициатором и покровителем написания «Жития», изданного в 1863 году. Без всяких предположений можно сказать, что он поддерживал Дивеевскую обитель в ее борьбе с кознями иеромонаха Иоасафа (Толстошеева). И именно при нем в Саровской пустыни возобновилось почитание отца Серафима, что явно видно в обозначении святого места на географической карте. Камень старца Серафима действительно существовал.

После издания биографии подвижника в 1841 году иеромонахом Сергием, где впервые упоминается стояние на камнях, духовными властями, видимо, производилось некое дознание. В архиве монастыря существует черновик письма игумена Нифонта (без даты):

«Тамбовской Д. Консистории члену, Соборному ключарю Протоиерею Никифору Телятинскому и города Кадома Протоиерею Иоанну Розанову.

По прочтению мною Жизнеописания покойного иеромонаха Серафима, составленного неизвестным мне лицом, объяснить имею честь, что те обстоятельства из жизни сего, кои могли быть видимы я не отвергаю, а о невидимых бывших ему духовных видениях и о том, как он в пустыне якобы тысячу дней и ночей на камнях молился, неизвестен»[152].

Как это рассудить?

Вопрос остается открытым, но при любом варианте ответа можно сказать, что элемент столпничества в биографии отца Серафима присутствует.

Период столпничества, вероятнее всего, приходится на годы с 1807-го по 1810-й. Именно тогда новый строитель Нифонт начинает разборку старых и строительство новых келий на северной стороне монастырского периметра, и, как следствие, возникает нехватка жилых помещений для монашествующих. Описывая именно эти годы правления строителя Нифонта, монастырский летописец Иаков (Невельской) спрашивал: «Враги ли ему домашние его?»[153] Под этими словами скрывается то, что «оппозиционеры» начали анонимную войну, поставляя в приемную епископа письма без подписи. Видимо, несколько лет потребовалось строителю для подчинения братии своей воле.

В «Житии» читаем: «Вот строитель сзывает монастыр-

ренником 15 августа 1849 года и наперсным крестом в память Крымской войны 1853—1856 годов — 29 апреля 1858 года. 17 мая 1858 года определен настоятелем пустыни. 21 апреля 1862 года по представлению Святейшего синода награжден наперсным крестом. Похоронен по левую сторону алтаря Успенского собора.

ский собор из старших иеромонахов и вопрос о причащении о. Серафима предлагает на рассуждение». По решению собора отец Серафим 8 мая 1810 года вернулся в стены монастыря[154]. Документального подтверждения этому пока не обнаружено, но можно предположить, что к этому времени строитель Нифонт сумел укрепить свои позиции во всех отношениях, доказательством чего служит осуществление столь решительных действий. Но все равно «многопартийность» в Саровской пустыни существовала еще много лет. Так, Петр Казанский в своем «Очерке жизни архимандрита Антония, наместника Свято-Троицкой Сергиевой лавры» пишет: «Братство саровское при поступлении в него Медведева (мирская фамилия отца Антония, год вступления в пустынь —1818-й. — *В. С.*), к сожалению, делилось на несколько партий: была партия игуменская, была партия казначейская, были и другие партии. Сближение с лицом одной партии навлекало неприязнь лиц, принадлежавших к другой партии»[155].

Вот в такой обстановке приходилось жить и совершать свои духовные подвиги старцу Серафиму. Явно одно: «партии отца Серафима» не существовало, старец не участвовал ни в каких заговорах и склоках. Он уходил в пустынь, запирался в келье, чтобы не видеть и не знать всех перипетий, происходивших в жизни монастыря. Он спасал себя молитвой, постом, чтобы потом, постигнув суть мира земного и небесного, спасать тысячи людей, его окружавших. Быть путеводной звездой во всех житейских невзгодах.

Подводя итог, необходимо рассказать об известном событии, произошедшем на Дальней пустыни. Там существовал пчельник, который привлекал к себе медведей, обитавших в окрестных лесах. Известно несколько воспоминаний о кормлении отцом Серафимом медведя. Самое интересное принадлежит иеромонаху Иоасафу. В его «Сказании» присутствует «Рассказ старицы Дивеевской обители Матроны Плещеевой», повествующий о кормлении старцем медведя.

Насколько же это описание соответствует действительности? Во-первых, Матрона была слишком юной, когда отец Серафим жил на Дальней пустынке. Во-вторых, в Отделе рукописей РГБ, в фонде митрополита Филарета, обнаружено дело под названием «Выписка из книги о жизни и подвигах Серафима Саровскаго 1849 г. (рассказ монахини, как она выдумала чудо Серафима Саровского)»: «В книге Сказание о жизни и подвигах Старца Серафима (по из-

данию 1849 года на странице 142 и по изданию 1856-го на странице 118) помещен рассказ старицы Дивеевской обители Матроны Плещеевой о том, якобы она, бывши у отца Серафима, видела, как он кормил медведя и как по благословению старца и она кормила того медведя, но сей рассказ вымышлен иеромонахом Иоасафом, как объявила сама Плещеева перед смертью.

Долго страдая от водяной болезни, она привела себе на память забытый ею грех и в сознании, что Господь не посылает ей смерть, ожидая ее раскаяния во лжи, призывает к себе начальницу Екатерину Васильевну Ладыженскую и монастырского духовника, священника Василия Садовского и при них объявляет, что она научена Иоасафом и согласилась принять на себя и, в случае посещения обители членами Царской Фамилии, рассказать, якобы видела она, как батюшка отец Серафим кормил медведя и как сама она кормила, чего вовсе не видала...

Сделав это признание, Матрона вскоре скончалась»[156].

Приведенный документ не является официальной бумагой с подписями и печатями, но тем не менее в событиях, именах и фамилиях противоречий нет.

Вот что говорит игумен Саровской пустыни Исайя (Путилов) в письме от 7 декабря 1849 года иеромонаху Авелю (Ванюкову): «О медведе: У Старца Серафима в Пустыне был подле кельи пчельник, и несколько пеньков пчел. Обыкновенно осенью медведи ходят у нас по лесу, вот пришол было к пчельнику, у Старца хотел верно пообедать и начал ломать забор. — Старец ощутил гостя, постучал по забору, кинув укруг хлеба и медведь ушел»[157].

Иоасаф (Толстошеев) в своей книге, конечно, очень красочно описал случай с медведем, но это вымысел автора, основанный на истинном событии. Но в книге Иосафа можно найти и явно фантастические истории. Например, рассказ «О кроте», в котором автор якобы застал старца Серафима посреди картофельных гряд у Дальней пустыни, сокрушающегося над четырьмя-пятью картофелинами, попорченными кротом. Пустынник «с непостижимо сладкою скорбию повторял: вот-вот, видишь, никак им нет дороги чужие труды снедать!

Мне было удивительно и приятно смотреть на его детский ропот. Тогда как он обыкновенно не отгонял от себя ни одного насекомого, во время трудов своих, и не только давал им насыщаться своею кровью, но еще в это время в восторге духа, пел свои любимые священные антифоны...».

И вот тут происходит самое необычное: между гряд появляется крот, который становится жертвой хищной птицы. «Долго слышался писк попавшегося крота, пока они совершенно не скрылись из виду.

Трудно передать, с каким детским довольством смотрел отец Серафим на все происходившее. — О, о! Вот так-то, так-то чужие труды снедать! — повторял он»[158]. Читая эти строки, даже представить невозможно, что отец Серафим мог радоваться гибели безобидной твари.

К творениям отца Иоасафа (Толстошеева) следует относиться с осторожностью, не во всем полагаясь на его правдивость. Например, в 1854 году при прохождении цензурного комитета рукописи второго издания «Сказаний», цензор архимандрит Иоанн (Соколов) сделал много критических замечаний, сравнивая первое издание и рукопись второго: «...все содержащиеся в книге сведения основываются на удостоверении одного лица, которое передает их и от себя, и от других, только ему сообщивших сведения. Но как это лицо — частное, не общеизвестное, а еще само подлежит обсуждению в том отношении, в какой степени оно заслуживает общаго доверия: то, по справедливости, сказания его не могут быть принимаемы безусловно и вполне, в особенности там, где оно рассказывает о событиях чрезвычайных и даже вышеестественных. А как книга (равно и рукопись) вся наполнена такими сказаниями, то это дает Цензуре право, подвергнув их самому строгому разсмотрению, не допускать до печатнаго оглашения, до времени официальнаго изследования Высшим начальством...» У цензора вызывали сомнения описания проявлений Божией благодати, о которых в данной книге свидетельствовал только один человек. Заслуживает внимания осторожное отношение к свидетельствам о явлениях Божией Матери старцу Серафиму, здесь цензор неоднократно правил текст, подбирая наиболее корректные выражения. Чудесами «слишком великой поразительности и необычайности», о которых лучше умолчать, счел цензор видение старцем Серафимом ангелов, сослужащих и поющих с братиею, и явление Господа Иисуса Христа. В то же время, по его мнению, «"восхищение" отца Серафима в небесныя обители, хотя вообще — явление слишком необычайное, однакож может быть оставлено, потому, что в сказании о сем не излагается никаких особенных подробностей и не представляется ничего страннаго и неудобоприемлемаго».

Некоторые чудеса, описанные в «Сказании», архи-

мандрит Иоанн отнес к не заслуживающим внимания «по причине их наивности или малозначительности»[159]. Малоправдоподобными отец Иоанн назвал эпизод с военным и упавшим деревом и т. д.

Вот так строго подходили к публикациям в то время, хотя не все замечания цензора принимались в расчет — ходатаями за издание порой были люди высокопоставленные и через запреты просто перешагивали. Для примера, один из самых известных случаев связан с исцелением великой княжны от мантии отца Серафима. В знак благодарности Гликерия Занятова, впоследствии игумения Серафимо-Понетаевского монастыря, попросила императора Александра позволить открыть женский скит, хотя до этого в истории православной церкви таковых не было, — так появился Царский скит*. Сегодня все намного проще — бабушка сказала, и это истина, не требующая подтверждения.

И свеча бы не угасла

Принятие отцом Серафимом келейного затвора, впрочем, как и весь дальнейший ход событий, вплоть до его кончины, описаны в житийной литературе. Особенно в этом отношении преуспел уже упоминавшийся иеромонах Иоасаф, до 1840-х годов не уделявший имени отца Серафима особого внимания, но после выхода первых жизнеопи-

---

* Царский скит (Введенский) — решением администрации Нижегородской области № 195 от 8 апреля 1996 года урочище Скит (современное название) отнесено к особо охраняемым территориям: «1. Считать памятником природы "Скит" с уникальным рельефом местности, участком реки Сатиса, гранитным валуном, доставленным Днепровским оледенением, с сохранившимися историческими постройками, искусственно созданной сосновой аллеей, расположенных в 50-м квартале Кременковского лесничества Первомайского лесхоза на площади 109 га». Скит находится неподалеку от поселка Прибрежный (бывший Лесозавод) Первомайского района. Первоначально, когда влияние Иоасафа (Толстошеева) на Дивеевскую общину было сильным, скит предполагалось построить вблизи Дивеева. Но в 1860-х годах сестры покинули Дивеевскую общину и образовали в селе Понетаевке Арзамасского уезда Нижегородской губернии Серафимовскую общину, которая в 1869 году получила статус монастыря. Вновь созданной обители на юге Нижегородской губернии царской фамилией было пожаловано 597 десятин полевой, луговой и лесной земли. Здесь среди леса был устроен хозяйственный монастырский хутор под названием Царская дача, или Царский скит.

саний, как бы спохватившись, взялся за разработку этой темы.

Вот как характеризовал Иоасафа игумен Исайя (Путилов) в 1849 году, сразу после выхода в свет первого издания его «Сказания»: «Нового творения Ивана Тихонова о чудесах Серафима я не видал еще, да и не нахожу нужным видеть его, потому что жизнь праведного старца мне известна более, нежели Тихонову Ивану. Дивиться надобно, как публика слепо верит новому Магомету. Описываемыя чудеса по произволу Ивана мало заслуживают имоверности, или точнее сказать совсем несогласны с истиною, которая нам известна»[160].

В словах игумена Исайи присутствует большая доля истины. По части фальсификации Иван Тихонов (Толстошеев) оказался большим мастером, и, к сожалению, надо признать, публика слепо верит и сейчас современным «Магометам».

Кто же такой иеромонах Иоасаф: истинный ученик отца Серафима или человек, способный сделать на чужом имени свое собственное? Если так, то до какой степени можно верить его свидетельствам?

Иван Тихонович Толстошеев родился в 1802 году в мещанской семье города Тамбова. В Саровскую пустынь поступил 15 апреля 1820 года, определен указом 23 марта 1825-го, 14 февраля 1827 года посвящен в стихарь, через год накрыт рясофором, имя оставлено прежнее, только произносить его стали по-церковнославянски — Иоанн. Проходил послушание на клиросе и выполнял обязанности канонарха вплоть до 1842 года[161]. За это время послушнику Иоанну в качестве поощрения разрешено было совершить паломничество в Киев[162]. А вот в 1840 году из Духовной консистории поступил указ:

«Последовавший на рапорте вашем с представления при нем за 1840 год ведомости о монашествующих отмечены поведения средственного, а именно рясофорный послушник Иван Тихонов (всего перечислено 11 имен. — *В. С.*)... Изображено в консистории, которые имеют рекомендации средственного поведения оштрафовать по сто поклонов земных каждого и обязать подпискою вести себя лучше»[163].

В 1843 году появляется запись: «В сей пустыни никакого послушания общественного не несет»[164]. В один год существовала приписка: «по причине изнеможения», но была зачеркнута[165].

В 1843 году в Тамбовской и Нижегородских духовных консисториях начинается следствие по делу послушника Иоанна Тихонова, добивающегося рукоположения его в иеромонахи и назначения в Дивеевскую общину духовником, и это при том, что в дивеевских общинах уже давно служили приходские священники Иоанн Григорьев и Василий Садовский[166]. По всей видимости, у Тихонова появился высокий покровитель, которого заинтересовали рассказы о старце Серафиме и о якобы назначении последним этого послушника «попечителем общины». Дело дошло до Синода, и 6 июня 1845 года туда последовало доношение от епископа Тамбовского Николая (Доброхотова): «К представлению о пострижении в монашество он, Тихонов, неудостоен еще бывшим настоятелем оной, покойным игуменом Нифонтом, а оставлен по причине, что он, Тихонов, руководствуясь самоволием, уклонился вовсе от монастырских послушаний и по редкому хождению к службам церковным под предлогом своего будто слабаго здоровья, в каковом положении без послушания и теперь он состоит, присовокупив к тому, ежели упомянутый рясофорный послушник Тихонов будет пострижен в монашество и посвящен в иеромонаха, то он по склонности своей, еще более тогда откроет самоволие, и по свободной жизни будет женский пол принимать и в келлию свою вопреки древнему положению обительскому... (братия желает. — *В. С.*) ...его исключить и удалить от оной обители. В настоящее время он Тихонов поведения самовольнаго.

...Означенный послушник Тихонов по резолюции моей в присутствии оной Консистории был испытываем по книге пресвитерской и оказался не имеющим необходимо нужным сведений как вообще о должности пресвитерской, так особенно по статье о таинстве покаяния и об исповеди, хотя по последней я лично, при посещении мною Саровской пустыни в прошлом году, приказывал ему, Тихонову, запастись посильными сведениями, и даже давал ему для сего книгу о должностях приходских пресвитеров. Не находя за сим означеннаго послушника достойным как пострижения в монашество, так и посвящения в иеромонаха с назначением его Духовником в означенную Дивеевскую общину.

26 мая 1845 года»[167].

Из документа видно, что представлял собой Иван Тихонов, уже в это время внесший смуту в женскую обитель (его назначения желала только незначительная часть насельниц). Тихонова изгнали из Дивеева в 1861 году.

26 ноября 1847 года Иван Тихонов переведен по его просьбе в Нижегородскую епархию, где у покровителя саровского послушника были свои ставленники. В Печерском монастыре Иван Тихонов Толстошеев 21 ноября 1848 года пострижен в монашество с наречением имени Иоасаф. Уже через месяц он возведен в сан иеродиакона и спустя два месяца рукоположен в иеромонаха[168]. С этого момента он известен как Иоасаф, или Иоасаф Тамбовский (за способности к рисованию его иногда называли живописцем). Летом 1849 года иеромонах Иоасаф по делам Печерского монастыря направлен в Санкт-Петербург, где Николай Андреевский со слов Иоасафа составил «Сказание о подвигах и событиях жизни старца Серафима, иеромонаха, пустынника и затворника Саровской пустыни. С присовокуплением очерка жизни первоначальницы Дивеевской обители Агафии Симеоновны Мельгуновой»[169]. Каким-то внутренним чутьем этот недалекий и неграмотный, но весьма ловкий человек понял, что на именах старца Серафима и Агафьи Мельгуновой можно составить капитал (в прямом и переносном смысле) и поднять значимость своей персоны. Справедливости ради надо сказать, что он предпринял большие усилия по поиску свидетельских показаний о жизни обоих праведников, но одновременно преуспел и по части вымысла. Потом Иоасаф под именем схиигумена Серафима после принятия схимы выпустил два издания «Сказаний», каждый раз пополняя их новыми подробностями, оставляя для себя место «возлюбленнейшего ученика» отца Серафима. Нет сомнения, что старец Серафим не мог не видеть двуличности этого человека, получившего от монашествующих Саровской пустыни прозвание «чуждопосетитель», некоторые источники вкладывают это определение и в уста старца Серафима.

Но вернемся к основной теме.

По возвращении отца Серафима в монастырь ему для проживания предоставили келью, ставшую спустя много лет мемориальной. Она располагалась в одноэтажном флигеле, протянувшемся по южному склону от архиерейских покоев вплоть до юго-восточной угловой башни. Вход в общий коридор жилого отсека находился напротив ризницы Успенского собора. В общий коридор выходили четыре кельи, две из которых окнами смотрели на склон холма и речку Саровку, две кельи — на Успенский собор. В коридоре располагались две обогревательные печи — одна на две кельи. Соседнюю с отцом Серафимом келью занимал

его послушник отец Павел*. Во многих изданиях говорится об отсутствии у старца послушника, что, вероятно, по мнению жизнеописателей, принижало суть его подвигов — самолично нес все тяготы без помощи кого-либо... Но с архивными документами не поспоришь: «1826 года апреля 17 дня Павла келейника Серафимова постригли в рясу»[170]. Библиотекарь Саровской пустыни Иаков (Невельской) в своих записках оставил следующее сообщение: «9 февраля 1853 г. скончался рясофорный послушник Павел живший во обители около сорока лет — был несколько лет послушником у Затворника Старца иеромонаха Серафима. От коего тайно пострижен был в великий образ и наречен Павлином»[171]. В записках игумена Георгия (Вырапаева) читаем: «В такие безнадежные скорбные минуты к больному брату пришел келейник отца Серафима отец Павел со словами: «Отец Серафим тебе здоровья прислал»[172]. Вторят ему и дивеевские сестры: «Сказывал мне келейный Батюшки, отец Павел...»[173] Больше аргументов не требуется.

О внутренней обстановке кельи старца Серафима судим по рассказу, относящемуся к маю 1827 года, арзамасского архитектора Семена Соколова. Он интересен профессиональной цепкостью и точностью. Длинный коридор, у окна, рядом с кельей отца Серафима, у стены стоит гроб. Заглянем в саму келью: «Довольно просторная комната, с одним входом из коридора, имеющая два окна в сад, завалена была почти вся какими-то связками, в бумаге, холсте, клеенке и разных материях. Против двери находилось небольшое пространство для приема, а от него проложены две узенькие дорожки к двум углам, северо- и юго-восточному, где стояли иконы с теплящимися лампадками. Недалеко от двери, на площадке для приема, стоял сундук, на котором находились Распятие с горящею лампадкою, разной величины бутылки с деревянным маслом и красным вином, серебряный ковшичек, несколько просфор и довольно большая кучка сухариков из просфор, на бумаге. Вот и все убранство его оригинального жилища. Постели я в нем не приметил»[174].

Первые годы отец Серафим жил строгой затворнической жизнью, начатой на Дальней пустыни. Но такое гроз-

---

* *Павел* (в монашестве *Павлин*; 1768—1853) — родился в мещанской семье города Москвы. В монастырь вступил в 1813 году, 27 декабря 1827 года пострижен в монашество. Выполнял послушание при чтении синодика, с 1832 года за болезнью «не может никакого иметь послушания».

ное событие, как вторжение французской армии в пределы России, не оставило отца Серафима безучастным наблюдателем. Саровская пустынь предоставила приют и пропитание многим беженцам из оккупированных областей и Москвы. В архиве монастыря до сих пор сохраняются благодарственные письма:

«Милостивейший отец и благодетель!

Первою обязанностию моею почитаю всегда благодарить Бога за то, что в несчастнейшее время с моим семейством во Святой обители вашей нашел убежище от поражающаго всех бедствия»[175].

Так писал один из спасенных — иерей Спасской церкви, располагавшейся на Сретенской улице в Москве. По решению братии пожертвованы были две тысячи рублей ассигнациями «на составление новых сил к защищению отечества нашего»[176]. И конечно, ежедневно братия возносила молитвы о спасении страны от нашествия врага, и в общем хоре звучал голос старца Серафима.

В 1813 году, к 15 августа — празднику Успения Пресвятой Богородицы — в Саровскую пустынь приехал вновь назначенный епископ Иона (Василевский). Осматривая пустынь, владыка ходил и по кельям монашествующих. У кельи отца Серафима произошла заминка — старец не открыл двери, но мудрость и чувство такта позволило владыке с честью выйти из этого затруднительного положения. Епископ, отказавшись от силового решения этого вопроса, мирно удалился. Спустя некоторое время Саров посетил Тамбовский губернатор Александр Михайлович Безобразов с супругой. Они были первыми, кого принял отец Серафим после ослабления затвора. Уже в конце 1830-х годов А. М. Безобразов в письме игумену выражал надежду, что сможет еще «поклониться местам, где почивают великие сподвижники обители преподобные отцы: Серафим, Марко и Лев, из которых первый не отринул усердием своим принять его благословение в затворе»[177].

Период келейного затвора в житийной литературе обозначен пятнадцатью годами (с 1810-го по 1825-й), но о нем нельзя упрощенно говорить, как и о периоде пустынножительства.

15 лет, прожитые старцем Серафимом в келье совершенно одиноко, были так же разнообразны, как и жизнь самого монастыря. Даже при некоторой отрешенности от общемонастырской жизни он не мог полностью избегнуть его влияния. В жизнеописаниях говорится, что первые го-

ды старца были погружены в молчание. Из писем бывшего Тамбовского епископа Ионы выясняется, что подобные ситуации могли возникать часто, например, в июне 1824 года он просит кланяться «батюшке отцу Серафиму, в безмолвии пребывающему»[178]. Однозначным не может быть и период жизни отца Серафима в Ближней пустыни. В журнале «Духовная беседа» за 1872 год приведены воспоминания паломницы, посетившей старца: «С благословения о. Серафима, Е. пробыла в Сарове в этот раз восемь дней, и он принимал ее к себе каждый день, кроме пятницы. В этот день он оставался в безмолвии и, как надо полагать, погружался в размышления о страданиях сладчайшего Искупителя»[179]. Видимо, старец налагал на себя различные дополнительные обеты в самые различные периоды своей подвижнической жизни, соотнося свои чувства и мысли с окружающей обстановкой, событиями из годового круга церковной жизни.

Не мог отец Серафим остаться обойденным, когда весной 1818 года игумен Нифонт и еще 13 иеромонахов были награждены наперсными крестами в честь победы над французской армией[180]. В наградном списке присутствовало и имя старца Серафима. Высоко оценен его молитвенный подвиг во славу русского оружия:

«Тамбовской епархии Темниковской Саровской пустыни отцу иеромонаху Серафиму.

По благополучном, с помощью Вышняго, окончании войны с французами, благоугодно было Его Императорскому Величеству, Всемилостивейшему Государю нашему, между многими милостями, дарованными всем вообще верным Его подданным, отличить Российское духовенство особенным знаком Высочайшаго Своего благоволения и признательности, которыя изъяснены в Манифесте от 30 августа 1814 года следующими словами:

"Священнейшее духовенство Наше, призывавшее пред Олтарем Всевышняго теплыми молитвами своими благословение Божие на Всероссийское оружие и воинство, и примерами благочестия ободрявшее народ к единодушию и твердости, в знак благоговения к вере и любви к отечеству, да носит на персях своих, начиная от верховнаго Пастыря включительно до Священника, нарочно учреждаемый для сего Крест с подписью 1812 года".

Ныне сии Кресты доставлены из Святейшего Правительствующего Синода для Духовенства Тамбовской епархии, и исполняя предписание Онаго, препровождаю при

сем один таковый Крест к вам для ношения на персях на Владимирской ленте, как о том изъяснено в Высочайшем Его Императорского Величества Манифесте 30-го августа 1814 года, и особом Высочайшем повелении, прописанном в Указе из Святейшего Синода февраля от 14 числа 1818 года.

Иона, епископ Тамбовский и Шацкий.
№ 32. Марта 14 дня 1818 года»[181].

Так отмечен молитвенный подвиг старца Серафима. Что представлял собой этот крест, видно из справочной литературы. Высота его 8 сантиметров, ширина — 4,5 сантиметра. Выполнен из меди, выглядит скромно, точнее повседневно: в перекрестье на лицевой стороне изображено «всевидящее око» с лучезарным сиянием и дата «1812 год». На оборотной стороне написано:

«*Не нам, не нам, а имени Твоему*»[182].

Несмотря на свою невзрачность, эта награда наконец позволила ее обладателям получить право открыто носить наперсный крест поверх мантии. На одной из литографий — парадный вид иеромонаха Иллариона, награжденного крестом.

Отец Серафим и наперсный крест — интересная и во многом спорная исследовательская тема. Попробуем в ней разобраться. По житийной литературе крест — благословение матери — впервые упоминается в «Сказании», напечатанном в журнале «Маяк» в 1844 году: «Добрая мать... благословила Прохора медным литым Распятием, которое он принял, как дар Божий, возложил на себя, и носил на себе во всю свою жизнь до кончины». Так об этом рассказали Иоасаф и Авель. А вот в «Житии» 1863 года уже говорится, что во время жизни старца на Дальней пустыни «на балахоне висел крест, тот самый, которым благословила его благочестивая мать...». Сказание, что отец Серафим носил крест поверх одежды с момента его вступления в Саровскую пустынь, из этой публикации буквально дословно перешло в «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» Чичагова, а затем и во все последующие биографические повествования.

Какие в этом описании найдены несоответствия? Наперсный крест — крест, носимый на груди под одеждой или поверх нее. Поверх одежды наперсный крест во времена Прохора-Серафима могли носить только епископы и юродивые. Ни к одной из этих категорий Прохор не относился. В 1794 году император Павел впервые устано-

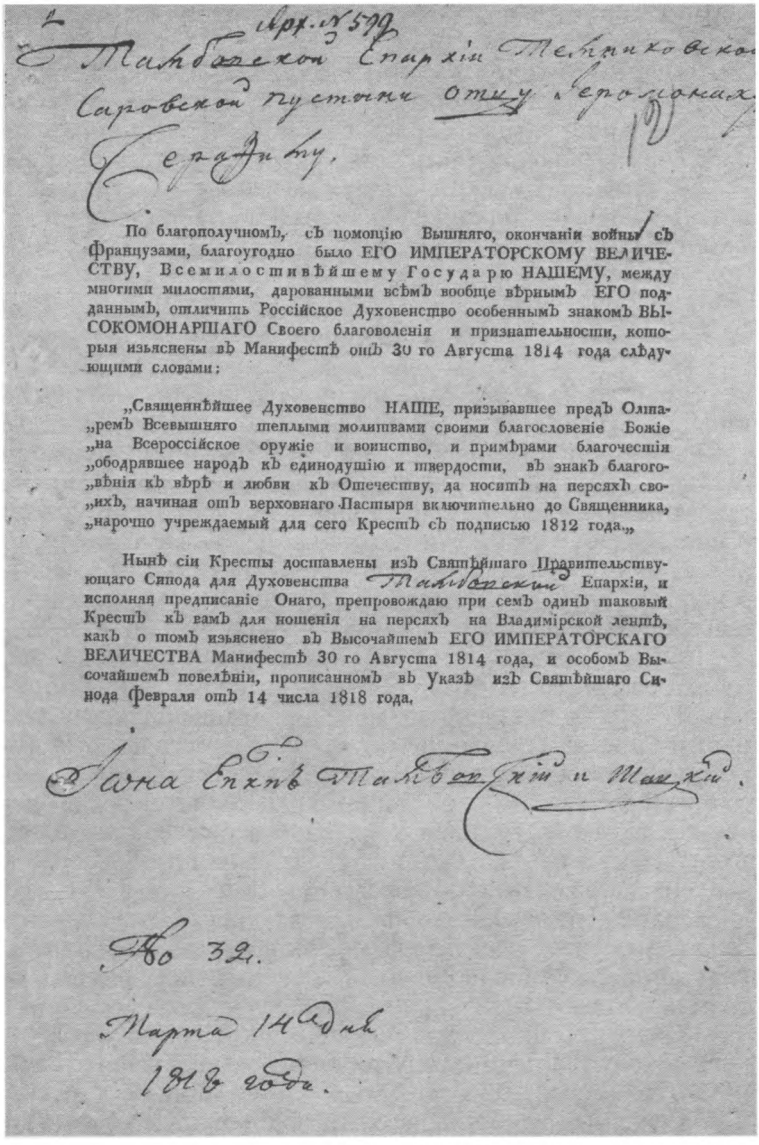
вил законное право ношения серебряного позолоченного креста с распятием для белого духовенства (протоиереев и священников)[183]. И только в XIX веке награждение наперсными крестами получило широкое распространение, и крест 1812 года можно назвать одним из первых, который черное духовенство могло открыто носить поверх одежды.

Здесь уместно вспомнить пожар, случившийся в марте 1803 года. Старец Серафим «с молитвою осенял крестом, носимым на себе, горящее здание». Это был именно тот крест, которым благословляла его мать перед уходом в монастырь и который он носил «на себе» под одеждами. Размером, вероятно, крест был не больше наградного креста 1812 года, и все литографии, где отец Серафим изображен с огромным крестом на шее, более похожим на вериги, не соответствует действительности. Предположить, что послушник Прохор Мошнин будет носить крест поверх одежды, когда даже строитель пустыни не имел такого права, просто невозможно.

Если просмотреть портретную галерею настоятелей Саровской пустыни, можно заметить, что первый строитель с наперсным крестом — это Нифонт, получивший свой первый крест в 1818 году.

Слава отца Серафима росла с каждым годом. В архиве Нижегородской области обнаружено письмо мещанки города Арзамаса Веры Поповой, адресованное диакону села Шилокши Александру Григорьеву: «Еще для здоровья вашего посылаю от Святого Старца благословение Батюшки Отца Серафима святых крупиц. Прочитывая 3 Отче наш, 3 Богородице Дево радуйся и однаво Верую, и будет польза, для того вам оные посылаю думаю, что у вас оных уже нет»[184]. Письмо датировано «генваря 18, 1824 года». 1824 год — до блаженной кончины старца еще ровно девять лет, а отец Серафим уже называется святым старцем, под святыми целебными крупицами, вероятно, подразумеваются сухарики из просфор, раздаваемые монахом своим посетителям, и молитвенное правило для мирян.

В 1825 году поток богомольцев к старцу Серафиму значительно возрос и стал мешать обыденной монастырской жизни. По описаниям различных авторов, массы народа, желавшие встречи и благословения старца Серафима, создавали настоящее столпотворение на монастырской площади. В сентябре 1825 года умирает пустынник Дорофей, живший недалеко от монастыря. В освободившуюся келью, по благословению строителя — игумена Нифонта, и пере-

Акт о награждении преподобного Серафима Саровского наперсным крестом в честь окончания Отечественной войны 1812 года.
Подпись — автограф Ионы (Василевского), епископа Тамбовского и Шацкого. 14 марта 1818 г. ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 458. Л. 12

бирается старец Серафим, имевший к этому времени уже почтенный возраст — 71 год.

Именно в период жизни на Ближней пустыни старец активно занимается проповедью евангельских истин среди огромных народных масс, встречая всех приходящих приветствием: «Здравствуй, радость моя!» Слава его становится поистине всероссийской. Даже в названии пустынки есть некий символ — «Ближняя», как бы в подтверждение того, что отец Серафим стал ближе к народу, к миру.

Ближе к миру

С 1825 года образ жизни старца приобрел несколько иной характер. После выхода из затворничества в келье 25 ноября день он проводил на так называемой Ближней пустынке, возвращаясь на ночь в монастырскую келью.

Ближняя пустынка существовала не один десяток лет и располагалась в двух верстах от монастыря на высоком правом берегу реки Саровки, неподалеку от источника, называвшегося Богословским, впоследствии переименованного в источник отца Серафима. Вот описание Ближней пустыни 1890-х годов: «Келлия, что у источника о. Серафима, стояла на горе, где ныне крест и оградка, была пятистенная, с сенцами и маленьким крылечком (две приступки), с одним крошечным оконцем; к сенцам пристроен был досчатый в столбах сарайчик, крытый на один скат, вход в него был из сенец; келлия с сенцами были крыты на два ската — в застрехи, печь была маленькая у северной стены, топилась из сенец. По склону горы к источнику был огородец в несколько грядок. Вход в сенцы был с юга»[185].

А вот как описывали келью, когда она уже была перевезена в Дивеево и поставлена в особой постройке, служившей для нее как бы футляром (не отсюда ли параллель — храм над кельей?):

«Келия из соснового леса, толщиною в 5 вершков, срублена в угол, в 11 венцов, внутри стены обтесаны; пятистенная — с сенцами; длиною 7 аршин и шириною 5; потолок и пол сосноваго тесу; окна были волоковые, двери одностворчатыя — полотно 1 ¾ — 1 аршин, печь (ныне нет) топка была из сенец, с лежанкою. Келлия длиною 4, а сенцы 3 аршина, со стенами»[186].

Вероятно, еще за год или два до ухода на Ближнюю пустынь отец Серафим начал духовное и материальное попе-

чение о Дивеевской общине. В архиве монастыря найдено письмо управляющего Гусевского завода Андрея Стребулаева, адресованное отцу Серафиму:

«Ваше высокопреподобие,
милостивый государь отец Серафим.

Господин Мантуров в здешний завод от имени вашего явился и просил с приказа главной Гусевской конторы выдать копию о дозволении выстроить живущим в селе Дивееве монахиням ветреной мельницы, которая в удовлетворение ваше при сем прилагается. Затем, ожидая ваших о нас молитв, честь имею пребыть вашего высокопреподобия милостивейшего государя покорный слуга.

17 апреля 1828 г.»[187].

Жизнеописания старца Серафима, исполненные Сергием, Георгием, Авелем, ни словом не намекают на взаимоотношения Саровской пустыни и Дивеевской общины. Впервые об этом рассказал Иоасаф (1849), а затем продолжили саровчане: игумен Серафим (Пестов) и иеромонах Иаков (Невельской) — один из авторов «Жития» 1863 года.

По житийной литературе, 25 ноября 1825 года произошло явление Пресвятой Богородицы отцу Серафиму с повелением выйти из келейного затвора, принять под свое покровительство Дивеевскую женскую общину и основать Девичью общину при мельнице. С этого времени старец принял на себя тяжелое бремя окормления женщин и девиц, решивших посвятить себя служению Богу. По уставу Саровской пустыни монахам запрещалось принимать женщин у себя в кельях, поэтому неудивительно, что братия и игумен порой не знали, как себя вести с дивеевскими сестрами и старцем Серафимом. Вот воспоминания одной из сестер: «А как Батюшка-то любил нас, просто ужас да и только. И рассказать-то уж я не умею. Бывало, придешь это к нему, а я, знаешь, всегда этакая суровая, серьезная былато. Ну вот и приду, а он уставится на меня да и скажет: "Что это, матушка, к кому это ты пришла-то?" — "К Вам, Батюшка, — молвлю я". — "Ко мне, а пришла да стоишь, как чужая, ко мне-то, к отцу-то, что ты, что ты, матушка!" — "Да как же, Батюшка, — бывало, скажу я, — как же?" — "А ты приди, да обними, да поцелуй меня да не один, а десять раз поцелуй-то, матушка!" Бывало, и скажешь: "Ах, да как же это, Батюшка? Да разве я смею?" — "Да как же не смеешь-то, матушка? Да кто же смеет-то, и как же не сметь-то — ведь не к чужому, ко мне пришла, радость моя! Эдак к родному не ходят. Да где бы это ни было да при ком бы ни

было, хотя бы тысяча тут была, должна придти и поцеловать. А то что стоишь, как чужая?"»[188]

Вероятнее всего, таких слов преподобный не говорил, но порой простота доводит до греха. Много было выдумано дивеевскими сестрами различных волшебных случаев: хождение старца по воздуху, лук репчатый за сутки уродился, и фруктами из райского сада можно было угоститься, и золу он мог превратить «в злато», и от пьянства излечить своим дыханием и т. д.

В 1826 году состоялась закладка мельницы на месте, где будет «зачата» Девичья община. В 1827 году составлен проект церкви Рождества Христова при Казанской церкви для сестер Мельничной общины. В этом же году при мельнице, которая уже была в рабочем состоянии, отец Серафим поселил первых семь сестер. Восьмой преподобный считал Елену Васильевну Мантурову.

Елена Васильевна родилась в 1805 году в дворянской семье и проживала со своим братом в селе Нуча Ардатовского уезда Нижегородской губернии. В 17 лет Елена отказалась от мирской жизни и по благословению старца Серафима в 1825 году вступила в Дивеевскую общину. Ее трудами были освящены храмы Рождества Христова и Рождества Пресвятой Богородицы, пристроенных к Казанской церкви. Для выполнения послушания церковницы и ризничей Елена была пострижена в рясофор по просьбе отца Серафима саровским иеромонахом Илларионом*. До самой своей смерти Елена несла все тяготы монашеской жизни без ропота наравне со всеми, не признавая себя за начальницу деви-

---

* *Илларион* (*Иаков Михайлович Здобин*; 1765—1841) — иеромонах. Пострижен в монашество 15 апреля 1796 года игуменом Назарием на Валааме. Рукоположен в сан иеродиакона 5 июня 1797 года, в иеромонаха — 24 февраля 1798-го (ЦГАРМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 351. Л. 1—2). В начале 1800-х годов, следуя за своим духовным отцом Назарием, Илларион поселяется в Саровской пустыни, где через непродолжительное время выбирается братией духовником монастыря. После смерти своего духовного наставника игумена Назария, последовавшей 23 февраля 1809 года, иеромонах Илларион, вероятно, нашел утешение в сближении со старцем Серафимом, что находит подтверждение в архивных документах: «Отец Серафим при жизни своей нередко отсылал приходивших к нему сестер за духовными уроками к Иллариону и говорил при этом: "Когда приходите ко мне и я бываю занят, тогда идите к отцу Иллариону: все равно — что я, что он". Этот неоднократный отзыв достаточно объясняет, как о. Серафим думал и разумел о своем сподвижнике» (ЦАНО. Ф. 2714. Оп. 228. Д. 1А. Л. 82).

чьей общины. В метрической книге за 1832 год о ее кончине записано: «№ 9. Двадцать девятаго мая при церквах живущая девица Елена Васильева госпожа Мантурова, 28 лет (умерла. — *В. С.*), которую погребали и подписались священник Иоанн Григорьев, дьякон Иван Никитин»[189]. 6 октября 2004 года монахиня Елена причислена к лику святых РПЦ.

«Великим постом 1829 года наконец пришло официальное распоряжение Баташевской конторы [о] пожертвовании Дивеевской обители трех десятин земли по просьбе батюшки Серафима и обещанию генеральши Постниковой. Отец Василий свидетельствует, что отец Серафим был в таком восхищении и в такой радости, что и сказать нельзя. Ведь оставалось неисполненным единственное приказание Царицы Небесной: Мельничная община все еще не была обнесена канавкою и валом. Михаилу Васильевичу Мантурову, бывшему тогда в Сарове, батюшка дал кадочку меда и приказал, чтобы все сестры собрались и когда обойдут эту землю, то скушали бы мед с мягким хлебом. Когда же начнут обходить эту землю, то ввиду глубокого снега запастись камешками и класть их между колышками, расставляемыми землемером. Отец Серафим говорил, что когда растает снег, колышки упадут и некоторые затеряются или их на другое место вода снесет, а камешки останутся на своем месте. Приказание его было, разумеется, исполнено в точности.

Весной отец Серафим велел опахать эту землю сохой по одной борозде три раза, при этом должны были присутствовать Михаил Васильевич Мантуров, отец Василий и старшие сестры. Землю опахивали по положенным по меже камешкам, так как многие колышки действительно затерялись или оказались на других местах. Когда же земля высохла совершенно, то отец Серафим приказал обрыть ее канавкою в три аршина глубины и вынимаемую землю бросать внутрь обители, чтобы образовался вал также в три аршина, говоря:

— Вы и землю-то, когда роете, не кидайте так и никому не давайте, а к себе в обитель — и складывайте.

Для укрепления вала он велел насадить на нем крыжовник.

— Когда так сделаете, — говорил батюшка, то никто через канавку эту не перескочит...

Батюшка Серафим приказал вырыть Канавку, чтобы незабвенна была тропа, по которой ежедневно проходит Божия Матерь, обходя Свой удел»[190].

Все свои распоряжения старец объяснял тем, что действует по распоряжению самой Царицы Небесной.

До самой кончины отец Серафим духовно опекал дивеевских сестер, помогая им и материально, передавая свечи, ладан, церковное вино, масло лампадное и деньги, что приносили ему паломники.

Многих принимал старец на Ближней пустынке и в келье. Вот впечатления паломницы, относящиеся к 1829 году: «Торопливо войдя в монастырь... была поражена необыкновенным зрелищем: между Успенским собором и противуположным одноэтажным домом точно волны двигались густыя массы народа»[191]. Все стремились увидеть и получить благословение старца Серафима: нищие и богатые, здоровые и калеки. Народная молва приписывала и тайные посещения старца императором Александром I перед своей смертью, великим князем Михаилом Павловичем в 1825 или 1826 году. Приведем здесь слова А. Д. Иноземцева: «Года посещения Великим князем Михаилом о. Серафима лучше не обозначать: Мих. Пав-ч был в Пензе и Тамбове только раз, — в сентябре 1817 г., а Император Александр в августе 1824 г. Ни о каких других приездах из сведений в архиве Пензенск. губ. управления нет»[192]. Лица царствующей фамилии не иголка в стоге сена, каждый шаг под пристальным вниманием окружающих. Добавлю еще слова игумена Исайи (Путилова), относящиеся к 1843 году: «Наш Тамбов от нас 350 верст, к тому же и тракту этого, кажется, нет хуже на свете — места степные, нет ни квартир, ни даже порядочной воды»[193]. Если учесть еще разбойничьи шайки, то становится ясно: ехать инкогнито в таких условиях было небезопасно, да и невозможно.

В последнее время возникла легенда о встрече отца Серафима и Пушкина. Создала ее исследователь рисунков Пушкина Любовь Алексеевна Краваль. Путевку в жизнь это предположение получило после опубликования материалов Санкт-Петербургской научной конференции «Пушкинская эпоха и христианская культура» в 1994 году. Доклад назывался так: «...И шестикрылый Серафим на перепутье мне явился...»[194].

Читая статью Краваль, хочется думать, что встреча Пушкина и отца Серафима состоялась. Это льстит нашему самолюбию: как же, величайший поэт был на нашей земле, в гостях у величайшего православного подвижника.

В своей работе Краваль спрашивает: «Как узнать? По стихам? По намекам? Но намек есть намек — вещь тонкая, неопределенная. Скажем, в ответе Пушкина митрополиту Московскому Филарету были такие стихи:

Твоим огнем душа согрета,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.

Пушкин исправил:

Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

Может быть, кому-то и почудится в этой замене имен, в этой разнице «температур» (Филарета — согрета, Серафима — палима) пророческая весть о Серафиме Саровском, а другой скажет, что это всего лишь игра рифм, требование цензуры, случайность...». Интересное умозаключение: верить тому, что «чудится», а не тому, что на самом деле происходит. И не надо за многословием пытаться спрятать правду — да, именно требование цензуры заставило Пушкина изменить последнюю строфу. И еще один штрих, упущенный автором: переписка Пушкина и митрополита Филарета состоялась в январе 1830 года, а вот первая поездка поэта в Болдино и предполагаемое знакомство со старцем Серафимом — это уже осень 1830 года.

Далее Краваль пишет: «Или, скажем, в стихотворении "Отцы пустынники и жены непорочны" поэт написал сначала "святые мудрецы", а потом исправил на "отцы пустынники". Разве нельзя предположить, что Пушкин подыскал слова, точнее и емче обозначившие Святого Серафима Саровского?»

Изначально известно, что данное стихотворение является литературным переложением молитвы Ефрема Сирина, который по своей жизни был отшельником и пустынножителем. В святоотеческих тропарях подобных людей прямо называли «пустынными жителями» или «богоносными отцами».

Продолжение рассуждений исследователя: «В рукописи "Отцы пустынники..." есть рисунок, изображающий "молящегося монаха в келье", — так аннотировала

рисунок Татьяна Григорьевна Цявловская. Но рука монаха поднята выше лба, и значит, монах не молится, а благословляет кого-то, нам невидимого, оставшегося "за кадром" (нетрудно догадаться — кого!). Рука его светится, от нее идет свет, как от свечи, освещая потолок. И сам он весь светится, и лицо его светится, черты его зыбки, как пламя. По чертам этим, хотя и колеблющимся, но в какой-то мере определенным (треугольные впадины щек, обрисовывающие треугольные скулы, крутой лоб, покатый к носу, полная нижняя губа, бровь, приподнятая вдохновенно), — по трепещущим этим чертам, а более всего по сиянию и просветленности, по необыкновенному выражению какой-то неземной, энергетической, победительной любви, понимаешь, что это батюшка Серафим... И еще одна — важнейшая! — деталь: левее правой ступни старца виден острый угол. Не сразу поймешь, что это. И только присмотревшись, видишь: это топорик, которым старец подпирается. В том, что топорик нарисован нечетко, есть свой смысл. Если бы он хорошо был виден и "узнавался" бы прежде старца, то это изумляло бы и соблазняло бы многих: как-де это понимать — монах и топор? Но он нарисован так невнятно (умышленно ли, промыслительно ли), что, только узнав преподобного, понимаешь: этот топорик — инструмент, с которым батюшка Серафим не расставался, работал им, опирался на него, — так сказать, атрибут его. Деталь красноречивая, как подпись к портрету.

Но есть и подпись: на уровне левой ступни, правее ее, старославянской вязью жирно начертана буква С.

Значит, сретенье все же состоялось? Состоялось — и батюшка Серафим благословил поэта».

И последняя находка исследователя в дополнение к уже сказанному: «Особенно выразительно пятно перед старцем в виде сидящего на задних лапах медведя, — как бы в напоминание о медведе, приходившем к святому Серафиму».

Чтобы делать такие заявления, глядя на рисунок Пушкина, надо иметь богатое воображение. В таком серьезном вопросе недопустимы методы «притягивания» фактов к желаемому результату.

В своей статье Краваль делает ссылку: «От Болдина до Дивеева 65 верст — по данным "Генеральной карты Нижегородской губернии... полковника Пядышева, СПб. 1822 г"». Если циркулем по карте напрямую — то да, или даже ближе. А вот если ехать от Лукоянова до Арзамаса по

Иеромонахъ Серафимъ

Исцеление
отрока Прохора.
Икона. XXI в.

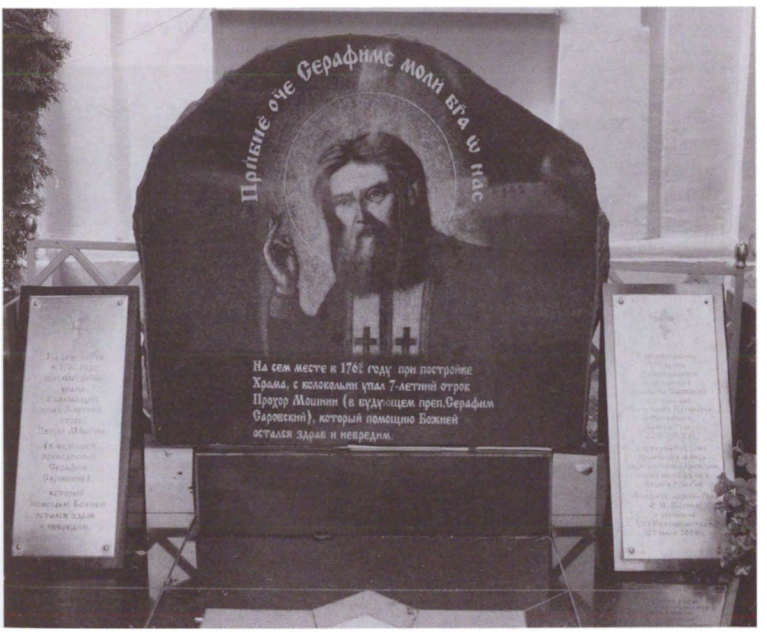

Мать находит
отрока Прохора
живым
и невредимым
после падения
с колокольни.
Хромолитография.
Начало XX в.

Сергиево-Казанский собор города Курска.
Середина XIX в.

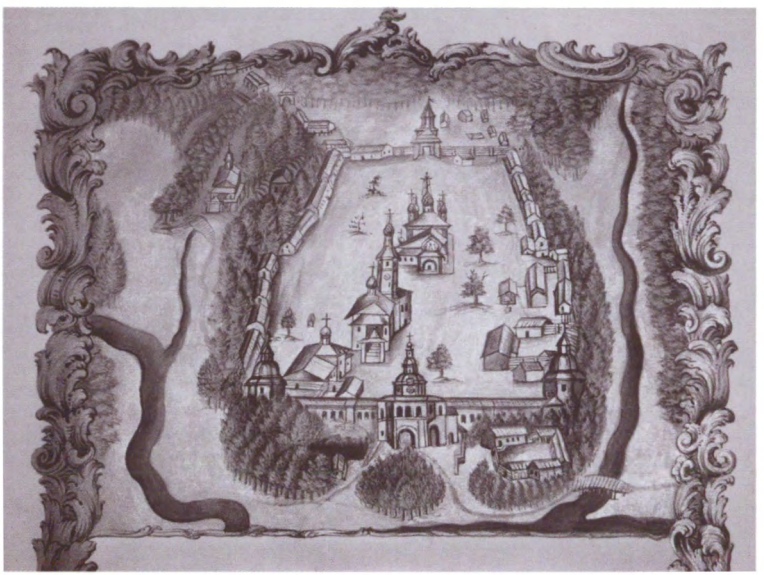
Памятный знак на месте падения отрока Прохора у стен Сергиево-Казанского собора.
Курск. Фото 2015 г.

Прохор принимает от матери благословение на иноческую жизнь. *Литография И. Морозова. 1903 г.*

Вид Саровской пустыни. *Формуляр грамоты императрицы Екатерины II. Рисунок иеромонаха Иоакима (Хощевникова). 1760-е гг.*

Петр I — последний
царь всея Руси
и первый
всероссийский
император.
Гравюра
Я. Хоубракена
с оригинала К. Моора.
1718 г.

Стефан Яворский —
Местоблюститель
Патриаршего престола
с 1701 по 1721 год.
Гравюра
Г. Афанасьева.
1821—1824 гг.

Иеросхимонах Иоанн,
основатель
Саровской пустыни

Иеромонах Дорофей (в схиме
Димитрий; в миру Замятин), второй
строитель Саровской пустыни

Иеромонах Ефрем (Коротков),
шестой настоятель
Саровской пустыни

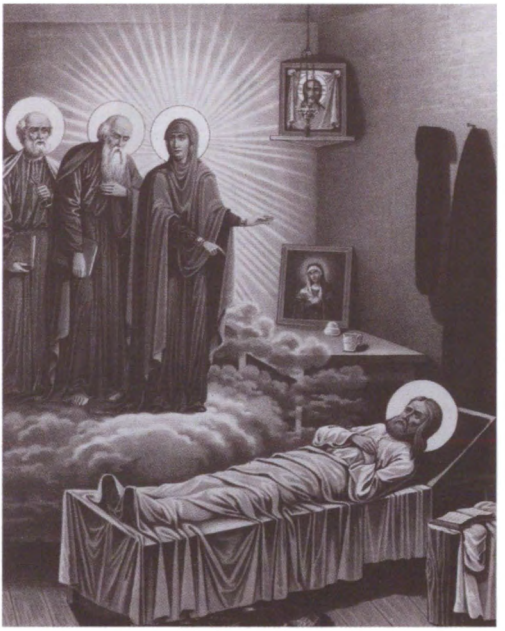
Иеромонах Пахомий (Леонов),
седьмой строитель
Саровской пустыни

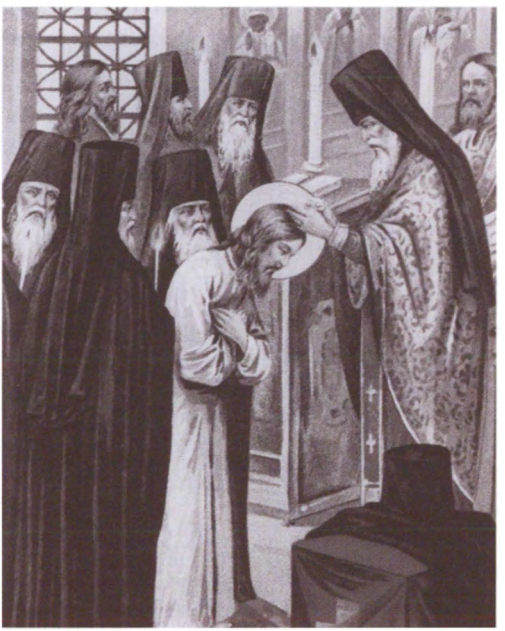
Иеромонах Исайя (Зубков),
восьмой строитель
Саровской пустыни

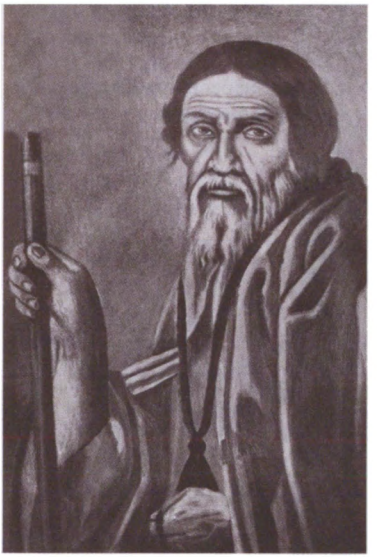
Игумен Нифонт (Черницын),
девятый строитель
Саровской пустыни

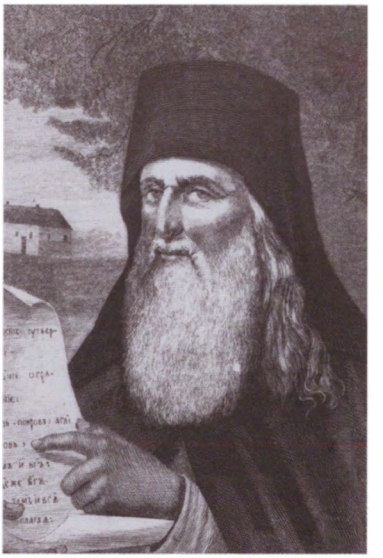
Явление Богоматери послушнику Прохору во время болезни.
Хромолитография. 1903 г.

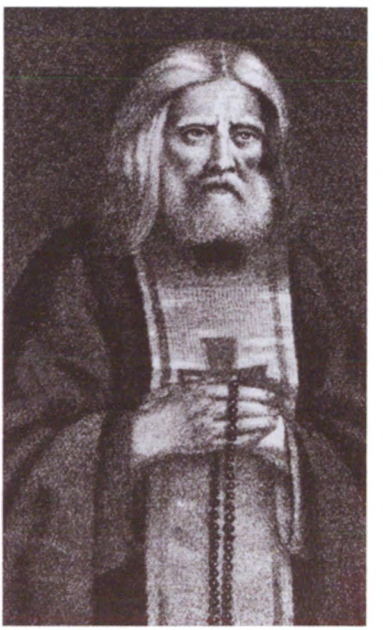
Пострижение послушника Прохора в иноки.
Литография И. Морозова. 1903 г.

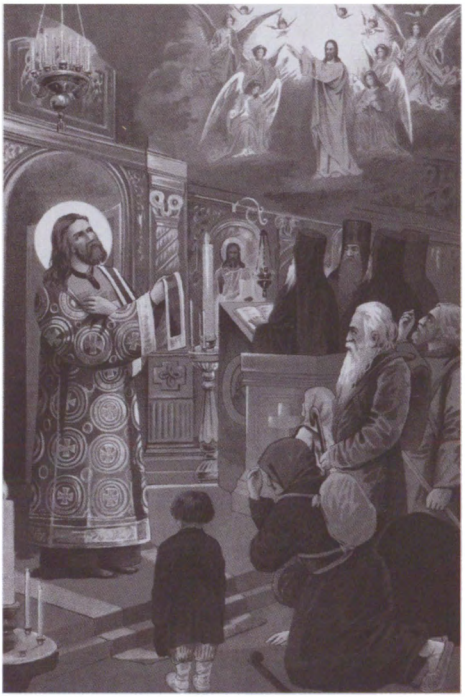
Преподобный схимонах Марк-молчальник (Мальцов), пустынник и затворник Саровского монастыря

Преподобный Назарий (Кондратьев), игумен Валаамский

Преподобный Серафим Саровский. *Литография с прижизненного портрета работы Д. Евстафьева (около 1815). 1863 г.*

Видение иеродиакону Серафиму во время литургии Христа с небесными силами. *Хромолитография. 1903 г.*

Преподобный Серафим, кормящий медведя. *Хромолитография. 1903 г.*

Преподобный Серафим, молящийся на камне.
Хромолитография.
1903 г.

Преподобный Серафим, идущий в храм.
Литография.
Мастерская А. Абрамова.
1860 г.

Преподобная Александра Дивеевская (Агафья Семеновна Мельгунова). *XIX в. Серафимо-Дивеевский монастырь*

Вид Серафимо-Дивеевского монастыря с юго-западной стороны. *Литография. Мастерская Серафимо-Дивеевского монастыря. 1903 г.*

Старец Серафим.
Прижизненный портрет.
Художник В. Раев. 1830 г.

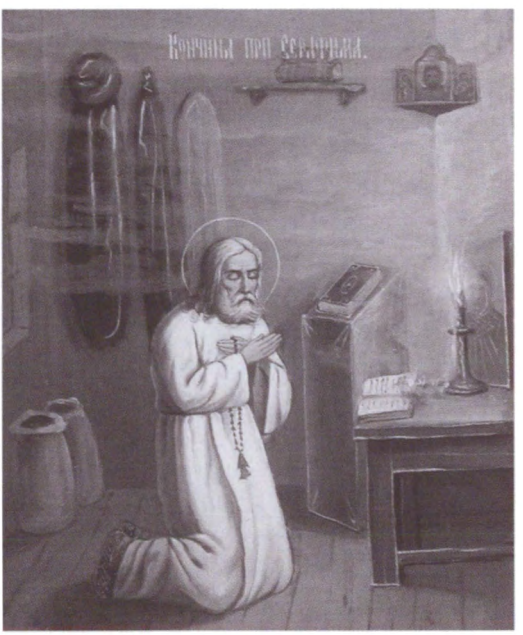
Михаил Васильевич Мантуров, благотворитель Дивеевской обители.
Рисунок. Первая четверть XIX в.

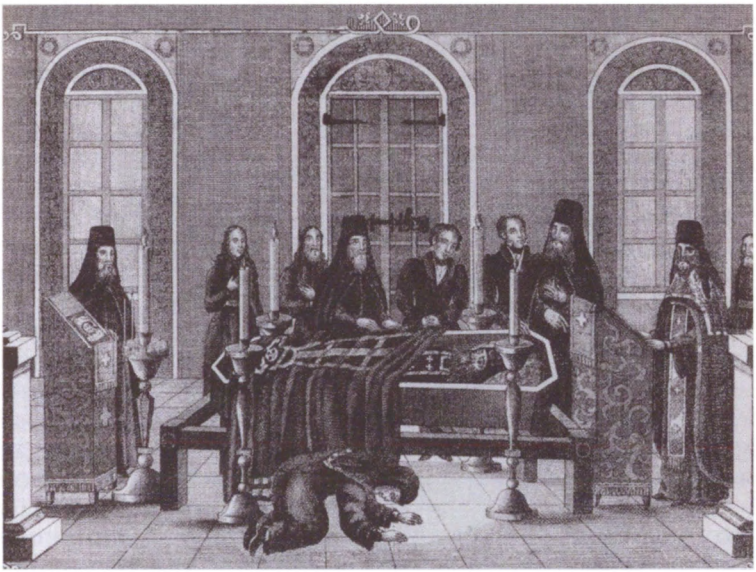
Николай Александрович Мотовилов, благотворитель Дивеевского монастыря.
Фото третьей четверти XIX в.
Серафимо-Дивеевский монастырь

Явление Богоматери преподобному Серафиму в праздник Благовещения. *Хромолитография. 1903 г.*

Кончина преподобного Серафима. *Фрагмент иконы преподобного Серафима Саровского с одиннадцатью клеймами. Начало XX в.*

Преподобный Серафим во гробе в Успенском соборе Саровской пустыни.
Гравюра. 1848 г.

Надгробие в часовне над могилой преподобного Серафима.
Литография. 1903 г.

Крышка раки с изображением преподобного Серафима. *Фото 1903 г.*

дороге, то только этот отрезок пути примерно равен 59 верстам, а до Сарова еще дальше[195]. «Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить!»

Действительно, как же можно было проехать в Саров из Болдина? (Не будем забывать про холерные карантины, особенно усиленные на границах губерний, а за деревней Балыково как раз проходила граница между Нижегородской и Тамбовской губерниями. Именно с границы Владимирской и Нижегородской губерний Пушкину пришлось возвращаться обратно в Болдино.)

Первая дорога: от Болдина через Лукоянов до Арзамаса и от Арзамаса через Кременки до Сарова, с пересечением границы. Дорога длиною примерно в 140 верст. Второй путь: от Болдина через Лукоянов на Краснослободск и через Жегалово до Сарова. И здесь возникает необходимость в пересечении границы, и длина пути больше первого направления. Вот характеристика дорог Лукояновского уезда из канцелярии Нижегородского губернатора от 1888 года: «Вообще дороги в Лукояновском уезде вполне удобны для проезда зимой и в сухую погоду летом. В дождливое же время проезд по ним труден, так как большая часть дорог пролегает по глинистому грунту. Доставка на местные рынки продуктов сельского хозяйства, составляющих главнейший предмет вывоза, начинается и кончается зимой, то есть в то время, когда дороги находятся в довольно хорошем состоянии»[196]. Думать о том, чтобы Александр Сергеевич специально поехал в Саров, не приходится. Возвращаться от непроходимого Владимирского холерного кордона через Саров с уверенностью быть задержанным и на этой границе — верх легкомыслия.

Нина Илларионовна Куприянова, старейший работник Государственного архива Нижегородской области, досконально изучившая болдинский период жизни А. С. Пушкина, обнаружившая в начале 1980-х годов в архиве поэта три неизвестных автографа, однозначно подтверждает: нет. Все дни и мысли его были заняты оформлением бумаг по вступлению в наследство и попытками прорваться через кордоны к своей невесте.

И последнее. Пушкин — гениальнейший поэт. Если все поэты России сочиняли стихи, то он, кажется, просто думал и говорил стихами. Увидел красивую женщину, и перед нами стихи — шедевр о чудном мгновении. Посетил Святогорский монастырь, и родился его «Пророк». Неужели ге-

ний Пушкина умолчал бы об этом свидании? Нет, конечно, нет. Если, как предполагает Любовь Краваль, встреча состоялась — пусть она душевно не переродила Пушкина и он не стал духовным писателем, но умолчать о посещении Саровской пустыни и старце Серафиме он не мог. Не тот был человек Пушкин, чтобы смолчать!

К 1831 году относится стихотворение «Эхо»:

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

По словам Пушкина, получается: поэт, как эхо, должен своим творчеством откликаться на все происходящее вокруг него. После этого стихотворения, написанного вскоре после «загадочной» осени 1830 года, невозможно представить причину, по которой поэт должен был умолчать о встрече с преподобным Серафимом.

В одном из последних житийных изводов старца Серафима приведен следующий эпизод, по времени относящийся к последним годам его жизни:

«Гневом о. Серафима погублен был диакон Саровской пустыни о. Нафанаил, вольно обращавшийся с сестрами, ожидавшими о. Серафима у его дверей.

Диакон был один из его соседей. Увидев сестер, он говорил:

— Что старик-то морит да морозит вас! Чего стоять-то, когда еще дождешься, — зайдите-ка вот ко мне да обогрейтесь!

Иные сестры по простоте и заходили... Узнал об этом о. Серафим:

— Как, — грозно воскликнул, — как! Он хочет сироточкам моим вредить! Не диакон же он после этого обители нашей! Нет, нет, от сего времени он не диакон нашей обители!..

И начал иеродиакон пить, спился и умер»[197].

Этим примером выведен какой-то злобный простой обыватель, а не умудренный старец-монах. Разве мог отец Серафим говорить такие слова? Из-за такого пустяка насылать на человека погибель? К счастью, это все оказалось выдумкой. В архиве Арзамасского Высокогорского монастыря в ведомостях о монашествующих за 1845 год нашелся наш бывший иеродиакон Нафанаил, ставший к этому году уже иеромонахом. «Поведения доброго, к священнослужению способен»[198]. Разве можно такой явный вымысел писать в книге о святом человеке?

В последние годы отец Серафим сильно ослабел и посещал Ближнюю пустынь крайне редко. Вероятно, чувствуя физическую слабость старца Серафима, некоторые богомольцы обращались в монастырь письменно. Вот обращение «многогрешной Анны», которая в письме от 7 июня 1828 года просит игумена Нифонта: «Сделайте мне благодеяние — купите елею и восковых свечей на прилагаемые 10 рублей. Отдайте отцу Серафиму и попросите его, чтобы он помолился Господу о избавлении рабы Божией Пелагеи от уз и пленения неверных. А если же отец Серафим скончался, то панихиду по нем прошу покорнейше отслужить и помолиться о избавлении Пелагеи от уз и темницы. Сим великое благодеяние окажете страждующей, я же грешная обещаю во святую обитель вашу жертвовать 1000 руб., если невинная Пелагея возвратится в свое отечество из плена»[199].

В житийной литературе есть среди чудес и такое — старец читал письма, не распечатывая их, и давал рекомендации, что следует написать в ответ. В Саровской пустыни, с ее строгим уставом, все письма проходили контроль игумена Нифонта, то есть вскрывались и прочитывались, после чего, если никакой «крамолы» не было, передавались адресату. Найти в архиве монастыря письма, адресованные непосредственно отцу Серафиму, не удалось.

Действительно, слава старца Серафима распространялась по всей Руси, как среди мирских людей, так и среди священнослужителей. И подтверждением тому переписка братьев Путиловых. На этот раз оптинский старец Антоний пишет саровскому казначею Исайе о своем желании «попросить у вас написать для меня на холсте портреты четырех вашей обители великих старцев. 1-й о. Строит. Исайя (Зубков, восьмой настоятель пустыни. — *В. С.*); 2-й о. Игум. Назарий; 3-й о. Марка; 4-й о. Серафима — всех в малом

виде на одной картине, величиною в аршин ли в аршин с четвертью»[200]. Письмо отправлено в Саров в июне 1831 года. Из перечисленных четверых «великих старцев» только отец Серафим здравствует. Это письмо говорит нам о степени почитания старца-пустынника и о том, что портреты батюшки художники писали еще при его жизни. Удивительно, но сохранилось и обнаружено письмо Исайи с ответом на этот запрос. «Просите вы о написании известных четырех старцев — Исайи, Назария, Марка и Серафима. Постараюсь это желание ваше исполнить — только погодите, теперь живописцы заняты безотлучно росписыванием здешнего собора»[201]. Так что в окрестностях современной Оптиной пустыни этот групповой портрет, возможно, еще сохранился.

После кончины отца Серафима единственным пустынножителем оставался иеродиакон Александр. Правда, пока неизвестно, до какой степени он соответствовал этому званию. А после его смерти в 1840 году пустынножительство пресеклось. «После него уже никто не получал благословения на пустынное житие, хотя были желающие»[202]. Единственно, что разрешило монастырское начальство, — это затворничество в келье. По монастырским документам известно имя затворника — рясофорный послушник Иоанн Коротков, выходец из Троице-Сергиевой лавры. В 1848 году он от самоизнурения обессилел: «Смертная бледность уже покрывала лицо его, тяжкая одышка препятствовала говорить»[203]. Умер он в конце 1849 года.

Последним саровским пустынножителем был монах Анатолий (симбирский мещанин Андрей Петрович Петров)[204], в год прославления отца Серафима в возрасте семидесяти лет получивший благословение на пустынножительство. Спустя некоторое время он сменил пустынь на затвор и находился в нем до своей кончины (в списках 1919 года еще упоминалось его имя)[205].

Во время посещения Саровской пустыни в 1848 году известный духовный писатель Андрей Николаевич Муравьев, проезжая по тесным лесным дорожкам, сказал: «Вот достойное жилище отшельников». На что игумен Исайя II заметил: «Гнезда остались, но отлетели райские наши птицы; вы увидите сломанные их келлии, где уже боле никто не живет. По грехам нашим, Господь лишил нас сих великих подвижников, к которым стекались отовсюду за духовным советом»[206].

Мотовилов и его тайна

Осенью 1831 года в Саровскую пустынь приезжает симбирский помещик Николай Мотовилов, в это время состоялось его знакомство со старцем Серафимом. Знакомство было коротким — всего около полутора лет, но оставило заметный след в «Серафимоведении», оказывая заметное влияние на современных богословов и историков.

Николай Александрович Мотовилов родился 12 мая 1809 года в селе Рождественском (Русская Цыльна) Симбирского уезда Симбирской губернии — в родовом поместье родителей — Александра Ивановича Мотовилова и его жены Марии Александровны, в девичестве Дурасовой. Прожив на белом свете 70 лет, он оставил по себе память как о «Служке Божией Матери и преподобного Серафима». На самом ли деле он удостоился такого высокого звания или это фантазии Николая Александровича — вот в чем вопрос. Ответ на него кажется ясен, но...

«Такой же безумный, как и я!» — говорила про него дивеевская блаженная Пелагея Ивановна и, как оказывается, была недалека от истины.

Впервые широкая общественность узнала о Николае Мотовилове после издания в 1903 году писателем и публицистом Сергеем Александровичем Нилусом рукописи под названием «Беседа преподобного Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни». Публикация привлекла к себе внимание читающей публики, привлекает и до сих пор, переиздается большими тиражами и сформировала целое направление в богословской мысли.

В 1990-е годы, когда исследователям была предоставлена возможность работать в государственных архивах, историками обнаружены документы, проливающие свет на биографию Мотовилова. Но наибольшей удачей называется находка, которая произошла в 2003 году, когда в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ, бывшей публичной им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), в Фонде Санкт-Петербургской духовной академии была обнаружена докладная записка, адресованная первенствующему члену Святейшего синода митрополиту Санкт-Петербургскому Исидору (Никольскому), датированная 1861 годом. «Докладная» опубликована в 2005 году издательством «Отчий дом» в серии «Библиотека "Преподобный Серафим"» под названием «Записки Николая Александровича Мото-

вилова, служки Божией Матери, и преподобного Серафима». О «достоверности» сведений, изложенных автором в «Записках», свидетельствуют слова, вложенные Мотовиловым в уста святителя Антония Воронежского: «При жизни моей не говорите ничего о мне и не хвалите меня. А по смерти не только дозволяю, но и завещаваю и умоляю все и о грешном Антонии высказать, как Господь Бог подал вам быть свидетелем его жизни и дел его по Господе Боге»[207]. Из дальнейшего разбора «Записок» станет понятно, что после смерти свидетелей можно говорить и писать все, что заблагорассудится, и этому принципу Мотовилов следовал в течение всей своей жизни. При прочтении «Записок» можно сделать вывод — автор «памятник себе воздвиг нерукотворный». А такие личности, как преподобный Серафим Саровский, Антоний и Митрофан Воронежские, необходимы для подтверждения «величия» автора. К сожалению, свидетельства Мотовилова о старце Серафиме принимаются как истина, на самом деле не являясь таковыми. Если прочитать публикации о Мотовилове с карандашом в руках, то многое становится понятным.

Далее рассмотрим основные этапы становления личности Мотовилова на основании его записок и пересказов Нилуса. «Исключительность» Мотовилова проявилась еще до его рождения: его отец, Александр Иванович, получив первоначально отказ от своей будущей жены, уходит в Саровский монастырь для принятия монашеского сана. Однажды, «едва успел задремать Саровский послушник, как вдруг увидал, что в просфорню входит святитель Николай и говорит:

— Не монастырь путь твой, Александр, а семейная жизнь. В супружестве с Марией, которая тебя отвергла, ты найдешь свое счастье, и от тебя произойдет сын, его ты назовешь Николаем — он будет нужен Богу. Я — святитель Николай и назначен был покровителем мотовиловского рода...

Сон этот, как и следовало ожидать, изменил направление мыслей Александра Ивановича, и он вышел из Сарова. Вторичное предложение, сделанное им Дурасовой, не было отвергнуто, и от этого предсказанного брака родился... первенец, которому и было дано имя Николай. Это и был наш Николай Александрович Мотовилов»[208]. Здесь приведены слова Нилуса, пересказавшего это видение по запискам Мотовилова, обнаруженным в 1903 году. Вот как говорит о пребывании своего отца в Сарове сам Мотовилов: «...Ус-

лышав от меня (преподобный Серафим. — *В. С.*), что родитель мой два года жил в Саровской пустыни, в просфорном послушании быв, и потом женился (хотя в скобках скажу — то и по особому святителя Николая Чудотворца повелению было им сделано), сказал мне: "Что же родитель ваш не остался у нас в Сарове? — И потом, помолчав и исполнившись в лице необыкновенным светом, прибавил: — Ну, да слава Богу, батюшко, он и без того в милости и великой милости у Господа Бога, мы с ним братья по душе"»[209].

Удивительно, как, живя бок о бок два года, старец Серафим не знал о присутствии послушника из дворян Александра Мотовилова. Может быть, потому, что в списках монашествующих Саровской пустыни такой послушник до сих пор не обнаружен?

Обратим внимание на особое, исключительное обращение преподобного к Мотовилову на «Вы», «Ваше боголюбие», и нигде нет упоминания общеизвестного приветствия старца — «Радость моя!». Хотя по запискам дивеевских старец, недавно опубликованным, преподобный обращался ко всем на «ты»: «А еще раз наказывал нам Батюшка, чтобы всем "ты", а не "вы" говорить. "Что это за 'вы', матушка! Это все нынешний — то век, то люди придумали. А надо всем 'ты' говорить. Вот и вы, матушка, всем без различия 'ты' говорите. Так Сам Господь указал нам. Кто паче Бога и выше Его, а и Господу 'Ты' говорим, и кольми паче так же должны говорить и человеку"»[210].

В письмах на имя императора Николая I Мотовилов порой проговаривается, и старец говорит ему «ты», встречается такое обращение и в «Записках», но редко.

Чудеса продолжились при крещении младенца, в Николая вселился бес: «...он закричал чрезвычайно громко, и из черных, как смоль, волос сделались белые, как лен»[211] — так утверждает Мотовилов на страницах «Записок» в одном месте. В другом, рассказывая о своем аресте в Корсуни в 1833 году, он утверждает следующее. «И в первую ночь сего ареста от испуга получил белые волосы, носимые мною и доныне вот уже двадцать восьмой год без окрашивания в черный цвет, как богоданное свидетельство о моих страданиях за святое Божие дело»[212]. Когда поседел Мотовилов — не столь важно, это пустяк по сравнению с тем, что бес, вселившийся в Мотовилова, вероятно, не отпускал его до самой кончины.

Этот бес «помог» Мотовилову во время обучения в Казанском университете, куда он поступил на словесный

(филологический) факультет. «В половине университетского курса с Мотовиловым произошел случай, необыкновенно характерный как для всего, так и для той эпохи, которая его воспитала. В своих записках он туманно говорит, что "этот случай его поверг в такую бездну отчаяния, что он не мог его пережить, ибо должен был лишиться и своей дворянской чести, и дворянского звания, и быть отдану в солдаты". По словам Елены Ивановны, этот случай, это страшное несчастье, так потрясшее Мотовилова, был поцелуй, брошенный им в университетском коридоре одной барышне.

Поцелуй этот был замечен начальством, которое придало ему такое значение, что Мотовилов счел себя окончательно погибшим. Особенно его страшила мысль, что он убьет свою маменьку. А любил он свою маменьку так, как только могло уметь любить его чистое сыновнее сердце»[213].

Во-первых, из этой цитаты можно сделать вывод — эпоха виновата в случившемся, а не предрасположенность юного студента к неадекватным действиям.

Во-вторых, в российских высших учебных заведениях в это время еще не обучались женщины и «барышня» была явно не из простых посетителей. Сексуальная одержимость Мотовилова начала проявляться у него уже в период студенческой вольницы (когда от роду ему было 14—15 лет).

В-третьих, совершенно непонятное желание сыновнего сердца убить любимую маменьку. Такая безумная мысль была у Мотовилова, и хорошо, что «маменька» была в это время далеко от сына.

Удрученный студент направляется к Черному озеру с намерением утопиться, но явление над озером образа Казанской Божией Матери останавливает его от совершения столь тяжкого греха. А вскоре дело удалось замять без последствий.

По окончании университета семнадцатилетний Мотовилов возвращается в родное поместье, где вскоре становится полноправным хозяином, так как умирает мама, оставив сыну большое наследство — имения располагались в трех губерниях: Нижегородской, Симбирской, Ярославской – и пятнадцатилетнюю сестру на попечении.

Об этом периоде известно очень мало, но некоторое представление можно составить по рассказу самого Мотовилова, который описывает свою беседу со старцем, состоявшуюся в октябре 1831 года.

«Тут батюшка отец Серафим приостановился и как бы

задумался, и, вдруг свернув речь на другое, внезапно спросил:

— А что, ваше Боголюбие, вы сделали с девушкой вашего дворового человека, что у вас жила?

Я так и обмер, испугавшись и прозорливости старца, и вместе того, что как бы он не стал бранить меня за мой грех... Но старец, не дожидаясь моего ответа, стал продолжать:

— Святая Церковь Господня в правилах своих соборных так узаконяет, что, если кто поемлет свободную девушку и живет с нею, тот обязан жениться на ней после, и это долг требует того. Ежели девица не пожелает того, то устроить ее жизнь настолько безбедно, чтоб она уже потом по одной тяготе бедности не могла впасть в новые грехи и всегда благодарила бы Господа.

После этих слов мне стало легче на душе.

— Я так и сделал! — сказал я батюшке отцу Серафиму.

— Ну, — отвечал он, — и вельми хорошо, что так вы сделали, и да благословит вас Господь Бог!.. А были ли у вас от нее дети?

Я отвечал:

— Были: сын и дочь!

— Живы ли они?

— Нет!

— Ну, — сказал он, — когда нет, то да упокоит их Господь Бог во Царствии Своем. А когда бы живы были, то надлежало бы вам воспитать их в страхе Божием, ибо, ваше Боголюбие, не надобно презирать и незаконнорожденных детей — они не виноваты в своем появлении на свет. Да и родителей их лучше не осуждать, ибо неосуждение есть половина спасения... Был, например, случай в Греции: вельможа царский, ехавший через реку, увидел девушку, моющую платье. Пленившись ее красотой и узнав, что она дочь вдовицы, пребыл с нею. После этого девица эта увидела сон, будто звезда пресветлая скатилась ей в утробу. Некий великий и Боговдохновенный старец, к коему она и мать его обратились, возвещая бывшее, объяснил им, что родится некто великий от этой дочери. И родился батюшка угодник Божий Феодор Сикеот, хранить которого к нему приставил Господь, кроме ангела хранителя, еще и великомученика Георгия Победоносца... Слава Богу! Вельми хорошо сделали вы, что наградили ту девицу и отдали ее замуж... Но, ваше Боголюбие, жизнь велика и в жизни многое случается. Бывают и такие случаи, что вы ли, или другой какой муж-

чина хоть и не имеете не только никакого близкого дела с девицей, но даже и мало знакомы с нею, а девицу ту станут поносить за вас ли, или за кого другого, и станут говорить: ближняя-де она его и он-де живет с нею, то хоть и есть пословица, крайне, впрочем, неугодная Богу, что быль-де молодцу — не укор, и хоть мужчин и не укоряют много за это, но девице, даже и сохранившей целомудрие, потеря честного имени и доброй славы — хуже смерти. Молю и прошу, ваше Боголюбие, не презрите словес и не забудьте убогой просьбы моей...

Тут Батюшка поклонился мне до лица земли и вставши продолжал:

— Если когда-нибудь где-нибудь девицу станут поносить за вас, что-де она ближняя и искренняя мотовиловская, а про вас будут говорить, что вы живете с ней, то хоть бы вы и вовсе не касались ее, прошу и умоляю вас — уважьте просьбу убогого Серафима — освятите ее себе!

— Как, Батюшка, освятить?

— Не об освящении говорю я: как чистая дева она свята и без того. Освятите ее себе в подружие, то есть поимите ее себе в жены, просто сказать — женитесь на ней!

И Батюшка снова, во второй раз, преклонился предо мною до лица земли. Я тоже припал к его ногам и когда встал, то сказал ему:

— Да что это вы, Батюшка? О ком вы говорите? Ведь я уже сказал вам, что та девушка, которая жила у меня, уже пристроена, а новых, поверьте, с тех пор как я задумал жениться на Языковой, а тем более как стал бывать у вас, у меня уже нет ни одной.

— Эх, ваше Боголюбие, какие вы!.. Не о теперешнем времени я вам говорю, а о грядущем. Ведь я вам сказал, что жизнь велика, и в жизни многое случается. Так вот как с вами впереди случится, что вас станут укорять за какую-нибудь девушку, а ее поносить за вас, то вот тогда-то не забудьте просьбы и мольбы убогого Серафима — женитесь на девушке этой!

И Батюшка в третий раз поклонился мне, грешному, до лица земли, а я опять упал ему в ноги.

Вставши и прямо глядя мне в глаза, отец Серафим стал зорко в меня всматриваться и, как бы заглянув мне в самую душу, спросил:

— Ну что же, батюшка, исполните вы просьбу убогого Серафима?

И я сказал:

— Если Бог удостоит исполнить, то постараюсь сделать, как вы желаете!

— Ну, — сказал отец Серафим, — благодарю вас! Не забудьте же эту девушку!.. А она, скажу вам я, убогий Серафим, она, как ангел Божий и по душе, и по плоти...

Потом, помолчав некоторое время и всматриваясь в меня проницательно и как бы насквозь пронизывая меня своим взором, он добавил:

— Но, может быть, вы смутитесь, когда я вам скажу ее звание?.. Она — простая крестьянка!.. Но не смущайтесь сим, ваше Боголюбие: она и по праотцу нашему Адаму, и по Господе нашем Иисусе Христе сущая вам сестра!

Тут Батюшка стал говорить о том, как нам жить с будущей моей женой, и беседу свою завершил повторением просьбы своей, умоляя не забывать ни просьбы своей, ни беседы, а затем отпустил с миром, ничего уже не говоря о Языковой»[214].

Сразу оговоримся, кто такая Языкова. Екатерина Михайловна Языкова, годы жизни: 1817—1852-й, проживала в родительском имении, селе Языкове Корсуньского уезда, в 65 верстах от Симбирска. Родная сестра известного русского поэта эпохи романтизма Николая Михайловича Языкова. В 1831 году умирает мама — Екатерина Александровна, в девичестве Ермолова. В 1836 году умирает отец прапорщик Михаил Петрович Языков. В этом же году шестнадцатилетняя Екатерина выходит замуж за известного писателя-славянофила Алексея Степановича Хомякова. Мотовилов в своих «Записках» рассказывает о своем желании заполучить руку и сердце Екатерины Языковой, «страстно любившейся тогда мною, что продолжалось более семи лет — с 1830 года»[215].

Любить Мотовилов мог девушку и царских кровей, только жених, хотя и богатый, не представлял интереса для дочек из дворянского сословия — страдающий душевным заболеванием и прелюбодей, поэтому неудивительно, что мечты остались мечтами.

Беседа о прелюбодеянии состоялась в 1831 году, если отбросить время на вынашивание первого ребенка, затем второго, наложница появилась у молодого барина после смерти матери. Вкладывая в уста преподобного оправдание своего греха, Мотовилов объясняет и свою женитьбу на крестьянке Елене Милюковой*. В 1839 году Мотовилов в

---

* *Елена Ивановна Милюкова* (1823—1910) — крестьянка деревни

очередной раз заболел: «будучи по случаю тяжкой одиннадцатимесячной болезни в одной из келлий Серафимовской общины, за год до женитьбы моей»[216]. Почему Мотовилову разрешили проживание в девичьей общине — непонятно. В это время, вероятно, состоялось знакомство Мотовилова с будущей женой. На каких условиях произошло сближение этой пары, сегодня сказать определенно нельзя. Но ясно одно: ни одна барышня из дворянской семьи не позарилась на болезненного молодого помещика, а вот крестьянка — послушный исполнитель всех его прихотей, оказалась прекрасной партией. 21 октября 1840 года состоялось венчание Мотовилова с Еленой Ивановной Милюковой, «предсказанное» якобы преподобным Серафимом. От этого брака у Мотовиловых родились девять детей: шесть имен выявлены в архиве Ульяновской области (Прасковья, Иван, Александра, Антонина, Екатерина и Мария)[217], и трое сыновей захоронены рядом с Казанским храмом в Дивееве (Николай, 1842—1847; Митрофан, 1845—1847; Александр, апрель 1851 — 17 июня 1851).

Но вернемся в 1831 год, когда Мотовилов предпринимает попытку получения места почетного смотрителя Корсунского уездного училища, но, как объясняет сам Мотовилов, вмешиваются масонские силы, которые безрезультатно пытаются опутать его своими сетями, и он получает отказ.

А может быть, отказ был по более прозаической причине — болезнь, которая в этот период одолела Мотовилова? Он говорит о своем физическом недуге, но правильнее было назвать его психическим расстройством. По осени 1831 года Мотовилов отправляется в Саровскую пустынь в надежде получить исцеление от старца Серафима.

Вот как описывает Мотовилов первую свою сознательную встречу с преподобным Серафимом.

«За год до пожалования мне заповеди о служении Божией Матери при Дивеевской обители, великий старец Серафим исцелил меня от тяжких и неимоверных, великих ревматических и других болезней, с разслаблением всего тела и отнятием ног, скорченных и в коленках распухших, и язвами пролежней на спине и боках, коими я страдал неисцельно более трех лет.

1831 года 9 сентября батюшка отец Серафим одним

Погиблово Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Племянница Марфы Милюковой, прославленной РПЦ. В 1840 году выдана замуж за помещика Н. А. Мотовилова.

словом исцелил меня от всех болезней моих. И исцеление это было следующим образом. Велел я везти себя, тяжко больного, из сельца Бритвина, нижегородского лукояновского имения моего к батюшке о. Серафиму; 5 сентября 1831 года я был привезен в Саровскую пустынь; 7 сентября и 8-го, на день Рождества Божией Матери, удостоился я иметь две беседы первыя с батюшкой о. Серафимом, до обеда и после обеда в монастырской келье его, но исцеления еще не получил. А когда на другой день, 9 сентября, привезен был я к нему в ближнюю его пустыньку близ его колодца, и четверо человек, носившие меня на своих руках, а пятый, поддерживавший мне голову принесли меня к нему, находившемуся в беседе с народом, во множестве приходившим к нему, тогда, возле большой и очень толстой сосны и до сего времени (шестидесятые года истекшего столетия) на берегу речки Саровки существующей, на его сенокосной пажнинке, меня посадили»[218].

Довольно странное поведение — ты страдаешь, но об исцелении просишь только на четвертый день и все это время пятеро мужиков носят тебя на руках как ребенка, с пролежнями, ревматическими болями и т. д. ...

«На просьбу мою помочь мне и исцелить меня, он сказал:

— Да ведь я не доктор. К докторам надобно относиться, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь.

Я подробно рассказал ему бедствия мои и что я все три главные способы лечения испытал, а именно: аллопатией — лечился у знаменитых в Казани докторов — Василия Леонтьевича Телье и ректора Императорского Казанского университета Карла Феодоровича Фукса, по знанию и практике своей не только в Казани и России, но и за границей довольно известного медика-хирурга; гидропатией — на Сергиевских минеральных серных водах, ныне Самарской губернии; взял целый полный курс лечения и гомеопатией у самого основателя и изобретателя сего способа Ганнемана через ученика его, пензенского доктора Питерсона, — но ни от одного способа не получил исцеления болезней моих и затем ни в чем уже не полагаю спасения и не имею другой надежды получить исцеления от недугов, кроме как только лишь благодатию Божией. Но будучи грешен и не имеючи дерзновения сам ко Господу Богу, прошу его святых молитв, чтобы Господь исцелил меня.

И он сделал мне вопрос:

— А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что она есть Приснодева?

Я отвечал:

— Верую!

— А веруешь ли, — продолжал он меня спрашивать, — что Господь, как прежде исцелял мгновенно и одним словом Своим или прикосновением Своим все недуги, бывшие на людях, так и ныне также легко и мгновенно может по-прежнему исцелять требующих помощи одним же словом Своим, и что ходатайство к нему Божией Матери за нас всемогуще, и что по сему ходатайству Господь Иисус Христос и ныне также мгновенно и одним словом может исцелить вас?

Я отвечал, что истинно всему этому всею душою моей и сердцем моим верую, и, если бы не веровал, то не велел бы везти себя к нему.

— А если вы веруете, — заключил он, — то вы здоровы уже!

— Как здоров? – спросил я. — Когда люди мои и вы держите меня на руках.

— Нет! — сказал он мне. — Вы совершенно всем телом вашим теперь уже здравы вконец!

И он приказал державшим меня на руках своих людям моим отойти от меня, а сам, взявши меня за плечи, приподнял от земли и, поставив на ноги мои, сказал мне:

— Крепче стойте, тверже утверждайтесь ногами на земле... вот так! Не робейте — вы совершенно здравы теперь!

И потом прибавил, радостно смотря на меня:

— Вот, видите ли, как хорошо теперь стоите?

...И, довольно потом еще побеседовав со мною, отпустил меня на гостиницу совершенно здоровым.

Итак, люди мои пошли одни из леса из ближней пустыньки до монастыря, благодаря Бога и дивные милости Его ко мне, явленные в собственных глазах их, а я сам один сел с гостиником отцом Гурием, твердо без поддержки людской сидя в экипаже, возвратился в гостиницу Саровской пустыни. А так как многие богомольцы были со мною при исцелении моем, то прежде меня возвратились в монастырь, всем возвещая о великом чуде этом.

Лишь только приехал я, игумен Нифонт и казначей иеромонах Исайя с 24 старцами иеромонахами саровскими встретили меня на крыльце гостиницы, поздравляя меня с милостию Божиею, через великого старца Серафима мне

во дни их дарованную. И сим благодатным здоровьем пользовался я восемь месяцев настолько, что никогда подобного сему здоровья и силы не чувствовал в себе до тех пор во всю мою жизнь»[219].

Исцеление лица из дворянского сословия, если оно было, событие большое в жизни обители, и его должны были зафиксировать в бумагах монастыря, но никаких свидетельств нет. Что удивительно — гостиник Гурий, это впоследствии иеромонах Георгий (Вырапаев), автор второго жизнеописания преподобного Серафима, но в его «Сказании» нет ни слова о таком заметном событии в жизни монастыря, да и самого молодого послушника.

О своем здоровье Мотовилов проговаривается в «Записках», описывая свой арест в 1833 году: «Мне теперь пятьдесят два года (в 1861 году. — *В. С.*), а и тут жизнь бесценна. Судите же, каково было чаять неминуемого расставания с нею на двадцать четвертом году жизни, полной могучих сил по милости Божией и до сих пор нимало неослабляемых...»[220] То есть Мотовилов здоров до ареста и здоров после. Поэтому не очень верится в правдоподобность болезни автора «Записок».

Многие заболевания действительно возникают на подсознательном уровне психики человека. Излечение слепоты, глухоты, немоты, обездвиживания зачастую лечились старцами. Если человек, такой как Мотовилов, действительно обездвижен и жаждет скорейшего исцеления, и вспоминает о старце Серафиме — вот кто исцелит! Срочно надо ехать! И ожидаемое исцеление происходит. Обычно это происходит сразу после общения со старцем — вот он спаситель! А в нашем случае все как-то натянуто, размыто и нелогично. Три дня беседовал Мотовилов со старцем, и старец не спросил его, носимого на руках пятью мужиками, об исцелении, и сам болящий, не помня, зачем приехал, засомневался... Тогда исцеления ждать не приходится... Но не в нашем случае.

После исцеления Мотовилов (по его словам): «Часто в течение сего времени и подолгу бывал я в Сарове и неоднократно беседовал с сим великим старцем Серафимом и в одну из бесед его в конце ноября 1831 года имел счастие видеть его светлее солнца в благодатном состоянии наития Святого Духа Божия». Это событие известно сегодня как «Беседа преподобного Серафима с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни», впервые опубликованная Сергеем Нилусом в газете «Московские новости» от 19 мая

1903 года. Большой интерес представляет «Послесловие» этой публикации: «Глубину значения этого акта торжества Православия не моему перу стать выяснять и подчеркивать, да он и не требует свидетельства о себе, ибо сам о себе свидетельствует с такой несокрушимой силой, что его значения не умалить суесловиям мира сего.

Но если бы кто мог видеть, в каком виде достались мне бумаги Мотовилова, хранившие в своих тайниках это драгоценное свидетельство Богоугодного жития святого Старца! Пыль, галочьи и голубиные перья, птичий помет, обрывки совсем неинтересных счетов, бухгалтерские, сельскохозяйственные выписки, копии с прошений, письма сторонних лиц — всё в одной куче, вперемешку одно с другим, и всего весу 4 пуда 25 фунтов. Все бумаги ветхие, исписанные беглым и до такой степени неразборчивым почерком, что я просто в ужас пришел: где тут разобраться?!

Разбирая этот хаос, натыкаясь на всевозможные препятствия — особенно почерк был для меня камнем преткновения, — я, помню, чуть не поддался отчаянию. А тут, среди всей этой макулатуры нет-нет и блеснет искоркой во тьме с трудом разобранная фраза: "Батюшка отец Серафим говорил мне..." Что говорил? Что скрывают в себе эти неразгаданные иероглифы? Я приходил в отчаяние.

Помню, под вечер целого дня упорного и безплодного труда я не вытерпел и взмолился: "Батюшка Серафим! Неужели же для того ты дал мне возможность получить рукописи твоего 'служки' из такой дали, как Дивеев, чтобы неразобранными возвратить их забвению?"

От души, должно быть, было мое восклицание. Наутро, взявшись за разбор бумаг, я сразу же нашел эту рукопись и тут же получил способность разбирать мотовиловский почерк. Нетрудно представить себе мою радость, и как знаменательными мне показались слова этой рукописи: «А я мню, — отвечал мне отец Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти, ибо иначе благость Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира...»

Семьдесят долгих лет лежало это сокровище под спудом на чердаках среди разного забытого хлама. Надо же было ему попасть в печать, да еще когда? Перед самым прославлением святых мощей того, кого Православная церковь начинает просить: «Преподобне отче Серафиме! Моли Бога о нас!»

Странное отношение Елены Ивановны к архиву своего супруга, а если копнуть глубже, то странным является умолчание о факте сошествия Святого Духа на Ближней пустыньке в ноябре 1831 года самим Мотовиловым. В «Записках» упоминается эпизод сошествия Святого Духа на Ближней пустыньке, но еще не «переписанный набело». Этот факт не зафиксирован и в монастырских записях, что наводит на мысль о более позднем появлении на свет текста «Беседы».

Мотовилов убедил себя и многих окружающих, что он является единственным свидетелем и описателем биографии преподобного Серафима, который якобы много ему рассказал о себе. Мотовилов предпринял поездку в Курск, чтобы встретиться с людьми, знавшими семью преподобного, и записать их воспоминания. Но из этой поездки было мало проку — мы знаем только о закупке двух тысяч саженцев яблонь, вероятно, южных сортов, непригодных к климатическим условиям Нижегородской губернии, и о том, что хозяином гостиницы, в которой остановился Мотовилов, был Полторацкий, а самое главное в описании этого путешествия — это страдания автора и борьба его с бесами.

Тем не менее в «Записках» Мотовилов говорит: «...это относится единственно до полного и совершенно полного жизнеописания самого великого старца Серафима, о написании и издании в свет которого я, как единственно лишь один имеющий, по известным Богу одному причинам, у себя ключ ко всем тайникам его истинно чудной и высокоблагодательнейшей жизни, не только не отрекаюсь, но и весьма рад буду, если Господь благословит молитвами трех святителей..., — то я и вседушевно желаю вслед за сим в свет издать»[221]. К 1861 году свет увидели жизнеописания, составленные Сергием, Георгием, Иоасафом, и тут оказывается, что они многое передают неправильно. Мотовилов говорит о молении преподобного на камне, который: «...рассказал мне подробно о подобной борьбе своей 1001-дневной и 1001-ночной, которая в странном искажении моих трудов, неправильно переданных иеромонахом Иоасафом в книге сказаний об отце Серафиме, несоответственно названа стоянием на камнях 1000-дневном и 1000-ночным — с убавкою по 1 дню и по 1 ночи»[222]. Все мы понимаем, что трехлетнее стояние преподобного на камне не следует воспринимать буквально, старец старался совершать свой подвиг, не привлекая внимания ни монашествующих, ни богомольцев, и цифра является условной. Никто

с секундомером не следил за правильным исполнением молитвословия преподобного. А тут разница в один день – и это беда вселенская! Вероятнее всего, все эти потуги Мотовилова появились после первых публикаций, которые задели самолюбие Мотовилова: «Как посмели — без меня, очевидца!» Мотовилов — светский человек, знавший преподобного немногим более года, на другой чаше весов священнослужители монастыря, на глазах которых в течение нескольких лет проходила жизнь старца. И кому мы должны больше доверять?

Вспомним рассказ из первого издания книги отца Иоасафа «О восхищении отца Серафима в небесные обители».

«И после всего сказанного, он отечески обнял меня и сказал: "Радость моя! молю тебя, стяжи мирный дух!" И тут же начал объяснять стяжание мирного духа. По словам его, это значит привести себя в такое состояние, чтобы дух наш ничем не возмущался. Надобно быть подобно мертвому или совершенно глухому и слепому при всех скорбях, клеветах, поношениях и гонениях, которые неминуемо приходят ко всем, желающим идти по спасительным стезям Христовым. Ибо многими скорбями подобает нам внити в Царство Небесное. Так спаслись все праведники и наследовали Царство Небесное, а перед ним вся слава мира сего как ничто, все наслаждения мирские и тени не имеют того, что уготовано любящим Бога в небесных обителях, там вечная радость и торжество.

Для того же, чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться от сладчайшей беседы с Господом, нужно смирять себя непрестанным бдением, молитвою и памятованием Господа. "Вот я, убогий Серафим, для сего прохожу Евангелие ежедневно: в понедельник читаю от Матфея, от начала до конца, во вторник от Марка, в среду от Луки, в четверток от Иоанна, в последние же дни разделяю Деяния и Послания апостольские, и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочитать Евангелия и апостола дневного и святому. Через это не только душа моя, но и самое тело услаждается и оживотворяется оттого, что я беседую с Господом, содержу в памяти моей жизнь и страдания Его и день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Искупителя моего за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне недостойному".

И после этого старец снова сказал мне: "Радость моя! Молю тебя, стяжи мирный дух и тогда тысяча душ спасется около тебя". Я же, недостойный, всем желанием души моей

хотел приобрести тот мирный дух, о котором он уже дважды упоминал мне. Я упал ему в ноги и, лобызая его стопы, полы одежды и руки, со слезами просил его, как отца и наставника, чтобы он излил свои молитвы перед Господом и Царицею Небесною о спасении грешной души моей. В эти минуты я всего себя поручил старцу. Он же, видя мою преданность, еще повторил мне, как бы во всегдашнее напоминание: "Радость моя! Молю тебя, стяжи мирный дух!" И потом уже прямо открыл мне, для чего я пришел к нему и что именно желал от него слышать. Когда же ужас и удивление объяли меня, старец, в предуготовление к наступающей беседе, еще раз повторил: "Радость моя! Молю тебя, стяжи мирный дух".

И вслед за этим, в неизобразимой радости, с усилием голоса сказал: "Вот, я тебе скажу об убогом Серафиме, — и потом, понизя свой голос, продолжал: — усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: в дому отца моего обители мнози суть (т. е. для тех, которые служат Ему и прославляют Его святое Имя). На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители и молил Господа моего Иисуса Христа, чтобы Он показал мне эти обители, и Господь не лишил меня, убогого Своей милости. Он исполнил мое желание и прошение: вот я и был восхищен в эти небесные обители, только не знаю, с телом или кроме тела, Бог весть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкушал, сказать небе невозможно". И с сими словами отец Серафим замолчал. В это время он склонился несколько вперед, голова его с закрытыми взорами поникла долу и простертою дланью правой руки он совершенно тихо и одинаково водил против сердца. Лицо его постепенно изменялось и издавало чудный свет и наконец до того просветилось, что невозможно было смотреть на него, на устах же и во всем выражении его была такая радость и восторг небесный, что поистине можно было назвать его в это время земным ангелом и небесным человеком.

Во все время таинственного своего молчания, он как будто созерцал что-то с умилением и слушал что-то с изумлением. Но чем именно восхищалась и наслаждалась душа праведника, знает один Господь.

Я же, недостойный, сподобясь видеть отца Серафима в таком благодатном состоянии, и сам совершенно забыл бренный состав свой в эти блаженные минуты. Душа моя от одного созерцания таинственного молчания праведни-

ка и от чудного света, исходившего от лица его, а равно и от всей благоговейной непрерываемой тишины, была в такой радости и восторге, каких я не ощущал в продолжение всей своей жизни.

Праведник Божий, по немощи человеческого языка, не мог словами объяснить дивного восхищения своего в небесные обители, зато показал мне его чудным светом своего лица и таинственным своим молчанием. А я, хотя и был самовидцем этого дивного события, но всегда скажу одно и то же, что Бог весть, как все это совершилось. И до сих пор от одного только воспоминания о нем я чувствую в душе такую необыкновенную сладость и утешение, которых невозможно выразить словами.

После довольно продолжительного молчания, около получаса, по моему мнению, отец Серафим снова заговорил и в самых радостных чувствах, вздохнув, с усилием голоса сказал: "Ах, если бы ты знал, возлюбленнейший мой отец Иоанн, какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келья наша (при этом он показал на свою келью) была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, там сладость и радость неизглаголанные, там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам батюшка святой апостол Павел (2. Кор. 12. 2—4.), то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горного селения, в котором водворятся праведные души?" После того, немного помолчавши, начал он говорить и о вечных мучениях грешников...

В заключение своей беседы старец говорил о том, как необходимо теперь тщательнейшим образом заботиться о своем спасении, пока не прошло еще благоприятное время купли для вечности, и напоминал слова (2. Кор. 6. 2.) апостола Павла: "Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения, когда мы можем еще принести покаяние и возлюбить нашего Спасителя".

При конце беседы старец как бы совсем забыл о том невыразимо сладком состоянии своего духа, когда он говорил о восхищении своем в небесные обители. Он сознавал те-

перь только слабость естества своего и называл себя первым грешником.

Наконец, давши мне отеческое благословение, он отпустил меня в мою келью с миром и утешением несказанным»[223].

После публикации Иоасафа в 1849 году рассказа о стяжании Духа мирного Мотовилов, можно предположить, сочинил свою версию «...о стяжании Духа Святого, как мне батюшко отец Серафим говорил, когда разъяснял мне, как Дух Божий живет и действует в богоносных человеках»[224]. Также он видел «...батюшку отца Серафима в Свете неприкосновенной славы Божией, паче солнца сиявшего и вместе с тем чувственно и меня самого в то же время вместе с ним по его собственному слову одинаково осиявшему, что сбылось со мною в 1831 году осенью в ноябре месяце»[225]. Вероятно, за работу над текстом «Беседы» Мотовилов взялся в последние годы своей жизни. О степени его готовности к изданию сегодня ничего определенного сказать нельзя, так как архив Мотовилова не сохранился.

Начинается «Беседа» очень складно: «Это было в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка о. Серафим начал беседу со мной на ближней пажнинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне, — сказал великий старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...»[226]

В повествовании Мотовилова выделю два фрагмента. Первый: «Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, *а сам стал против меня на корточках*».

Второй: «И во все время беседы этой и с того самого времени, как лицо о. Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягой».

То есть в течение всей беседы старец, удрученный летами и болезнями, стоит перед Мотовиловым на корточках, во что верится с большим трудом.

О богословской ценности «Беседы» нам поведают исследователи, облаченные саном и соответствующим образованием, а по содержанию можно сказать следующее. Сравнивая текст «Записок» и «Беседы» — первый составлен непоследовательно, мысль скачет и порой уходит куда-то. «Беседа» представляет собой целостное повествование, видимо, правдоподобны предположения об авторстве Сергея Нилуса, который из черновых набросков сделал полноценный богословский трактат.

С исторической точки зрения, если принять во внимание, что саровские монахи о таком событии не знали, описанное чудо сошествия Святого Духа на Ближней пустыньке — мистификация.

Порой в «Записках» Мотовилов увлекается и появляются неправдоподобные вставки. «Преподобный Серафим: "Только вот что еще хочу я вашему Боголюбию сказать: знаете ли вы Симона Зилота?" А так как он мне о многих соседних помещиках говаривал неоднократно, то я, не поняв, о чем дело идет, и сказал, что такой фамилии не слыхал я поблизости Сарова. "Да, — отвечал он мне, — не о помещике каком-нибудь говорю я вам, а о Симоне Зилоте иже и Канаит прозывается и был един от дванадесяти апостолов"»[227]. Не знать апостола Симона Зилота? Непонятная игра Мотовилова в разговоре со старцем, как непонятны и прочие его беседы, представленные в «Записках» как первоисточник о преподобном Серафиме. Но так ли это на самом деле? Правильнее назвать «Записки» Мотовилова первоисточником о его болезни и вымышленной, приукрашенной биографии самого автора. В «Записках» преподобный Серафим общается с Господом и Пресвятой Богородицей как секретарь-референт — ежедневно, порой только для ходатайства о Мотовилове.

«Одно вам скажу и главное, что если бы не Сам Господь и Божия Матерь возвестили мне о вашей жизни, то я бы не поверил, чтоб могла быть такая жизнь на земле, ибо мне Господь сказал, что у Вас в жизни все духовное с светским и все светское с духовным так тесно связано, что ни того от другаго ни этаго от того отделить нельзя, и что за всем тем Он Сам изволил назначить вам такую жизнь и что будущее человечество сим лишь путем пойдет, — если захочет спастися — и что на все это есть его собственная воля — и что поэтому то лишь Он дозволяет мне открыть вам нечто из жизни вашей, — чтобы от трудности пути вашего вы без того не погибли бы вовсе»[228].

На следующей странице читаем: «Я много на земле сущаго знаю — а Бог и недоведомыя тайны свои сверх того открывает как и о вашей жизни открыл, а все таки жизни подобно вашей нигде я не вычитал, а если б Бог не уверил меня в ней, что она имянно такая, что и десять житий Святых Угодников Божиих вместе сложить и десять жизней великих Светских людей каковы Суворов и другие вместе сложить, то и тут во всех их двадцати жизнях еще не все то сбылось, что с Вами с одними сбудется, то я не поверил бы, чтобы все то могло в самом деле так быть; — Но мне Господь имянно так сказал. — и я верую что слово Его непреложно и все то будет так, как мне открыто, а из сего нечто и вам самим дозволено открыть»[229].

А на предложение Высокопреосвященного Антония Воронежского Мотовилову идти в монахи: «Славный архиерей будете», тот отвечает: «Знаю, отвечал я, потому что и батюшка отец Серафим мне тоже говорил, что если бы я пошел в монахи, то сделали бы меня архиереем и я бы был более святителя Василия Великого»*.

Мотовилов в «Записках» приводит слова симбирского гражданского губернатора А. М. Загряжского, якобы сказанные о нем в докладной на имя министра внутренних дел Д. Н. Блудова: «О вере он говорит так сильно и увлекательно, что речь его и на образованных людей остается не без значительных впечатлений, и на массу народа, приходящего к нему толпами под предлогом расспросов о его исцелении воронежском, и еще сильнее действует. Так что если какое-либо воспоследует в России движение или переворот, то сторона, на которой он будет, окажется не только весьма значительною, но и сильною, что Мотовилов принадлежит к числу каких-то особенных мыслителей, сущность мышления которых он, однако же, вполне постигнуть не может»[230].

Неужели до сих пор нельзя понять, что Мотовилов не стоит и мизинца великого полководца Александра Васильевича Суворова, а перед Василием Великим он просто прах! Никто!

Александр Николаевич Мотовилов, человек страдающий с рождения психическим заболеванием, с годами обратившийся к православию как единственному средству излечения, но подпавший под влияние такого распростра-

---

* *Василий Великий* (329—379) — святитель, архиепископ Кесарийский, Вселенский отец и учитель Церкви.

ненного и крайне опасного греха, как «гордость». Отсюда и «умствования», склонность к ереси. Святитель Игнатий Брянчанинов говорил: «Как неправильное действие умом вводит в самообольщение и прелесть: так точно вводит в них неправильное действие сердец. Исполнены безразсудной гордости желание и стремление видеть духовныя видения умом, не очищенным от страстей, не обновленным и не возсозданным десницею Святаго Духа: исполнены такой же гордости и безразсудства желание и стремление сердца насладиться ощущениями святыми, духовными, Божественными, когда оно еще вовсе не способно для таких наслаждений. Как ум нечистый, желая видеть Божественные видения и не имея возможности видеть их, сочиняет для себя видения из себя, ими обманывает себя и обольщает: так и сердце, усиливаясь вкусить Божественную сладость и другия Божественныя ощущения, и не находя их в себе, сочиняет их из себя, ими льстить себе, обольщает, обманывает, губит себя, входя в область лжи, в общение с бесами, подчиняясь их влиянию, порабощаясь их власти»[231].

Первая заповедь, данная Богом всему человечеству — заповедь о покаянии. В рассуждениях Мотовилова не присутствует покаяние, а только поиск оправдания своих прегрешений.

«Подобному бедствию, — говорит святитель Игнатий Брянчанинов, — подвергаются подвижники молитвы, извергшие из своего подвига покаяние, усиливающиеся возбуждать в сердце любовь к Богу, усиливающиеся ощущать наслаждение, восторг: они развивают свое падение, соделывают себя чуждыми Бога, вступают в общение с сатаною, заражаются ненавистью к Святому Духу. Этот род прелести — ужасен: он одинаково душепагубен как и первый, но менее явен; он редко оканчивается сумасшествием, самоубийством, но растлевает решительно и ум и сердце. По производимому им состоянию ума Отцы назвали его "мнением" (Преподобный Григорий Синаит, Слово 108, 128; Святый Иоан Карпафийский, гл. 49). На этот род прелести указывает святый апостол Павел, когда говорит: *Никто же вас да прельщает изволенным ему смиренномудрием и службою ангелов, яже не уведе уча, без ума дмяся от ума плоти своея* (Кол. 2, 78). Одержимый этою прелестью мнит о себе, сочинил о себе "мнение", что он имеет многие добродетели и достоинства, — даже, что обилует Дарами Святаго Духа. Мнение составляется из ложных понятий и ложных ощущений: по этому свойству своему оно вполне принад-

лежит к области отца и представителя лжи — диавола. Молящийся, стремясь раскрыть в сердце ощущения новаго человека, и не имея на это никакой возможности, заменяет их ощущениями своего сочинения, поддельными, к которым не замедляет присоединиться действие падших духов. Признав неправильныя ощущения, свои и бесовския, истинными и благодатными, он получает соответствующия ощущениям понятия. Ощущения эти, постоянно усвоиваясь сердцу и усиливаясь в нем, питают и умножают ложныя понятия: естественно, что от такого неправильнаго подвига образуется самообольщение и бесовская прелесть — "мнение"»[232].

Люди, впавшие в эту разновидность греха, — лицемерны и лживы. Обратимся вновь к «Запискам» Мотовилова в той части, где он приводит «слова» преподобного Серафима о грамотности и начитанности.

«Я ваше Боголюбие плохо учен грамоте, так что с трудом подписываю мое имя, а грамматике и вовсе не учился однако же читаю не только по церковной, но и по гражданской печати борзо, и так скоро, что книги по две или по три мог прочитывать и прочитывал в сутки — а память такую имею от Господа мне данную, что пожалуй могу вам от доски до доски все наизусть прочитать — такую сильную память Господь Бог мне изволил пожаловать, — так я хотя и плохо учился грамоте а Грамматике и вовсе неучился — но знаю очень много — и более многих ученых людей, — потому что много тысяч книг содержу в свежей памяти да и даром премудрости и разсуждения свыше от него подаваемаго Господь Бог после всех страданий, что я ради имяни Его Святаго в жизни моей претерпел — [Господь] меня обильным благословить изволил. — Я вашему Боголюбию скажу просто — почти на перечет сколько и где я книг перечитал, чтобы вы и сами видеть могли, что я в писании Церковном и светском силен таки довольно в нашей Саровской Библиотеке мню я тысяч пять с половиною будет экземпляров, а в иных как например в Ролленевой Истории, перевод Третьяковскаго 30-ть томов*, — и я всю нашу Библиотеку про-

* *Шарль Роллен* (1661—1741) — французский историк, ректор Парижского университета (Сорбонны), член Королевской академии. Упомянутые сочинения: «Древняя история о египтянах, о карфагенах, об асирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах, о греках» (В 10 т. СПб., 1749—1762) и «Римская История от создания Рима до битвы актийския то есть по окончание республики» (В 16 т. СПб., 1761—1767) в переводе В. Тредиаковского.

читал, так что даже и книгу о Системах миров и даже Алкаран Магометов[233] и другия подобныя книги читал — в иных книгах вот например у Третьяковскаго тяжел язык — но я смысла добивался, — мне хотелось все узнать, что на земле делается — и что человеку Бог на веку своем узнать допустил, потому что подобает и ереси знать — да их не творить — и Сам Господь говорит в Библии: Егда умножится ведение, тогда откроются тайны; — у Господина Соловцева* — две тысячи пятьсот книг русских и их прочитал все до одной — у Аргамакова Господина** тысячи полторы книг и его Библиотеку всю прочитал, — у Княжен Бибичевых*** — они благодетельствуют же Саровской Пустыне — и их книги все прочитал, — у братий и Отцев Святых нашей обители у кого 30-ть у кого 70-т все брал на прочтение и все прочитал неудержимая — ваше Боголюбие была у меня охота к чтению — и все эти книги прочитал духовныя и светския, и все хорошо обсудил, потому что я не столько читал, сколько разсуждал о прочитанном и все соображал что и как получше бы для Богоугождения сделать, ну так вот я вам в подробности сказываю, что уже не знаю кто еще на Русском, по церковной и гражданской печати, языке, так много читал и это не веле хвалясь говорю, а чтобы вы знали твердо, — что я много на земле сущаго знаю»[234].

Тщеславный, «мнящий» о себе человек в оправдание вкладывает порой свои рассуждения в уста других людей, когда те уже ушли в мир иной и не могут за себя постоять. Приведенный отрывок должен свидетельствовать о неграмотности и начитанности преподобного Серафима. Но так ли это на самом деле? Обнаруженные в РГАДА автографы Прохора Мошнина свидетельствуют о его грамотности. «Алкоран» Магометов действительно в библиотеке Саровской пустыни был, а вот Ролленевой истории не было. Но главное не в этом, а в том, как монах-пустынник, у кото-

---

* *Соловцовы Александр Степанович, Африкан Степанович* и *Петр Степанович* — помещики Нижегородской губернии Ардатовского уезда села Лемети. Известные благотворители Саровской пустыни.

** *Аргамаковы* — старинные благотворители Сарова, владельцы села Хозина. М. М. Аргамаков помог первоначальнику Саровской пустыни Иоанну приобрести землю под пустынь. А. И. Аргамакова — крупнейший вкладчик в строительство Саровской колокольни. См.: *Подурец А. М.* Саров: памятник истории, культуры, православия. Саров; Саранск: Типография «Красный Октябрь», 1999. С. 29—95.

*** *Бабичевы* — алатырские дворяне. Известны два брата, Григорий и Иван Ивановичи, деятели Комиссии нового уложения 1760-х годов.

рого свое молитвенное правило и нет свободной минуты, взялся за чтение светской литературы. От окрестных помещиков книги должны были доставляться целыми обозами... И что на это сказали бы отцы-постники, такие как Пахомий, Исайя, Нифонт? Священномученик Петр Дамаскин сказал по этому поводу: «Никто да не читает не служащего к угождению Божию. Если же и прочтет когда что таковое в неведении, то да подвизается скорее изгладить его из памяти чтением Божественных Писаний и из них именно тех, которые наиболее служат ко спасению души его, по состоянию, которого он достиг... Противных же сему книг никак да не читает. Какая нужда принять духа нечистого, вместо Духа Святаго?»[235]

Более правдоподобными кажутся слова саровских монахов, свидетельствующих о ежедневном чтении преподобным книг Священного Писания и Святоотеческих. Познавать мир отец Серафим мог до своего поступления в монастырь, а в монастыре все мирское для него стало чуждым.

Окончив словесный факультет Казанского университета, Мотовилов и сам проявлял тягу к писательскому труду. Сочинил службу и акафист святителю Митрофану Воронежскому, но от них все отказались. Написал оду «По поводу избавления от напрасныя смерти» Александра II:

Я на одре болей предсмертных
Гнетом болезнию лежал
Но Духа Свята и Безсмертна
Дыханьем; Бог мя оживлял
И в день неслыханной хулы
И в день безбожна дерзновенья
Я возсылал Творцу хвалы...[236]

и т. д.

Даже не верится, что дата написания оды 1866 год и не было у нас Александра Сергеевича Пушкина, Михаила Юрьевича Лермонтова, Николая Васильевича Гоголя и других замечательных поэтов и писателей, создавших современный литературный язык...

Но главным творением должна была стать книга, на написание которой благословил Мотовилова святитель Митрофан через выкопреосвященного Антония: «Книга эта в настоящее время совершенно необходима для всех Церквей Божиих и спасительна будет для всего рода Человеческого. В написании ее чувствовали потребность многие святые

Божии люди в последние века Христианства и в особенности святитель и угодник Божий Димитрий, митрополит Ростовский, сделавший и начало ее своею Летописью...

Вот заглавие этой, предназначенной мне святителем Митрофаном к написанию книги:

"Истинныя понятия: о Боге. Об Ангелах Святых, и о Злых Духах. — О Механизме Вселенной — о создании земли и на ней человека, о заповеди данное ему в Раи и о преступлении оной. О благодати искупления. История рода человеческаго от Адама и до сего дни в параллельном отношении веры и жизни. — Сличение всех вер на свете и доказательство, что только наша Русско-Греческая Восточная Апостольская есть истинно Православная Отеческая Вселенская Христова и Божия вера на всем свете. Мысли о приближении кончины века и о близости пришествия Антихристова. — О седьми Вселенских Соборах и о необходимости осьмаго для соединения Святых Божиих Церквей. — О необходимости всемирнаго покаяния — и об истинно-Христианской жизни — и об истинном Монашестве".

От написания каковой книги, равно как и предварительного совершенного окончания тесно связанных с нею вышеписанных в 1832 году и прерванных арестом 1833 года, работ воронежских церковных, я не только не отрекаюсь, но и желал бы, чтобы Святейший Правительствующий Синод дал мне на то зависящие от него как от центра Святой Церкви Божией средства и радушное благословение»[237].

Книга задумана в начале 1830-х годов, первая страница книги с пространным названием уже давно написана — ее можно видеть в руках Мотовилова на одной из его фотографий, но, предположительно, далее этого работа не пошла. Основной проблемой, как в 1861 году сказал Мотовилов, необходимы «средства и радушное благословение», а в действительности лень и бездарность автора. Даже если бы книга и была написана, то дальше стола цензора она не имела шансов пройти.

Мотовилов говорил о планах подготовить к изданию полное собрание своих сочинений в 155 томах[238], и это были только слова.

Еще больше вопросов возникает при чтении воспоминаний, писем Мотовилова, в которых он говорит о предсказаниях преподобного Серафима о будущем России, Дивееве и Сарове.

27 февраля 1854 года Мотовилов пишет прошение на имя министра двора Адлерберга, в котором пытается до-

биться личной аудиенции с императором Николаем I. Получив высочайшее повеление донести письменно, 7 марта Мотовилов пишет письмо о цели своего визита: «...видеть Вас — от всего сердца моего нелицемерно любимый мною Монарх»[239], чтобы из уст в уста передать предсказание преподобного Серафима о судьбе государя. А слова эти были сказаны в 1832 году. Прошло 22 года от знаменательной беседы, и, видимо, назрело. В это же время Мотовилов с Высочайшего согласия подарил в императорскую домовую церковь и в действующую армию, оборонявшую Крым, две копии с иконы Пресвятой Богородицы Радости всех радостей. Так же для всех членов императорской фамилии были расписаны житийными сюжетами о подвигах старца Серафима 28 осколков от камня, на котором молился преподобный. И это еще не всё — со своего конезавода Мотовилов передал в действующую армию 15 жеребцов. За подарки Мотовилов был удостоен трех монарших благодарностей, а за жеребцов ему вручили бриллиантовый перстень с вензелем императора[240].

В путаном, как всегда, тексте нашлось место для информации о благодатном исцелении автора «в ночь с 1 на 2 Июня 1843 года, дарованным мне от тяжкого ушиба во всем теле и вывихе левой ноги — и двух ребр в левом боку»[241], о своем родословии и истории Дивеевской общины. Главное содержалось в конце письма: «если можете то не отриньте еще раз умоляю Ваше Императорское Величество моей неотступной просьбы Всемилостивейше дозволить мне изустно доложить Вам слова Великаго Старца Серафима, сказавшего мне про Вас Великий Государь, что Вы в душе христианин, чего не смеют сказать про себя очень многие, того Серафима коему возвещено от Бога что смерть его будет подобна смерти семи отроков спавших в Эфесской пещере. — А о нем прояснено мне то, что *он воскреснет* прежде общаго всех воскресения из мертвых в Царствование Вашего Императорскаго Величества и единственно лишь *только для Вас Великий Государь*, о чем всем в полноте всего и вышеизложенного изъяснив по сущей справедливости, по долгу Православно-Христианской верноподданнической совести, что готов и присягою подтвердить — вполне передаю себя — Всеавгустейшей воле Вашего Императорскаго Величества и если Всемилостивейше соблаговолите дозволить мне открыть Вам тайну, которой не преувеличивал цену лишь только потому, что единственно Вашему Всеавгустейшему суду Высокомонаршему желал и желаю всепод-

даннейше предоставить сделать настоящую и справедливую ей оценку; то буду непрестанно благословлять Господа положившаго Вам по сердцу во время благоприятно послушать верноподданническую речь о ней. Если же нет, то двадцать два года терпевши и не открывши ее никому — унесу ее с собой во гроб — с совестию неукоризненную тем, что я скрывал талант вверенный мне от Господа через Великаго раба Своего Серафима.

Вашего Императорскаго Величества верноподданный раб

Титулярный Советник, Почетный Смотритель Корсунскаго уездного училища, член Нижегородско-Ардатовского Тюремного комитета и Кандидат в должность Симбирского Совестного судьи

Николай Александров сын Мотовилов.

7 марта 1854 года»[242].

В письме Мотовилов говорит императору Николаю I о том, что преподобный Серафим Саровский воскреснет, подобно отрокам Ефесским, которые 200 лет спали «чудным сном» в пещере и во времена царя Феодосия Младшего (408—450), Господь для вразумления еретиков, неверующих в воскресение из мертвых, оживил отроков, которые после признания чуда вновь заснули, теперь до всеобщего воскресения. Преподобный должен был воскреснуть, а затем вновь заснуть, как отроки, до всеобщего воскресения... И только для императора Николая I... Что-то непонятное. Сегодня на дворе XXI век, и мы знаем, да и сам Мотовилов при жизни своей узнал, что преподобный Серафим не воскрес «только для» Николая I, как не воскрес ни для Александра II. Хотя наши современники до сих пор пытаются притянуть это воскресение либо к Николаю II, либо к личности, о которой мы узнаем спустя неопределенное количество лет.

Сведения о воскресении Серафима Саровского, вероятно, повергли в шок императора, и он собственноручно написал на письме:

«Ежели он как верноподданный не забыл своей присяги, то должен исполнить мое приказание и донести на бумаге, что мне сказать имеет, тогда решу, стоит ли мне его принять или нет.

Н.»[243].

Мотовилов как верноподданный гражданин написал письмо на имя императора, в котором вновь высказал свои патриотические чувства «готову пролить до последней кап-

ли кровь свою если б то понадобилось за Ваше Всеавгустейшее Здравие»[244]. А далее пошли измышления: «А ныне не тот народ уж стал — и если и за всею етою переменою слушаются Государя и трепещут враги Его то уж Сам Господь наш Иисус Христос и Божия Матерь помогают во всем за нелицемерную веру Его Православную, вот ею то Он и выше Петра Великаго и за нее то и помогает Ему Бог во всем и возвеличит во дни его так Россию над всеми врагами Ея, что она станет превыше всех царств земных и не только нам у иностранцев уже не придется учиться ни чему а еще и им доведется бывать в нашей Земле Русской да учится у нас и вере православно-христианской и жизни благочестивой по етой вере, а много много будет сначала до того всякаго горя Государю и не однократно станут искать Его освященной Богу Главы и живота Царской фамилии, но Господь всегда будет защищать и Его и весь Августейший Царский Дом Его... а Его Императорскому Величеству и еще гораздо более поможет Господь зделать и для Церкви Святой Православной нашей и единой во всей вселенной истинной — непорочно Апостольской Вселенской Церкви Христовой, но до етого должно много еще будет горя и Государю и Земле Русской перенести, возстанут на Него не только враги внешния но и внутренния и вот как это будет: бунтовщики-то возстававшия на Государя при возшествии Его на Престол похвалялись что хотя и скошена трава да корни остались то хотя и не по Боге они хвалились тем а ето однако-же правда ибо главныя начальники етаго злаго умысла выдавши тех которых сами же вовлекли в злой етот умысел свои а сами остались в стороне, и вот они то и ищут и будут искать погибели Государя и всей фамилии Его Царской и неоднократно будут подъискиваться, нельзя ли как нибудь извести их, а когда неоднократныя их покушения не удадутся то они примутся за другое — и будут стараться что если можно им будет то бы во всех должностях Государственных были все люди или согласные с ними или по крайней мере не вредныя им. И будут всячески возстановлять Землю Русскую противу Государя, когда же и то им не будет удаваться так как им того хотеться будет ибо по местам ими заводимыя частыя возмущения будут по милости Божией скоро прекращаемы то они дождутся такого времяни когда и без того очень трудно будет Земле Русской, и в один день в один час заранее условившись о том поднимут во всех местах Земли Русской всеобщий бунт и так как многия из служащих тогда будут и сами участвовать в их злоумышлении, то не-

кому будет унимать их, и на первых порах много прольется неповинной крови, реки ея потекут по Земле Русской, много и вашей братьи дворян и духовенства и купечества, расположенных к Государю убьют — но когда Земля Русская разделится и одна сторона явно останется с бунтовщиками, другая же явно станет за Государя и целость России, вот тогда, Ваше Боголюбие, усердие Ваше по Боге и ко времени — и Господь поможет правому делу — ставших за Государя и Отечество и Святую Церковь нашу — а Государя и всю Царскую фамилию сохранит Господь невидимою десницею Своею и даст полную победу поднявшим оружие за Него, за Церковь и за благо нераздельности Земли Русской — но не столько и тут крови прольется, сколько тогда как когда правая за Государя стоявшая сторона получит победу и переловит всех изменников и предаст их в руки правосудия, тогда уже никого в Сибирь не пошлют а всех казнят и вот тут то еще более прежняго крови прольется, но эта кровь будет последняя очистительная кровь ибо после того Господь благословит люди своя миром и превознесет рог Помазаннаго Своего Давида раба Своего, Мужа по сердцу своему Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловичаего же утвердила и паче утвердит десница Его святая над Землею Русскою... Вот все. Ваше Императорское Величество, что Батюшка Отец Серафим в эту незабвенную беседу для меня изволил говорить о Вашем Императорском Величестве и прибавил "что Господь на многия лета еще продлит дни живота Вашего и в старости маститой дарует Вам кончину мирную и святую как тем из всеавгустейших предков Вашего Императорского Величества, которые верою и правдою благоугодили Богу"»[245].

Спустя семь лет Мотовилов в своих «Записках» напишет: «...что я ему (императору Николаю I. — *В. С.*) великую тайну открыл и она ему очень много помогла»[246]. На самом деле ничего нового Мотовилов не сообщил. «Предсказания» о кознях врагов и различных проявлениях насилия — можно говорить каждые четверть века, и не особенно ошибешься. О реках крови и замена ссылки в Сибирь на смертную казнь — явный перебор. Во время правления императора Николая I была совершена единственная казнь пяти «декабристов». Историки отмечают, что при Николае I не применялись пытки, порой смертный приговор заменялся на более мягкий.

Письма были написаны Мотовиловым накануне объявления 15 марта 1854 года войны России — Турцией, Ве-

ликобританией и Францией. Войны, которая доказала, что России еще долго не быть «превыше всех царств», а поучиться у иностранцев нам всегда найдется чему.

Но главное пророчество Мотовилов приберег напоследок: «Господь на многия лета еще продлит дни живота Вашего и в старости маститой дарует Вам кончину мирную и святую». Император Николай I скончался через год после обещанного долголетия —18 февраля 1855 года, не достигнув и шестидесяти лет. Это «пророчество» говорит о лживости сведений Мотовилова, его явной болезни, в которой он не осознает, что своими измышлениями дискредитирует не только себя, но в первую очередь старца Серафима. Ответ на вопрос, откуда черпал свои знания Мотовилов, находим в воспоминаниях его жены Елены Ивановны: «Вращаясь всегда в высших духовных и светских кругах, Николай Александрович часто обличал начавшееся уже тогда настроение в желании различных реформ в нашей Православной церкви.

В этих случаях и письменно, и устно он защищал целость, святость и ненарушимость этих правил. Однажды в многолюдном собрании был разговор по этому поводу, и Николай Александрович высказывал резкую правду; я незаметно стала дергать его, желая остановить излишнюю горячность его речи: "Что ты меня дергаешь, — воскликнул он, — я им правду говорю, притом не от себя, я не могу молчать, ибо слышу голос, говорящий мне: 'Ты, немой, что молчишь? Ты познал глаголы живота Моего вечного, и ими может спастись ближний твой, в заблуждении находящийся...' Так что, матушка, где Дух Божий посетит человека, там и говори"»[247].

Из этого примера следует, что устами Мотовилова с окружающими говорил Дух Божий.

По восшествии на престол императора Александра II Мотовилов неоднократно обращался и к нему с просьбами о помощи в открытии мотовиловского Спасо-Преображенского банка, о построении храма гигантских размеров, его же проекта, посвященного «Божией Матери "Всех Радостей Радости"» и Всех Ее явлений Вселенских, в селе Дивееве в общинах великого старца Серафима»[248]. Главное желание Мотовилова во всех его письмах выражается следующими словами: «Готов и буду при помощи Божией служить Богу, Вам и России. Служить, как Великий Старец Серафим меня богооткровенно напутствовал и Великий Серафим убедительно просил»[249].

Настойчивость Мотовилова привела к тому, что 18 декабря 1861 года исправляющий должность начальника штаба Корпуса жандармов свиты Его Императорского Величества, генерал-майор А. Л. Потапов сделал запрос: «Прошу Ваше Высокородие доставить мне подробные сведения о качествах Симбирского Совестного Судьи Надворного Советника Николая Мотовилова, сообщив вместе с тем, что вообще известно Вам об этом чиновнике»[250].

«Рапорт Исправляющему должность начальника штаба корпуса жандармов генерал-майору и кавалеру Потапову. Секретно. № 209.

15 января 1862 г. Исправляющему должность Начальника штаба корпуса жандармов Свиты Его Величества господину генерал-майору и кавалеру Потапову корпуса жандармов полковник Горский

Рапорт.

В следствие предписания Вашего Превосходительства, от 18 декабря за № 2119, имею честь довести до сведения, что я нахожусь в крайнем затруднении дать верный и положительный отчет о качествах и о самой личности Н. Мотовилова по многосторонним и загадочным его странностям, как в домашней, так равно и в общественной его жизни. Жизнь его весьма трудно уяснить. Назвать его прямо юродивым, Христа ради, — нельзя; ибо во многих случаях в нем часто проявляются и себялюбие, и сильное честолюбие, одним словом, он, по видимому, себе на уме; назвать его опять — смотря на частые разъезды его по монастырям и святым местам и на значительные вклады, жертвуемые им в пользу их — назвать его вполне святошею, также нельзя, потому что в нем видимо преобладают и лицемерие и лукавство; но что всего ближе, подходящее к настоящему положению его, как я понимаю, принимая во внимание сочетания некоторых его заблуждений по предметам чисто духовно-религиозным, что он действительно находится в тихом помешательстве. Но за всем тем, можно положительно сказать в пользу Н. Мотовилова, если даже допустить, что вся видимая жизнь его, есть одна только мистификация, то и в таком случае, он все-таки человек безвредный, с добрым направлением сердца, тихаго и кроткаго характера и предан Престолу и Отечеству.

Полковник *Горский.*

№ 18 января 1862 г. г. Симбирск»[251].

Это характеристика светской власти, а вот мнение духовного лица — митрополита Киевского и Галицкого Ар-

сения (Москвина), высказанное в письме игумену Саровской пустыни Серафиму, датированное 31 декабря 1872 года:

«...При сем не излишним почитаю известить Вас, что напрасно Вы поручили свое дело г. Мотовилову: здесь его дурно понимают, и одна личность его много может повредить исходу дела. Он был у меня, но я не счел возможным входить даже в рассуждение с ним и отпустил его ни с чем»[252].

И, наконец, представляю справку, подготовленную по моей просьбе врачом-психотерапевтом высшей категории, заведующим психиатрическим отделением города Сарова Андреем Анатольевичем Афониным.

ИСТОРИКО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Кому, как не психиатру, имеет смысл разобраться в личности Н. А. Мотовилова, преодолев ее загадочность и труднодоступность для понимания современного человека. С. Нилус в своей работе пытается «осветить мрак лжи, окутавший память» Николая Александровича. Я же, как психиатр, постараюсь защитить человека (извините, забегаю вперед), страдающего психическим расстройством, от необоснованной дискриминации в обществе на основе «диагноза», который был вынесен ему современниками. И сделаю это, соблюдая принцип гуманности, действуя в интересах Николая Александровича, уважая его человеческое достоинство (как того требует современное законодательство в области психиатрии). Попытаюсь провести заочное освидетельствование лица по результатам изучения документации. В наши дни подобные действия психиатра применительно к уголовному или гражданскому процессу назывались бы заочной *судебно-психиатрической экспертизой*. Изучение личности Н. А. Мотовилова назову историко-психиатрической экспертизой. К составлению акта экспертизы попытаюсь подойти объективно. Понимаю, что несу ответственность перед самим Н. А. Мотовиловым и перед историей.

Анамнестически: Родился в полной семье, дворянского сословия. Об отце можно судить как о личности, склонной драматизировать стрессовые обстоятельства: его «борьба с чувством отвергнутой любви стала непосильной» (по Нилусу), «в одной Божьей помощи шел искать себе спасения от нестерпимых борений своего духа». Мать — спокойная,

терпеливая, благочестивая, религиозная женщина. Отец умер, когда мальчику было семь лет. Мать, оставшись молодой вдовой, «личное счастье нашла в воспитании детей и сохранении для них состояния», опекала, берегла от превратностей судьбы сына, как завещал покойный муж. С детских лет обозначились в характере Мотовилова любознательность, впечатлительность, повышенная эмоциональность. В подтверждение тому записи Нилуса по воспоминаниям самого Мотовилова: в келье отца Серафима «особенно его детское воображение было поражено обилием горящих свечей... слова и смысл речей беседы отца Серафима с матерью утаился... скучно стало мальчику... он стал бегать по келье, насколько позволяла ее обстановка...». И все это при строгом наставничестве с раннего детства, от которого «немало плакивал вразумляемый». Строгое воспитание не защитило юного Мотовилова от веселого, шумного, вольнодумного студенческого общества, которое «закружило его в своем водовороте». И вот уже гостящий у матери студент называет завсегдатаев в доме Мотовиловых странниц и монахинь с издевкой «искушениями», расстраивая мать разговорами не всегда скромными и о «предметах нескромных». На фоне веселья шумного света в половине университетского курса происходит случай, который Мотовилова «поверг в такую бездну отчаяния, что он не мог его пережить... и решил утопиться»: это был воздушный поцелуй, брошенный им в университетском коридоре одной барышне. С суицидальными намерениями Мотовилов пошел к озеру, но «внезапно увиденный образ Казанской Божией Матери» остановил юношу-самоубийцу. «Дивное видение оставило глубокий след в его душе», но «утехи мира все еще продолжали с неудержимой силой затягивать его в свои обманчивые сети». Мотовилов заканчивает обучение в Университете, и в этот период умирает его мать, оставив на попечении юноши все имения и пятнадцатилетнюю сестру. Далее следует пора «страсти нежной», которая охватила сердце влюбленного Мотовилова. Уместно добавить из работы С. Нилуса: «рассудок всегда находился у него в подчинении сердечным влечениям». Потомственный дворянин, «*умевший любить подолгу, преданно и верно*», как позже напишет сам в «Беседе с отцом Серафимом...», в тот же период *имел отношения с девушкой своего дворового человека, от которого она родила сына и дочь*. В девятнадцатилетнем возрасте, на фоне служебных неудач, отвергнутой любви у него случается нервное расстройство, приковавшее его более

чем на три года к постели. На период болезни приходятся три сновидения, по описанию Мотовилова пророчествующих быть ему вестником Божьей воли при заступничестве Пресвятой Богородицы. В 22 года при встрече с преподобным Серафимом Николай Александрович был исцелен. Беседы со старцем произвели потрясающее впечатление на Мотовилова, и он «весь отдался его руководительству», по две-три недели в месяц приезжая к своему наставнику, пользуясь его общением с ним. Однако, как сам вспоминает Мотовилов, пренебрег прозорливостью батюшки по устройству семейной жизни: вопреки его предсказанию сделал предложение другой, не предназначенной ему судьбой женщине. После полученного отказа Мотовилов второй раз заболел: в 23 года у него снова отнялись ноги. По миновании четырех месяцев Мотовилов, узнав об открытии святых мощей святителя Митрофана в Воронеже и о святости тамошнего епископа, решил за исцелением ехать туда. На пути в Воронеж, проезжая через Саров, «пожелал заявить о своем втором бедствии» Серафиму; тот, по воспоминаниям Мотовилова, предсказал исцеление в Воронеже и дал заповедь о служении Дивеевской обители, назначив его питателем обители. После смерти преподобного в 1833 году Мотовилов едет в Курск собирать сведения о жизни отца Серафима. В это же время *наступает период мучительной «борьбы с бесами»*, растянувшийся на 30 лет. В 1839 году третий раз повторяется болезнь с нарушением двигательной функции, затянувшаяся на год. В период болезни Мотовилов знакомится с невестой, предсказанной отцом Серафимом, и в 1840 году женится на ней. После свадьбы Николай Александрович «с Дивеевым и нарождающейся семьей остался совершенно одиноким на белом свете»: так описывается уход от светской жизни. «Приступы тяжкого недуга» (борьба с бесами) проявлялись периодически, но в менее мучительной форме. Супруге после замужества пришлось взяться за управление хозяйством и имениями, так как Мотовилов часто уезжал по святым местам. 1834—1862-й — годы посвящения себя благоустроению Дивеевской обители. В этот период в действиях Николая Александровича наиболее заметными, эмоционально-яркими стали документально отраженные усилия по разделению двух общин обители, закреплению дарованной им земли за одной из них. Это время борьбы с руководством Серафимо-Дивеевского монастыря за принятие его (Мотовилова) условий по землепользованию. С 1854 по 1861 год — время написания писем

на имя Императора и чиновников, близких к нему, докладных записок руководству Российской церкви, «импровизаций» бесед с отцом Серафимом. Далее «с годами то, что люди называли в нем странностями, увеличивалось все более и более» (Нилус). 1870-е годы — пора «странничества», которому Мотовилов предался окончательно. 14 января 1879 года — кончина Николая Александровича Мотовилова.

Для оценки психического статуса используем записи самого Николая Александровича: повествование обследуемого поможет выявить особенности характера, эмоционально-волевой сферы и мышления, проследить их трансформацию в динамике. Составим динамический эпикриз. Ввиду объемности исходных данных, для упрощения восприятия клинического разбора и его понятности (думаю, в первую очередь о далеких от медицины людях) по ходу ознакомления с записями буду сразу давать анализ, квалифицировать те или иные феномены психической деятельности. Итак, особая форма психического реагирования явно обозначается с детских лет. Повышенную эмоциональность, потребность во внимании, одобрении и похвале, импульсивность, непереносимость одиночества, наигранность в поведении мы видим в воспроизведенной в записях первой встрече с отцом Серафимом. Мальчик, завороженный сиянием свечей, оставленный на время без внимания, стал резво бегать по келье (и все это при строгом наставничестве, воспитании сдержанности и скромности в религиозной семье). Специалисту несложно увидеть *истерическое* оформление в таком поведении 7-летнего мальчика. Если рассуждать отвлеченно, то подобные особенности поведения можно было бы назвать приемлемыми для детского возраста. Но в рамках экспертной оценки личности Николая Александровича истерические проявления с детского возраста станут основными в структуре нарушений психики, с годами будет меняться их регистр (по тяжести), кристаллизоваться их специфичность или патогномоничность, как говорят врачи (патогномоничный — характерный для конкретного заболевания).

Для большей доступности экспертного разбора читателю хочу сразу же дать справку: что же такое *истерия*. Истерия — устаревший медицинский диагноз, на данный момент частично соответствующий ряду психических расстройств. К проявлениям истерии относили демонстративные эмоциональные реакции (слезы, смех, крики), судороги, параличи, потерю чувствительности, глухоту, слепоту,

помрачения сознания, повышенную сексуальную активность и другое. Диагноз «истерия» был крайне популярен в медицине конца XIX — начала XX века. Сегодня же этот диагноз официально не используется ни в отечественной классификации болезней, согласно которой этот «термин употреблять нежелательно ввиду его многозначности», ни в зарубежной. Диагноз «истерия» распался на многочисленные более конкретные диагнозы невротического, психопатического и психотического уровней. К тому же требуют дифференциации истерические и истероформные состояния (в форме истерии при другом заболевании). Если говорить о типологической характеристике истерической личности, то в ее разработку существенный вклад внесли как корифеи отечественной психиатрии, так и зарубежные исследователи. «*Производят впечатление неестественности, театральности, испытывают потребность одобрения и похвалы, склонны к внушениям и самовнушениям... Слабость воли, отсутствие объективной правды, как по отношению к себе, так и к другим, неспособность держать в узде свое воображение... Склонность к фантазерству, недостаток воли к здоровью... Стремление казаться больше, чем на самом деле... Постоянное желание производить впечатление на окружающих... Склонны сексуализировать все несексуальные отношения*» — так исследователи пытались выделить основное в истерической личности. Истерическая личность «бежит в болезнь», реализуется механизм «условной приятности болезненного симптома». Невротический уровень характеризуется временным нарушением психической деятельности, ему присуща психогенная (психотравма) обусловленность и принципиально полная обратимость болезненных проявлений. Психопатическая личность отличается выраженностью патологических качеств до степени нарушения адаптации, тотальностью нарушений (в любой обстановке), их относительной стабильностью и малой обратимостью; истерическая форма реагирования становится привычной для такой личности. При психозе психическая деятельность отличается резким несоответствием окружающей действительности, грубым искажением отражения реального мира. Среди истерических психотических нарушений выделяем сумеречное помрачение сознания, псевдодеменцию, пуэрилизм, синдром бредоподобных фантазий, ступор, синдром регресса психики («одичание»), истерические депрессии и др. Уместно отметить, что с годами на фоне «истерической динамики» удельный вес тех

или иных проявлений изменяется. К концу XX века заметно уменьшилось количество «лгунов и фантастов», «бесоодержимых», «одичавших». Клинический контур истерии с годами меняется, но в нем прочно укрепились двигательные расстройства (парезы и параличи), истерические глухота, немота, слепота, которые относят к «функциональным». Что касается истерических и истероформных состояний, то наибольшую сложность представляет дифференциация первых с шизофренией (прежде всего на этапе неврозоподобного и психопатоподобного дебюта с истероформными проявлениями). О большей вероятности шизофрении свидетельствуют недоступность истерических симптомов внушению, стойкость и однообразие их проявлений по типу «штампа», сочетание истерических симптомов и навязчивостей, внезапные перемены в жизни больных, оттенок вычурности. В пользу шизофрении свидетельствуют диссоциация между массивностью клинических проявлений и относительно небольшой патогенностью предшествующей вредности, затяжной характер психоза. В исходе шизофренического процесса отмечаются дефицитарные изменения в эмоционально-волевой сфере и мышлении. Больные становятся малоинициативными, пассивными, суживается круг их интересов, привязанностей, снижается профессиональный уровень. В мышлении выявляются склонность к резонерству, соскальзывания, паралогичность, наплывы мыслей, пустота в голове, иногда — обрывы мыслей. Нарастают жестокость, утрачиваются истинные эмоциональные контакты. Нарастает дезадаптация: больные не удерживаются на работе, утрачивают семейные и родственные связи. Усиливается аутизация. Больные становятся карикатурно неряшливыми, опускаются.

Следуя неприемлемому принципу «нет болезни, есть больной», проанализируем болезненные проявления, свойственные личности Мотовилова.

Если истерическое оформление поведения семилетнего мальчика будем считать приемлемым для детского возраста, то стремление быть на виду, производить впечатление на окружающих, повышенная внушаемость в студенческие годы усматриваются более четко. Строгое воспитание не удержало от шумной и веселой жизни, более того, не защитило от смены мировоззрения: нет ни следа религиозности у гостящего дома студента, напротив, часты издевки над странницами и монахинями, разговоры о нескромных вещах. На фоне, скажем прямо, воинствующей вульгарнос-

ти юноши обычный воздушный поцелуй, брошенный им в университетском коридоре одной барышне, выглядит безобидной шалостью. Как могла подобная шалость пробудить стыдливость искушенного студента? Бездна отчаяния, в которую угодил студент, видится очередной сценой для истерической личности. На этой сцене мы видим (конечно же, из повествования главного героя) и угрозу отчисления, и поручительство авторитетных педагогов за оставление в университете, и суицидальные намерения... И все из-за одного воздушного поцелуя. Борьба эмоций, игра воображения подчиняют себе рассудок истерической личности. И если согласимся, что *видение образа Казанской Божией Матери — кульминационный момент в этой драматической жизненной ситуации — было дано Мотовилову без малейшей заинтересованности истерической игры воображения, то как объяснить тогда, что после такого откровения, которое миллионы христиан ежедневно, ежечасно носили бы в своих сердцах, в случае Мотовилова «утехи мира все еще продолжали с неудержимой силой затягивать юношу в свои обманчивые сети»? Как объяснить, что примерно в тот же период молодой дворянин, умеющий любить нежно и преданно, ожидая взаимного чувства от любимой, имеет параллельно длительные отношения с женщиной своего дворового человека, которая рожает от Мотовилова двоих детей?* Праведный христианин в таком случае помолился бы за спасение грешника; психиатр же спасает пациента, объяснив неправильное поведение следствием болезни. В теме отношений с женщинами эмоциональные переживания истерической личности всегда предстают яркими, насыщенными, драматичными. Пусть переживания и противоречивы, возможно, отчасти надуманны, пусть подлежат осуждению, — аффективный заряд подобных переживаний в любом случае делает истерическую личность более жизнеспособной. Закономерно выглядит обсуждение с отцом Серафимом его грешных деяний, где взгляд старца, со слов Мотовилова, принимает оправдательное для Мотовилова звучание. К тому же, из записей, Серафим тут же предсказывает Мотовилову избранницу. Что руководит Мотовиловым, который, пренебрегая предсказанием, вновь пытается добиться руки той, кому не суждено быть его супругой? Те же эмоции истерической личности, подчиняющие себе здравомыслие.

А как упоенно, как красочно Мотовилов передает беседы со старцем. Но помимо повышенной эмоциональности повествования нам важно и *показательно то, что образ рас-*

сказчика в большинстве сюжетов выходит на передний план, будто бы даже впечатляет самого Серафима своей значимостью, избранностью. Мотовилов, со слов старца, «с ранних лет введен Провидением Божиим в круг духовных людей и многих великих особ, даже и Архиереев». Преподобный Серафим поражается неординарностью судьбы Мотовилова, говоря, что если и «десять житий святых угодников Божиих вместе сложить и десять жизней великих светских людей, каковы Суворов и другие, вместе сложить, то и тут во всех их двадцати жизнях еще не все сбылось», что с одним Николаем Александровичем должно сбыться. «Импровизациями» называет Мотовилов свои воспоминания о встречах с о. Серафимом. *«Импровизации» местами становятся настолько вольными, что читатель усомнится в их правдивости.* Хотя бы вот это: только узнав от старца о схождении Святого Духа, Мотовилов тут же был удостоен этого благодатного состояния, чего, со слов Серафима, «изредка испытывал он сам», а «многие Святые и Угодники Божии целый век в пустынях жившие и даже нетления мощей своих удостоившиеся, того не испытывали». *Надуманность сюжета не вызывает сомнений. Психиатры называют это истерическим фантазированием, болезненной лживостью.*

А насколько значимой, на первый взгляд, предстает информация в письмах Мотовилова императорам?! «Лукавство и мистификацию» усматривают в них жандармы из свиты одного из царей. Автор в письмах горит готовностью пролить за императора «до последней капли кровь свою», особо подчеркивает важность передачи информации «из уст в уста». Бросается в глаза несвоевременность предоставления информации при ее видимой значимости: в письме императору от 1866 года, вспоминая людей, угрожающих престолу в 1832 году, Мотовилов напишет «Старец Серафим о всех их поименно поминать изволил», — и далее оправдание длительному неразглашению информации государственной значимости: «...и поэтому не пустил меня (про отца Серафима) в Санкт-Петербург... эти люди узнав мою великую преданность Государю... не дадут ходу мне никакого по службе и вовсе сотрут с лица Земли...» Не это ли стремление истерической личности казаться больше, чем на самом деле, быть в центре внимания, в данном случае у императорского трона? И если не сбывается желаемое на самом деле, то хотя бы в ярких снах воображение усадило автора за обеденный стол с семьей императора.

Что касается бесоодержимости, то ее, в большинстве

своем, истерическая природа доказана психиатрами давно. (Другую, не истерическую «бесоодержимость», в рамках синдрома Кандинского — Клерамбо с лишением автономности мышления, чувствования, движения пациенты могут переживать при параноидной шизофрении. Она клинически оформляется у каждого по-своему, постепенно по мере прогрессирования заболевания). Все случаи истерической бесоодержимости схожи. Не случайно ранее вспыхивали целые эпидемии «бесоодержимости» и на Западе, и в России (в дореволюционной России подобные явления называли кликушеством). В основе распространения психических эпидемий лежат истерические механизмы подражания, внушения и самовнушения, поддерживающие постоянный суеверный страх перед ведьмами и колдунами, напускающими порчу, перед злыми духами, вселяющимися в человека и строящими разные козни. По записям Мотовилова можем проследить формирование его бесоодержимости: «...в возможности существования бесов или житья их в некоторых людях я нимало не сомневался, но мне по врожденной неутолимой любознательности хотелось еще и на самом себе видеть и испытать... каким же образом это обстоятельство бывает в людях на самом деле...» За этими своими мыслями Мотовилов впервые испытал внушенное самому себе «бедствие нападений бесовских». Фанатичная вера в духов, в их возможность вселяться в человека на истерической почве произросла множественными длительными ощущениями терзания тела. Нельзя не согласиться, что описать их так подробно, с точностью до мелочей и непременно в художественном стиле, с последовательным развитием сюжетной линии без игры воображения практически невозможно. Кстати, поведение Мотовилова во время службы в Киево-Печерской лавре с падениями на пол, криками во внимании всех прихожан и последующим заключением священников, что он «сумасшедший» — не что иное, как истерическая одержимость Святым Духом, также давно изученная психиатрами.

Истерическая природа двигательных расстройств Мотовилова не вызывает сомнений. В каждом из трех эпизодов от конфликта, внутреннего либо внешнего, он «бежит в болезнь», собирая около себя сочувствующих, ухаживающих, невольно поддерживающих условную сладость болезни.

Отмечая обилие симптоматики, свойственной и шизофрении, и истерии, вспоминаем давнюю психиатриче-

скую формулу: «Когда слишком много шизофрении — ищи истерию. Когда слишком много истерии — ищи шизофрению». Дифференцируя истерию и истероформное состояние шизофренического генеза в случае Мотовилова, обращаем внимание на свойственную шизофреническому процессу в начальном его периоде «подчеркнутую истеричность» (по Е. Блейеру) с симптоматикой утрированного, массивного, инертного характера: таковы и неудержимое стремление быть в центре внимания, казаться больше, чем на самом деле в юношеском возрасте, и яркие, драматичные переживания поры «страсти нежной», и растянувшиеся на несколько десятков лет проявления «бесоодержимости». *Фантазирование принимает характер бредоподобного, шизофренического.* За шизофрению выступают внезапные, порой не поддающиеся объяснению перемены в жизни Мотовилова, стойкость и однообразие двигательных нарушений по типу «штампа» при относительно небольшой патогенности предшествующей вредности. С годами симптоматика становится более специфичной: отмечается переход от экстраверсии к интроверсии, нарастающим шизофреническим аутизмом с разрывом социальных связей («стал совершенно одиноким», по Нилусу), характерным для шизофрении снижением психической активности («супруге после замужества пришлось взяться за управление хозяйством и имениями»), эмоциональным обеднением: как еще назвать состояние после угасшей бури страстей и эмоций? Читая докладные письма, записки Мотовилова, приходится концентрировать внимание, вникая в растекающиеся по древу мысли, преодолевая так называемое шизофреническое резонерство. *А как озвучивать математические знаки в стихире императору от 1866 года, свойственные шизофреническому стихосложению?* В последние годы жизни Мотовилова «то, что люди называли в нем странностями, увеличивалось все более и более»: у подавляющего большинства очевидцев «барин в красной шубке» вызывал смех. К сожалению, шизофренический дефект вызывает разные, порой полярные эмоции и сегодня.

В соответствии с нынешней классификацией болезней диагноз Николая Александровича Мотовилова будет звучать так: шизофрения вялотекущая, малопрогредиентная, со стойкими истероформными расстройствами, нарастающими изменениями в эмоционально-волевой сфере и мышлении. Для историков обозначена новая почва для деятельности. Психиатр вздохнет: «Жил бы Николай Алек-

сандрович в наше время, при правильной психиатрической помощи удалось бы защитить его от изъянов в психической сфере, сохранить адаптивные возможности, избавить от ярлыков помешательства»... А впрочем, хорошо, что жил Николай Александрович в свое время: не будь болезни, получили бы мы из уст совершенно другого Мотовилова сведений о жизни великого старца, пусть и требующих приведения к исторической точности? Еще раз повторюсь, что необходимо защищать страдающего душевным недугом человека, пытаться разглядеть в страдающей под болезненным гнетом душе красоту[253].

Закончил свой земной путь Николай Мотовилов 14 января 1879 года. «Коллежский Советник, Кавалер... скончался в селе Цыльна Симбирского уезда, 69 лет от катара желудка... Погребен Нижегородской губернии, Ардатовского уезда в селе Дивееве при Казанской церкви 28 января»[254].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Являлся ли Мотовилов благотворителем Дивеевской общины? Да, являлся. Можно назвать его блаженным? Нет. Достоверны сведения о преподобном Серафиме Саровском, святителях Антонии и Митрофане Воронежских, дошедшие до нас в записках и письмах Мотовилова? Нет. Это следует признать и смириться с этим.

Могилу тихую кропим слезою...

2 января 1833 года окончил земной путь старец Серафим. Архивных материалов о событиях, происходивших в те январские дни в монастыре, найти пока не удалось. Наиболее достоверное описание, на мой взгляд, приведено в книге «Описание общежительной Саровской пустыни»:

«О кончине Преподобного из книги о. Иоасафа, из письма строителя Серафима и из книги архимандрита Сергия первого описателя жития Преподобного, проведшего с ним в обители 15 лет, объединяем так. За неделю пред кончиною, в день Рождества Христова, Преподобный по обычаю был у соборной литургии и причащался Св. Христовых Тайн, при этом простился с игуменом Нифонтом. 1-го января 1833 года он был у ранней литургии в Зосимо-Савватиевом храме, так же причащался Св. Христовых Тайн и простился со всеми братиями, и утешая их, и укрепляя в

подвиге, говорил: "Нам готовятся венцы". Вечером того же дня сосед по келлии слышал его поющим пасхальныя стихословия. 2-го января перед ранней литургией келлейный сосед Преподобного, плохо видящий старец Павел, заслышав дым, выходивший из келлии Преподобного, призвал послушника Аникиту, шедшего к ранней. Вдвоем они отворили дверь и, увидя тлеющия у дверей вещи, принесли снегу, загасили их и, не входя дальше в келлию, притворили дверь и послали к Игумену и к Казначею известить о случившемся. Тут пришел Иван Тихонов (игум. Иоасаф), первый вошел в келлию, уже довольно тогда очистившуюся от дыма, увидел Преподобного стоящим на коленях пред образом Божия Матери "Умиления", со сложенными крестообразно руками на груди, хотел к нему припасть, прося благословения, но Преподобный упал ему на грудь. Опустив его на землю, он позвал из сеней послушника и с ним вынес Преподобного на крыльцо, надеясь, что на свежем воздухе он придет в чувство. Старец Павел, сказано в письме, был тут же, но выносили Преподобного только двое — Иоасаф и послушник. Вскоре затем пришел казначей Исайя и по нем игумен Нифонт. Преподобного внесли в соседние сенцы, в келлию старца Евстафия, старались привесть в чувство и удостоверились, что он мертв»[255].

Письмо игумена Серафима не обнаружено, но есть свидетельство игумена Исайи Путилова: «Касательно кончины Отца Серафима... прежде отломали дверь нарядчик Никита (Аникита. — *В. С.*) Сибирский и Яков, брат Феодосия, и вошли в нее, полную дыма от пожара келейного, последовавшего от свеч догоревших, и старца нашли... думать надобно, умершим от угара...»[256]

В книге регистрации «Кончины монашествующих» появилась запись: «1833 года Января 2. Серафим иеромонах, на 74 году от рождения, погребение было 8 числа во неделю по преставлении»[257]. В первых жизнеописаниях говорится о том, что «целыя восемь суток оставляли почившаго непогребенным». Цифра 8 получила здесь несколько неправильную трактовку: умер отец Серафим в понедельник, 2 января, а похоронен «во неделю», то есть в воскресенье, 8 января.

Как вспоминали первые биографы старца, над его могилой не произносились речи. Сами похороны, как и подобает монашескому чину, были скромными.

Последующие годы — поиск ответов на вопрос о значимости личности отца Серафима. А. Н. Муравьев во время

своего приезда в пустынь в 1848 году спрашивал игумена Исайю (Путилова): «Справедлива ли молва, будто отец игумен Нифонт не любил отца Серафима и не позволял ему ни жить в пустыне, ни принимать посетителей? Как объяснить такое странное чувство к мужу праведному, каков был Серафим, в душе благочестиваго Нифонта?»

«Кто усумнится в праведности обоих? — простодушно отвечал Исайя. — Мне, бывшему свидетелем благой жизни и всего, что сделал для святой обители покойный отец настоятель, можно ли не восхвалять его добродетели? А слава о добродетели отца Серафима ходит по всей России. Но бывают иногда, по тайному попущению Божию, некоторыя недоумения и между людьми самыми святыми, как о том читаем в их житиях. И тут, однако, не без причины было неудовольствие отца игумена. Строгий соблюдатель древнего чина Саровского, положенного первоначальником нашим, он не мог равнодушно видеть, как иногда нарушался этот устав, стечением людей обоего пола, хотя и благочестивых, в келлию затворника, когда устав строго запрещал такия посещения. С другой стороны, старец Серафим, испытанный долгим затвором и пустынножительством, конечно, не без особого откровения, ему лишь ведомого, открыл двери своей келлии приходящим для духовного назидания, и хотя он казался нарушителем заповеди монастырской, был, однако, с крайним для себя истощением, исполнителем заповеди Христовой о любви; а я знаю, что предместник мой был исполнен к нему искреннего глубокого уважения»[258].

Вопрос, конечно, сложный, потому нет однозначного ответа. Действительно, отец Серафим принимал в своей келье не только мужчин, но и женщин, и даже если эти женщины были сестры какой-либо общины или монастыря, он все равно нарушал иноческий устав. В 1825 году игуменом Нифонтом было найдено компромиссное решение этой проблемы — старцу Серафиму разрешено принимать своих почитателей в келье на Ближней пустыни. Некоторое негативное отношение монашествующих Саровской пустыни к духовному окормлению женщин можно ощутить, читая первые жизнеописания старца. В них нет ни слова о Дивеевской общине (книга Иоасафа не входит в этот список).

О существовании некоторой напряженности во взаимоотношениях отца Серафима и братии свидетельствует письмо княжны Прасковьи Грузинской иеромонаху Иллариону, написанное в январе 1837 года: «С большим удовольствием слышу от вас, батюшка, что к вам стали ездить

на гроб почтенного праведного отца Серафима. Его святая память жива во всех сердцах, кто удостоился его знать. Мудрено ли — делаются от него чудеса. Он в жизни своей их делал. Если бы зависть не старалась помрачить его святую память, верно бы и не переставали ходить на гроб его. Вода его колодца всегда была целительна. Если б здоровье мое позволило, я верно бы всякий год ездила поклониться на гроб его, не примечая злой зависти. Вчера, 2 числа, мы были в компании. Его память была у всех на устах... Поминали его святую жизнь (многие даже не знали, что день этот есть день его кончины), в всеобщем к нему восторге и почтении. Помолитесь, почтенный, обо мне у гроба его. Люблю его, почитаю. Святою его кончиною я сделала большую душевную потерю»[259].

Вот еще небольшой пример из письма «грешного раба Стефана» игумену Нифонту от 15 ноября 1833 года: «Я имею намерение на гроб великого старца батюшки Серафима сделать гробницу, которая скоро будет заказана по данному мне рисунку. И доставлена в вашу обитель непременно, и так прошу вас покорнейше уже прочих ко оному сооружению не допущать»[260]. Письмо предположительно написано Стефаном (Степаном) Ясыревым, нижегородским купцом, действительно изготовившим вместе со своим братом Петром надгробие на могилу отца Серафима в 1840-е годы. И вероятнее всего, произошло это после смерти игумена Нифонта, последовавшей в 1842 году. Здесь уместно еще немного рассказать об игумене Нифонте.

Сам Нифонт вступил в Саровскую обитель в 1787 году и стал свидетелем расцвета пустынножительства в монастыре. Духовные и телесные подвиги старцев Назария, Серафима, Мефодия-Марка, Дорофея, Варлаама, Александра были знакомы ему не понаслышке. Но, видимо, дух прагматизма возобладал в игумене Нифонте. Начало промышленной разработки лесов, строительство и укрупнение монастыря — все это способствовало дальнейшему процветанию Саровской обители. Но в то же время, приняв от строителя Исайи (Зубкова) монастырь с количеством братии в 182 человека, он первоначально добился в 1813 году увеличения числа монашествующих и послушников до 231 человека[261]. А вот затем пошло заметное уменьшение братии, и уже после 1838 года[262] и до смерти Нифонта она не превышала 160 человек, хотя бытовые условия проживания в монастыре значительно улучшились: каменные кельи, водопровод. После смерти отца Серафима начался настоящий

исход монашествующих из монастыря. Ушел Сергий — автор первого «Сказания о старце»[263], ушел Гурий (Георгий) — автор второго «Сказания»[264], ушли многие другие. В 1838-м предпринял попытку перейти в Троице-Сергиеву лавру послушник Андрей Степанович Ванюков (в будущем иеромонах Авель), уже не один год находившийся в Сарове. Но игумен Нифонт, считая Ванюкова основным пособником и виновником перехода отца Сергия и многих других в лавру, вытребовал из Духовной консистории его отпускное свидетельство и выгнал последнего из монастыря[265]. Только благодаря объяснениям Сергия и пониманию ситуации наместником лавры Антонием и митрополитом Филаретом Ванюков все же был туда принят.

Старец Серафим закончил свой земной путь, а письма с упоминанием его имени продолжали поступать в Саров. Вот еще одно свидетельство праведной жизни старца из переписки казначея Исайи (Путилова) со своими племянниками:

«Через братца нашего Кирилла Ивановича просили мы вас исходатайствовать у отца Серафима молитв. Вы исполнили наше желание и в письме Кириллу Ивановичу дали наставления, что мы должны делать, за что чувствительнейше и благодарю вас. При сем прошу вашего совета, можно ли чем ни есть поусердствовать отцу Серафиму, если можно, напишите к нам.

Григорий Марков и *Матрена Маркова.*
1833 года января 4 дня. Москва».

Трудно предположить, что письмо, в котором могут содержаться бесценные предсмертные наставления старца Серафима, еще сохранилось, но это еще раз свидетельствует о необходимости продолжения поисков. В ответ на это письмо отец Исайя своим племянникам сообщил печальное известие:

«Здешний старец о. Серафим, к коему вы усердствовали, не много был в живых после тово, как я прибыл от него несколько изреченных слов в пользу вашу и вам сообщенных чрез письмо мое к братцу Кириллу Ивановичу. Он 2-го числа сего Генваря скончался («на 74-м году жизни» — зачеркнуто в оригинале. — *В. С.*) исполнен маститых дней и добродетелей боголюбезных.

17 генваря 1833 г.»[266].

В «Житии» издания 1863 года впервые было опубликовано стихотворение, посвященное преподобному Серафиму. Автором, вероятнее всего, являлся один из составителей

книги — иеромонах Иаков (Невельской). Елагин, получив рукопись в свои руки, внес некоторые незначительные и не всегда оправданные правки в текст. Внес свою лепту и цензор издания архимандрит Сергий — он изменил всего одну строку в стихотворении о старце Серафиме, но как поменялось содержание. Итак, наступила пора вернуть первоначальный смысл семнадцатой строки этого стихотворения:

Он был и именем, и духом Серафим;
В пустынной тишине весь Богу посвященный:
Ему всегда служил, и Бог всегда был с ним,
Внимая всем его моленьям вдохновенным.
И что за чудный дар в его душе витал!
Каких небесных тайн он не был созерцатель?
Как много дивного избранным он вещал,
Завета вечного земным истолкователь!
Куда бы светлый взор он только ни вперял –
Везде туманное пред ним разоблачалось,
Преступник скрытый вдруг себя пред ним являл –
Судьба грядущаго всецело рисовалась;
В часы мольбы к нему с лазурной высоты
Небесные друзья невидимо слетали
И, чуждые земной житейской суеты,
Его беседою о небе услаждали.
Он сам, казалось, с неба сшел лишь погостить*:
В делах его являлось что-то неземное.
Напрасно клевета хотела омрачить,
В нем жизнь была чиста, как небо голубое.
Земного мира гость, святой и незабвенный,
Одной любовию равно ко всем горел:
Богач, бедняк, счастливец и уничиженный
Равно один привет у старца всяк имел.
Несчастные ж к нему стекалися толпой:
Он был для сердца их отрадный утешитель.
Советом мудрым он — безмездною цельбой,
Всех к Богу приводил, святой руководитель.
От подвигов устав, преклонышись на колени,
С молитвой на устах, быв смертным, умер он.
Но что же смерть его? — вид смертной только сени,
Или, как говорят, спокойный тихий сон...
Теперь ликует он в семье святых родной,
Сияньем Божеским достойно озаренный;
А мы могилу тихую кропим слезой,
И имя будем чтить во век благословенным[267].

* Опубликованный вариант Елагина: «Он сам, казалось, жил, чтоб только погостить...»

Это первое стихотворение, посвященное старцу Серафиму. И его содержание, и само название книги — «Житие» — говорит о том, что старец к началу 1860 года подошел к лику чаемых, или ожидаемых святых, и его прославление — только дело времени. «Он сам, казалось, с неба сшел лишь погостить» — точнее не сказать. И если в 1860-х годах эта строка показалась цензору преувеличением, то сейчас она так уже не может восприниматься.

Из приведенных материалов видно, какую непростую жизнь прожил старец Серафим. И предложенная вниманию читателей книга представляет только малую толику того, что предстоит найти. Основные находки еще впереди, и можно не сомневаться, что они послужат большему прославлению имени великого подвижника земли Русской — преподобного Серафима Саровского.

Глава третья

ИЗ УСТ В УСТА

Ранним утром, стоя на коленях перед святыми иконами в молитвенном подвиге, окончил свою земную жизнь великий старец Саровской пустыни — иеромонах Серафим. Великий подвижник умер, но не умерла память народа, не умерла вера в силу его молитв и покровительство всем страждущим помощи. Из уст в уста передавались богомольцами рассказы о чудотворениях, происходивших на намоленной Саровской земле. 11 декабря 1836 года дьякон города Шадринска Иоанн обращается к игумену Нифонту: «В октябре нынешней осени видел во сне о. Серафима, стоящего у утрени в вашей церкви за правым клиросом, за столбом, и некоторые из братии подходили к нему для принятия благословения. Причем он давал им какие-то полезные наставления... И как я радовался и благодарил Бога, что недостойный удостоился видеть такого Святого Старца. С сим проснувшись, я ощутил сердце свое несказанно радостным и почувствовал с тех пор особенное усердие к сему благочестивому отцу. А посему весьма бы желательно иметь в незабвенную память его начертание жизни. Я думаю, не остался о. Серафим без памяти в вашей обители, всем, я думаю, известны его благочестивые подвиги досточудные происшествия. У нас много в городе любителей и чтителей его памяти»[1].

Как бы в ответ на эти пожелания в 1841 году увидело свет первое жизнеописание старца Серафима, созданное иеромонахом Троице-Сергиевой лавры отцом Сергием. После этого последовала череда биографических очерков. 1844 год — анонимно опубликована работа иеромонаха Георгия, 1848-й — иеромонаха Авеля, 1849-й — иеромонаха Иоасафа. В 1863 году выходит значительное по объему первое «Житие», открывшее новый, значительно более вы-

сокий уровень понимания личности преподобного Серафима.

До настоящего времени какого-либо исследования о первых биографах старца Серафима не предпринималось, и эта тема оставалась практически неизученной.

Иеромонах Сергий (Васильев; 1792—1861)

В 1841 году в Типографии Московского университета увидела свет книга под названием «Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника». Автор подписал свое произведение двумя буквами «И. С. », но вскоре любознательный читатель уже знал, что за ними скрывается иеромонах Сергий — казначей Спасо-Вифанского монастыря, располагавшегося в трех верстах от Троице-Сергиевой лавры и находившегося под ее управлением[2].

Мирское имя отца Сергия — Степан Васильевич Васильев[3], год рождения —1792-й. Отставной губернский секретарь вступил в Саровскую пустынь в 1818 году. Молодой послушник, хорошо знавший делопроизводство, пришелся как нельзя кстати и сразу же отправился в Санкт-Петербург для помощи старшей братии в ведении спорных монастырских дел[4]. В 1826 году определен указом, а пострижение в мантию состоялось 17 декабря 1827 года с наречением нового имени — Сергий. Рукоположение в иеродиакона совершено 17 августа 1830 года. Спустя четыре года, 6 июня 1834-го, отец Сергий принят на должность казначея Спасо-Вифанского монастыря. Произошло это к большому неудовольствию игумена Нифонта. Но читая строки из письма митрополита Московского Филарета архимандриту Троице-Сергиевой лавры отцу Антонию от 17 ноября 1833 года: «Сергия для должности казначея в Вифанию принять согласен»[5], становится ясным, что выбора у настоятеля Саровской пустыни не было. Занимать казначейскую должность можно только по достижении иеромонашеского чина, и отец Сергий 5 июля рукополагается в сан иеромонаха. В 1838-м по предписанию митрополита Филарета отец Сергий принимается в члены собора лавры — высшего руководящего органа монастыря.

Еще живя в Саровской пустыни, отец Сергий занимался выпиской из Священного Писания и трудов Отцов Церкви различных наставлений и, «пользуясь примером бла-

гочестия подвижников саровских», подготовил к изданию свой труд, посвященный старцам Марку и Серафиму. Появлению первого биографического очерка способствовало наличие целой плеяды мудрых мужей церкви — истинных почитателей талантов саровских иноков. Митрополит Филарет оставил после себя большое эпистолярное наследие, среди которого встречаются отдельные высказывания, проливающие свет на давние события. Так, в письме от 7 января 1834 года преосвященный Филарет пишет: «Прекрасен совет отца Серафима — не бранить порок, а только показывать его срам и последствия. Молитвы старца да помогут нам научиться исполнению»[6]. Видимо, уже с момента кончины отца Серафима проводилась какая-то подготовительная работа по составлению его духовного наследия в письменном виде. И действительно, к 1837 году была написана книга, содержавшая в себе жизнеописания схимонаха Марка и иеромонаха Серафима. К биографии последнего были приложены его духовные наставления. В правке рукописи деятельное участие принял митрополит Филарет, он же сделал первую попытку на получение от Святейшего синода разрешения на печатание. Процесс прохождения этого труда через цензуру очень интересен и поучителен, кроме того, прослеживается процесс постоянной работы над текстом, не останавливавшийся вплоть до опубликования.

В прошении от 9 сентября 1838 года, направленном в Московский комитет по цензуре духовных книг, отец Сергий так сказал о своем труде: «Из уважения к памяти добродетелям Саровской пустыни Старца Серафима собрал я некоторые черты из его жизни частию из уст самого старца, частию из сказаний благочестивых и достойных доверия иноков Саровской пустыни, знавших его лично, частию из собственных наблюдений, так как живши в Саровской пустыне и пользовавшись в продолжение 15 лет его наставлениями, я сам многое, относящееся к его жизни, видел и слышал. Изложив все это в представляемой при сем рукописи: Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти Отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника, я желаю оную напечатать, и получивши благословение Высокопреосвященнейшего Митрополита Московского и Коломенского Филарета на представление оной в Цензуру, покорнейше прошу Цензурный Комитет оную рассмотреть и одобрить к напечатанию»[7].

В прошении нет и намека на использование данных

СКАЗАНІЕ

О

ЖИЗНИ И ПОДВИГАХЪ

БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ

ОТЦА СЕРАФИМА,

САРОВСКОЙ ПУСТЫНИ

ІЕРОМОНАХА И ЗАТВОРНИКА.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1841.

Титульный лист первого «Сказания о жизни и подвигах» отца Серафима в авторстве иеромонаха Сергия (Васильева). *1841 г.*

монастырского архива, находившегося под пристальным вниманием игумена Нифонта, и поэтому в книге поражает конкретность некоторых дат —12 сентября, 9 мая и так далее. Память человеческая не всегда является достоверным источником. Тем не менее авторитет первого издания, увидевшего свет под покровительством митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова) и архимандрита Антония (Медведева), оказался неоспоримым. Труд стал впоследствии эталоном при датировании основных этапов биографии отца Серафима. Именно это первое «Сказание» брали за основу все последующие биографы старца, расширяя в основном богословский раздел жизнеописания. Все даты перекочевывали из одного издания в другое даже без каких-либо попыток их тщательного анализа.

Более подробно о перипетиях прохождения через цензуру этого «Сказания» можно узнать из книги Николая Субботина «Митрополит Филарет и архимандрит Антоний как чтители заветов и памяти преподобного Серафима».

Только 30 сентября 1841 года цензор Агапит сделал долгожданную запись: «Печатать дозволяется». Сколько пришлось претерпеть многострадальному жизнеописанию отца Серафима, можно судить по тексту этого издания. 32 страницы представляют собой прерывистое повествование, с явно видными большими и малыми изъятиями. В деловой переписке тех лет говорится, что в издание не вошел эпизод с описанием случая с онемевшим дьяконом (смотри письмо митрополита Филарета от 20 ноября 1838 года)[8]. Именно этот эпизод был удален из текста на самом раннем этапе прохождения «Сказания» через цензуру. До настоящего времени рукопись-первоисточник не найдена, и судить в полной мере о степени изъятий не представляется возможным.

В 1844 году вышло второе издание биографии о. Серафима. Она была дополнена духовными поучениями старца и биографией схимонаха Марка[9]. Книга выдержала четыре издания.

Дальнейшая судьба отца Сергия была такова. В 1839 году он вступил в должность казначея Троице-Сергиевой лавры и стал постоянным членом собора.

8 марта 1841 года умирает настоятель Саровской пустыни игумен Нифонт.

Из переписки митрополита Филарета явствует, что на эту должность претендовал и отец Сергий. Но «...против него уже готово противоборство»[10]. Довольно длитель-

ное пребывание за стенами Саровского монастыря не способствовало возвращению отца Сергия со славой. Выскажу предположение, что назначение настоятелем иеромонаха Сергия могло несколько изменить историю Саровской пустыни: пустынножительство и старчество продолжило свое развитие, реликвии — свидетели жизни старца Серафима, не розданы направо и налево. Но история не терпит сослагательного наклонения.

Судьба связала имя отца Сергия с другой обителью. 30 сентября 1852 года он переведен в Серпуховской Высоцкий монастырь на должность настоятеля, с возведением в сан архимандрита. «Здесь у нас очень тихое место, красивое. Монастырь обнесен каменною стеною с башнями. В нем шесть церквей... Холодный собор очень хорош как по строению, так и по украшению св. иконами... В городе граждане вида благочестивого, так что нет ни одного — раскольника»[11].

Единственное, что нарушило размеренный ход времени в монастыре, это Крымская война. 20 ноября 1853 года к театру военных действий из города отправились военные чины. С напутствием и благословением иконой Святой Троицы к ним обратился архимандрит Сергий. Этот случай дошел до императора, и отцу Сергию была выражена монаршая благодарность[12].

Кроме литературных дарований отец Сергий обладал и некоторой коммерческой смекалкой. «Я без всякого затруднения печатаю книги на свой щет»[13]. К концу жизни он обладал обширной библиотекой, состоявшей из 937 томов. Все это богатство составляли редкие рукописные книги, сочинения Святых Отцов, литографии с изображением подвижников и отца Серафима. В перечне также упоминались книги о Саровском старце различных изданий. Можно было здесь найти и труды отца Сергия о Пресвятой Богородице. Кроме этого, 27 172 книги предназначались для продажи. По завещанию все книги оставлены в Троице-Сергиевой лавре[14].

29 июля 1861 года отец Сергий ушел на покой, 20 ноября этого же года он скончался в Троице-Сергиевой лавре и там погребен рядом со Смоленской церковью[15].

Иеромонах Георгий (Вырапаев; 1797—1866)

Более загадочной личностью оказался автор второго повествования о жизни старца Серафима, долгое время остававшегося неизвестным. В 1844 году в санкт-петербург-

ском журнале «Маяк» анонимно издается творение под названием: «Сказание о жизни и подвигах старца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни и затворника, извлеченные из записок ученика его». Отсутствие имени автора под этим произведением заставило поломать головы многим серафимоведам. Только после публикации писем митрополита Филарета архимандриту Антонию появилась некоторая ясность. «Что касается до жизнеописания о. Серафима, напечатанного в "Маяке", Георгий, я думаю, не много в сем виноват. Он дал кому-нибудь списать свое творение, а не думаю, чтобы домогался напечатания. Спросите его о сем и скажите мне. Напечатание же книги не так, как решено Святейшим Синодом, в нынешнее время, говорят, не диво»[16].

Архимандрит Антоний, являясь наместником Троице-Сергиевой лавры, мог обо всем осведомиться у автора, который, видимо, являлся насельником этой обители. Так ли это?

Предполагаемый автор тоже был выходец из Саровской пустыни. Мирское имя его Гурий Иванович Вырапаев, 1797 года рождения. Из вольноотпущенных крестьян графа Шереметева, проживал в селе Павлове. Вступил в Саровскую пустынь 15 ноября 1827 года. Первоначально проходил послушание келаря, затем гостиника. По указу от 29 июля 1833 года Гурий переведен в Нижегородскую епархию в Островоезерский Троицкий монастырь[17]. Через год с лишним, 22 декабря 1834 года, послушник Гурий пострижен в монашество с наречением имени Георгий. Уже на следующий день он рукоположен в сан иеродиакона, а спустя еще три недели —16 января 1835-го — посвящен в сан иеромонаха[18]. В этом году иеромонах Георгий предпринимает первую попытку перейти в число братства Спасо-Вифанского монастыря. Но Нижегородская духовная консистория не удовлетворила это прошение по причине недостатка монашествующих в епархии[19]. Только 9 апреля 1841 года отец Георгий осуществил свое желание «препроводить остатки дней»[20] своих в Спасо-Вифанском монастыре. С этого момента два воспитанника Саровской пустыни выполняют свой иноческий долг бок о бок (монастырь и лавра находились в трех верстах друг от друга) под мудрым руководством наместника лавры архимандрита Антония. Вновь прибывший иеромонах был «жития смиренного, монашеского». Именно в этот период и состоялись, вероятно, те взаимоотношения, которые позволили отцу Георгию занять достой-

ное место одного из первых биографов старца Серафима, вслед за отцом Сергием.

Дополнительным подтверждением авторства отца Георгия является находка петербургской исследовательницы Татьяны Робертовны Руди. В Рукописном отделе Библиотеки Академии наук, в собрании Тихвинского Богородицкого Успенского Большого монастыря Новгородской губернии, обнаружена рукопись, повествующая о жизни старца Серафима. На первом листе рукописи присутствует следующая надпись: «Получено в день Пасхи 1842-го года от сочинителя Вифаниевского монастыря иеромонаха Георгия»[21].

Основной текст рукописи идентичен тексту издания 1841 года иеромонаха Сергия. В рукописи присутствует дополнительная правка на полях другой рукой. Текст с учетом правки почти полностью соответствует «Сказанию», изданному в журнале «Маяк». Так же как в «Маяке», Тихвинская рукопись содержит ошибку в написании фамилии семьи Прохора. Фамилия «Мошнин» записана как «Мошкин».

В письме митрополита Филарета архимандриту Антонию от 22 июля 1838 года говорится о трудностях распространения «Сказания» отца Сергия о жизни старца Серафима и высказывается пожелание. «Вот что было бы хорошо. Способные и охотные в обители писали бы сие житие для себя и для желающих, и было бы благословение пишущим и польза читающим»[22]. Видимо, способные переписчики нашлись. Только, как это часто бывает, в один из списков закралась эта досадная ошибка в написании мирской фамилии старца. Татьяна Робертовна высказала предположение, что публикация в журнале «Маяк» «является не самостоятельным текстом, а особой, "Георгиевской", редакцией первоначального, полного варианта Жития, составленного иеромонахом Сергием... Полный же текст Жития, составленного игуменом Сергием, сохранился в одном из списков в рукописи БАН»[23].

К сожалению, следует сказать (и повторить еще раз), что до настоящего времени первоначальный и полный текст рукописи отца Сергия не обнаружен.

Вариант «Сказания», приписываемый отцу Георгию, вышел отдельным изданием в 1845 году и переиздан еще три раза, но уже после смерти отца Георгия. Издание 1845 года было дополнено некоторыми подробностями из биографии преподобного. Наставления выделены отдельным блоком.

В этом году «Сказание» впервые отмечено читателями

журнала «Маяк». В опубликованном письме Льва Кавелина к издателю читаем: «С неизреченным удовольствием прочел я Сказание. Душевное русское спасибо вам, что вы даете в вашем журнале место подобным назидательным статьям...

Наслаждаясь чтением Сказания о жизни и подвигах старца Серафима, который каждою чертой своей неземной жизни напоминает нам грешным, что вся возможна суть у Бога, вся возможна верующему, я с умилением принял это новое доказательство тому, что, по изволению Отца Щедрот, в недрах нашей Православной Церкви не оскудевают Преподобные в прямом смысле»[24].

Какова же дальнейшая судьба иеромонаха Георгия? В 1843 году в Стефано-Махрищском Свято-Троицком монастыре настоятель отец Тихон уходит на покой. Этот монастырь, территориально располагавшийся на Владимирской земле, подчинялся наместнику Троице-Сергиевой лавры. Указом от 3 июня настоятелем Махрищского монастыря, состоявшего всего из четырех иеромонахов, четырех иеродиаконов, шести монахов и двадцати девяти послушников, назначен отец Георгий[25]. Монастырь маленький, но заботы большие. В июне 1850-го по оговору отец Георгий снят с занимаемой должности и переведен в число братства Спасо-Вифанского монастыря[26]. После снятия с должности он просит о разрешении совершить паломничество к Киевским святыням и посетить Саровскую пустынь. Паспорт для совершения паломничества, сроком на шесть месяцев, был выписан только 24 августа. Выполнил отец Георгий свое желание или нет, сказать трудно — малое количество документов не позволяет ответить на этот вопрос однозначно. Возможно, оно состоялось в октябре–ноябре. А пока, 15 сентября, в соборе Троице-Сергиевой лавры рассматривался вопрос о переводе отца Георгия, по его просьбе, в Богородице-Рождественскую Свято-Лукианову пустынь Владимирской епархии. Документы, разрешающие перевод, не были выданы, так как дополнительное разбирательство по делу «строителя Георгия» выявило недостачу в 110 рублей. Объяснения отца Георгия, что он в период руководства монастырем истратил много собственных средств, приняты не были. 28 декабря долг погашен по расписке, а 18 января 1851 года отец Георгий принят в Успенскую Золотниковскую пустынь Владимирской епархии[27]. Вся дальнейшая его судьба связана с этой епархией. В 1853-м он назначен игуменом в Борковскую Николаевскую пустынь. «Вводя бого-

служение по правилам и уставу Саровской пустыни, не мало ему стоило труда... для чего он вынужденным находился принимать и даже сманивать и вызывать хороших послушников из Саровской пустыни»[28].

На поприще укрепления монастыря отец Георгий весьма преуспел и удостоился занесения в «Полный православный богословский энциклопедический словарь». Умер 12 июня 1866 года и похоронен в Борковской пустыни[29].

Иеромонах Авель (Ванюков; 1810—1869)

Третьим по времени опубликования своего жизнеописания старца Серафима можно назвать иеромонаха Авеля. В 1848 году увидела свет книга под названием «Краткая духовная лествица, возводящая христианина к любви Божией», в которой рассказывалось о старцах Саровской пустыни, в том числе и о преподобном Серафиме.

Мирское имя отца Авеля — Андрей Степанович Ванюков. Родился в 1810 году, происходил из мещанской семьи города Кунгура Пермской губернии. В Саровскую пустынь вступил в 1830 году и знал отца Серафима не понаслышке[30].

Жизнь будущего инока проходила через множество испытаний. Самым сложным из них было наличие дефекта речи, «косноязычие», как сказано в одном из документов.

В 1835 году Андрей Ванюков накрыт рясофором, но спустя три года лишен рясофора «по доносу настоятеля оной пустыни игумена Нифонта за несоблюдением им Ванюковым общежительных правил. По резолюции Его Преосвященства, как неблагонадежный для монашеской жизни, уволен он из сей пустыни и из здешней епархии вовсе, для чего и возвращен ему... увольнительный его вид»[31]. Вот такой крутой поворот в жизни. Но...

15 ноября 1838 года собор Троице-Сергиевой лавры рассматривает прошение с просьбой о зачислении его в число братства. Возникшее следствие выявило, что Ванюков обвинен «в мнимой переписке, которой будто бы он содействовал к выходу из Сарова теперешнему казначею Вифанскому Сергию и прочей перешедшей оттуда братии в лавру и Вифанию; отчего отец Игумен возымел на него негодование, и вместо паспорта, по желанию его выйти из Сарова, вытребовал из Консистории... свидетельство, с коим он и явился в лавру». 7 июля 1839 года, по резолюции митрополита Филарета, Ванюков принят в обитель преподобного Сергия.

Уже через год, в 1840-м, он пострижен в монашество с именем Авель. В 1852 году происходит рукоположение в иеродиаконский и иеромонашеский сан[32]. К этому моменту отец Авель подготовил к изданию рукопись под названием «Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки, в ней подвизавшиеся». На стол цензора рукопись легла 8 января 1853 года. В докладной записке цензора читаем: «В состав сей рукописи вошла изданная прежде иеромонахом Авелем книжица "Духовная лествица", содержащая краткое воспоминание о некоторых подвижниках, в Саровской пустыни скончавшихся, и духовные их наставления. Теперь сочинитель предлагает о каждом из них, исключая Серафима и Марка, более подробные сведения»[33]. Исследователи биографии старца Серафима до настоящего времени имели мало информации о работе иеромонаха Авеля. В основном была известна и принималась во внимание статья Николая Субботина «Митрополит Филарет и архимандрит Антоний как чтители заветов и памяти преподобного Серафима», в которой говорилось о том, что краткое сказание о жизни старца Серафима было включено только в третье (1865) издание книги о достопамятных иноках[34]. По мнению Субботина, получалось, что Авель не считал отца Серафима «достопамятным» иноком и включил его биографию в свою книгу, как бы уже подчиняясь тому, что имя старца становится широко известным. В действительности это не так. Во-первых, биография отца Серафима опубликована во втором издании «Общежительной Саровской пустыни» в 1860 году. И, во-вторых, вероятно, при написании книги в планах отца Авеля уже существовал замысел издать биографию преподобного отдельной книгой. И тому подтверждением является то, что в 1862 году в московской Типографии А. Семена опубликовано «Сказание о жизни и подвигах старца Саровской пустыни иеромонаха Серафима с приложением его наставлений. Второе издание, исправленное и дополненное, — иеромонаха Авеля». Первое издание пока не обнаружено...

В октябре 1843 года монах Авель на свои средства издает литографическое изображение о. Серафима[35]. И это можно назвать событием в серафимоведении, наряду с выходом первого «Сказания» иеромонаха Сергия.

Сравнивая тексты первых жизнеописаний старца Серафима, принадлежащих руке отцов Сергия, Георгия и Авеля, невольно задумываешься о том, что права автора в данном случае не учитывались никоим образом. И как тут не

вспомнить слова известного итальянского слависта Рикардо Пиккио о древнерусских рукописях, в которых «далека была древнерусская цивилизация от концепции индивидуального литературного творчества. Каждый текст... постоянно переделывался, резался, сливался с другими произведениями»[36].

Например:

Отец Сергий: «Во время строения сего храма однажды Агафия пошла на церковное здание, взявши с собою и сына своего, которому было тогда около семи лет».

Отец Георгий: «Однажды во время строения сего храма Агафия пошла на самый верх здания, взяв и сына своего, бывшего тогда семи лет».

Отец Авель: «Однажды во время строения сего храма Агафия пошла на верх здания, взяв и сына своего, бывшаго тогда семи лет».

И так по многим эпизодам. Что еще обращает на себя внимание, так это повторение ошибки в написании мирской фамилии отца Серафима, как и в первом издании отца Георгия, где она читается как Мошкин. Вероятно, за основу своего труда отец Авель взял один из тех ошибочных списков, что и издатель журнала «Маяк». Плагиат при написании такой литературы, по-видимому, не учитывался. В первую очередь принималась в расчет возможность более легкого прохождения в цензурном комитете. Несмотря на наличие многих совпадений, вплоть до запятых, книга отца Авеля занимает свое достойное место в житийной литературе о преподобном Серафиме.

В ноябре 1854 года иеромонах Авель обращается с просьбой о переводе его в Саровскую пустынь (игумен Нифонт к этому времени уже умер). Летописец Саровского монастыря отец Иаков (Невельской) отмечает его приезд в своих записках: «Ноября 20 прибыл из Лавры иеромонах Авель на жительство»[37]. На обустройство архива и библиотеки монастыря отец Авель пожертвовал 100 рублей серебром и сразу приступил к изучению архивных материалов, в чем очень преуспел. В архиве Саровской пустыни, хранящемся в Саранске, можно познакомиться с работой отца Авеля, состоящей из трех томов[38]. Видимо, основной целью жительства иеромонаха Авеля в Саровской пустыни было поклонение могиле старца Серафима и собирание материала для новой задуманной им книги.

В 1856 году 29 сентября подписан указ о принятии отца Авеля обратно в лавру[39]. В этом же году выходит новая

книга под названием «Описание Сатисо-Градо-Саровской пустыни, выбранное из разных записей и указов, в оной пустыни хранящихся».

В 1865 году иеромонах Авель принимает великую схиму и спустя четыре года, 24 мая 1869 года, умирает.

Иеромонах Иосаф (Толстошеев, в схиме Серафим; 1802—1884)

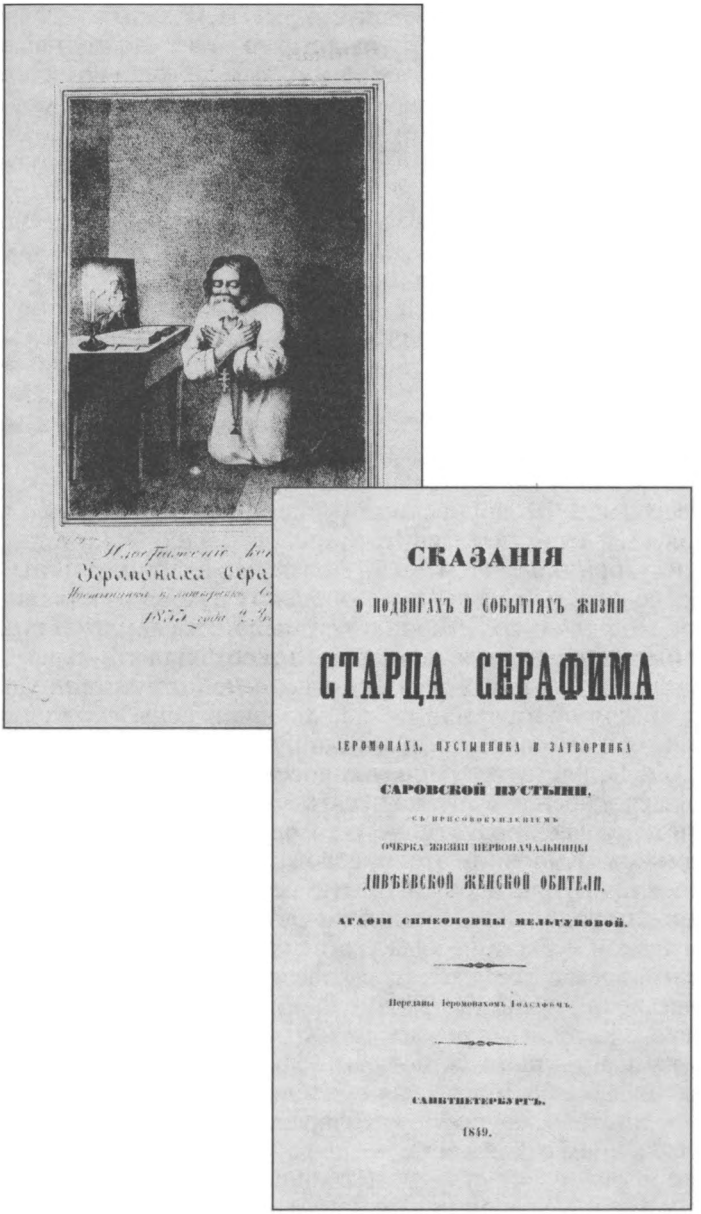
В 1849 году в Санкт-Петербурге издано «Сказание о подвигах и событиях жизни старца Серафима иеромонаха, пустынника и затворника Саровской пустыни. С присовокуплением очерка жизни первоначальницы Дивеевской женской обители Агафии Симеоновны Мельгуновой», «переданные» иеромонахом Иоасафом (Толстошеевым).

С биографией Ивана Тихоновича Толстошеева от рождения до 1849 года читатель мог ознакомиться в главе «И свеча бы не угасла».

После выхода в свет работ отцов Сергия, Георгия и Авеля Иоасаф наконец нашел способ заявить о себе, высказав в одном из писем, что печатная продукция его предшественников до сих пор «неудовлетворительна»[40]. Действительно, отец Иоасаф предпринял большое старание в деле сбора информации о старце Серафиме, записывая все воспоминания очевидцев его подвигов. И занимался этим на протяжении всей своей жизни. Труд Иоасафа выдержал пять изданий, пополняясь каждый раз новыми материалами. Только последнее издание 1913 года воспроизводило предыдущее без изменений. Все последующие биографы при своем отрицательном отношении к Иоасафу как к личности не могли не использовать его находки в своих работах. Следует сказать, что в книгах Иоасафа присутствует и определенная доля литературного вымысла. Дальнейшие исследования расставят все по своим местам.

Перебравшись в более отдаленный от Дивеева Вознесенский Печерский монастырь, Иоасаф не оставлял мысли о подчинении себе Дивеевской обители. «По Указу Духовной Консистории от 18 апреля сего 1850 года, уволенный на два месяца в женскую Дивеевскую общину иеромонах Иоасаф 7 числа сего июля возвратился»[41], записано в материалах нижегородского Печерского монастыря.

В декабре 1850 года отец Иоасаф переведен в Высокогорскую пустынь, что находилась под Арзамасом — побли-

«Сказания о подвигах и событиях жизни старца Серафима» иеромонаха Иоасафа (Толстошеева). *Титульный лист и иллюстрация. 1849 г.*

же к Дивееву. Однако уже спустя два месяца его обязывают подпиской «не принимать на дух», то есть не брать на себя обязанности духовника, а в сентябре 1851-го он возвращен обратно в Печерский монастырь[42].

Следующие десять лет также были насыщены событиями. 13 января 1855 года отец Иоасаф определен благочинным монастырей. 2 марта 1857 года назначен настоятелем Оранского Богородицкого монастыря. Но не успел новый настоятель принять хозяйство, как 25 марта указом обер-прокурора Святейшего синода графа Александра Петровича Толстого, покровителя иеромонаха Иоасафа, он срочно вызван в Санкт-Петербург. Для каких целей потребовалась эта поездка, сказать трудно, но через полгода, когда отец Иоасаф вернулся в родную епархию, обязанности настоятеля исполнял другой человек. Иоасаф был зачислен в штат на правах обычного иеромонаха[43].

8 февраля 1858 года иеромонах Иоасаф, по его просьбе, переведен в Феодоровский Городецкий монастырь, 14 января 1860-го — перемещен в Архиерейский дом и определен духовником. При этом Иоасаф предпринял попытку переложить на плечи Нижегородской духовной консистории заботы по содержанию яблоневого сада, высаженного им в Городецком монастыре и состоявшего более чем из тысячи плодовых деревьев. И это при отсутствии удобрений для обогащения плохой почвы и воды для полива, и при малом числе послушников, способных ухаживать за садом. Причем требующий колоссальных затрат сад передавался в аренду всего на десять лет, то есть при достижении наиболее продуктивного возраста он возвращался монастырю. Конечно, это предложение было отвергнуто[44]. Но свои фантастические опыты иеромонах Иоасаф не оставил и продолжил в Троицком Обнорском монастыре Вологодской губернии, куда его перевели 5 марта 1861 года. В это время происходит расследование событий вокруг Дивеевской общины. За допущенные беспорядки в Дивеевской обители «учрежден за ним (Иоасафом. — *В. С.*) по Указу Святейшего Синода от 5 февраля 1862 г. бдительный надзор»[45]. Дивеевская обитель наконец освободилась от посягательств упорного «благодетеля», а сам он занялся разведением садов в зоне рискованного земледелия и перепланировкой естественного ландшафта провинциального монастыря по своей прихоти.

10 ноября 1877 года игумен Иоасаф «за болезнию и старостию» уволен на покой, к этому моменту он пострижен в

схиму с именем Серафим. В этом же году Иоасаф-Серафим предпринял попытку при помощи обер-прокурора Святейшего синода графа Толстого получить разрешение на жительство на покое в Саровской пустыни. Но монашествующие Сарова этого не допустили[46]. И 24 мая 1879 года игумен Серафим перемещен на покой в Вознесенский Высокогорский монастырь в Арзамасе, где и скончался 20 ноября 1884 года и был похоронен в Серафимо-Понетаевском монастыре.

Игумен Серафим оставил после себя довольно большое наследие собственных воспоминаний и свидетельств современников о преподобном Серафиме Саровском, записанные многочисленными добровольными помощниками Иоасафа-Серафима. Некоторые из таких записей все еще продолжают появляться для всеобщего ознакомления.

Так, в 1990 году в журнале «Литературная учеба» (№ 5) опубликована рукопись под названием «Жизнь, подвиги и кончина Саровской пустыни иеромонаха и пустынножителя отца Серафима». По мнению составителя публикации, авторство этого жизнеописания первоначально приписывалось кому-то из саровских монахов, затем, при второй публикации в сборнике «Угодник Божий Серафим», составителем назван Н. А. Мотовилов. Но эпистолярное и литературное наследие Мотовилова не дает оснований так считать.

Рукопись явно составлена со слов другого человека, который был знаком со старцем Серафимом. «Я знал его и верю, что он велик пред Господом, почему и решил, благоговея к памяти просветленного благодатию Старца, по возможности собрать некоторые черты его жизни, переданные многими учениками его и некоторыми лицами». То есть имеются в виду уже опубликованные труды отцов Сергия, Георгия, Авеля и свидетельства «некоторых лиц», которые записал Иоасаф. По своему содержанию рукопись представляет собой как бы один из вариантов рассказа послушника Иоанна (иеромонаха Иоасафа), записанный очередным и, судя по всему, обладающим литературными наклонностями почитателем старца Серафима и его «ученика». Все основные эпизоды взяты из книги Иоасафа различных годов издания. Так, рассказ о встрече Агафьи Машниной и Прохора с юродивым появился в печати только в третьем издании 1877 года (ранее этот случай приводился в «Житии» 1863 года). А вот эпизод с побегом тринадцатилетнего Прохора в Саровскую пустынь так и остался невостребованным из-за своей фантастичности.

Конечно, не имея возможности изучить данную рукопись, сложно судить и об авторстве, и о датировке, но, вероятнее всего, это один из вариантов записи рассказа Иоасафа Андреевским, либо Синьковским, либо другим помощником. Самая ранняя возможная датировка рукописи — 1863 год — время, когда в свет вышло сочинение саровских монахов.

Сочинение саровской братии

15 января 1863 года было получено разрешение на издание первого «Жития старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника», автором которой вот уже на протяжении 150 лет считается Николай Елагин.

Николай Васильевич Елагин родился в 1817 году в семье помещика Луганского уезда Санкт-Петербургской губернии. Обучение получил в Первом кадетском корпусе, по окончании которого проходил военную службу в гусарском полку. Служение оказалось недолгим, и по выходе в отставку был принят в штат Императорской археографической комиссии. В 1848 году Елагин назначен цензором Санкт-Петербургского цензурного комитета. С 1857 года — он чиновник особых поручений при Главном управлении цензуры. Цензуровал «Русское слово», «Биржевые ведомости». Работа на этом поприще закончилась в конце 1850-х годов. С этого момента действительный статский советник посвящает себя писательской работе. В справочнике Августы Мезьер «Словарь русских цензоров: Материалы к библиографии по истории русской цензуры» главным трудом Н. В. Елагина назван сборник «Искандер Герцен» (Берлин: Типография К. Шультце, 1859)[47]. В энциклопедии Южакова о Елагине говорится как о религиозном писателе и цензоре, оставившем после себя печальную память в истории русской литературы и отличавшемся «самой бесцеремонной и придирчивой деятельностью, дававшей повод ко многим анекдотам»[48]. По воспоминаниям современников, если в романе, который цензуировал Елагин, барышня целовалась с кавалером, то книга обязательно должна заканчиваться свадьбой, и «необходимые» правки цензор делал своей рукой. Основательного исследования этой личности до настоящего

времени не проводилось, а вопросов при изучении архива только Саровского монастыря возникает много.

В конце 1850-х годов Елагин несколько раз посещает Саровскую пустынь, где знакомится с игуменом Серафимом, иноками Иаковом, Владимиром, Феодосием и Петром. По крайней мере в письмах на имя отца Иакова вышеперечисленным лицам передавалось свидетельство «глубокого почтения».

Для наиболее полного представления о написании и ходе дела по изданию «Жития» следует познакомиться еще с одним действующим лицом — библиотекарем Саровской пустыни отцом Иаковом (мирское имя Иоанн Егорович Невельской). Родился 4 августа 1821 года в селе Острецове Нерехтинского уезда Костромской епархии в семье причетника Егора Григорьевича. Десяти лет от роду отдан для обучения в Костромское духовное училище. В личном дневнике 25 июля 1844 года записано: «Окончил курс Богословия в... Духовной семинарии». После прохождения обучения им было предпринято большое паломничество по святым местам России. Саровская пустынь произвела на молодого богослова неизгладимое впечатление. После возвращения на родину он оформил увольнительный билет и 30 августа 1845 года вступил в Саровскую пустынь. Спустя несколько лет на него было возложено послушание письмоводителя и библиотекаря. Пострижение в монашество состоялось 4 августа 1856 года, рукоположение в сан иеродиакона — 18 августа 1857 года[49].

Именно в это время, то есть в середине 1850-х годов, в недрах монастырской библиотеки рождалось новое «Житие» старца Серафима. И непосредственное участие в нем принимал послушник Иоанн (в иночестве Иаков). Подтверждение тому эпистолярное наследие Саровской пустыни. По делам пустыни отец Иаков (будем называть его так) часто выезжал за пределы обители и имел большую деловую и дружескую переписку со многими представителями как духовного сословия, так и мирского. Первое письмо, приводимое в качестве примера, принадлежит Пензенскому помещику Леониду Александровичу Михайловскому-Данилевскому от 6 августа 1858 года: «Исполнен радостию известием, что Вы составляете с братиею верное и правдивое описание жизни отцов Серафима, Марка и с нетерпением жду получения сего... Любопытно прочитать Саровское описание»[50]. Из письма видно, что к лету 1858 года рукопись была уже готова, и в первоначальном варианте

отводилось некоторое место жизнеописанию отца Марка. Следующий пример показывает, на каком этапе написания «Жития» появляется фигура Н. В. Елагина.

«Любезный о Христе брат, отец Иаков!

Благодарю Вас за письмо и за пересылку бумаг; последние не доставлены еще ко мне... С удовольствием принимаю на себя доставление в СПб Духовную цензуру полезное сочинение Ваше о жизни отца Серафима. Не мешает прислать его ко мне при прошении в СПб комитет Духовной цензуры, в котором упомянуть, что получить обратно рукопись поручили мне. От себя отдам прошение и рукопись знакомому мне цензору и буду наблюдать за успешным ходом дела...

С искреннею любовию к Вам остаюсь покорным слугою

Н. Елагин.

22 августа 1858. С. Петербург.

Форма:

В Комит. СПб. Дух. Цен-ры.

Саровской пустыни игумена _____

Прошение.

Доставляя при сем составленное по верным источникам сочинение иеродиакона Саровской пустыни отца Иакова (фамилию) о жизни иеросхимонаха данной обители отца Серафима, покорнейше прошу разрешить оное к печатанию. Получить означенное сочинение из комитета, по одобрении оного к печати, просим проживающего в Петербурге Статского Советника Елагина, на что он изъявил согласие»[51].

Из приведенного письма видно, что в тот момент, когда рукопись уже была написана саровскими монахами, Елагин о рукописи не имел ни малейшего понятия и мало знал о жизни «иеросхимонаха» Серафима. Действительно, тот информационный массив, который был заложен в эту книгу, подразумевает знание описываемого предмета не по рассказам и присланным документам, а изнутри. Участие Елагина предполагалось только в качестве посредника, взявшего на себя труд по доставке и продвижению рукописи через Цензурный комитет.

Далее в ходе переписки и переговоров, по всей видимости, Елагин сумел убедить саровских иноков в необходимости его участия в некоторой правке текста.

Михайловский-Данилевский 10 сентября 1858 года пишет отцу Иакову: «С нетерпением жду присылки от Вас

описания жизни Отцов Серафима и Марка — жду не дождусь — и Вы право скорей бы прислали ко мне сии манускрипты... Напрасно Вы дали Елагину переправить слог в рукописаниях и напрасно просили его по цензуре, что он может сделать то и я могу и уверен, что цензура не сделает препятствия»[52]. Не искушенные в интригах монашествующие Саровской пустыни пошли на исполнение условий столичного паломника.

12 ноября этого года Михайловский-Данилевский в очередном письме выражает благодарность за присланные рукописи с описанием жизни отца Серафима и Марка и «до земли кланяюсь»[53].

А вот Елагин 4 января 1859 года сообщает отцу Иакову: «...рукописи вашей после Сарова не видал»[54].

Дальнейший ход событий вокруг рукописи прерывист. Вот документ, датированный январем 1861 года. В Цензурный комитет поступило прошение настоятеля Саровской пустыни иеромонаха Серафима: «Доставляя при сем, составленное по верным источникам, сочинение о жизни Иеромонаха здешней обители Отца Серафима, покорно прошу разрешить оное к напечатанию. Получить означенное сочинение у Комитета, по одобрении онаго к печати, просил я проживающего в Санкт-Петербурге Г. Статского Советника Елагина; на что он изъявил согласие, к сему прошению Саровской пустыни Строитель иеромонах Серафим»[55]. То есть на январь 1861 года ситуация с рукописью не меняется, Елагину отведена все та же роль.

Проходит еще два года, и только 15 января 1863 года цензор архимандрит Сергий в отношении этой рукописи делает разрешающую надпись: «Печатать позволяется». Итак, рукопись подготовлена к печати саровскими монахами уже к 1858 году, только в начале 1861-го рукопись передана в Цензурный комитет, и, вероятно, в это время биография старца попадает в руки Елагина. После этого еще два года неопределенности из-за отсутствия документов. Хотя есть документы косвенные, и они могут пролить некоторый свет на суть дела.

Иеромонах Серафим (Пестов) определен настоятелем Саровской пустыни 17 мая 1858 года. Вот как он описывает положение, в котором оказался после избрания на эту должность, в письме отцу Моисею (Путилову): «Послушание, возложенное на мою худость, весьма тягостно мне и по недостатку предусмотрительности и по слабости сил. Обитель наша многолюдна и обширна по занятиям, людей спо-

собных и по должности и по благосоветию весьма мало у нас, так что не с кем сказать слова по расположению, а непременно требуются советы. Сам же я мало опытен и недостаточен знанием в делах, и это весьма затрудняет и обременяет меня... Общежитие требует и деятельности и большой предосторожности и опытности, ибо истинных помощников то мало, а судей и надзирателей много. И со всеми дружись, и всех берегись»[56].

Действительно, игумену Серафиму было кого опасаться. В Дивеевской обители в это время не оставлял свои интриги иеромонах Иоасаф (Толстошеев). Даже после направления его в далекую Вологодскую епархию он публично говорил о том, что «удаляясь... не удаляется от Дивеева, а паче приближается, ибо когда по Высочайшему повелению будет сделан Архимандритом и послан на начальство в Саров, то посмотрит, как саровские встречать его будут»[57].

В это время в Дивеевском монастыре из-за козней Иоасафа проводится следствие. В ходе разбирательства к ответу были привлечены и настоятель Саровского монастыря, и его делопроизводитель отец Иаков, активно помогавшие дивеевским сестрам в обустройстве[58]. После завершения следствия все обвинения с саровских монахов были сняты, Дивеевский монастырь временно переведен в Тамбовскую епархию, и отец Серафим продолжил о нем свое попечение. В этот период заниматься рукописью просто не было ни сил, ни возможности.

Тем не менее в начале 1861 года рукопись попала в руки Елагина. Договоренность того, что он поправит слог, была. И что же? В архивах Саранска и Пензы сохранился разрозненный экземпляр рукописи под названием «Жизнь старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника». Она представляет собой цензорский экземпляр опубликованного в 1863 году «Жития». На страницах этого манускрипта сохранились записи цензора, архимандрита Сергия, и правка, сделанная собственноручно Елагиным. Предисловие полностью написано Николаем Васильевичем[59]. В первой главе он забраковал вступление под названием «Общий характер жизни старца Серафима»[60]. Оно очень интересно исследователю своей первозданностью.

«Жизнь христианина слагается из трех начал, кои суть: требования и дух Церкви, отношения к обществу, среди которого поставлен он, и, наконец, собственная его природа со всеми ее естественными потребностями, горними и зем-

ными, добрыми и худыми, духовными и чувственными. Соединяясь вместе, эти начала переплетаются одно с другим в удивительно разнообразных отношениях. Но на самой высокой степени христианин, отрицаясь всего личного, греховного, чувственного, земного, посвящает себя всецело душою и телом духу и правилам Веры и Церкви, работая им всю жизнь свою, руководствуя и ближних своих к благополучию и спасению. На сем-то, в христианском смысле, царственном пути, доступном лишь для малого числа избранных, всю жизнь непоколебимо стоял, горел и светил старец отец Серафим Саровский».

Затем в этой главе Елагиным сделана вставка объемом в две страницы. Во второй главе написаны сокращенные варианты четырех абзацев. Затем в девятой главе «Последние годы жизни» вставлено предсказание строителю Высокогорской пустыни отцу Антонию (Медведеву) о его перемещении в Троице-Сергиеву лавру[61] и выдержка из жизнеописания затворника Задонского монастыря отца Георгия. Десятая глава, имевшая подзаголовок «Приготовление к смерти, кончина и погребение», содержала переписанные на свой лад события 1 января и скорбного утра 2 января 1833 года[62]. По всей книге Елагин делал отдельные правки, как то: вместо написанной фамилии оставлял только инициалы; фраза «восприемными отцами его от Евангелия» заменялась на «восприемными отцами его при пострижении» и т. д.

Отец Иаков оставил после себя много записок. Среди записей о событиях в жизни обители встречаются многочисленные вкрапления его стихотворных опытов:

.....
Среди напастей, бед и искушений
Могу ли возроптать на Бога моего,
Коль все влечется к доброй цели,
Рукой владычества Его[63].
.....
Вот снова начался круг года с Генваря,
Все та же вечерняя и утренняя заря,
Все те же дни, и тот же видишь свет,
И нового под солнцем нет[64].

В «Житии» настоящий автор скромно говорит о том, что «какой-то неизвестный нам, стихотворец... воспел его жизнь (отца Серафима. — *В. С.*)... не замечательных по форме»[65].

Как уже говорилось в главе «Могилу тихую кропим слезою...», в стихотворении, посвященном преподобному Серафиму, цензор архимандрит Сергий заменил семнадцатую авторскую строку «Он сам, казалось, с неба сшел лишь погостить», и до недавнего времени она читалась так: «Он сам, казалось, жил, чтоб только погостить». Как видим, судьба книги оказалась довольно непростой.

И, кажется, наступило время опубликовать первоначальный вариант этой замечательной книги без купюр и изъятий в авторской редакции. Рукопись хотя и разрознена, но вполне доступна для работы и издания.

В июле 1863 года, когда жизнеописание старца Серафима уже увидело свет, в Санкт-Петербурге состоялась встреча Елагина и представителя Саровской пустыни. То, как она проходила, зафиксировано на одной из страниц рукописного варианта «Жития», где рукой отца Иакова написано:

«На первом листе одного печатного экземпляра подписано так:

"Право на издание сей книги передано навсегда Саровской пустыне.

Действительный Статский Советник *Николай Елагин.*
23 июля 1863-го года. СПетербург.

Вознаграждение за передачу сей книги от Саровской пустыни, вполне получил.

Дейст. Стат. Сов. *Елагин.*
23 июля 1863 года".

Тут же печать саровской библиотеки и архивный номер: "Отд. XIII. № 21. № 347. № 572/591"»[66].

Взаимоотношения завершились по-деловому и с подписанием секретных обязательств, в которых ни слова не говорится об авторском вознаграждении Николая Васильевича Елагина. Основная его заслуга, выскажу свое предположение, состояла в том, что книга увидела свет под заглавием «Житие преподобного отца нашего Серафима Саровского». Обычно житие составляется к моменту осуществления процедуры причисления человека к лику святых. В отношении старца Серафима, скончавшегося всего 30 лет назад, такая публикация — это большая заявка на будущее. Видимо, для прохождения книги через цензуру Елагин убедил саровского настоятеля разрешить ему называть книгу своей.

И последнее — в «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» Чичагова читаем характеристику Ивана Тихоно-

ва (Толстошеева), и тут же дана оценка «Жития» 1863 года: «Каждая печатная или рукописная строка, касающаяся памяти, подвигов и чудес великого праведника отца Серафима, составляет ныне драгоценный вклад в историю Дивеевской обители и Саровской пустыни, но, несмотря на это, авторы жизнеописаний батюшки Серафима, между которыми первое место занимают г. Елагин и Саровские иноки ... не поместили в своем труде многих показаний послушника Ивана Тихонова...»[67]

Отец Леонид Чичагов (архимандрит Серафим; 1856—1937)

В 1896 году Серафимо-Дивеевский монастырь осуществил издание книги под пространным названием «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии Ардатовского уезда. С жизнеописанием основателей ее схимонахини Александры, урожденной А. С. Мельгуновой, и блаженного старца иеромонаха Серафима и его сотрудников: М. Мантурова, протоиерея о. Садовского, блаженной Пелагеи Ивановны Серебренниковой, Н. А. Мотовилова, сподвижниц обители и других». Автором-составителем был священник Леонид Михайлович Чичагов. Выходец из древней аристократической семьи, родился 9 января 1856 года. Обучение проходил в Первой Санкт-Петербургской военной гимназии, затем с 1870 года — в Пажеском Его Императорского Величества корпусе с зачислением в пажи к Высочайшему двору. По окончании обучения в 1875 году был произведен в подпоручики и направлен в Конно-артиллерийскую бригаду. Уже через год он принимает активное участие в боевых действиях Русско-турецкой кампании, проявляя при этом истинный героизм.

По возвращении в столицу в 1878 году молодой офицер знакомится с праведным Иоанном Кронштадтским, ставшим его истинно духовным отцом.

В апреле 1879 года Леонид Михайлович заключил брак с дочерью камергера императорского двора Натальей Николаевной Дохтуровой. Спустя два года, получив чин гвардии штабс-капитана, Чичагов направлен на маневры французской армии, где показал себя как большой специалист в артиллерийском деле. За эту миссию Леонид Михайлович к своим многочисленным наградам прибавил высший орден Франции – Кавалерийский крест ордена Почетного легио-

на. Весной 1890 года заслуженный офицер уходит в отставку, и уже находясь на отдыхе от ратных дел, произведен в чин полковника.

Все это время Леонид Михайлович не оставлял мысли о принятии священнического сана. И вот в феврале 1893 года в Московском синодальном храме Двунадесяти апостолов происходит его рукоположение, давшее начало его служению в должности приходского священника, обремененного дополнительно и заботами о восстановлении своего храма. На этом новом поприще отец Леонид весьма преуспел и к десяти боевым орденам и медалям прибавил награду из духовного ведомства.

Первые годы священнического служения омрачила тяжелая болезнь и безвременная кончина жены Натальи Николаевны в 1895 году. Ее похоронили в Серафимо-Дивеевском монастыре. На этот момент Леонид Михайлович уже был знаком с Саровской пустынью, местом духовных подвигов старца Серафима и Дивеевской обителью — хранилищем памяти о великом подвижнике. К 1896 году Леонид Михайлович подготовил свою знаменитую «Летопись». Основу ее составили рукописные материалы о старце Серафиме, его времени и о становлении Дивеевского монастыря, хранившиеся в женской обители. Биография отца Серафима переписана в основном из «Жития» 1863 года. Для характеристики Саровского монастыря автор использовал и книгу отца Авеля «Достопамятные иноки». Очень объемную по содержанию «Летопись» Леонид Михайлович подготовил за довольно короткий срок. Это оказалось возможным благодаря наличию опыта литературного труда и тому, что автор использовал в своей работе метод компиляции. До настоящего времени рукописный архив Дивеевского монастыря не найден, и тем ценнее эта книга. Сравнивая приведенные в книге различные указы и рапорты с находками в архиве, можно сказать, что они приведены буквально дословно. Вероятно, таким же образом Л. М. Чичагов работал и с архивом Дивеева. А вот работа с архивом Саровской пустыни не прослеживается.

Тем не менее выход в свет этого труда имел огромное значение в деле причисления старца Серафима к лику святых Русской православной церкви. В 1903 году, когда полным ходом шли приготовления к торжествам прославления, книга вышла вторым изданием.

К этому моменту Леонид Михайлович уже стал иеромонахом, приняв дорогое для себя монашеское имя Серафим. И неудивительно, что основная забота по организации тор-

жеств по прославлению старца Серафима легла на его плечи. Как мы знаем, этот праздник был проведен на самом высоком уровне.

В 1905 году настоятель Спасо-Евфимиева монастыря архимандрит Серафим возведен в сан епископа Сухумского. Затем владыка возглавил епархии в Орле, Кишиневе. В 1912 году он уже архиепископ Тверской и Кашинский. Все эти годы, до самой революции, были посвящены укреплению православия на местах его служения. Возводились больницы, школы, библиотеки и столовые для малоимущих слоев населения. Но слишком глубоко вошли в народную среду революционные метастазы, и во время Февральской революции владыку как человека, не отступившего от присяги, отлучили от служения в своей епархии.

Несмотря на это, благодаря своим незаурядным качествам характера и духовным свойствам, владыка Серафим в 1917–1918 годах избран членом Московского поместного церковного собора. На Поместном соборе было восстановлено патриаршество во главе со святителем Тихоном. Владыку Серафима возводят в сан митрополита Варшавского и всея Польши, но из-за перипетий Гражданской войны к месту своего служения он не попал.

А в 1922 году его впервые подвергают аресту и высылке в Архангельск на четыре года. После возвращения из ссылки и временного проживания в городе Шуе в 1928 году митрополит Серафим назначен управляющим Ленинградской епархией. Как всегда, самым активным образом он подключился к духовной и общественной жизни своей епархии. Спустя пять лет, под давлением советской власти, владыка отправлен на покой. В конце 1937 года его вновь арестовывают, и только более пятидесяти лет спустя родственникам владыки было сообщено, что 11 декабря 1937 года на полигоне в Бутове под Москвой митрополит Серафим (Чичагов) расстрелян.

Имя владыки Серафима стараниями внучки Варвары Васильевны Черной (в монашестве игуменьи Серафимы)*

---

* *Варвара Васильевна Черная* (урожденная *Резон*; 1914—1999) — видный ученый-химик, лауреат Государственной премии, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Внучка священномученика митрополита Серафима (Чичагова). После кончины мужа, 13 октября 1994 года, приняла монашеский постриг с именем Серафима. Вскоре мать Серафима возведена в сан игуменьи и возглавила возрожденный Новодевичий монастырь. Приложила много сил для увековечивания памяти своего деда.

было реабилитировано 10 ноября 1988 года, а 23 февраля 1997 года[68] священномученик Серафим (Чичагов) причислен к лику святых Русской православной церкви[69].

Потихоньку, полегоньку и не вдруг...

70 лет — такой срок отвело время на выяснение значимости личности отца Серафима для Саровской пустыни и для России. История Саровской пустыни с момента ее образования, события 1903 года позволяют утверждать, что до прихода в нее Прохора Мошнина — это становление духовной колыбели, с приходом — возвышение монастыря как духовного центра.

70 лет — срок довольно большой для испытания народной памяти о старце Серафиме. Каким образом старец Саровского монастыря достиг зенита народного почитания и как было принято решение о причислении его к лику святых Русской православной церкви — вопрос непростой и до сих пор до конца не выясненный.

После 1903 года архимандрит Серафим (Чичагов) написал второй том «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», где он якобы описал все события, происходившие в Синоде в связи с прославлением старца Серафима: кто был «против», кто «за». И если изначально книга не увидела свет из-за цензуры, то вскоре наступившие годы лихолетья, кажется, совсем похоронили этот труд. Архивные хранилища таят в себе еще очень много интересного и неведомого для исследователя, и отчаиваться не стоит — все самые удивительные открытия впереди. А пока попробуем воссоздать события тех далеких лет по тем документам, которые удалось разыскать.

Когда отец Серафим закончил свой земной путь, руководство монастыря, видимо, недопонимало значимость личности отца Серафима. Во всей этой истории удивляет позиция казначея, а затем игумена Исайи (Путилова), родные братья которого, Моисей и Антоний, стояли у зарождения старчества в Оптиной пустыни. В своих письмах брату они неоднократно высказывали огромное уважение к отцу Серафиму. Но, как говорит поэт: «Лицом к лицу / Лица не увидать. / Большое видится на расстояньи». Несмотря на такое пренебрежительное отношение игумена Исайи к имени и памяти отца Серафима, простой богомолец шел к его неприметной могилке, ухоженной дивеевскими сест-

рами, истинными почитателями своего духовного наставника, многое сделавшие в деле его прославления.

Духовные подвиги старца становились предметом изучения и почитания среди столичных иерархов, вот только два имени: митрополит Филарет (Дроздов) и архимандрит Антоний (Медведев).

В мае 1858 года во главе Саровской обители становится человек, первый за многие годы взявший на себя труд по восстановлению памяти о старце Серафиме. Его имя — иеромонах Серафим (Пестов), девять лет живший бок о бок с великим подвижником. Саровская пустынь как бы сбросила пелену со своих глаз, и Серафим вступился за Серафима. Именно при этом настоятеле работа над «Житием» отца Серафима вступила в свою заключительную стадию, и оно было опубликовано в 1863 году. Именно при этом настоятеле активно возобновилась помощь Дивеевской общине, которая в 1861 году получила статус монастыря. Наконец, самое знаменательное событие — 15 января 1864 года умирает монах Феодосий*, занимавший келью отца Серафима, и в этот момент настоятель принимает решение о создании в келье Музея монашеской жизни отца Серафима. Теперь богомольцы могли беспрепятственно заглянуть в келью старца, прикоснуться к стенам, слышавшим его молитву, увидеть под стеклами витрин немногочисленные личные вещи батюшки, сохранившиеся у его почитателей. Правда, с организацией этого своеобразного музея остались нерешенными проблемы, связанные с тем, что в общем коридоре келейного корпуса рядом с кельей отца Серафима проживали еще три монаха, и это, конечно, доставляло монашествующим неудобства. Идея строительства храма над кельей подвижника, кажется, начинает витать в воздухе.

К сожалению, настоятелю Серафиму досталась тоже по-своему нелегкая доля: только через девять лет после определения на руководящую должность он был возведен в сан игумена. Затем в связи с происками Иоасафа (Толстошеева) был оклеветан и находился под следствием, но оправ-

---

* *Феодосий* (*Ефим Матвеевич Жданов*; 1799—1864) — монах. Происхождение из курских мещан. По утверждению монастырского летописца, проживал в Саровской пустыни с 1818 года. В число послушников записан по указу Духовной консистории от 31 мая 1830 года. После смерти отца Серафима поселился в его келье. «Послушание выполняет пономарское и смотрение при монастырских вратах» (ведомость 1848 года). В следующем году у отца Феодосия парализует правую ногу, и его освобождают от послушаний.

дан, и, наконец, в начале 1870-х годов на него вновь поступает донос, за которым следует отстранение от должности.

Конечно, игумен Серафим многого не успел сделать, но почитание старца-пустынника, освободившееся от вольных или невольных пут, уже укоренилось не только среди монашествующих Сарова и сестер Дивеева. Иеромонах Саровской пустыни Паисий*, впоследствии ставший игуменом Михаило-Архангельского Черемисского монастыря в Казанской губернии, вернувшись в 1867 году из путешествия в Иерусалим, прибыл «в родную обитель... в 9 часов вечера, и тотчас пошел прямо на гроб о. Серафима для поклонения». Мы видим, что посещение могилы старца становится обязательным и необходимым, как получение благословения своего духовного отца. Во время путешествия отец Паисий посетил Афон и в одном из затерянных скитов, разбросанных по горным кручам вокруг местечка Кирашах, встретил старца Феофана, который, узнав о том, что в гости к нему пришел паломник из Сарова, рассказал, как его молодой келейник-схимонах пересказывал ему житие отца Серафима. Старец Феофан «удивился, что я из Сарова, выразился так (через переводчика. — *В. С.*)... что, если бы он имел крылья, то желал бы слетать и поклониться подвижническому месту отца Серафима»[70].

Следующим знаменательным событием в истории прославления старца Серафима стало посещение в августе 1886 года Саровского монастыря недавно назначенного на Тамбовскую кафедру преосвященного Виталия (Иосифова)**. Находясь в Сарове с 13 по 18 августа, владыка

---

* *Паисий* (*Петр Никифорович Эрин*; 1814—1883) — игумен (с 13 июля 1876 года). Родился в селе Новый Усад Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Овдовев, в 1854 году поступает в Саровскую пустынь, в том же году определен указом и накрыт рясофором. 2 мая 1859 года пострижен в монашество с именем Паисий. 16 октября 1860 года рукоположен во иеродиакона, 16 декабря 1862-го — во иеромонаха. 13 ноября 1866 года отправился в паломничество на Святую землю, описав свое путешествие в книге «Дневные записки во время путешествия...». 29 августа 1873 года возглавил Михаило-Архангельский Черемисский монастырь Казанской епархии (ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 875. Л. 8 об. — 9).

** *Виталий* (*Василий Александрович Иосифов*; 1831—1892) — епископ Калужский и Боровский (с 3 июня 1890 года). 1 октября 1856 года рукоположен в сан священника. Овдовев, поступил в Киевскую духовную академию, по окончании которой 29 июня 1865 года пострижен в монашество. 11 апреля 1871 года возведен в сан архимандрита. 20 февраля 1883 года хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. 11 мая 1885 года возглавил Тамбовскую кафедру.

каждодневно вспоминал о старце Серафиме. В день приезда преосвященный, обходя территорию монастыря, посетил могилу и келью подвижника. Причем, осматривая келью, с сожалением заметил о скудости вещественных предметов, хранящихся в обители и сопутствовавших старцу при жизни. «Поскорбел, что и кельи его пустынные не уцелели в Сарове, а перешли вместе с прочим в Дивеев»[71]. На следующий день владыка после литургии совершил соборную панихиду по отцу Серафиму, с литией у надгробного памятника. 15 августа — престольный праздник Саровской пустыни, состоящий из большого количества обязательных мероприятий: богослужения, водосвятие, крестный ход, пострижение в монашество и т. д. и т. п. Несмотря на такой плотный график, владыка после всенощной посетил источник отца Серафима. 17 августа после ознакомления с хозяйством Протяжного и Филиппова дворов владыка осмотрел Дальнюю пустынку и камень отца Серафима. «Здесь владыка выразил желание видеть на местах подвигов отца Серафима восстановленными здания пустынных его келий в том виде, как они существовали при нем, а над камнем устроить часовню, из монастырской же келии сделать церковь»[72]. 18 августа (в день отъезда) владыка, выйдя «из своих покоев, направился к могиле о. Серафима, где выслушав литию, прибыл в Успенский собор». При прощании с братией монастыря преосвященный выразил пожелание о восстановлении в Саровской пустыни старческого руководства по примеру древних и современных обителей, «что было когда-то и в Сарове».

После этого посещения монастырское начальство во главе с игуменом Иосифом* всерьез задумалось над вос-

---

* *Иосиф* (*Иван Петрович Шумилин*; 1818—1892) – игумен. В 1843 году поступил в пустынь. 22 октября 1850 года пострижен в монашество. 15 августа 1854 года рукоположен в сан иеродиакона. 15 августа 1857-го — в сан иеромонаха. 1 декабря 1872 года избран на должность настоятеля, 15 августа 1874-го — возведен в сан игумена. 11 августа 1877 года награжден наперсным крестом, 28 апреля 1880-го — знаком «Красный крест» II степени, 6 июля 1882-го — орденом Святой Анны III степени, 13 апреля 1886-го — орденом Святой Анны II степени. 15 января 1890 года указом Святейшего синода игумену Иосифу предписано принять в качестве настоятеля, с возведением в сан архимандрита, Вяземский Иоанно-Предтечев монастырь Смоленской епархии. В январе 1890 года — прошение игумена Иосифа об увольнении от должности по состоянию здоровья и разрешении остаться на покое в Саровской пустыни с принятием великой схимы, разрешение дается 16 апреля 1890 года. 2 июня 1890 года принял схиму с

становлением памятных мест, связанных с именем старца Серафима, на что было получено благословение владыки. Предпринята попытка возрождения старчества — на одной из пустынок поселился монах Анатолий (Петров)*.

Восстановительные работы начались весной 1889 года. Игумен Иосиф по итогам года докладывает начальству: «В течение 1889 года во вверенной мне Саровской пустыне вновь построены:

1. на ближней пустынке старца отца Серафима (при роднике) жилая келия с сенями на каменном фундаменте и у родника купальня на два отделения — мужское и женское. Над самым же родником начата постройка часовни, но в настоящее время она еще не окончена;

2. на дальней пустынке, его же о. Серафима, срублена деревянная келия в том размере, в каком таковая же существовала при жизни старца. Отделкою эта келия тоже еще не окончена»[73].

К сожалению, состояние здоровья игумена Иосифа не позволило ему активно заниматься воплощением задуманного. В декабре 1889 года Саровскую пустынь, по предписанию Синода, возглавил иеромонах Рафаил (Трухин), бывший до этого настоятелем главного собора Русского монастыря Святого Пантелеимона на Афоне. При передаче монастыря под начало игумена Рафаила от прежнего настоятеля им были приняты и собранные от разных благотворителей на построение храма на месте кельи старца Серафима денежные средства в ценных бумагах на сумму 25 тысяч рублей[74].

именем Иоанн II. Похоронен рядом с Успенским собором по левую сторону алтаря.

* *Анатолий* (*Андрей Петрович Петров*; 1833 — после 1919) — монах-затворник. Выходец из мещан города Симбирска. Поступил в монастырь в 1867 году. Определен указом 30 сентября 1871 года. Накрыт рясофором в 1872-м, пострижен в монашество 9 марта 1885 года. В 1889-м нес послушание при келье отца Серафима. В 1909 году «послушание по болезни не несет, пребывает в затворе» (ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1339. Л. 34 об. — 35). Отец Анатолий неоднократно передавал в пользу Саровской обители крупные суммы денег: в 1906-м — 20 тысяч рублей, в 1913-м — 10 тысяч. Из характеристики старца, данной в 1910 году: «Монах Анатолий первую половину монастырской жизни вел общежительную, посещал храмы, выстаивал Богослужения, затем стал жизнь вести более уединенную, последние годы пребывает в затворе» (ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1274. Л. 41). По неподтвержденным сведениям, незадолго до своей кончины посвящен в великую схиму с именем Василий.

Игумен Рафаил активно включился в работу, конечной целью которой было прославление старца Серафима. Уже спустя несколько дней после приезда в монастырь нового настоятеля в канцелярии заведен журнал под названием «Сборник чудес Иеромонаха Серафима»[75], в котором вскоре были записаны исцеления и спасения «числом до 94», бережно и кропотливо собранные сестрами Дивеевского монастыря и братией Сарова. В 1891 году тамбовскому владыке Иерониму (Экземплярскому)* при рапорте направляется «Сборник чудес и исцелений, полученных по молитвам старца о. Серафима», а через месяц более расширенный список[76]. В течение двух лет (с февраля 1892-го по август 1894 года) специальная комиссия Тамбовской духовной консистории изучала собранные случаи исцеления. 25 августа 1894 года в итоговом протоколе записано: «Обследовано 80 событий в 27 епархиях и отметили их как доступные точному и обстоятельному установлению факта, все в достаточной мере подтвердилось». Результаты обследования были представлены в Святейший синод, который после изучения доклада предложил Тамбовской духовной консистории продолжить поиски чудесных событий и записывать их при свидетелях:

«1. Собрать и записать сведения о наиболее замечательных случаях благодатной помощи по молитвам старца Серафима, не бывших доселе записанными, и 2. Тщательно вести на будущее время запись всех могущих быть новых чудесных знамений по молитвам помянутого подвижника»[77].

В 1897 году в Святейший синод направлены дополнительные сведения, собранные саровскими монахами и опять последовала отписка, датированная 9 января 1898 года: «...приняв означенные заявления к сведению, поручить Преосвященному Тамбовскому предписать настоятелю Саровской пустыни продолжать, на прежних основаниях, запись могущих быть новых чудесных знамений»[78].

---

* *Иероним* (*Илья Тихонович Экземплярский*; 1836—1905) — архиепископ Варшавский и Привислинский (с 16 июня 1905 года). В 1861 году окончил Киевскую духовную академию. 19 сентября 1870 года рукоположен в сан иерея. 27 июля 1885 года пострижен в монашество, 28 июля возведен в сан архимандрита. 3 ноября 1890-го хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. 3 июня 1890 года возглавил Тамбовскую епархию. С 30 апреля 1894 года — епископ Литовский и Виленский. 6 мая 1895 года возведен в сан архиепископа. С 27 февраля 1898 года — архиепископ Холмский и Варшавский.

Так бы и продолжалась до бесконечности эта переписка, если бы к делу прославления старца Серафима не подключился священник Леонид Чичагов — составитель «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии Ардатовского уезда. С жизнеописанием основателей ее схимонахини Александры, урожденной А. С. Мельгуновой, и блаженного старца иеромонаха Серафима и его сотрудников: М. Мантурова, протоиерея о. Садовского, блаженной Пелагеи Ивановны Серебренниковой, Н. А. Мотовилова, сподвижниц обители и других». Изданную в 1896 году книгу отец Леонид преподнес императору Николаю II, чем очень заинтересовал царскую фамилию.

Следует отметить, что о старце Серафиме члены императорской семьи знали давно. В 1854 году Николай Мотовилов предпринимал безуспешную попытку попасть на прием к императору Николаю I и направил в подарок 28 камней (для всех высочайших особ) с изображением старца Серафима. Аудиенция не состоялась, но старец Серафим напомнил о себе сам, когда в сентябре 1860 года от его мантии получила выздоровление от тяжелой болезни великая княгиня Мария Александровна. Описание этого чудесного исцеления хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки и интересно своими подробностями

«Исцеление от мантии
Преподобного отца нашего Серафима,
пустынника и затворника Саровской пустыни,
случившееся 1860 года Сентября 21 дня в Санкт-Петербурге.

Начало исцеления было так.

Дивеевской общины от Настоятельницы и с общего согласия опытных и искусных стариц, были присланы за святое послушание седмь сестр в С. Петербург, из коих две обучались мозаичному, а 5 Масляными красками живописному художеству, для изображения Св. Икон.

Продолжая оный святый труд в Славу Божию, и в пользу единодушной и единомудренной о Господе своей общины.

Одна из них художница масляными красками Марья Ивановна, смертельно заболела, так что при рачительном старании, лучших, и опытнейших докторов, ей лучше не было, но час от часу ей стало хуже и труднее, так что она находилась в самом болезненном и сострадательном положении. При отсутствии же врачей, сестра ея по духу Гликерия Васильевна вздумала положить на больную мантию отца

Серафима (которая при жизни еще покойнаго Отца Серафима назначена была в благословение и в память Дивеевской общины сестрам его духовным детям) и как положили на нее оную, то в ту же минуту она заснула, и сделалось по ней ужасная испарина, от которой произошел сильный пот, после непродолжительного сна она проснулась, и с умилительною и благоговейною сердечною радостию, и с благодарением ко Господу сказала окружающим ея, единодушным сестрам, "Слава Богу, я чувствую себя здоровою, кроме одной слабости. Как положили на меня мантию батюшки отца Серафима и я в ту же минуту почувствовала себя легче"; и так далее день от дня ей стало лучше и лучше, и теперь совершенно выздоровела.

Сия благоговейнейшая сестра Мария Ивановна, как по художеству своему, так и по благоговейной жизни ея, известна Ея Величеству Государыне Императрице Марии Александровне, и Боголюбивейшей и благочестивейшей наставнице Анне Федоровне Чутчевой*, и Великой княжне Марии Александровне. На вопрос фрелины, если лучше Марье Ивановне? Сестра Гликерия Васильевна отвечала; что, Слава Богу! Ей за святыми молитвами батюшки отца Серафима стало лучше, и теперь она день ото дня стала выздоравливать. Наставница же с удивлением спросила: отчего она так скоро выздоровела? Гликерия же Васильевна убоясь Бога, и благоговея к Наставнику своему преподобному отцу Серафиму, она сочла за тяжкий грех скрыть это радостное событие, и истинное во славу Божию, и в тот час все подробно вышесказанное о исцелении объяснила ей. Наставница же Великой Княжны с верою и благоговением выслушивала и по видимому осталось у нея в душе и сердце вера и любовь к Преподобному Отцу Серафиму.

По прошествии некоторого времени т. е. в Сентябре месяце пред самыми родами Ея Величества Государыни Императрицы Марии Александровны. По желанию Ея Величества княжны Марии Александровны, Его Величество Государь Император изволил взять ее с собою гулять, и довольно гулявши она весьма вспотела, и пришедши в комнату она тотчас почувствовала в горле простудную боль, и во всем теле сильный жар, и час от часу все почувствовала хуже и тяжелее, а особенно в горле, Его Императорское Величество Государь, как причиною Ея простуды, грустно о ней скорбел, и как видно было по замечанию некоторых, даже

* А. Ф. Тютчева.

и заметила Ея Величество Государыня, что Он от жалости и сердечнаго сострадания весьма изменился в лице, потому что это самыя минуты наступили Ея Величеству Государыне Императрице к разрешению, в сии самыя минуты он беспрестанно то, подойдя к Государыне постоит несколько минут, то отходил к Великой Княжне, и находил Ея более и более слабее и труднее, и поэтому приняты были крайние меры лучшими Докторами, но при всех их Теоретических и практических знаниях и старании остались тщетными.

Наставница княжны Анна Федоровна, видя Ея в таком тяжком болезненном и томительном и отчаянном положении, вспомнила исцелевшую прежде сказанную сестру Марию Ивановну, спросила у Государя дозволения послать за мантией отца Серафима, к прежде реченной сестре Гликерии Васильевне. Его Величество Государь с радушным желанием дозволил за оною, и в ту же минуту было исполнено сердечное желание, благочестивой наставницы и воля Государя. Сестра же Гликерия Васильевна в скором времени принесла мантию отца Серафима, и отдала ее Наставнице, т. е. фрелине Анне Федоровне Чутчевой. Его Величество Государь самую эту минуту с душевною скорбию стоял уже казалось умирающею княжною на коленях, и смотрел на нее со слезами. Наставница же принесшую мантию показала Его Величеству Государю с словами: "Вот Ваше Величество мантия Отца Серафима!" Он взявши оную в руки, и перекрестился, и приказал ту же минуту положить на больную княжну уже близь смерти томившуюся, и лишь только положили на нее мантию, и Она в ту же минуту заснула, и перестала томится, Его Величество Государь видя Ея успокоившуюся в ту же минуту отошел к Государыне.

Княжна же после довольно продолжительнаго сна проснулась — и встала в сильном поту, и вдруг чихнула! И в ту же минуту выскакивает у нея из ноздрей запекшияся материя, Материя с кровью как две пробки, а из горлушка выскочила на подобие ореха — тугой жевлак с кровию же, и в ту же минуту проговорила: Что Она теперь Слава Богу здорова, и чувствует себя много легче, и перекрестясь целовала с Ангельскою радостию мантию отца Серафима. И тут же с радостным лицом просила позвать к себе Гликерию Васильевну, которая с радостными слезами поздравляла Ея с дивным Исцелением!!! Княжна же сказывала окружающим Ея, говоря: "Что я хотя и не могла ничего говорить, но все помнила как на меня положили мантию отца Серафима, и я сейчас почувствовала себя легче, и мне очень захоте-

лось спать, и проснувшись как вы видите, и я чувствую мне легче".

После сего радостного и чудесного исцеления доложили Их Императорским Величествам Государю и Государыне о исцелении княжны. Они же выслушавшие о сем с радостными слезами, благодарили Бога, Ея Величество Государыня тотчас пожелала видеть мантию отца Серафима, и взявши в руки лобызала оную с благоговейным удивлением! С словами: "Боже мой, Боже мой! Какая убогая и нищетная сия мантия творит чудеса! Она истинно освящена праведника молитвою и многолетними трудами!!!"

И эта мантия теперь со благоволением хранится во дворце, и в комнате у Ея Высочества Княжны Марии Александровны и сделан для нея особый шкаф, и теплится в лампадке неугасимое масло, и вся комната Княжны увешана изображениями разными отца Серафима»[79].

Упоминавшийся несколько ранее саровский путешественник иеромонах Паисий во время остановки в Санкт-Петербурге был приглашен к великому князю Сергею Александровичу. После длительной беседы Сергей Александрович изъявил желание получить книги по истории монастыря и «о жизни старца нашего отца Серафима» (желание его исполнено; книги из Саровской пустыни ему были высланы).

В 1896 году получил книгу и Николай II, и эта книга («Летопись» Леонида Чичагова) пробудила у императора желание причислить старца Серафима к лику святых Русской православной церкви. Это видно из письма обер-прокурора Святейшего синода Константина Петровича Победоносцева дворцовому коменданту Петру Павловичу Гессе от 18 сентября 1902 года: «По известному делу о прославлении старца Серафима, особливо интересующему Государя Императора, Его Величеству угодно иметь объяснение с архимандритом Суздальского монастыря Серафимом (Чичаговым), *подавшим Государю несколько лет назад первую мысль о сем предмете*»[80] (курсив мой. — *В. С.*).

Видимо, эти события послужили толчком к возобновлению переписки между Синодом, Духовной консисторией и монастырем о записи новых «чудесных знамений по молитвам подвижника». Несмотря на огромное количество чудесных событий, вопрос о прославлении вновь утонул в бюрократической трясине.

В январе 1898 года из Синода последовал очередной указ с предписанием настоятелю Саровской пустыни про-

должать запись «могущих быть новых чудесных знамений», и все замерло на четыре года. Эти слова не относятся к монашествующим Сарова и Дивеева — здесь, на местах, все как раз кипело и бурлило, и, самое главное, продолжалось строительство храма над кельей старца Серафима, заложенного в 1897 году. Но, видимо, так было предопределено свыше, что торжества прославления должны состояться в 1903-м — не ранее и не позже срока, когда будет закончено строительство храма, застраивавшегося в честь Святой Троицы, но освященного в итоге во имя нового святого — Серафима Саровского.

Только летом 1902 года вопрос о прославлении старца был вновь затронут, и затронут на самом высоком уровне. Вот как это описывает Сергей Юльевич Витте:

«По-видимому, там (на даче великого князя Петра Николаевича около Петергофа. — *В. С.*) и родилась мысль о провозглашении старца Серафима Саровского святым. Об этом эпизоде мне рассказывал К. П. Победоносцев так.

Неожиданно он получил приглашение на завтрак к Их Величествам. Это было неожиданно потому, что К. П. в последнее время пользовался очень холодным отношением Их Величеств, хотя он был один из преподавателей Государя и Его Августейшего батюшки. К. П. завтракал один с Их Величествами, и после завтрака Государь в присутствии Императрицы заявил, что он просил бы К. П. представить ему ко дню празднования Серафима, что должно было последовать через несколько недель, указ о провозглашении Серафима Саровского святым. К. П. доложил, что святыми провозглашает Святейший Синод и после ряда исследований, главным образом основанных на изучении лица, которое обратило на себя внимание святою жизнью, и на основании мнений по сему предмету населения, основанных на преданиях. На это Императрица соизволила заметить, что "Государь все может". Государь соизволил принять в резон доводы К. П., и последний при таком положении вопроса покинул Петергоф и вернулся в Царское Село, но уже вечером того же дня получил от Государя любезную записку, в которой он соглашался с доводами К. П., что этого сразу сделать нельзя, но одновременно повелевал, чтобы к празднованию Серафима в будущем году саровский старец был сделан святым. Так и было исполнено».

В июле 1902 года в «Церковном вестнике», издаваемом Санкт-Петербургской духовной академией, опубликовано официальное заявление:

«Действия правительства:
Высочайшая воля относительно прославления
иеросхимонаха Сарафима Саровского.

В православном русском народе с глубоким благоговением чтится память скончавшегося 2 января 1833 года подвижника Саровской пустыни иеромонаха Серафима. К месту иноческих подвигов его и вечного упокоения непрестанно во множестве стекаются из разных мест России богомольцы, прося предстательства и молитв его пред Господом и по вере своей получая или исцеление от болезней, или чудесную помощь в нуждах житейских. Более ста случаев благодатной помощи по молитвам старца Серафима внесено уже по бывшим с 1895 г. предписаниям Святейшего Синода в особые ведущиеся при Саровской обители записи. Веру народную в святость старца Серафима и его предстательство пред Богом за притекающих к нему с молитвою разделяет и венценосный вождь русского народа благочестивейший Государь Император Николай Александрович. Ныне, в день рождения старца Серафима, 19 июля, Его Величеству благоугодно было воспомянуть и молитвенные подвиги почившего, и всенародное к памяти его усердие и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Святейшем Синоде дело о прославлении благоговейного старца. Святейший Синод признал ныне благовременным приступить к потребным для сего распоряжениям, каковые употреблялись прежде сего в подобных случаях».

Итак, сухой строкой официального заявления наконец подведен итог деятельности не одного поколения почитателей великого старца. До объявленного праздника причисления отца Серафима к лику святых Русской православной церкви оставался один год. За этот год произошло много событий, но ничто уже не могло помешать свершению пожеланий народа. Вот так: «Потихоньку, полегоньку и не вдруг...» — как говорил старец в своих наставлениях — все и свершилось.

Глава четвертая

ТОРЖЕСТВА ПРОСЛАВЛЕНИЯ

После обнародования «Деяния Святейшего Синода» от 29 января 1903 года началась подготовка к прославлению старца Серафима в лике святых Русской православной церкви.

Святейший синод предписал митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию вместе с епископами Тамбовской и Нижегородской кафедр совершить 19 июля 1903 года торжественное открытие мощей преподобного отца Серафима.

В монастыре с удвоенной силой продолжались строительные и ремонтные работы. В храме преподобного Серафима (над его кельей) установлен временный одноярусный иконостас. Изготовлен пол из бетонных и метлахских плиток. Над кельей старца устроен купол. В окна вставлены двойные рамы с «бемским» стеклом. Наружные стены окрашены в красный цвет. Устроены три входные паперти с лестницами.

Бывший игуменский корпус подготовили для встречи императорской четы. Для императора и императрицы обустроен второй этаж. Первый этаж подготовили для встречи великого князя Сергея Александровича с супругой Елизаветой Федоровной. Стены, потолок, переборки, окна, двери и лестница обшиты филенчатой доской из соснового дерева. Полы на двух этажах выполнены из паркета. В окна вставлены двойные рамы с «бемским» стеклом. Для внутреннего обустройства покоев из московских кремлевских дворцов специальным транспортом перевезены мебель, посуда, бронза, фаянс, ковры и прочие необходимые вещи (привезли даже марлю на окна, для ограждения высоких гостей от злых саровских комаров)[1]. По окончании торжеств вся обстановка «Царского дворца», как его стали

называть, была подарена Саровской пустыни в «собственность обители без возврата»[2].

Вдовствующая императрица Мария Федоровна заняла архиерейские покои. Здесь же разместились великий князь Михаил Александрович, великая княгиня Ольга Александровна и принц Петр Александрович Ольденбургский. Прочие высокие гости заняли Великокняжеский дом, построенный на берегу Сатиса[3].

Нижегородский губернский инженер докладывал губернатору:

«Вследствие поручения Вашего Превосходительства я осмотрел с гг. исправниками все пункты Арзамасского и Ардатовского уездов, предназначенные для устройства временных ночлежных бараков и других строений для паломников на предстоящее лето, нашел следующее:

при селении Шатки предполагается построить 8 бараков, водогрейню на 2000 человек, приемный покой на 5 кроватей и арестантскую на 10 человек...

в селе Понетаевке предполагается построить один барак на 250 человек, водогрейню и арестантскую на 10 человек, помещение же на 1750 человек и приемный покой на 10 человек выразил желание устроить за свой счет Понетаевский монастырь...

в Арзамасе, осмотренные мною бывшие казармы для войск, являются вполне пригодными и приспособленными до 1000 человек. Второе здание — бывший манеж...

в Ореховце предполагается построить 8 бараков на 2000 человек, водогрейню, приемный покой на 5 кроватей...

в Кременках построить два барака на 500 человек, водогрейню и приемный покой на 5 коек...

в Балыкове построить помещение для 30 арестуемых...

в Дивееве и Вертьянове выстроить 20 бараков на 5000 человек, водогрейню, приемный покой на 10 коек и арестантскую на 10 человек...»[4]

По согласованию с тамбовским губернатором при Саровской пустыни построены 96 бараков, приемный покой, барак для заразных больных, помещение для буйных больных, усыпальница. Кроме этого, кухня и прачечная из двух срубов, шесть баков для воды, колодец, ледники и множество других необходимых построек.

В паломническом «городке», что разместился на правом берегу реки Сатис, построены восьмигранная «царская» часовня и книжная лавка около нее.

Рядом с монастырем устроен мост на сваях через Сатис,

обустроены съезды с откосов, шоссейная дорога с тумбами до почтовой конторы Серафимо-Дивеевского тракта, почтовая контора, часовни, четыре книжные лавки, выстроены две пекарни и выполнено много других необходимых работ для приема паломников.

По проекту князя Михаила Путятина*, на средства императора, изготовлена рака и гробница для мощей преподобного Серафима, установленные в Успенском соборе.

Обеспечение порядка и безопасности высокопоставленных гостей по инициативе Министерства внутренних дел была возложена на добровольную народную охрану из крестьян Нижегородской губернии. Доставка к месту несения службы, обеспечение всем необходимым осуществлялось за казенный счет. Вот как описывал состояние духа, царившего среди охранников, земский начальник Лукояновского уезда: «Что касается поведения охранников, то мне не пришлось ни разу даже сделать простого замечания; высокий же подъем их духа, неподдельный энтузиазм, рвение, усердие и любовь к своему царю — положительно не поддаются описанию. Многие после проезда Его Величества говорили, что теперь можно и умереть! Охранниками по собственной инициативе (и на свои деньги. — *В. С.*) воздвигались арки, путь усыпался цветами и украшался деревьями...»[5]

Так же были приведены «под ружье» полиция и войска. Кроме полицейских чинов с 1 по 21 июля в Сарове и его округе несли службу 80 конных урядников, 18 пеших, 415 стражников и 25 городовых[6]. К 6 июля в Саровскую пустынь отправился 11-й Гренадерский Фанагорийский полк и три сотни казаков. В качестве резерва в Нижнем Новгороде расквартированы четыре батальона 60-й Пехотной бригады[7]. На основных стратегических объектах — монастырское каре, мосты, подъезды, пустыньки, паломнические городки — выставлены караулы.

---

* *Михаил Сергеевич Путятин* (1861—1938) — князь, генерал-майор (с 1911 года). Происходил из древнего княжеского рода, окончил Морское училище. Военную службу начал в 1881 году. С 1900 по 1911 год состоял штаб-офицером для поручений при управлении Гофмаршальской части Министерства императорского двора и уделов. Принимал активное участие в подготовке и проведении торжеств по случаю прославления старца Серафима. Автор проекта раки для мощей преподобного и сени над ней. С 1 января 1911 года по февраль 1917-го — начальник Царскосельского дворцового управления. После событий 1917 года эмигрировал. Умер во Франции.

Проход на монастырскую площадь осуществлялся по пропускам, которые были двух видов: «Пропуск в Собор через Св. Ворота»[8] и для более привилегированных богомольцев «Пропуск всюду»[9].

Для оперативного сообщения со столицами и различными ведомствами было организовано почтово-телеграфное отделение, которое первоначально работало только на нужды по обеспечению безопасности высокопоставленных гостей. Ежедневно из Сарова на имя директора Департамента полиции отправлялись шифрованные телеграммы: «Подана 19-го сего июля 11 часов 35 минут. Сегодняшний день прошел благополучно; состоялось окончательное перенесение мощей в собор и уложение их в раку. В 2 часу дня Их Величества принимали трапезу монастыря, в 5 часов посетили павильон Тамбовского Дворянства, в 10 вечера Их Величества одни ходили к источнику, где купались; полиция не была об этом оповещена, охраняли только мы. Народу пришло еще около 10 тысяч»[10].

Из секретных сводок узнаем о попытке подготовки взрыва железнодорожного полотна во время обратного следования царского поезда; зафиксировано точное время подъезда императорского кортежа к Святым вратам Саровской пустыни — 17 часов 10 минут; при встрече императора отмечается удивительно воспитанное поведение большой массы народа; 16 июля количество богомольцев составляло 25 тысяч — «есть свободные бараки, наблюдается ряд чудесных исцелений, настроение массы религиозное; интеллигенции нет»[11]. В телеграммах порой говорится о срочном перемещении секретных агентов — филеров, например из Арзамаса в Шатки. С ними порой происходили казусы — народная дружина проявила чрезмерную бдительность, о чем свидетельствует в своих письмах жене Владимир Короленко*, который в 1903 году присутствовал на торжествах: «"Слышь, поймали двух: у одного-то два револьверта и полон карман пороху". В Арзамасе уже мне рассказывали, что мужики "задержали" нескольких сыщиков, а одного и избили изрядно»[12].

В июне Святейший синод определил «совершить 18-го

* *Владимир Галактионович Короленко* (1853—1921) — украинский и русский писатель, журналист, публицист, общественный деятель. В 1903 году вместо празднования своего пятидесятилетнего юбилея отправился в паломничество на торжества прославления преподобного Серафима. Свое путешествие описал в письмах жене Евдокии Семеновне.

июля текущего года во всех православных церквах Империи всенощные бдения преподобному Серафиму, Саровскому чудотворцу, по общему чинопоследованию служб преподобным, а 19-го июля — божественныя литургии и после них молебствия. Тем же определением Св. Синода, по ходатайству Тамбовскаго преосвященнаго, разрешил возглашать в церквах Тамбовской епархии имя преподобнаго и богоноснаго отца нашего Серафима, Саровскаго чудотворца, на великих отпустах и в тех церковных молитвах, в которых положено возносить имена святых Православной русской церкви»[13].

3 июля в Саровскую обитель прибыли архиереи — Антоний, Назарий и Иннокентий. В соборном храме в память о старце Серафиме отслужена заупокойная литургия. Во время проведения литургии могила отца Серафима была вскрыта, гроб с останками поднят и установлен в часовне над могилой саровских старцев. По окончании богослужения из Успенского собора духовенство и паломники крестным ходом подошли к часовне, где соборне отслужена панихида по иеромонаху Серафиму.

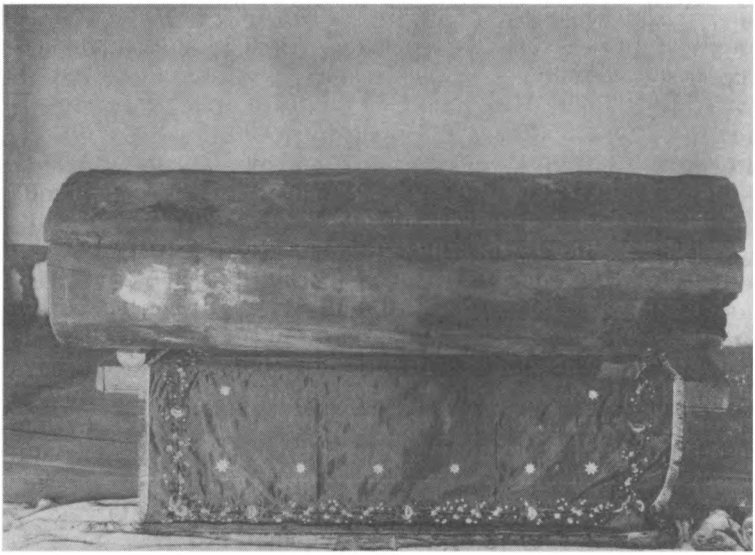
Затем духовенство поднимает гроб старца на руки и с пением «Святый Боже» направляется к церкви во имя Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев. Крестный ход, войдя в храм, возложил гроб на надгробный камень, стоявший до этого на могиле старца. Всем желающим было разрешено поклониться останкам отца Серафима. После этого храм закрыли для доступа богомольцев, а гроб внесли в алтарь для переложения останков в новый, кипарисовый, при этом именная печать митрополита Владимира была снята. Сам процесс переложения продолжался три дня — с 3 по 5 июля.

С 13 июля начинаются торжественные богослужения в Сарове и Дивееве с участием прибывших архиереев.

14 июля в 5 часов вечера во всех часовнях паломнического городка при Саровской обители отслужены молебны, после которых состоялся крестный ход с большим количеством богомольцев до часовни, расположенной на пути в Дивеево.

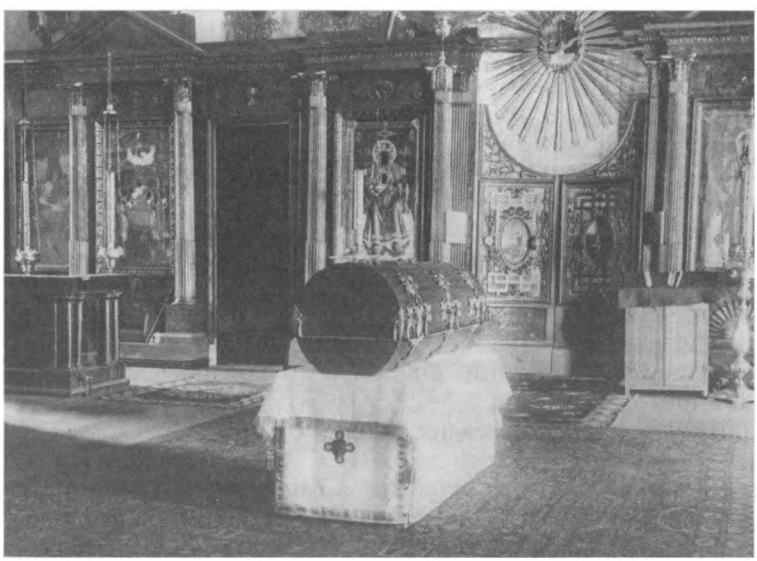
15 июля в Успенском соборе архиепископ Казанский Димитрий служил литургию, затем соборно служился молебен.

16 июля в Дивееве собрались представители обществ хоругвеносцев от двенадцати городов и сёл. Перед Троицким собором совершается торжественная панихида отцу Сера-

Гроб-колода, в котором был погребен преподобный Серафим. *Фото 1903 г.*

Новый кипарисовый гроб, в который были помещены мощи преподобного Серафима. *Фото 1903 г.*

фиму, а затем во время молебна освящаются все хоругви. По окончании молебна собравшиеся крестным ходом отправились ко кладбищенской Спасо-Преображенской церкви.

В Саровской обители, в 12 часов дня, по удару в большой колокол в храмах и часовнях начались служиться панихиды, в которых поминались имена всех, кто так или иначе имел отношение к личности отца Серафима — родителей, настоятелей обители, епископов.

В 6 часов вечера начался парастас во всех храмах обители, за исключением тех, где проходила исповедь.

17 июля в два часа ночи торжественно зазвучал большой колокол в Дивеевском монастыре, и все участники предстоящих торжеств собрались на Соборной площади. Архимандрит Нижегородского Благовещенского монастыря Сергий совершил краткий молебен, а затем, в определенном порядке, в 3 часа крестный ход выступил по направлению к святой обители старца Серафима.

На протяжении всего пути исполнялся канон Богоматери и священные песнопения. Крестный ход делал краткие остановки в часовнях, стоявших на пути, для совершения кратких литий.

В 7 часов утра из стен Саровской обители во главе с епископом Иннокентием выступил крестный ход навстречу крестному ходу из Дивеева. Встреча состоялась в 8 часов у ближней часовни. При приближении к часовне представители дивеевского крестного хода передали чудотворную икону Божией Матери «Умиление» преосвященному Иннокентию. Владыка осенил ею всех присутствующих на четыре стороны, в это время хор монахинь пел: «Пресвятая Богородица, спаси нас». Там же, у часовни, владыка совершил краткое молебствие Божией Матери, и, объединившись, крестный ход направился в Саровскую обитель.

В 10 часов крестный ход вступил в Саровский монастырь. Икона «Умиление» была установлена в Успенском соборе, и началась Божественная литургия, которую проводил митрополит Антоний. По окончании литургии к собравшимся обратился епископ Нижегородский Назарий с объяснением событий, свидетелями которого становятся все присутствующие.

Вскоре из Арзамаса поступило сообщение о выезде царского кортежа.

На границе Нижегородской и Тамбовской губерний императора Николая II встречала торжественная депутация с хлебом-солью. По предложению тамбовского губернато-

ра среди встречающих находилась большая группа представителей губернии по национальностям «великороссы, малороссы, белороссы, мордва, мещеряки, татары в их национальных настоящих костюмах, конечно, из числа представительных и видных собою»[14].

Дорогим гостям на серебряном матовом блюде с гербом Тамбовской губернии хлеб-соль преподнес губернский предводитель дворянства князь Николай Николаевич Чолокаев. Император ступил на Тамбовскую землю, пройдя через красочно украшенную триумфальную арку, изготовленную по эскизам петербургской художницы Варвары Петровны Шнейдер. На опушке леса была выстроена сень-куща в самом примитивном виде, как бы говоря о древней истории этих мест. Вдоль дороги высоких гостей ждали депутации от различных слоев населения, особенно императорскую чету поразили национальные костюмы мордовок. Императору были поднесены хлеб-соль: на серебряном блюде с гербами двенадцати уездов Тамбовской губернии — ее представитель М. П. Колобов; на деревянном резном блюде с гербом города Тамбова от граждан города Тамбова — городской голова В. В. Москалев; на серебряном блюде с двенадцатью гербами уездных городов Тамбовской губернии представитель – Моршанский городской голова А. И. Рымарев; на деревянном резном блюде депутат волостных старшин от крестьян Тамбовской губернии — волостной старшина Корсанов; на деревянном расписном блюде — от национальных групп населения. От крестьян Вишневской, Подгоренской волостей преподнесли икону-складень святителя Николая и преподобного Серафима; от крестьян всей губернии — расписное блюдо с яйцами; от крестьянок села Соломенки Моршанского уезда — два вышитых образа и полотенце[15].

В монастыре наступило время ожидания прибытия императора и его свиты. В 4 часа вечера ударом в большой колокол начался благовест, оповещающий о скором прибытии высоких гостей. В 5 часов зазвучали все монастырские колокола. В начале шестого часа из леса показался первый экипаж, запряженный четверкой лошадей. В экипаже находились император Николай II и императрица Александра Федоровна. Крики «ура!» сопровождали кортеж на всем пути следования.

У Святых ворот высоких гостей встретил вместе со всем духовенством митрополит Антоний и приветствовал следующими словами: «Святая обитель Саровская радостно

встречает Тебя, благочестивейший Государь, прибывшаго ныне сюда принять молитвенное участие в торжествах прославления великаго ея подвижника, приснопамятнаго старца, иеромонаха Серафима. И все великое множество собравшагося здесь народа православнаго радуется лицезреть Царя своего, с ним вместе молящагося и разделяющаго светлое его торжество. Гряди же с миром, Государь, в обитель сию, и молитвами прославляемаго угодника Божия да будет благословенно от Господа вхождение Твое»[16].

Вступив на землю Саровской обители, император и сопровождающие его лица окунулись в праздничный водоворот событий. Программа пребывания царственных особ была расписана по часам и минутам:

«*17 июля. Четверг.* В 12 часов дня прибытие на Арзамасскую платформу.

Посещение павильона Нижегородского дворянства.

В 1 час отъезд в экипажах.

Близ села Глухова в 35 верстах от Арзамаса чай.

½ 7 часов прибытие ко святым воротам Саровского монастыря.

Митрополичья встреча.

Посещение церкви Святых Зосимы и Савватия для поклонения гробу преподобного.

В 7 часов прибытие в апартаменты.

В 8 часов обед в апартаментах Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны.

18 июля. Пятница. Посещение церкви Св. Зосимы и Савватия, могилы и келлии преподобного и осмотр всего монастыря.

В 11 часов 15 минут выход в собор к панихиде.

В 1 час завтрак.

½ 3 часа поездка на ближайшую и прогулка пешком на дальнюю пустынки.

В 4 часа 45 минут возвращение во Дворец — чай.

В 6 часов всенощная с крестным ходом.

В 11 часов ужин.

19 июля. Суббота. В 8 часов 30 минут утра литургия, молебен и крестный ход до 12 часов 30 минут.

В 2 часа трапеза до 3 ½ часов.

Посещение павильона Тамбовского дворянства.

В 8 часов 30 минут обед.

20 июля. Воскресенье. В 8 часов выход в собор к краткому молебствованию и отъезд из монастыря.

В 8 часов 45 минут прибытие в Городок.

В 9 часов отъезд из Городка
В 10 часов прибытие в Дивеево.
В 1 час завтрак.
В 2 часа выезд в экипажах.
В 6¾ часа прибытие на станцию Арзамас.
В 7 часов отход поезда»[17].

Эта программа порой нарушалась высокопоставленными гостями, и лицам, осуществлявшим их охрану, приходилось всегда быть начеку, так как в любой момент был возможен «неожиданный Высочайший выход к ранней обедне» или пеший поход к святому источнику и т. д.

Из дневника Николая II:

17 июля — «На границе Тамбовской губернии опять большая встреча от всех сословий. Очень живописны крестьянки в своих нарядах и мордовки также.

В шесть часов въехали в Саровскую обитель. Ощущалось какое-то особое чувство при входе в Успенский собор и затем в церковь Святых Зосимы и Савватия, где мы удостоились приложиться к мощам святого отца Серафима.

В 6 с ½ часов вошли в наш дом. Мама* живет напротив. Весь двор был наполнен огромной толпой богомольцев. Обедали в 8 с ¼ у Мама всей семьей. Вечером исповедались в келии преподобного Серафима внутри нового храма, у схимонаха Семиона** — бывшего офицера. Потом повели туда Мама. Легли спать довольные и не усталые»[18].

18 июля — «Встали в 5 с ½ и пошли к ранней обедне с Мама. Причастились Св. Христовых Тайн. Обедня окончилась в 7 часов.

От 9 до 10 с ½ осматривали церкви и спускались в пеще-

---

* М а м а́ — вдовствующая императрица Мария Федоровна.

** *Симеон* (*Стефан Лаврентьевич Толмачев*, 1838—1915) — иеросхимонах. Происходил из дворянской семьи Курской губернии. Учился в Первом кадетском корпусе. Оставил военную службу в чине подполковника. В пустынь поступил в 1876 году и выполнял послушание в монастырской хлебопекарне. Определен указом 10 марта 1878 года. Накрыт рясофором 15 апреля 1878 года. Пострижен в монашество и наречен Серафимом 9 октября 1882 года. Рукоположен в иеродиакона 15 августа 1886 года, в иеромонаха — 12 августа 1890-го. Пострижен в великую схиму и наречен Симеоном 2 марта 1896 года. Выполнял послушание библиотекаря, принимал участие в подготовке полного описания Саровской пустыни и пятого издания «Жития» старца Серафима. Награжден набедренником 15 августа 1900 года. Во время прославления преподобного Серафима 19 июля 1903 года Высочайше пожалована икона святителя Николая. 6 мая 1906 года награжден наперсным крестом.

ры под горою. В 11 с ¼ пошли в Успенский собор к последней торжественной панихиде по старцу Серафиму. Затем завтракали у Мама.

Всамый жардядюшка Сергей*, Николаша**, Петюша***, Юрий**** и Я отправились пешком в пустынки вдоль Саровки. Мама, Аликс***** и другие поехали в экипажах. Дорога, идущая лесом, замечательно красива. Вернулись домой пешком...

В 6 с ½ началась всенощная. Во время крестного хода, при изнесении мощей из церкви Свв. Зосимы и Савватия, мы несли гроб на носилках.

Впечатление было потрясающее, видеть, как народ, и в особенности больные, калеки и несчастные, относились к крестному ходу.

Очень торжественная минута была, когда началось прославление и затем прикладывание к мощам.

Ушли из собора, простояв три часа за всенощной.

Закусывали у Мама, думая идти вновь к концу службы, но народ, не дождавшись конца ея, ринулся в собор, так что пройти туда было уже невозможно. Просидели у Мама до 11 часов»[19].

Интересное описание событий тех дней находим в докладе епископа Тамбовского Иннокентия, прочитанном им в Святейшем синоде:

«Отчетный год в жизни Тамбовской епархии ознаменовался выдающимся событием, которое неизгладимыми буквами запечатлеется на страницах истории не только нашей епархии, но и всей Русской православной церкви; в

---

* *Сергей Александрович* (1857—1905) — великий князь, генерал-адъютант, член Государственного совета. Сын Александра II, брат Александра III, дядя Николая II. Убит революционерами.

** *Николай Николаевич Младший* (1856—1929) — великий князь, внук Николая I, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами в начале Первой мировой войны. Наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией. Эмигрировал в марте 1919 года.

*** *Петр Николаевич* (1864—1931) — великий князь, внук Николая I, генерал лейтенант и генерал-адъютант.

**** *Георгий Максимилианович Романовский* (1852—1912) — великий князь, шестой герцог Лейхтенбергский, член Российского императорского дома (с титулом «Императорское высочество»), генерал-лейтенант, генерал-адъютант.

***** *Аликс* (урожденная *Алиса Виктория Елена Бригитта Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская*, 1872—1918) — императрица Александра Федоровна, супруга императора Николая II (с 1894 года).

этом году, в 19 день июля, в присутствии Его Императорского Величества, Государя Императора, Государынь Императриц, Великих князей и княгинь состоялось торжественное прославление и открытие Святых мощей преподобного Серафима, Саровского подвижника и чудотворца.

Новоявленный угодник Божий и молитвенник за землю Русскую давно и хорошо известен всей верующей Руси.

Еще при жизни Преподобный Серафим обращал на себя внимание своею истинно христианскою жизнию, иноческими подвигами и прозорливостью и к нему во множестве, со всех сторон необъятной России стекались люди...

Ко дню прославления Преподобного Серафима в Саровскую пустынь стал стекаться православный Русский народ со всех сторон десятками тысяч. Саров оживился и представлял собой уже не тихую пустынь, а как бы многолюдный, шумный город...

3 июля, в присутствии многочисленных богомольцев состоялось перенесение останков Преподобного Серафима из места его первоначального погребения в церковь Зосимы и Савватия, где святой Серафим принял первое посвящение и где во время своей подвижнической жизни приобщался Святых Тайн, и переложение их (св. останков) в новый кипарисовый гроб, сооруженный усердием Их Императорских Величеств.

Ежедневные заупокойные моления о старце Серафиме и многочисленные толпы паломников, с каждым днем увеличивавшиеся, указывали на наступление торжеств.

16 июля было днем начала торжеств. В этот день были совершены: днем торжественная панихида, а вечером заупокойное всенощное бдение — парастас по приснопамятном старце Серафиме.

17 июля, согласно церемониалу, состоялся величественный крестный ход в Саровскую пустынь из Дивеева и других монастырей Нижегородской епархии, встреченный крестным ходом из Саровского Успенского собора.

Окончилась 17 июля торжественная литургия, но народ, обычно расходившийся по баракам, на этот раз не покидал монастырской площади ни внутри обители, ни вне ее, т. к. была получена весть, что Его Величество, Государь Император, в сопровождении Государынь Императриц и Великих князей и княгинь изволил прибыть в г. Арзамас и следует в Саров.

Сердца сынов России, собравшихся на торжества прославления Преподобного Серафима, наполнились новой

радостью, и все с понятным нетерпением стали ждать прибытия своего Державного Повелителя.

В 4 часа по полудни на монастырской колокольне начался мощный благовест большого колокола, возвещающий о скором прибытии в Обитель Их Императорских Величеств, а в 5 часов раздался трезвон во все колокола.

Около 5 часов вечера, при неописуемом восторге многотысячной толпы богомольцев, благополучно прибыли в Саров Благочестивейший Государь Император и Государыни Императрицы в сопровождении некоторых Высочайших особ и многочисленной свиты. Августейшие паломники у Святых ворот Обители были торжественно встречены сонмом духовенства во главе с Высокопреосвященнейшим митрополитом Антонием и приветствованы речью Владыки-митрополита.

Выслушав речь, Их Величества и Высочества, в предшествии духовенства, проследовали в Успенский собор, где выслушав краткое молебствие, а затем в церковь Святых Зосимы и Савватия, где находился гроб с Святыми мощами Преподобного Серафима. Поклонившись всечестным останкам Преподобного, Августейшие паломники, при радостных кликах народа, отбыли в особо приготовленныя для них обителью покои.

17 июля, по окончании заупокойного всенощного бдения-парастаса, состоялось перенесение из церкви Святых Зосимы и Савватия старого гроба-колоды, в котором был похоронен первоначально преподобный, в его могилу, обращенную ныне в часовню.

В этот же день, поздним вечером, Их Императорския Величества пожелали исповедываться в келии о. Серафима, над которой в настоящее время воздвигнут храм, а 18-го июля, за ранней литургией, причаститься Святых Христовых Тайн.

18 июля в 11 часов утра многочисленным духовенством во главе с митрополитом Антонием, в присутствии Государя Императора, Государынь Императриц и всех прибывших в Саров Августейших богомольцев, была совершена последняя панихида по приснопамятному Серафиму, как обыкновенном человеке, а вечером, за всенощной, началось уже прославление его, как новоявленного Угодника Божия. Высокоторжественен был выход на литию за всенощной. В предшествии певчих хоров, митрополита Антония с архиереями, архимандритами и другим духовенством вышли из Успенского собора и пошли в церковь Святых Зосимы

и Савватия, где временно находились мощи Преподобного Серафима. За процессией следовали Их Величества, все Августейшие особы и свита. По пути стояли шпалерами хоругвеносцы с принесенными в дар обители хоругвями и толпы богомольцев с зажженными свечами в руках.

В Зосимо-Савватиевской церкви гроб с мощами Преподобного стоял посередине, Владыка-митрополит совершил каждение. Государь Император и Великие князья с архиереями и архимандритами подняли гроб и вынесли его из церкви, перед которой он был поставлен на зеленые бархатные носилки и покрыт бархатным, вышитым шелком, покровом. Начался перезвон колоколов. Государь и Великие князья подняли носилки спереди, митрополит, архиереи и архимандриты — позади.

Взору представилась величественная и умилительная картина. Как только показался гроб со Святыми мощами, высоко поднятый на носилках, в предшествии крестного хода, вся многотысячная толпа заволновалась и стала опускаться на колени. Все, как один человек, были охвачены общим религиозным настроением. Все чувствовали одно и то же. Слышны были стоны калек и больных, просивших помощи. Видны были их слезы и страдания, и на глазах многих происходили чудеса: вставали хромые и разслабленные, прозревали слепые, говорили немые... Медленно, в полном порядке, двигалась процессия. Колокола гудели. Процессия подошла к Успенскому собору и пошла вокруг него, останавливаясь на каждой его стороне для совершения литии. Перед западными вратами Владыка-митрополит прочитал молитву, в которой, призывая имена святых, призвал и имя Преподобного Серафима, Саровского чудотворца. После этого, при перезвоне колоколов. Гроб был внесен в Собор и поставлен посредине храма. Всенощное бдение продолжалось. Все стояли с свечами. Когда для величания вышло все духовенство на средину храма, Владыка-митрополит, при полной тишине в церкви, открыл гроб. Архимандриты сняли крышку. Затем было совершено величание преподобного. Их Величества и Августейшие особы приложились к Святым мощам и приняли от Высокопреосвященного Антония помазание елеем. Долго продолжалась всенощная, народ в порядке прикладывался к Святым мощам с обеих сторон гроба, принимая помазание елеем. Был уже 12-й час ночи, когда всенощная окончилась. Народ продолжал прикладываться к Святым мощам в течение всей ночи. Всю ночь вокруг монастыря господствовало необычайное рели-

гиозное одушевление и высокое молитвенное настроение; вся местность освещена была огнями, составились благочестивые кружки, читались и пелись каноны и акафисты и громко произносились молитвы.

На другой день во всех храмах обители были совершены ранние литургии, а в 8 часов утра загудел большой колокол, призывающий к поздней литургии. Литургию эту совершил Высокопреосвященный митрополит Антоний, архиереи, архимандриты и другое духовенство. В соборе молились Государь, Государыни и вся Царская семья, прибывшие в Саров министры, губернские власти и множество народа. Когда запели на выходе с Евангелием "Спаси ны Сыне Божий во святых дивен сый", архимандриты подняли на руках гроб со Святыми мощами и понесли его в алтарь, где торжественно обнесли вокруг Престола. Все в церкви стояли на коленях.

Гроб с мощами был вынесен из алтаря Царскими вратами и перенесен к мраморной раке, помещенной под великолепным балдахином в виде часовни русского стиля — дар Их Императорских Величеств.

Диаконы опустили в раку сначала дубовый гроб, а в него Владыка-митрополит с архиереями и архимандритами поставили кипарисовый гроб с Святыми мощами. Литургия окончилась. Духовенство, во главе с митрополитом, вышло на средину храма для совершения молебствия и окружило раку со Святыми мощами. Пред ракой были поставлены бархатные носилки. Государь Император с Августейшими богомольцами изволил помочь духовенству вынуть гроб с Святыми мощами и поставить на носилки. Святые мощи изнесли из храма. Снова среди стен народа состоялось торжественное обнесение Святых мощей вокруг Соборных храмов. Снова Царь с Великими князьями и духовенством несли на носилках Святые мощи Праведника, но в открытом уже гробе, и тысячи глаз были устремлены на него с мольбою, с надеждою, с горячею верою, к которой так способна душа русского человека.

Звонят колокола... "Преподобный Отче Серафиме, моли Бога о нас", — поет духовенство и тысячи уст повторяют и шепчут эту молитву. Окончился крестный ход, и гроб с мощами снова вносят в Успенский собор и влагают их в раку. Служба окончилась. Все Царствующее семейство приложилось к Святым мощам и, получив в благословение от Митрополита иконы Преподобного Серафима, вышло из храма.

В 2 часа дня в монастырской трапезной Их Величества и Высочества изволили разделить праздничную братскую трапезу. Целый день шел торжественный колокольный звон, и народ толпами следовал в церковь для поклонения и лобызания Святых мощей.

Во время происходивших торжеств, ввиду невозможности удовлетворить духовные нужды всех богомольцев в храмах обители, по моему распоряжению непрерывно отправлялись командированными мною в Саров священно-церковнослужителями (числом до 150) молебны и духовные пения в особых (числом до 15) часовнях и на источнике Преподобного, куда сходить и выкупаться считал святой обязанностью каждый из богомольцев.

Калеки и недужные, прибегавшие за помощью к Святому Серафиму, особенно замечались на источнике Преподобного. Здесь постоянно совершались чудеса над верующими, и много калек и больных возвратилось с источника исцеленными, прославляющие Бога, дивного во Святых своих.

Источник отца Серафима и другие достопримечательности Сарова несколько раз посетил Государь Император и Государыни Императрицы и прибывшие с ними другие Августейшие богомольцы. Везде Их Величества встречали восторженными криками толпы народа, жаждавшего видеть Батюшку-Царя и Матушек-Цариц, чтобы запечатлеть в сердцах их лица.

Саровские торжества закончились 21-го июля освящением нового храма во имя Преподобного Серафима, сооруженного над его келлией в ограде обители.

20-го же июля, после напутственного молебствия у раки о. Серафима, Августейшие паломники, благословляемые Митрополитом, духовенством и братиею обители, напутствуемые искренними благожеланиями народа, отбыли из Сарова.

По отъезде из Сарова Августейших богомольцев, а вслед за ними и высокопоставленных особ официальные торжества в обители закончились, но не закончились празднества вообще, религиозный праздник русского, глубоко верующего народа. С открытием Святых мощей нового Угодника Божия настало нескончаемое вечное торжество веры православной и русского народа, живущего этой верою; открылся новый источник благодати на земле, новое орудие любви и милосердия Божия к людям.

И будут стекаться в Саров постоянно истинно верую-

щие люди, одержимые телесными и духовными недугами, жаждущие познать благодатную небесную силу по предстательству причисленного к лику святых Преподобного Серафима Саровского, подвижника и чудотворца»[20].

Обратный путь венценосных паломников пролегал через село Дивеево, с посещением Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря. Без протокола было посещение блаженной Прасковьи Ивановны*. Вот как описывает встречу император. После обедни все сели завтракать, «а Аликс и я отправились к Прасковье Ивановне (блаженной). Любопытное было свидание с нею. Затем мы оба поели, а Мама с другими посетили ее»[21].

Оставила свои воспоминания великая княгиня Ольга Александровна[22], представитель второй группы посетителей: «Затем мы пошли увидеть блаженную Прасковью Ивановну. Я никогда не видела такого человека и боялась того, что она назовет меня ужасной. Когда мы вошли, блаженная лежала на кушетке спиной к нам. Спустя некоторое время она встала, взяла в руки свои куклы, поцеловала и обняла их и затем перекрестила их всех, встала и пошла в гостиную.

Она бормотала себе под нос все время, но было трудно разобрать ее слова и понять их значение.

Она попросила меня и дядю Сергия поесть. Мы сели и съели каждый по картофелине, затем ушли. Но она не сказала нам ничего особенного!»[23]

Великий князь Сергей Александрович описал эту встречу по-своему, упомянув и о визите к Елене Ивановне Мотовиловой: «С Минни мы Ольга, Петя к блаженной Прасковье Ивановне — курьезное впечатление. Были у Мотовиловой, хорошо помнящей Пр. Серафима»[24].

Матушка Серафима (Булгакова) в своих «Воспоминаниях» донесла до нас сведения о тех событиях, которые бы-

---

* *Прасковья Ивановна* (*Паша Саровская, Параскева Дивеевская*; ?—1915) — схимонахиня, блаженная. В миру Ирина Ивановна родилась в селе Никольском Спасского уезда Тамбовской губернии. Точная дата рождения неизвестна, поэтому в житийной литературе указывается возраст в 115 лет. Перед поселением в Дивеевском монастыре в 1884 году несколько лет жила в лесах Саровской пустыни, за что и получила свое прозвище «Саровская». 31 июля 2004 года прославлена как местночтимая святая Нижегородской епархии, 8 октября 2004 года — как святая РПЦ. Мощи блаженной находятся для поклонения в Казанской церкви Серафимо-Дивеевского монастыря. В доме, где проживала блаженная, создан музей.

товали среди дивеевских сестер: «В тот же день к вечеру все уехали из Дивеева. После этого со всеми серьезными вопросами Государь обращался к Прасковье Ивановне, посылал к ней Великих князей. Евдокия Ивановна* говорила, что не успевал один уехать, другой приезжал»[25].

Совершенно абсурдные слова — великие князья не поддерживали религиозной экзальтированности императора и его супруги, и если бы Николай II прислушивался к высказываниям блаженных и юродивых, события 1917 года произошли бы значительно раньше.

«От Прасковьи Ивановны поехали к Елене Ивановне Мотовиловой. Государю было известно, что она хранила переданное ей Н. А. Мотовиловым письмо, написанное Преподобным Серафимом и адресованное Государю Императору Николаю II. Это письмо Преподобный Серафим написал, запечатал мягким хлебом, передал Николаю Александровичу Мотовилову и сказал:

— Ты не доживешь, а жена твоя доживет, когда в Дивеево приедет вся Царская Фамилия и Царь приедет к ней. Пусть она ему передаст.

Мне рассказывала Наталья Леонидовна Чичагова (мать Серафима)**, что когда Государь принял письмо, с благоговением положил его на грудь и сказал, что будет читать его после.

А Елена Ивановна сделалась в духе и долго, 1,5 или 2 часа, им говорила, а что, сама после не помнила. Елена Ивановна скончалась 27 декабря 1910 г. Она была тайно пострижена.

Когда Государь прочитал письмо, уже вернувшись в игуменский корпус, он горько плакал. Придворные утешали его, говоря, что батюшка Серафим и святой, но может ошибаться, но Государь плакал безутешно. Содержание письма осталось никому не известно»[26].

---

* *Евдокия Ивановна Барскова* (1879—?) — келейница блаженной Паши Саровской.

** *Наталья Леонидовна Чичагова* (в монашестве *Серафима*; 1881—?) — вторая дочь священномученика Серафима. В 1912 году стала послушницей Рижского Свято-Троице-Сергиева монастыря, где была пострижена в монашество. Первый раз арестована в 1933 году, второй — в 1938-м и выслана в Вологду. «Отбыла там срок, освободилась, собиралась уезжать и скоропостижно скончалась в Вологде от приступа астмы в день Благовещения Пресвятой Богородицы» (*Черная В. В.* Краткое житие Высокопреосвященного митрополита Серафима (Чичагова) [Рукопись]. 1989. Архив автора). 31 мая 1989 года мать Серафима реабилитирована.

Посещение Дивеевского монастыря было строго регламентировано и расписано по минутам. Опоздав на полчаса, высокопоставленные гости прибыли в Дивеево в 10 часов 30 минут. После обедни в домовой церкви игуменьи Марии все сели завтракать, а император с супругой отправился к блаженной Паше Саровской. Затем супружеская чета позавтракала и с сопровождающими лицами осмотрела храм Преображения, где хранились вещи Серафима, его келью, типографию и живописную школу сестер. «В 3 часа собрались в дальнейший путь»[27]. При напряженности графика посещения Дивеевского монастыря царским кортежем, утверждения о полутора-двух часах, проведенных в беседе императора с Мотовиловой — миф. Вероятнее всего, встреча с Мотовиловой была кратковременной, сразу после завтрака, вместе со своими спутниками. Мифическим было и письмо преподобного Серафима к нему. Ни один из членов царской фамилии не говорит в своих мемуарах о письме, хотя по значимости это событие должно было оставить незабываемый след в жизни каждого участника тех событий. Поэтому неудивительно, что все рассказы о таинственном письме, в котором была якобы предсказана судьба императора и государства в связи с трагическими событиями последующих годов, до настоящего времени не получили документального подтверждения.

Следует вспомнить о письме Николая Мотовилова императору Николаю I, датированное 1854 годом, в котором он вложил свои измышления о будущем России и императорской фамилии в уста преподобного Серафима. Перед поездкой на саровские торжества или позже император Николай II приказал найти в архиве это письмо и ознакомился с ним. Впечатления от прочитанного неизвестны. Еще раз письмо поднимали из архива, когда императрица Александра Федоровна пожелала сделать копию с него в 1905 году. Очень много мифов рождается по прошествии значительного промежутка времени со дня описываемых событий. Недосказанность, отсутствие правдивой информации, тщеславие, жажда сенсации — вот почва, на которой произрастают мифы.

Отгремели праздничные дни, поток богомольцев стал потихоньку сокращаться. Темниковский уездный исправник рапортовал в Тамбов: «Сегодня здесь был храмовый праздник, служил Тверской архиепископ, а также был Самарский викарий. Были: фрейлина Тютчева, начальница Александро-Мариинского дома призрения в Москве, г-жа

Кроткова и княгиня Туркестанова. Всем этим лицам оказывалось содействие для более удобного входа в храм и проч... Богомольцев тысяч от 30 до 40, все гостиницы продолжают быть переполненными»[28]. С этого времени Саровская пустынь для иерархов Русской православной церкви становится обязательным местом паломничества.

В августе 1903 года Департамент полиции, подводя итоги празднеств, назвал главное число: «По подсчету число приложившихся к мощам паломников было более 120 тысяч»[29]. Как не вспомнить здесь слова писателя Короленко: «Весь воздух этой лесной пустыни теперь насыщен ожиданием, нетерпением, верой. Все стремятся "приложиться" к гробнице, — только тогда паломничество считается законченным. Говорят, в сутки (день и ночь) могут приложиться 12 тысяч»[30]. А сколько паломников, например, как Короленко, не сумевших приложиться к мощам, находилось у стен монастыря? Цифра посетивших Саровскую пустынь в дни прославления преподобного Серафима в 150—180 тысяч кажется вполне реальной.

Это количественный показатель, но наиболее важным является качественный — в праздничные дни 1903 года у мощей преподобного, на его источнике, у гранитного камушка происходили великие чудеса исцелений: хромые оставляют свои костыли за ненадобностью, слепые прозревают, немые разговаривают, недвижимые встают со своих убогих тележек... Как сказал Иисус Христос: «Вера твоя спасла тебя». Каждый по вере своей и получал благодать. Все случаи исцелений, происходивших в Саровской пустыни, записывались в особые тетради. Такие послушания и обязанности были возложены на иеросхимонаха Симеона, архимандрита Серафима (Чичагова), в канцелярии монастыря вел запись исцелений князь Ширинский-Шихматов и полицейские чины. Уже в августе 1903 года в московской типографии Н. Н. Булгакова была опубликована небольшая книга Д. Н. Успенского под названием «Саровские торжества и новые чудеса, совершившиеся по молитвам преподобного Серафима, Саровского чудотворца», в которой рассказывается о более чем тридцати исцелениях. Вот одно из них: «16-го июля совершилось чудное исцеление глухонемой на глазах у всего народа. В четыре часа, вокруг монастыря пошел крестный ход. Стечение народа было громадное. В ходе участвовали хоругвеносцы от различных городов. Несли только чудотворную икону Умиления Божией Матери, на молитве перед которой скончался пре-

подобный Серафим, и большой образ отца Серафима. Когда, обойдя монастырь, обе иконы внесли в церковь, мать приложила к чудотворной иконе Божией Матери свою глухонемую девочку. По выходе из церкви, девочка вдруг воскликнула: "Мама!" Обрадованная мать заставила свою дочь еще раз повторить слово "мама". Окружавшая девочку толпа заволновалась, пришла в необычайное смущение. Посыпались со всех сторон деньги, в руки девочки клали двугривенные, полтинники и рубли; их наклали так много, что деньги стали падать на землю. Девочку заставили держать подол, продолжая давать ей деньги.

— Скажи: "спасибо", — сказала мать и девочка повторила — "спасибо".

— Как зовут тебя, — продолжала мать, — скажи "Поля".

— Поля! — повторила девочка.

Это были единственные три слова, которые она сказала. Она казалась чрезвычайно потрясенной, как бы испуганной, и вся дрожала. Когда она научится говорить, то она может быть и будет в состоянии объяснить то, что она испытала в момент своего чудного исцеления. Очевидно, что ничто не может так сильно повлиять на человека, как внезапное дарование ему слуха. Девочку окружили офицеры и старались предохранить ее от натиска толпы, в то же время офицеры уговаривали толпу быть тише и спокойнее, так как девочку, которая вся дрожала, легко было испугать. Девочку повели к архимандриту Суздальскому Серафиму, который в это время находился в Дивеевском монастыре»[31].

Но самым известным и неоспоримым чудом является рождение 30 июля 1904 года в царской семье наследника цесаревича Алексея*. Не зря Господь не давал императорской чете мальчика — Александра Федоровна являлась носителем гемофилии, страшного и неизведанного в те годы заболевания. Одна за другой родились четыре дочери: Ольга 3 ноября 1895 года, Татьяна 29 мая 1897-го, Мария 14 июня 1899-го и Анастасия 5 июня 1901-го. Но, видимо, были услышаны молитвы родителей на святой Саровской земле у раки преподобного Серафима, имел свое благотворное воздействие целебный источник на Ближней пустыни, и родился после посещения Сарова в царской семье долгожданный мальчик — наследник престола.

---

* *Алексей Николаевич Романов* (1904—1918) — наследник цесаревич и великий князь, пятый ребенок в семье императора Николая II. Расстрелян 17 июля 1918 года вместе с родителями, сестрами и слугами.

Исцелений в Сарове было много. Владимир Галактионович Короленко свидетельствует: «Какой-то офицер, повидимому имевший доступ во все места, говорит "о 70 чудесных исцелениях", уже происшедших»[32]. И сколько их произошло впоследствии? В монастырскую канцелярию постоянно поступали письма с описанием исцелений по молитвам преподобного, заверенные врачами или представителями местной власти, но куда подевалась эта переписка — неизвестно.

Не все на торжествах прошло гладко — была «заминка» в снабжении хлебом, были жалобы на грубость стражников и полицейских чинов. 19 сентября 1903 года в Саровскую пустынь направляется чиновник особых поручений V класса при Департаменте полиции, надворный советник С. В. Савицкий. Его доклад содержит много интересных фактов:

«Для выполнения возложенного на меня г. Товарищем Министра В. Д. поручение (ордер от 3-го сего сентября за № 11753) я прибыл 6 сентября в г. Арзамас, откуда на другой день в 5 часов утра отправился на лошадях в Саровскую пустынь. Дорогой, в селе Глухове (39 верст от Арзамаса) я имел в продолжении 2 ½ часа, отдых для корма лошадей. За это время через село Глухово прошло довольно значительное количество богомольцев; со многими из них я беседовал, интересуясь в особенности порядками, установленными для пропуска богомольцев к поклонению Святым мощам Преподобного Серафима и образом действия полиции. Из этих бесед выяснилось, что в настоящее время, когда количество богомольцев значительно сократилось, богомольцы совершенно свободно допускаются как в монастырскую ограду, так и к Святым мощам; раньше же до 15 августа — день Успения Пресвятой Богородицы, когда количество паломников было значительно больше чем в данное время, в храме Успения, где покоятся мощи о. Серафима, богомольцы из простого народа, по слухам, пропускались только "цепью", т. е. гуськом, между протянутыми параллельно двумя канатами, прикрепленными к столбам; т. к. народа была масса, то приходилось некоторым ожидать возможности приложиться к Святым мощам двое и более суток, тем более что вышедший почему-либо из цепи терял свое место и становился в хвост. В то время, как многие слышали от богомольцев, полиция били палками тех, кто, не желая становиться в цепь, порывался попасть в храм без очереди. Многие из тех, с кем я беседовал, высказыва-

ли мнение, что полиции ничего не оставалось более делать, как только прибегать к такого рода действиям, т. к. слова и меры кротости оставались безрезультатными. Что касается образа действий полиции в самом храме, у мощей преподобного Серафима, то никто из богомольцев не слышал, чтобы по этому поводу высказывались кем-либо жалобы.

Прибыв в Саров и остановившись в одной из монастырских гостиниц, я тотчас отправился в монастырь, причем тут же убедился, что как в монастырскую ограду, так и в храм Успения доступ для богомольцев был совершенно свободен. Храм был почти полон молящимися; желающие приложиться к Святым мощам подходили гуськом в два ряда, с обеих сторон раки, многим помогал прикладываться, пригибая их за шею к мощам...

На деле это происходит так. Около раки, по углам стоят четыре стражника, находящийся у изголовья раки стражник, как я уже сказал выше, действительно пригибает богомольцев к раке, но это делается, во-первых, не по отношению к каждому прикладывающемуся к Святым мощам и, во-вторых, совершенно не имеет вида "хватания за шиворот". Этот прием, производящий, может быть, на предубежденного богомольца впечатление насильственных действий, на деле применяется только к тем из богомольцев из простого народа, которые, подходя к раке, не знают, какое именно место Святых мощей открыто для лобызания и, во-вторых, по отношению к тем, которые, будучи одеты в тулупы и имея "за пазухой" бутылку с водой из источника о. Серафима и т. п. предметы, стеснены в своих действиях, почему и не могут свободно перегнуться через борты раки, чтобы облобызать Святые мощи.

Действия городового не только не носят на себе отпечатка какой-либо грубости или насилия, но наоборот, — производят впечатление очень участливого отношения к богомольцам: одним он помогает приложиться, у других принимает иконы для передачи священнику, который стоит у изголовья раки — для приложения их к Святым мощам, третьим, которые подходят не в очередь, указывают, куда нужно им встать, и, наконец, у четвертых принимает детей, поднимая которых, дает им возможность приложиться к мощам преподобного Серафима.

...К этому необходимо добавить, что воздух в храме прямо таки удушливый и дежурство в течение нескольких часов, при указанной выше обстановке, — дело далеко не легкое.

...Желая знать мнение о действиях полицейских чинов настоятеля монастыря о. Иерофея*, я беседовал с ним по поводу всех вопросов, затронутых в жалобе присяжного поверенного Россоловского, при чем о. Иерофей сообщил мне, что и он слышал о случаях очень грубого и даже жестокого обращения нижних полицейских чинов с богомольцами. Тем не менее он всецело на стороне полиции, т. к., по его словам, с тою толпою в несколько десятков тысяч, которая наполняла монастырь ежедневно до Успенева дня (15 августа) — решительно невозможно было справиться мерами кротости. По словам о. Иерофея, кем-то был пущен слух, что мощи преподобного Серафима будут открыты для поклонения только в течение 40 дней со дня перенесения их в Успенский собор, почему в эти 40 дней перебывала такая масса богомольцев, что, несмотря на то, что прикладывались к мощам день и ночь безпрерывно, приходилось ожидать очереди чуть-ли не двое суток.

Весь монастырский двор был запружен толпой, через которую невозможно было пробиться. О. Иерофей рассказывает, что однажды он не мог пройти из своей келлии в храм Успения, — так плотна была толпа во дворе монастыря и с оборванной рясой он принужден был вернуться обратно. Был момент, когда думали, что толпа разнесет сень, сооруженную Государем Императором над Святыми мощами

---

* *Иерофей* (*Иван Петрович Мелентьев*, 1828—1920) — игумен (с 15 января 1895 года), четырнадцатый настоятель Саровской пустыни. Родом из купеческой семьи города Кадома Тамбовской губернии. Получил домашнее образование. Вместе с родителями несколько раз посещал Саровскую обитель. В 1865 году поступил в Саровскую пустынь и благодаря своему прилежанию выполнял важные послушания по лесному хозяйству, делопроизводству при казначее. Пострижен в монашество 9 февраля 1874 года. Рукоположен во иеродиакона 28 августа 1883 года и уже на следующий день, 29 августа, — во иеромонаха. Спустя пять лет (в октябре 1888 года) утвержден на должность казначея. Именно при отце Иерофее начинается активная деятельность по восстановлению памятных мест, связанных с жизнью преподобного Серафима Саровского. Работа эта была продолжена и после его назначения настоятелем 10 октября 1894 года. Благодаря стараниям этого старца Саровская пустынь встретила торжества 1903 года должным образом, за что отцу Иерофею был пожалован портрет императора Николая II с собственноручной подписью. 14 мая 1914 года высочайшим повелением предписано всем игуменам саровским, пока они состоят настоятелями пустыни, возлагать на себя при священнослужении митру. 1917 год игумен Иерофей встретил уже в преклонном возрасте. Похоронен с северной стороны ризницы Успенского собора.

преподобного Серафима. Немудрено, что для водворения порядка в этой толпе, выведенные из терпения нижние полицейские чины и позволяли себе иногда очень грубое обращение с богомольцами. Что касается постановки стражников у раки, то, по словам о. Иерофея, это вызвано силою обстоятельств, т. к. монахи не могли бы справиться с толпой; поставлены стражники со времени пребывания в Сарове Государя Императора...

Во время наибольшего стечения богомольцев в Саров, т. е. со дня посещения монастыря Государем Императором и до половины Августа народ допускали для поклонения в монастырь как по билетам, так и без билетов. По билетам допускались все интеллигентные богомольцы, а также все, остановившиеся в гостиницах; без билетов — все прочие. Этот порядок был установлен не Старынкевичем, а Тамбовским губернатором и Управляющим Московской Синодальной конторы князем Ширинским-Шихматовым и оправдывался желанием овладеть массой богомольцев, разбив ее на части. Одна часть по билетам допускалась в монастырь и в церковь с главного входа (Св. ворота), другая, безбилетная с восточных, задних ворот, — в монастырскую ограду и с северных ворот — в храм ("цепью"). Кроме того, дабы не стеснять богомольцев, желающих приложиться к Святым мощам, по просьбе Старынкевича, паломники не допускались ко Св. причастию в Успенском храме и приобщались в других монастырских церквах, для чего также выдавались билеты. Выдача билетов производилась как полицией, так и монахами заведующими гостиницами...»[33]

Торжества прославления преподобного Серафима Саровского прошли на высоком организационном уровне. Действия огромной массы народа были спланированы и направляемы в нужное русло. Все попытки экстремистов пресекались на корню. Следует отметить, что уважение к преподобному Серафиму, вероятно, было и в стане революционеров — не было зафиксировано ни одного действия, направленного на срыв праздника, все поползновения направлялись только в адрес императорской фамилии. 22 июля 1903 года нижегородский губернатор генерал-лейтенант Павел Федорович Унтербергер опубликовал обращение ко всем жителям губернии:

«Государь Император, возвращаясь из Саровской пустыни, изволил обратиться ко мне на Царской платформе близ г. Арзамаса со следующими словами:

"Я в восторге от встречавшего Меня народонаселения

Нижегородской губернии и от того примерного порядка, который им самим же поддерживался на всем пути. Желаю, чтобы это дошло до народа".

Счастлив возвестить всему народонаселению Высочайше вверенной мне губернии Высокомилостивые слова Его Величества, которые вызовут в сердцах всех жителей восторженный отклик, будут передаваться из рода в род и напоминать народу о светлых днях пребывания Его Величества Государя Императора и Их Величеств Государынь Императриц в пределах Нижегородской губернии»[34].

Но с каким бы восторгом ни преподносился праздник прославления преподобного Серафима, как бы ни говорили о единении народа и самодержавной власти, 1903 год можно назвать годом, когда в стране началось неуклонное падение в бездну, завершившееся 1917 годом.

«Ощущение приближения чего-то нового, неизвестного (и поэтому пугающего) отмечали многие современники последнего царя. Поэтесса Зинаида Гиппиус, пытаясь объяснить происходившее в конце XIX — начале XX столетия, писала: "Что-то в России ломалось, что-то оставалось позади, что-то, народившись или воскреснув, стремилось вперед... Куда? Это никому не было известно, но уже тогда, на рубеже веков, в воздухе чувствовалась трагедия"»[35].

Тревожные нотки мы встречаем и в телеграмме тамбовского духовенства, направленной на имя императора в день второй годовщины прославления Серафима:

«От древних дней в годины скорби своей русский Народ навык просить помощи у своих небесных защитников. И ныне во вторую годовщину прославления Преподобного Серафима, среди бед и скорбей, обышедших отечества наше от врагов внешних в тяжкой войне и врагов внутренних, он десятками тысяч до тесноты наполнил Саровские храмы и окрестности и со слезами у раки Преподобного вместе с нами и братией обители взывает молитвами Святого Серафима укрепи Господи Державу Благочестивейшего Государя Нашего. Даруй Ему победу над врагами. Пошли Ему и Наследнику Его Свое небесное благословение и утешь Их светлыми днями долголетнего славного царствования.

Вашего Императорского Величества смиренные богомольцы

Иннокентий, Епископ Тамбовский и Шацкий,
Константин, Епископ Самарский и Ставропольский
и Саровский игумен *Иерофей* с братией»[36].

На телеграмму последовал высочайший ответ:

«Мысленно переношусь в Обитель Преподобного Серафима во вторую годовщину прославления Его, знаю, как горяча молитва народа русского, особенно у Раки Новоявленного Святого.

Николай»[37].

К сожалению, ни народные молитвы, ни новопрославленный угодник Серафим не помогли нашему Отечеству.

Глава пятая

ЗЕМНОЙ ПУТЬ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА

1903 год

Мощи преподобного Серафима, упокоенные на монастырской площади Саровской пустыни, 70 лет ожидали прославления. Волевым решением императора Николая II чаяния народных масс были претворены в 1903 году. Непростое это было время. «Призрак коммунизма» уже разгуливал по российским просторам, демократы всех мастей стремились к установлению новых порядков, яд измены уже начал свое действие в крови императорской фамилии, не было единодушия и в Русской православной церкви.

История с прославлением мощей преподобного Серафима Саровского и дальнейшая их судьба до так называемого Второго обретения, неразрывна с историей страны и коснулась многих. И тех, кто наделен священным саном, и простых прихожан, и тех, кто относит себя к атеистам или занимает нейтральную позицию. Для простого смертного затронутая тема во все времена была недосягаемой и запретной. Доступ к ней имел узкий круг посвященных лиц. Именно эта закрытость способствовала (и способствует) возникновению различных предположений о судьбе мощей, со временем обрастающих новыми «подробностями».

Народная молва заговорила о старце Серафиме в июле 1902 года, когда в «Церковных ведомостях» Святейший синод объявил о предстоящем в следующем, 1903 году его прославлении. Народные массы восторженно встретили эту благую весть, что нельзя сказать про священноначалие. Воля монарха пошла вразрез с общепринятой до этого процедурой прославления, когда первоначально выявлялись «нетленные» мощи праведника, а затем составлялся список чудесных исцелений. В деле прославления старца Серафима возобладало чудесное, отодвинув на второй план вопрос о мощах.

«На открытии мощей настаивал лишь сам Государь и с ним единомышленниками были только обер-прокурор Саблер и Митрополит Антоний. Об этой смуте митрополит Серафим (Чичагов) написал в своем труде, являвшемся продолжением "Летописи"[1]. К сожалению, этот труд был только в рукописи и при очередном обыске был изъят сотрудниками ГПУ»[2], — вспоминала в своих записках Варвара Васильевна Черная — внучка владыки Серафима.

Протоиерей Петр Смирнов очень доступно объяснил об особенностях прославления отца Серафима в своей книге «Прославление святых в Церкви христианской православной. К торжеству прославления преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского»: «В прославлении саровского подвижника видим некоторую особенность против бывших в последнее время примеров этого дела, которая, однако же, была наиболее обычным явлением в прежнее время как в православной Греции, так и у нас, в России. Прославлению святителей Митрофана, Тихона, Феодосия за более или менее продолжительное время предшествовало обретение по тому или другому случаю нетленных мощей их, и сие обретение вместе с другими чудесами служило к удостоверению в истинности небесных указаний святости угодников Божиих. Обилие чудес по молитвенному предстательству преподобного Серафима было так велико и так ясно указывало волю Господню об его прославлении, что уверенность в святости великого саровского подвижника была общим убеждением православного народа, утвержденным по рассмотрении во всей подробности и со всевозможным тщанием обстоятельств этого важного дела и высшею церковною властию, и уже после сего удостоверения в святости подвижника Святейший Синод положил открыть и всечестные останки приснопамятного старца Серафима, желая, чтобы они были предметами благоговейного чествования от всех притекающих к его молитвенному предстательству»[3].

В престольный праздник, 15 августа 1902 года, в Саровскую пустынь прибыл епископ Тамбовский Димитрий (Ковальницкий)* с предписанием от Святейшего сино-

* *Димитрий* (*Михаил Георгиевич Ковальницкий*; 1839—1913) — архиепископ (с 26 марта 1905 года). 28 июня 1898 года рукоположен в епископа Чигиринского. С 27 апреля 1902-го — епископ Тамбовский и Шацкий. Приложил большие усилия при подготовке и проведении торжеств по случаю причисления старца Серафима к лику святых в 1902—1903 годах. С 8 февраля 1903-го — архиепископ Казанский и Свияжский; исполнял должность архиепископа Херсонского и Одесского.

да провести «доверительное» освидетельствование могилы старца Серафима. Владыка по прибытии в Саровскую пустынь прямо от Святых ворот, вместе со всей братией и гостями, проследовал к часовне над местом упокоения старца Серафима, где была отслужена панихида. После Божественной литургии владыка в своем пастырском наставлении возвестил собравшимся в Успенском соборе: «Господу одному известно, когда Ему будет угодно прославить дивного мужа. Нужно о явном прославлении его усердно молиться всем нам. Молитесь о прославлении его так: "Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего иеромонаха Серафима, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. Дай нам, Господи, скорое утешение молитвенно воспеть так: ублажаем тя, преподобне отче Серафиме, и чтим святую память твою, наставниче монахов и собеседниче ангелов"»[4].

В этот же день, вернее сказать, в ночь с 15 на 16 августа, епископ Димитрий в сопровождении доверенных лиц приступил к обследованию захоронения иеромонаха Серафима. Надгробие было отодвинуто и, сняв слой земляной засыпки, члены комиссии увидели перед собой свод могильного склепа. Уверенно можно сказать, что перед комиссией не стояла задача подробно исследовать мощи старца, поэтому свод склепа был разобран на незначительном пространстве, образовав окно со сторонами 70 на 70 сантиметров. Видимо, этого было вполне достаточно для того, чтобы можно было, приподняв крышку гроба, удостовериться в наличии мощей. В домовине владыка обнаружил скелет в истлевших монашеских одеяниях, с медным крестом на груди.

Сразу вспоминается рассказ священника Петра Полякова, приведенный им в книге «Под сенью благодати. Впечатления паломника» и повествующий об ожидании возникновения «нештатной» ситуации.

«— Что это за звон? — спросил я.

— Это благовест к вечерне в Сарове, — отвечал мой кучер, особенно благоговейно взглянув на показавшийся кусочек голубого неба над головою.

— Значит, уже недалеко?

— Теперь уже совсем близко. Вот только направо повернуть, а там версты три-четыре. Ко всенощной, Бог даст, поспеете. На Успеньев день здесь всегда особенно торжественно служится, а нынче еще и того лучше — ведь, говорят, сам преосвященный приехал.

— Да, слыхал. Обязательно надо поспеть.

— И с преосвященным много, говорят, именитого духовенства понаехало. Комиссия, значит. Исследование мощей будут производить. Вы об этом не слыхали?

— Слыхал.

— Я думаю, это будет совершаться тайно? Потому — не всякий глаз достоин. А что ежели вдруг, да Господу Богу не угодно, чтобы было нетление мощей преподобного Серафима? — с какою-то робостью и страхом в голосе спросил кучер.

— Ну так что ж. Разве святость — только в нетлении мощей?

— Нет. Я, собственно, говорю про слабоверующих и неверующих.

— Но этим ведь и нетление представляется не чудом, а чем-то естественным»[5].

Как видим, сомнения в нетлении мощей все же были и, надо думать, владыка Димитрий стоял перед могилой в большом недоумении. Во-первых, нетленных мощей в гробу он не обнаружил, только скелетированные останки. Во-вторых, в домовине не обнаружено финифтяного изображения преподобного Сергия Радонежского, о котором говорил в своей книге «Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки, в ней подвизавшиеся» иеромонах Авель (Ванюков) — предчувствуя скорую кончину, отец Серафим «...распростясь с игуменом старец возвратился в свою келлию, и вручил одному из монахов, Иакову, образ Преподобного Сергия, изображающий на финифте посещение Божией Матери с такими словами: "Сей образ на меня, когда я умру, и с ним положите меня в могилу; сей образ, — продолжал От. Серафим, — прислан мне честным Отцом Архимандритом Антонием, Наместником Святой Лавры, от мощей Преподобного Сергия. К Отцу Архимандриту Антонию Отец Серафим питал особенную любовь»[6]. После Авеля это утверждение перешло в «Житие» 1863 года издания, затем его подхватил Евгений Поселянин и другие авторы. Поэтому это утверждение было известно широкому кругу людей.

Первый факт — отсутствие нетленных мощей — не остался в тайне. «Доверительные» сведения каким-то образом (хотя давно известна поговорка «Там, где знают трое — знают все») достигли народа. Как это обычно бывает, отрывочные сведения обрастают подробностями, итоговое утверждение может достигнуть уровня абсурда. Так случилось и с мощами старца Серафима — по одной из самых фантастических версий — гроб оказался пуст и мощей нет. Следует

отметить, что простой народ не сомневался в святости старца и его заступничестве перед Богом, и куда преподобный мог подеваться? Брожение умов началось среди образованной части россиян. Как возникла версия «мощей нет», сказать трудно. Можно только предположить, что после осмотра гроба владыка сказал: «Нетленных мощей нет». Что впоследствии сократилось до: «Мощей нет».

В дневнике известного политического и религиозного деятеля Льва Александровича Тихомирова находим свидетельство о рождении небылиц среди образованной части российского населения:

«8. 1. 1903 г. Третьего дня заходил Погожев*, приехавший из Сарова. Там самые странные слухи: будто бы в могиле о. Серафима один пустой гроб, совсем без тела... В Дивееве говорят по этому поводу, что о. Серафим чудесно явится, согласно предсказанию, у них, ибо в Сарове его никогда не чтили. Монахи Саровские и теперь недовольны проектом открытия его мощей.

Все это очень странно. Между тем окончательная Комиссия для освидетельствования мощей должна быть в Сарове 10 Янв. В ней наш Митроп. Владимир, кн. Ширинский-Шихматов** и — по Высочайшему повелению — арх. Серафим Чичагов. Последний во время Пажеского праздника (он был в Пажеском корпусе) — имел аудиенцию у Государя, глаз на глаз, 40 минут.

Чичагов выходит главным членом, ибо Митрополит едет от Синода, Ширинский — от Обер-Прокурора, а Чичагов — от самого Государя. По расчету Комиссия должна была выехать вчера, но сегодня в газетах ничего не сказано. Насчет исчезновения мощей — вероятнее всего — простая болтовня. Но что если правда? Что думать? И где мощи объявятся? И как же их открывать, если они исчезли?

Все это какие-то загадки.

13 Янв. Видел Нилуса (Сергея Александровича), который из СПб. Передавал все те же толки, что гроб о. Серафима пуст. Передавал, что Митроп. Владимир говорил перед отъездом о. Анастасию (ректору), что народ нужно приучить к мысли о возможности причисления праведного к лику святых, хотя бы и не было мощей...

---

* Псевдоним писателя Евгения Поселянина

** *Алексей Александрович Ширинский-Шихматов* (1862—1930) — князь, русский государственный и общественный деятель, участник подготовки прославления преподобного Серафима.

Это очень знаменательно, вернее всяких толков.

Ну, конечно, — народ верит в святого, а не в постановление Синода. Уж если нет мощей, то постановление Синода ничего для народа не составит»[7].

Золотые слова — для простого человека не нужны условности, для него старец Серафим представитель самого народа. Вот он, простой купеческий сын, обыкновенный иеромонах — среди нас, на виду, и глушь пустынная — только свидетельство его богоизбранности и простоты. В синодальный период были причислены к лику святых Русской православной церкви святитель Димитрий Ростовский в 1757 году, святитель Иннокентий Иркутский — в 1831-м, святитель Митрофан Воронежский — в 1832-м, святитель Тихон Задонский — в 1861-м, святитель Феодосий Угличский — в 1896-м. Что ни имя, то славный послужной список в первую очередь. И тут, вдруг, в этот ряд церковных иерархов попадает простой иеромонах. Следует признать, что долгие годы мытарства с признанием святости отца Серафима кроются именно в простоте его звания.

Второй факт, выявленный при освидетельствовании мощей преподобного, отсутствие финифтяного образа, наводил на грешные мысли — «останки вряд ли принадлежат преподобному старцу Серафиму, а, по всей вероятности, Марку-затворнику, нетленное же тело преподобного Серафима еще находится в земле»[8], — писал в письме на имя обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева неизвестный автор.

Об этих же сомнениях говорила в своих записках мать Серафима (Булгакова): «Я слышала, что при предварительном обследовании мощей батюшки Серафима не оказалось финифтяного образа Явления Божией Матери преподобному Сергию, присланного архиепископом Антонием Воронежским* (он был положен в гроб). Это наводило смущение на некоторых: правильно ли вскрыта могила, может быть, это могила схимонаха Марка? Могилы их рядом»[9].

Возможно даже, отсутствие финифтяного образа в домовине было большей проблемой для членов комиссии, чем отсутствие нетленных останков. Понятно, что потерять могилу отца Серафима, даже при желании, было невозможно — дивеевские сестры торили тропинку «ко гробику» своего наставника непрестанно. Отсутствие образа можно объяснить только двумя причинами: либо отец Авель при

* Мать Серафима ошибается — Антоний Радонежский.

написании своей книги забыл, «как слово наше отзовется», и перестарался в оказании знака внимания своему наместнику, либо по непонятным причинам монах Иаков не смог выполнить пожелания отца Серафима.

Сложно предположить, какие мысли во время предварительного вскрытия будоражили ум преосвященного владыки, но здравый смысл возобладал, епископ Димитрий распорядился заложить проем толстыми досками и восстановить могилу старца в прежнем виде. На этом закончилась «доверительная» миссия представителей Синода.

О результатах обследования мощей старца Серафима владыка Димитрий доложил Святейшему синоду 23 ноября 1902 года. Митрополит Арсений (Стадницкий) записал в своем дневнике 5—7 декабря 1902 года: «Слышал в Москве, что недавно ездил в П-г Преосв. Димитрий Тамбовский и прочитал в Св. Синоде доклад по поводу предполагаемого прославления Серафима Саровского и поручения освидетельствовать целость мощей. Пр-ный на основании разных исторических справок из истории Греческой церкви доказал, что освидетельствование мощей — это кощунство и мощи — вовсе не необходимое условие для прославления. Я вполне согласен»[10].

Здесь мы видим ясно выраженную позицию преосвященного владыки Димитрия — тленные мощи не являются помехой к прославлению и, самое главное, нет подтверждения какого-либо конфликта между владыкой и властями предержащими.

Вот еще одно интересное свидетельство от Л. А. Тихомирова: «15 Янв. Митрополит проехал прямо в СПб. Члены Комиссии вообще молчат. Но Нилус, бывший сегодня у меня, сообщил, что мощи несомненно имеются. Арх. Чичагов, по осмотре, сказал Ломану: "Доложите Государю, что все обстоит благополучно". Это, вероятно, условленная фраза. Путятин же, занятый исполнением раки, спросил Митрополита Владимира: "Как же уготовлять раку — для открытых мощей или для закрытых?" Митрополит сказал: "Делайте для открытых"...

Ну, если рака для "открытых" мощей, то стало быть действительно "все обстоит благополучно"...

Я и теперь еще сомневаюсь. Но когда мощи будут явно для всех открыты — это будет для меня великая помощь Божия. Хотелось бы помолиться: Преподобный Отче, Серафиме, моли Бога о нас грешных!»[11]

23 ноября 1902 года обер-прокурор К. П. Победонос-

цев направил в Святейший синод предложение о прославлении преподобного Серафима Саровского, с этого момента процесс стал необратимым. Далее события развивались с необыкновенной быстротой, и это неудивительно – до даты прославления оставалось немного времени. Из череды событий тех дней нас в первую очередь интересует официальное освидетельствование мощей преподобного, которое было назначено на 11 января 1903 года.

В Государственном архиве Российской Федерации среди бумаг Департамента полиции находится интересное анонимное свидетельство: «Пишущий эти строки, по милости Божией, удостоился 11-го января 1903 года, посетить Саровскую пустынь. В этот день прибытия в обитель, по поручению Святейшего Синода Высокопреосвященнейший Владимир, митрополит Московский, епископ Тамбовский Димитрий, епископ Нижегородский Назарий, архимандрит Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Серафим...

Мы выехали из Москвы по Московско-Казанской железной дороге со скорым поездом 8 января, в 11-40 вечера... в 9-42 мы прибыли в Арзамас и на лошадях... мы к вечеру приехали в Дивеево, где переночевали и на утро, осмотрев Дивеевский монастырь, поехали в Саров (12 верст)... (Документ не является последовательным повествованием. — *В. С.*)

День был морозный. Мы основательно закуталися. Прекрасно проехали по чудному зимнему пути 60 верст в Дивеево, в гостинице нас гостеприимно встретили, отвели теплые чистые номера, накормили и обогрели. Господи, какой лаской, каким вниманием окружают Дивеевские монахини, точно к родным попал...»[12] На этом письменное свидетельство обрывается. В «Однодневном журнале под редакцией протоиерея Дмитрия Троицкого, благочинного Парижских церквей» «К тридцатипятилетию открытия мощей преподобного Серафима Саровского. 1903—1938», изданного в Париже, есть похожие воспоминания, также отрывочные, приписываемые М. С. Путятину.

Князь М. С. Путятин, на которого была возложена обязанность по составлению проекта и строительства раки для мощей преподобного Серафима, направлен был повелением императора Николая II в Саров для ознакомления с архитектурой Успенского собора, в котором предполагалось установить раку со святыми мощами. В состав Комиссии по освидетельствованию мощей отца Серафима он не входил. К сожалению, записи М. С. Путятина не сохранились

в полном объеме и о многом приходится только догадываться.

По прибытии в Саровскую пустынь 11 января 1903 года комиссия приступила к работе.

«Акт освидетельствования честных останков
приснопамятного Саровского старца
иеромонаха отца Серафима.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

В лето тысяча девятьсот третье от Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, января в одиннадцатый день, митрополит Московский и Коломенский Владимир, епископ Тамбовский и Шацкий Димитрий, епископ Нижегородский и Арзамасский Назарий, архимандрит суздальский Серафим, архимандрит вышенский Аркадий, игумен саровский Иерофей, казначей саровский иеромонах Климент, ключарь Тамбовского кафедрального собора священник Тихон Поспелов и прокурор Московской Святейшего Синода конторы князь Алексей Ширинский-Шихматов приступили к исполнению поручения Святейшего Правительствующего Синода по делу освидетельствования честных останков приснопамятного саровского старца иеромонаха отца Серафима. По выслушании поздней литургии, а затем отслуженной епископом Димитрием панихиды по в Бозе почивающем старце, призванные к освидетельствованию лица вступили в часовню, устроенную над могилой иеромонаха Серафима при юго-восточном выступе летнего собора во имя Успения Пресвятой Богородицы. Находящийся среди сей часовни надгробный чугунный памятник являет собой подобие гробницы, установленной на чугунной же подставке, которая, в свою очередь, основана на тесанном из камня цоколе. Этим надгробием совершенно убедительно определяется место упокоения блаженного старца о. Серафима. На памятнике имеется следующая надпись: "Под сим знаком погребено тело усопшего раба Божия иеромонаха Серафима, скончавшегося 1833 года генваря 2-го дня, который поступил в сию Саровскую пустынь из курских купцов на 17-м году возраста своего, скончался 79 лет. Все дни его посвящены были во славу Господа Бога и в душевное назидание православных христиан, в сердцах коих и ныне о. Серафим живет". В возглавии надгробия, с западной стороны, помещено выпуклое бронзовое изображение блаженной кончины о. Серафима с надписью: "Блаженная кончина о. Серафима, Саровской обители иеромонаха и пустынника, 1833 года января 2-го дня".

С южной стороны памятника, внизу, на высоте 2 ½ вершка от пола, видно круглое отверстие, чрез которое чтущие память о. Серафима брали песок с его могилы. По распоряжению высокопреосвященного митрополита Владимира, в часовню, в полдень, призваны были для изнесения описанного надгробия несколько человек из проходящих в обители различные послушания. Надгробие и подставка к оному вынесены во вновь сооруженный храм над келией о. Серафима.

По изнесении памятника затворена была входная дверь, и несколько умелых работников под наблюдением сведущего каменщика разобрали тесаный каменный цоколь, а затем выбрали весь песок на глубине одного аршина до свода, выложенного над могилой приснопамятного старца Серафима.

Свод очищен был к 4 часам по полудни. Посредине, с северной стороны, свод оказался разобранным на пространстве одного квадратного аршина, и место это заложенным тремя кусками толстой доски. Отверстие это было проломано в своде по распоряжению Преосвященного Димитрия, епископа Тамбовского, производившего в августе прошлого 1902 г. предварительное освидетельствование гроба и останков о. Серафима по особо доверительному поручению Святейшего Синода. Засим разобран был самый свод, сложенный из весьма крупного одномерного кирпича, легко разсыпавшегося на слоевидные куски.

Внутри склепа присутствующие увидели гроб-колоду из дубового дерева. Ввиду невозможности произвести тщательный осмотр честных останков старца Серафима на глубине 1 арш. 14 вершк. признано было необходимым поднять гроб из склепа, что и было исполнено с особою осторожностью, причем под колоду подведены были холсты, которыми гроб был поднят и установлен с северной стороны могилы на особом приуготовленном столе.

После сего присутствующие приступили к тщательному осмотру внешнего вида гроба-колоды, причем оказалось, что таковой имеет следующие размеры: в обхвате — в головах 2 аршина 12 ½ вершка, в ногах —2 аршина $10^{3}/_{8}$ вершка и длина — 3 аршина ½ вершка; цвет гроба почти черный. Дно гроба в ногах с правой стороны, а также верхняя часть крышки несколько истлели, и во многих частях наружной оболочки при испытании дерево оказалось мягким и сырым. Тем не менее в целом гроб оказался крепким.

По снятии крышки гроба внутренние его стенки также

оказались сырыми, в трех местах покрытыми плесенью, хотя при этом никакого запаха ощущаемо не было. В гробу присутствующие увидели ясно обозначенный остов почившего, прикрытый остатками истлевшей монашеской одежды.

Тело приснопамятного старца о. Серафима предалось тлению. Кости же его, будучи совершенно сохранившимися, оказались вполне правильно размещенными, но легко друг от друга отделяемыми. Волосы главы и брады, седовато-рыжеватого цвета, сохранились, хотя и отделились от своих мест. Подушка под главой приснопамятного о. Серафима оказалась наполненной мочалой. На ногах имеются лычные "ступни". Под руками приснопамятного о. Серафима обнаружен медный литой крест, размером приблизительно в 3 вершка.

По освидетельствовании, останки в Бозе почивающего были накрыты глазетом, а гроб-колода обвязан в головах и ногах прочным шелковым шнуром, концы которого, на особой доске, были припечатаны именною печатью Высокопреосвященнаго Владимира, митрополита Московскаго. Засим гроб опущен был в могилу, покрыт парчевым покровом, а склеп задвинут деревянным щитом, поверх коего положен ковер, и установлен облаченный в белый глазет стол, на коем утверждена икона Пресвятой Богородицы, именуемая "Умиление", и возжена лампада.

Производившие освидетельствование покинули часовню в 6 часов по полудни.

Подлинный акт подписали:

Владимир, митрополит Московский и Коломенский.

Димитрий, епископ Тамбовский и Шацкий.

Назарий, епископ Нижегородский и Арзамасский.

Суздальский архимандрит Серафим (Чичагов).

Настоятель Вышенской пустыни архимандрит Аркадий.

Настоятель Саровской пустыни Игумен Иерофей.

Казначей Саровской пустыни Иеромонах Климент.

Ключарь Тамбовскаго Кафедральнаго собора священник Тихон Поспелов.

Прокурор Московской Святейшего Синода Конторы Князь Алексей Ширинский-Шихматов»[13].

Прекрасно понимая серьезность и ответственность мероприятия, члены комиссии составили довольно подробный документ, из которого явствовало: захоронение старца находится под именным надгробным памятником. Гроб-колода обнаружен на глубине около одного метра и тридца-

ти сантиметров, имеет незначительные повреждения, «...в целом гроб оказался крепким». Тело старца Серафима предалось тлению, и останки его представляли собой скелет, с естественным образом расположенными костями. Волосы головы и бороды имели «седовато-рыжеватый» цвет. На груди обнаружен медный литой крест приблизительно 13 сантиметров длиной.

С подробным докладом и актом освидетельствования святых мощей Тамбовский владыка Димитрий направился в Северную столицу. Следует упомянуть о подтасовке фактов, касающихся биографии Тамбовского епископа. Нередко можно встретить уверения, что владыка Димитрий был против прославления старца Серафима. В журнале «Атеист» это измышление представлено во всей красе: «он (т. е. тамбовский епископ Димитрий) заявил, что бумагу, удостоверяющую нетленность мощей, он не подпишет, так как "окромя трухи" ничего в могиле Серафима не видал. Его пробовали урезонить, уговаривали его и губернатор и другие власти, ничего не помогает: уперся старик, и все тут: "окромя трухи как есть ничего не видал, ни одной мощи".

Тогда его без околичностей перевели в другую епархию, а на место его назначили более сговорчивого епископа, — "моща" открылась... Все это передавал тамбовский губернатор одному господину, а последний — отцу моему, так что это — факт, не слух»[14].

На самом деле из архивных документов видно, как последовательно и твердо епископ Димитрий исполнял свой долг. Докладывая результаты первого обследования, он не побоялся высказать высокому собранию свое мнение о необязательности исследования мощей. Официальное освидетельствование проводилось также в присутствии владыки, и подпись его стоит второй после председателя Комиссии митрополита Московского и Коломенского Владимира. После доклада Святейшему синоду и высочайшего его утверждения императором Николаем II, 29 января 1903 года в «Церковных ведомостях» было опубликовано «Деяние Святейшего Синода» с объявлением официального признания старца Серафима в лике святых. В феврале 1903 года преосвященный Димитрий возведен в сан архиепископа и направлен в одну из ведущих епархий страны — Казанскую. Этот факт следует понимать как заслуженную награду пастырю. На самих торжествах прославления преподобного Серафима архиепископ Димитрий присутство-

вал в качестве почетного гостя, участвуя во всех мероприятиях и богослужениях.

29 января 1903 года — знаменательный день для старца Серафима и многих россиян — в «Деянии Святейшего Синода» «всечестные останки его» названы святыми мощами. Для кого-то это событие стало праздником, а для врагов церкви послужило сигналом к действию. Новое, для многих непонятное определение останков как «всечестных», а не нетленных, как обычно было до этого, подлило масла в огонь.

Уже 1 марта зафиксировано сообщение секретного агента столичного Департамента полиции о собрании группы интеллигентов, на котором «последующий оратор говорил о более мелких, на первый взгляд, но на самом деле, громадной важности, фактах, а именно, о студенческих псевдо организациях, брошюрах генерала Богдановича* и об открытии мощей Серафимовых. Он констатировал ту опасность, которая уже выясняется от надувательства темных масс, и рекомендовал выработать ряд мер борьбы, что и было принято собранием»[15].

Или вот еще одно донесение.

«Совершенно секретно.

Начальнику отдела по охране общественного порядка в Москве № 6828

от 24. 04. 1903.

Имею честь представить Вашему Превосходительству, что по полученным из агентурного источника сведениям, ко дню 19-го Июля — открытия мощей в Саровской пустыни, революционными группами предполагается выпуск целой серии нелегальной литературы по поводу означенного события и специально предназначенной для раздачи среди богомольцев, причем таковые брошюры предполагаются быть отпечатанными или в России или за границей.

Независимо от сего, из того же агентурного источника известно, что в городе Воронеже в квартире Нины Ива-

---

* Вероятно, речь идет о Николае Модестовиче Богдановиче (1856—1903) — уфимском генерал-губернаторе. В начале 1903 года в городе Златоусте на оборонном заводе были введены расчетные книжки нового образца, против которых выступили рабочие. В марте этого года, в результате спровоцированного противоборства между рабочими и солдатами произошел конфликт, и солдаты вынуждены были применить оружие. 45 человек погибли, 87 получили ранения. Революционные организации объявили Богдановича врагом рабочего класса, 6 мая 1903 года он был убит членом Боевой организации.

новны Петрусевич, находящейся при земской фельдшерской школе, имеет склад нелегальной литературы, каковую можно получать через ее мужа, причем для сей цели существует пароль и явившийся за литературой должен сказать, что он явился от "Сэра Прометея"»[16].

Многие революционные организации печатали листовки, в которых имя старца Серафима было только приманкой. Например, Нижегородский комитет Российской социал-демократической рабочей партии распространял листовки с обращением «К саровским богомольцам»: «Слушайте Богомольцы! Мы не будем говорить вам о мощах Серафима... Везде теперь в России происходят крестьянские и рабочие волнения. Забитые и изголодавшиеся крестьяне, ободранные догола помещиками и царскими чиновниками, не могут больше терпеть... Рабочие не хотят больше гнуть с утра до вечера спину»[17] и т. д. и т. п.

В провинции такие акции были малоэффективны и в большинстве своем пресекались на корню. Другое дело, когда революционеры брались за дело в столице. В конце мая — начале июня в Петербурге начали хождение подметные листовки, автором которых был некий «Союз борьбы с православием» — неизвестная организация, больно затронувшая тему предстоящих в Сарове торжеств. Митрополит Санкт-Петербургский Антоний вынужден был вступить в полемику. Его небольшая статья под названием «Необходимое разъяснение» была напечатана в газете «Новое время» от 21 июня. Спустя неделю статья, дополненная выдержками из книги профессора Евгения Евсигнеевича Голубинского и по объему увеличенная в два раза, напечатана в «Прибавлении к "Церковным ведомостям"»:

«Недели три назад по Петербургу усиленно распространялись гектографированные листки от какого-то "Союза борьбы с православием", которое объявлено вредным для блага народа. Вместе с сим заявлялось, что союз "принял на себя, во исполнение долга своего пред истиною и русским народом, расследование дела о мощах Серафима Саровского и не остановится, в случае надобности, и перед вскрытием содержимого гроба".

Не знаю, существует ли действительно такой союз борьбы с православием, или листки эти суть плод досужих занятий какого-либо любителя смуты; во всяком случае, распространенные в громадном количестве, они заставили говорить о себе петербургскую публику, а, быть может, и провинциальную и самую захолустную, если проникли и

туда. Будь в листках только оповещение об образовании союза, о них и говорить не стоило. Утверждать, как это делает союз, что православие вредно для блага русского народа, — значит обнаруживать полное невежество и совершенное непонимание русской истории. Но в листках грубо затронуто дело о мощах святого старца Серафима, с неприличным намеком на содержимое в гробу, да еще "во исполнение долга пред истиною", как будто истина была тут кем-либо попрана. Не осуждаю этой грубости, как и Господь не осудил Фому неверного. Притом, и помимо листков о мощах старца Серафима много легкомысленных разговоров даже между людьми образованными, благонамеренными и верующими. Есть сомнения, есть для многих мучительный вопрос: что в гробу. Не осудим и этого легкомысленного сомнения, но дадим прямой ответ на вопрос "что же в гробу"? В гробу обретен ясно обозначившийся под остатками истлевшей монашеской одежды остов почившего старца. Тело предалось тлению. Кости же и волосы головы и бороды совершенно сохранились. Таково содержимое гроба.

Но тут-то и начинается для многих камень преткновения. "Есть у нас люди", справедливо говорит профессор Е. Голубинский, "имеющие ревность Божию не по разуму, которые утверждают, будто мощи святых всегда и непременно суть совершенно нетленные, т. е. совершенно целые, нисколько не разрушенные и не поврежденные тела". Между тем такое утверждение совершенно неправильно и не согласуется с всецерковным сознанием, по которому нетление мощей вовсе не считается общим непременным признаком для прославления святых угодников. Доказательство святости святых составляют чудеса, которые творятся при их гробах или от их мощей, целые ли эти тела или от их мощей, целые ли это тела или только кости одни. Нетление мощей, когда оно есть, есть чудо, но только дополнительное к тем чудесам, которые творятся чрез их посредство (см. об этом подробное расследование в статье "Нетление мощей" № 12 "Церковных ведомостей" за текущий год). И святость старца Серафима определялась не свойством его останков, а верою народа и многочисленными чудесами, которые, по обследовании их надлежащим образом, не представляли никакого сомнения в своей достоверности, по свойству своему относясь к событиям, являющим чудодейственную силу Божию ходатайством и заступлением о. Серафима. И только после такого удостоверения в святости и молитвенном дерзновении о. Серафима перед Богом постановлено,

чтобы и всечестные его останки были предметом благоговейного чествования от всех притекающих к его молитвенному предстательству ("Деяние Святейшего Синода" 9* января 1903 г.). Ибо не ставят светильника под спудом. Больно было бы для верующего сердца сокрыть и останки преподобного под землею.

У святого человека все свято и чудодейственно, даже тень, даже одежда, а не одно только тело или кости. Так, тень апостола Петра, головные повязки апостола Павла исцеляли больных от болезней. От прикосновения к костям пророка Елисея воскрес мертвый. Даже прах, по которому ступали ноги святого человека, приобретает целебную силу. Так, после святого старца Серафима земля с его могилы; камень, на котором он молился, вода из источника, который он вырыл, почитаются как святые и по частям разбираются и разносятся верующими по домам, как чудодейственные, подающие целение в разных недугах. Останки же его тела, кости его, для верующего суть драгоценная святыня, истинное сокровище, чрез посредство которого подается почитающим его цельбоносная помощь.

Итак, от старца Серафима остались в гробу только кости, остов тела, но, как останки угодника Божия, человека святого, они суть мощи святые и износятся ныне при торжественном его прославлении из недр земли для благоговейного чествования их всеми притекающими к молитвенному предстательству его, преподобного старца Серафима.

Митрополит *Антоний*.

С.-Петербург, июня 20»[18].

Одновременно со статьей в «Новом времени» «Церковный вестник» опубликовал без купюр акт освидетельствования мощей от 11 января 1903 года. В своем дневнике митрополит Арсений (Стадницкий) так охарактеризовал возникшую ситуацию:

«*23 июня*. С 4-х до ½ 6-го был у владыки... О делах, по обыкновению мало говорили. Главный предмет был — предстоящее открытие останков препод. Серафима и связанные с этим толки и опасения. Появилось в "Новом времени" письмо митр. Антония, в ответ "против Союза борьбы с православием", рассылающего тысячами листки, изобличающие якобы обман Синода относительно мощей Серафима, и угрожающего разоблачением, даже насильственным. Правды, конечно, нет никакой. Но в "деянии"

* Ошибка. Следует читать: 29 января.

Синодальном, действительно, сказано об этом несколько прикровенно: "признать останки за святые мощи". Нужно было одновременно с "деянием" обнародовать и акт засвидетельствования. Этого не сделали вовремя, — что и послужило поводом к разным толкам и инсинуациям. Т... в "Ц. В-х" опубликовал этот акт, но — несвоевременно, и как будто выжатый вынужденно. Это — большая ошибка. Предсказывают беспорядки во время открытия 19-го июля»[19].

Ситуация накануне прославления старца Серафима действительно была непростой, и организаторы, сами того не понимая, усугубляли ее своими непоследовательными действиями. 11 января день «прикровенного» признания мощей отца Серафима тленными. 29 января опубликовано «Деяние Святейшего Синода», в котором мощи названы «всечестными останками». 22 марта в «Прибавлении к "Церковным ведомостям"» публикуется статья протоиерея Петра Смирнова «Нетление святых мощей», которая начинается словами: «В числе чудес, которыми прославляет Господь святых, одно из самых видных и поразительных есть — нетление святых мощей... В нетлении святых мощей Господь являет нам один из поразительных признаков возвращения человеческого тела, силою божественной благодати, дарованной нам Спасителем мира, из тления, в которое ввел нас грех, в нетление, для которого мы первоначально были сотворены»[20].

По этому поводу в своих дневниках, не рассчитанных на массового читателя, хорошо сказал Александр Алексеевич Киреев:

«*8 июля 1903 г.* Раскольники очень волнуются (радостно) истории истлевшего святого Серафима! Само по себе истлевание не имеет никакого значения, мало ли истлевших останков... Все мы материализуем и Тело, и Кровь Христовы в Евхаристии, и мощи святых, и святые иконы мироточивые... Вот теперь и изворачиваемся, точно виноватые, когда мы только глупы. Выхватили из Ветхого Завета "Тление не коснется Твоего Святого" и нянчимся с ним, забывая, что мощи Николая Мир Ликийских состоят из одного костяка»[21].

Наивное понятие о нетлении мощей в своих «Записках» высказал Мотовилов, вложив его в уста преподобного Серафима, по которому на каждом православном кладбище можно встретить нетленные мощи. Та часть тела, где у христианина «Дух Святой жил», — остается нетленной, а где «тьма греховная» — истлевает. Если на кладбище быва-

ют нетленные тела грешников, то по молитве священника они истлевают мгновенно, «не будучи достойны славы святонетления, только одним истинным угодникам Божиим предоставленной»[22].

Понятие нетленности мощей известно с первых веков христианства и вошло в нашу жизнь с древнейших времен, и мы все понимаем: если мощи называют нетленными, то, значит, тело праведника не подверглось тлению, разложению. Но мощи праведников находят и поднимают из-под спуда в различной степени «нетления». Кто-то остался в теле, как нам свидетельствует действительное чудо преподобного Александра Свирского, кто-то остался частично нетленным, как Димитрий Ростовский или Митрофан Воронежский, а преподобный Серафим Саровский предстал перед членами комиссии костями. Что это? Знак свыше?

Действительно, «состояние плоти тайновидца Святой Троицы (преподобного Александра Свирского. — *В. С.*) настолько отличается от известных науке естественных мумий (не говоря уже об искусственных), настолько нарушает закономерности посмертного распада тканей человеческого организма, что это вызывает полное недоумение ученых»[23]. И все же следует признать — признаки распада плоти присутствуют во всех примерах, в том числе и касательно мощей преподобного Александра Свирского.

Д. И. Протопопов в своей брошюре «О нетлении святых мощей», изданной задолго до канонизации преподобного Серафима, пишет:

«Мудрецы века сего говорят: "Почему не все тела святых Божиих остаются нетленными? Почему некоторые тела святых не предаются тлению; другие, подобно телам обыкновенных людей, истлевают и обращаются в прах; от иных святых мощей видим только некоторые твердые части — кости? Ужели Бог не равно благ ко всем боящимся Его, не равно делает всех их причастниками жизни и Своей славы? Для чего Он для одних приблизил время прославления и воскресения, для других — отдалил?"...

Нам известно, что не все святые будут в вечной загробной жизни на одной степени блаженства, ибо не в равной степени нравственного совершенства исходят из этого мира. Но одни будут находиться ближе к Источнику жизни и блаженства — Иисусу Христу, другие далее, хотя все они будут наслаждаться неизреченным блаженством»[24].

Своеобразное толкование, не совсем согласующееся с

одиннадцатым членом (предложением) «Символа веры», в котором говорится о всеобщем и всемирном воскресении. «Если Всемогущий Бог дал нам раз бытие, перст взем от земли, то, очевидно, может взять ее от земли и в другой раз и оживотворить ее. Если Бог целый мир образовал из неустроенной, Им же сотворенной из ничего материи, то разве не может образовать снова тел наших из перси земной, и представить их теми же самыми телами и в том же самом, только обновленном виде?»[25]

Город Саров известен своими учеными-ядерщиками, среди них есть православные люди, убежденные в том, что человек, погибший в эпицентре ядерного взрыва и от тела которого останется невидимая миру частица, воскреснет наравне со всеми в теле наделенной душой, а далее суд Божий расставит всех по своим местам. И не будут святые, монахи и простые миряне выстраиваться по степени нетления останков.

В 1894 году увидела свет книга замечательного исследователя истории Русской православной церкви Евгения Голубинского «История канонизации святых в Русской церкви», который за смелые высказывания в этой книге о святых мощах подвергся критике. Но вот настал 1903 год, и правота профессора Голубинского подтвердилась. В своем дневнике митрополит Арсений вспоминает о своей беседе с Евгением Евстигнеевичем, которая состоялась 23 апреля 1903 года: «С большим удовольствием, но вместе и с иронией, рассказал он как Св. Синод при канонизации останков Серафима воспользовался его "Канонизацией святых на Руси", какая книга доставила ему прежде много неприятностей. Е. Е-ч говорил даже, что и "Синодальное деяние" составлено под влиянием его идей. "За это, тут я сказал, пожалуй, и Вас можно будет канонизировать". — Нет, не нужно, — тоже смеясь, ответил он»[26].

Голубинский писал: «Есть у нас люди, имеющие ревность Божию не по разуму, которые утверждают, будто мощи святых всегда и непременно суть совершенно нетленные, т. е. совершенно целые, нисколько не разрушенные и не поврежденные, тела. Утверждают они это потому же, почему подобные им люди утверждали это в XV веке, а именно — ради воображаемого ими неверия людского, ради их мнения о простых людях, будто "кой только (святой) не в теле лежит, тот у них (простых людей) не свят". Но они лгут на простых людей, которые в действительности относятся к мощам с одинаковым благоговением и усердием, представ-

ляют ли последние из себя целые тела или же только кости и небольшие остатки и частицы костей...

Итак, намеренное неправильное представление дела для простого народа не нужно, а правильное представление должно быть таково, что мощи святых иногда суть более или менее целые тела, иногда же одни кости. Самое название останков святыми мощами означает, что предки наши разумели под ними по преимуществу кости, ибо слово: "мощи" означает именно кости»[27].

Своими словами уважаемый профессор ставит вопрос о правомерности применения к святым мощам эпитета «нетленные». В «Деянии Святейшего Синода» 1903 года мощи преподобного Серафима названы «всечестными останками», пример, о котором сегодня не следует забывать, чтобы не вводить во искушение простых людей.

Официальное освидетельствование закончилось, но не закончились мытарства преподобного Серафима. В 1938 году в Таллине была опубликована книга протоиерея Димитрия Троицкого* «Житие преподобного Серафима Саровского», в которой преподносится видение открытия мощей преподобного Серафима в 1903 году неизвестным автором. Что касательно биографии преподобного Серафима — книга ничем не примечательная, обычное переписывание прежних изданий. Самое интересное обнаруживается в той части книги, где рассказывается о прославлении старца. Сразу следует оговориться, что отец Димитрий не являлся очевидцем событий 1903 года, хотя в тексте встречается ремарка: «...по личному впечатлению автора»[28]. Родившийся в 1886 году, он был слишком молод — в 1903 году ему было 17 лет, и его рассказ — это пересказ со слов, предположительно, Путятина. То, что этот материал готовил к изданию человек, совершенно несведущий в событиях 1903 года, говорит то нагромождение фактов и несуразностей, которые могли возникнуть только потому, что составитель собирал материал, находясь за границей и спустя много лет после прославления отца Серафима. Текст книги следует разбирать постепенно и по частям.

---

* *Димитрий* (*Дмитрий Иванович Троицкий*; 1886—1939) — протоиерей, кандидат богословия. Во время Гражданской войны служил в белой армии полковым священником. В начале 1920-х годов эмигрировал. Основал в Париже на улице Лекурб общежитие для русских эмигрантов и храм во имя Преподобного Серафима Саровского. Там же разместилась женская Серафимо-Дивеевская община. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа в окрестностях Парижа.

«Прославление.

В 1901 году Святейший Синод Русской Православной Церкви поручил архиепископу Тамбовскому Димитрию обследовать могилу, гроб и останки старца Серафима, собрать весь материал к предстоящему прославлению угодника Божия. Архиепископ Димитрий в начале следующего (1902) года, в сопровождении духовных лиц и лиц гражданской администрации, прибыл в Саров и приступил к обследованию захоронения. Напомним: могила батюшки Серафима находилась с правой стороны Успенского собора. Усердием почитателей над могилой была поставлена прекрасная часовня и воздвигнуто тяжелое чугунное надгробие над склепом»[29].

Какие здесь видны неточности? Святейший синод приступил к делу прославления старца Серафима и поручил обследовать могилу преподобного в июле—августе 1902 года.

«Когда разобрали надмогильный свод, перед архиепископом Димитрием и членами Комиссии предстала совершенно неожиданная картина: могила подвижника оказалась затопленной, и вода полностью покрывала крышку гроба. Архиепископ Димитрий решил немедленно прекратить дальнейшее освидетельствование, составил по этому случаю акт и с пояснениями отправил Святейшему Синоду о сем донесение. Авторитетные хозяйственники и саровские старцы пришли к мнению: вода попала в могилу преподобного при водопроводных работах, происходивших здесь лет сорок тому назад. Так что гроб отца Серафима стоял в воде длительное время; это побудило архиепископа Димитрия испросить дальнейших указаний Синода».

Вот здесь автор разместил самые фантастические измышления, по которым получалось, что на территории, прилегающей к часовне над могилой старца Серафима, на глубине 1 метр 30 сантиметров в течение сорока лет стояла водяная линза. Для образования такой линзы несколько ниже уровня прокладки монастырского водопровода должен был существовать пласт глины, препятствующий уходу воды.

О геолого-литографическом строении и гидрогеологических условиях на монастырской площади нам расскажет отчет, подготовленный сотрудниками Всесоюзного научно-исследовательского и проектного института энергетических технологий (ВНИПИЭТ) 23 июля 1993 года. По заданию администрации города Арзамас-16 на монастырской площади было проведено бурение семнадцати сква-

жин. Целью изысканий являлось изучение геолого-литологического разреза площадки до глубины 8—10 метров для решения вопроса о предотвращении разрушения зданий и дорог на территории бывшего монастыря. Дело в том, что в этот период на монастырской площади произошло несколько провалов грунта в месте залегания водопроводных труб, проложенных в период организации секретного объекта, то есть с 1946 по 1950 год.

Скважина № 10 была пробурена рядом с автомобильной дорогой, проходящей мимо парадного крыльца бывшего храма во имя Преподобного Серафима и в нескольких метрах от места, на котором сейчас восстановлена часовня над могилой преподобного Серафима. Бурение дало следующие результаты: верхний почвенный слой — 40 сантиметров, далее строительный мусор, супесь; с глубины 2,2 метра — супесь черная с дресвой и щебнем доломита до 25 процентов; с глубины 3,7 метра и до 10 метров — доломитовая мука темно-коричневого цвета с дресвой и щебнем доломита до 25 процентов. Подземных вод на всей территории не обнаружено. Лабораторные исследования показали, что доломитовая мука классифицируется как пылевидный грунт, резко снижающий прочность при замачивании и склонный к размыванию. По результатам исследования можно сделать вывод: состав грунта — супесь и доломитовая мука — не являются препятствием для воды, которая должна уходить в более низкий горизонт, с образованием карстовых воронок и провалов.

«Авторитетные хозяйственники», каковыми были саровские монахи, знали о свойствах грунта не понаслышке, так как под монастырской площадью находился комплекс пещерных галерей. Водопроводная система монастыря, существовавшая с первой половины XIX века, находилась под пристальным наблюдением, о чем свидетельствуют монастырские документы.

Саровский настоятель докладывал в Тамбовскую духовную консисторию о проделанных работах по ремонту и строительству в 1892 году: «Водопровод, снабжающий монастырь и гостиницы водою, исправлен, в источнике, из которого получается вода, сделан новый сруб, исправлен насос и вновь проложены вдоль всего монастыря водопроводные трубы»[30].

Спустя три года, в 1895 году, игумен Иерофей сообщает: «Исправлен водопровод в монастыре: часть заложенных глубоко в земле водопроводных деревянных труб, испор-

тившихся и лопнувших, вынута и заменена новыми чугунными, как более прочными для этой цели»[31].

О предусмотрительности «авторитетных хозяйственников» свидетельствуют архивные документы. Во-первых, основная водопроводная линия от северо-восточной башни, в которой находился водонапорный бак, и до монастырской трапезной, то есть мимо места захоронения старца Серафима, была проложена в тоннеле, выложенном из кирпича. Так как водопровод проходил над подземным комплексом с пещерным храмом во имя Антония и Феодосия Киево-Печерских, этот тоннель позволял рабочим осуществлять постоянный контроль за системой водоснабжения и его ремонт. Во-вторых, для общего контроля, «на случай дознания порчи труб устроены четыре клапана [закрыло]... по закрытии их, показывают, в какой стороне и по какой линии где оказалась течь. Самая же порча трубы обозначается посредством наблюдения скорой убыли воды из бассейна в Башне»[32].

Как видим, монашествующие знали о степени промерзания грунта в этих широтах и водопроводные трубы закладывали «глубоко» — до 2 метров от поверхности. Траншея под водопровод проходила по южной стороне монастырской площади. От основной магистрали существовали ответвления к южному ряду келий, архиерейским покоям, трапезному корпусу и далее к колокольне. Вода всегда выбирает движение в направлении, где встречает наименьшее сопротивление, то есть утечка воды происходит либо вниз, либо вдоль магистрального заложения труб.

Утверждение Димитрия Троицкого о том, что саровские монахи в течение сорока лет не проверяли состояние деревянных водопроводных труб, — очередной миф. И утверждение, что могила старца Серафима оказалась затопленной водой, — абсурд.

Читаем далее: «Пока происходил обмен мнений, еще сильнее в верующей среде проявилась Божественная милость к людям, с верою призывавших на себя заступление великого старца. Синод решил продолжить обследование честных останков и сделать все необходимые приготовления к достойному их прославлению. Вскоре Тамбовского архиепископа Димитрия перевели на Казанскую кафедру, а в Тамбов поставили преосвященного Иннокентия (Беляева)».

В действительности: епископ Димитрий (Ковальницкий) назначен на Тамбовскую кафедру 27 апреля 1902 года,

а 8 февраля 1903 года — он архиепископ Казанский и Свияжский.

Епископ Иннокентий (Беляев) возглавил Тамбовскую и Шацкую кафедры 8 февраля 1903 года, сразу после перевода владыки Димитрия.

«17 декабря 1902 года Император Николай II приказал Комиссии по устройству Саровских торжеств продолжить обследование. В ее состав входили: митрополит Московский Владимир (Богоявленский), архимандрит Серафим (Чичагов) и Алексей Александрович Ширинский-Шихматов. В состав этой Комиссии со специальным поручением также входил князь Михаил Сергеевич Путятин, архитектор сооружаемой раки. Для охраны порядка в Саров откомандировали капитана Д. Н. Ломана с командою Гвардейского батальона. Все эти лица выехали 9 января из Петербурга и 10-го уже были в Дивееве, откуда, переночевав, с рассветом выехали в Саров».

Я более склонен доверять свидетельству из Государственного архива Российской Федерации как более конкретному. Отъезд из Москвы 8 января в 23.40, прибытие — 9 января в Арзамас утром в 9.42. Вечером члены комиссии уже в Дивееве, и на следующее утро, 10 января, конечная остановка — Саров.

Читаем далее: «Пленительным зимним утром прибыли петербуржцы в монастырь. Благоговейно помолились в храме, исповедались, причастились Святых Христовых Тайн, затем в келии игумена Иерофея приступили они к уточнению программы занятий. Во всем этом непосредственное участие принимал высокопреосвященный Иннокентий и приехавшие с ним из Тамбова протоиерей кафедрального собора Тихон Поспелов и епархиальный архитектор. В три часа пополудни Комиссия перешла в часовню-усыпальницу и, по совершении соборне панихиды, приступили к разборке чугунного надгробия. Когда каменные работы исполнили, ключарь Тамбовского собора и князь Ширинский-Шихматов с зажженными восковыми свечами спустились в могилу, наполненную водой. С помощью заведенных под гроб холстов и веревочных снастей, усилиями монастырской братии гроб-колоду подняли наверх и поставили на деревянные балки, опиравшиеся на края могильного склепа. Поставили гроб с небольшим уклоном вперед, так что головная часть его несколько возвышалась, и вода, скопившаяся в нем, могла вытечь через отверстия. Позже всего этого гроб покрыли заранее приготовленным доща-

тым чехлом и парчевым покрывалом, поверх водрузили образ, затеплили пред ним лампаду и в головах установили большой серебряный подсвечник. Без промедления отслужили панихиду, составили протокол о действиях Комиссии, после чего митрополит Владимир благословил совершение ежедневных панихид по старце Серафиме. Вот отчет протокола. "Во имя Отца и Сына и Святого Духа...".

Подлинный акт подписали все поименованные в начале протокола лица».

Членом комиссии записан владыка Иннокентий, который еще не вступил на Тамбовскую кафедру, поэтому полномочий у него таковых не было. В подлинном Акте освидетельствования мощей преподобного, в котором четко записаны участники процедуры, есть владыка Димитрий и нет высокопреосвященного Иннокентия.

«В три часа по полудни Комиссия перешла в часовню-усыпальницу», — пишет отец Димитрий Троицкий. В официальном акте время начало процедуры около 12 часов дня, так как «По распоряжению высокопреосвященнейшего митрополита Владимира, в часовню, в полдень, призваны были для изнесения описанного надгробия несколько человек».

«На другой день, 12 января, члены Комиссии, оставив часовню с гробом преподобного на попечение монастырского начальства, выехали из Сарова. В течение почти полугода: с 11 января до начала июля 1903 года гроб находился в том самом положении, в котором оставили его члены Комиссии; вода по каплям вытекала из гроба, падая на дно открытой могилы, благодаря чему ко времени, назначенному для переложения мощей в новую раку — 3 июля, гроб уже достаточно обсох»[33].

Выражение «Пленительное зимнее утро» говорит нам о настоящей русской зиме, стоявшей на дворе во время работы комиссии. Что собой представляла часовня-усыпальница? «Почитатели памяти старца Отца Серафима изъявили желание устроить на месте упокоения его особый памятник в виде шатра из железа со стеклянными стенами, железною кровлею, главою и крестом»[34]. Металлическая часовня со стеклянными стенами не могла спасти от мороза всех и все, что находилось внутри этой конструкции, поэтому утверждение, что гроб оставлен над могилой, накрытый каким-то деревянным чехлом и «вода по каплям вытекала из гроба, падая на дно открытой могилы» в течение полугода, — это фантазия человека, не понимающего того, о чем он пишет.

В течение первых же суток январские морозы превратили бы гроб и мощи старца Серафима в единый монолит льда и святыня была бы утрачена безвозвратно. И еще один нюанс — автор, не задумываясь, пишет о том, что вода по каплям вытекала из гроба (через какие-то отверстия, которых не было) в течение полугода, но для этого гроб с останками преподобного надо было поставить вертикально. Такое даже представить невозможно... На протяжении восьмидесяти лет эти бредовые «воспоминания» читаются и многие, не сомневаясь, верят автору.

Выдумка о присутствии воды в могиле преподобного, вероятно, является попыткой некоторой части людей, близких к происходившим событиям в Сарове, таким образом объяснить тленность мощей старца Серафима, хотя затем в книге следует противоположное описание мощей.

Далее в описании Димитрия Троицкого перейдем к событиям, предшествующим праздничным дням. 3 июля гроб старца перенесен в храм Зосимы и Савватия и установлен посредине храма.

«Присутствующие при открытии крышки гроба свидетельствуют, что честные останки преподобного были завернуты в момент погребения в монашеский куколь. Отец Серафим лежал в гробу на дубовых стружках. Все содержимое гроба, ввиду дубильных свойств стружки, и самые честные останки, и седые волосы на голове, бороде и усах, и все одеяние преподобного — белье, холщевый подрясник, мантия, епитрахиль и куколь — все окрасилось в один цвет, напоминающий корку черного ржаного хлеба...

Надо заметить, что честные мощи преподобного Серафима Саровского относятся к разряду мощей неполного нетления, то есть неполность заключается в том, что при совершенной сохранности костей соединительные ткани сочленения и суставов подверглись тлению, вследствие чего конечности в локтях и коленях легко разнимались. Голова преподобного с уцелевшими на ней волосами, бровями, усами и бородою, по личному впечатлению автора, прекрасно сохранились. Верхние кожные покровы тоже частично хорошо сохранились и плотно облегали скелет, как бы к нему присохли, вследствие чего кисти рук в запястьях и ступни в щиколотках остались на своих местах неотделенными, а лик преподобного сохранил следы сходства с иконографическим его изображением»[35].

Непонятно, как такое возможно — в описании одного события присутствуют взаимоисключающие факты. В на-

чале повествования говорится о нахождении мощей в воде в течение сорока лет, что никак не могло способствовать их сохранности. И вдруг в описании появляются мощи «неполного нетлетия» и даже лик преподобного узнаваем и схож с изображениями на прижизненных портретах и иконах. Следующее несоответствие — в Саровской пустыни не практиковалась укладка на дно гроба какой-либо стружки, только под голову усопшего подкладывали подушку, которая в нашем случае была набита мочалой. Принимая во внимание, что никакой воды в захоронении преподобного не было и, следовательно, останки не подвергались воздействию мифических «дубильных свойств стружки» и не могли приобрести «цвет, напоминающий корку черного ржаного хлеба», следует придерживаться сведений, которые приведены в официальном Акте освидетельствования, подписанном членами комиссии, и где говорится: «Волосы главы и брады, седовато-рыжеватого цвета». Книга Димитрия Троицкого, с ее фантастическими подробностями, нагромождением нелепостей, увидела свет только благодаря отсутствию церковной цензуры и не имеет права в полной мере именоваться первоисточником по истории прославления мощей преподобного Серафима Саровского.

События 1903 года еще больше подняли престиж Саровской пустыни во всероссийском масштабе. Присутствие мощей внесло изменения и во внутренний уклад обители. В 1904 году из Тамбовской духовной консистории получено разрешение обносить святые мощи преподобного вокруг соборов Успенского и Живоносного Источника 19 июля ежегодно[36], в память о событиях 1903 года. Два раза в году — весной и осенью, высокоторжественно происходило перенесение мощей из зимнего собора Живоносного Источника в летний Успенский и из летнего в зимний.

Начало XX столетия прошло для Саровской обители благоприятно: расширялось хозяйство, благоустраивались дороги, мосты и мемориальные места, связанные с жизнью преподобного Серафима. Постоянно рос поток богомольцев: «Монастырские гостиницы в зимнее время могут поместить всех посетителей и богомольцев, примерно, до 2500 человек, а в летнее время до 5000 человек. Посетителей и богомольцев... в течение года примерно до 50 000 человек»[37]. Паломники приносили доход в казну обители, но руководство монастыря никогда не ставило меркантильные интересы впереди духовных. В начале 1910-х годов окрестные промышленники решили построить железную дорогу вблизи

монастыря, но встретили активное сопротивление со стороны монашествующих. «Саровская пустынь насаждена безмолвием, им она прославилась, им она всегда привлекала его любителей, — отвечали соборные старцы на запрос Тамбовского владыки. — ...Забота о безмолвии святой обители, всегда лежала и лежит на ея настоятеле... Проведение или устройство вблиз к Саровской пустыни железного пути является нарушением тишины и безмолвия обители, не сохранением и не исполнением заветов Первоначальника обители, а равно не исполнением Святоотеческих наставлений и учений»[38]. Такие доводы оспорить невозможно, и этот проект остался нереализованным.

Начало скорби

История Саровской пустыни в XX веке неотделима от истории Русской православной церкви и государства так же, как и испытания, выпавшие на их долю.

В начале века ошибочная политика государства внутри огромной страны создала социальное напряжение, вылившееся в массовые выступления населения и известные сегодня как первая русская революция 1905 года. Как всегда бывает в таких непростых моментах истории, наряду с революционерами-экспроприаторами пытались решить свои проблемы за счет других и простые уголовники.

В далеком 1908 году Саровский монастырь при почтовой темниковской дороге испытал на себе все беды транспортной артерии: в большом количестве здесь «расплодились» «разбойники с большой дороги», наполняющие дорожными грабежами партийные кассы. И, как водится на Руси, радея о всеобщем благе, не забывали при этом и о себе.

С августа 1903 года при Саровском монастыре существовал полицейский участок из двадцати трех человек во главе с надзирателем[39]. С объявлением 14 апреля 1906 года тамбовским губернатором «Обязательного постановления о местностях, состоящих на положении усиленной охраны», то есть введением военного положения (оно касалось и Темниковского уезда), Саровская полиция была вооружена винтовками и револьверами[40], и, как оказалось, не напрасно. На столе губернатора постоянно росла кипа бумаг с описанием происшествий на подвластной ему территории. Из сводки происшествий за два года:

«17 сентября 1906 года в Сарове была арестована Татья-

на Метальникова и отобран у нее заряженный браунинг, та Метальникова, которая совместно с 8 лицами, совершила вооруженное нападение на почту под станцией "Пачелмой" (Тамбовской губернии), где был убит почтальон Михалев. Ее судили в г. Пензе, и военно-окружной суд приговорил на 15 лет каторжных работ, но она бежала из земской больницы и до сего времени не разыскана...

В октябре 1906 г. совершено вооруженное нападение крестьянами Шеваренковыми на Саровского монаха о. Феодорита, на Средней мельнице. В поимке их участвовали Саровские городовые, суд дал каждому из Шеваренковых по 8 лет каторги...

В июле 1907 г. был смертельно ранен грабителями городовой Нестеркин, уроженец села Жегалова...

В августе 1907 г. был пойман городовым Поликановым грабитель Резепов, совершивший ограбление монаха на пустынке и сломавший монаху несколько ребер»[41].

Настоящий переполох в Саровской пустыни вызвала депеша исправника Темниковского уезда:

«Из Тамбовского жандармского управления "секретно":

Сообщаю для сведения и принятия соответствующих мер, что мною получены агентурные сведения о том, что шайкой анархистов из г. Саратова решено взорвать в Саровской пустыне Собор и раку Св. мощей пр. Серафима Этому преступному замыслу содействуют будто бы какие-то два раскольника из Саратова и два монаха, приезжавшие из пустыни в г. Саратов.

Полковник *Устинов.*
Марта 11 дня 1908 г.»[42].

Саровская старшая братия проявила свои способности и в выявлении преступников. Было установлено, что в феврале 1907 года из Сарова уволен за проступки послушник мещанин города Саратова Александр Бомбардиров, имевший в собственности монашескую одежду. Кроме того, 2 июня 1907 года из Сарова также за проступки уволен бывший послушник крестьянин Кузнецкого уезда Саратовской губернии Егор Архиереев.

Полученная информация была тотчас сообщена в жандармское управление, и дальнейшие поиски позволили найти двух саровских лжемонахов, действительно озлобленных на монастырское начальство. Такими совместными оперативными действиями монашествующих и полицейских чинов теракт в Саровской пустыни был предотвращен на начальной стадии.

В 1918 году, с установлением советской власти в Темниковском уезде, начались притеснения монашествующих. 21 января 1918 года председателем Темниковского уездного революционного комитета Буреиным произведено первое изъятие из кассы Саровского монастыря — забрали 15 тысяч рублей. Вслед за ним потянулись комиссары «всех мастей со всех волостей». В течение весенних месяцев 1918 года для «нужд революционного народа» из монастырских кладовых вывезено: ржи — 3552 пуда 29 фунтов, овса — 803 пуда, пшеницы — 257 пудов 30 фунтов, гречихи — 81 пуд 15 фунтов, проса — 134 пуда 38 фунтов и т. д. Так, за одну неделю вывезено хлебных припасов на 61 690 рублей[43]. Вывозилось все — начиная от дорогостоящей мебели из Царского дворца до банок с вареньем.

Летом 1918 года масштабы Гражданской войны приняли катастрофические для советской власти масштабы. Для спасения «завоеваний революции» 2 сентября постановлением ВЦИК страна объявлялась единым военным лагерем. Вслед за этим был объявлен красный террор. Духовенство объявлялось пособниками контрреволюции, с которым надо бороться самыми жесткими мерами. Волна репрессий докатилась и до Сарова.

В октябре 1918 года в монастырь приехали представители советской власти в сопровождении красногвардейцев и в ультимативной форме потребовали выплатить взнос в 300 тысяч рублей. Получив отказ, экспроприаторы взяли в заложники 12 монашествующих во главе с казначеем отцом Руфином и пошли по братским кельям с обыском. Было изъято 24 070 рублей, из которых 20 тысяч братия отложила для оплаты заготовки дров. Не удовлетворившись указанной суммой, «выведены были арестованные иеромонахи Руфин, Климент, Геннадий, Игнатий, Мефодий и Паисий на двор 2-й гостиницы и поставлены к стене на расстрел, даны были по команде красногвардейцами ружейные залпы. После двух залпов один из делегатов остановил расстрел, мотивируя получением телеграммы... по сделании еще одиночных выстрелов, всех... заперли под арест. Во время ареста много было причинено черных слов, равно были пытки освобождаемым по одиночке. Во время пребывания приехавшие ходили по храмам, алтарям, даже ходили в неположенные места и брали в руки Св. кресты и Евангелия»[44].

В архивных материалах обнаружена масса докладных записок от монашествующих:

«В управление Саровской пустыни
послушника Саров. Пустын. Василия Романова
заявление.

15-го Декабря 1918 г. в 7 ½ ч. вечера ко мне в келию пришли 2-е приезжих неизвестных, комиссар Сарова В. Астраханцев и 4 Саров. красноармейца и в кел. моей сделали обыск — взяли 13 р. серебр. денег. Три фунта сахару. 1 ручная типография с 200 букв, а также один из неизвестных сказал: Что когда не хотим платить налогу, то мы будем грабить, и ушли»[45].

На счастье саровских монашествующих, представители советской власти не рискнули пойти на крайние меры.

Саровский комиссар и саровские красноармейцы — представители советской милиции, сменившие в марте 1917 года сотрудников полицейского участка, расквартированного при монастыре, получали от обители довольствие и повышенную заработную плату. В перечне их обязанностей первым пунктом было записано: «Охрана правопорядка нового строя Русского государства»[46]. Однако монашествующие больше надеялись на защиту местных крестьян. На одном из крестьянских сходов жители деревень Балыково, Рузаново и села Кременки выразили «желание защищать святыню-обитель от различных покушений»[47]. Предположительно не без инициативы этих же крестьян в 1919 году в Сарове было организовано Успенское саровское церковно-приходское общество с целью объединения всех православных граждан, проживающих в местечке Саров и близлежащих селениях — Балыкове, Хвощеве и Цыганском[48]. Не все монастырские проблемы этот договор помогал решать, но главную свою задачу он выполнил — на протяжении семи лет на Саровской земле существовала православная организация, объединившая в себе монастырь и приход.

Для проведения богослужений храмы, часовни и пустыньки распределялись между членами общества таким образом: жителям деревни Балыково предоставлялся Успенский собор и храм Зосимы и Савватия; монашествующим и представителям гражданского населения местечка Саров — храм во имя Преподобного Серафима, Ближняя и Дальняя пустыни; представителям поселков Хвощевский, Цыгановский и Городки — храм во имя Иоанна Предтечи, часовня Первоначальника и пещерный храм во имя Преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских; гражданам Сатиса, Росстани и Романова Стана — собор во имя Пресвятой Богородицы и Ее Живоносного Источника[49]. Всесвятская

кладбищенская церковь и монастырская колокольня находились в общем пользовании. Священнослужители Саровской пустыни были равномерно распределены по всем храмам. Председатель общества избирался из числа крестьян, в основном это были представители деревни Балыково.

С установлением новой власти и новых экономических порядков кардинально изменилось общественное положение монастыря и его насельников. Монастырские кельи начинают обживать представители советских органов, воспитанники одного из московских детских домов. В 1918 году все земельные владения обители реквизированы: 22 874,2 десятины[50] переданы в ведение Саровского лесничества, около тысячи десятин перешли совхозу. Монашествующие предпринимали многократные попытки по организации своего хозяйства в новых условиях. Состоявшей в основном из крестьян братии монастыря приходится оправдываться, что они принимают участие в работах «не исключая священнослужителей. Выполнив чреду служения, они шли на работу... Работы производились: с наступлением весенней распутицы сплав и выгрузка дров, потом работы на огороде: пахота, делание грядок, посадка, поливка, полка; затем сенокос, полевые работы. В то же время требовались и домашние хозяйственные работы. Во всех этих работах участвовали и старые и малые... Каждый вкладывал возможные свои силы»[51].

В 1918 году началась борьба за создание сельскохозяйственной артели. Первоначально местными властями монастырю был выделен земельный надел, состоявший «...из разных и отдаленных друг от друга участков, общая площадь пахотной до 170 десятин и луговой до 250 десятин, грунт самый песчаный»[52] — всего 693,6 десятины. Но и эта «привилегия» вскоре была передана саровскому совхозу решением Темниковского уземотдела от 19 марта 1920 года, что обрекло насельников монастыря на нищенское существование. Православная обитель, до этого бесплатно кормившая на протяжении всей своей истории порой до нескольких тысяч человек ежедневно, вынуждена была обратиться за помощью к богомольцам. И православный люд не оставил обитель наедине с бедой, помогая ей кто как мог.

Более благополучная судьба сложилась у Германовской токарной деревообрабатывающей артели[53], которая просуществовала до закрытия монастыря. В марте 1919 года на Германовском кордоне на левом берегу реки Саровки начала работать небольшая артель, состоявшая из семнадца-

ти монашествующих. Пять токарей, четыре плотника, три вертельщика, кузнец, молотобоец, хлебопек и повар. Вот как описывает матушка Серафима (Булгакова) то, что она видела при одном из посещений артели. «На Гермогеновой пустыни находилась точильная мастерская. Я видела два громадных маховых деревянных колеса и от них привод к точильным станкам. Колеса вертели раньше лошади, а последнее время руками. Кипарисовые кресты, ложки резали от руки; а на точильном станке вытачивали тарелки, блюда, чашки, солонки, кружки, ножки к стульям, веретена и вообще всякую домашнюю утварь и посуду, прялки, детские игрушки»[54]. Хотя представители власти и следили за отпуском леса и учетом готовой продукции, им приходилось признавать существование и реализацию неучтенного товара. Из-за нехватки хлеба в уезде и бедственного положения населения жесткого пресечения такой практики не было.

23 января 1918 года в «Газете рабочего и крестьянского правительства» был опубликован «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый Советом народных комиссаров, устанавливавший светский характер государственной власти, провозглашавший свободу совести и вероисповедания, лишавший религиозные организации всех прав собственности и прав юридического лица.

В мае этого года Совет народных комиссаров принимает постановление об образовании при Наркомате юстиции особого постоянно действующего отдела по реализации этого декрета — VIII отдел. Возглавил VIII (после реорганизации наркомата – V) ликвидационный отдел ярый атеист П. А. Красиков. О предназначении этого отдела можно догадаться по названию — повсеместная ликвидация религии.

10 июля 1918 года на V Всероссийском съезде Советов принимается первая Конституция РСФСР, которая на законодательном уровне закрепила положения декрета от 23 января по отделению церкви от государства и школы от церкви.

Наибольшего накала взаимоотношения государства и церкви достигли осенью 1918 года, когда во время приема на учет имущества Александро-Свирского монастыря комиссия объявила об обмане трудящихся масс — вместо нетленных мощей Александра Свирского была якобы обнаружена восковая кукла. В действительности никакого

обмана не было, мощи преподобного до сих пор удивляют своей сохранностью. Современный антрополог Юлия Дмитриевна Беневоленская так характеризовала состояние мощей: «Тело исследуемого монолитное, целое, не подвержено тлению, цвет тела восковой. Поражает сохранность тела»[55]. Обман был со стороны комиссии, которая использовала этот подлог для начала кампании по вскрытию святых мощей.

Обманом пользовались «местные органы власти — уездные, губернские исполкомы — принимали решения о вскрытии мощей, опираясь нередко на им же инспирированные «требования трудящихся, красноармейцев»[56].

Все же сотрудники «ликвидационного» отдела добились своего — были выявлены некоторые несоответствия с заявленными нетленными мощами, порой в раках обнаруживали посторонние предметы. Святейший патриарх Тихон своим указом от 17 февраля 1919 года предписывал епархиальному руководству провести ревизию мощей и «устранить всякие поводы к соблазну в отношении святых мощей во всех тех случаях, когда и где это признано будет Вами необходимым и возможным, с донесением о последующих Ваших распоряжениях Священному Синоду»[57].

23 апреля 1919 года родился циркуляр Отдела управления НКВД, разосланный всем губернским исполкомам.

«№ 2456.

О вскрытии "мощей".

В дополнение к распоряжению циркулярного письма НКВД от 28 февраля 1919 года, по поводу вскрытия "мощей" настоящим сообщаем, что:

1) При обследовании "мощей" должны присутствовать, кроме ответственных членов советских организаций, уполномоченных от верующих и священнослужителей и свидетелей, также и представители медицинского персонала, обладающие достаточным авторитетом в области науки и в массах.

2) Составляется подробный акт (протокол) обследования "мощей", опись всех обнаруженных вещей, которые подписываются всеми вышеуказанными лицами.

3) Всем губ и горисполкомам ставится в обязанность снабжение отдела управления НКВД достаточными информационными материалами по этому поводу в виде копий актов обследования и описей найденных вещей, фотографий и кинематографий, производившихся при обследовании.

4) Разоблаченные при указанных условиях "мощи" могут быть или оставлены только на несколько дней для осмотра в новом виде на том же месте и по истечении срока в прежнем виде водружаются на прежнее место или "мощи" остаются в разоблаченном виде навсегда на прежнем месте и наконец в разоблаченном виде доставляются в музей или другие общественные здания для публичного постоянного осмотра.

Второе и особенно последнее место наиболее желательно. Однако во всех случаях опирайтесь исключительно на авторитет советской власти, на индифферентизм верующих и впечатление от разоблачения.

Ни в коем случае не действуйте так, чтобы потом пришлось опираться на вооруженную силу. Каждое разоблачение широко используйте в печати, лекциях, митингах. В случае перевозки "мощей" в разоблаченном виде на новое место — каждый раз требуется разрешение НКВД. Немедленно передайте уисполкомам»[58].

Работа над «совершенствованием» законодательной базы осквернения православных святынь продолжается, и вот что записано на заседании коллегии НКЮ 6 июля 1920 года.

«Выписка из протокола № 243
Заседания коллегии НКЮ от 6.07.1920 г.

Слушали: Вопрос о мощах.

Постановили: Принципиально остается в силе старое постановление о необходимости ликвидации эксплуатации т. н. мощей. По вопросу о передаче вскрытых мощей в музей постановлено: считать целесообразным перемещение их в музей или в университетские учреждения, а также не препятствовать захоронению, словом ликвидацию проводить сообразно с конкретными условиями, опираясь на поддержку местных рабочих элементов населения и развертывая предварительную агитацию и пропаганду по религиозному вопросу. Мероприятия все проводить планомерно и последовательно, не отступая от раз намеченного плана и воздерживаясь от решительных действий, если почва в данной местности недостаточно подготовлена.

НКЮ вход. № 1069, д. № 16»[59].

Спустя две недели Народный комиссариат юстиции разработал проект так называемого Предложения по вопросу о ликвидации мощей во всероссийском масштабе:

«1. Опираясь на революционное сознание трудящихся масс, планомерно и последовательно провести полную

ликвидацию мощей на местах, избегая вредной нерешительности и половинчатости мероприятий.

2. Ликвидацию названного культа мертвых тел и кукол осуществить или путем помещения так называемых "мощей" в музеи в отделы церковной старины, или путем их захоронения.

3. Губисполкомы обязаны проверить все конкретные условия проведения мероприятий по ликвидации мощей, провести соответствующую агитацию как на фабрично-заводских, красноармейских и иных собраниях в городах, так равно и в деревне, в особенности среди малосознательной части отсталого крестьянства и уже после сего утвердить соответствующее решение на пленуме исполкома с точным обозначением как времени, так равно и способа ликвидации каждых отдельных "мощей".

4. При обнаружении дальнейших случаев шарлатанства, фокусничества, фальсификации и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты, как со стороны отдельных служителей культа, так равно и организаций бывших официальных вероисповедных ведомств, — отделы юстиции возбуждают судебное преследование против всех виновных лиц, причем ведение следствия целесообразно поручить следователям по важнейшим делам Наркомюста и при отделах юстиции, а само дело разбирать при условии обеспечения самой широкой гласности процесса.

29 июля 1920 г.»[60].

По проекту документа начались обсуждения. 3 августа со своим особым мнением выступил эксперт 8-го отдела НКЮ Шпицберг. Он предлагал убрать из проекта способ ликвидации мощей путем их захоронения. По мнению эксперта, захоронение «в глухих местах вновь даст возможность эксплуатировать отсталые массы на почве разсказов о чудесах, происходящих под землею». Мнение это было принято, и уничтожение мощей путем их захоронения исключено из проекта. Повлияла на срок утверждения и опубликования циркуляра тревожная обстановка в стране: «...настоящий момент, — писал председатель Петроградского совета Евдокимов 10 августа 1920 года, — непригоден для этой кампании т. к. советские и партийные организации заняты топливной и продовольственной компаниями и выделяют большие силы на Врангельский и Польский фронты, сосредоточивши всю агитацию и внимание в кругу этих важнейших вопросов, не смогут уделить достаточно сил и внимания работе о ликвидации мощей и главное про-

делать сюрьезную подготовительную агитационную кампанию без чего такая мера как ликвидация мощей принесет не положительныя, а отрицательныя результаты»[61].

Обсуждался вопрос о мощах и среди духовенства. Вот доклад секретного агента «тов. Фортунатова»: «Вчера 5-го Августа, я был на заседании Исполкомдуха, где присутствовало человек около 30-ти из них лиц 20 духовного звания, а остальные миряне, — но миряне из буржуазии. Повестка дня была следующая: <...> Второе, временная изоляция мощей под спуд в целях предупреждения перенесения мощей в музеи... и которые после, когда утихнет политическая бурная борьба, можно будет вновь вытащить из-под спуда»[62]. Из этих строк видно, что еще теплилась надежда на недолговечность атеистической власти, но власти торопились и к 29 июля 1920 года произвели 58 актов публичного вскрытия мощей. Через поругание прошли мощи святых Александра Свирского, Сергия Радонежского, Митрофана Воронежского, Питирима Тамбовского, Иоанна Новгородского и многих других подвижников Русской православной церкви. Не миновал этой скорбной участи и преподобный Серафим Саровский.

В ноябре 1920 года в городе Темникове состоялся уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на котором предпринимается попытка закрытия монастырей в уезде и вскрытия раки с мощами преподобного Серафима. Возглавлял инициативную группу заведующий уездным отделом народного образования атеист З. Ф. Дорофеев.

Не все гладко было на съезде, о чем свидетельствует стенографический отчет: «Заключительное слово докладчика Дорофеева: "Ликвидация монастырей не есть борьба против религии, но мы смотрим на них как на заразу, затемняющую народное сознание — просвещение". В зале поднимается продолжительный шум протеста против резких выпадов т. Дорофеева, против резкой критики действий попов и затемнения народного сознания. После больших усилий председателя Съезда водворяется относительная тишина и докладчик продолжает. Он подчеркивает, что не желал оскорбить чьего-либо религиозного чувства, и хочет перейти к вопросу о ликвидации монастырей, но шум снова поднимается. Снова прерывают докладчика. Время истекает докладчику и он покидает трибуну»[63].

Как видим, планы уездного руководства по закрытию монастырей не получили поддержки большинства делегатов, тем не менее руководителям уездной партийной организации уда-

лось добиться принятия решения о вскрытии раки с мощами преподобного Серафима Саровского. Священнослужители и прихожане города Темникова, собравшись 12 декабря в городском соборном храме, обратились к руководителям уездной власти с письменным ходатайством об отмене акта надругательства над святыми мощами: «Актом св. Синода точно формулирован вид мощей преподобного, как останки. В богослужебных песнопениях нигде не упоминается о нетленности тела преподобного. Во время прославления мощей печать церковная и гражданская совершенно точно выяснила вид святых останков. Поэтому вскрывать гробницу святого, чтобы доказать, что там нет целого, неразложившегося тела святого, нет никакой необходимости... Верующие и до открытия останков преподобного ревностно стекались поклониться его гробу и почтить его память в подвиге паломничества и молитвы; и во век не исторгнут святой памяти о великом праведнике! Нам он будет дорог, как страдалец, терпящий за наше окаянство и после его праведной кончины»[64].

Вся саровская округа была взволнована предстоящим событием вскрытия святых мощей преподобного Серафима. Опасаясь народных выступлений, по всем отделениям милиции и исполкомам отправлена секретная депеша: «До сведения отдела управления дошло, по церквам города Темникова, Кадома и сельскими попами ведется агитация по поводу вскрытия мощей Серафима Саровского. Так как агитация эта имеет характер чисто политический приказываю органам власти наблюсти чтобы таковой не было. Всех агитаторов задерживать и направлять отделу управления для заключения концентрационный лагерь»[65].

Для проведения вскрытия мощей Темниковский уисполком наделил неограниченными полномочиями своего представителя И. Е. Зерюкаева, на территории Саровского монастыря было введено осадное положение*. 17 декабря в 11 часов комиссия в количестве 157 человек приступила к исполнению кощунственного постановления.

«Акт вскрытия мощей Серафима Саровского.

17-го декабря 1920 года.

Техническая комиссия в составе представителей от Темниковского уисполкома и укома РКП, от Губкома, ГИКа,

* В некоторых современных изданиях можно встретить ошибочное утверждение, что мощи преподобного были вывезены в город Темников, там происходило вскрытие, «после чего мощи были отправлены в Москву...». См.: Святые мощи: Почитание мощей. Гонения на святые мощи. Лжемощи. СПб.: Сатисъ; Держава, 2007. С. 135.

Губсовета Спасского, Керенского, Ардатовского и Красно-слободского укома, в присутствии врачей, Саровского духовного совета, Темниковского духовенства, Саровского православного совета и т. д. В 11 ½ часов дня 17/ XII —20 г. приступила к вскрытию мощей. К вскрытию приступают иер. Маркелин [Маркеллин] и Руфин. Иеромонах Маркелин снимает верхний покров голубой, затем снимает второй покров и две боковинки и последний нижний покров голубого цвета. Вся гробница и крышка над мощами с изображением под стеклом Серафима представляется на обозрение верующих.

После этого иер. Маркелин ключом открывает гробницу и открывает крышку. В гробнице видна фигура в виде очерчения человеческого тела, покрытая золотой парчевой епитрахилью, а в ногах фигуры сургучная печать с инициалами "М. А."*, на нижней стороне крышки гробницы надпись на левой стороне "при державе благочестивейшего великаго государя императора Николая Александровича самодержавца Всероссийского создася рака сия по велением и усердиям их императорского величества государя императора и супруги его благочестивейшей госуд. импер. Алекс. Фед. В лето от Рождества Христова 1903 года месяца иулия 19 день", а с правой стороны ее — выпуклое изображение херувима. По словам, крышка серебряная, а изнутри вызолоченная. Фигура лежит в гробе, у которого стенки наружные дубовые, а внутренние кипарисовые и внутри гроб обит зеленой парчей. Главная фигура покрыта воздухом с круглым отверстием над местом лба. В таком виде мощи обозреваются присутствующими и делается фотоснимок[66].

Затем иеромонах Маркелин снимает воздух с головы фигуры, в области круглого отверстия, от фигуры головы ножницами, как пришитую к фигуре головы. После этого становится видной фигура головы с круглым металлическим отверстием над областью лба на черной материи покрывающей фигуру черепа. Место соответствующее лицу покрыто белой материей и подбородок вновь черной материей. Затем снимается золотая парчевая епитрахиль, для чего поднимается голова фигуры. Видна также фигура в черной мантии, сшитая из черной материи шелковой и совершенно новой. Голова помещается на подушке и на шее надет на цепочке крест медный. Фигура спеленена в области ног черными лентами и в области живота видна возвы-

* «М. А.» — митрополит Антоний.

шенность на подобие сложенных рук. Мощи в этом виде снова представляются для обозрения присутствующих и после чего делается фотоснимок. Затем иеромонах Маркелин снимает нагрудный медный крест, приподнимает фигуру головы: от концов лент в ногах отделяется печать, развязывается бант ленты, затем ленты распарываются и рассматриваются. После этого с плеч и до ног распарывается с боку черная мантия. Мантия развертывается на обе стороны и глазам представляется фигура тех же форм, но в белой новой шелковой материи. На нее белая лента (пояс) завязанная бантом. Бант развязывается, белая материя распарывается и открывается на обе стороны и глазам представляется ватная фигура изображающая из ваты руки сложенные одна на другую ладонями вниз, сложенные на полости живота. На формах рук поручни из золотой парчи верхняя кисть фигуры руки покрыта шелковой материей белой с надписью "преподобный отче Серафиме", далее фигура представляет сплошной пласт ваты до ног, где лежат из белой парчи сшитые туфли, внутри коих вата на носках туфель кресты из парчи в середине которых по большому аметистовому камню окруженных зернами жемчуга. В таком виде мощи представляются для обозрения присутствующих и делается фотоснимок.

После этого берутся обе туфли оказавшиеся сшитыми вместе и только лежащими на вате на месте ног. Данные туфли на тарелке показывались присутствующим. Развертывается вата на месте ног, а затем видны кости. Затем берутся формы рук из ваты оказавшиеся не пришитыми ни к чему и откладываются в сторону, после этого продолжается развертывание ваты фигуры. Затем начинается распарывание материи на форме лица и головы. Нижняя челюсть оказывается поддерживаемой белой тесьмой. По развертыванию всей ваты виден человеческий скелет без рук и без ступней. Кости голени соприкасаются друг с другом, а также соприкасаются бедренные и берцовые кости. Тазовые кости оказались на месте. Ребер с правой стороны 12, а с левой одного ребра не достает. Две лопатки две ключицы на своих местах, позвонков оказалось 23, из шейных одного не достает. Берется одна из отложенных в сторону рук из ваты, вата развертывается, в которой оказывается локтевая и лучевая кости небольшого человека, то же самое и во второй руке. Развертывается вата кисти. В числе костей кисти имеется один зуб и одна часть позвонка. Всего в кисти имеется костей поясных четыре, запясных пять, фланговых

больших пять, вторых флаговых две, локтевых тоже 2. Это все в левой руке, причем в числе запясных костей имеется одна кость другой руки. Развертывается кисть правой руки, в числе костей кисти есть часть позвонка. Всего костей запястных 5, пястных 4, перво-фаланговых 3, вторых 3, и ногтевых 3. Берется туфля и разбирается. Левая туфля, в числе костей ступни имеется кость руки. Всего костей ступни: предплюсных 7, плюсных 5, фаланговых первых недостает одной и второй — фаланговых недостает 2. Первая ступня: всего костей предплюсных 7, плюсных — 1 целая и одна распавшаяся, четыре эпифиза распавшихся плюсневых костей.

Недостает 14 фаланговых костей. Приступается к осмотру черепа, который оказался цел. Нижняя челюсть и волосы от бороды и головы приклеены к черепу лентою. Если бы ленту развязать, то волосы и нижняя челюсть отпали бы. Волосы рыжего цвета.

По окончании осмотра костей скелета, который производился руками иер. Маркелина и свящ. Говорова. При обзоре таковых из рук вышеуказанных духовных лиц, врачи делали свое заключение. При осмотре костей оказалось на них известковые отложения соли.

Затем мощи в таком виде были представлены обзору присутствующих и всех верующих. По окончании обзора мощи были закрыты стеклянной рамой с приложением четырех печатей милиции.

Акт написан на трех листах данного образца и на полулисте четвертого листа.

Председатель Технической комиссии *Зайцев*.
Секретарь — *Кветыевский*. Верно: [*подпись*].

Копия с копии верна: секретарь АПО Губкома ВКП *Я. Ш...*»[67]

Наиболее полный и подробный документ, при составлении которого присутствовали медицинские работники, подтвердившие результаты вскрытия 1903 года. Так же как и в акте, составленном в 1903 году, в документе нет свидетельств о повреждениях костных останков в области груди и ног, о которых говорится в «Письмах из Сарова» архимандрита Сергия (Тихомирова), пересказавшего этот факт со слов неизвестного лица[68], поэтому официальному документу, составленному коллегиально, больше веры. Подтверждается цвет волосяного покрова — рыжий. Отмечается некоторое неправильное расположение костных останков, что вполне могло произойти во время переложе-

ния мощей в 1903 году — среди участников этого действия не было ни одного человека с медицинским образованием. Наличие зуба и позвонка в перчатке можно объяснить тем, что она находится по верху мощей и из нее легко можно достать фрагменты костяка, которые служили для изъятия частицы мощей для вложения в антиминсы, иконы и ковчежцы, которых разошлось по России изрядное количество. И ничего кощунственного в этом нет.

Священники города Темникова пытались опротестовать действия комиссии:

«1920 год, 27 декабря.

Протест духовенства

на действия членов Комиссии по вскрытию мощей.

В Комиссию по вскрытию мощей преподобного Серафима Саровского.

Протест на протокол заседания комиссии 17/4 декабря с/г. от представителей Темниковского духовенства, членов означенной комиссии.

Получив 27 декабря с/г. копию протокола, мы, представители городского духовенства, как члены Технической комиссии по вскрытию мощей преп. Серафима Саровского, не можем молчать по поводу его тенденциозности и нарочитаго умолчания важных и характерных обстоятельств, бывших в этом грустном деле.

Протокол не упоминает, что от верующих не было допущено представителей в Комиссию по вскрытию святых для них мощей, хотя телеграмма Председателя Губисполкома № 62957/16022 рекомендует в этом числе бережное отношение к верующим и не игнорировать их в важном для них вопросе.

Порядок вскрытия был выработан тремя членами комиссии из представителей одной только власти. Этот порядок был сообщен только за... до вскрытия, и о нем категорически было запрещено рассуждать, требовалось безапелляционное подчинение, как положению, изданному подовляющею законодательностью властью.

13 декабря, т. е. за четыре дня до вскрытия, председателю комиссии т. Зайцеву от лица священно-церковнослужителей, приходских советов и верующих за многими подписями была подана просьба протест относительно вскрытия мощей преподобного Серафима, такая же просьба протест вторично была подана от тех же трех групп граждан пред началом заседания комиссии у раки преподобного 17/4 сего декабря. Но этим двукратным поданным просьбам не был

дан ход: оне не были публично прочитаны, не было о них совместного суждения и комиссии, и о них даже в протоколе не упоминается, несмотря на то, что эти просьбы даны по точному смыслу указанной выше телеграммы. Председатель Губисполкома должны были бы оказать хоть какое-либо свое действие на грядущее событие в жизни заинтересованных граждан, умоляющих пощадить их благоговейное религиозное чувство. Эта фигура умалчивание напоминает прошлое старое время, когда не удобные документы подсовывались "под сукно".

Самый протокол составлялся, как некое сочинительство, а не зафиксирование события, и в нем упущены многие факты, имевшие место в данном событии и ярко рисующие характер события, напр.: в протоколе не упомянуто, что представители власти угрожали некоторых несговорчивых священнослужителей: "арестовать и отправить", что сами священные мощи угрожали "вытряхнуть", что временно был арестован один из верующих представителей Спасского уезда и выведен из храма. Не все события излагаются в протоколе в том порядке, как совершали они в натуре, т. к. напр. священник Павел Боротинский не тогда оставил комиссию, как гласит протокол, а много ранее; равно свящ. Говоров подал письменное не заявление священнослужителей, но протест от священно-церковнослужителей, приходских советов и верующих — подан непосредственно за чтением телеграммы. Пред Губисполкома в руки председателя комиссии Зайцева, до своего первого объяснения, помеченного в начале протокола, а не пред самым началом вскрытия святых мощей, как писано в протоколе. В протоколе записаны вопросы духовных членов комиссии, но нет ответа ни на один из них все же протокол отразил собою отношение светских членов к духовным членам комиссии: на все вопросы духовных их или прерывают или предлагают приступить к делу. Вообще теперь, десять дней спустя, разве все припомнить можно, да скорбит душа от обиды и поругания. (Только сегодня 27 декабря, через десять дней после вскрытия святых мощей, получили мы в свои руки копию протокола и тем самым получили возможность написать свой протест только сегодня, 27 декабря.)

Одна фразка, неосторожно помещенная в протоколе, ярко говорит о ходе событий: "свящ. Говоров, обращаясь к иеромонаху Маркелину, говорит: ну видно, угодник сам защитит себя". Да, все средства, которые при таких обсто-

ятельствах можно было использовать, пытались заинтересованные лица использовать: но при создавшихся обстоятельствах, фраза отчаяния, вырвавшаяся из груди свящ. Говорова, оч. показательна: когда усилия человека являются тщетными, тогда он в изнеможении всю заботу и всю надежду полагает на Бога и его святых угодников.

При подписи акта свящ. Говоров пытался протестовать относительно того, что кости останков преподобного имеют налеты, как сказано в акте вскрытия, и носят признаки могущего быть тления, но ему представитель Тамбовского Губисполкома сказал, что власть мощей не изследовала достаточно, и если он свящ. Говоров будет протестовать, то мощи вновь будут открыты и потревожены, и во избежание нового надругательства над усопшим святым, священнику Говорову пришлось промолчать. Также было намерение внести поправку и относительно того, что в акте упоминается, с чьих-то слов, что крышка раки серебряная, а она далеко не серебряная, а равно относительно инициалов сургучной печати, скрепляющей св. мощи, "М. А." — духовные члены Технической комиссии современники прославления преп. Серафима 19 июля 1903 г. объяснили, что это печать митрополита Антония, участвовавшего в прославлении преподобного каковое объяснение не внесено в акт.

Когда при подписании акта свящ. Говоров и др. священнослужители в своих надписях хотели сделать оговорку, что они оставляют за собою право протеста и право указать на неточность как протокола, так и самого акта, то им в этом было отказано и предложено подать отдельный протест, каковым разрешением, при составлении сего протеста, мы и пользуемся.

В заключение к этому поверхностному и слегка освещающему событие протесту еще присообщаем, что акт вскрытия св. мощей был окончен в начале 5 ч. вечера, а протокол и акт были изготовлены к подписи около 8–9 ч. вечера, а некоторые члены подписали его уже на другой день, призываемые для этой подписи по одиночке, а некоторые и совсем не подписались. 1920 г. 27/14 ноября дня («ноября» — ошибочно, следует читать «декабря». — *В. С.*).

Представители Темниковского городского духовенства, члены Технической комиссии по вскрытию мощей препод. Серафима Саровского

священник *Петр Говоров*,
священник *Митрофан Покровский*.
Верно: уполн. [*подпись*]»[69].

Духовный собор Саровской пустыни и представители темниковского духовенства в рапорте епископу Шацкому Павлу докладывали о том, как происходило вскрытие мощей и что было после этого:

«18/5 же Декабря на гроб мощей Преподобнаго наложена на скоро сделанная деревянная рама со вставленными в нее кусками тонкаго куска, которые при малейшем прикосновении могут расколоться или вывалиться. Эта деревянная рама прилажена к краям гроба плохо и мешает крышке раки запираться на замок, но все же крышка раки закрывает раму и гроб святых мощей.

Деревянная рама опечатана четырьмя сергучными печатями председателем комиссии Зайцевым.

Ночной караул гражданский св. мощей снят, но общий караул Собора поручен милиции.

В настоящий момент св. мощи Преподобнаго находятся в таком положении: Святыя мощи совсем не вынимались ни из гроба, ни из раки, а покоятся так же как и раньше; лишь развернуты на обе стороны облачавшия их одежды и вата, закрывавшая св. останки, в гробу же в правом углу его у главы Преподобнаго находится медный крест с цепочкой Преподобнаго. Служатся молебны при закрытой раке Преподобнаго, и верующие прикладываются к ручке лика Преподобнаго, написаннаго на крышке раки; когда являются желающие взглянуть на святые мощи, тогда крышка раки приподнимается, и св. мощи обозреваются через стекло деревянной рамы.

Священник П. Говоров у раки Преподобнаго спрашивал председателя комиссии Зайцева относительно того, как св. мощи, по истечении месяца вернутся в ведение обители, и получил от него словесный ответ: об этом будет особое суждение и ничего определеннаго по этому вопросу он сказать не может»[70].

15 января 1921 года президиум губисполкома в ответ на «ходатайство... о продлении срока для обозрения Серафимовских мощей на три месяца» принимает постановление «разрешить»[71].

Более полугода мощи преподобного находились в таком виде, и все это время в народных массах нарастало требование прекратить кощунство. В ЦИК ВКП(б) поступали письма от крестьян близлежащих с Саровом селений. Жители села Пузо Глуховской волости писали: «Мы, граждане Православной религии вышеупомянутого села с искони веков воодушевлены Богом: через посредство близких ему Апостолов Евангелистов, лики Святых и Угодников Божи-

их. Покорнейше просим ЦИК постановлением в заседании своем разрешить зделать распоряжение о не препятствии закрыть, как были ранее останки мощей Серафима Саровского... К сему грамотныя своеручно подписуются»[72]. Собрание граждан села Кременки постановило ходатайствовать: «...о снятии печати с раки Преподобного о. Серафима, Саровского чудотворца и разрешить духовенству Саровской пустыни облачить Святые останки Преподобного»[73].

В Государственном архиве Российской Федерации хранится целая коллекция таких писем, в одном из писем количество подписей составило 920 человек.

Ходатайства крестьян поступили в президиум ВЦИК, который передал далее по инстанции:

«8-й отдел НКЮ на заключение коего передано это ходатайство граждан, принимая во внимание, что по точному смыслу циркуляра всем Губисполкомам и Губкомам от 1.IV—21 г. — вскрытие мощей на местах можно производить только с соблюдением следующих условий: 1) если в массах проведена антирелигиозная агитация и разъяснен смысл советского мероприятия и 2) если местный орган Советской власти чувствует себя достаточно сильным и авторитетным, в особенности среди трудового населения, чтоб довести ликвидацию культа мертвых тел до конца, т. е. вплоть до помещения вскрытых костей в музей или их захоронения.

По-видимому, ни одно из этих условий Темниковским Уиком не было выполнено и в (этом случае мощей Серафима Саровского было лучше не вскрывать, чем остановиться в — зачеркнуто. — *В. С.*) и исполком находится в задумчивости и нерешительности перед грудой развороченных им костей».

18 июля 1921 года VIII ликвидационный отдел направляет в Тамбовский губисполком секретный запрос, с требованием сообщить о настроении населения по поводу вскрытия мощей Серафима:

«В президиум ВЦИК поступило ходатайство от нескольких, расположенных вблизи Саровской пустыни, селений с просьбой о "торжественном облачении мощей Серафима Саровского, о разрешении крестного хода с останками преподобного и о снятии с гробницы печатей".

8-й отдел НКЮ просит срочно сообщить: 1) какое настроение крестьянских масс в самом Сарове, в местности прилегающей к Саровской пустыне, 2) совершается ли церковниками около развороченных костей религиозный культ, наблюдается ли паломничество, как оно велико и из кого по преимуществу состоит масса паломников, 3) име-

ются ли у Тамбовского Губисполкома возражения против удовлетворения ходатайства крестьян и если да, то какие именно и 4) какие имеются предложения у Губисполкома о дальнейшей судьбе вскрытых костей, предполагает ли Губисполком похоронить их или отправить в музей или он признает полное свое бессилие в ликвидации культа костей, начатого и не доведенного до конца, 5) ликвидирован ли сам монастырь и каково его настоящее использование.

[*Подписи*]»[74].

Губернский исполнительный комитет вынужден был признать свое бессилие. Этому способствовало настойчивое требование населения Тамбовской и Нижегородской губерний прекратить надругательство над мощами и резкое ухудшение экономического положения в стране. Оперативная сводка 1921 года свидетельствовала о начинающемся голоде в регионе — тысячные толпы голодающих требуют хлеба, угрожая разгромить склады губсоюза. В перехваченных письмах представители советской власти читали о себе нелицеприятные слова: «Хотя большевики говорят, что буржуи нас притесняли и эксплоатировали наш труд, однако в семье работал один человек и на гроши то мы были сыты и осветится было чем, а теперь разве не эксплоатация: заставляют работать всех и за что, за их плату меру картошки не дают»[75]. В окрестных лесах Темникова и в непосредственной близости к Сарову появились отряды сопротивления новой власти, названные в пропагандистских листовках шайками бандитов, агентами помещиков, кулаков и генералов[76].

На фоне развивающегося продовольственного кризиса, вызванного антинародной политикой власти и зреющего недовольства среди населения, губернские власти вынуждены были пойти на уступки и прислушаться к требованиям народа. 16 августа 1921 года мощи преподобного Серафима были приведены в надлежащий вид.

«Акт закрытия мощей Серафима Саровского
в Сарове Темниковского уезда Тамбовской губернии,
составленный 16 августа 1921 года.

Закрытие произведено в тот же день в 7–8 часов официального времени за истечением срока обозрения мощей после их закрытия 17 декабря 1920 года.

Комиссией, образованной из представителей Темниковского уисполкома — члена его Н. Селезнева, Саровской комячейки — И. Аксенова, Саровской ячейки Союза Коммунистической молодежи — Тришаева и Щукина, Саровской комиссией по работе среди женщин — Папшиной,

милиции — Семцова и Ермакова и Саровского духовенства — иеромонаха Руфима Вилкина, Маркеллина Коваленко и Фотия Карькова, в присутствии зрителей около ста человек.

Операция закрытия выразилась в следующем: по разрешению председателя т. Селезнева иеромонах Маркеллин, приступая к закрытию, обрезывает бечеву, прикреплявшуюся в четырех местах через сургучную печать милиции крышку со стеклянными рамками к стене раки (печати оказались целы и в полной исправности).

Стеклянная крышка снимается, и кости скелета обтираются сухой ватой, причем таковые имеют темно-коричневый, темнее, чем был при вскрытии 17 декабря 1920 года, цвет.

Затем из гроба извлекаются формы локтевых частей рук, кистей их и ступни ног, первые обвернуты ватой, кисти рук в шелковых белого цвета варежках и последние в таких же туфлях с ватой и костями в ней, после чего уже открытые кости скелета, лежащие на вате, прикрываются, за исключением головы, ватой сверху, которая находилась по бокам скелета.

Череп омывается водой, и последний поднимается, а под него кладется подушечка зеленого цвета. Обернутый ватой скелет сверху покрывается белой полушелковой материей, находящейся там же, в гробу, под скелетом и ватой, ступни ног кладутся под белую материю на нижнюю часть формы ног.

На брюшной полости живота крестообразно кладутся формы рук, после чего белая материя с левой стороны зашивается нитками. Череп обшивается находившимся под ним белым платком, не касаясь лобной части, и сверху его накладывается черная шапочка, прикрывая лобную кость с круглым отверстием в середине.

Затем передняя и боковая части, находящиеся под скелетом и по бокам черной мантии, укладываются сверху лицевых частей скелета, покрываются черной материей, прикрепляются к шапочке и к мантии нитками, которая с левой стороны снизу вверх также защищается. Форма человеческой фигуры с закрытыми черной материей лицом и отверстием на лобной кости пеленается черной лентой, затем на мантию накладывается епитрахиль из золотой парчи, на которую кладется медный крест с цепочкой, проходящей под шейным позвонком. Череп и область грудной клетки покрывается квадратной материей из парчи с отверстием на лобной кости — "воздухом".

После этого присутствующим предлагается пройти мимо раки для обозрения, которые и проходят.

Обозрение кончается, и рака закрывается верхней крышкой, таковой, которая и запирается ключом внутреннего замка, чем и заканчивается акт закрытия мощей.

С подлинным верно: секретарь *Селезнев*»[77].

В документе привлекает внимание ремарка автора: «кости скелета... имеют темно-коричневый, темнее, чем были при вскрытии 17 декабря 1920 года, цвет». Кости и так имели темно-коричневый цвет, и что значит «темнее, чем были»? У каждого человека своя, индивидуальная психология восприятия цвета. За окном солнце скрылось за тучей или в декабре был включен электрический свет, а в августе, когда темнеет поздно — искусственного освещения не было — вот и эффект изменения цвета. Во время изъятия мощей 5 апреля 1927 года под фотографией, на которой изображены останки преподобного, сделана приписка: «Часть костей скелета после очистки от ваты оказались совершенно сгнившими»[78]. Это свидетельствует о различной степени сохранности костей скелета и о присутствии различных оттенков их окраски. Тем не менее эти слова сегодня используются при попытке доказать факт подмены мощей преподобного. Во-первых, контроль за состоянием мощей, особенно в период их представления на всеобщее обозрение, был максимально усилен. Во-вторых, нарушений четырех сургучных печатей обнаружено не было. Следовательно, в раке находились одни и те же мощи, мощи преподобного Серафима Саровского.

Изъятие церковных ценностей

1921 год отмечен в истории России как год великого голода. Как это было и ранее во все времена, Русская православная церковь и в этот раз, несмотря на трудности переживаемого времени, откликнулась на народное бедствие: «Православная церковь никогда и ни при каких обстоятельствах не проходила мимо постигших русский народ бедствий. Так и ныне, при надвинувшемся на значительную часть России голоде, Церковь должна приложить все силы к облегчению участи страдающего от голода населения»[79]. В августе 1921-го патриарх Тихон основал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим. 19 февраля 1922 года во все церковно-приходские общины из канцелярии патри-

арха было направлено благословение на передачу на нужды голодающих украшений и предметов из драгоценных металлов, не использующихся при проведении богослужений. Жители Ардатовского уезда Нижегородской губернии, к которому относился Серафимо-Дивеевский монастырь, 5 апреля 1922 года съехались на съезд верующих — 67 делегатов от пятидесяти пяти приходов. Все делегаты проголосовали за оказание немедленной помощи[80].

В довольно короткий срок Церковью были собраны значительные средства для закупки продовольствия в голодающие районы Поволжья. Но такое положение дел не устраивало власти — Всероссийский комитет был закрыт и собранные средства реквизированы. Голод еще более усугубил финансовое положение, но именно эту беду большевики решили использовать в своих корыстных и политических целях, закрыв Православный комитет и взяв ситуацию под свой контроль. 2 января 1922 года опубликован декрет «Об изъятии находящегося в церквях и монастырях имущества, имеющего музейное значение». В дополнение к декрету 26 февраля в «Известиях ВЦИК» опубликовано постановление о необходимости немедленного изъятия из церковных общин всех предметов, состоящих из драгоценных металлов, и даже тех, что священнослужители использовали в проведении богослужений. Этот последний пункт был явно провокационный, вызвавший бурный протест, который власти использовали в своих целях. В ныне хорошо известном письме Молотову Ленин 19 марта писал: «...изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше, надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»[81].

Осторожно и методично с середины марта началась кампания по изъятию церковных ценностей в Темниковском уезде. 6 апреля Уездная комиссия по изъятию церковных ценностей под руководством председателя исполкома В. Е. Куникеева приступила к исполнению своих обязанностей. Начали они с самой богатой православной общины — Саровской. Было изъято: серебра 9 пудов 23 фунта; 23 шт. жемчуга; 2 шт. аметиста[82]. Следует отметить, что ко-

миссия потревожила мощи преподобного Серафима — 23 жемчужины изъяты из раки, а два аметиста сняты с туфель преподобного.

Получая сведения из регионов о ходе изъятия, советское руководство поняло, что достичь многомиллиардных результатов не удается. 26 марта Троцкий направляет в политбюро секретную записку, в которой, в частности, отмечает: «По телеграммам, печатающимся в газетах, совершенно ясно, что во многих местах изъятие ценностей происходит фиктивно, т. е. изымают ничтожную часть ценностей, не покушаясь на главные, и таким образом достигают "мирного" изъятия. Необходимо послать инструкцию на места о том, что за неполное, т. е. согласующееся с декретом изъятие отвечают местные органы, как за преступное нерадение. Во всех тех местах, где одно поверхностное изъятие произведено, нужно требовать второго изъятия полного и решительного»[83].

Сообразно с этой директивой в июне в Темников прибыл уполномоченный губернской комиссии, наделенный полномочиями проведения ревизии и расследования, Захаров. 30 июня в Саровской пустыни было проведено повторное изъятие, уже в присутствии представителей губернии. Основная добыча была взята в главном соборе пустыни — Успенском. Здесь было снято, не считая более мелких, шесть риз с икон весом более пуда каждая (риза, например, с иконы Святой Троицы весила 2 пуда 4 фунта). От раки преподобного Серафима комиссия сняла серебряную крышку весом в 3 пуда 27 фунтов. В Успенском соборе комиссия изъяла серебра более 18 пудов — немного меньше того количества, что собрала комиссия всего по Темниковскому уезду в первую кампанию. В храме преподобного Серафима комиссия забрала престол, сделанный из серебра, весом 6 пудов и 27,5 фунта[84]. В этом же храме были изъяты бриллианты, алмазы и жемчуг. Всего за две кампании изъято из Саровского монастыря: серебра 46 пудов 20,5 фунта; золота 14 золотников; «половина фунта крупнаго жемчуга; шестьдесят шесть золотников жемчуга средняго; четыре фунта семь золотников жемчуга мелкаго; двадцать пять карат бриллиантов; семьдесят четыре доли алмазов двадцать три камня жемчугов и два камня под названием Аметис»[85]. В общем объеме изъятого в Темниковском уезде Саров занимал главенствующее положение: 75 процентов золота, 52 процента серебра, драгоценные камни и жемчуг — почти 100 процентов.

Следует сказать, что поиск спрятанных монастырских сокровищ было первым делом всех секретных сотрудников и добровольных осведомителей: «Доношу, что 23 декабря мне пришлось быть в пещере Серафима, где и увидел 2 закладенных места камнем, — докладывал один из осведомителей, — ...Подозрение падает таково, что в указанном проходе закладены какие-либо вещи подлежащие отобранию»[86].

Следующее сообщение: «Ш. М. И. уверяет, что в Саровской пустыне, под красным Собором* есть подвал секретный — вот по мнению Ш. в этом подвале хранится все богатство Саровской пустыни, как то золото и т. п.»[87].

Очередное задание саровской милиции: «По имеющимся сведениям в ГО, монахами Саровского монастыря при ликвидации такового были скрыты разные ценности: кресты, лампады и около 500 000 золотых монет. Все ценности по сведениям спрятаны около кладбищенской церкви** Саровского монастыря, где-то в пещере»[88]. На всех докладных записках стояла резолюция: «К строгой разработке».

Все старания сотрудников ОГПУ оставались тщетными, куда более удачливыми оказались воспитанники трудовой коммуны, которая была размещена в помещениях бывшего монастыря после его закрытия в 1927 году. В газете «Среднее Поволжье» от 14 марта 1929 года размещена статья под названием «Миллионная находка»: «Пенза, наш корр. В подземельях бывш. Саровской пустыни, группой детей, из колонии дефективных, обнаружены закопанные монахами ценности. Из земли извлечены золотые монеты царской чеканки, драгоценные оклады с икон. Среди вещей имеются несколько предметов древнего происхождения. Ценность обнаруженных предметов выражается в несколько миллионов рублей».

Изъятие мощей и ликвидация монастыря

В 1923 году в Темниковском уезде предпринимается очередное наступление на православные организации. Для установления контроля над общинами правительством проводится перерегистрация с составлением по-

* Красный собор — храм во имя Преподобного Серафима Саровского, построенный в «кирпичном» стиле.

** Кладбищенская церковь — храм во имя Всех Святых при монастырском кладбище.

именного списка всех членов. По Темниковскому уезду всего 18 религиозных общин, из них две магометанские и одна обновленческая, занимавшая Всесвятскую церковь города Темникова[89]. По этим данным видно, что уезд почти весь относился к так называемому «Тихоновскому» течению, то есть поддерживал патриарха Тихона. И, конечно, ведущее положение в этом братском сообществе было у Саровской пустыни. В июле в Сарове проведена перерегистрация религиозного общества. Председателем церковно-приходского совета избран Родион Иванович Велькин (игумен Руфин)*. Всего в обществе, вместе с жителями деревни Балыково и близлежащих поселков, насчитывалось 542 члена[90].

На процесс перерегистрации общин пыталось воздействовать епархиальное управление, возглавляемое обновленческим архиепископом Макарием:

«Епархиальное управление просит Отдел управления Темниковского уисполкома оказать содействие к ликвидации "тихоновщины" путем регистрации церквей за обновленческими религиозными общинами. Самочинного же Темниковского уездного Церковного управления с Епископом Димитрием во главе ни в коем случае не регистрировать.

Макарий»[91].

Жаловались в Темниковский исполком на «засилье» последователей патриарха Тихона и из Сасовского викариатства:

---

* *Руфин* (*Родион Иванович Велькин*; 1858—1925) — игумен (с 1922 года), пятнадцатый настоятель пустыни. Происходил из крестьян Пензенской губернии. Окончил учительскую семинарию в городе Пензе. Работал учителем в селе Мордовские Юнки Краснослободского уезда, после смерти жены ушел в Саровскую пустынь (1890). 11 сентября 1896 года определен указом, спустя несколько месяцев накрыт рясофором (24 декабря 1896 года). Пострижен в монашество 13 декабря 1897 года. Рукоположен в сан иеродиакона 18 августа 1902 года, в сан иеромонаха — 22 июля 1903-го. Награжден набедренником (20 марта 1906 года) и наперсным крестом (6 мая 1912 года). Избран членом собора пустыни 20 сентября 1910 года, назначен на должность казначея 12 июля 1913 года. До этого назначения исправлял чреды священнослужения и послушание при раке преподобного Серафима. После событий 1917 года престарелый игумен Иерофей все чаще передает руководящую роль своему помощнику. После смерти игумена, наступившей 4 октября 1920 года, братия избирает иеромонаха Руфина настоятелем пустыни. С 1921 года — председатель церковно-приходского совета. В 1921 и 1923 годах находился под арестом.

«Темниковский уезд, в связи с приездом в гор. Темников Епископа Тихоновского Дмитрия Поспелова, имеющего обследовать Темниковск. и Спасский уезды, все за исключением немногих приходов, перешел на сторону б. Патр. Тихона, этот факт заразительным образом стал отражаться на селах соседних Рязанской епархии... потому необходимо через Губ. Отд. Упр. пресечь и попытку к зарегистрированию как Епископа Дмитрия... что будет шансом к ослаблению их работы.

За Председателя *Доброхотов* и секретарь *Гранатов*»[92].

Власти не зарегистрировали ни управление, ни общину епископа Димитрия (Поспелова), который по распоряжению губотдела ОГПУ был арестован в конце декабря 1923 года и в 1927 году находился в ссылке. Несмотря на все старания советской власти, ввести обновленчество в Темниковском уезде насильственным образом не удалось.

Вплоть до закрытия Саровского монастыря сюда не прекращались потоки паломников из Москвы, Вологды, Астрахани и других городов, желавших посетить один из главных оплотов истинного православия. Как докладывал секретный сотрудник Скворцов, «Отношение к живой церкви враждебное... Активных работников в Сарове около 10 человек, во главе игумен Руфин, благочинный Игнатий*, казначей Стефан**»[93]. Этот же секретный сотрудник 22 июля 1923 года сообщал, что в Сарове ожидается приезд патриарха Тихона на торжества 1 августа[94]. Желание святейшего, конечно, было невыполнимо. Но взаимоотношения святейшего патриарха Тихона с руководством Саровского монастыря существовали — в октябре из Москвы в Саров приезжал неустановленный протоиерей, с которым игумен Руфин уехал в столицу на прием к патриарху. 16 но-

---

* *Игнатий* (*Иван Шиманов*; в 1909 году ему было 54 года) — соборный старец, благочинный монастыря. Из отставных нижних чинов. Вдов по первому браку. Поступил в монастырь 4 мая 1883 года. Пострижен в монашество 20 ноября 1891 года. Рукоположен в сан иеродиакона 24 декабря 1897 года, в сан иеромонаха — 13 августа 1900 года. Назначен благочинным 7 июня 1902 года. Введен в собор монастыря 6 мая 1908 года (ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1339. Л. 14—15).

** *Стефан* (*Сергей Кокорев*; в 1909 году ему было 54 года) — иеромонах. Из крестьян Пензенской губернии Краснослободского уезда села Пурдышки. Поступил в монастырь в 1890 году. Пострижен в монашество 13 июня 1901 года. Проходил послушание по строительству зданий. Дальнейший послужной список неизвестен. В следственном деле 1926 года записано: «72 лет... Иеромонах-казначей. Холост, окончил начальную школу» (ГАПО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 1424. Л. 54).

ября в Сарове побывал викарий Московской епархии епископ Алексий (Готовцев)[95]. В начале декабря, после повторного посещения Москвы и приема у патриарха, игумен Руфин вернулся с бумагой, адресованной епископу Тамбовскому Димитрию:

«Согласно резолюции Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона от 5 декабря 1923 г. за № 571 сообщается Вашему Преосвященству, что Саровская обитель подчинена временно Его Святейшеству.

Член Священного Синода при Святейшем Патриархе
Архиепископ *Петр.*
Декабря 5 дня 1923 года. № 174.
Москва. Донской монастырь»[96].

Можно сказать, что вплоть до кончины Святейшего патриарха Тихона Саровская обитель по своему статусу относилась к ставропигиальным монастырям, то есть подчинялась непосредственно патриарху.

«Настоящим сообщаю, что Саровский игумен Руфин вел и ведет агитацию в пользу Патриарха Тихона, разсылает по всей России через прибывающих священников и через толковых богомольцев Воззвания старцев Оптиной пустыни[97] и Воззвание Патриарха Сербского Лазаря[98]. В этих воззваниях проклинаются "живоцерковники", а пострадавших за тихоновщину провозглашают мучениками.

Воззвания переписывались отдельными переписчиками так приблизительно около сотни экз.»[99].

Чувствуя у себя под боком такого опасного соседа, власти Темникова пытались задушить обитель экономическими репрессиями. В июле 1923 года обитель вынуждена была заплатить 40 миллиардов рублей за страховку церковного имущества. На общем собрании принято решение о закупке на 15 миллиардов рублей 150 пудов хлеба. Надо было думать о зиме и откладывать деньги на закупку дров. Но 2 октября Общий отдел УИКа выписывает предписание об уплате в течение десяти дней пересчитанного квартирного налога за жилую площадь, занимаемую монашествующими за июнь, июль, август и сентябрь. Причем за эти месяцы монастырь уже заплатил по 637,5 миллиона рублей. Новые ставки, установленные в золотом эквиваленте, увеличились в тысячу раз[100]. Весьма аргументированно составив жалобу, приложив к ней список нетрудоспособных членов общества и заявление об отказе от проживания в трех корпусах, оставляя за собой только корпус, называемый «Длинный коридор», и корпус от водонапорной башни до задних ворот, саров-

ские монахи направили ее в губернский центр. Заключение Пензенского губернского жилищно-земельного стола, вероятно, было совершенно неожиданным для темниковских законотворцев:

«Общее заключение таковое, что просьбы просителей (имеются в виду заявления Саровского, Санаксарского и Рождественского монастырей. — *В. С.)* Жилищно-земельный стол полагал бы необходимым удовлетворить по тем соображениям, если к ним будут предъявлены высокие ставки квартирной платы по 1-й категории, то вряд ли монашествующие окажутся платежеспособными: либо они совсем оставят занимаемые помещения, или уплотнятся до крайних пределов, а это безусловно невыгодно для Коммунального Хозяйства так как во-первых здания будут пустовать без всякой пользы и выгоды, во-вторых эти здания без надзора и хозяйственного постоянного ухода будут неизбежно постепенно разрушаться и расхищаться. Подобные явления наблюдаются даже в г. Темникове — центре города»[101].

Монахи в своем заявлении сделали акцент на том, что власти в декабре 1921 года передали под охрану монастыря семь зданий, в мае 1923-го, после закрытия детского дома, к ним добавились еще два больших корпуса в три и четыре этажа. За охрану монастырь не просил никакой оплаты и даже делал текущий ремонт. Взвесив все «за» и «против», советская власть признала свою неправоту и то, что изъять методом наскока золотые рубли, которых якобы в монастыре спрятано было много, не удалось. Вот как описывается Саровская пустынь агентом ОГПУ в 1923 году: «Саровская обитель находится в следующем положении: монахов всего 160 человек, помещение занимают: три корпуса вместимостью 330 кв. саж. и еще вне ограды занимается совхозом 5 построек, лесничество 6 домов, п/т отдел-2. Флигелей свободных продаются 10 помещений и 1 помещение под фельдшерским пунктом и никем не занимаемых 7 помещений»[102]. В самый критический момент лета 1923 года игумен Руфин обратился к милосердным христианам за помощью[103]. Православные россияне откликнулись на эту просьбу и помогали, кто как мог. Так, в декабре 1924 года прихожане общины Святой великомученицы Варвары в Нижнем Новгороде передали в обитель 38 рублей[104].

С каждым годом надзор за монашествующими и паломниками становился все более пристальным. Штат-

ным и секретным сотрудникам предписывалось подавать в ОГПУ оперативные сводки два раза в месяц: 15-го и 30-го числа, в которых подробно сообщать о приезжих, указывая фамилию, имя, отчество, «2) Откуда происходит, где служит и занимаемая должность. 3) Когда прибыл и когда убыл. 4) У кого в келье или номере проживал. 5) Чем себя на Ваш взгляд проявил. В случае приездов диц высшего духовного звания... о таковых сообщайте тут же»[105]. «Зачистки» монастырских гостиниц проводились регулярно, Так, например, уполномоченный ГО ОГПУ Никифоров, «будучи в служебной командировке в так наз. Саровской пустыне» в январе 1924 года, докладывал о проживающих «без определенных занятий и подчас не имеющих обсалютно никаких документов. Часть из этих принадлежит к б. членам Полиции, полковники, дух. звания и пр.»[106]. Девять человек были арестованы и направлены этапом в Темников для выяснения личности и наложения штрафа. Несмотря на слежку и возможные аресты, в Саровскую пустынь продолжали приезжать (иногда и нелегально) церковные иерархи. 31 мая 1924 года в обитель приехал митрополит Уральский Тихон (Оболенский)*. Владыка пробыл три дня, участвуя в богослужениях и выступая с проповедями, в которых агенты ОГПУ услышали слова против богоборческой власти. «Толпа была озлоблена и показывала на стоящих милиционеров: вот, коммунисты, поносят бога и издеваются над религией. Некоторые хотели подойти к ответработникам и сорвать шапки. Недавно пребывал митрополит из Москвы, служил обедни и вечерни. Монахи встречали его за четыре версты с поднятыми иконами словно святого. Митрополит говорил на проповедях, обращаясь к прихожанам, что молодежь идет в комсомол. "Пускай идет, вы не держитесь ее, — говорил он. — Ибо скоро придет время, и религия победит все, и с поникшей головой вернутся обратно коммунисты. Осознают они, что такое есть отрешение от церкви и пойдут по заповеди по настоящим путям, истинным и праведным". После проповеди митрополит предложил молящимся петь вместе "Христос воскрес!". Настроение было

* *Тихон* (*Иван Иванович Оболенский*; 1856—1926) — митрополит (с 22 марта 1924 года). В 1880 году окончил курс медицинского факультета Казанского университета. В 1890 году пострижен в монашество. 14 января 1901 года хиротонисан во епископа Николаевского, викария Самарской епархии. Был участником Поместного собора 1917—1918 годов. В 1923 году вошел в состав Священного синода. С 1922 года проживал в Москве без права выезда.

приподнятое. Если бы коммунисты выступили в этот момент против, то их, безусловно, разорвать могли бы. Народ свирепый, идет за 500 и 1000 верст и ему ничего не говори. Митрополит при уезде, благословляя всех направо и налево, проповедью призывал верить в Бога и говорил следующее: "Бойтесь врагов наших, ведь они скоро пойдут за нами". Еще он говорил: "Верьте в мощи и не забывайте места этого святого". Народу было скопление такое, что везде были люди — человек до трех тысяч и даже больше. Они попросили митрополита прибывать еще раз в Саров»[107].

Весь июль, до праздника памяти преподобного Серафима, в Сарове проживал епископ Тамбовский Димитрий (Поспелов), также выступавший со смелыми проповедями.

Вероятно, настоящий переполох возник в рядах ОГПУ, когда появились сведения о появлении в рядах паломников личности, очень похожей на бывшего императора Николая II. Осведомитель доносил: «Мне пришлось выяснить о Николке Романове, что правда была личность похожее на Николая, побыв в Сарове короткое время он скрылся неизвестно куда»[108].

В 1925 году «В Саровский монастырь прибыл на жительство епископ Вильковский Петр Яковлевич (Павел)* который имеет удостоверение Черноморского Окротдела ОГПУ от 8/VIII-25 за № 5312 о том, что он освобожден из под стражи под подписку о невыезде из Саровского монастыря. Каковой взят на учет и установлено за ним наблюдение»[109].

1924 год выдался засушливым, что привело к тревожному ожиданию неурожая и, как следствие, повторению голода 1921 года[110]. Среди крестьянства начал подниматься ропот, что все беды идут от попрания святынь. Власти вынуждены были пойти на уступки — разрешались выходы с иконами на поля, крестные ходы.

«Разрешение.

Настоящим Умилиция разрешает Елизарьевскому Церковному Совету, Дивеевской волости, Арзамасского уезда

---

* *Павел* (*Петр Яковлевич Вильковский*; 1870—1933) — архиепископ. В 1895 году окончил Киевскую духовную академию. Пострижен в монашество и рукоположен в сан иеромонаха в 1898 году. 1 октября 1914 года хиротонисан во епископа Елецкого, викария Орловской епархии. Принимал участие в работе Поместного собора Российской православной церкви 1917—1918 годов. С 1924 года — епископ Оханский, викарий Пермской епархии. С 1925-го находился в трехгодичной ссылке, местом ссылки избрал Саровскую пустынь. 19 февраля 1933 года арестован и приговорен к высшей мере наказания.

крестный ход с молебствием о дожде в Саровскую пустынь, Темниковского уезда на 28 и 29-е июня 1924 года. Ответственным является председатель Церковного Совета гр. Яков Гусев. Настоящее разрешение подлежит регистрации у Саровского милиционера.

Зам. Нач. милиции... [*подпись*]»[111].

В самом монастыре проводились богослужения о даровании дождя и крестные ходы:

«Рапорт.

В настоящем доношу, что в Сарове было перенесение мощей 7-го мая по старому стилю, обносили вокруг церкви и останавливались с носилками против дверей церкви.

Богомольцы, бабы, старухи говорят, что место святое и стали после этого рвать и есть траву даже с песком»[112].

Начавшиеся дожди помогли разрядить обстановку, но власти избрали выжидательную позицию до следующего года.

В 1925 году Саровская пустынь понесла большую утрату — скончался игумен Руфин, духовный вождь и крепкий хозяйственник. Матушка Серафима (Булгакова) в своих записках говорила: «Он был очень близок к Дивееву и скончался внезапно, как раз когда в Саров пришел крестный ход из Дивеева (23 или 24.VI.25 г.)»[113]. Подтверждение этим словам обнаружено совсем недавно в Архиве УФСБ по Республике Мордовия, в показаниях иеромонаха Иерофея (Легостева): «Игумен Руфин умер в 1925 году в июне месяце»[114]. К сожалению, найти сведения о месте захоронения игумена Руфина пока не удалось*.

Новым руководителем монастыря братия избирает иеромонаха Мефодия (Коковихина)**, продолжившего нелегкую борьбу за выживание.

---

* Есть архивный документ, представляющий собой опись церковного имущества, датированный 1 июля 1925 года и подписанный отцом Руфином. Без сомнения — этот документ имеет датировку по новому стилю, что соответствует 18 июня по старому.

** *Мефодий* (*Михаил Кузьмич Коковихин*, 1871—?) — игумен, шестнадцатый настоятель Саровской пустыни. Родился в селе Любятине Вятской губернии. Окончил сельскую школу. Из отставных нижних чинов, службу проходил в Казани полковым писарем. В Саровскую пустынь поступил 24 октября 1898 года. Определен указом 6 июля 1905 года. В монашество пострижен 22 марта 1906 года. В сан иеродиакона посвящен 19 июля 1906 года, в иеромонашеский чин — 19 июля 1909-го. Выполнял послушание и как письмоводитель, вплоть до 1922 года. В 1921-м вместе с казначеем Руфином подвергался аресту и содержался в темниковском арестном доме. В 1922-м во время проведения изъятия церковных ценностей в Санаксарском монастыре Ме-

В 1925 году губернские власти, используя некоторую растерянность монашествующих после смерти игумена Руфина, предпринимают попытку создать в Саровском монастыре общину обновленцев. Объявился и добровольный помощник — священник из Нижнего Новгорода по фамилии Адаменко*, в планах которого было также создание рядом с Саровской пустынью женского монастыря, что должно было окончательно дискредитировать обитель.

«2-XI-1925. Совершенно секретно.

Нижегородское ГООГПУ на № 4774.

Не предрешая вопроса о возможности организации в Сарове обновленческой общины, Пензенский ГООГПУ просит ответить на ряд вопросов без чего мы затрудняемся приступить к практическому проведению всего этого в жизнь.

Для нас прежде всего необходимо знать:

Является ли поп Адаменко вашим сексотом?

Если да, то как мыслит он организацию первичной ячейки из нескольких своих общиниц-девиц, которые очевидно проживают не в Сарове.

Каким образом он намерен приступить к работе являясь в Сарове посторонним человеком?..

Все эти вопросы принимают особо острый характер потому, что в наших глазах Саров является таким религиозным центром, где наиболее трудно привить обновленчество...

Нач. ГООГПУ *Тарашкевич.*

ВРИД нач. 1 отделения *Олешкевич*»[115].

Из этого запроса видно, что даже руководство губернского ОГПУ признавало духовную силу Саровской пусты-

---

фодий подписывал бумаги за настоятеля Саровской пустыни. После смерти игумена Руфина в 1925 году на иеромонаха Мефодия возложена должность настоятеля. По документам 1926—1927 годов записан игуменом (ЦГА РМ. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 361. Л. 151). По сфабрикованному обвинению настоятель Мефодий в декабре 1926-го арестован. Находился под стражей в Пензенском губернском исправительном доме. По суду выслан за пределы Пензенской губернии. Дальнейшая судьба неизвестна.

* *Василий Иванович Адаменко* (иеромонах *Феофан*; 1885—1937) — священнослужитель РПЦ. В 1917 году рукоположен в сан священника. В 1924-м служил в Ильинском храме Нижнего Новгорода. В 1922—1930-е годы — деятель обновленческой церкви. В 1930-е годы принес покаяние и вернулся в Патриаршую церковь. Предположительно в это время постригается в монашество. Неоднократно арестовывался, находился в ссылках и заключении. Расстрелян в Карлаге.

ни и бесполезность своих действий — планам попа-перевертыша не суждено было сбыться, и в Сарове его так и не увидели. А слава Саровской пустыни только приумножалась, и паломников становилось все больше и больше.

Секретный осведомитель сообщал: «Посещаемость паломниками монастыря в текущем 1926 году была более многочисленная чем прошедшие 2—3 года. Особенным многолюдством ознаменовались май, июнь, июль и август. Паломники преимуществом были из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Одессы, Нижнего, Астрахани, Крыма, Сибири, Кавказа»[116].

На вопрос: «Что побудило вас совершить такое дальнее путешествие?» — паломники отвечали, «что у них нет церквей старого толка»[117].

С необычайным размахом проходило праздничное богослужение 1 августа, на котором присутствовало до 11 тысяч человек. «Была поздняя литургия, служили 40 заслуженных священников, в числе которых были архиепископ Зиновий Тамбовский и епископ Серафим Дмитриевский... В течение лета в пустыни побывало до 30 епископов и все они служили»[118].

Повышенный интерес паломников способствовал и экономическому укреплению Саровского монастыря. Это видно из оперативной сводки:

«Местечко Саров представляет из себя небольшой, но хорошо оборудованный городок — крепость с наличием больших корпусов каменных зданий, складов и прочих служб. Имеется целый ряд гостиниц и 8 церквей. Монахов проживает 160 человек... Все 8 церквей с культовым имуществом в 1921 году были переданы в пользование религиозной общины, образовавшейся из граждан окрестных деревень.

В монастыре имеются мощи Серафима Саровского. Поэтому пустынь продолжает посещаться паломниками. В год бывает до 30 000 человек.

После того, как у монастыря было изъято имущество, монахи вновь приобрели 4 лошади и до 100 ульев. Пришедшие в ветхость: пустыни, колодцы, часовни монахами вновь восстанавливаются, ремонтируются, подкрашиваются»[119].

Столь заметная активизация православной жизни в губернии подстегнула власти приступить к разработке мероприятий, конечной целью которых предполагалось закрытие Саровского монастыря. 10 сентября 1926 года в Москве состоялось заседание Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК ВКП(б), на котором

присутствовали Ярославский, Смидович, Логинов, Тучков. С докладом о ликвидации Саровского и Дивеевского монастырей выступил Тучков*. Принято постановление:

«Принимая во внимание, что Саровский и Дивеевский монастыри являются тем пунктом стечения, куда собираются отовсюду черносотенные элементы — поручить ОГПУ монастыри, как таковые ликвидировать, удалить из них весь политически вредный элемент, превратив монастыри в трудовые артели, поставив во главе последних — лояльных лиц.

Верно. Секретарь ком. *Тучков. Муранов*»[120].

Начало было положено, и в Пензу направляется секретная телефонограмма с предложением разработать план ликвидации.

---

* *Евгений Александрович Тучков* (1892—1957) — советский партийный и государственный деятель. Родился в деревне Теляково Аньковского района Ивановской области (данные 1954 года). В 1903 году окончил четырехклассное училище. С апреля 1905 года начал трудовую деятельность подсобным рабочим пряничного заведения купца Советова в городе Иваново-Вознесенске. В октябре 1906-го он уже конторщик кожевенно-обувного производства. В 1910-м оканчивает общеобразовательные курсы Усова и перебирается в Москву, где начинает работу рабочим на суконной фабрике. В 1911-м возвращается на должность конторщика в Иваново-Вознесенск. С 1915 по 1918 год — сначала ученик писаря, затем писарь при воинском начальнике и штабе Западного фронта. В партию принят в сентябре 1917 года. С марта 1918-го по октябрь 1919 года — член коллегии и заведующий юридическим отделом Губернской чрезвычайной комиссии в Иваново-Вознесенске. Затем направлен на организацию отряда особого назначения в город Уфу. Заведовал оперативным отделом ГУБ ЧК ОГПУ. Принимал активное участие в подавлении Мензединского восстания в Башкирии. С апреля 1922 года переведен в Москву руководителем VI секретного отдела ОГПУ—НКВД; занимал эту должность с 5 мая 1922 года по 20 октября 1929-го. С сентября 1922 года выполнял функции секретаря Антирелигиозной комиссии (АРК) по проведению декрета об отделении церкви от государства. В этот период непосредственно руководил работой по расколу РПЦ на несколько течений, принимал участие в допросах патриарха Тихона и других архиереев. В 1928 году продолжил свое образование: окончил первый курс Государственного университета. В 1939 году окончил факультет особого назначения НКВД в Москве. В октябре 1939 года уволен из ГУГБ НКВД в звании майора и зачислен лектором Центрального совета Союза воинствующих безбожников. С начала войны — парторг 2-го полка 48-й дивизии Московского военного округа, но недолго — в самый решающий момент для безопасности страны — в октябре 1941 года — ответственный секретарь Центрального совета Союза воинствующих безбожников. С августа 1947 года — на пенсии.

Уже 19 сентября в Саровскую пустынь приезжает Революционная комиссия во главе с членом губисполкома Тарашкевичем. Комиссия провела ревизию финансово-хозяйственной деятельности религиозной общины, при этом производились обыски в библиотеках и кельях. «Деньги поступают так: все пожертвования из кружек, от продажи образков, крестиков, масла, святой водицы, литературы и других, записываются секретарем со слов без всяких документов, например, приносил деньги председатель-игумен откуда, какие — неизвестно, говорит, что заприходуйте столько-то пожертвований собранных у "родничка", от продажи литературы... и т. д... Вообще деньги приходуются и расходуются со слов настоятеля-игумена он же председатель общины "на совесть", что видно из того, что нет приходных и расходных документов»[121]. В итоге члены комиссии постановили «просить помощника Губпрокурора по Краснослободскому уезду срочно расследовать это дело и виновных привлечь к законной ответственности».

О том, как проводилась ревизия и дознание, видно из следующего сообщения осведомителя: «10 октября с/г в соборе Темникова, по случаю встречи иконы из Рождественского монастыря, прибыл из Сарова иеромонах Виталий и сообщил Темниковскому духовенству следующее: в Сарове были большевики-коммунисты: 1) на роднике преподобного Серафима побили всю стеклянную посуду, которая продавалась для воды из источника, 2) в храме красного собора три коммуниста ходили в шапках и разорвали один антиминс с престола, 3) взяли много серебра и золота и 4) хотят Саров передать красным попам»[122].

Акты надругательства над святынями и церковнослужителями, можно сказать, происходили ежедневно. «По дороге на так называемый "источник о. Серафима", — докладывал безымянный осведомитель, — по обеим сторонам ее были расставлены кресты — в настоящее время эти кресты с изображениями распятого Христа — изуродованы самым ужасным и неприличным образом на одном распятии нет рук, на другом ног и т. д.»[123].

Активность действий представителей советской власти привела к аресту первых лиц монастыря и способствовала возникновению самых печальных предположений. Сотрудники ОГПУ, контролируя всю переписку, изымали письма, из которых мы узнаём:

«12/25 X. 26 г.

Добрейший и Возлюбленный о Господе о. Николай.

На днях из Сарова увезли о. Игумена, о. Маркеллина*, о. Леонида** (у мощей), о. Иерофея*** (письмоводителя),

---

* *Маркеллин* (*Михаил Дмитриевич Коваленко*; 1869—?) — иеромонах. Родился в городе Золотоноше Полтавской губернии Золотоношского уезда. По национальности украинец, происходил из рода казаков. В Саров поступил 11 декабря 1902 года. Пострижен в монашество 9 марта 1913-го. Исполнял послушание пономаря в соборном Успенском храме. В сан иеродиакона посвящен 18 июля 1913 года. На следующий день — 19 июля совершено рукоположение в иеромонаха. На момент вскрытия мощей выполнял послушание смотрителя у раки преподобного старца Серафима, почему и оказался невольным участником вскрытия мощей батюшки. Как вспоминала о нем монахиня Серафима (Булгакова): «Он много лет стоял гробным у мощей Батюшки преподобного Серафима и выделялся своей духовностью. Он никогда не уставал служить молебны и поминать о здравии всех. Он даже, помню, говорил: "Пишите, пишите всех кого знаете, чтобы всех помянуть у мощей Преподобного". И мы писали и подавали целые полотенца с именами». Владыка Зиновий после первого вскрытия мощей батюшки предложил отцу Маркеллину секретно взять мощи и скрыться, на что монах отвечал, что столько видел чудес при раке батюшки и уверен: он себя в обиду не даст. В 1927 году мощи преподобного были изъяты, отчего отец Маркеллин очень сокрушался и плакал. После закрытия монастыря был арестован и умер в ссылке в Казахстане.

** *Леонид* (*Леонтий Петрович Гарбузаров*; 1883—?) — иеромонах. Родился в крестьянской семье Приморской области Нижне-Уссурийского уезда в селе Сысоевка. Окончил начальную школу. Поступил в монастырь до 1910 года. В 1919-м был еще в послушниках. В монашество пострижен под именем Леонид. Выполнял послушание певчего. С 1925 года включен в состав членов исполнительного органа Саровской церковно-приходской общины в качестве кассира. Когда рукоположен в сан иеромонаха, не установлено. В декабре 1926 года арестован. Вот что записано с его слов: «Иеромонах ГАРБУЗАРОВ Леонид, виновным себя в предъявленном обвинении не признает и объясняет, что он никакими административными правами в монастыре не облечен. Выполняет возложенные на него игуменом обязанности при мощах — разливом по пузырькам святого масла для продажи верующим. Святое масло называется святым потому, что оно освящается путем соединения масла, которое горит в лампадах около мощей, с обыкновенным галипольским маслом и вдобавок потом уже разлитое по флаконам прикладывается к покрывалу мощей. Продается масло как целебное средство по просьбе верующих. Продавали они масло и до революции, но потом в первые годы революции трудно было достать такового, они торговлю прекратили и возобновили опять только с 1925 года. Расходится такого масла не более 2 пудов в год. Продажной твердой цены масла у них нет, а берется плата в зависимости от покупателя» (ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1424. Л. 52—53). По суду выслан за пределы Пензенской губернии. Дальнейшая судьба неизвестна.

*** *Иерофей* (*Иван Павлович Легостев*; 1870—?) — иеромонах. Родился в мещанской семье Нижнего Новгорода. Окончил трехклассное

о. Макария* и м. Вениамина**. По слухам их направляют к вам в Пензу...

Ваш собрат свящ. *П. Т.*»[124].

городское училище. С 1919-го — секретарь Сатисской артели (монашествующих). После закрытия артели с 1920 по 1922 год — делопроизводитель Саровского совхоза. С 1922-го — секретарь церковно-приходского совета и иеромонах. На следствии после ареста виновным себя не признал и «...объясняет, что он выполняет обязанности секретаря общины. Ведет учет имуществу и всему хозяйству монастыря. Лично в торговле никакого участия не принимает. Литература монархического содержания, обнаруженная в библиотеках монастыря, осталась еще от дореволюционного времени и к распространению ея они не прибегали. Виновности в продаже святого масла и воды как в совершении обманных действий не находит, т. к. таковое по религиозному убеждению является именно святым — таковое отпускается верующим по их настоятельной просьбе». По решению суда «обвиняемый Легостев» находился на свободе под подпиской о невыезде с места жительства. Предположительно в 1927 году был выслан за пределы Пензенской губернии и проживал в Нижнем Новгороде.

* *Макарий* (*Митрофан Васильевич Кряжев*; 1885—?) — иеромонах. Родился в крестьянской семье в Воронежской губернии Острогожского уезда на станции Лиски. Окончил сельскую школу. В монастырь вступил в 1918 году. В 1919-м назначен на должность председателя Сатисской сельскохозяйственной артели. С 1919 по 1921 год — председатель церковно-приходского совета (советская власть никоим образом не могла допустить на руководящие должности священнослужителей, и монашествующие нашли достойных представителей среди послушников). В 1923-м Кряжев уже иеродиакон и помощник секретаря церковно-приходского совета. В 1926 году уже иеромонах Макарий состоит в церковно-приходской общине при Успенском и Засимо-Савватиевом храмах, основной ячейке религиозного общества, в которую входил игумен монастыря и ведущие священнослужители. В 1926 году арестован. Виновным себя не признал «...и объясняет, что он заведывал торговлей в открытой монастырем лавке. Торгуют они с 1925 г. по патенту. Литературу для продажи получал от игумена Мефодия Коковихина, каковую приобретали у других монастырей. Св. масло для продажи он получал от иеромонаха Гарбузарова приставленного к мощам. Отчитывался за проданную литературу и пр. предметы перед игуменом, а за масло перед Гарбузаровым. Продажу святого масла как совершение обманных действий и использование религиозных предрассудков, с целью извлечения материальных выгод не считает преступлением, т. к. это не идет вразрез религиозным убеждениям верующих. О том, что нельзя торговать печатными изданиями без соответствующего разрешения административных органов он не знал. О каком-либо съезде и совещании духовенства и прочих лиц в стенах Сарова 1 августа он не знает, т. к. был все время занят торговлей» (ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1424. Л. 52). В 1927 году выслан за пределы Пензенской губернии. Дальнейшая судьба неизвестна.

** Сведений нет.

Или вот письмо от 5 ноября на имя митрополита Владимира, проживавшего в городе Сумы УССР (автор письма неизвестен):

«Ваше Высокопреосвященство...

В настоящее время считаю долгом известить Вас, что есть самые серьезные основания ожидать полной ликвидации пустыни по примеру Троице-Сергиевой лавры»[125].

16 декабря 1926 года письмо адресовано: «Анне Васильевне Селивановской... я думаю, что начинаются катастрофы и скорби святой обители и Вам уже известны. Игумен о. Мефодий и старшая братия давно уже страдают и томятся в тюремном заключении города Пензы. Причина не выяснена, а в их отсутствии сожгли несколько складов явных и тайных духовно-нравственного содержания книги, перекололи флаконы, все на источнике и в лавках и теперь все обыски по кельям монахов производятся и т. д. Следят и за нами во все глаза...»[126]

К ноябрю 1926 года план ликвидации Саровского монастыря был разработан «и предполагал упразднить монастырь зимой, когда невелик наплыв паломников. Наибольшие затруднения чекисты предполагали встретить при изъятии мощей. Прорабатывалось два варианта. Первый заключался в изъятии мощей и передаче их в пензенский Союз воинствующих безбожников. Второй вариант был запасным и предусматривал в случае возникновения беспорядков на религиозной почве передачу мощей группе обновленцев в Пензе»[127].

В течение нескольких месяцев подготавливалась ликвидация Саровской обители. Продумано было все — вплоть до обработки населения через средства массовой информации. Для этого в губернской периодической печати — газетах «Трудовая правда», «Новая деревня», журнале «Под знаменем ленинизма» — были опубликованы клеветнические статьи, порочащие саровских монахов. Основное руководящее звено монастыря было арестовано, не довольствуясь этим, принято решение о выселении из обители двадцати пяти наиболее активных монахов[128].

«Подписка.

1927 года февраля 19 дня я нижеподписавшийся монах Саровского Монастыря Балагуров* Иван выдал насто-

* *Израиль* (*Иван Николаевич Балагуров*; 1878—1938) — иеромонах. Родился в селе Абрамове Арзамасского уезда. В монастырь вступил, вероятно, после 1918 года, в 1926-м состоял членом церковно-приходской православной общины при храме Иоанна Предтечи Саровской пустыни. Арестован 23 ноября 1937 года, приговорен к высшей мере наказания 31 декабря 1937 года. Расстрелян 10 января 1938 года.

ящую подписку Упол ГООГПУ по Краснослободскому уезду в том что обязуюсь до 23-го февраля 1927 года оставить навсегда Саровский монастырь, зная что за невыполнение настоящей подписки подлежу ответственности по суду, в чем и подписуюсь»[129].

20 марта представитель Пензенского губкома докладывал о своей инспекционной поездке в Саров, во время которой встретился со всеми осведомителями и по личным впечатлениям убедился, что «ликвидировать монастырь сейчас вполне возможно и ничто не обещает осложнений... Я полагаю, что началом нужно выбрать 28—29 марта»[130].

Основной вопрос, который следовало решить властям, — это что делать с мощами преподобного Серафима. Претендентов на обладание реликвией было много. Во-первых, это церковно-приходское общество при саровских храмах. Во-вторых, жители города Темникова, для водворения мощей в одну из «староперковных», то есть «тихоновского толка», общин. В-третьих, пензенский Союз воинствующих безбожников строил планы по использованию мощей в своих пропагандистских целях. Четвертым, и наиболее предпочтительным, по мнению ОГПУ, претендентом была обновленческая церковь, обратившаяся к властям со своими аргументами:

«1. Что одной единственной возможностью сглаживания религиозного обострения верующих при ликвидации монастыря будет служить то, чтоб мощи как чтимые в религиозной массе не были скрыты и уничтожены. А как путь наименьшего сопротивления со стороны верующих находят передать каковые им — обновленцам. А последние через Синод поведут кампанию за сглаживание религиозного обострения.

2. Мощи мыслят поместить в одном из запасных храмов Боголюбской общины гор. Пензы.

3. Доход от служения молебнов над мощами мыслят использовать на содержание правящего епископа и Епархиального управления.

4. От торжественного перенесения мощей из Сарова в Пензу воздерживаются боясь, что у них как обновленцев мощи будут отбиты староперковниками, которые более поддерживаются верующим населением.

Водворение мощей в Пензе находят возможным только при содействии власти»[131].

На 10 ноября 1926 года Пензенское ОГПУ склонялось к варианту оставить мощи в губернском городе:

«По вопросу о мощах перед СО стоят два пути:

1. Изъять и передать в Пензенский Союз Безбожника.

2. Если наряду с передачей мощей в Союз Безбожника создадутся какие либо религиозные обострения, то передать их обновленческой группе в Пензе, т. к. мощи в использовании обновленцев теряют свой удельный вес ввиду того, что таковые в преимущественном большинстве верующих и по головном числе монашествующих считаются еретиками. Кроме того из рук обновленцев впоследствии когда уляжется религиозное обострение мощи будут безболезненно изъяты»[132].

Но, взвесив все плюсы и минусы, спустя некоторое время пензенские чекисты изменили мнение.

24 марта 1927 года член бюро Пензенского губкома ВКП(б) Тарашкевич на заседании комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК ВКП(б) сделал доклад «О ликвидации Саровского монастыря». Вероятно, на этом совещании Тарашкевич озвучил мнение Пензенского губкома, черновик которого обнаружен в архиве города Пензы: «Ликвидацию монастыря было бы целесообразно произвести теперь же, до наступления весеннего раздополья. Но дело задерживается решением вопроса о судьбе мощей Серафима. Оставить мощи в Саровской пустыне, конечно, невозможно...

Поэтому мы считаем, что наиболее целесообразно передачу мощей в <один из Московских музеев> (зачеркнуто. — *В. С.*) Москву для Музея»[133].

Заслушав доклад, члены комиссии прислушались к мнению пензенских чекистов и распорядились направить мощи преподобного в Москву.

«Постановили:

1. А) Подтвердить постановление Комиссии от 10-го сентября 1926 года.

Б) Мощи Серафима Саровского и другие "реликвии" перевезти в Москву для помещения в музей.

В) Для окончательной ликвидации монастыря считать нецелесообразным передачу всех зданий последнего Советским организациям для использования их в качестве домов отдыха, общежитий и т. п. В этих же целях Пензенскому Губкому поставить перед соответствующими организациями вопрос о передаче земель, ранее принадлежавших монастырю в постоянное пользование местных крестьян.

Г) При проведении ликвидации Пензенскому Губкому принять меры к предотвращению могущих быть эксцессов.

Д) В виду наступления весеннего периода в связи с чем начнется приток паломников, считать необходимым проведение ликвидации монастыря в ближайшее время.

П. П. Зам. предс. Ком. *Попов*.
Члены: Красиков, *Тучков*.
С подл. верно: [*подпись*].
Делопроизводитель Пензенского ГО *Муранов*»[134].

В конце марта 1927 года в Краснослободск направляется секретная телеграмма:

«Шифровка. Служебная записка. Краснослободск Бодрину. Немедленно объявите расторжении договора Саровской религиозной общиной как потерявший юридическое значение. Целях сохранения культового имущества опечатайте все церкви Сарове. Срочно выезжает Тарашкевич изъятия мощей. Предложите религиозной общине возбудить вопрос заключении нового договора. Подписал...»[135]

1 апреля Пензенским губисполкомом выдано удостоверение Тарашкевичу «в том, что он командируется... для проведения операции по изъятию мощей "Серафима" Саровского и отправления их в г. Москву»[136].

Вот как описывает события тех дней Тарашкевич в докладной в вышестоящую инстанцию:

«Совершенно секретно.

СО ОГПУ 6-е отделение Гор. Москва.

ДОКЛАД
Пензенского Губотдела ОГПУ
по ликвидации Саровского монастыря
и изъятии мощей "Серафима Саровского"

К подготовительной работе по ликвидации Саровского монастыря нами приступлено во второй половине 1925 года.

Подготовительная работа выразилась в изучении всех сторон жизни монастыря и деятельности монашествующих, для чего периодически выезжали в Саров работники Губотдела.

После того, как было выявлено, что монастырь, как таковой, сохранил свой прежний облик и действует со всем присущим монастырским укладом жизни, используя имеющиеся там мощи Серафима с целью извлечения средств, дающих монахам, которых там имелось до 170 чел. возможность не только на безбедное существование, но и на дальнейшее расширение своего влияния на религиозное крестьянство (характеристика монастыря дана нашими докладами № 7107 от 23 Августа и № 8621 от 2 Октября 1926 года).

Мы приступили к проведению практической части ликвидации, предварительно получив разрешение от СО ОГПУ и соответствующие постановления от Губкома ВКП(б) и Губисполкома.

Первым шагом ликвидации было:

1). Изъяли из Сарова их административную монастырскую верхушку в лице игумена, казначея и проч. в числе 5 человек, с привлечением их к уголовной ответственности по 224, 120 и 72 ст. Уг. Код. / ст. ред. которые в настоящее время по постановлению Коллегии ОГПУ высланы из пределов губернии на 3 года каждый.

2). Провели компанию в местной печати по разоблачению обмана верующих монахами, святостью и чудотворным действием мощей. (За это время помещено было 7 статей в местной прессе.)

3). Провели ряд тактических мер по экономическому зажиму монашествующих. Через крестьянскую часть церковного совета Саровских церквей отстранили монахов от управления культовым имуществом, передав все в ведение крестьянской религиозной общины, организованной еще в 1921 г. Провели через тот же церковный совет мероприятия по снятию всех монашествующих со всего монастырского довольствия, а именно: если до этого момента кварт. плату за помещения выплачивали из общих монастырских сумм, то после стали выплачивать сами монашествующие из своих личных средств, а также сняли их с монастырского довольствия.

4). Переселили монашествующих из хороших корпусов (квартир) в худшие. Произвели уплотнение, изъяли из пользования монахов все госфондовское имущество, как мебель и проч., оставив в их квартирах, как говорится голые стены. Наконец, самых ярых монахов 30 чел., являющихся активом, обязали подпиской немедленно оставить пределы Сарова, одновременно распускали разные слухи среди населения компроментирующие монахов, как то: изобличали их в безнравственном образе жизни, половой распущенности, пьянстве и т. п.

Это давление произвело на монахов паническое настроение. Из общего числа всех монашествующих до 75 % добровольно покинули Саров, разъехавшись часть на родину, а часть в окрестные селения Нижегородской губернии в район Дивеевского монастыря.

5). По постановлению Губземуправления все постройки, как памятники о Серафиме Саровском, расположен-

ные в лесу вне монастыря, как то: "дальняя пустынка", "ближняя пустынка", и строения около так называемого "святого источника", как госфондовское имущество продано с торгов окрестным крестьянам и кооперативным организациям.

После подобных подготовительных мероприятий, прежде чем приступить к изъятию главного источника, на чем держался Саров, т. е. "мощей" Серафима Саровского, мы приступили к изучению настроений окрестного крестьянства и рабочих, работавших в нынешнем зимнем сезоне на Саровском лесном участке по разработке лесоматериалов разными организациями. Сезонных рабочих в этом году насчитывалось до 1000 человек, главным образом крестьяне. Для этой цели конспиративно за месяц до изъятия мощей был командирован Губотделом в Саров уполномоченный по духовенству тов. Машков, который и занялся вопросом изучения настроений создавшихся вокруг Сарова в связи с проведенными нами мероприятиями. Тов. Машкову дана была директива сообщать о настроении окружающего населения трехдневной сводкой в ГО.

Из выявленных фактов можно было видеть: отношения крестьянства окрестных к Сарову сел и деревень к проводимым нами мероприятиям по отношению к монахам было в большей мере не на стороне последних, т. к. все творимые безобразия монахов проходили на глазах этого крестьянства. И после того, как все культовое имущество было передано в пользование крестьянской религиозной общины, то сами же крестьяне сняли монахов со всего монастырского довольствия. Они полагали, раз монастырь и вся Саровская святыня будет в их пользовании, то доход от паломничества будет целиком оставаться в их общине, а отсюда и возможность уделить часть доходов на свое крестьянское хозяйство. Для них так же, как и для монахов были нужны только "мощи", за изъятие которых только и боялись, но отнюдь не из-за религиозных убеждений, а только как за главный источник их дохода. Из фактов материальной заинтересованности крестьян мы имеем следующее: Избираемый ими состав церковного совета менялся каждые две-три недели, чередуясь между собой, потому что весь состав церковного совета целыми семьями проживали в Сарове на всем готовом содержании и с оплатой жалования и другое то, что будучи хозяевами положения они нелегальным путем из монастырской казны и имущества выкраивали себе долю доходов, обращая на приобретение сельско-хозяйственно-

го инвентаря или скотины для своего хозяйства, как например, один крестьянин был две недели членом церковного совета, купил себе корову, а другой плохую лошадь заменил хорошей и т. п.

Рабочие лесоразработок Саровского участка являлись в большинстве своем жителями ближайших деревень, в возрасте до 40 лет. Отношение их к ликвидации монастыря безразличное и к положению монашествующих насмешливое. Поведение рабочих, проживавших в Саровских зданиях возмущало прибывавших в Саров паломников тем, что рабочие кощунственно относились к Саровской "святыне". Они ежедневно ходили по территории монастыря с песнями и гармошкой. Не мало было снято ими с наружных стен монастырских церквей икон и разбито. Находившиеся в лесу в окрестностях Сарова прочие памятники и часовни в память Серафима ими разрушались. Были случаи когда рабочие напившись пьяными били монахов, или при выселении монахов из лучших помещений в худшие, под предлогом помочь им перетащить их имущество в частности иконы и как бы по нечаянности разбивали их. Действия рабочих по отношению к монахам неоднократно сдерживались находившимися в Сарове милиционером и ганотом УРО, к которым рабочие неоднократно обращались разрешить им разделаться с монахами по своему.

Монашествующие в силу проведенных репрессий над их головкой и экономического нажима на них, были дезорганизованы, руководящая роль по управлению монастырем у них выбита. Большая часть монахов выбыла из Сарова, оставшиеся внешне примирились с обстановкой нажима на них, говоря, что вероятно так нужно, но главное они боялись за то, как бы не взяли "мощи" из Сарова. После того, как уже стало ясным отношение окружающего населения к ликвидации монастыря мы разработали план изъятия "мощей".

Прежде всего подходящим временем для изъятия "мощей" установили начало весенней распутицы, когда в Саров поломничество почти прекращается, а также сокращается и всякое движение.

За неделю до изъятия через Уездный Адмотдел объявили Саровской религиозной общине соответствующее постановление Губисполкома о расторжении с ними договора на пользование церквами, как утратившего свою юридическую силу, а также и за нарушение ряда пунктов такового. С целью сохранения культового имущества предложили опечатать все церква в Сарове, предоставив право рели-

гиозной общине вновь заключить договор на пользование культовым имуществом, тем самым освободили себе доступ к изъятию "мощей" и сохранению их от возможного похищения. Опечатание церквей не вызвало со стороны верующих нареканий на соввласть, а обвиняли целиком церковный совет за упущение по соблюдению договора.

Изъятие "мощей" было намечено на 5 Апреля и для наибольшей успешности и безопасности в проведении этой операции были выделены и командированы под видом паломников в Саров 12 человек сотрудников ГО по группам:

1-я группа в 4 человека выслана по разным путям 29 Марта.

2-я группа в 4 человека 1-го Апреля.

3-я группа, как официальная комиссия в лице Нач. ГО тов. Тарашкевича, 3-х сотрудников ГО, представителей от ГИКа, печати и фотографа, выбыла в Саров 3 Апреля.

Первым двум группам было дано задание вести агентурную работу по выявлению настроения окрестного населения, которые для этой цели выезжали в окрестные села, под тем или иным предлогом, завязывали связь с крестьянством, одновременно держа постоянную связь с находившимся в Сарове тов. Машковым.

На месте 5-го Апреля была создана комиссия из представителей от ГИК, Местного УИКа, Сельсовета Саровского уч-ка, одного монаха и верующих (представителей церковного совета в это время не было) и тогда же произвели изъятие "мощей" и прочих реликвий с фотографическим заснятием некоторых моментов (фотокарточки прилагаются).

В момент изъятия "мощей" все входы и выходы монастыря охранялись постами милиционеров и с наружной стороны негласным наблюдением сотрудников ГО.

Никаких открытых возражений со стороны монашествующих, так и верующих, находившихся в то время в Сарове, против изъятия не было, за исключением монаха участвовавшего при изъятии было заявлено в виде просьбы: "Нельзя ли мощи оставить?"

Операция по изъятию начата в 11 часов и закончена в 17 час. 5-го Апреля, того же дня все участники по изъятию разбившись на две группы выехали по двум направлениям из Сарова.

Количество изъятых из Сарова реликвий и последующее их направление изложено в приложенной при сем копии акта изъятия.

Последующее настроение монахов и окрестного крестьянства таковы: спустя некоторое время после изъятия мощей по сообщению монахов явилось десятка два женщин крестьянок из деревни Крименок (8 верст от Сарова), но узнав, что "мощи" вывезены разошлись. В разговоре с нашими сексотами они заявляли, что пришли посмотреть на "мощи".

В заключение мы делаем следующие выводы:

Поставленную перед собой задачу ликвидации Саровского монастыря как рассадника невежества и оплота поповской реакции мы выполнили весьма удачно, без каких бы то ни было осложнений.

Восстановление Сарова, как монастыря, по словам даже самих монахов и верующих, с изъятием оттуда мощей и других реликвий вряд ли будет возможное, однако необходимо отметить, что Дивеевский женский монастырь, расположенный в 10 верстах от Сарова, который в настоящее время займет первенствующее значение в районе и будет местом дальнейшего скопления паломников, чем должен будет способствовать возрождению Сарова как такового.

Мы полагаем, что это положение необходимо учесть и сделать со своей стороны соответствующие меры побуждения Ниж. Губотдела ОГПУ к ликвидации Дивеева.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Копия акта по изъятию "мощей" и реликвий, 9 фотоснимов и вырезка из газеты "Трудовая Правда" по изъятию мощей.

г. Пенза 4 мая 1927 года

Нач. Губотдела ОГПУ *Тарашкевич*
Начальник С. О. *Олешкевич*»[137].

Корреспондент газеты «Трудовая правда» описал события, свидетелем которых он оказался, в довольно пространной статье:

«ЧЕМ МОРОЧИЛИ В САРОВСКОМ МОНАСТЫРЕ

Бывшая "царская Русь" была богомольной. Как только, бывало, начиналась весна, и до глубокой осени по большим и проселочным дорогам тянулись паломники. Измученные и оборванные, полуголодные, с изможденными ногами, с котомками за спиной брели они в святые обители за "благодатью"...

Одним из таких "святых мест" в нашей губернии сла-

вился монастырь, так называемая "Саровская пустынь". Или просто Саров. Около трех десятков лет тому назад здесь "изобрели" мощи Серафима. Открывать эти мощи в 1903 г. приезжал сам царь и все главное духовенство.

...17 декабря 1920 г. мощи Серафима были вскрыты и обследованы комиссией, которые оказались обыкновенными прогнившими человеческими костями. Об этом составлен акт и в свое время было опубликовано в нашей газете.

...Продолжавшемуся обману теперь положен конец. Пензенский Губисполком вынес постановление — вновь обследовать мощи Серафима, и 5-го апреля комиссия из представителей губернской, уездной и сельской власти произвела вторичное их вскрытие в присутствии местного населения.

...При вскрытии присутствовал представитель "Трудовой правды". Помещаем полностью акт последнего обследования.

"5 апреля 1927 г. комиссия в составе члена Пензенского Губисполкома Иосифа Владиславовича Тарашкевича, представителя Губфо — члена Пензенского губисполкома Ивана Потаповича Торкина, члена Президиума Краснослободского усполкома Николая Андреевича Ямановского, члена сельсовета поселка Сарова, Темниковской волости, Елисеева Ивана Трифоновича, смотрителя оброчных статей Краснослободского УЗУ — Алексея Петровича Климовского, иеромонаха бывшего саровского монастыря — Касьяна Егоровича Петрова* и члена Краснослободского уисполкома Матвеева, Николая Дмитриевича, в присутствии понятых: гр. Зефирова, Бориса Модестовича, старшего милиционера саровского участка Ведакова Михаила Афанасьевича, гр. Федосеева, Сергея Федоровича, гр.

---

* *Киприан* (*Касьян Егорович Петров*; 1876—?) — иеромонах. Родился в мещанской семье города Раненбурга Рязанской губернии. В пустынь поступил 11 февраля 1901 года. Определен указом 16 октября 1907 года. В монашество пострижен 26 апреля 1908 года. Рукоположен в сан иеродиакона 19 июля 1911 года. Исправляет чреды священнослужения и исполняет должность смотрителя по ремонту монастырских зданий. 21 марта 1915 года рукоположен в сан иеромонаха. С 1 мая этого года утвержден в должности лесохозяина пустыни. С 1919-го некоторое время работал в Саровском совхозе. После образования Германовской трудовой артели избран ее председателем. С 1921-го является членом церковно-приходской общины при храме Иоанна Предтечи. После ареста настоятеля Мефодия в декабре 1926-го избран на должность настоятеля. 23 марта / 5 апреля 1927 года по решению советской власти отстранен от должности. Дальнейшая судьба неизвестна.

Бахтиярова, Константина Константиновича на основании постановления президиума Пензенского губисполкома от 30 марта 1927 г. за № 6 — О произведении изъятия мощей Серафима Саровского и принадлежащих к ним реликвий, при чем изъято было следующее:

1. Один человеческий скелет находившийся в церкви 'Живоносный Источник', который был завернутым в черный... материал, принадлежащий, по словам иеромонаха Петрова, — Серафиму Саровскому.

2. Два шелковых куска материи, из них один черный, другой белый, в которые был завернут скелет, обложенный ватой.

3. Дубовый гроб с крышкой, в котором находился скелет.

4. Серебряная пластина, находившаяся под скелетом весом в 19 ¾ фунта.

5. Серебряная оковка гроба весом 5 $^{5}/_{8}$ фунта.

6. Деревянная колода, выдолбленная с крышкой, именовавшаяся гробом Серафима Саровского.

7. Серебряная оковка корыта весом в 11 фунтов.

8. Два клока рыжых волос, один зуб, одно евангелие, одна мантия, по словам монаха, принадлежавшая Серафиму Саровскому.

9. Вериг железных: поясных шесть, плечевых восемь, головных три, одежда 'первоначальника' (мантия) Саровского монаха Иоанна.

10. Один деревянный дубовый посох, принадлежавший согласно этикетке, имеющейся на нем, схимонаху Марку.

После изъятия вышеуказанных вещей комиссия, рассмотрев последние, постановила: уничтожить через сожжение на месте колоду с крышкой, именовавшуюся гробом Серафима Саровского и дубовый гроб — с крышкой, в котором находился скелет. Все ценности перечисленные в пунктах: 4, 5, 7 передать в Краснослободский уфинотдел. Скелет, именовавшийся мощами Серафима Саровского со всеми одеяниями отправить в Москву, для передачи в антирелигиозный музей. При изъятии было произведено восемь* фотографических снимков.

Все вышеизложенное комиссия постановила записать в двух экземплярах.

Следуют подписи лиц, участвовавших в комиссии".

---

* В действительности было сделано девять фотографий.

Преподобный Серафим Саровский с десятью клеймами жития, видами часовен и Саровского монастыря.
Хромолитография. Мастерская И. Сытина. 1902 г.

Монахиня Серафима (Екатерина Семеновна Мошнина) и послушница Пелагея Семеновна, внучатые племянницы преподобного Серафима. *1880 г.*

Вид Саровской пустыни с северо-западной стороны. *Литография. Мастерская Ж. Лемерсье, Париж. 1860-е гг.*

Игумен Павло-Обнорского монастыря Иоасаф (Толстошеев), в схиме Серафим. *1870-е гг.*

Священник Леонид Чичагов, составитель «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря». *1894 г.*

Императорская чета на монастырской площади Саровской пустыни во время торжеств по прославлению преподобного Серафима. *1903 г.*

Царский дворец, в котором проживал император Николай II с супругой во время прославления преподобного Серафима. *1903 г.*

Крестный ход
в монастыре Саровская
пустынь со святыми
мощами преподобного
Серафима Саровского
18 июля 1903 года.
Литография.
Мастерская Серафимо-
Дивеевского монастыря.
1903 г.

Рака со святыми
мощами преподобного
Серафима в Успенском
соборе. *Фото 1903 г.*

Паломники в Саровском монастыре в дни прославления преподобного Серафима. *1903 г.*

Храм во имя Преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, престол которого был сделан руками отца Серафима.
Саровская пустынь. Начало XX в.

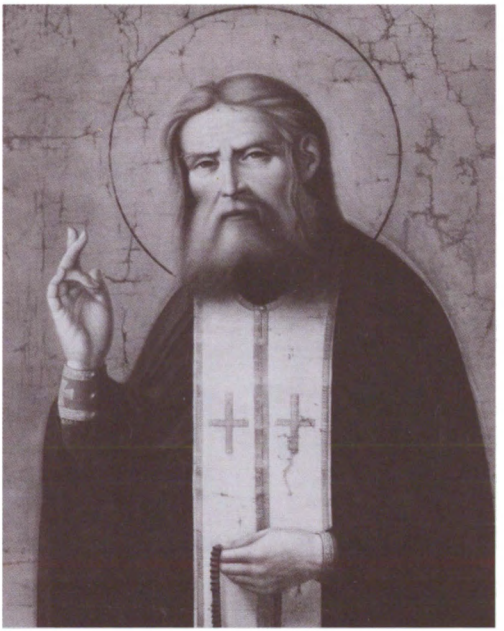

Посещение императрицей Александрой Федоровной купальни на источнике преподобного Серафима. *1903 г.*

Император Николай II с цесаревичем Алексеем. *1905 г.*

Серафим Саровский. *Фрагмент иконы «Преподобный Серафим Саровский с видом Саровского монастыря». Начало XX в.*

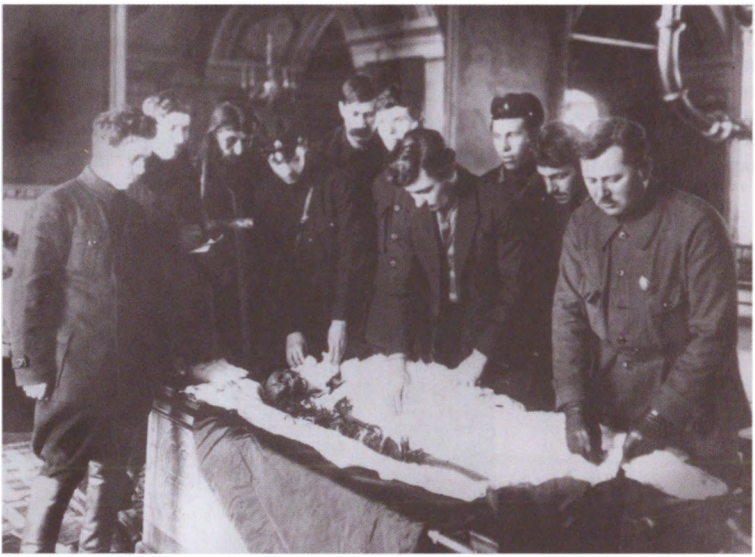
Вещи преподобного Серафима в Серафимо-Дивеевском монастыре. *Начало XX в.*

Божия Матерь Умиление — подлинная икона отца Серафима, ныне хранящаяся в Патриаршей резиденции в Москве

Келья Серафима Саровского в храме во имя Преподобного Серафима.
Саровская пустынь. Фото 1927 г.

Вскрытие святых мощей преподобного Серафима во время закрытия Саровской пустыни. *5 апреля 1927 г.*

Монастырская площадь Саровской пустыни в 1940-е годы. Слева виден собор во имя Пресвятой Богородицы и Ее Живоносного Источника, в центре — собор во имя Успения Пресвятой Богородицы, справа — храм во имя Преподобного Серафима Саровского. *Фото В. Урбанович*

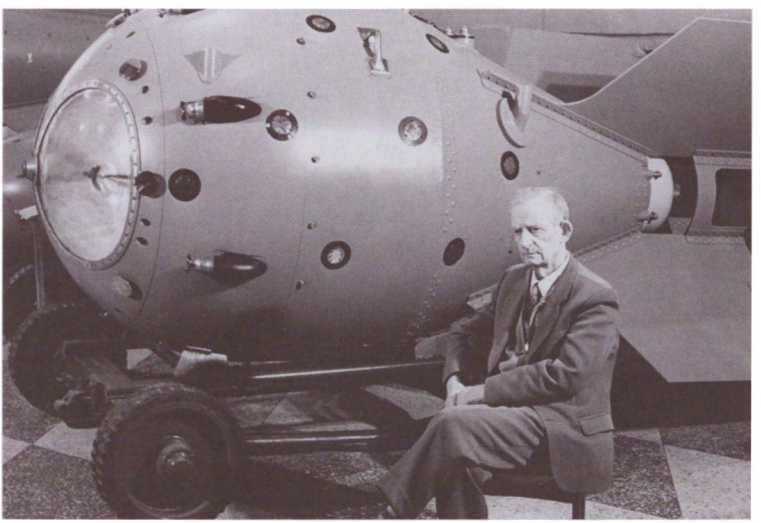

Игорь Васильевич Курчатов, организатор и руководитель атомного проекта в СССР

Андрей Дмитриевич Сахаров, один из создателей водородной бомбы

Юлий Борисович Харитон, научный руководитель ВНИИЭФ у корпуса первой советской атомной бомбы РДС-1.
1993 г. Фото В. Лукьянова

Освидетельствование святых мощей преподобного Серафима Саровского в Казанском соборе Ленинграда. *1991 г.*

Прибытие крестного хода со святыми мощами преподобного Серафима в Серафимо-Дивеевский монастырь. *1991 г.*

Рака со святыми мощами преподобного Серафима в Троицком соборе Серафимо-Дивеевского монастыря. *Фото 2000 г.*

Крестный ход со святыми мощами преподобного Серафима в Сарове. *2003 г.*

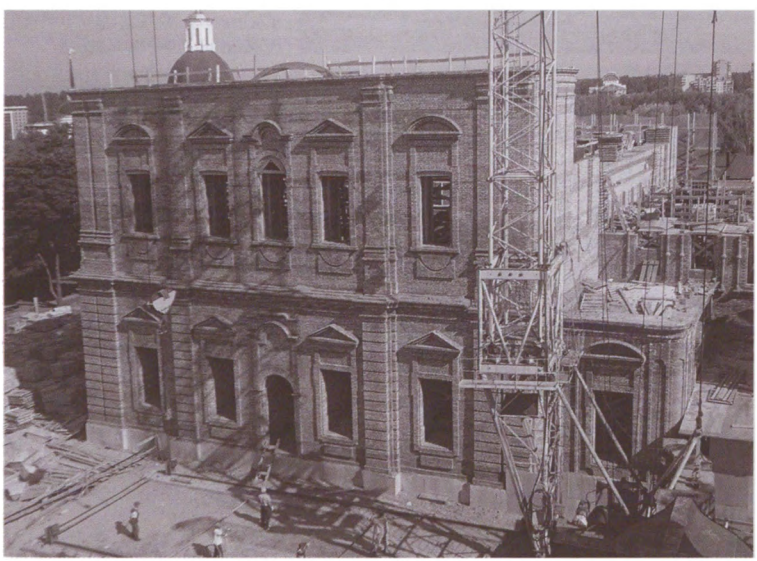
Прибытие раки со святыми мощами преподобного Серафима Саровского в Курск на празднование 250-летия со дня рождения подвижника. *2004 г. Фото В. Викторова*

Директор РФЯЦ-ВНИИЭФ Валентин Ефимович Костюков рассказывает президенту Путину о достижениях института. *2012 г. Фото Н. Ковалевой*

Возведение взорванного в 1951 году главного собора Саровской пустыни во имя Успения Пресвятой Богородицы. *2017 г.*

Памятник преподобному Серафиму Саровскому на Дальней пустыни.
Скульптор В. М. Клыков.
Фото 2015 г.

Панорама Свято-Успенской Саровской пустыни и города Сарова. Слева — видны бывшие гостиницы монастыря, управление РФЯЦ-ВНИИЭФ, вдали — городские кварталы. Справа — монастырская площадь с храмом Зосимы и Савватия и строящимся Успенским собором.
Октябрь 2017 г.
Фото В. Степашкина

* * *

Извилистая лесная дорога вышла на простор и перед нами обнажились массивные белые корпуса Саровского монастыря. Сотнями окон глядели они на нас с возвышенного холма. А из-за корпусов маячили многочисленные главы и кресты нескольких соборов.

Мы въехали на длинный деревянный мост. От моста дорога шла в гору и вела к воротам, служившим въездом за монастырскую стену.

У въезда маячили две человеческие фигуры. Было заметно, что они старались издали рассмотреть нас. Когда мы подъехали настолько близко, что можно было рассмотреть людей, — эти фигуры оказались монахами...

* * *

Гостиный двор. Несколько двух и трехэтажных гостиниц. На стенах имеются надписи: Гостиница № 1, Гостиница № 2 и т. д. Массивные корпуса их свидетельствуют, что они вмещали в себя тысячи "гостей", которые распределялись по чинам и рангам. Простым, "грешным"паломникам отводились низы и подвалы, богатым купцам и сиятельным лицам — роскошные номера верхних этажей с изысканным комфортом.

Монахам в этой пустыни еще жить можно: рядом с воротами обители монастыря торгует потребительский кооператив белым хлебом, колбасой и другими продуктами. Тут же есть и торговля хлебным вином. Каждое утро из соседних деревень бабы несут сюда свежие яйца, коровье масло и молоко.

Мы проходим вовнутрь монастыря. Словно иконы лениво двигаются "братцы" в камилавках. Одни идут в лавку, другие прогуливаются из корпуса в корпус. Некоторые работают: перекладывают дрова. Им помогают... "жены во Христе", ни то из Дивеева монастыря, ни то еще откуда.

* * *

Часов в 11 дня съехались представители губернской, уездной и сельской власти, составившие комиссию по обследованию "св. мощей".

В келью, представляющую из себя несколько барских

комнат (занимаемые теперь рабочкомом), был приглашен иеромонах Куприян, возглавляющий теперь Саровскую братию. Для него новые гости были не ожидаемы и он растерялся. Ему объявляют цель приезда комиссии и предлагают войти в ее состав. Он не отказывается. Для присутствия при вскрытии мощей были приглашены понятые от местного населения.

Дм. Давыдов.

(окончание завтра)»[138].

«ЧЕМ МОРОЧИЛИ В САРОВСКОМ МОНАСТЫРЕ
(окончание)

Обширный собор название носит "Живоносный Источник"... Внутри расставлены длинные скамьи со спинками, с сиденьем на обе стороны. После молитвы монахи на них отдыхают... Стены и купол разрисованы "божественными" картинами, производящими на паломников надлежащее в "святом" месте впечатление.

На правой стороне, перед киотом "чудотворной божией матери", возвышается площадка, обнесенная невысокой оградой. А на площадке высокая гробница, покрытая парчевым покрывалом. Перед ней — массивный золотой подсвечник с семью "неугасаемыми" лампадами, а позади — столик и налой, на котором лежит пачка бумажек с именами для поминанья.

Иеромонах Куприян, он же Касьян Егорович Петров, наскоро отвешивает поклоны перед иконостасом, перед ракой "нетленных" и облачается в епитрахиль и поручи.

Пока фотограф приготовляет аппарат для фотоснимков с гробницы, члены комиссии ведут с ними разговор.

— Вы можете справлять обряды венчания, похорон?

— Хоронить и крестить у нас принято, а венчать нет. Но все равно и это могу, — добавляет он и по лицу его скользнула улыбка.

Щелкнул фотографический аппарат* и верхнее пок-

---

* Фото № 1: общий вид раки с мощами преподобного Серафима, находящихся в храме во имя Пресвятой Богородицы и Ее Живоносного Источника. Фотография сделана от юго-западного столпа храма. Рака, накрытая покрывалом, установлена на выложенный из тяжелых каменных плит постамент, огражденный с двух сторон бронзовой решеткой. В изголовье находится аналой, на котором лежит крест и евангелие. В изножье расположен киот с чудотворной иконой «Живоносного Источника». Слева от киота, на юго-восточном столпе, размещена икона преподобного Серафима. В глубине зала виден иконостас

рывало с гробницы снимается. Под ней еще два свернутых покрывала и обнажилась блестящая крышка. На ней, под толстым английским стеклом, во весь рост художественное изображение "преподобного"...

Головная часть крышки по грудь откладывается на петлях. Эту часть монахи открывают в особых лишь случаях, и зрителю тогда представляется форма головы, тщательно завернутая в черную шелковую материю. Над лбом в черной материи небольшое круглое отверстие в серебряной оправе.

— Это звездочка, — поясняет монах. В нее видна часть "лба". Рассмотреть отчетливо невозможно. Но с первого взгляда представляется будто бы живое тело. Получается обман зрения.

С трудом несколько человек подымают крышку. Она серебряная, на петлях. С внутренней стороны вся озолочена. И перед глазами лежит "человек" в гробу. На нем блестящая золотая епитрахиль. Из под черной шелковой

и ступени амвона. Далее виден левый клирос «столярной работы с 6-ю колоннами» (Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 334).

Фото № 2: фотограф переместился вдоль ограждающей решетки к киоту с иконой Пресвятой Богородицы. Снята крышка раки и в гробу виден силуэт преподобного, накрытого епитрахилью и крестом на груди (там же. Л. 335).

Фото № 3: снято священническое облачение, черная мантия развернута, мощи преподобного одеты в белый шелк. Виден череп преподобного Серафима (там же. Л. 332).

Фото № 4: перед раскрытыми мощами члены комиссии. Третий слева: иеромонах Киприан — последний настоятель Саровской пустыни. Первый справа: руководитель святотатства и начальник Пензенского ОГПУ И. В. Тарашкевич (там же. Л. 333).

Фото № 5: раскрытые мощи преподобного Серафима (там же. Л. 336).

Фото № 6: участники Комиссии по вскрытию мощей преподобного Серафима Саровского. Сидит третий справа руководитель комиссии И. В. Тарашкевич (там же. Л. 329).

Фото № 7: дубовый гроб, в котором старец Серафим был похоронен в 1833 году. На переднем плане крышка гроба. По решению комиссии распилены и сожжены (там же. Л. 328).

Фото № 8: внешний вид кельи преподобного Серафима Саровского (там же. Л. 331).

Фото № 9: внутренне убранство кельи преподобного Серафима. Северо-западный угол. Справа видна витрина, закрывающая изразцовое покрытие печной лежанки. В центре небольшая витрина, в которой были выставлены зуб и волосы старца. Под витриной видна верхняя часть осколка камня, на котором молился преподобный. На северной стене не очень ясно видна витрина, в которой сохранялся посох схимонаха Марка (там же. Л. 330).

мантии виднеются "лапы" ног — белые парчевые туфли с крестиками, искрящимися от зерновых жемчужин. Золото и шелк. Парча и жемчуг!.. На верующаго человека все это может произвести впечатление...

* * *

Перочинные ножички заходили по швам шелковой мантии. Тупо и молча смотрит на операцию монах... Но вот развернулось черное одеяло и показалось "лицо" мощей.

...Это обыкновенный череп человека. Вместо глаз и носа — дыры, набитые ватой. Место ушей тоже обложено ватой. Нижняя челюсть с одним зубом подвязана к черепу шелковою лентой и тоже обложена ватой.

Чтобы не отваливалось...

А вот и "белоснежные волосы" преподобного. Вместо длинных волос, которые привыкли видеть верующие на картинках Серафима, здесь они коротенькими клочками покрывают лишь часть черепа над висками. Цвет их не то рыжый, не то еще какой. Но только не седой.

Под подбородком отдельным сваленным клоком еще кусок шерсти. Разобрать невозможно, что это такое.

— Это что? — задается вопрос духовнику.

— Должна быть борода, — неуверенно говорит он.

Таково "лицо". А туловище пока зашито во вторую шелковую мантию — уже в белую. На "груди" крестообразно сложены "руки"; как складываются у покойников. На кисти надеты из золотой парчи рукавицы. Дотрагиваются до этих рукавиц и они... отваливаются. В них белая вата, а в вате завернуты козанки и другие кистевые мослы.

Когда распороли белую мантию: оно оказалось завернутым еще в толстый слой ваты. Это составленный скелет. И составленный прескверно. Ребра, позвоночник и другие кости ничем между собой не связаны и рассыпаны. На вате — желтые пятна, это места, которые плотно прилегали к костям...

Некоторые кости почернели, разрушились.

— Это что за кость? От руки? — спрашивают монаха, показывая на локтевую кость с отгнившим концом.

— Не знаю... должно быть от руки, отвечает он.

— А почему она короче вот такой же другой?

— Она может быть обломлена... — отвечает он глухо.

— Как обломлена? Кем?

Монах попал в оплошность. Но сейчас же догадывается, что молчание — золото. И молчит.

"Весь" Серафим связывается в узел шелковой материи, в которой он лежал и укладывается в ящик.

— А скажите откровенно, отец, ждете ли вы сейчас чуда? Ну, например, гром что ли шарахнет?

На лице его чуть заметная улыбка.

— Его святая воля... — уклончиво говорит он.

— А были здесь чудеса?

— Раньше исцелял.

— А теперь?

— Теперь вера охладела...

На самом дне гроба серебряная пластина, весом около десяти фунтов, служившая "постелью" мощам. Из раки выворотили тяжелую колоду — гроб. С внешней стороны он дубовый, красивый, с художественно обозначенными сучками! Внутренняя отделка кипарисовая и обита парчей. Концы колоды стянуты металлическими скобами.

Попы старательно заботились о предохранении "святых реликвий" от гнили. Не доверяли, видимо, в этом даже самому святому...

* * *

В монастыре три собора*. Главная доходная статья монастыря — вышеописанные мощи — находились, как уже сказано, в соборе "Живоносного Источника". Но и другие два собора не оставались обойденными "святостью". Монахи — народ предусмотрительный. Если у паломников — богомольцев оставались еще медяки после посещения мощей, их с "братской" заботливостью водили на поклон в бывшую келью Серафима, которая помещается внутри "красного собора", а отсюда на могилу — к Успенскому собору. Везде есть чему поклониться.

Вот келья. С внешней стороны она похожа на маленькую часовенку с несколькими куполами. Для того, чтобы своей внешностью она производила должное впечатление на богомольцев, она разрисована картинками: "благословение святому преподобному Серафиму", "нападение разбойников на святого преподобного Серафима" и т. п. А внутри ее, в футлярах за стеклом хранятся — мантия, волосы, зуб "выбитый разбойниками", огромный камень, на котором якобы преподобный молился. На стенке

---

* В Саровской пустыни было два собора: во имя Успения Пресвятой Богородицы и в честь иконы Пресвятой Богородицы и Ее Живоносного Источника.

висят круглые часы. Здесь в футляре же лежанка, на которой "святой" спал. В углу дубовая длинная палка — посох "святого иеромонаха Марка"...

А вот могила около Успенского собора. Она имеет вид тоже маленькой часовенки. Но внутренность часовни на виду — она из рамочных стекол с цветными стеклами, которые придают внутренности ее таинственный вид. В ней, над могилой, мраморный надгробный камень с надписью. Вниз могилы ведет каменная лестница. На стене прибита медная пластинка, а на ней выведено: "Сия могила устроена усердием нижегородца Петра Кирилловича Сотникова, 19 июля 1903 года".

В могиле — дубовая круглая колода. Монахи выдают ее за подлинный гроб. И такая же крышка.

Гроб весь потрескался, полугнилой. В одном боку продавлен. С одним насквозь прогнившим углом. "Усердием" купцов и монахов он скреплен серебряными обоймами, или как говорят — ошинован...

...после обследования комиссия постановила "мощи", т. е. полусгнившие кости вместе с ветошками, в которые они были заделаны, отправить в Москву в антирелигиозный музей.

* * *

<...> — Все наше упование было лишь в нем, — жаловался иеромонах Куприян.

И старались было "ублюсти" это упование.

Старая колода распилена на три части. Раскалывается на поленья. В сторону отлетают куски гнилушек. Трутся около подосланные монашонки. За каждым кусочком они следят с жадностью.

Вот один тронулся было уходить.

— Стой-ка, а что у тебя карман оттопырился?

Монах ловко зажимает карманы между ног.

— Нет ничего, нагло врет.

— А ну-ка, выворачивай.

Монаху жаль, но пришлось карманы вывернуть и из них посыпались куски подобранных им гнилушек.

Впрочем для монахов эти гнилушки — золото. Один оказавшийся здесь в гостинице купчик, подосланный монахами, предлагал членам комиссии за гнилую колоду 50 рублей. Надо полагать, барыши пока еще были бы.

...В упакованных ящиках тронулся "чудотворец" на но-

воселье в Москву. Из некоторых келий вышли монахи проводить своего "кормильца"...

С нами по пути едут с десяток подвод. Это крестьяне села Клейменки (Кременки. — *В. С.*), занимающиеся вывозом бревен из Саровского леса. Мужики пожилые, бородатые. Разговор о мощах, о саровских чудесах...

Наш возница, едущий с "Серафимом", обижен "богом" на всю жизнь. Ему около 30 лет, а рост его всего лишь с аршин. Рос всю жизнь в два горба. Один на спине, другой на груди. Но парень веселый.

— Всю почти жизнь я молил Серафима исцелить меня, – рассказывает он...

— Плохо верил, наверное, – смеемся мы...

Саровским монахам морочить ничем не осталось.

Дм. Давыдов»[139].

Следует обратить внимание на утверждение корреспондента пензенской газеты, что мощи преподобного Серафима после окончания изъятия в 17 часов были размещены в санях, направлявшихся в сторону Краснослободска. Для преодоления 70 километров по плохой дороге требуется изрядное количество времени. Обоз, прибывший в уездный центр за полночь, вероятнее всего, остановился на ночлег. Во время этой остановки в уездный финотдел были сданы детали от раки, изготовленные из серебра, а сами мощи короткое время находились под присмотром работников местного отдела ОГПУ, которое располагалось вместе с краснослободской милицией на центральной Благовещенской площади в доме купца Василия Степашкина*.

На следующий день руководитель Пензенского ОГПУ Тарашкевич с мощами преподобного Серафима продолжил путь в направлении железнодорожной станции Ковылкино. Почему выбран такой маршрут? Потому что до Пензы от Краснослободска более 200 километров пути по бездо-

---

* *Василий Семенович Степашкин* (1893—1962) — уроженец русского села Вольно-Никольского Краснослободского уезда Пензенской губернии. Владел в городе Краснослободске каменным двухэтажным домом с подвалом, капитальной кладовой, надворными постройками и конюшней. Дом экспроприирован в 1917 году и передан под типографию и редакцию уездной газеты «За коммуну». Затем в здание переехали силовые структуры — на первом этаже располагалась милиция, на втором и в подвале — ВЧК—ОГПУ. Осужден 17 марта 1930 года Тройкой «при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю» по статьям 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы, с отбыванием наказания в концлагере. Реабилитирован 8 июня 1989 года.

рожью, а до железнодорожной станции Ковылкино всего 60 километров. Передвижение по железной дороге до Москвы менее обременительно и значительно ускорило доставку мощей в столицу. Тарашкевич лично сопровождал мощи в Москву для передачи мощей в вышестоящую инстанцию. В деле, которое находится в Архиве УФСБ по Республике Мордовия в Саранске, подшит «Акт вскрытия мощей» от 5 апреля 1927 года[140]. Документ представляет собой оригинал с автографами всех членов комиссии. На обороте этого документа красными, потемневшими от времени чернилами написана расписка, в которой помощник начальника 6-го секретного отдела ОГПУ* И. Полянский подтвердил получение в свое распоряжение мощей преподобного Серафима Саровского: «Поименованные в настоящем акте "мощи" Серафима Саровского с поименованными предметами в пунктах 1, 2, 8 (кроме евангелия) и наперсный серебряный крест получил 9 апр. 1926 года»[141]. По этой расписке Полянский получил «один человеческий скелет... принадлежавший Серафиму» (№ 1 по акту), «два шелковых куска материи... в которые был завернут скелет» (№ 2 по акту), «два клока рыжих волос, один зуб, одно евангелие, одна мантия» (№ 8 по акту, кроме Евангелия). В действительности Полянский взял только мощи и материал (№ 1 и 2), в который они были завернуты. Все остальное вернули Тарашкевичу. Далее мы увидим, что два клока волос, зуб и мантия будут переданы в Пензенский музей. Интересна дата расписки — на акте от 5 апреля 1927 года Полянский поставил 9 апреля 1926 года, что является ошибкой, следует читать как 1927-й.

О том, что происходило в Сарове сразу после изъятия мощей, и о важной командировке начальника Пензенского ОГПУ можно судить по письму уполномоченного по Краснослободскому уезду Матвеева в Пензу к Машкову:

«Товарищ Машков!

Посылаю тебе письмо на имя бывшего настоятеля Саровского монастыря игумена Мефодия (найденное в часах висевших в его келье) если можно будет используй. Приехали из Сарова сегодня, т. е. 8 апреля едва доехали, так как дорога совершенно испортилась. Ехали 16 часов (от Сарова до Краснослободска 75 километров. — *В. С.*), в Сарове после вашего отъезда все прошло благополучно, хотя прав-

* 6-й отдел СО ОГПУ занимался борьбой с православной церковью, другими конфессиями и сектами.

да была кое-какая работа со стороны "черных воронов" на предмет теми или иными мерами воспрепятствовать нашим мероприятиям... На следующий день после вашего отъезда мы приступили к уничтожению всякой возможности в будущем иметь в монастыре ту или иную святыню и спекулировать ею, поэтому нами в первую очередь была уничтожена возвышенность, на которой стояли мощи а также и вся рака была сожжена на костре среди двора. Приходилось особенно следить за монахами работавшими по сожжению, так как эта сволочь всякие... чурки, мохры прятала по карманам... Рака в летнем соборе нами не уничтожена впредь до соответствующего на этот счет указания свыше. В Саров попаду не раньше как в конце мая месяца когда дороги немного просохнут. Сообщи как вы доехали, мы получили телеграмму "от хозяина"* из Москвы в которой он указывает на возможность сдачи церкви Зосимы и Савватия, значит кое что намечают.

Ну пока до свидания.

С комприветом *Н. Матвеев*»[142].

«Подлинные» мощи преподобного Серафима

Несмотря на оптимистические доклады, в Сарове и его округе события по поводу изъятия мощей и закрытия монастыря все же волновали местное население. Секретная записка осведомителя:

«§ 36. 1927 года 5 дня были взяты останки Серафима. Во время этого монахи и жители Сарова очень негодовали и возмущались говоря, что бы эти коммунисты провалились и т. п. Жаль только, что выбрали такое время, что не проехать, не пройти да так неожиданно, а то бы известить крестьян окрестных сел, вот они бы и не дали увозить. Кременковские женщины рассказывали, что когда ехали с мощами антихристы, то от Сарова и до Кременок была стрельба и все пули были выпущены, т. к. они боялись засады в лесу, если бы это знали крестьяне, то мощи были взяты обратно. Гр. Вера Соловьева, проживающая в Дивееве, говорила, что когда приехали Глухово, то останки Серафима были поставлены в конюшне и женщина вышедшая на двор, почувствовала что двор наполнился каким-то благоуханием и возвращаясь в дом сказала: "Что

* Судя по телеграмме, «хозяином» называли начальника ОГПУ Тарашкевича (Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 343).

это такое вы везете". "Серафима", ответили коммунисты и после этих слов тут же уехали, боясь как бы чего плохого не вышло из этого. По слухам колоду-гроб хотел было купить Шувалов для спасения. На другой день сожгли икону, которая находилась в церкви, этим также сильно возмущены, это говорит произвол, привышение власти, это ночной разбой и т. п. Декрета еще такого не издавали, а Ведяков* потому так сделал, чтобы получить похвалу от начальства, и до настоящего времени слышались проклятия. 24 мая балыковские, которые приходили с ходатайством об открытии церкви, между собой ругали власть советскую, когда же будет конец всем мучениям, если бы не делали этого то народ бы за них, как вот перед нами разбитые памятники, к чему все это делали. От нечего делать кресты порубили, лучше бы сказали сымите верующие, чтобы их не было.

Этим они ожесточают народ. Вот таки свободное вероисповедание».

Народная молва распространяла все больше и больше слухов и мифов вокруг мощей: «Между прочим на днях распространился новый слух, что в Саров приезжала власть и ночью с одним иеромонахом взяты мощи и увезены, — кто говорит в Ленинград, а кто говорит в Москву. Колоду же, которая находилась в келии сожгли. Ко всему происшедшему событию в Сарове, народ относится безразлично»[143].

Очередное секретное донесение:

«§ 14. Потом об настроении крестьян по поводу взятия мощей могу упомянуть следующий факт: Кременковские граждане успокаиваются душевно слыша со всех сторон такие вещи как например гражданка приехавшая из Сарова и живущая здесь у крестьянина Дуброва Алексея Тимофеевича Ермолаева рассказывает будто это говорил Иван Трофимович Елисеев в Сарове, что мощи увезли не те, а подменные, якобы он сам видел. У прежнего Серафима была седая борода и кости белые, а тут дескать, борода черная и кости черные. Потом какой-то Саровский монах, которого имя неизвестно проходя по Кременкам рассказывал следующее: что мол обманули мы их мощи то в земле у нас зарыты а они увезли подменные. Он рассказал тут проживающиму монаху какому-то... а он гражданам»[144].

---

* *М. А. Ведяков* — старший милиционер саровского участка темниковской милиции.

Среди старушек можно было услышать фантастическую историю: «Мощи увозили и никак не могли увезти (лошадей запрягали раза три — они "взмыливались", не сходя с места и бились), а потому и сожгли (мощи. — *В. С.*)»[145].

Монахи Саровского монастыря распространяли слух, «что в Москву взяты мощи или вернее кости не Серафима Саровского, а совершенно другой скелет, а мощи мол "ушли" и должны объявиться в Дивеевском монастыре, конечно подобным сказкам часть крестьянства верит, а большинство над этим смеется»[146].

Свою лепту в мифологию о мощах внесли и дивеевские монахини. Вот воспоминания матушки Серафимы (Булгаковой):

«У мощей гробовым стоял в течение многих лет иеромонах Маркеллин. Управляющий Тамбовской епархией Архиепископ Зиновий* находился в это время в Дивееве. Он вызвал о. Маркеллина и приказал ему взять мощи и скрыться с ними на Кавказе, но тот отказался, сказав, что он стоял столько лет у св. мощей, столько видел от них чудес, что он уверен, что и сейчас Преподобный сам не дастся.

За это о. Маркеллин был отставлен и на его место поставили иеромонаха Киприана.

Выгонять монахов было трудно. У них почти у всех были отдельные кельи с отдельными выходами и по нескольку ключей. Сегодня выгонят монаха, а он завтра опять придет и запрется. Служба в церквах еще шла. Наконец в понедельник Крестопоклонной недели приехало много начальства. Собрали всю святыню: Чудотворную икону Живоносного Источника; гроб-колоду, в которой лежал 70 лет в земле Батюшка Серафим; кипарисовый гроб, в котором находились мощи и другие святыни. Все это сложи-

---

* *Зиновий* (*Николай Петрович Дроздов*; 1875—1942) — архиепископ. 11 декабря 1911 года хиротонисан в сан епископа Измаильского, викария Кишиневской епархии. С 22 мая 1918-го по 1927 год правящий епископ Тамбовский и Шацкий. С 1920-го — архиепископ. В отчете 6-го отделения Секретного отдела ГПУ от 14 сентября 1922 года: «Отстранен еп. Зиновий... Место правящего епископа предложено занять викарному Павлу». (С 1922 по 1924 год находился в Тамбовской тюрьме.) После освобождения выслан в Москву без права выезда. После выхода июльской декларации 1927 года находился в оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). Уволен от управления епархией. Проживал в Муроме, рядом с находившейся там бывшей игуменьей Серафимо-Дивеевского монастыря матерью Александрой (Траковской) и сестрами обители.

ли между так называемыми "Царскими покоями" и северным входом Успенского собора, устроили костер и зажгли. Один послушник Борис сумел сфотографировать и приносил нам показать снимок этого костра. Мощи же Батюшки Серафима, т. е. косточки, как они были облачены в мантию и одежды, все это свернули вместе и вложили в синий просфорный ящик. Ящик запечатали, а сами разделились на 4 партии, сели на несколько саней и поехали все в разные стороны, желая скрыть, куда они везут мощи. Ящик со св. мощами повезли на Арзамас через с. Онучино, где и остановились ночевать и кормить лошадей. Однако, как не хотели скрыть концы, но когда тройка со св. мощами въехала в с. Кременки, там на колокольне ударили в набат*.

Мощи везли прямо в Москву. Там их принимала научная комиссия. К этой комиссии сумел присоединиться о. Владимир Богданов. Когда вскрыли ящик, то по свидетельству о. Владимира, мощей в нем не оказалось. Я слышала это от его духовных детей. Это же говорил и покойный Вл. [владыка] Афанасий, бывший после в ссылке вместе с о. Владимиром в Котласе. Говорили, что приехав на ночлег ящик со св. мощами запирали в амбаре, а ключи брали себе, но сами сильно выпивали**.

После этого служба в Сарове прекратилась и монахи разошлись, кто куда. В те дни о. Маркеллин приходил к нам в корпус. Он не мог себе простить, что ослушался Владыку и доходил до нервного расстройства. В 1931—1932 годах он был арестован и послан в Алма-Ату. Пробыл там на пересыльном пункте Вел. Пост 1932 г. И в Великую субботу был отправлен этапом дальше, где вскоре же и скончался»[147].

Из этого свидетельства видно, что сотрудники ОГПУ добились своего, дезориентировав местное население, — две партии, на которые разделились чекисты, а не четыре, как рассказала мать Серафима, отправились одна на юг в сторону Краснослободска, далее до железнодорожной станции Ковылкино, другая на север — на Арзамас. Ковылкино и Арзамас — узловые железнодорожные станции, имеющие сообщение с Москвой, в период распутицы это самый надежный способ перемещения ценного груза.

* В 1918 году 30 июля подписан декрет о набатном звоне, по которому «виновные в созыве населения набатным звоном... предаются революционному трибуналу».

** Обоз сопровождали не простые крестьяне, а оперативные работники, знавшие, что такое высшая мера наказания за невыполнение особо важного задания.

В восточном направлении через саровские владения вообще дороги не было, на западном направлении глухие и огромные муромские леса, в которых надо было опасаться не крестьян, а настоящих бандитов. Поэтому отправились по наезженному тракту, один обоз с мощами отправился в сторону Краснослободска, второй — отвлекающий — на север в Арзамас (и стрельба красноармейцев в лесу была направлена на привлечение внимания населения, так же как и «откровение» коммуниста, сказавшего, что везут Серафима). И отвлекающий маневр был выполнен до конца, то есть до прибытия «груза» в Москву, поэтому отец Владимир Богданов был свидетелем вскрытия пустого ящика. Настоящие мощи, предположительно, не привлекая внимания и без стрельбы, через Краснослободск и железнодорожную станцию Ковылкино доставили в Москву. В воспоминаниях матери Серафимы следует обратить внимание на поведение гробового иеромонаха Маркеллина, который «не мог себе простить... и доходил до нервного расстройства», что свидетельствует об изъятии настоящих мощей преподобного Серафима Саровского 5 апреля 1927 года. И кому об этом не знать, как не монаху, выполняющему послушание при его мощах.

Следует упомянуть еще один, «дивеевский», след «мощей»: «Одну из версий приводит в своем интервью архиепископ Русской церкви за рубежом Лазарь (Журбенко):

«В 1966 году я был в Дивееве с тамбовскими и дивеевскими монахинями. Приехали мы ко дню преп. Серафима 19 июля / 1 августа. Молились мы по келейному, как обычно делают миряне, когда они пребывают без диакона или священника. На следующий день мы пошли на Казанский источник, потом матушка Анна (Троегубова) (правильно Трегуб*. — *В. С.*) провела меня по канавке, к нам подошли две монахини и сказали о том месте в Дивееве, где сокрыты мощи Преподобного. Не весь Дивеевский монастырь знал об этом, а лишь избранные монахини. — "Мы старые, можем умереть, а ты молодой — передаем тебе это знание", — сказали они. И они показали это место. История обретения мощей от безбожных такова: матушка Анна жила с десяти лет при монастыре. Брат ее о. Гедеон**, впос-

---

* *Анна Григорьевна Трегуб* — девица из малороссийских крестьян местечка Казанки Нетрисановской волости Елизаветградского уезда Херсонской губернии. Поступила в монастырь в 1910-м, пострижена в монашество в 1920-е годы. Монашеское имя не установлено.

** *Гедеон* (*Герасим Григорьевич Трегуб*) — монах. Поступил в монас-

ледствии мученик, жил в Сарове. В 1927 году монастырь закрыли, а он жил при нем как лесничий. Когда безбожники приехали забирать мощи, чтобы увезти в Москву, он прознал об этом и послал свою сестру, матушку Анну, в Дивеево, известить об этом игумению: "Мощи преп. Серафима забирают". Тогда игумения снарядила своих монахинь и они прибыли в Арзамас, где у монастыря имелась гостиница, отобранная большевиками, хотя часть ее еще продолжали занимать монахини. И вот вечером приехали чекисты с ящиком. Монахини их накормили колбасой до отвала, напоили водкой так, что они лежали без памяти. Тогда монахини расколотили ящик, забрали мощи преп. Серафима, погрузили на лошадь и увезли в Дивеево. Там их спрятали, и только малое число доверенных людей знали об этом месте. Вот такая история, передаю ее точно, как мне рассказывали»[148].

Через некоторое время в том же издании было опубликовано письмо одной из монахинь Дивеевского монастыря русской паломнице. Приводим его полностью:

«О вашем рассказе, когда я прочитала, я пошла рассказать матушке схм. Маргарите* (схимонахиня Маргарита,

---

тырь 17 января 1904 года. Пострижен в монашество 9 марта 1918 года. Нес послушание при лесном хозяйстве. В 1926 году служащий заготавливающей организации (трест) «Волга — Ока — Лес». Дальнейшая судьба неизвестна.

* *Маргарита* (*Евфросиния Фоминична Лахтионова*, в монашестве *Мария*; 1899—1997) — схимонахиня. Родилась в деревне Казанки Херсонской губернии в крестьянской семье. В отрочестве после посещения Дивеевской и Саровской обителей у нее зародилась мечта о вступлении на иноческий путь, и она сбылась в октябре 1915-го. Послушание она выполняла в телятнике, просфорне. Впоследствии ее назначили к исполнению обязанностей звонаря. 20 сентября 1927 года, накануне праздника Рождества Пресвятой Богородицы, советская власть объявила о закрытии обители. Рясофорная послушница Евфросиния была именно тем звонарем, которого милиционер не пустил на колокольню звонить к повечерию. В 1937 году в среде монашествующих начались массовые аресты. Не миновала эта участь и Евфросинию Фоминичну — Арзамасский суд приговорил ее к пяти годам лагерей и сослал в Среднюю Азию. По возвращении из мест заключения матушка поселилась в Вертьянове и жила без выезда свыше сорока лет, творя молитвы вместе с сестрами монастыря и православными мирянами по различным избушкам-кельям. В начале 1980-х годов благословению святейшего патриарха Пимена в келье матушки Фроси состоялся постриг в монашество с именем Мария, а 8 апреля 1984 года она приняла постриг в схиму с именем Маргарита. Во многом ее подвижническая жизнь способствовала тому, что в

в монашестве Мария, в миру Евфросиния Фомовна Лахтионова... — последняя из оставшихся в живых насельниц Дивеевской обители. До открытия обители жила в с. Вертьянове. О Дивееве она говорила: "Это место подымет теперь всю Вселенную". — *С. Ф.*), о которой вы пишете как о м. Евфросинии... Она живет на 1-м этаже колокольни. Я на 3-м. Прочитала ей рассказ архиепископа Лазаря. Она хорошо помнит м. Анну Троегубову и ее брата о. Гедеона. Она тоже была среди тех монахинь, которых матушка игумения по просьбе о. Гедеона посылала в Саров в 1922—1923 гг. (точно не помнит) проститься с Батюшкой Серафимом. Когда они пришли в Саров, то монахи их успокоили, что мощи никуда не увезут. Отслужили торжественно всенощную, после литургии они ушли обратно в Дивеево. Чекисты приезжали, но тогда мощи не забрали. Матушка Маргарита говорит, что может и действительно монахи их напоили, да что-нибудь им другое подложили. А говорили еще так тогда: будто бы приснился кому-то из большевиков преп. Серафим и сказал, чтобы пока его не брали и дал им просфору. Тех это напугало. Еще матушка Маргарита рассказывала, что тогда стояли попеременно у мощей два иеромонаха, о. Гурий и о. Маркиан (Маркеллин. — *С. Ф.*), которого посылали ехать с мощами на Кавказ. Тот не согласился, веря, что Преподобный не дастся большевикам. Потом он об этом очень жалел. "Когда мощи еще лежали, — рассказывает матушка Маргарита, — то во время службы одному монаху, о. Иоанну, келейнику о. Анатолия (последний саровский затворник и чудотворец), когда он сидел в алтаре и слегка задремал, было видение. Вдруг увидел он преп. Серафима, как он встал живой из раки, поклонился и сказал: 'Вот теперь я ухожу'. И после этого всех разогнали и мощи тогда увезли. Это было в 27-м году. Но нам бы о. Гедеон сказал, куда их девали, и если бы они были здесь, он бы нам это сказал. Он очень близок был нам. Кто знает, может быть еще и тогда монахи нас просто успокоили, а мощи спрятали. Тут, конечно, кто-то тихо работал. Потом говорили, что мощи в склепе м. Александры. Но вот же, разрывали и не нашли; значит, тогда

1989 году в Дивееве начались богослужения, в 1990-м открылся Троицкий собор, а в 1991-м возродилась и сама обитель. Последние пять лет своей подвижнической жизни она провела в келье южного корпуса монастырской колокольни, подавая пример монашествующим и мирянам. Похоронена за алтарем Троицкого собора Серафимо-Дивеевского монастыря.

увезли. Ведь здесь и часовню матушки Александры потом разрушили; странно было бы здесь их оставлять. Кто-то тогда увез". Вот так мне рассказывает матушка Маргарита. Я сама могу только подтвердить, что как-то раз после того, как объявили, что нашли мощи Преподобного, то у нас в Дивеево на могилке м. Александры в спешном порядке начали вести раскопки. Все было тайно, так что мы и сами не знали, что ищут. Это было зимой. Трактором разбили верхний слой асфальта и землю, огородили все фанерой и вели раскопки несколько даже ночей в мороз. Тогда были еще у нас служащими Покровские: о. Игорь, о. Кирилл*. Они все время следили за работами. Приглашали тогда и м. Маргариту. Она им указывала место, где предполагали нахождение мощей. Но тогда ничего не нашли. В июне и июле 1992 г. раскопки повторили. Приезжали уже археологи. Закончили прямо перед праздником и перенесением мощей в Дивеево. Работа по раскопкам мощей велась открыто, и мы могли все видеть... Потом все зарыли. Я так теперь думаю, что до последнего искали здесь мощи Преподобного. Но то, что м. Маргарита не встречала св. мощей, то это неверно. Она даже дала свечку нашему протодиакону о. Владимиру, которую еще при своей жизни передал сам Преподобный сестрам со словами: "С этой свечой будете встречать меня в Дивеево". Так она переходила от сестры к сестре и хранилась до этого события у м. Маргариты. С этой свечой и встретили. Да, еще, ле-

---

* *Кирилл* (*Леонид Николаевич Покровский*; род. 1963) — митрополит. В 1989 году пострижен в монашество в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. В 1989-м рукоположен в сан иеродиакона, а затем в иеромонаха. В 1993 году назначен настоятелем Благовещенского мужского монастыря города Нижнего Новгорода и ректором Нижегородского духовного училища. В 1994-м возведен в сан игумена, в 2000-м — в архимандрита. 27 июля 2009 года решением Священного синода назначен наместником монастыря Саровская пустынь. 29 ноября 2009-го освобожден от исполнения обязанностей наместника. Святейшим патриархом Московским и всея Руси Кириллом в храме Христа Спасителя совершена хиротония во епископа Павлово-Посадского, викария Московской епархии. 25 декабря 2009 года решением Священного синода утвержден наместником Донского ставропигиального мужского монастыря. 22 марта 2011-го избран членом Высшего церковного совета РПЦ, назначен на Ставропольскую и Невинномысскую кафедру с сохранением должности председателя Синодального комитета по взаимоотношению с казачеством. 7 июня 2012 года назначен главой новообразованной Ставропольской митрополии с возведением в сан митрополита.

том раскопки вели по благословению Патриарха. Так что я думаю, что и он прислушивался к рассказам о захоронении мощей Преподобного в Дивеево. Вот все, что я могла написать»[149].

Как видим, довольно обширная мифология о мощах преподобного. Подлила масла в огонь обрывочная информация, которая «утекла» в 2000-х годах из Архива Министерства безопасности Республики Мордовия (сегодня это Управление федеральной безопасности по Республике Мордовия). В этом документе уполномоченный ОГПУ по Краснослободскому уезду Матвеев сообщал о наличии у него «подлинных» останков Серафима Саровского: «Настоящим сообщаю: что подлинные останки Серафима Саровского мною лично будут доставлены в ГО ОГПУ со всеми имеющимися по этому вопросу документами, по получении разрешения на выезд в ГО. 21.VII.1927»[150].

Для той категории исследователей, которые не сомневаются в подлинности мощей преподобного Серафима, которым сегодня поклоняются в Дивееве, этот документ можно было понимать таким образом: подлинные мощи преподобного, изъятые 5 апреля, находились до июля в Краснослободске. Но, оказывается, эту информацию можно представить и как наличие каких-то мифических «подлинных» мощей. Что же представляли собой «подлинные» мощи преподобного, стало понятно только после ознакомления со всем корпусом документов дела о закрытии Саровского монастыря, хранящихся в Архиве УФСБ по Республике Мордовия.

После изъятия мощей преподобного Серафима и закрытия Свято-Успенского мужского монастыря Саровская пустынь представители советской власти приступили к изучению того наследства, которое они сами себе выписали — проводили инвентаризацию всего имущества монастыря для передачи его в Госфонд. Во время проведения этих работ поступило сообщение: «Кроме того, собраны сведения, что в Соборе Успенском есть секретный в стене шкаф, в котором находится много ценностей»[151].

По наводке осведомителя было обнаружено много интересных и ценных предметов, правда, в другом соборе — Живоносного Источника:

«3—4 июня 1927 года комиссия по передаче культового имущества бывшего Саровского монастыря в Госфонд под председательством начальника Краснослободского УАО

Ямановского и членов зам. Уполномоченного Краснослободского ГО ОГПУ Еркина и смотрителя... обнаружили:

1). В ризнице киот с иконой Серафима Саровского, внутри которой находится пять деревянных ящиков, одна металлическая коробка под стеклом и один мешочек, в которых находится прах Серафима Саровского.

2). Икона Успения, внутри коей находятся частички мощей восьми святых.

3). Семь крестов, внутри которых находятся частички от разных мощей.

4). Икона коронования с частичками мощей от 30 святых.

5). Икона Никиты Новгородского с частичками мощей.

6). Икона всех святых с частицами мощей 145 святых.

7). Две камилавки, одна туфель, один карман (?) Тихона Воронежского*.

8). Мантия и двое четок схимонаха Марка.

9). Подрясник, кушачок, кукуль, камилавка и шапочка, принадлежавшие иеромонаху Саровской пустыни Клименту**.

10). Крышка от гроба Серафима Саровского с иконой Божией матери, перед которой скончался Серафим Саровский»[152].

В пункте № 1 записаны «пять деревянных ящиков, одна металлическая коробка под стеклом и один мешочек, в которых находится прах Серафима Саровского». В журнале «Под знаменем ленинизма» от 2 сентября 1927 года эта

---

* Иеромонах Климент 29 сентября 1917 года составил опись вещам святителя Тихона, которые были переданы ему казначеем Вышенской пустыни иеромонахом Венедиктом в 1900 году. Шапочка получена 7 января 1917 года от казначея Августина (Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 401).

** *Климент* (*Косма Завитаев*, 1848—?) — иеромонах, казначей. В 1868 году поступил в Саровскую пустынь. 31 марта 1872 года определен указом. В 1873-м накрыт рясофором. 1 декабря 1879 года пострижен в монашество. 27 мая 1884 года рукоположен в сан иеродиакона, 21 сентября 1887-го — в сан иеромонаха. 4 апреля 1889 года избран благочинным. 20 мая 1891-го по прошению уволен от должности благочинного. 14 января 1895 года утвержден на должность казначея. 15 августа 1895-го награжден набедренником, 6 мая 1899 года — золотым наперсным крестом. 19 июля 1903 года Высочайше пожалованы золотые часы с государственным гербом. 6 мая 1905 года награжден орденом Святой Анны III степени. 12 июля 1913 года по прошению уволен от должности казначея.

находка описана несколько по-другому и ящики превратились в ящички: «А вот пять деревянных крашеных ящичков: в четверть высоты*, полторы четверти длины и полчетверти ширины. Раскрываем их и в недоумении пятимся назад. Могильная земля... кусочки дерева и т. д. и т. д. — вот что лежит в этих ящичках. Это "святые останки" Серафима. Ими же наполнен особый, зеленого цвета, мешочек. Оказывается, что когда 4 и 5 июля 1903 года, пред открытием "мощей"... кости Серафима перекладывались из гнилой колоды в новый кипарисный гроб, — Антоний Петербургский, Назарий Нижегородский и Иннокентий Тамбовский (митрополит и два епископа, изготовлявшие ватную куклу Серафима) переложили в эти ящички все [что] оказалось в гнилом гробу Саровского "святого": рассыпавшиеся гнилые кости уложили в ватную куклу, а всю труху... собрали в ящики...»

Так как еще в 1903 году среди народа ходил слух, что мощей нет — одна труха, то представителям местной советской власти эта находка показалась крупным козырем в пропагандистской антирелигиозной кампании. Ретивые службисты поспешили объявить о находке «подлинных» мощей, но спустя пару месяцев уже не были столь категоричны в своих выводах. А пока истерия по поводу находки нарастала. Из Краснослободска в Пензу отправлена депеша:

«Тов. Олешкевич.

В Сарове обнаружены подлинные якобы остатки Серафима Саровского, и святые реликвии других "святых угодников". Все это доставлено из Сарова от работавшего там тов. Еркина, но материал еще от него не поступал. В отношении вышеуказанных реликвий, по получению от Еркина материала подробно сообщу. Вся эта "мура" вмещается в три ящика внушительных размеров. В Сарове в данное время проводятся зачистки работ по ликвидации которая будет закончена числу к 15 июня сего года.

С компривето *Н. Матвеев.*
7.VI.27»[153].

Из Пензы в Краснослободск:

«Совершенно секретно.

Уполномоченному ГО ОГПУ по Краснослободскому уезду.

4 июля 1927. На № 673 от 18/VI-27 г.

---

* Четверть — старорусская мера длины, равна 18 сантиметрам.

Предлагается срочно доставить в ГО разысканные дополнительно "подлинные мощи" Серафима Саровского, с обстоятельным докладом: Из каких источников получены Вами сведения, о подлинности этих мощей. Описание места хранения и состояние этих мощей. Произведено ли было на месте дознание или акт об обнаружении. Все это так же нужно выслать в ГО»[154].

Из Краснослободска в Пензу:

«Совершенно секретно.

В Пензенское ГООГПУ (1-е отделение)

на № 5998 от 4-го июля с/г.

Настоящим сообщаю: что подлинные останки Серафима Саровского мною лично будут доставлены в ГО ОГПУ со всеми имеющимися по этому вопросу документами, по получении разрешения на выезд в ГО.

Уполномоченный ГО ОГПУ по Краснослободскому уезду Матвеев. 21/VII»[155].

Из Пензы в Краснослободск:

«Совершенно секретно. Срочно.

Уполномоченному ГО ОГПУ

по Краснослободскому уезду Матвееву.

23 июля 1927.

К выезду Вашему в Пензу со стороны ГО препятствий не имеется. Помимо доставки "подлинных" останков Серафима Саровского и имеющихся по этому вопросу документов подготовьте соответствующий материал к вскрытию "мощей" схимонаха Марка. По существу этого вопроса переговорите с начальником Административного отдела тов. Ямановским.

Врид Нач. Губотдела ОГПУ *Олешкевич*»[156].

В Архиве УФСБ по Республике Мордовия обнаружена докладная записка уполномоченного Еркина, в которой он говорит о «наличие в Сарове в церкви "Живоносного источника" "подленных" мощей "Серафима Преподобного". Это было проверено и на самом деле "подлинные" мощи были обнаружены в стене под иконой в ящичках... икона уничтожена — сожжена, а "мощи" вам представлены ранее с тов. Ямановским...

О мощах ранее увезенных вами необходимо добавить, что имеются упорные слухи о том, что их в 1903 году привезли откуда-то. (Привезла комиссия по вскрытию мощей). Первый раз когда производили раскопку мощей "Серафима", то когда рабочие и монахи докопались до гроба, то их удалили (есть даже слухи о том, завязали всем глаза).

Поэтому, что находилось в гробе Серафима никто из крестьянской массы — "рядовых" людей, этого не видал и "не знает". На самом же деле можно полагать, что когда "Комиссия по раскопке мощей Серафима" нашла в его гробе одну землю, то вынуждена, вероятно, была напихать туда перво-попавшихся костей, из этого видно: в акте вскрытия мощей от Декабря месяца 1920 года упоминается: что костей некоторых не хватает, значит могли забыть и не доложить, так в кости кисти положили зуб и одну часть позвонка (поторопились). Участвовавших при первой раскопке мощей не выявил и нужно полагать не выявлю»[157].

В документе интересна приписка: «Когда были обнаружены подлинные останки Серафима, при этом присутствовал бывший председатель церковного Совета Самсонов* из деревни Балыкова, увидев всю ложь, выругался в церкви "Крепкой матушкой", закурил и надел на голову фуражку»[158].

И выругался, и закурил, и надел фуражку... автор докладной явно перестарался, выслуживаясь перед своим начальством. В своем стремлении опорочить саровских монашествующих и прихожан осведомители порой писали заведомую ложь: «Среди монастыря это просто дом терпимости, а не монастырь. Монахи развратные вовсе не понимая, не опасаясь болезней и самого игумена Руфина, который видя все, но молчит, ничего не говорит. Наоборот сам не прочь все это делать. Венерическая болезнь начинает развиваться среди монахов. Монахи пьянствуют, но втихомолку»[159].

Саровские монахи, взращенные на строгом общежительном уставе, славились своей духовной стойкостью, которая в годы послереволюционных испытаний только крепла. Если случайно заводилась паршивая овца, то ей нечего было делать в стенах монастыря, принимая оскорбления и унижения. Такие слабовольные люди уходили в мир сами, добровольно. По такому «естественному» отбору в Сарове оставались самые стойкие, избравшие для себя путь мученического служения Церкви.

Уже после закрытия монастыря клеветническая кампания не прекращалась, в 1929 году в газете «Завод и пашня», органе окружного комитета ВКП(б), появилась заметка о Саровской трудовой коммуне, где не забы-

---

* *Василий Григорьевич Самсонов* (1892—?) — с 1914 года служил в «старой армии». В 1927 году председатель совета Саровской церковно-приходской православной общины.

ли рассказать и о бывшем монастыре. Торговля в монастырской свечной лавке была названа «наземным трудом». «Но был еще "подземный" труд, благословленный самим "святым чудотворцем". Это подземный ход, вырытый монахами на несколько километров в соседний женский монастырь для приятного свидания с затворницами»[160]. Имеется в виду подземный ход, якобы связавший между собою Свято-Успенский мужской монастырь Саровская пустынь и женский Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский. 15 километров между этими монастырями, две реки протекают по этой местности — Сатис и Вычкинза... Если представить себе, сколько труда надо было положить на прокладку подземного хода, сколько средств привлечь на строительство и его содержание, сколько людей выполняло секретные работы, становится понятным — создание такой галереи невыполнимо и ни по каким причинам нецелесообразно. Но, тем не менее, до сих пор экскурсанты, посещающие Саровские пещеры, через одного спрашивают: А правда, что существует подземный ход между Саровом и Дивеевом? Конечно нет.

Представители власти опасались, что вместо почитания мощей преподобного Серафима народ начнет поклоняться могиле схимонаха Марка-молчальника. Но, видимо, с закрытием Саровского, а следом и Дивеевского монастырей был нанесен значительный урон православной общине в Сарове и его окрестностях.

Матвеев — Олешкевичу: «Сообщаю, что после изъятия мощей Серафима Саровского, среди религиозно-верующего населения окрестных сел и деревень произошел раскол по вопросу регистрации религиозной общины и использовании в дальнейшем Саровских церквей, поэтому до настоящего времени ни одна церковь не сдана в пользование... Заинтересованные данным вопросом граждане указывают, что без мощей как главном источнике доходов содержание монастырских церквей в дальнейшем не возможно»[161].

В течение 1927 года в Саров приходили небольшие партии паломников — от шести до пятнадцати человек, преимущественно перед большими религиозными праздниками. Богослужений в храмах не было, но оставались еще места, связанные с жизнью преподобного — Дальняя и Ближняя пустыни, камешек. «Среди пришедших богомольцев разговоров о нетленных мощах Марка не было»[162], — писал осведомитель, что, вероятно, и спасло могилу подвижника от надругательства.

19 августа 1927 года представитель ОГПУ передал в Пензенский музей предметы культа и артефакты по списку, среди которых записаны волосы, зуб, мантия и Евангелие преподобного Серафима. Под номером 8 записаны «подлинные» мощи преподобного. Интересная находка отражена под номерами 14 и 16 — личные вещи святителей Тихона Воронежского и Феофана Вышенского.

«Акт.

1927 года Августа 19 дня.

Мы нижеподписавшиеся Уполномоченный Пензенского Губотдела ОГПУ Машков и Председатель Пензенского Губернского союза Безбожников Степанов, согласно постановления комиссии по изъятию мощей Серафима Саровского от 5 Апреля с. г. сего числа произвели первый сдачу, а второй прием для губернского музея-безбожников разного рода чтимых реликвий Серафима Саровского и прочих святых, находившихся в Саровском монастыре изъятых комиссией — 5-го Апреля с. г.

В числе религиозных реликвий находились и приняты для музея следующие предметы:

1. Два клока волос с головы Серафима Саровского.
2. Один зуб с подгнившим корнем Серафима Саровского.
3. Одна полуистлевшая мантия Сер. Саровского.
4. Одно ветхое евангелие его же.
5. Одна епитрахиль Серафима Саровского.
6. Одна мантия принадлежавшая первоначальнику Саровского монастыря Иоанну.
7. Вериг железных: поясных 6, плечевых 8 и головных 3.
8. Пять деревянных ящиков, одна металлическая коробка и мешочек с разной сгнившей трухой из гроба Серафима Саровского, при вскрытии его мощей в 1903 г.
9. Икона Успения, в серебряной ризе внутри которой находятся мощи 8 святых.
10. Десять крестов металлических и один сломанный деревянный внутри которых находятся мощи разных святых.
11. Икона коронования с частичками от мощей 30 святых.
12. Икона Никиты Новгородского с частичками его мощей.
13. Икона 120 святых, с клетками их мощей.
14. Две комилавки, один туфель и один карман Тихона Воронежского.

15. Мантия и двое четок схимонаха Марка.

16. Подрясник, кукуль, кушачек, и шапочка принадлежавшие затворнику Вышенской пустыни епископу Феофану.

Постановили:

Вышеизложенное записать в настоящий акт, который составить в 2-х экземплярах. Один экземпляр оставить при делах Пенз. ГО ОГПУ, и второй препроводить в Пензенский Губернский Антирелигиозный музей.

Сдал: Уполномоченный Пенз. ГО ОГПУ Машков

Принял: Председатель Пенз. Губсоюза»[163].

Спустя две недели, 2 сентября 1927 года, главный пензенский безбожник Степанов в еженедельном журнале «Под знаменем ленинизма» рассказал о поступлении в антирелигиозный музей предметов и артефактов из Саровского монастыря:

«Саровских вещей в кабинет антирелигиозника привезли немало: два громадных ящика общим весом до 9—10 пудов. Это и есть, что привлекало в Саров темную рабоче-крестьянскую массу и огромные доходы. За эти вещи Саровские монахи и теперь согласились бы отдать последнее: это — их хлеб... Если интересуетесь, зайдите: кабинет антирелигиозника помещается в бывшем губернаторском доме и до 1 октября открывается в рабочие дни до трех часов ежедневно. Когда же кабинет антирелигиозника будет преобразован в губернский антирелигиозный музей и перейдет на Интернациональную улицу (а это, по-видимому, будет с 1 октября) его двери широко будут раскрыты для посетителей во все вечернее время. Из Саровских вещей к тому времени будет создан, по всем видимостям, Саровский уголок. Пока же – вот они, эти вещи...

ПРЕСВЯТЫЕ ВОЛОСЫ

Прежде всего, два клока волос. Целая конская грива... Врачу пришлось бы долго покопаться, чтобы определить, кому принадлежат эти волосы: животному или человеку. Саровские монахи хранили эту шевелюру в стеклянном ящике, в келье Серафима, за семью замками. По монастырскому преданию, волосы принадлежат Серафиму и найдены, будто бы в его келье после его смерти (2 янв. 1833 г.). Одни говорят, что Серафим хворал, будто бы какой-то болезнью, от которой все волосы на голове повылезли; другие, наоборот, — утверждают, что эти клочья были выдра-

ны у Серафима тремя кременскими мужиками, 12 сентября 1804 г., избившими Серафима почти до смерти. Одним словом, только говорят...

ЗРИ И УМИЛЯЙСЯ

А вот подгнивший в корне, обыкновенный человеческий зуб. Кому принадлежит — конечно, неизвестно. Известно только одно: что этот зуб хранился Саровскими монахами в том же ящике, где и грива, и выдавался за принадлежавший Серафиму. Монахи рассказывают, что означенный зуб был выбит у Серафима 12 сентября 1804 г. кременскими мужиками.

А вот все в дырьях — ветхое, полусгнившее дерьмо. Целое облако желтоватой грязи и пыли подымается от него, если вы дотронетесь руками. Это будто бы, мантия Серафима... Обычно она хранилась в Серафимовской келье, в стеклянном ящике; но по знатным и богатым больным Саровские монахи развозили ее по всей России.

В 1860 году ее возили в Петербург и Гатчину, чтобы покрыть больных детей Александра II, а главное — умиравшую жену Николая I. Хотя царица и умерла, но на этом деле Саровские монахи заработали немало.

А вот железные вериги: 6 поясных, 8 плечевых и 3 головных. Все — в ржавчине, потому что хранились в Саровских подземельях: в церкви Антония и Феодосия Печерских, — там, где могила, будто бы, первоначальника Саровского монастыря, Исаакия (в мире Илариона, а в схиме — Иоанна)...

О ВЕРИГАХ

Итак, о веригах. Общий их вес — до 8 пудов. Сделаны, несомненно, по заказу; но выдавались монахами за принадлежавшие Исаакию и другим, жившим в Сарове в конце XVII и в начале XVIII века, инокам...

Больных несли в подземную церковь: если у "богомольца" болела голова... на него одевали головные вериги, если болели плечи или грудь, надевали плечевое; а если живот или что ниже, надевали поясные...

МОГИЛЬНАЯ ТРУХА

А вот пять деревянных крашеных ящичков: в четверть высоты, полторы четверти длины и полчетверти ширины. Раскрываем их и в недоумении пятимся назад. Могильная

земля... кусочки дерева и т. д. и т. д. — вот что лежит в этих ящичках. Это "святые останки" Серафима. Ими же наполнен особый, зеленого цвета, мешочек. Оказывается, что когда 4 и 5 июля 1903 года, пред открытием "мощей"... кости Серафима перекладывались из гнилой колоды в новый кипарисный гроб, — Антоний Петербургский, Назарий Нижегородский и Иннокентий Тамбовский (митрополит и два епископа, изготовлявшие ватную куклу Серафима) переложили в эти ящички все [что] оказалось в гнилом гробу Саровского "святого": рассыпавшиеся гнилые кости уложили в ватную куклу, а всю труху... собрали в ящики...

Лыко от сгнивших лаптей Серафима, наиболее хорошо сохранившееся, Саровские монахи уложили в особый продолговатый металлический ящик со стеклянной крышкой. Вот он этот ящик: можете открыть его и полюбоваться. Такого лыка можно насушить сколько угодно.

НАПРЕСТОЛЬНЫЕ КРЕСТЫ

А вот серебряный, позолоченный (84 пробы), напрестольный крест с рельефным распятием. Длина его продольной доски равняется четверти, а поперечной — полчетверти. Внутри крест полый. На обороте награвировано: "Св. мощи — Трифона чудотворца, Григория папы и Агафии великомученицы"...

Берем другой Саровский напрестольный крест: тоже серебряный, но эмалированный (без позолоты). Длина его продольной доски равняется 1 ½ четвертям, а поперечной — около четверти. В противоположность предшествующему, этот крест — не фабричного, а ручного производства и, повидимому, относится к Елизаветинской эпохе: украшен жемчугом, и внутри его, под слюдой, заметна чрезвычайно тонкая резьба по кипарису или по слоновой кости. (Ясно можно различить миниатюру Крещения). На четырех его концах — четыре затвора и под ними — по четыре восковых ячейки. Восковая мастика пропитана... маслом (в следствии чего хорошо пахнет) и по виду — бурокоричневого (наподобие крови) цвета. Раскрываем верхний затвор и читаем... В первой ячейке находится, будто бы, кровь Христова... Во второй, третьей и четвертой ячейках, — как говорят надписи, — находятся, будто бы, частицы: "ризы господней, ризы богородицы, древа креста, камня гроба богородицы, Моисеева жезла" и т. д....

В одной из Саровских икон мы нашли и мощи. Эта икона (вернее не икона, а деревянное мощехранилище) имеет 120 из черного воска ячеек, прикрытых слюдой. В воску ясно виднеются беловатые крошки костей, ногтей, мрамора и т. д. Вот частица, якобы, креста господня; вот — камня гроба господня; вот — пророка Даниила; и т. д. и т. д. Кого только тут нет...»[164]

Как видим, Пензенский музей стал обладателем большого количества артефактов, связанных с историей Саровского монастыря и преподобным Серафимом Саровским. Руководство ОГПУ не признало подлинность «подлинных» мощей старца. Его останки, перевезенные в Москву, не вызывали сомнения, а прах, оставшийся после зачистки гроба, не представлял интереса для использования его в антирелигиозной кампании в столице.

К сожалению, в настоящее время артефакты, вывезенные из Саровского монастыря, безвозвратно утрачены и надежды найти их и идентифицировать нет.

После закрытия Саровской пустыни монашествующие разошлись по окрестным селениям, продолжая служение по частным домам или в приходских храмах. Многие прошли через застенки, концлагеря и расстрельные подвалы. Могилы этих подвижников представляют собой братские захоронения, а порой и место погребения неизвестно. Но есть архивы и появляются на свет следственные дела саровских монахов. В Нижнем Новгороде создана и работает Комиссия по канонизации новомучеников, которую возглавляет наместник Вознесенского Печерского монастыря архимандрит Тихон (Затекин). Комиссией, при деятельной помощи сотрудников Центрального архива Нижегородской области, выявлены восемь фамилий, имеющих отношение к Саровской пустыни. Это Ситников Дамаскин (Дмитрий) Семенович, Лаптев Михаил Дмитриевич, Барашков Михаил Лаврентьевич, Юргенсон Петр Эдуардович, Зорин Петр Степанович, Митнеев Тимофей Петрович, Никишин Тимофей Ипполитович и Юхтеров Петр Федорович.

Сверяя выявленные имена со списками монашествующих Саровской обители, удалось идентифицировать только личность Дмитрия Семеновича Ситникова (в монашестве Дамаскина). Отсутствие данных на остальных монашествующих можно увязать с тем, что указанные лица проживали в Сарове в качестве послушников без включения в штатное число.

Дмитрий Семенович Ситников впервые упоминается

в списках членов Саровской церковно-приходской православной общины от 12 декабря 1926 года. По документам он значится иеромонахом, родился в 1884 году в селе Кастимирове Рязанского района Московской области в семье крестьянина. С 1903 по 1927 год проживал в Саровской обители. В списке от 3 января 1927 года он возглавляет перечень священнослужителей православной общины при храме Преподобного Серафима Саровского[165]. В 1935 году арестован как бродячий монах, но вскоре выпущен на свободу. Служил приходским священником в селе Бабине Первомайского района Горьковского края. В 1937 году обвинен в контрреволюционной деятельности, арестован и приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 16 декабря 1937 года.

Работа Комиссии по канонизации очень сложна еще и в моральном плане, так как приходится искать пятна на солнце, поэтому среди восьми саровских монахов пока нет лиц, причисленных к лику святых новомучеников и исповедников РПЦ. Только один выходец из Саровской пустыни в настоящее время является новопрославленным святым Тамбовской епархии — иеромонах Василий. Сведения об отце Василии выявлены сотрудниками Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, который кроме просветительской деятельности занимается еще и научной работой.

Иеромонах Василий, в миру Василий Егорович Эрекаев, родился в 1879 году в деревне Озерок Малышевской волости Спасского уезда Тамбовской губернии. Поступил послушником в Саровскую пустынь 16 августа 1907 года. Послушание проходит при больнице[166]. К сожалению, в монастырских списках за последующие годы его имя отсутствует. И появляется только в 1926 году среди монашествующих — Эрекаев Варфоломей Георгиевич, просфорник[167]. Как видим, Василий при пострижении в монашество получил имя Варфоломей. Когда и при каких обстоятельствах он стал иеромонахом Василием, пока не установлено. После закрытия монастыря был священником в селе Старая Пичеморга Торбеевского района МАССР. В 1932 году он был арестован, но вскоре отпущен за недостатком улик. В 1937-м арестован повторно по обвинению в «систематической контрреволюционной деятельности, направленной на свержение советской власти». Во время следствия отец Василий не признал предъявленных обвинений, твердо отстаивая свои убеждения. Постановлением тройки УНКВД по Мордовской АССР

от 5 августа 1937 года приговорен к расстрелу, 10 августа расстрелян. Прославлен в лике святых новомучеников Архиерейским собором РПЦ в 2000 году[168].

На сегодняшний момент таков неполный список монашествующих Саровской пустыни, пострадавших за веру. Судя по тому, как насельники обители до закрытия монастыря стоически противостояли наступлению новой власти и представителям обновленческой церкви, список этот будет более обширным.

В завершение этой темы хотелось бы привести слова Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II: «Вступая в век XXI, мы можем с радостью засвидетельствовать, что неисчислимые жертвы православных христиан России не были напрасными, что их труды и подвиги принесли щедрый плод. Кровью мучеников созидалась Древняя Церковь, исповедничеством безвинно пострадавших в суровые годы лихолетья освятилась и Русская Православная Церковь, вышедшая из эпохи гонений и преследований духовно укрепившейся.

С благодарением Богу воздавая честь и славу тем, кто искупил кровью отступничество и помрачение своих соотечественников, кто был верен до смерти (Откр. 2: 10), кто сохранил веру Христову в горниле испытаний, мы молимся святым угодникам Божиим, чтобы они укрепили и нас в нашем служении, чтобы Господь укрепил Святую Церковь и помог ей совершить духовное и нравственное обновление нашего народа»[169].

Мощи преподобного в Москве

Мощи преподобного Серафима были перевезены весной 1927 года в Москву для передачи их в музей. Но музея, специализирующегося на антицерковной пропаганде, еще не было — Центральный государственный антирелигиозный музей существовал только в проектах. Возникает вопрос: где находились мощи в этот период? Подсказка была найдена в Государственном архиве Российской Федерации — в одном из дел обнаружена запись, поясняющая, откуда поступили мощи в музей. «Мощи Серафима Саровского. Кости скелета, плохой сохранности, получены из часовни — 1-я Мещанская улица в Москве»[170].

Во время консультации с заведующим сектором Биографического словаря архитекторов Государственного на-

учно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева Аркадием Федоровичем Крашенинниковым* было установлено, что в 1920-х годах на 1-й Мещанской улице существовала одна часовня. В доме 22 (сейчас это проспект Мира, 20) находились подворье Серафимо-Дивеевского монастыря и часовня во имя Преподобного Серафима Саровского.

История подворья начинается с 1909 года, когда домовладение по этому адресу было подарено Дивеевскому монастырю. На следующий год началось строительство часовни в честь Преподобного Серафима Саровского. Часовня была органично встроена в северо-восточный угол двухэтажного дома. Венчали часовню три купола. Настенную роспись и иконы выполнили художник Лев Парилов и сестры монастыря. В часовне находились святыни: ковчег с частицей мощей преподобного Серафима, копия с чудотворного образа Божией Матери «Умиление» и большой осколок того камня, на котором старец молился тысячу ночей. Причем камень был вмурован в стену на входе в часовню, а на стене сестры изобразили подвиг столпничества батюшки. Все это было сделано очень мастерски и органично. Многие приходили в часовню помолиться, приложиться к камню и поставить там свечку. На праздники в часовне служили всенощную, по по утрам в будни — молебны преподобному Серафиму, вечерами — молебны с чтением акафиста.

На подворье жили 12 сестер, которые несли различные послушания: клиросное, церковное, трапезное, швейное. После закрытия Дивеевского монастыря подворье просуществовало два года, что произошло благодаря сложившемуся в начале 1920-х годов своеобразному симбиозу: на подворье «вселился “сам” всемогущий тогда разрушитель Русской церкви — Евгений Александрович Тучков со своей “престарелой мамашей” — весьма юркой и миниатюрной старушонкой, чрезвычайно религиозной и большой любительницей торжественных богослужений.

Вельможа Тучков, расположившись в покоях Серафимо-Дивеевского подворья, убил сразу двух зайцев. Во-первых, он приобрел прекрасную, комфортабельную и бесплатную квартиру со всем ассортиментом полагающихся коммунальных удобств и, во-вторых, с самого момента въезда сюда заимел ровно столько весьма услужливых,

---

* *Аркадий Федорович Крашенинников* (1922—2016) — советский и российский историк. С 1991 года работал заведующим сектором Музея архитектуры им. А. В. Щусева.

почтительных и также бесплатных горничных, прачек, кухарок и уборщиц, — сколько было сестер в Дивеевском подворье»[171]. Естественно, все это время сестры находились под опекой своего всесильного квартиранта. И пользовались иногда конфиденциальной информацией: Тучков «оповещал о местах предстоящих торжественных богослужений Патриарха Тихона или архиепископа Илариона (Троицкого)*, которого особенно любили и почитали верующие москвичи... В таких случаях группа дивеевских монашек, облачившись должным образом и прихватив с собою "мамашу", отправлялись по указанному "Евгением Александровичем" адресу ("спаси его, Господи!").

"Мамаша", конечно, тоже была весьма довольна, так как при этих паломничествах ей, естественно, обеспечивалось самое лучшее место в церкви».

Приведенные строки — это воспоминания, которые оставила после себя старшая сестра Дивеевского подворья Анфия. Изучая «Регистрационный бланк члена КПСС Тучкова Е. А. Обмен партдокументов 1954 г.», где в графе под № 8 о родителях записано: «[отец] крестьянин бедняк, умер в 1908 г. Мать умерла в 1897 г.», возникает большой вопрос о личности «мамаши». И действительно, по последним архивным сведениям удалось установить, что это была старшая сестра Тучкова.

К сожалению, рассказ сестры Анфии в основном касался истории подворья в период пастырского служения святителя Тихона. О нахождении мощей преподобного Серафима Саровского (секретном) на подворье Серафимо-Дивеевского монастыря матушка, вполне можно допустить, и знала. Но явно это было оформлено подпиской о неразглашении информации. Время возможного нахождения мощей преподобного Серафима на Дивеевском подворье можно ограничить следующими временны́ми рамками: середина 1927-го — начало 1929 года.

Когда Главный (центральный) антирелигиозный музей в Москве был организован, то мощи преподобного перевезли и разместили в экспозиции. Подворье Дивеевского

---

* *Иларион* (*Владимир Алексеевич Троицкий*; 1886—1929) — архиепископ (с 1923 года). 28 марта 1913 года пострижен в монашество. 11 апреля 1913 года рукоположен во иеродиакона. Со 2 июня 1913-го — иеромонах. С 5 июля 1913-го — архимандрит. Активный участник Поместного собора 1917—1918 годов, ближайший помощник патриарха Тихона. 24 мая 1920 года хиротонисан во епископа Верейского, викария Московской епархии. В 1923 году арестован и этапирован в Соловецкий лагерь. Умер в Ленинграде. Прославлен в лике святых новомучеников и исповедников РПЦ в 2000 году.

монастыря закрыли осенью 1929 года, помещение передано в ведение Института слепых под мастерские, судьба частицы камня и прочих реликвий не известна. До настоящего времени сменилось большое количество владельцев и от часовни не осталось ничего, что о ней бы напоминало*.

Началом масштабной антирелигиозной кампании против святых мощей в Москве следует считать выставку Наркомздрава по социальной медицине и гигиене, организованную народным комиссаром здравоохранения Н. А. Семашко, на которой был открыт специальный отдел по гниению и разложению растительных и животных предметов. Наряду с плесневением и гниением картофеля экскурсоводы рассказывали и о том, что такое «мумификация». На всеобщее обозрение были выставлены мощи Виленских святых: Иоанна, Антония и Евстафия, мощи Иоасафа Белгородского, а также мумифицированное тело какого-то «фальшивомонетчика»[172]. Так эти мощи и находились в Музее здравоохранения до их передачи в Центральный антирелигиозный музей.

Несколько лет Союз воинствующих безбожников пытался организовать музей, и надо думать, изъятые мощи преподобного Серафима Саровского были тем последним аргументом, который помог им в этом деле.

На заседании рабочего президиума Центрального совета Союза безбожников (ЦС СБ) 18 апреля 1927 года рассматривалась кандидатура на пост директора антирелигиозного музея. Принято решение «включить т. Кандидова в штат ЦС СБ в качестве заведывающего Антирелигиозным музеем с одновременной работой по Центральному совету»[173].

26 мая 1927 года, на очередном заседании принято постановление: «Считать необходимым организовать Центральный антирелигиозный музей только при условии получения бесплатного помещения от МУНИ».

При минимальной смете и на небольших площадях по адресу Елецкий переулок (вблизи Варварки), дом 5, в начале 1928 года музей был открыт, причем открытие было приурочено к празднику Пасхи (2 апреля). Это событие бы-

* В 2000-х годах рядом с домом, в котором размещалось подворье Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, выкуплен земельный участок и построено новое здание и храм в честь Собора Дивеевских святых Патриаршего подворья. 5 февраля 2011 года архиепископ Георгий по благословению патриарха Кирилла совершил чин малого освящения престола.

ло отмечено в 6-м номере журнала «Антирелигиозник» за 1928 год.

«Центральный Совет Союзов Безбожников СССР сообщает, что для просмотра открыто два отдела антирелигиозного музея:

1). Православие на службе у капитализма и самодержавия в России.

2). Церковь и Октябрьская революция.

В связи с антипасхальной кампанией с 13.04-28 г. музей был открыт ежедневно с 12 до 8 часов вечера, пропускал экскурсии и частично одиночек. Начиная с 18.04-28 г. музей открыт три раза в неделю по вторникам и четвергам с 2 до 22 часов вечера и по воскресеньям с 10 до 4 часов. В виду слишком малого помещения, число экскурсантов в каждой группе должно быть не более 25 человек. Экскурсии будут пропускаться лишь по предварительной записи: ...у тов. Цитович. Вход бесплатный»[174]. По просьбе учащихся, служащих, красноармейцев на основе открытых отделов предлагаются темы лекций, и далее приводится довольно большой список. Для нас интересна тема лекции под номером 18: «Вскрытие мощей в 1918–20 годах».

В деловой переписке Центросовета СВБ от 17 августа 1928 года читаем: «В настоящее время музею предоставлено лучшее помещение в центре города и к зиме намечается его открытие в новом расширенном виде»[175].

В архиве Центрального совета СВБ обнаружен документ от 3 июня 1929 года, где указан уже новый адрес музея: Страстная площадь. Под Антирелигиозный музей власти передали соборный храм закрытого Страстного монастыря.

В 1929 году воинствующие безбожники подвели некоторые итоги своей работы: в СССР насчитывается 32 антирелигиозных музея, Центральный антирелигиозный музей за период с 1 ноября 1929 года по 3 мая 1930-го посетило 146 188 человек[176].

О нахождении мощей преподобного Серафима в экспозиции Антирелигиозного музея обнаружено документальное подтверждение. 3 октября 1929 года на имя директора Центрального антирелигиозного музея поступило заявление с просьбой о разрешении фотографирования экспонатов музея, в том числе и мощи «Серафима»: (Резолюция на письме: «т. Когану. Фотогр. разрешено. 5.X.29.». — *В. С.*)

«В Центральный Антирелигиозный Музей от Орлова С. И.

заявление.

Прошу разрешить мне сфотографировать несколько экспонатов ЦАМ, если возможно получить некоторые фотографии (дубликаты) Музея — для моей книги "Колхозы в борьбе с религией", издающейся Колхозцентром и Книгоиздатом, которые будут возвращены по их съемке.

Все фотографии, как снятые мною или фотографом издательства, так и данные мне во временное пользование, будут использованы только по прямому назначению — для иллюстрирования книги. Негативы будут переданы в Центральный Антирелигиозный Музей.

Также прошу разрешить делать выписки из материалов, выставленных в Музее.

3/X-29 г.

С. Орлов.

Опись Экспонатов ЦАМ, намеченных для иллюстрирования книги "Колхозы в борьбе с религией"...

3. Фотография Попона из ризы (на лошади)...

7. Фотография сожжение икон...

9. Фотография склад машин в церкви...

12. Лампа из чаши и чаша для кормления собак...

21. Мощи Серафима (курсив мой. — *В. С.*)...

Свою книгу по ее издании обязуюсь также представить в Центральный Антирелигиозный Музей в количестве 5 экземпляров.

С. Орлов»[177].

Поиски книги С. Орлова, свидетельства вандальной политики советской власти, пока не привели к положительному результату.

Спустя некоторое время в Антирелигиозный музей начинается паломничество, не из-за праздного любопытства увидеть оголенные мощи, но для того, чтобы соприкоснуться с источником душевной благодати. Как говорила одна из дивеевских стариц, помнившая еще преподобного: «Мы кланяемся не костям, а чудесам»[178].

Рядом с Саровом располагается деревня Балыково (сегодня это пригород закрытого города). В деревне проживала Дарья Петровна Козлова — набожная была женщина. В ее домике, стоявшем прямо у развилки большой дороги, все стены были завешаны иконами. Сын Дарьи Петровны, Александр Сергеевич, жил в Москве и работал в Кремле. «Тетенька», как многие звали Дарью Петровну в деревне,

нередко ездила к сыну в гости и вспоминала потом, сидя на скамеечке, как она ходила по указке сына в «Безбожный» музей в гости к преподобному Серафиму, который «лежал, сердешный, совсем голый» под стеклянным колпаком. «А народу вокруг — не протолкнуться». Это было в 1930-х годах.

Подобные воспоминания можно встретить и в эмигрантской литературе.

«В советских газетах попадались заметки, что верующие приходят в музей поклониться мощам преподобного... Корреспондент газеты "Фоссише цейтунг", побывавший в одном безбожном музее, узнал со слов заведующаго о следующем трогательном случае почитания мощей преподобнаго Серафима Саровскаго в наши страшные дни. "Мощи его, (пр. Серафима), — говорил завмуз, — раньше находились в знаменитом Саровском монастыре. Теперь мы лишили эти мощи всей их помпы и остатки скелета поместили в музее. И вот одна старая женщина, утверждающая, что несколько лет тому назад святой Серафим исцелил ее от тяжкой болезни, ежемесячно приходила в Саров на поклонение мощам. А теперь, когда скелет находится здесь, она неизменно раз в месяц является сюда и при каждом посещении кладет на витрину небольшой букетик цветов, а в кружку, рядом стоящую, опускает несколько копеек"»[179].

В 1937 году в январском номере журнала «Советский музей» опубликована критическая статья «О научной в кавычках работе Центрального антирелигиозного музея»[180], позволяющая судить о развитии антирелигиозного музейного дела. Следует сказать, что среди профессиональных музейщиков данная специализация не пользовалась одобрением, поэтому в основном в антирелигиозных музеях работали люди случайные, но ярые атеисты. Цитата из статьи:

«С начала своего существования (1929 г.) и до настоящего времени Центральный московский антирелигиозный музей не стал еще научно-исследовательским учреждением. До сих пор музей никакой серьезной и глубокой научной работой в области изучения истории религии и атеизма не занимался...

ЭКСПОЗИЦИЯ МУЗЕЯ

Музей, считаясь формально Центральным антирелигиозным музеем, на деле им не является. Музей носит исключительно антиправославный характер...

Что же собой представляет экспозиция этого "научного" учреждения? Это беспорядочно награможденные экспонаты без всякой научно-исторической систематики и последовательности (к примеру отделы — "Феодализм и капитализм": научные работники Персиц и Гинзбург).

Входя в эти отделы, вы совершенно не чувствуете, что находитесь в антирелигиозном музее, а, скорее, в церковном здании, где для обозрения верующих выставлены самые разнообразные иконы. Так, например, в отделе "Феодализм" без этикетажа выставлены иконы Николая чудотворца, Флора и Лавра, Георгия победоносца и т. д. В отделе "Русский капитализм" — тоже без этикетажа — большое напрестольное евангелие, панагия Серафима саровского* и т. п. Эти отделы можно назвать не иначе, как только выставкой икон: социально-экономического базиса, на фоне которого должен быть организован показ экспонатов, при всем желании найти нельзя.

Поэтому совершенно не случайно, что отдельные посетители приходят в музей не за тем, чтобы получить диалектико-материалистическое просвещение, а с целью удовлетворить свои религиозные потребности. Другие группы посетителей, которых большинство, желали бы получить объяснение на целый ряд волнующих их вопросов, но экспозиция им совершенно не дает ответа.

Такое безобразное отношение с экспозицией остается и по настоящее время.

ЭТИКЕТАЖ МУЗЕЯ

Известно, что этикетаж в жизни музея имеет определенное значение. От него в значительной мере зависит правильная ориентация посетителя, в первую очередь одиночек и групп без руководителя...

Этикетка у "мощей" Серафима саровского такая: "Николай II открывает мощи (и даже без кавычек) Серафима Саровского". Вот вам образцы беззубых этикеток Центрального антирелигиозного музея, составленные научным работником... В большинстве своем эти этикетки имеют и с методологической и грамматической стороны грубейшие

* Неточность автора — следовало написать: «панагия с изображением преподобного Серафима Саровского». Старец был простым иеромонахом, а панагия является наперсным знаком архиереев и архимандритов.

ошибки, а ведь по проверке этого этикетажа создавались специальные бригады в составе научных сотрудников...

Совершенно неудивительно после этого, что некоторые посетители музея, помолясь, прикладываются к евангелию, к мощам, к панагии Серафима саровского и т. д. Некоторые даже, как заявила вахтерша Захарова, пытались класть деньги в церковную кружку, выставленную в музее с этикеткой "Церковная кружка из храма Христа спасителя". Нередки случаи, когда предметы культа утаскивались из экспозиции музея. Все эти факты сигнализируют о неблагополучии. Нужно, не медля ни минуты, заняться коренным пересмотром состояния научной работы музея»[181].

Как видим, кампания по вскрытию святых мощей не достигла своей цели, наоборот, способствовала сплочению православного народа, а разразившаяся вскоре Великая Отечественная война показала руководству страны необходимость пересмотра своей политики в отношении Русской православной церкви.

В 1937 году началась реконструкция улицы Горького (ныне Тверская) и Страстной площади (сегодня Пушкинская площадь), в связи с чем постройки Страстного монастыря были снесены, и музей переезжает в другое помещение — закрытый для богослужения храм Николая Чудотворца в Новой Слободе[182] на улице Долгоруковской.

С началом Великой Отечественной войны фонды музея были законсервированы, сам музей передан под общежитие бойцов местной противовоздушной обороны. Полная неопределенность с фондами музея была до 1946 года.

Ленинградский период

В день вероломного вторжения фашистских войск на территорию Советского Союза, 22 июня 1941 года, митрополит Сергий (Страгородский)* собственноручно написал «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором призывал всех встать на защиту Оте-

* *Сергий* (*Иван Николаевич Страгородский*, 1867—1944) — Патриарх Московский и всея Руси (избран 19 сентября 1943 года). В 1901 году хиротонисан во епископа. С 1905 года — архиепископ Финляндский и Выборгский, с 1911-го — член Святейшего синода. В ноябре 1917 года возведен в сан митрополита. В 1922-м перешел в обновленческий раскол. В 1923 году принес покаяние и оставлен в сане митрополита. Многократно подвергался арестам.

чества. Послание было разослано по всем приходам, где начали служить молебны о даровании победы. По всей стране развернулось движение по сбору средств на закупку вооружений, за неполных два года прихожанами и иереями было передано около миллиона рублей, так были сформированы танковая колонна имени Дмитрия Донского и эскадрилья Александра Невского.

Уже летом 1941 года появились первые ростки перемен в отношении государства к Церкви — были закрыты журналы «Безбожник», «Антирелигиозник», прекратил свое существование Союз воинствующих безбожников.

Немаловажным фактором давления на И. В. Сталина было мнение зарубежных союзников, обеспокоенных правовым и политическим положением Православной церкви. На отвоеванных от фашистов территориях, где были восстановлены храмы и приходы, необходимо было проявлять вынужденную терпимость и отказаться от репрессивных мер в отношении церкви.

В 1943 году, накануне Тегеранской конференции, по решению Сталина был проведен ряд политических уступок, на принятие которых повлиял целый ряд внутренних и внешнеполитических факторов, итогом которых стало избрание Сергия (Страгородского) Патриархом Московским и всея Руси, восстановление Священного синода, легализация Патриаршей церкви под официальным наименованием — Русская православная церковь, ликвидация обновленческой церкви, возобновление издания «Журнала Московской патриархии». Для взаимоотношения государства и церкви принято постановление Совнаркома СССР об организации при правительстве Совета по делам Русской православной церкви, который возглавил Георгий Карпов*.

Следует сказать о том, что отношения государства к Церкви не было постоянным, и периоды «временного перемирия» порой сменялись объявлением «войны», как образно выразился М. В. Шкаровский[183].

«В середине 1940-х годов, во время восстановления Московского Патриархата и дарования ему некоторых послаблений, Церкви стали возвращать мощи святых. В частности, отдали мощи преподобного Сергия Радонежского,

* *Георгий Григорьевич Карпов* (1898—1967) — советский государственный деятель, генерал-майор НКГБ (1945). С 1943 по 1960 год — председатель Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР (при СМ СССР).

святителей Алексия Московского, Феодосия Черниговского, Тихона Задонского. Во многом это была плата за те услуги, которые Патриархия оказывала Сталину в его внешней политике»[184].

И, конечно, не заставила себя долго ждать просьба к властям о возвращении Русской православной церкви мощей преподобного Серафима Саровского. В Совет по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР обратился уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров Мордовской АССР П. Мельгунов.

«25 ноября 1946 года благочинный Саранской епархии Любимцев на очередном приеме у меня передал мне ходатайство священника Успенской церкви города Темникова Лентовского Ивана Клавдиевича и группы верующих, ходатайствующих о возвращении мощей Серафима Саровского, где указывается, что все расходы по переправке мощей и оборудование на месте верующие берут на себя.

Ходатайство это адресовано на имя Епископа Пензенского и Саранского Михаила, который наложил резолюцию следующего содержания: "Саранск: секретарю по Саранской епарх. МАССР, епархии для согласования с надлежащими органами власти".

В беседе по этому вопросу благочинный Любимцев сказал, что мощи находятся в Москве в музее, в каком музее и где не знает, и что по примеру возвращения мощей Сергеевской лавре можно возвратить мощи Серафима Саровского, хотя не в Саров, а Темников, так как Саров сейчас входит в Темниковский район.

Это ходатайство в настоящее время находится у меня. Благочинному Любимцеву по этому ходатайству я ничего не обещал и как поступить по данному вопросу прошу Вашего указания.

[резолюция]:

т. Мельгунову. По вопросу о мощах т. Карпов будет говорить с т. Ворошиловым (?). После этого дадим ответ.

[*Подпись*]»[185].

Вопрос о мощах преподобного Серафима, вероятнее всего, решился бы положительно, но тут вмешались интересы государства по реализации сверхсекретного проекта, направленного на создание отечественной ядерной бомбы.

16 июля 1945 года в США произведен взрыв невиданного до этого дня вида оружия массового поражения — первого в мире ядерного заряда. Через три недели, 6 августа,

американский бомбардировщик сбросил атомную бомбу на японский город Хиросиму, что вызвало гибель сотен тысяч мирных жителей. Этими неоправданно жестокими действиями США выразили свою претензию на мировое господство. В рассекреченных документах правительства США, опубликованных в книге М. Каку и Д. Аксельрода «Одержать победу в ядерной войне: Секретные военные планы Пентагона», говорится, что уже в июне 1945 года Комитет начальников штабов закончил разработку первого плана ядерной бомбардировки СССР под кодовым названием «Пинчер». Этот план предусматривал нанесение бомбовых ударов по двадцати городам Советского Союза.

Эти далекие, казалось бы, от рабочего поселка Сарова события оказали на его дальнейшую судьбу очень большое влияние. Правительство страны принимает решение об организации секретного объекта по разработке отечественного ядерного устройства. Требований к месторасположению секретного объекта было много: во-первых, объект должен располагаться в большом лесном массиве, на расстоянии от Москвы не более 500 километров; во-вторых, необходимо наличие материальной базы — оборонный завод № 550 и монастырский комплекс отвечали этим запросам; в-третьих, действующая железнодорожная ветка; в-четвертых, большое количество воды для технических целей.

Специальная комиссия остановила свой выбор на рабочем поселке Саров, подходившем по всем показателям. Наличие большой православной обители никого из московских начальников не волновало — всем «приказано» забыть о монастыре Саровская пустынь, преподобном Серафиме Саровском и поселке под названием Саров*.

Секретный объект, или Конструкторское бюро № 11 организовано 9 апреля 1946 года закрытым постановлением Совета министров СССР № 805—327 сс. Начальником секретного объекта назначен заместитель министра транспортного машиностроения Павел Зернов**, главным конс-

---

* Следует сказать о том, что населенный пункт под названием Саров (Сарова) с географических карт и атласов никуда не исчезал, а вот условные наименования: Шатки-1, Арзамас-75, Арзамас-16 и т. д. вам не найти.

** *Павел Михайлович Зернов* (1905—1964) — один из основателей и первый директор ВНИИЭФ, дважды Герой Социалистического Труда, кандидат технических наук, лауреат Сталинской, Ленинской и Государственной премий СССР. Родился в деревне Литвиново Кольчугинского уезда Владимирской губернии, в семье крестьянина. В 1933 году с отличием окончил МВТУ им. Н. Э. Баумана и продолжил

~~Сов. Секретно~~
~~(Особая папка)~~

Товарищу ВАННИКОВУ Б.Л.

Тактико-технические задания
на Атомную бомбу

1. Атомная бомба **разрабатывается в двух вариантах.**

В варианте 1 рабочим веществом является плутоний

В варианте II — уран 235

2. **В варианте 1** переход через критическое состояние **осуществляется посредством** взрыва специально сконструированного заряда, составленного из блоков обычного взрывчатого **вещества, образующих** полую сферу сверхкритической массы **в варианте II переход осуществляется посредством** сближения двух тел из урана 235 выстрелом из специальной пушки.

3. **В первом варианте в центре** плутониевого заряда помещается нейтронный взрыватель, **обеспечивающий возникновение взрыва основного заряда** плутония при максимальной плотности

4. Детонация сферы из взрывчатого вещества осуществляется посредством одновременного (с точностью до 0,3 микросекунды) срабатывания группы распределенных по поверхности сферы и управляемых электродетонаторов, автоматическим взрывателем.

Техническое задание на создание атомной бомбы. *1946 г.*

труктором изделия — профессор Юлий Харитон*. Для обеспечения режима секретности специальным распоряжением Совета министров РСФСР вновь созданному объекту отводилось 100 квадратных километров от территории Мордовского заповедника и 10 квадратных километров от Горьковской области. Спустя некоторое время эти площади увеличились до 231 квадратного километра. Для сравне-

---

обучение в аспирантуре. В 1937-м защитил диссертацию и получил степень кандидата технических наук. Руководитель конструкторской группы на Горьковском автомобильном заводе, а также занимается преподавательской деятельностью. Осенью 1938 года назначен начальником Главного управления тракторной промышленности СССР. С 1939-го — заместитель наркома среднего машиностроения. С 1940-го — председатель Всесоюзного комитета стандартов СССР. Во время войны занимает пост заместителя наркома танковой промышленности, выполняет ряд ответственных поручений правительства. В 1946-м направлен в должности начальника секретного объекта для организации научной разработки и производства ядерного вооружения. На месте рабочего поселка Саров (бывший монастырь Саровская пустынь) под руководством Зернова был построен научно-конструкторский исследовательский центр, заложен фундамент будущего города Саров. За успешное создание и испытание первой атомной бомбы в 1949 году присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1951 году переведен в Первое главное управление при Совете министров СССР на должность начальника отдела. С 1953-го — начальник Главного управления приборостроения Министерства среднего машиностроения, с 1954-го — заместитель министра этого министерства. В 1956 году во второй раз удостоен звания Героя Социалистического Труда. С 1963-го — заместитель председателя Государственного производственного комитета по среднему машиностроению СССР.

* *Юлий Борисович Харитон* (1904—1996) — главный конструктор, академик АН СССР. Родился в Санкт-Петербурге. В 1925 году окончил Ленинградский политехнический институт. Со студенческой скамьи начал работать в лаборатории Физико-технического института под руководством Н. Н. Семенова. С 1926 по 1928 год находился в научной командировке в Кавендишской лаборатории в Кембридже (Англия), где защитил диссертацию. С 1931 года работал в Институте химической физики АН СССР. В 1939-м вместе с Я. Б. Зельдовичем впервые осуществили расчет цепной реакции деления урана. Плодотворная работа по данной тематике предопределила назначение Харитона главным конструктором секретного атомного проекта. Был членом комиссии, которая приняла решение о строительстве секретной лаборатории на территории бывшего Саровского монастыря. В 1949 году за успешное испытание первой атомной бомбы присвоено звание Героя Социалистического Труда. За совершенствование ядерного потенциала еще дважды удостоен высшей награды. Лауреат трех Сталинских и Ленинской премий. С 1950 по 1989 год — депутат Верховного Совета СССР.

ния: площадь земельных владений Саровского монастыря равнялась 263 квадратным километрам.

17 февраля 1947 года постановлением Совета министров СССР вновь созданный объект отнесен к числу особорежимных предприятий страны, а его территория объявлена закрытой зоной. Не менее секретным постановлением от 17 июля этого года поселок Саров изымался из административно-территориального подчинения Мордовской АССР и из всех справочных материалов. Рабочий поселок и огромный лесной массив прячется за колючей проволокой. У поселка появляются псевдонимы (условные наименования): Шатки-1, Кремлев, Арзамас-75, Арзамас-16. На его территории начинают функционировать различные номерные базы, конторы и почтовые ящики, стремящиеся таким образом скрыть от посторонних глаз засекреченную организацию. За колючей проволокой, как в заключении, оказались несколько тысяч человек (не считая 10—15 тысяч человек «спецконтингента»). У работников объекта в паспорте стояла одна на всех прописка: Москва, ул. Октябрьское Поле, дом 1, квартира 36. В одной квартире (никогда не существовавшей) «проживало» около четырех с половиной тысяч человек.

В рабочий поселок прибыл батальон саперов и большое количество заключенных, которые занимались прокладыванием просек и возведением двойного рубежа вокруг объекта из колючей проволоки, с обязательной следовой полосой. Во время возведения охраняемого рубежа произошло несколько инцидентов между паломниками и вооруженной охраной. В 1947 году на день памяти преподобного в Саров пришло большое количество паломников. Прошли они по лесной дороге через бывший монастырский кордон Филипповка. В Саров они прошли, но обойдя святые места, стена из колючей проволоки закрыла им обратный путь. Шума было много, но всех богомольцев постарались быстро выпроводить, сказав в напутствии, чтобы больше в Саров не приходили и забыли дорогу.

Второй случай произошел в этом же году, но на бывшей почтовой дороге, что шла из Темникова через Саров в Арзамас и Ардатов. На этом участке заградительный периметр уже был возведен, и паломники, подойдя к колючей проволоке, вступили в перепалку с солдатским нарядом. Много было людей. Подходили группами по 20, 30 человек. Были среди них и инвалиды. Через колючую проволоку командир заставы пытался объяснить людям, при-

шедшим из Саратова, Пензы, Тамбова и других городов, о том, что здесь нельзя пройти — запретная зона и следует идти обратно. Но, как вспоминают старожилы: толпа гудит, в наш адрес сыпятся проклятия, кто-то даже оставался ночевать в лесу. Одни уйдут — другие приходят, и так несколько дней.

Наученные таким опытом, уже со следующего года в дни памяти преподобного Серафима за периметр объекта выезжают специальные команды, состоявшие из солдат и людей в штатском, которые встречали паломников еще на подступах к Сарову и отправляли в обратный путь.

Приняв во внимание все только что сказанное, можно не сомневаться, что если бы мощи преподобного Серафима были переданы православной общине Темникова или даже Саранска, люди, поклонившиеся мощам преподобного, обязательно пошли бы в Саров на мемориальные места, связанные с жизнью и подвигами старца. Поэтому о возвращении мощей преподобного Серафима Саровского Русской православной церкви не могло быть и речи.

А что же происходило с мощами преподобного?

Ответ находится в Государственном архиве Российской Федерации в «Деле о мощах. Начато 21 октября 1946 г. Окончено 1 марта 1949 г.». На листе 16 представлены «Сведения о мощах, находящихся в фондах Музея истории религии (Московский музей. — *В. С.*), а также музеях подведомственных комитету по делам культурно-просветительских учреждений»[186]. Справка подготовлена директором Музея истории В. Д. Бонч-Бруевичем* 30 декабря 1947 года[187]. В Музее истории религии в Москве находились на хранении мощи: «2. Серафима Саровского — кости плохой сохранности»[188]. Следом идет список мощей, отправленных в Ленинград в Музей истории религии и среди них: «5985. Мощи Серафима Саровского. Кости скелета, плохой сохранности, в специально устроенной витрине под стеклом, получена из часовни — 1-я Мещанская ул. В Москве, мощи находятся в фонде, отдельные предметы — епитра-

* *Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич* (1873—1955) — советский партийный и государственный деятель. Член социал-демократической партии с 1898 года. В 1917—1920 годах — управляющий делами Совнаркома, участник подготовки и проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В 1930-м организовал Государственный литературный музей. С 22 апреля 1946 года — директор Музея истории религии АН СССР (с 8 января 1954 года — Музей истории религии и атеизма (ОР РГБ. Ф. 369. Оп.120. Д. 5. Л. 10).

хиль, поручи и др. упакованы и отправлены в Ленинград. Ящик № 268»[189].

Музей истории религии в Ленинграде торжественно открыт 15 ноября 1932 года. Экспозиции музея разместились в закрытом для богослужений Казанском соборе. Новый музей использовал в оформлении экспонаты из фондов Музея антропологии и этнографии Эрмитажа, Русского музея и из других источников.

После окончания Великой Отечественной войны Московский центральный антирелигиозный музей не возобновил свою работу (хотя существовал на бумаге и даже поменял название, став Музеем истории религии) и был присоединен к Музею истории религии Ленинграда, где с августа 1944 года (первое упоминание), а с 22 апреля 1946 года активную антирелигиозную деятельность Владимир Бонч-Бруевич начал уже в качестве директора. Распоряжением от 6 июля 1946 года он был наделен большими полномочиями и имел право «распоряжаться всеми имущественно-материальными ценностями, денежными средствами и личным составом Музея истории религии АН СССР (в Ленинграде)». 6 мая 1947 года Бонч-Бруевич утвержден директором Ленинградского музея истории религии. В это время антирелигиозная пропаганда в Москве не проявляется столь агрессивно, как это было до начала войны, и перемещается в пределы Северной столицы. Из нескольких умирающих антирелигиозных музеев решено реанимировать хотя бы один. Передислокация музея из Москвы в Ленинград связана, вероятно, еще и с политическими мотивами. Заинтересованность правительства в улучшении отношений с РПЦ связана с надеждами на укрепление своего влияния за рубежом. Нахождение антирелигиозного музея или, как его ни назови, в столице было нецелесообразно, его перевод был просто необходим.

Некоторая нормализация отношений государства и Московской патриархии в период военных действий и в первые послевоенные годы, когда советское правительство передало из тех же антирелигиозных музеев некоторые реликвии, было направлено на реализацию своих далеко идущих планов, для чего Русской православной церкви были переданы некоторые храмы. В 1946 году в Троице-Сергиеву лавру торжественно возвращены на свое место мощи преподобного Сергия Радонежского. В 1947 году в Патриарший Богоявленский собор были перенесены мощи святителя

Московского Алексия. Возвращены мощи Тихона Задонского, Иоанна Тобольского.

Вновь приняла реки православных паломников иноческая колыбель — Киево-Печерская лавра.

Весной 1947 года Святейший патриарх Алексий направил в правительство прошение с просьбой о передаче Казанского собора в Ленинграде для нужд церкви. Только решительный протест Бонч-Бруевича не позволил возвратить прежний статус этой жемчужине РПЦ. «Я лично... высказываюсь решительно против, — писал Бонч-Бруевич в письме на имя директора Института истории академика Бориса Дмитриевича Грекова. — С деловой точки зрения мы и не можем этого сделать, ибо сосредотачиваем там все прошлое имущество нашего музея. Как ленинградского, так и московского. Другого же помещения ни в Москве, ни в Ленинграде у нас нет... 12 мая 1947 года»[190].

Казанский собор так и не был передан РПЦ, а помещение храма, не приспособленного для мирских проблем, заполнялось рулонами картин, баулами и ящиками с музейными экспонатами, предметами культа и мощами. До сентября 1948 года в Казанский собор поступили мощи преподобного Серафима Саровского и оставлены на хранение в одном из подсобных помещений. Работа над приемом и оформлением фондов продолжалась долго. Вплоть до своей смерти в 1955 году Бонч-Бруевич пытался навести порядок в подведомственном ему хозяйстве. Только в 1952 году работники музея приступили к разборке архива ЦАМ, содержащего «списки того, куда и что ЦАМ отправлял из своих фондов». До 1952 года 30 ящиков с негативами и фототека ЦАМ находились на историческом факультете МГУ в Москве.

8 сентября 1948 года Бонч-Бруевич направляет письмо Карпову:

«Я обещал вам дать список всех мощей: которые находятся в Музее истории религии в Ленинграде, куда влились все экспонаты Московского музея истории религии. Я недавно был в Ленинграде и там, на месте, был составлен следующий список:

Серафима Саровского,
Иоасафа Белгородского,
Александра Невского,
Ребро св. Альфонса,
Мумифицированный труп фальшивомонетчика и мелкие частицы мощей разных католических святых,

"Умученный от жидов" — останки отрока Михаила.

Надо решить вопрос, как быть со всеми этими предметами: нужно ли их нам хранить, или нужно просто предать сожжению в крематории?

Я был бы очень рад, если бы Вы мне дали бы по этому поводу добрый совет и может быть нашли бы нужным снестись с Советом Министров, чтобы так или иначе решить это дело»[191].

На письмо последовал ответ:

«Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

На Ваши письма от 8 и 9 сентября с. г. о церковной утвари и т. н. "мощах", т. е. об имуществе музея, не представляющем музейной, художественной или исторической ценности, я могу сейчас только сообщить Вам, что занимаюсь этим вопросом и, вероятно, сумею решить его только в конце октября или в начале ноября месяца с. г.

Исходя из этого, прошу Вас немного обождать с окончательным решением вопроса.

С какими предложениями я буду входить в инстанцию, я предварительно с Вами согласую. Я полагаю, что все упомянутые Вами предметы и тем более "мощи" находятся в складе, а не в качестве экспонатов музея.

С приветом. *Карпов*»[192].

О состоянии дел в музее можно судить по письмам директора своему заму по научной части Якову Ильичу Шурыгину.

«9 февраля 1954 года.

Уважаемый товарищ,

я просмотрел все акты приема экспонатов, присланных в Музей. Был крайне удивлен составлением описей номеров, а не предметов, что абсолютно запрещено по совершенно понятным причинам. Охранные описи или приемочные акты составляются на предметы — большие или малые, это все равно — а не на номера их. Ведь это же азбука музейного дела. Как вы могли допустить это в данном случае, прямо-таки непонятно.

Нет ли у нас и еще таких порочных актов?»[193]

Или вот еще одно очень интересное письмо от 12 марта этого года.

«Прежде всего отвечаю на ваше письмо от 20 ноября прошлого года, которое так сильно у меня задержалось. Но лучше поздно, чем никогда. Вы в нем пишете: "После этого на крыле останется около 40 ящиков с большими экспонатами, которые мы вскрывать не будем, т. к. хранилища пе-

реполнены". Это, конечно, совершенно неправильно. Переполнены или не переполнены хранилища, но Вы обязаны решительно все вскрыть, все переписать, все внести в журнальные книги и на каждый предмет составить опись. Как это так, Вы хранитель фондов, и у Вас будут лежать 40 ящиков (?) нераспакованными, Вы не знаете, что в них лежит, и Вы все это оставляете до неизвестного времени без вскрытия. Не угодно ли Вам приступить к этой работе сейчас же, как будет возможно, и помните, что первое дело, как только будут вскрыты ящики — внести все в журнальные книги, и, может быть, Вам придется опять все запаковать в ящики, но в музее не должно быть ни одной маленькой посылки неразобранной. Это Ваша святая обязанность и почему Вы не сделали до сих пор, мне это совершенно не понятно. Такой бюрократический подход к той работе, за которую Вы ответственны, совершенно недопустим. Может быть, у Вас и еще что-нибудь имеется невскрытое и неописанное, так сейчас же не угодно ли этим заняться и нужно в 1955 году составить инвентаризацию так, чтобы не было ни одной самой маленькой вещички, на которую не была бы составлена опись и она не была бы занесена в журнальную шнуровую книгу. За это Вы целиком и полностью ответственны. Помните это раз и навсегда. Сообщите также вскрыты ли те 3 ящика, которые Вы хотели закончить еще в ноябре, и что в них нашлось, опишите мне в общих чертах. Помните, что у нас уже имеются непоправимые потери, как например, метеориты, которые нам так нужны и которые мы ниоткуда достать не можем, а они были в ЦАМе в Москве и переотправлены были в музей в Ленинград. Куда же они девались?

Если Вы, действительно, обошли все помещения и если Вы, действительно, знаете, что больше ничего нигде не хранится между досок, между рам и проч. и т. п., то Вы составьте акт по этому поводу с комиссией, в котором так и напишите, что Вы, Я. И. Шурыгин, ручаетесь, что больше нигде экспонатов нет и не может быть, как это Вы недавно сделали в отношении двух громадных картин Василия Великого и Григория Богослова. Но помните, что этот акт очень для Вас ответственен, а потому прошу еще раз все хорошенько осмотреть»[194].

Письма эти красноречиво говорят о том беспорядке, который царствовал в музее. Да и могло ли быть иначе, когда на бланке директора Музея истории религии типографским способом обозначен адрес, казалось бы, музея: Моск-

ва, Большой Кисловский переулок (после смерти Семашко переименованный в улицу Семашко), дом 5, кв. 2. В действительности это домашний адрес В. Д. Бонч-Бруевича, и руководил он музеем, находясь от него очень далеко. Конечно, у Владимира Дмитриевича было много общественной работы, и даже по договоренности с Академией наук ему вменялось затрачивать на нужды музея не более 50 часов в месяц. Но... поэтому и терялись метеориты или трофейные картины из Государственного Берлинского музея, стоимостью в два миллиона рублей — они могли лежать в сыром подвале и «сохраняться» до полного уничтожения.

Но были и находки. Так, после разноса Я. И. Шурыгина картины художника Шебуева «Василий Великий» и «Григорий Богослов», написанные мастером еще в период строительства Казанского собора, нашлись на полках под щитами довоенной экспозиции.

Следует отметить и радостные находки для церкви: «Посылаю мною подписанные два экземпляра акта № 9/4 от 11 марта 1954 года на выдачу Загорскому Государственному историко-художественному музею-заповеднику Саккоса, взятого у них ЦАМом на временное хранение».

А вот надеяться на нахождение епитрахили преподобного Серафима вряд ли приходится — в мае 1954 года на киностудию «Ленфильм» было передано 350 предметов церковного облачения: фелоней, стихарей, саккосов и более пятидесяти епитрахилей.

Незадолго до своей кончины Бонч-Бруевич обращается в письме от 9 февраля 1955 года к заведующему фондами и своему заместителю по научной работе Михаилу Шахновичу*: «А Вам надо озаботиться и составить комиссию, которая систематически осмотрела бы решительно все помещения в Музее с подвалов до чердаков. Кстати: записана ли скульптура Антокольского Александр III во все книги, оформлена ли она, а также в подвале у Вас хранятся мощи и самая изумительная моща — мумифицированный труп мошенника. Все это оформлено ли у нас, как музейные экспонаты? Если нет — все это надо оформить и чем скорее, тем лучше. На все эти вопросы как можно скорей дайте мне ясный и точный ответ»[195].

До какой степени удалось восстановить порядок в му-

---

* *Михаил Иосифович Шахнович* (1911—1992) — советский философ, историк, фольклорист. Один из основателей Музея религии АН СССР в 1932 году. Старший научный сотрудник (1932—1941), замдиректора по научной работе (1944—1960).

зее, судить сложно — В. Д. Бонч-Бруевич умер 14 июля 1955 года, и архив его на этом замолчал. Следует направить поиски в архив Музея истории, в котором может быть еще много интересного. Как сказал Бонч-Бруевич: «Государственный Исторический музей, Музей революции и Московский краеведческий музей уже сдали очень большие и ценные собрания материалов по тематике нашего Музея так же, как и Главное Архивное Управление МВД СССР, выделяющее для нашего Музея из своих фондов архивы, представляющие значение и интерес для нашего Музея». Можно надеяться, что эти материалы сохранились и среди бумаг будут найдены новые крупицы правды, интересные для всех интересующихся биографией преподобного Серафима Саровского.

Мощи преподобного Серафима и других святых долгое время находились в подсобных помещениях, пока кто-то из работников музея не проявил «инициативу» и святыни оказались еще более попранными. Вот что рассказал автору старожил города Сарова Николай Анисимович Хохлов, главный бухгалтер Управления строительства № 909, построившего секретный объект и город. На вопрос о захоронениях монашествующих Саровской пустыни мною был получен неожиданный ответ: «Захоронений на монастырской площади (имеется в виду монастырская площадь бывшей Саровской пустыни. — *В. С.*) я не помню, а вот мощи Серафима Саровского я видел. И было это где-то в начале семидесятых годов. В это время я был на курсах повышения квалификации главных бухгалтеров. Из нашего города был я, как представитель Управления строительства, и главный бухгалтер нашей воинской части Сотников Володя, отчества его я уже не помню — он уехал из Сарова.

Дело было так: времени у нас хватало и на учебу и на культурную программу; и вот, прогуливаясь по Невскому проспекту, а нас было человек шесть, мы остановились около Казанского собора и решили зайти посмотреть на могилу Кутузова. Взяли билет и пошли по собору. Вокруг красота неописуемая! Спустились в какой-то полуподвал или что-то такое и оказались среди шкафов, стоявших вдоль стен, в которых лежали мощи различных святых. Стеклянные шкафы позволяли разглядеть мощи с трех сторон. В отдельном шкафу в каком-то темном ящике лежали мощи Серафима Саровского! Металлическая табличка. На ней написано: чьи это мощи, когда они привезены. Все как

положено. Мы, конечно, удивились и обрадовались — это же наш святой! Я читал о Серафиме в книге, да и в городе разговор нет-нет, да и зайдет про него. А тут он сам лежит перед нами! Косточки были темно-бурого цвета. Конечно, нельзя такие вещи напоказ выставлять, мы же не каннибалы какие.

В семидесятые годы время было строгое, по делам секретным о Сарове говорить нельзя было, и мы с Володей переглянулись и, сдерживая эмоции, прошли дальше по экспозиции.

Нет, что вы! Спутать или обознаться просто невозможно! Вокруг Сарова молчание и тишина, а тут мощи Серафима выставлены в экспозиции. У нас такое было потрясение — слов нет, запомнили на всю жизнь. Вот жалко, Сотников уехал из города. Он бы подтвердил»[196].

Николай Хохлов нашел в личном архиве удостоверение об окончании курсов повышения квалификации. Вот выписка из этого документа: «Центральный институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов. В период обучения с 2 июня по 25 июня 1970 года...

Удостоверение № 373 выдано 25. 06. 1970 г. Ленинград»[197].

Здесь уместно привести воспоминания Людмилы Аркадьевны Соколовой, опубликованные в 12-м номере «Журнала Московской патриархии» за 1991 год и рассказывающие о том, как происходило второе обретение мощей святителя Иоасафа Белгородского:

«Мой отец всю жизнь проработал в объединении "Реставратор" бригадиром плотников. В основном он восстанавливал храмы. В начале 60-х годов его бригада меняла кровлю Казанского собора. Во время работы случайно упала доска на пол чердака и послышался звон разбитого стекла. Отец спустился вниз и увидел, что разбилась стеклянная крышка деревянной раки, в которой лежало тело, обернутое пеленой. Еще несколько лет рака с телом стояла на чердаке, затем она была выставлена в экспозиции Музея религии и атеизма в северном приделе напротив могилы Кутузова. В 1970 году отца встретила комендант Казанского собора и попросила подальше убрать "мумию", которая лежала в подвале (когда перенесли раку в подвал, отец не знает). Мой отец завернул мощи святого в простыни, которые дала комендант, и вместе со своим другом Прудниковым В. И. поднял их на чердак (комендант воз-

ражала против этого и хотела, чтобы мощи закопали в сыром и холодном подвале). В шлаке одного из отсеков перекрытия они выкопали яму и захоронили святыню».

Этот рассказ подтверждает информацию о том, что в начале 1970-х годов мощи некоторое время находились в открытой экспозиции. Возможно, эта экспозиция, подготовленная работниками музея без ведома соответствующих органов, была в спешном порядке уничтожена после посещения выставки кураторов из Комитета государственной безопасности.

По тому, насколько спешно расправлялись с мощами, можно предположить, что инициатива работников музея пришлась кому-то не по вкусу и святыни было приказано уничтожить. К счастью, среди работников музея оказались и истинно православные люди, сумевшие спрятать реликвии по укромным местам.

Найти свидетелей тех событий среди работников музея в живых или в добром здравии не удалось.

Дивеевская обитель: от поругания к славе

1927 год для Дивеевской обители, так же как и для Саровской пустыни, оказался трагическим. По завершении операции по ликвидации Свято-Успенского Саровского монастыря пензенскими чекистами специалисты Нижегородского ОГПУ приступили к своей части разработанного плана. Ими был подготовлен следующий документ:

«Меморандум
сведений, касающихся Дивеевского женского
монастыря Ниж. губернии.

17-го мая 1927 года.

Дивеевский женский монастырь Нижегородской губернии расположен от Саровского монастыря Пензенской губернии в 12 верстах. В монастыре в настоящее время состоит на лицо до 800 монашек. Монастырь, как таковой, остался совершенно нетронутым, со всем присущим им укладом жизни. Жилые постройки, хотя муниципализированы, но это, однако, не мешает монашествующим жить в свое удовольствие.

Под видом трудовой артели рукоделия, в которой состоит около 200 монашек, они все постройки заарендовали за артелью, на льготных условиях, а остальные монашки,

не состоящие в артели, — являются как бы квартиронанимателями, в сущности ничего не платя за это. Словом вся монастырская оболочка прикрыта, организацией советского типа "Трудовой артелью".

По религиозному пониманию верующих, Дивеевский монастырь представляет не меньшее значение, чем Саров. Все паломники, посетившие Саров, обязательно должны посетить и Дивеево и наоборот, т. к. таковые в должной мере обрабатываются на этот счет монашествующими обоих сторон. С этой только именно целью Саровский и Дивеевский монастыри и поделили между себя реликвии "Серафима": как-то: камень, на котором молился Серафим — разбили пополам, часть осталась в Сарове, а часть перенесли в Дивеево. Если в Сарове имеется Серафимская мантия, то в Дивееве — лапти, или в Сарове мотыга, то в Дивееве топор. Такое деление реликвий проведено исключительно — с целью взаимного околпачивания темных религиозных масс.

Прибывающих в Дивеево, в качестве паломников, лиц, монашествующие пичкают разными фантастическими религиозными небылицами вплоть до измышления нелепостей и о Советской власти, как власти "антихристовой".

Помимо имеющихся в Дивеевском монастыре двух церквей, имеются 4 пустынки, последними представляют маленькие деревянные домики находящиеся внутри одного большого дома, о которых монашествующие и рассказывают паломникам, как о святыне. В них якобы когда-то жил Серафим и монахини подготовляющиеся в "святые" Александра, Наталия и Пелагея. В этих же кельях находятся вещи и предметы этих "святых". В данных кельях проживают келейницы-монашки, которые и рассказывают разные небылицы паломникам. Как например: "Что Саровские мощи Серафима должны быть и будут в Серафимо-Дивеевском монастыре, т. к. еще при жизни Серафим говорил об этом". Кроме того они рассказывают, "что помимо Серафимовских мощей, в Дивееве должны быть еще 4 мощей*", в открытии которых монашки твердо уверены. Символом чего у них служат 4 столба, — имеющих в одной из церквей монастыря, заложенных еще при Серафиме.

---

* Осведомитель в своем докладе рассказывал о пророчестве отца Серафима, услышанном из уст дивеевских монахинь: «Когда церковь была готова, в нее вошел Серафим и, увидев четыре столба, сказал: "Сестры, вот в этой церкви четыре столба, и под ними будут четверо мощей, а в середине буду я"» (Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 322).

В связи с закрытием Саровского монастыря, настроение монашек подавленное, но они уверены в том, что не закроют их Дивеевский монастырь и убеждены вообще, что монастыри будут существовать, т. к. по их словам сам Серафим сказал: "Что придет время, будет гонение на монашество и на монастыри, и разойдется монашество в одни ворота, а вернутся в другие". В этих их словах проскальзывает уверенность, что настоящая власть должна скоро смениться.

Врид Уполномоченного — [*подпись*]»[198].

Вот как описала те трагические события мать Серафима (Булгакова) в своих воспоминаниях:

«На 4-й неделе Вел. Поста разогнали Саров, а после Пасхи явились к нам.

Начались обыски по всему монастырю, начиная с игуменского корпуса и затем по всем корпусам. Описывали казенные вещи и проверяли все наши вещи. Была весна, все цвело, но мы ничего не видели. В тяжелые дни пошла я к блаж. Марии Ивановне. Она сидела спокойная и безмятежная:

— Мария Ивановна, поживем ли мы еще спокойно?

— Поживем.

— Сколько?

— Три месяца!

Начальство уехало. Все как будто бы пошло опять своим чередом. Прожили мы ровно три месяца, и под Рождество Пресвятой Богородицы 7/20 сентября 1927 г. нам предложили уйти из монастыря. Все это лето монастырская жизнь днем проходила как будто бы своим обычным порядком, но как только начиналась ночь, откуда-то являлись совы, садились на крыши корпусов, и весь монастырь наполняли своим зловещим криком. И так было каждую ночь. Как только объявили разгон, совы куда-то делись.

В то время жили у нас в ссылке двое владык: архиепископ Зиновий Тамбовский и епископ Серафим Дмитровский*. В самый праздник Рождества Богородицы Вл[адыка]

---

* *Серафим* (*Николай Иванович Звездинский*; 1883—1937) — епископ Дмитровский, викарий Московской епархии. Пострижен в монашество 26 сентября 1908 года. 22 октября 1908-го рукоположен в сан иеродиакона, 8 июля 1909-го — в сан иеромонаха. С 10 июня 1914 года — архимандрит. Хиротонисан в сан епископа 3 января 1920 года. Первую ссылку отбывал в Зырянском крае. В 1926-м направлен в ссылку в Дивеево, где находился до закрытия монастыря. Затем последовали Казахстан, Сибирь. После ареста в 1937 году приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. В 2000 году канонизирован в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Зиновий служил обедню в храме Рождества Богородицы. Певчие запели запричастный: стихиру "Днесь, иже на разумных престолехпочиваяй Бог...", и не смогли дальше петь. Все плакали, и вся церковь плакала.

Владыка Серафим служил обедню в Соборе. После обедни он сказал проповедь, что сейчас каждой из нас поднесена чаша, но кто как ее примет. Кто только к губам поднесет, кто выпьет четверть, кто половину, а кто и всю до дна. Также он говорил, что в монастыре все мы горели одной большой свечей, а теперь разделяемся каждая своей отдельной свечечкой.

В следующую ночь оба владыки, м. Игумения*, благочинные и некоторые старшие сестры были арестованы и отправлены в Нижний Новгород, а оттуда в Москву, где их освободили и предложили выбрать место жительства.

После этого до праздника Воздвижения службы в храмах еще продолжались. Последняя служба была на Воздвижение, всенощная и обедня в храме Всех Скорбящих Радости.

После обедни певчие запели, как обычно в Прощеное воскресенье, "Плач Адама". Все сестры прощались. Вся церковь плакала.

В Сарове монахи ушли в понедельник 4-й недели Поста, а мы на другой день Воздвиженья. Тем и другим был вынесен Крест»[199].

Игуменья Александра (Траковская), наблюдая за событиями, происходящими в Саровской пустыни, и предчувс-

---

* *Александра* (*Анна Александровна Траковская*; 1860—1942) — игуменья Дивеевского монастыря (с 27 сентября 1924 года). Девица из дворян Рязанской губернии. Поступила в монастырь в 1884 году, пострижена в монашество 29 декабря 1902 года вместе со старшей сестрой Екатериной (в монашестве Феофания; ?—1921). С 1903 по 1904 год, до кончины игуменьи Марии (Ушаковой), исполняла обязанности казначеи. В 1904-м избрана настоятельницей. 21 сентября 1927 года Дивеевскую обитель закрыли. В этот же день арестована вместе с владыками Зиновием (Дроздовым) и Серафимом (Звездинским) и направлена в ссылку в город Муром. Первоначально похоронена на Напольном кладбище Мурома. 23 июля 2002 года состоялось перезахоронение останков игуменьи Александры у алтаря Троицкого собора в Дивееве (*Горлевская С. И.* Памяти игумении Александры (Траковской) // Серафимовский Дивеевский православный календарь-сборник на 2013 год. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2012. С. 41—47). («22 января 1942 Скончалась Игумения Александра... 16 февраля 1921 года сконч. монах. Феофания» — из поминальной книжки Серафимы (Булгаковой). Архив автора. — *В. С.*)

твуя надвигающиеся на Дивеевскую обитель все более жесткие репрессии, начала готовиться к закрытию монастыря. «Желая спасти святыни, она раздавала особо близким людям иконы, кусочки камня, на котором молился старец, частицы его одежды и мантии. Но икону "Умиление" — в молитве перед ней преставился ко Господу батюшка Серафим, — его личные вещи, частички мощей настоятельница оставила у себя до 1927 года, пока однажды не получила от Бога особое вразумление. Уложив все это в телегу и закрыв чем-то, не привлекающим внимания, она отправила подводу в Муром со своими послушницами, переодетыми в крестьянские платья. По дороге им встретились представители власти, ехавшие, как выяснилось потом, закрывать монастырь, но, милостью Божией, подводу они не остановили»[200].

После закрытия монастыря дивеевские сестры разошлись по окрестным селам и деревням, в Арзамас, Нижний Новгород и Москву. В день закрытия обители 21 сентября 1927 года была арестована матушка игуменья Александра и проживавшие в монастыре на положении ссыльных владыки Зиновий (Дроздов) и Серафим (Звездинский), которым была назначена новая ссылка — за пределами Нижегородской губернии. Матушка Александра и владыка Зиновий выбрали для себя местом ссылки провинциальный город Муром, в который постепенно стали собираться дивеевские сестры. Игуменья с ближайшими помощницами купила деревянный дом, находившийся рядом с западной стеной Благовещенского монастыря, который на долгие годы стал негласным Дивеевским подворьем. Стараниями сотрудников Православного Свято-Тихоновского богословского университета установлено 65 имен* подвижниц Дивеевской обители, которые неукоснительно продолжали служить Господу на новом месте жительства.

«Тайный Дивеевский монастырь существовал в условиях советского режима, не теряя связи с легальными формами церковной жизни того времени: дивеевские монахини не только открыто посещали богослужения, но... пели на клиросе, алтарничали, шили облачения, снабжали священство необходимыми богослужебными книгами. В то же время эта видимая жизнь не означала духовного компромисса с безбожной властью и была только верхушкой та-

* По списку «Дивеевские сестры, скончавшиеся в Муроме», который составила мать Серафима (Булгакова), значится 41 имя (архив автора).

инственной жизни четвертого удела Богородицы, сохраненного вопреки всему заступничеством его Небесной Игуменьи и подвигом его насельниц. Стоит указать и на уникальность этого опыта: ни Лавра, ни Оптина, ни иной какой-либо из крупных русских монастырей, насколько известно, не продлил подобным образом свою жизнь после закрытия. Уникален также как сам факт сохранности дивеевских святынь, так и то, что хотя сведения о тайном монастыре у власти были, он не был окончательно разогнан и уничтожен... Иными словами: дивеевские монахини столько же хранили святыни, сколько святыни хранили их»[201].

Шли годы, приносившие новые испытания, утраты, но была и радость обновления, радость общения со святынями, радость, подкрепленная надеждой, верой и любовью.

Шли годы, и в 1987 году на очередном пленуме ЦК КПСС было предложено новое идеологическое направление и коренное реформирование общественного строя на основе «гласности». Коренному изменению отношений государства и церкви способствовало празднование тысячелетия Крещения Руси в 1988 году. Еще до начала торжественного празднования юбилея Русской православной церкви передана Введенская Оптина пустынь, Свято-Введенский Толгский монастырь. Начался процесс передачи из музеев в храмы и монастыри реликвий, икон и святых мощей. Одними из первых были переданы мощи святителей Феодосия Черниговского и Питирима Тамбовского, преподобного Феодосия Тотемского. Затем последовало освобождение из музейных уз мощей святых благоверных князей Муромских — Константина, Михаила, Феодора, праведной Иулиании Лазаревской, святых супругов Петра и Февронии. Киево-Печерской лавре передана часть территории с Дальними пещерами, в которых упокоились мощи сорока пяти киевских святых[202]. Если передача вышеперечисленных мощей происходила без торжеств и крестных ходов, то 3 июня 1989 года возвращение мощей святого благоверного князя Александра Невского вылилось в общероссийское празднество. Этому способствовало упрощение государственного контроля над РПЦ — функции отдела пропаганды ЦК КПСС перешли в ведение административных органов. 1 октября 1990 года Верховный Совет СССР принял закон «О свободе совести и религиозных организаций», а 25 октября был принят и российский закон «О свободе вероисповеданий». С распадом СССР и образованием Союза независимых государств в декабре 1991 года Совет по делам

религий был окончательно упразднен. 4 сентября 1991 года был ликвидирован 4-й («церковный») отдел 5-го управления КГБ[203].

Процесс освобождения РПЦ от государственного контроля, приобретения юридической свободы способствовал повышению авторитета церкви, возрождению православных приходов и обителей, бурному росту числа верующих.

«Перестройка и гласность» докатилась и до закрытого саровского объекта Арзамас-16, в котором на легальных уже правах начала свое возрождение православная жизнь. 29 сентября 1989 года закрытый город впервые за долгие годы посетил архиепископ Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов)*, совершивший освящение родника на

---

* *Николай* (*Николай Васильевич Кутепов*; 1924—2001) — митрополит Нижегородский и Арзамасский. Родился на хуторе Кутепове Больше-Калмыкского сельсовета Болоховского района Тульской области в семье крестьянина-однодворца. По окончании средней школы в Туле призван в Советскую армию. В Великую Отечественную войну участвовал в боях под Сталинградом. Был ранен, контужен и после ампутации трети ступней обеих ног в 1943 году демобилизован. Осенью 1944-го поступает в Тульский механический институт и начинает исполнять должность иподиакона при служении архиепископа Тульского Виталия (Введенского). В 1952-м окончил Московскую духовную семинарию и с 1953 года служил в Вологодской епархии. По благословению одного из последних Оптинских старцев Мелетия принимает решение о принятии монашеского сана. 12 июля 1953 года рукоположен в сан диакона и поступает в Ленинградскую духовную академию. По окончании академии 20 декабря 1969 года пострижен в монашество. 10 сентября 1961 года хиротонисан во епископа Мукачевского и Ужгородского. С 1963-го — епископ Омский и Тарский, с 1969-го — епископ Ростовский и Новочеркасский, с 1970-го — епископ Владимирский и Суздальский. 9 сентября 1972 года возведен в сан архиепископа. С 1977 года — преосвященный Калужский и Боровский. 11 июня 1977 года возглавил Горьковскую епархию. 1 октября 1990-го переименован в архиепископа Нижегородского и Арзамасского. 25 февраля 1991 года возведен в сан митрополита. На последнем духовном посту очень много сделал для возрождения Нижегородской епархии. Восстановлено и открыто более 300 храмов и монастырей, действуют Духовная семинария и Женское епархиальное училище, православные духовные школы и просветительские центры. При активном участии владыки происходило становление и развитие епархиальных средств массовой информации. Особо следует отметить, что возвращение мощей преподобного Серафима Саровского и упокоение их в возрожденном Серафимо-Дивеевском монастыре, а также восстановление приходской жизни на месте бывшего Саровского монастыря происходило при непосредственном его участии.

реке Сатис, известного сегодня горожанам и гостям под названием «Серебряные ключи».

Наличие под боком у Дивеева закрытого города с его секретами уже не представляло непреодолимой преграды к восстановлению православной общины. 22 апреля 1989 года в Дивееве в новой Казанской деревянной церкви (поселок Северный) возобновились богослужения.

31 марта 1990 года на праздник Похвалы Пресвятой Богородицы архиепископом Горьковским и Арзамасским Николаем освящен возобновленный Троицкий собор.

11 января газета «Известия» на всю страну сообщила потрясающую новость:

«Обнаружены мощи преподобного
Серафима Саровского.

В запасниках Казанского собора в Ленинграде обнаружены мощи самого почитаемого после Сергия Радонежского русского святого Серафима Саровского. Мощи были вскрыты и конфискованы в 1920 году (ошибка редактора – изъятие мощей произошло в 1927 году. — *В. С.*). И с тех пор их след потерялся. Казалось, навсегда. Но, как сказал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, "Господь не замедлил духовно ободрить нас, явив нам вновь мощи Своего великого угодника и великого молитвенника о земле Русской"».

С появлением этой новости были вновь подняты из запасников памяти мифы, легенды и просто бредовые высказывания. Например, из-под спуда подняли слова блаженной Пелагии Рязанской*, которая говорила: «Господь воскресит преподобного Серафима Саровского, который будет живым порядочное время. Кто пожелает, тот увидит его живым! О, сколько же будет тогда чудес! Мощи преподобного отца Серафима находятся в Москве у одной благочестивой старушки. Ангел Господень, когда будет нужно, велит ей обратиться к первоиерарху и сказать, что у нее находятся мощи преподобного Серафима. Эти святые мощи понесут на плечах через Каширу по Волгоградской дороге через Михайлов в Тамбов, а оттуда в Саров. В Сарове отец Серафим воскреснет из мертвых!

В то время, когда его мощи будут нести, народу будет тьма, и великое множество болящих исцелится!

Про воскресение его в Сарове будет объявлено по радио и телевидению, и народу будет — несть числа!

Из Сарова Серафим пойдет в Дивеевскую обитель пеш-

---

* http://www.3rm.info/18826-blazhennaya-pelagiya-ryazanskaya-1966.html

ком. Его будут сопровождать последний Государь с царским священством и море народное... По дороге в Дивеево преподобный Серафим сотворит много чудес, да и в Дивееве тоже! Он будет обличать духовенство в предательстве и измене Помазаннику Божию — Царю, будет проповедовать на весь мир покаяние».

Рассмотрим сегодня слова блаженной, сказанные до своего успения в 1966 году. Во-первых, никакая благочестивая старушка до сих пор не объявилась, а возраст ее, вероятно, должен быть за 100 лет. Во-вторых, интересен путь крестного хода с мощами: Кашира — Михайлов — Тамбов — Саров, а почему не сразу через Рязань в Саров? В-третьих, с преподобным Серафимом Господь воскресит большое количество сопровождающих: царь Николай II и царское священство и море народное. То есть мы будем свидетелями всеобщего воскресения? Которое произойдет ранее воскресения Иисуса Христа? На каком основании можно верить словам этой старушки, жившей в своем мироощущении, поддавшейся влиянию мифов и ставшей их передаточным звеном?

Надеюсь, что в книге доходчиво и достоверно рассказан путь следования мощей преподобного Серафима Саровского из Саровской пустыни через Краснослободск, Ковылкино и Москву в Северную столицу. И неудивительно, что мощи преподобного были обнаружены в запасниках Государственного музея религии в 1990 году.

Из воспоминаний сотрудника Музея истории религии Евгения Лучшева*:

«В тот день в фондохранилище мы работали большой группой сотрудников. Работа заключалась в разборе наших экспонатов, которые накапливались долгие годы. Что-то протирали от пыли, что-то отбирали для дальнейшего использования, что-то подготавливали к переезду в новое здание — музей готовился к освобождению помещения Казанского собора. То есть производилась черновая, грязная работа. Когда нашли мощи — удивление было большое. Народ озадачен был немало. Старожилы в то время уже не работали, и спросить не у кого было.

У нас много фондохранилищ, которые размещались по закоулкам. И вот в одном из фондовых помещений, среди развала обнаружили предмет, напоминающий сиденье дивана. От 1,5 до 2 метров, без боковин, без спинки — вот именно как сиденье дивана, которое стояло вертикально

---

* *Евгений Михайлович Лучшев* (род. 1947) — ведущий научный сотрудник ГМИР, кандидат философских наук. Воспоминания записаны в 2003 году (архив автора).

и подпирало стену. Обшитое серой тканью типа бортовки или рогожи какой-то. Вскрыли ножницами ткань, оказалось, что под ней слой ваты и под слоем ваты на ложе лежит скелет в монашеском облачении. Сразу поняли, что это мощи какого-то святого. Рядом находились обломки полуразбитой стеклянной витрины. Судя по всему, она накрывала это ложе и служила для демонстрации мощей посетителям. На мощах находились рукавички, на которых было вышито: "Преподобный Серафиме, моли Бога о нас". Мы сообщили о находке директору музея С. А. Кучинскому*, и далее все пошло по инстанции».

Директор музея немедленно поставил в известность о находке патриарха Алексия II, для идентификации останков была назначена специальная комиссия, которую возглавили епископ Тамбовский и Мичуринский Евгений (Ждан) и епископ Истринский Арсений (Епифанов)**. Итоги работы комиссии были опубликованы в «Санкт-Петербургских епархиальных ведомостях»:

«СООБЩЕНИЕ ПАТРИАРШЕЙ КОМИССИИ
о втором обретении мощей
преподобного Серафима Саровского,
всея России чудотворца.

На протяжении почти 70 лет вопрос о местонахождении святых мощей великого угодника Божия — преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского, всея России чудотворца, волновал умы и сердца православного мира. Слагались и бытовали различного рода легенды о месте их пребывания. Всякая такая легенда казалась правдоподобной, но ни одна из них не приносила радости.

По одной — святые мощи бережно хранятся у благочес-

---

* *Станислав Алексеевич Кучинский* (род. 1944) — директор Государственного музея истории религии до 2011 года, заслуженный работник культуры РФ, кандидат философских наук.

** *Арсений* (*Юрий Александрович Епифанов*; род. 1955) — митрополит Истринский (1 февраля 2014 года), первый викарий Московской епархии по городу Москве (1 апреля 2009 года), член Высшего церковного совета Русской православной церкви. В 1984 году рукоположен во диакона, в 1986-м — во пресвитера и возведен в сан протоиерея. В 1988 году становится клириком Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры. 30 сентября 1989 года пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита. 5 октября 1989 года хиротонисан во епископа Ладожского, викария Ленинградской епархии. 25 февраля 1997 года возведен в сан архиепископа. Как член комиссии принимал участие в освидетельствовании мощей преподобного Серафима.

тивых монахинь; по другой — достойно захоронены от поругания; по третьей — преданы сожжению, как и многие другие святыни.

Однако христианское сознание не мирилось с мыслью, что великий угодник навсегда покинул Церковь, помня его обещание, что он еще явит себя миру и "летом воспоют Пасху". Народ Божий жил надеждой, веря в непреложность обещания великого старца и чудотворца Серафима.

Патриаршество пятнадцатого первосвятителя Всероссийского — Святейшего Патриарха Алексия II ознаменовалось великими событиями в жизни Русской Православной Церкви: Казанский собор в граде святого Петра на Неве (бывший музей истории религии и атеизма) из своих запасников вернул Церкви святые мощи подвижников Соловецких — Германа, Зосимы и Савватия. Ранее, когда Святейший Патриарх, будучи митрополитом, окормлял кафедру на Неве, древняя ее святыня — Александро-Невская лавра торжественно прославила второе обретение и вхождение под своды Свято-Троицкого собора из тех же запасников музея благоверного и великого князя Александра Невского.

Казалось, что из недр бывшего атеистического музея возвращены все, хранившиеся доселе в неизвестности, мощи угодников Божиих, привезенные сюда, в Ленинград, в годы печальной истории Отечества нашего, когда отнимались святыни у верующего народа и превращались в склады или музеи, как это было и с Казанским собором.

Однако Всемилостивый Господь в это сложное для Церкви и Отечества нашего время даровал нам великую неизреченную радость и духовное утешение: из того же Казанского собора (освободившегося в настоящее время своим фронтоном от надписи: "Музей истории религии и атеизма") Русской Православной Церкви были возвращены честные мощи Преподобного и Богоносного отца нашего Серафима Саровского, всея России чудотворца.

Произошло это так:

Прежде чем состоялась 11 января сего года официальная передача Его Святейшеству дирекцией музея святых мощей великого чудотворца, Святейший Патриарх Алексий II, как только получил сообщение, что обнаружены мощи преподобного Серафима Саровского, направил 25 декабря 1990 года в град святого Петра комиссию для освидетельствования.

В состав комиссии входили: епископ Тамбовский и Мичуринский Евгений (Ждан) (ныне архиепископ) и епископ

Истринский Арсений (Епифанов) — викарий и личный секретарь Его Святейшества.

В сопровождении келейника епископа Арсения — Игоря Беловенцева, воспитанника Московской духовной семинарии, члены комиссии прибыли в город на Неве, имея фото и машинописные копии архивных материалов о вскрытии и освидетельствовании мощей преподобного Серафима Саровского в Саровском монастыре, Темниковского уезда, Тамбовской губернии в 1920 году.

Вот эти документы:

1. Выписка из протокола № 121 Президиума Темниковского Уисполкома от 8 декабря 1920 года об образовании организационной тройки по вскрытию мощей Серафима Саровского.

Основание: ГАТО, ф. Р-394, оп. 1, д. 476.

2. Протокол № 1. Заседания организационной тройки по вскрытию мощей Серафима Саровского, согласно постановлению 9-го съезда Советов, резолюции Предгубисполкома Шлихтера и Постановления Президиума Уисполкома от 3 декабря 1920 года.

Основание: ГАТО, ф. Р-394, оп. 1, д. 476, л. 24—25.

3. Протокол № 1. Заседания комиссии по вскрытию мощей Серафима Саровского. Монастырь. Саров. Темниковского уезда Тамбовской губернии. 1920 года, декабря 17 дня в 11 часов.

Основание: ГАТО, ф. Р-394, оп. 1, д. 476, л. 22.

4. Заявления. Комиссии по вскрытию мощей преподобного Серафима 17 декабря 1920 г. в Саровской пустыни.

(Заявление подписали священник Павел Борятынский и иеромонах Мефодий, отказавшиеся принять участие во вскрытии мощей.)

Основание: ГАТО, ф. Р-394, оп. 1, д. 476, л. 23.

5. Акт. Закрытия мощей Серафима Саровского в Сарове, Темниковского уезда, Тамбовской губернии 16 августа 1921 года.

Основание: ГАТО, Р-1 № 303, с. 698.

6. Выписка. В Народный комиссариат юстиции (VIII отдел ликвидационный) по поводу мощей, имеющихся в Тамбовской губернии.

Основание: ГАТО, ф. Р-394, оп. 1, д. 476, л. 6—7.

7. Заметка из "Известий" Тамбовского Губернского Совета от 13 января 1921 г. за № 6 "К вскрытию мощей Серафима Саровского" (заключение врачей).

В имеющихся документах подробно изложен весь про-

цесс подготовки к вскрытию мощей преподобного старца и чудотворца Серафима. Документы свидетельствуют о реакции духовенства Темникова и Сарова на постановление о вскрытии раки с мощами великого угодника земли Русской. В этих же документах имеются сообщения органов власти о проведенном вскрытии и освидетельствовании.

25 декабря 1990 года комиссия проводила освидетельствование честных останков на основании двух документов:

1. Акта закрытия мощей Серафима Саровского в Сарове, Темниковского уезда, Тамбовской губернии, 16 августа 1921 года.

2. Заключения врачей ("Известия" Тамбовского Губернского Совета от 13 января 1921 года, за № 6.

В первом документе (акте закрытия) сообщается, что закрытие мощей Серафима Саровского в Сарове было произведено 16 августа 1921 года в 7—8 часов официального времени по истечении срока обозрения после их вскрытия 17 декабря 1920 года. В акте перечисляются члены комиссии как представители Саровского духовенства, так и властей, а также указывается на присутствие 100 человек (зрителей).

Указанный документ был весьма важным для комиссии, производящей второе освидетельствование, поскольку в нем описана не только последовательность процесса закрытия, но указывается расположение всех частей святых останков (костей скелета), а также вата, в которую заворачивались мощи, белые шелковые варежки и такие же туфельки, подушечка зеленого цвета, черная шапочка (куколь) с круглым отверстием в середине и медный крест с цепочкой. Кроме того, в документе говорится о покрытии святых мощей белой и черной материей, ленте, их пеленающей, нитках, которыми зашивалась материя, мантии и епитрахиле, "воздухе" и др. ...

Второй документ также имел важное значение, поскольку давал медицинское заключение о состоянии святых останков и их количестве.

Во время освидетельствования присутствовали: директор музея Кучинский Станислав Алексеевич; заведующий сектором "Православие в СССР" — Сергей Николаевич Павлов; главный хранитель музея Ирина Александровна Мартынчук; заместитель директора по науке — Мария Николаевна Принцева.

Что же предстало взору комиссии, когда она поднялась с сотрудниками музея под своды Казанского собора в бывшую ризницу (ныне хранилище, фонды)?

Деревянная трапециевидной формы подставка размером 161 × 51 см и на ней в виде человеческого тела сверток, покрытый синей плотной бумагой, приклеенной к деревянному основанию липкой лентой, а из-под бумаги просматриваются вата и марля.

После снятия бумаги, раскрытия марли и ваты, обнажились святые останки... Едва уловимый запах благовония... запах, который ни с чем не сравним... подобный запах уже был ощутим, как засвидетельствовал преосвященный епископ Тамбовский Евгений, когда древняя святыня Тамбовская — святитель Питирим, в славный год 1000-летнего юбилея Крещения Руси, был вторично обретен и возвращен тамбовчанам.

При дальнейшем осмотре святых мощей в сравнении со свидетельством вышеуказанных документов комиссия установила, что покоящиеся в запасниках Казанского собора святые останки, и чудом обретенные, являются святыми мощами великого угодника земли нашей — преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского, всея России чудотворца.

И вот за многие десятилетия молчания пред честными мощами великого угодника Божия, под сводами Казанского собора зазвучало: "Ублажаем, ублажаем Тя, преподобие отче наш Серафиме, и чтим Святую память Твою, наставниче монахов и собеседниче ангелов". Этим не мощным по составу, но преисполненным глубокого духовного трепета и благодарения Господу "хором", члены комиссии пропели величание Саровскому чудотворцу.

Через некоторое время члены комиссии по телефону сообщили Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Алексию II, что проведенное ими освидетельствование подтверждает принадлежность святых мощей преподобному и богоносному отцу нашему Серафиму Саровскому.

Комиссия доложила Святейшему Патриарху, что, согласно акту закрытия мощей в 1921 году и заключению врачей в том же году, до наших дней сохранились практически все части честных мощей (костный скелет). Время разрушило некоторые из них. К неопровержимым доказательствам принадлежности честных мощей великому Серафиму Саровскому чудотворцу явились:

1. Сохранившийся черный куколь, с отверстием в лобной части, в котором находился череп с нижней челюстью. На затылочной кости черепа сохранилась частица кожи и волос седовато-рыжеватого цвета. Волосы головы в зна-

чительном количестве находились в куколе. (Цвет волос совпадает с описанием в акте освидетельствования, произведенного в 1903 году 11 января и подписанного Владимиром, митрополитом Московским и Коломенским; Димитрием, епископом Тамбовским и Шацким; Назарием, епископом Нижегородским и Арзамасским; Суздальским архимандритом Серафимом (Чичаговым); настоятелем Саровской пустыни игуменом Иерофеем; казначеем Саровской пустыни иеромонахом Климентом; ключарем Тамбовского кафедрального собора священником Тихоном Поспеловым; прокурором Московского Священного Синода конторы князем Алексеем Ширинским-Шихматовым. (Перепечатан из № 25 "Церковных ведомостей", изданных при Св. Синоде за 1903 год. Основание для выписки: "Тамбовские епархиальные ведомости". Тамбов. 1903 г., № 27, стр. 481—484.)

2. Сохранившаяся зеленого цвета подушечка, на которой полагалась честная глава Преподобного (цвет соответствует описанию в акте закрытия мощей 1921 г.).

3. Иерейский медный крест с цепочкой (соответствует акту закрытия).

4. В области груди крестообразно сложенные руки в шелковых белого цвета варежках (что соответствует описанию в акте закрытия). На правой вышита золотой ниткой надпись: "Преподобие Отче Серафим", а на левой: "Моли Бога о нас".

5. В рукавичках, в вате, кости рук (в правой имеется разрушенный зуб из нижней челюсти, что соответствует врачебному заключению 1921 г.).

6. Кости предплечий в вате и в поручах из золотой парчи с тремя позолоченными пуговицами в каждой.

7. Из ступней ног сохранилась правая белая туфелька с ватой и вложенными в нее косточками. Левая отсутствует.

Остатки материи под святыми мощами с обрывками ниток на ней и на куколе, вата, указанные в акте закрытия, также явились неопровержимым подтверждением.

Его Святейшество, Святейший Патриарх Алексий II определил день торжественной передачи и переноса честных, многоцелебных мощей преподобного Серафима Саровского из Казанского собора в Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры на 11 января сего года.

Накануне, 10 января с. г., комиссия в том же составе прибыла из Москвы в святой град Петра на Неве, чтобы подготовить святые мощи к торжественному перене-

сению. В город святого Петра была доставлена бронзовая рака, изготовленная в художественных мастерских Московской Патриархии. Преосвященные епископы Евгений и Арсений, наместник Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры протоиерей Игорь Мазур, ключарь того же собора протоиерей Иоанн Варламов, ктитор Свято-Троицкого собора диакон Георгий Минаев и келейник епископа Арсения Игорь Беловенцев доставили раку в Казанский собор.

При чтении акафиста преподобному Серафиму Саровскому чудотворцу, его честные мощи святителями и священнослужителями омывались Святой водой, помазывались Святым елеем от Гроба Господня, затем покрывались пеленами от преподобного аввы Сергия Радонежского и древней земли Тамбовской и полагались в освященную раку. Честная глава великого чудотворца была положена в схимонашеский куколь, сшитый в Лавре великого аввы Сергия, и водружена на ту же зеленую подушечку. Поверх вновь сшитой епитрахили крестообразно сложены были в тех же рукавичках руки великого старца Серафима, а честную грудь его венчал тот же иерейский крест (по преданию, благословение его матери).

В завершение члены комиссии воздали последнее поклонение в этот день великому угоднику Божию чудотворцу Серафиму, пропели Величание и, испросив его благословения, отбыли из Казанского собора в ожидании утра 11 января 1991 года, когда прибудет Его Святейшество, Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий в святой град апостола Петра на Неве, хранивший на протяжении многих десятилетий всемирную святыню — цельбоносные мощи преподобного Серафима, дабы принять их на свои руки и перенести в Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры, в течение месяца воздадут ему молитвенную похвалу в граде на Неве перед тем, как великий угодник божий прибудет в стольный град Москву.

Настоящая справка составлена архиепископом Тамбовским и Мичуринским Евгением»[204].

Из воспоминаний митрополита Истринского Арсения: «На следующее утро во град святого Петра прибыл Патриарх. Днем, к четырем часам, владыка Евгений и я приехали в Казанский собор, где шла подготовка к передаче святых мощей. По прибытии в собор Святейшего Патриарха и всех архиереев, принимавших участие в торжестве, под пе-

ние величания преподобному его святые мощи были перенесены в центральную часть собора. Сразу начался молебен преподобному Серафиму, после которого Святейший Патриарх и директор музея подписали акт передачи мощей Русской Православной Церкви.

С. А. Кучинский преподнес Святейшему Патриарху образ преподобного Серафима Саровского. Уже позднее, рассмотрев икону, мы увидели, что она весьма необычна. Образ написан как бы в виде плащаницы: преподобный Серафим изображен с закрытыми глазами и сложенными на груди руками. В доске, на которой написан образ, были углубления, прикрытые слюдяными стеклышками. Потерев их, мы увидели, что в верхней части иконы, над нимбом, находятся волосы преподобного; в середине, в груди, — частица мощей, в нижней части, под ногами, — частица то ли обуви, то ли гроба (я не рассмотрел точно); в левой части иконы, где изображена мантия, — кусочек одежды преподобного Серафима.

После завершения акта передачи святые мощи на убранной ковром и украшенной цветами машине были доставлены в Александро-Невскую лавру, где уже собрались духовенство и множество народа. Пропев тропарь и кондак преподобному Серафиму, все запели "Ублажаем тя, преподобне отче Серафиме...". Патриарх на четыре стороны благословил град святого Петра иконой, подаренной директором музея. Вслед за этим, под звон лаврских колоколов и молитвенное пение народа, при всеобщем духовном ликовании святые мощи преподобного Серафима были внесены в Троицкий собор.

И сразу непроизвольно начался благодарственный молебен о возвращении святыни. Было настолько необычно видеть, как Патриарх произносит ектенью, а духовенство с народом поет. Эта великая духовная радость сплотила и сблизила всех, так что все присутствовавшие в соборе единем и усты и единем сердцем пели благодарение Господу.

В Троицком соборе Александро-Невской лавры святые мощи должны были находиться до дня памяти блаженной Ксении Петербургской (24 января/6 февраля 1991 г.). И все это время собор был с утра до вечера наполнен народом: люди шли и шли к преподобному»[205].

6 февраля для перенесения святых мощей на Московский вокзал прибыл святейший патриарх Алексий II. В 22 часа огромный крестный ход начал свой путь к железнодорожному вокзалу. Почти в полночь состав тронулся под песнопения коленнопреклоненных провожающих, певших: «Ублажаем тя, преподобне отче Серафиме».

Епископ Арсений вспоминал: «В самом поезде, в вагоне, где стояла рака с мощами, без всякой договоренности собрались архиереи и духовенство. Началось чтение акафиста преподобному Серафиму, продолжавшееся всю ночь, до самого прибытия поезда в Москву. Сначала читал Святейший Патриарх, а все присутствующие пели. Затем поочередно архиереи и священники...»

Москва встретила святые мощи с не меньшим благоговением, тысячи почитателей преподобного Серафима Саровского заполонили площадь трех вокзалов. Огромная вереница крестного хода сопровождала мощи до Богоявленского кафедрального собора в Елохове, где мощи находились для поклонения до 23 июля.

23 июля в Богоявленском соборе святейший патриарх Алексий II в сослужении более сорока архипастырей совершил Божественную литургию и в 15 часов 30 минут раку с мощами преподобного обнесли вокруг собора, и многотысячный крестный ход направился к храму во имя Святого Никиты Мученика. Откуда автомобильный кортеж отправился в возрождаемую Дивеевскую обитель.

По пути следования вечером, в 18 часов, автомобильный кортеж прибыл в Ногинск. У въезда в город крестный ход с мощами и святейшего патриарха встречали митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, епископ Можайский Григорий, настоятель прихода архимандрит Андриан, руководители города и тысячи горожан. Молебны продолжались всю ночь.

24 июля литургию и молебен у мощей отслужили Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в сослужении архиереев Православной церкви. В 8 часов крестный ход отправился в путь и спустя час прибыл в город Орехово-Зуево. После торжественной встречи раку с мощами отца Серафима пронесли на руках до храма в честь Рождества Богородицы. После Божественной литургии и молебнов крестный ход (уже после 16 часов) отбыл во Владимир.

В 18 часов 30 минут процессия была встречена у древней границы города епископом Владимирским и Суздальским Евлогием, светскими властями и горожанами. Всю ночь рака со святыми мощами стояла в древнем Успенском соборе, и всю ночь и следующие сутки перед мощами совершались молебны с акафистами.

Утром 26 июля после молебна крестный ход отправился далее через Боголюбово и Вязники в Нижний

Новгород. Процессию встречал митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай, светские власти и горожане. Мощи установили в Спасском кафедральном соборе. Двое суток мощи преподобного находились в столице Поволжья. Все это время проходили богослужения и поклонения жителей города и гостей. Наиболее торжественной была литургия утром 28 июля, когда святейшему патриарху сослужили 17 иерархов из различных епархий РПЦ.

28 июля в 18 часов крестный ход отбыл из Нижнего Новгорода в Арзамас, в который прибыл спустя два часа. Торжественная встреча православной святыни состоялась на соборной площади перед Воскресенским собором. Под открытым небом прошло богослужение, а в соборе святейший патриарх совершил наречение настоятеля собора архимандрита Иерофея (Соболева) во епископы Балахнинского, викария Нижегородской епархии.

День 29 июля прошел в торжественных богослужениях и поклонении святым мощам.

30 июля — в здании городской администрации Арзамаса патриарх Алексий II провел пресс-конференцию. Вопросы были самые различные, начиная с благоустройства Дивеева, обеспечения паломников кровом и питанием до того, что такое воскресение из мертвых и т. д. В середине дня патриарх посетил место взрыва близ станции Арзамас-1, где 4 июня 1988 г. погиб 91 человек. Здесь он отслужил панихиду.

В 19 часов 30 минут крестный ход достиг цели своего путешествия — Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря. Во время встречи у Святых врат Дивеевской обители патриарх сказал: «Перевернута последняя страница дивеевской летописи, пришло время исполнения пророчеств: мощи преподобного Серафима отныне упокоятся по его слову в соборе во имя Рождества Пречистой Матери Божией Дивеевского монастыря»[206].

При встрече святых мощей была возжжена свеча самого батюшки Серафима, которую он перед своей кончиной передал Прасковье Семеновне Мелюковой, и эта свеча переходила из рук в руки на протяжении почти 160 лет. Последней хранительницей свечи была матушка Маргарита (Лахтионова) — единственная из дивеевских сестер, бывшая свидетельницей закрытия монастыря в 1927 году и его возрождения в 1991-м. Сохранилось до этого знаменательного часа и немного ладана из запасов батюшки, который

был использован на первом молебне перед Троицким собором Дивеевского монастыря.

31 июля — патриарх Алексий II и сопровождающие его лица посетили закрытый город Арзамас-16, которому еще не вернули имя Саров. Высокопоставленные паломники посетили Ближнюю пустынь, место моления преподобного на камне. Были пропеты величание и тропарь преподобному Серафиму. Далее паломники прошли пешком к Дальней пустыни, и на всем пути Алексия II сопровождало целое море людей. Патриарх отслужил молебен с акафистом и освятил постамент памятника преподобному Серафиму. Сам памятник, работы скульптора В. М. Клыкова, был установлен вечером этого дня.

Далее патриарх посетил городское кладбище и освятил часовню. Она стала первым домом молитвы после долгих лет запустения и скорби на Саровской земле.

В 15 часов Алексий II уже в Дивеевском соборе в сослужении с иерархами совершил малую вечерню с акафистом, а затем всенощное бдение.

Всю ночь продолжались богослужения. 1 августа поздняя литургия прошла под открытым небом. После молебна и крестного хода вокруг собора раку с мощами внесли в собор и установили на вечное упокоение под вновь устроенную сень.

В этот же день в Сарове в Доме ученых ВНИИЭФ состоялась встреча общественности города с патриархом и сопровождающими его лицами. Его Святейшество обратился к собравшимся с речью, ответил на многочисленные вопросы.

Из слова патриарха Алексия II, сказанного после литургии в Дивеевском монастыре 1 августа 1991 года:

— Думаю, что событие, участниками которого мы были, является самым значительным для духовного и нравственного обновления нашего Отечества. Радость нового обретения мощей великого угодника Божия, преподобного Серафима Саровского дана нам для того, чтобы мы принесли покаяние, но одновременно и для того, чтобы дать нам духовную радость, призвать нас к духовному обновлению.

Недалеко то время, когда жил преподобный Серафим: он приходит к нам не как подвижник первых веков христианства, но как родной наш подвижник земли Русской, который здесь ходил, здесь молился, здесь ему явилась Преблагословенная Дева Мария, здесь он принимал приходящих к нему, принимал с радостью и присущей ему любо-

вью. Он учил нас стяжать благодать Святого Духа, которая освящает, спасает и укрепляет каждого, кто с верой и упованием обращается к Богу[207].

Дивеевские сестры всегда с благоговением относились к преподобному Серафиму и бережно сохраняли все, что напоминало им о своем покровителе и благодетеле. И если пустыньки батюшки было невозможно сберечь, то более мелкие реликвии удалось вывезти из обители, и длительное время они находились в руках надежных людей. Последним хранителем реликвий был протоиерей Виктор Шаповальников*, проживавший с семьей в поселке Кратово в Раменском районе Московской области. После кончины матушки Марии (Бариновой)**, у которой находились вещи преподобного, патриарх Пимен благословил взять на себя эту обязанность своему доверенному лицу, каковым был отец Виктор. В Кратове «отец Виктор пристроил к дому специальную "келейку", где отныне хранились икона "Умиление" и ее копия, написанная маслом на холсте святителем Феофаном Затворником и подаренный им Дивеевскому монастырю образ Николая Чудотворца, другие иконы дивеевской работы, большой кусок камня, на котором молился батюшка Серафим. Здесь же находилась скамеечка, обгоревшая от свечки, выпавшей в момент кончины из

---

* *Виктор Георгиевич Шаповальников* (1915—2007) — протоиерей. С 1939 года служил в Красной армии. С началом Великой Отечественной войны оказался в оккупированной румынскими войсками Одессе. Обучался в Одесской духовной семинарии, которую окончил в 1943 году. В этом же году вступил в брак с Марией Борисовной Александровой. 13 сентября 1943 года рукоположен в сан диакона, 1 ноября становится священником. После освобождения советскими войсками в 1945 году оккупированных территорий арестован и по суду отправлен в ссылку на пять лет в Воркуту. В 1947 году после освобождения из лагеря служил по месту рождения — в Архангельске. За свою долгую жизнь отец Виктор сменил много приходов, где его до сих пор вспоминают добрым словом. В течение девятнадцати лет был хранителем дивеевских реликвий и личных вещей преподобного Серафима.

** *Мария* (*Анна Ефимовна Баринова*; 1905—1982) — монахиня. Рано осиротев, была отдана в Дивеевский монастырь, где стала келейницей игуменьи Александры (Траковской). 14 августа 1922 года пострижена в рясофор, 18 февраля 1938 года пострижена в монашество. После закрытия монастыря проживала в Муроме с дивеевскими сестрами. После кончины игуменьи Александры исполняла обязанности начальницы Дивеевской общины в изгнании. Долгое время являлась хранителем дивеевских реликвий и личных вещей преподобного Серафима.

рук преподобного. На шкафу в чемоданчике и в иных местах лежали бахилы, рукавички и другие вещи старца, переданные в свое время из Сарова дивеевским сестрам: мантия, две полумантии (одна из них кожаная), армяк (пальто), епитрахиль, поручи, скуфья, зимняя шапка, рубашка-свитка, рукавицы, лапти, носки, топор, нож, гребень, часть парамана и четок (лествицы), очки. Отдельно сберегалась драгоценная риза с иконы "Умиление", пожертвованная Государем Николаем II, священные сосуды и прочее дивеевское богатство»[208].

5 июля 1991 года, когда уже был возобновлен Дивеевский монастырь и торжественный перенос мощей показал, что процесс возрождения Русской православной церкви становится необратимым, отец Виктор передал патриарху Алексию II икону «Умиление» и богослужебные предметы Дивеевской обители. В 1999 году в Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь переданы остальные реликвии и личные вещи преподобного.

Икона «Умиление» сегодня находится на сохранении в патриаршей резиденции в Чистом переулке, в домовом храме во имя Владимирской иконы Божией Матери. Один раз в год, в праздник Похвалы Пресвятой Богородицы, в субботу, когда читается акафист Божией Матери, икона выставляется для поклонения в Елоховском Богоявленском кафедральном соборе.

Личные вещи преподобного Серафима Саровского после долгих мытарств вернулись в свою обитель, и теперь их можно видеть в витринах, установленных в Троицком соборе, рядом с ракой, в которой упокоились мощи старца.

Еще одно знаменательное событие произошло в истории Дивеевской обители 6 октября 2001 года — на заседании Священного синода под председательством Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II принято решение о включении в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века трех представителей Нижегородской епархии: протоиерея Михаила Гусева (1890 — 20 ноября 1937), инокини Матроны (Власовой; 1889 — 7 ноября 1963), инокини Пелагии (Тестовой; 1878 — 3 ноября 1944)[209].

Глава шестая

И ВНОВЬ САРОВ

После закрытия монастыря в 1928 году в стенах бывшей Саровской обители разместилась Трудовая коммуна № 4 Народного комиссариата труда, где трудом и пряником пытались перевоспитать три тысячи беспризорников. Затем был карантинный лагерь. Причина возникновения системы карантинных лагерей такова. К началу 1930-х годов представителям Коммунистического интернационала стало понятно, что организовать мировую пролетарскую революцию не удается, и всё возрастающее число желающих участвовать в строительстве нового государства рабочих и крестьян предпринимает попытки пересечь границу РСФСР. Естественно, в каждом перебежчике виделся агент иностранной разведки, для выявления нежелательных элементов и организовывались лагеря.

Карантинный лагерь сменил исправительно-трудовой лагерь: в 1930-е годы «поселкообразующей» организацией Сарова являлись исправительно-трудовые учреждения НКВД. Через «Сарлаг» прошли тысячи заключенных — были среди них и матерые уголовники, малолетние преступники, неблагонадежные элементы, беспризорники. Были саровские лагеря Голгофой и для представителей Патриаршей церкви. С октября 1935-го по февраль 1936 года в Сарове пребывал схиархимандрит Игнатий (Лебедев)*: «На-

* *Игнатий* (*Александр Александрович Лебедев*; 1884—1938) — схиархимандрит. По окончании Костромской духовной академии поступил в Казанский ветеринарный институт. После института в 1908 году становится послушником Смоленской Зосимовой пустыни. 18 марта 1915 года пострижен в мантию с именем Агафон. 2 декабря 1918 года рукоположен в сан иеродиакона, 26 сентября 1920-го — в иеромонаха. 5 мая 1924 года возведен в сан архимандрита. 17 января 1930 года пострижен в великую схиму с именем Игнатий. Аресто-

конец, после долгого странствования, я на месте, которое указал Господь — я в Сарове, в стенах бывшей обители! Слава Богу за все случившееся»[1]. Больной паркинсонизмом отец Игнатий находился в лагерном лазарете несколько месяцев до отправки далее по этапу.

26 февраля 1938 года на заседании парткома ВКП(б) исправительно-трудовой колонии был рассмотрен вопрос о необходимости организации поселкового совета. Рост производственных площадей — а это два лесопильных завода, кирпичный завод, завод по производству спортинвентаря, три электростанции – большое коммунально-бытовое хозяйство; сельхоз с посевной площадью, поголовьем скота, пасеками и парком и, как следствие, увеличение населения со всеми вытекающими отсюда проблемами. Убедительно составленная докладная записка способствовала тому, что 4 декабря 1938 года указом Президиума Верховного Совета РСФСР населенный пункт Саров отнесен к категории рабочих поселков Темниковского района с сохранением прежнего наименования[2].

По окончании Великой Отечественной войны жители поселка не подозревали о том, какая им уготована судьба. 9 апреля 1946 года Советом министров СССР принято постановление о создании в рабочем поселке Саров при лаборатории № 2 Академии наук СССР Конструкторского бюро № 11, основной задачей которого были разработка и создание отечественной атомной бомбы.

Несмотря на повсеместное насаждение атеистической идеологии, преследование людей, близких к православию, уничтожение или приспособление храмов под хозяйственные нужды новой власти, молитвенное служение на Саровской земле не прекращалось никогда. Разрушены были строения Дальней и Ближней пустыней, тайно закопан камень преподобного Серафима, но не зарастала тропа под ногами наших дедушек, бабушек, отцов и матерей к местам подвижнической жизни великого старца. На протяжении многих лет проходило необъявленное противоборство между местным населением и представителями власти. Одни ставили самодельные кресты на пустыньках, другие их уничтожали. После нескольких разгонов собравшихся на общую молитву у лесных мемориальных мест народ стал собираться на квартирах воцерковленных людей, знавших порядок церковных служб, или на городском кладбище.

ван 11 апреля 1935 года. Скончался в инвалидном лагере под городом Алатырь Чувашской АССР.

Пока действовал святой источник преподобного Серафима на Ближней пустыньке, он постоянно посещался местным населением. Под стенами монастыря и вдоль речки Саровки было также множество родников, имевших личные имена: Первоначальника, Маркин, Крестной, Назариев. Они просуществовали до середины 1950-х годов. К этому времени значительно увеличился забор артезианской воды для нужд разросшегося города и основного производства. Изменилась гидрогеология местности — где раньше шумел лес, проложили асфальтовые дороги, ливневую канализацию, построили жилые кварталы и, как следствие, уровень подземных вод опустился на десять—пятнадцать метров, и вскоре родниковые устья стали сухими.

Из храмов Саровской пустыни первым пострадала домовая церковь во имя Целителя и великомученика Пантелеимона. Так как она располагалась в жилом корпусе, называвшемся «Больничным» и представляла собой большую комнату, то вскоре все иконы и иконостас были уничтожены, а помещение поделено перегородками для новых жильцов. Это произошло, видимо, в начале 1930-х годов. Сегодня в Сарове, на территории Больничного городка, силами прихожан построен храм во имя Святого великомученика и целителя Пантелеимона. Освящение храма состоялось 16 октября 2004 года.

Второй храм-страдалец — во имя Преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев. В довоенное время он использовался как склад, некоторые умудрялись содержать в стенах храма домашний скот. К началу 1940-х годов храм находился в полуразрушенном состоянии без окон и дверей. В 1942-м он был разобран до фундамента — требовался кирпич для строительных работ. В 1950-х годах на месте храма было построено административное здание. В 2009 году оно разобрано, и в 2010-м состоялась закладка нового храма в честь Преподобных Зосимы и Савватия. Любимый храм старца Серафима отстроен вновь, и 26 мая 2012 года он был освящен митрополитом Нижегородским и Арзамасским Георгием. Верхний придел во имя Преображения Господня освящен 21 декабря этого же года.

Главный соборный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы первоначально использовался как склад, в котором, по воспоминаниям старожилов, хранили коноплю и прочую сельхозпродукцию. Во время войны храм стоял заброшенным, и ученики местной школы бегали туда

за осколками гипса, который использовался вместо дефицитного мела[3]. В 1945 году часовни над местом упокоения преподобного Серафима уже не было. На фотографии этого времени видны только ее развалины. С возникновением секретного объекта храм приспособили под гараж и ремонтные мастерские. Для того чтобы техника могла въехать в здание, четыре колонны у главного входа ломали при помощи трактора, а щебенку ссыпали перед крыльцом, создавая тем самым удобный въезд. Все это не способствовало сохранности здания. В сборнике «История создания ядерного оружия в СССР: 1946–1953 годы (в документах)» в одном из писем от 7 января 1950 года читаем: «Обращает на себя внимание то обстоятельство, что перекрытие, стены и фасады собора находятся в хорошем состоянии. Примечание: по одной из стен собора проходит трещина от карниза до перемычки окна первого этажа. Эта трещина находится в покое третье столетие, т. к. своевременно были положены металлические связи. Здание собора вполне могло быть использовано под торговые или общественные помещения. Например, здание собора можно использовать под универмаг, библиотеку, книгохранилище, включенные в титул капитальных работ на 1950 год. Просите руководство Главка об оставлении здания собора и реконструкции его под торговые или общественные помещения»[4]. На некоторое время храм оставили в покое, но в следующем году в переписке руководства объекта с Москвой появились тревожные нотки: «Докладываю, что здание бывшего собора, в центре поселка, находится сейчас в угрожающем состоянии. С южной стороны стена дала новую вертикальную трещину снизу доверху, которая с каждым днем увеличивается. По мнению наших специалистов, от сейсмических сотрясений и, главным образом, от воздействия ударных волн, возникающих при подрывных работах, которые у нас ведутся, здание собора в теперешнем его состоянии представляет угрозу для соседних зданий и для прохожих»[5]. Судьба собора была предрешена — в начале июля 1951 года он был взорван. В течение лета строители разбирали руины храма. Многие дома и бараки Заречной части города Сарова стоят на фундаменте, сложенном из освященного кирпича и бутового камня разрушенного собора.

Потребность в возрождении главного собора Свято-Успенского мужского монастыря Саровская пустынь ощущалась давно — возобновленный монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы существует уже десять

лет, а главного престола до сих пор нет. Летом 2004 года на месте взорванного Успенского собора начались археологические раскопки, целью которых было определение месторасположения часовни над местом погребения преподобного Серафима и последующее ее восстановление (руководитель работ главный археолог московского Научно-проектного реставрационного предприятия «Симаргл» Е. Л. Хворостова). Уже к осени 2004 года на своем историческом месте установили металлический каркас (эскизный проект часовни и ее подземной части выполнил архитектор «Симаргла» М. М. Ермолаев). Окончательно часовня была воссоздана в 2006 году и 30 сентября освящена владыкой Георгием. «Еще несколько лет назад, посещая эти святые места, мы видели разрушения, которые здесь произошли, — сказал архиепископ Георгий. — Казалось, пройдет много времени, прежде чем мы сможем их воссоздать. Но Господь нам показал, что для Бога все возможно. В этом году начал возрождаться Саровский монастырь, и мы имеем веру, надежду и упование, что он возродится в своем былом великолепии». В 2007 году НПРП «Симаргл» продолжило археологические раскопки на монастырской площади, в ходе которых были выявлены границы заложения фундамента Успенского собора, что позволило 1 августа 2016 года Святейшему патриарху Московскому и всея Руси Кириллу положить первый кирпич в основание возрождаемого собора.

У второго монастырского собора во имя Пресвятой Богородицы и Ее Живоносного Источника, судьба не менее трагическая. После закрытия монастыря в храме расположились учреждения советской власти. С 1928 по 1931 год здесь находилось управление трудовой коммуны. «До войны и во время войны на втором этаже размещались общежитие, столовая, кухня, ремесленное училище... На первом этаже находились какие-то склады, а с северной стороны, в приделе, был маленький продуктовый магазин»[6]. Несколько лет первый этаж занимало Стройуправление № 585, возводившее город и секретные объекты. Большое подвальное помещение, использовавшееся как склад, в 1950 году было переоборудовано под столовую. В июле 1954 года собор был взорван, по официальной версии — мешал прокладке автомобильной дороги по монастырской площади. В настоящее время археологами выявлено место заложения фундамента собора. Восстановление собора — вопрос времени.

Официальное признание существования православ-

ной жизни в городе Сарове* произошло не сразу. Горожане Арзамаса-16 «благодаря» особому статусу города не могли быть среди первых. Примером послужило село Дивеево, где 22 апреля 1989 года возобновились богослужения, затем осуществлено освящение Троицкого собора и упокоение в нем мощей преподобного Серафима.

Для Сарова эти события не прошли бесследно. По молитвам преподобного изменилось отношение властных структур города и Министерства по атомной энергетике к проблемам жителей, пытавшихся добиться разрешения на регистрацию православного прихода. 16 сентября 1991 года приход был зарегистрирован, а весной следующего года приехал священник Владимир Алясов**. Богослужения проводили в теплое время в часовне на городском кладбище, а с наступлением холодов переходили в подвальное помещение многоквартирного дома. В день Святой Троицы в 1992 году директором ВНИИЭФ Владимиром Белугиным*** утвержден «Акт о передаче городскому православному приходу здания бывшей церкви Всех Святых»****.

---

* В 1995 году указом президента Российской Федерации городу возвращено историческое наименование Саров.

** *Владимир Алясов* (1947—2014) — протоиерей. 15 февраля 1988 года рукоположен в сан диакона. 12 ноября 1989-го — в сан иерея. Первый священник и настоятель православного прихода в Арзамасе-16. Период его служения на Саровской земле — с 1 апреля 1992-го по 26 октября 1995 года.

*** *Владимир Александрович Белугин* (1931—2002) — директор ВНИИЭФ, затем РФЯЦ-ВНИИЭФ (с 1987 по 1996 год), лауреат Государственной премии (1969), почетный гражданин города Сарова (1999). В 1955 году окончил Казанский авиационный институт. С 1956 года работал инженером-технологом на третьем производстве КБ-11, руководителем группы, начальником отдела, заместителем главного инженера, главным инженером — первым заместителем директора, директором ВНИИЭФ. Принимал активное участие в разработке и испытании зарядов и боеприпасов для различных видов вооружений. В сложный период «перестройки» сохранил научно-технический потенциал института и его высококвалифицированные кадры, обеспечившие выполнение всех обязательств перед государством. В начале 1990-х годов принимал активное участие в восстановлении исторического наследия и духовной жизни города. Труд Владимира Александровича отмечен орденами Трудового Красного Знамени (1969), «За заслуги перед Отечеством» IV степени (1995), Октябрьской Революции (1981), медалями «За трудовую доблесть» (1962) и «300 лет Российскому флоту».

**** После закрытия монастыря храм Всех Святых использовался как склад, во время войны — продовольственный магазин, в 1950-е годы — ресторан, с 1961 года — магазин по продаже хозяйственных товаров.

После проведения восстановительных работ 6 февраля 1993 года митрополит Николай (Кутепов) совершил чин великого освящения храма. С этого времени православный приход начал активно развиваться. Сегодня в Сарове действуют три прихода, в распоряжении которых находятся пять храмов. Кроме упомянутых храмов Великомученика Пантелеимона и Всех Святых в 2000 году прихожанам передан храм Илии Пророка, освященный в цокольном этаже бывшего храма во имя Иоанна Предтечи. В 2006 году восстановлен и передан приходу верхний храм во имя Иоанна Предтечи*. 28 июня 2013 года состоялось освящение храма во имя Иова Многострадального на городском кладбище.

1990-е годы можно отметить как годы становления приходской жизни на Саровской земле. 2000-е годы прошли под знаком возрождения монашества и монастыря Саровская пустынь. 2003 год памятен как год празднования столетия канонизации преподобного Серафима Саровского и возрождение монашеского служения на Саровской земле. В 2002-м здание бывшего храма во имя Преподобного Серафима, которое долгие годы использовали как склад, клуб, а с 1949 года как театр, передано Русской православной церкви, и начались восстановительные работы. Совместные усилия священноначалия, руководителей государственной власти всех уровней, высококвалифицированных специалистов, рабочих и простых жителей города позволили завершить восстановление храма к дням празднования столетия канонизации преподобного Серафима. Восстановлена была и келья преподобного внутри храма на сохранившемся фундаменте (проект разработан архитектором-реставратором московских Центральных научно-реставрационных мастерских С. В. Демидовым).

Вечером 29 июля 2003 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II прибыл в город Саров. В этот же день с многочисленным крестным ходом из Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря в Саров были принесены святые мощи преподобного Серафима и установлены в храме возле амвона. Три июльских дня и две ночи шел нескончаемый поток жителей города к цельбоносным мощам преподобного, с надеждой на заступ-

* Храм во имя Иоанна Предтечи в советское время был перестроен под общежитие, на трех этажах которого проживали «стахановцы», затем молодые специалисты объекта. В последнее время помещение занимал один из отделов ВНИИЭФ. В цокольном этаже находились водокачка и мастерские.

ничество и помощь. 30 июля патриарх возглавил чин освящения воссозданного храма во имя Преподобного Серафима Саровского. После долгих лет запустения в храме была отслужена первая Божественная литургия, которую возглавил предстоятель Русской православной церкви. В этом величайшем духовном празднестве ему помогали патриарх Сербский Павел и архиепископ Вашингтонский, митрополит всей Америки и Канады Герман, а также представители братских Поместных православных церквей, архиереи — члены Священного синода Русской православной церкви, священнослужители, прибывшие на торжества.

31 июля 2003 года на торжества прибыл президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. В присутствии главы государства патриархом Алексием II на площади перед монастырской колокольней, у раки с мощами святого угодника, был отслужен торжественный молебен преподобному Серафиму. По окончании молебна святейший патриарх обратился к участникам торжеств с приветственным словом:

«Ваше Превосходительство!
Глубокоуважаемый господин Президент
Владимир Владимирович Путин!
Ваше Святейшество! Ваше Блаженство!
Собратья-архипастыри! Дорогие отцы, братья и сестры!

Сто лет назад на Саровской земле был прославлен великий Угодник Божий — преподобный Серафим Саровский. Тогда вместе со множеством народа здесь молился Император Николай Александрович. Промыслом Божиим сегодня, спустя ровно век, Саров вновь встречает Главу Российского государства — Президента Владимира Владимировича Путина. Нынешнее торжество является знаком единения Церкви, народа и власти, единения, искусственно прерванного трагической историей XX века, но теперь восстанавливаемого молитвами преподобного Серафима и нашими общими трудами... Шествуя по пути, которым шли наши предки, мы сможем создать Святую Русь и изменить к лучшему самих себя, преобразить окружающий мир и, самое главное, достигнуть нетленного Божиего Царства. Путь сей труден, но тем, кто идет по нему, споспешествует Сам Господь, помогают Его святые угодники. Наша Отчизна, избравшая этот путь более тысячи лет назад, да возвратится на него и да шествует по нему твердо, неукоснительно, с верою, правдой, мужеством и любовью. Молитвами преподобного и богоносного отца нашего Серафима Са-

ровского Господь да благословит и помилует всех вас, дорогие мои!»[7]

Торжества в честь столетия прославления в лике святых преподобного Серафима имели громадное значение для государства и общества, благотворные результаты которого ежегодно умножаются. 2003 год стал переломным и в становлении монастыря Саровская пустынь — при храме Преподобного Серафима начал свою пастырскую деятельность иеромонах Иоасаф (Подгоров), сразу снискав любовь и уважение горожан.

В 2004 году на общероссийском уровне прошло празднование 250-летия со дня рождения преподобного Серафима. Решение о признании даты рождения старца Серафима в 1754 году* принято священноначалием после ознакомления с доводами, которые были приведены в 2002 году в труде автора этой книги[8]. Основные торжества проходили в Курске — городе, в котором родился преподобный, и в Сарове — духовной родине старца. Полномочный представитель президента России в Центральном федеральном округе Г. С. Полтавченко огласил приветствие В. В. Путина участникам торжеств в Курске:

«Приветствую участников юбилейных торжеств, посвященных 250-летию со дня рождения святого преподобного Серафима Саровского. История нашего государства наполнена славными ратными, трудовыми и нравственными подвигами, которые и сегодня укрепляют духовные силы народа. И таким ярким примером беззаветного служения своему Отечеству, ценностям добра, справедливости, милосердия является подвижническая жизнь преподобного Серафима Саровского. Нынешний юбилей стал продолжением празднования столетия канонизации святого Серафима, которое отмечалось в минувшем году в России и во всем православном мире. Эти торжества наглядно показали стремление людей к возрождению глубоких культурных традиций и единению общества»[9].

2006 год — особый в истории Свято-Успенского мужского монастыря Саровская пустынь — это трехсотлетний юбилей со дня ее основания и год возобновления, после долгих лет запустения. 17 июля 2006 года Священный синод Русской православной церкви постановил благословить открытие мужского монастыря в Свято-Успенской Саров-

* Предположений было много, назывались 1754, 1758, 1759, 1761 годы.

ской пустыни, наместником назначен иеромонах Варнава (Баранов)*. За годы, прошедшие с того памятного дня, сделано очень многое. На Дальней пустыни преподобного Серафима воссоздана келья. На Ближней пустыньке построен и освящен 27 августа 2006 года архиепископом Нижегородским и Арзамасским Георгием храм в честь Сошествия Святого Духа. 6 сентября 2011 года владыка совершил чин Великого освящения пещерного храма во имя Преподобных Антония и Феодосия и Всех Святых Отцов Киево-Печерских. В 2012—2014 годах проводились реставрационно-восстановительные работы на монастырской колокольне**. 22 февраля 2013 года состоялось освящение надвратной церкви во имя Святителя Николая Мирликийского.

Сегодня в истории монастыря каждый день созидательный. Под наблюдением наместника монастыря игумена Никона (Ивашкова) работы на монастырской площади не прекращаются ни на один день. При помощи благотворителей, Российского федерального ядерного центра ВНИИЭФ, администрации города и простых жителей все идет к тому, что в скором времени монастырь будет полностью восстановлен. Это будет уже не затерянная среди бескрайних лесов пустынь, а городской монастырь с особыми режимными условиями. О сосуществовании Российского федерального ядерного центра и православной обители на встрече с молодежью в Нижнем Новгороде в 2009 году святейший патриарх Кирилл сказал: «Дурным было закрытие Саровской обители, но благодаря ядерному центру, его помощи, обитель стала возрождаться. Не случайно, что под покровом Серафима Саровского и его обители страна получила возможность быть защищенной и избежать третьей мировой войны». В этом «реально обрел воплощение Божий промысел»***. Божиим промыслом объясняется и упокоение мощей преподобного Серафима Саровского в Свято-Троицком Серафимо-Дивеевском монастыре — по слову великого старца и по государственной необходимости.

---

* Ныне епископ Выксунский и Павловский, священноархимандрит Свято-Успенской Флорищевой пустыни.

** В советский период с колокольни были сняты колокола и часы, в ней было установлено радиотрансляционное оборудование.

*** www.newsru.com/religy/11sep2009/kirill_nn.html

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

СКАЗАНИЕ О ЖИЗНИ И ПОДВИГАХ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ОТЦА СЕРАФИМА, САРОВСКОЙ ПУСТЫНИ ИЕРОМОНАХА И ЗАТВОРНИКА

Москва:
В Университетской типографии,
1841 год

Печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании, до выпуска из Типографии, представлено было в Цензурный Комитет узаконенное число экземпляров.

30-го Сентября 1841 года.

Московская Духовная Академия.

Цензор, В Семинарии Ректор *А. Агапит.*

Апостол Павел говорит: Поминайте Наставники ваша, иже глаголаша вам Слово Божие, их же взирающее на скончание жительства, подражайте вере их (Евр. 13, 7). Посему, благоговея к почившему в Бозе Старцу за его примерныя добродетели, я вознамерился кратким писанием предать памяти его жизнь и подвиги. Я буду повествовать, частию то, что он мне сам сказывал по особенной ко мне доверенности и любви, в разныя времена моего сожительства с ним. Наблюдая за его жизнию, я записывал в свое время и его краткия наставления, которыя он мне и приходящим давал. Таким образом составилось следующее краткое жизнеописание.

*И. С.**

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ОТЦА СЕРАФИМА, САРОВСКИЯ ПУСТЫНИ ИЕРОМОНАХА И ЗАТВОРНИКА

Местом рождения сего добльственнаго подвижника благочестия был губернский город Курск. Родился он 1759 года Июля 19-го дня. Отец его был Курский купец Исидор, по прозванию Мошнин, мать Агафия. При крещении наречено

* Иеромонах Сергий (Васильев).

ему было имя Прохор. Спустя три года после его рождения, отец его Исидор скончался. Как при жизни своей он занимался строением церквей, так и умирая оставил, начатое им в городе Курске, созидание каменнаго храма во имя великаго Чудотворца, Преподобнаго Сергия, на попечение жене своей Агафии, под надзором которой в последствии времени оное и довершено. Во время строения сего храма однажды Агафия пошла на церковное здание, взявши с собою и сына своего, которому было тогда около семи лет, — и как взошла на здание, то он, отлучась от нея, по детской неосторожности, упал с высоты здания на землю. Мать, увидевши сие, поспешила сойти вниз, и думала найти его уже мертвым; но к удивлению нашла его стоящим на ногах и совершенно невредимым. Благочестивая мать усмотрела в сем особенное действие Промысла Божия, сохранившаго отрока, и со слезами благодарила за сие Господа Бога.

По времени отрок Прохор отдан был для обучения чтению и письму. Он был прилежен и показывал остроту ума.

Когда было ему около десяти лет, случилась с ним болезнь, которою он одержим был долгое время. Священнослужителям тамошняго Знаменскаго монастыря случилось идти с Курскою Чудотворною Иконою Божия Матери по городу тою улицею, на которой находился дом родителей Прохора, и как в то время был сильный дождь, от котораго произшедшая грязь и топь препятствовали далее нести Икону улицею; то для удобнейшаго шествия понесли Ее чрез двор Прохора. Мать Прохорова, увидевши сие, и обрадовавшись сему внезапному случаю, вышла в сретение Чудотворныя Иконы Божия Матери, неся на руках и больнаго отрока Прохора; она поднесла его к Иконе и дала ему приложиться к оной. Посеем Чудотворная Икона перенесена была чрез него, и в то же время отрок получил чудесное и совершенное изцеление, за которое мать с сыном своим приносила Заступнице и Исцелительнице усердное благодарение.

От сих благодатных действий и чудеснаго изцеления в отроке Прохоре возгорелось пламенное усердие к Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери. Воспламеняясь более и более сею ревностию, он решился наконец оставить дом, имение, мать, брата и свою родную страну, и посвятить себя жизни иноческой; почему на 18-м году от рождения своего и получил себе от Курскаго Общества увольнение в звание иноческое.

Прежде поступления своего в монастырь, Прохор пошел в Киев для поклонения Святым Мощам, и возвратясь оттуда, пришел в Саровскую пустынь 1778 года 20-го Ноября, накану-

не Введения во Храм Божия Матери, при строителе обители, Иеромонахе Пахомие, и определился в число послушников.

По вступлении в обитель проходил он разныя послушания, как-то: будильщика, просфорника, занимался столярною работою, и, по обычаю оной Пустыни, имел келейное занятие резать кипарисные кресты. При построении в то время больничной церкви, он из усердия сделал престол своими руками из кипариса.

В 1780 году, будучи послушником, он сделался болен. Особенное смотрение за ним тогда имел оной Пустыни Казначей Иеромонах Иосиф. Как Прохор от болезни пришел в крайнее изнеможение сил, так что опасались и за жизнь его; то Строитель Пахомий предлагал ему призвать лекаря, или отворить кровь. Но Прохор отвечал ему: я предал себя Истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу, и Пречистой Его Матери, Преблагословенной Деве Марии. Строитель, услышав сие, более не напоминал ему о лекарствах. Казначей же Иосиф, по любви своей к болящему, предложил Строителю, что желает он о здравии Прохора совершить всенощное бдение и литургию, и приобщить его Святых Тайн, на что Строитель и согласился. По отслужении Казначеем Иосифом всенощнаго бдения и литургии, Прохор был приобщен тела и крови Господней, принесенных ему в келлию после литургии, и в таком положении оставлен.

В следующую ночь сподобился он Божественнаго некоего посещения, и получив облегчение от болезни, в скором времени совершенно выздоровел.

1786 года Августа 13-го дня, по Указу Святейшаго Синода, пострижен он в монашество Строителем, Иеромонахом Пахомием, и дано ему имя Серафим. Приняв новое имя Ангельское, он отвратил очи свои, еже не видети суеты, и изменяясь изменением Божественным, направил путь свой внутренним вниманием и умным Боговидением к вечному солнцу правды, Христу Богу, имя Коего носил он непрестанно в сердце и устах своих; с горящим усердием он начал подвизаться о приближении любовию ко Господу, и деятельным образом узнал, что любовь возвышает ум наш к Богу, и Бог нисходит к нам, как и Сам Спаситель сказал: Любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его, и являюся ему Сам (Иоанн. 14, 21). Во время соборной молитвы с братиею, он предстоял Господу со вниманием, непоколебимо, как телом, так и духом.

1787 года в Декабре месяце посвящен он во Иеродиакона Преосвященным Виктором, Епископом Владимирским и Муромским. Приняв сие священное служение, он усугубил ревность и усердие к Господу Богу и к Святой Его Церкви, так

что в продолжении трех лет со времени посвящения в сию степень, то находился он в чину чреды у поздней литургии, то служивал в ранних литургиях по разным храма обители, и после каждой службы занимался, то приведением в порядок Священной утвари, то попечением о чистоте олтаря. Усердие его к храма Божиим было столь велико, что часто целые дни препровождал в оных, следуя гласу Пророка: Изволих приметатися в дому Бога моего паче (Псал. 83, 11). Он там упражнялся в Богомыслии и чтении Божественных книг, и оттуда поучаяся Божественному разуму, собирал в ковчег сердца своего сокровище духовное.

Имея ум, очищенный от страстей, он неоднократно удостоивался духовных видений.

Будучи Иеродиаконом, он имел уже пустынную келлию, в разстоянии от монастыря в пяти верстах. В нее хаживал он для уединенной нощной молитвы, днем же всегда находился в монастыре.

1793 года Сентября 2-го дня посвящен он в Иеромонаха Преосвященным Феофилом, Епископом Тамбовским и Пензенским, при Строителе Пахомии. По получении новой благодати Духа Святаго, он еще с большею любовию стал подвизаться ради Господа Бога, полагая восхождения к Нему в сердце своем. Принося Богу безкровную жертву, он вместе с сим приносил и самого себя в жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение (Рим. 12, 1).

От непрестаннаго в церкви стояния, Отец Серафим получил опухоль в ногах. По причине каковой болезни, а более, по склонности к уединенной жизни и по любви к совершенному безмолвию, он начал просить у Настоятеля Иеромонаха Пахомия благословения на жизнь пустынную или отшельническую, в подражание древним пустынножителям. Получив от Настоятеля благословение, удалился в пустынную свою келлию в 1794 году осенним временем.

По вступлении в жизнь отшельническую, телесныя его упражнения состояли в возделывании гряд для саждения картофеля и других овощей, также в приготовлении дров для топления келлии. Чрез каковое трудолюбивое упражнение, и болезнь, бывшая в ногах миновалась. Душу же насыщал он чтением Священнаго Писания Ветхаго и Новаго Завета, Иоанна Лествичника, Василия Великаго, Ефрема Сирина, Добротолюбия и творений прочих Святых Отцев, очищая чрез сие мысль свою на Боговидение и творя ее зерцалом Духа Святаго. Правилом его в пустыне было: каждый день прочитывать по нескольку зачал из Евангелия и Апостола, и исправлять по Церковному Уставу весь порядок службы неопустительно без

всякой перемены; в ночное время много занимался молитвою и поклонами; сон его был весьма короткий. Накануне какого-либо праздника или воскреснаго дня всегда приходил он в монастырь, где слушал вечерню, всенощное бдение и в самый праздник приобщался Святых Тайн у ранней литургии. После литургии до вечерни принимал в монастырской своей келлии приходивших к нему, пользы ради душевной, братию; старшим из них давал полезные советы, а младшим делал отеческия наставления. Во время же вечерни, взяв хлеба на неделю, возвращался в отшельническую свою келлию. Он имел обычай всегда приходить в обитель на первую неделю Святаго Великаго поста; во всю оную седмицу до субботы он ничего не вкушал, да и пищи приносить не приказывал. Живя в пустыне, такою объят он был любовию к воздержанию, что просил у Настоятеля благословения питаться одним картофелем и другими овощами, которые он сам садил у келлии своей; и после того питался три года одним картофелем, овощем и снитью. Некоторые из послушников обители хотели было с ним вместе жить; но не могши понести пустынной жизни и великих его трудов, возвращались паки в обитель.

Простираясь к вящему подвигу, он возымел ревность стоять на камне, в подражание Преподобному Симеону Столпнику. Камней, на которых он стоял, было два, — один находился в его келлии, другой в лесу на половинном разстоянии от обители к его келлии. Образ стояния его был таковый: на одном камне, что был у него в келлии, стоял он с утра до вечера, сходя с него только для принятия пищи, какую приносил ему усердствовавший к нему брат из монастыря; на другом же стоял с вечера до утра с воздетыми горе руками, взывая к Господу Мытаревым гласом: Боже, милостив буди мне грешному. В таковом подвиге он находился тысячу дней и тысячу ночей; от чего все тело его изменилось, волосы сделались на голове подобны войлоку, а в ногах получил болезнь, которая продолжалась до самой его кончины. Подвиг сей проходил он так тайно, что в продолжение его стояния никто не знал о сем. В последствии же времени открылся он о том некоторым из братии. Один брат, будучи поражен удивлением о таковом его подвиге, возразил старцу, что это превосходит силы человеческия; Старец же, указав ему на пример Симеона Столпника, присовокупил: сей подвижник благочестия сорок семь лет стоял на Столпе, а мои труды похожи ли на его подвиг? Тогда оный брат спросил старца: конечно, в этом подвиге для тебя ощутительна была помощь укрепляющей благодати? Иначе не достало бы сил человеческих, отвечал Старец; внутренно подкреплялся и утешался я тем небесным даром, который снисхо-

дит свыше от Отца Светов, и, помолчав, присовокупил: когда умиление есть, то с нами Бог.

В продолжение пустыннаго его жития, приходящим к нему из монастыря братиям, для посещения и принятия пользы от его советов, давал он иногда наставления, сообразныя требованию каждаго, а иногда, желая сохранить безмолвие, от приходящих удалялся, или, ничего не говоря, падши ниц на землю, не вставал до тех пор, пока пришедшие к нему оставляли его в любезном для него безмолвии. Исконный враг, Диавол, не терпя видеть таковых доблественных подвигов Старца, делал ему разныя искушения, особенно ночью, во время молитвы, такое сильное делал нападение, что поднимал его на воздух, ударял об пол так сильно, что ежели бы не помощь Божия подкрепляла его, то от таковых ударов и кости могли бы сокрушиться. А потому он тем, кои требовали его совета для прохождения жизни пустынной, говаривал, что живущему в пустыне должно быть как бы распятому на кресте, и что в монастыре живущие борются с противными силами, как бы с голубями, а в пустыне, как со львами и леопардами.

Но сколько ни старался Диавол воспрепятствовать доблестному сему подвижнику в его течении и удалить от жизни уединенной, однако все усилия его остались тщетны: ибо таковыми искушениями ничего успеть не мог; напротив, сам от него был побежден, и принужден был со стыдом отступить от него, не произведши изменения в трезвении ума его.

Но когда Диавол не мог сам по себе причинить твердому отшельнику никакого вреда: то употребил на сие орудием злых людей. 1804 года 12-го Сентября пришли к Старцу три человека из соседних крестьян. Он был в это время в своем огороде. Крестьяне приступили к нему и требовали от него денег, говоря, что к тебе ходят мирские люди и носят деньги. Он им отвечал, что я ни от кого ничего не беру; но они, не поверяя его словам, положили вынудить требуемое насильственным образом. Один из них сначала ударил его в голову так крепко, что у него пошла из уст и ушей кровь, — потом били его смертельно и, связав ему руки и ноги, притащили его в сени его келлии, где до тех пор били, пока сочли его уже умершим. По таковом бесчеловечном поступке они осматривали все у него в келлии и, не нашедши ничего, кроме скудных съестных припасов, удалились. От сих смертельных ударов он едва мог придти в чувство и кое-как развязать себя. На другой день весь израненный с большим трудом пришел в обитель во время литургии. Он был весь окровавлен, волосы его были смяты и смешаны с сором, руки избиты, уста запеклись кровию и несколько зубов было выбито. Увидев его братия в таком жалком положении,

ужаснулись и спрашивали, что с ним случилось? Он просил их позвать к себе Строителя и Казначея, которым все случившееся с ним объявил. Строитель Исайя и Казначей очень о сем сожалели. После того узнаны были те крестьяне, которые его избили; но он, простя их, упрашивал Настоятеля, чтоб и он никакого с них взыскания за сие не делал; в противном случае лучше он соглашался, чтоб его из обители выслали, нежели им какое-либо оскорбление нанесли. Так он был незлобив и отпущал обиды врагам своим! По некотором времени, предстательством Божия Матери, как он о сем открыл одному из братии, получил он от тех причиненных ему побоев исцеление. После сего просил он у Настоятеля позволения паки возвратиться в свою отшельническую келлию. Настоятель, по совету братии, уговаривал его остаться навсегда в монастыре, опасаясь подобных случаев; но он отвечал, что не страшится таких нападений; ибо решился претерпевать все оскорбления, какия бы ни случились, подражая Мученикам, страдавшим за Господа нашего Иисуса Христа. Настоятель, видя твердость его духа, оставил его при его желании, и он возвратился в свою пустынную келлию.

К Строителю Исайи Отец Серафим имел великое уважение и любовь: ибо Исайя воспринимал его при пострижении в монашество от Евангелия, и был ему духовный Отец. Посему по смерти сего Строителя, скончавшагося 1807 года, лишение коего было для него великою потерею, он предал себя совершенному безмолвию, и ни с кем не говорил, пребыв в молчании около трех лет. Удрученный летами Старец и изнуренный от долговременных подвигов, постепенно ослабевал в силах своих, так что уже не мог по прежнему обычаю приходить в монастырь в праздничные дни для приобщения Святых Тайн. Сие побудило его переменить пустынную жизнь. По благословению Строителя Нифонта, он оставил пустынную свою келлию, пробыв в ней около шестнадцати лет, и переселился в монастырь 1809 года Майя 9-го дня. Настоятель и братия весьма обрадовались его переселению: ибо могли всегда его видеть и пользоваться примером его благочестивой жизни.

По вступлении в монастырь, он затворился в своей келлии и опять, по прежнему своему обычаю, предал себя безмолвию и уединению, в течение пяти лет никого почти не принимая ни из братии, ни из посторонних посетителей. Он не хотел требовать для себя даже нужных потребностей. В его келлии не было огня; волосы на голове свалялись так, что едва ножницами кое-как могли подстричь их и снять наподобие шапки. Одежда его была всегда одинакова. На теле своем носил он вериги. Умертвив в себе ко всем мирским прелестям жела-

ние, он всегда пред очами имел память смертную, по учению Иисуса сына Сирахова: Помни последняя твоя, и во веки не согрешиши (Сирах. гл. 7. ст. 39). Он упросил сделать себе дубовый гроб и поставил его в сенях своей келлии, у котораго часто моляся, всегда готовился к исходу от здешней к вечной жизни, и сидел в келлии своей как во гробе, подобно живому мертвецу. Редкие из братии могли его видеть и с ним беседовать. Он приходящих к нему учил ходить в церковь неопустительно, заниматься умною молитвою, проходить послушание, какое Начальников будет возложено, и стараться паче всего быть мирну. Нужная же пища для него приносима была чрез одного, живущаго с ним, брата в его сени и тут поставляема. Так приносили ему оную до самой его кончины. Часто случалось, что кто нибудь из братии заставал его в келлии на молитве или в чтении, и, желая воспользоваться его наставлениями, предлагал ему разные вопросы; но он, не обращая на его слова никакого внимания, оставался при своем занятии, и пришедший к нему брат принуждаем был удалиться, не получив от него никакого ответа на предлагаемые вопросы. Таково было его безмолвие и углубление в самого себя!

Во время пребывания в затворе имел он следующее келейное правило. Начиная с вечера субботняго и в самый воскресный день отправлял службу всю воскресную, которую положено исправлять в Уставе Церковном; в понедельник прочитывал все Евангелие от Матфея, во вторник от Марка, в среду от Луки, в четверток от Иоанна, в пяток отправлял службу Кресту Господню по Церковному Уставу, в субботу Всем Святым; сверх сего полагал по тысяче поклонов каждый день вместо правила, которое содержит Саровская Пустынь, и упражнялся в умной Иисусовой молитве.

Святыя Тайны для приобщения его, по благословению Настоятеля, приносимы были к нему в келлию в воскресные и праздничные дни от ранней литургии. Приобщаться Святых Тайн тела и крови Господней поставлял он для себя столь вожделенным, что не пропускал ни одного праздника и воскреснаго дня не сподобившись сея Святыни. Да и других к тому же побуждал, чтоб не пропускали ни одного годоваго праздника, не очистив совести своей исповедию и не омыв грехов своих кровию Господа нашего Иисуса Христа.

После пятилетней безмолвной жизни, убежден будучи просбами некоторых посетителей, Отец Серафим начал принимать и посторонних. Первый принял от него благословение бывший Тамбовский Губернатор, посетивший обитель 1815 года в Сентябре месяце. С сего времени Старец не отказывал никому, кто только желал принять от него благослове-

ние и воспользоваться его советами; а потому и посетителей время от времени более и более умножалось. Многие из дальних мест начали приходить к нему для принятия от него благословения и полезных советов. Приходящих к нему он благословлял и делал им краткия поучения, смотря по душевным нуждам каждаго. При сем он имел обыкновение приходящим к нему раздавать антидор и мелко искрошенные благословенные хлебы; и все принимали от него оные с благоговением, почтением и любовию. В затворе пробыл он семнадцать лет. От столь долгаго пребывания в затворе пришел он в крайнее изнеможение и особенно стал чувствовать сильную головную боль; почему и спросил врачей, каким бы образом можно было ему облегчить болезнь, и хотя несколько возстановить свое здоровье. Они советовали ему или открыть кровь или выходить на воздух. А как он во всю жизнь свою не лечился; то и избрал последнее. Но так как он положил себе за правило, чтоб ничего не предпринимать, не получив какого-нибудь извещения свыше; то и в сем случае открыл он в молитвенном возвышении к Господу Богу намерение свое и просил на сие Божественнаго извещения, которое и получил. Почему 1825 года Ноября 25-го дня, в память святителей Климента Папы Римскаго и Петра Александрийскаго, в первый раз вышел он из затвора в лес. За дальностию разстояния первой келлии, он построил себе другую поближе при речке Саровке, от обители разстоянием около двух верст, где имел он отдохновение во время дневных трудов, и приносил Всевышнему молитвы. С тех пор он, кроме праздников и воскресных дней, каждый почти день ходил в лес, и там занимался то приготовлением дров для топки келлии, то возделыванием грядок для саждения картофеля, и к вечеру всегда возвращался в обитель. Во время хождения из лесу в келлию и из нея в лес, он имел обыкновение носить в мешке на себе камни, и на вопрос, для чего он их носит, отвечал: я, по Ефрему Сирину, томлю томящаго мя. Во время таковаго его уединения многие из братии слышали его часто поющим Антифон: Пустынным непрестанное Божественное желание бывает, мира сущим суетнаго кроме. Сие пение было не простое биение воздуха, но было выражением сердечнаго его чувствования; ибо он сие делал в восторге духа.

По выходе своем из затвора для приобщения Святых Тайн, он начал ходить к ранней литургии в больничную церковь, и после литургии паки возвращался в свою келлию, сопровождаем будучи множеством посетителей, желающих принять его благословение и получить пользу душевную. С сего времени усердствующих к нему так сделалось много, что каждый день, особенно летом, иные приходили к нему к пустынной келлии

его, а другие дожидались в монастыре, чтоб видеть его, принять от него благословение и услышать назидательныя наставления.

Память его была острая, ум очищенный и дар слова обильный. Беседы его столь были действенны и утешительны, что всякий слышавший оныя находил в них душевную для себя пользу, — и некоторые среди собрания признавались, что беседы его снимали с очей их как бы некоторую завесу, озаряли умы их светом духовнаго просвещения, и возбуждали в душе решительную перемену на лучшее. Все свои слова и разсуждения он основывал на Слове Божием, и подтверждал их наиболее местами из Новаго Завета. По чистоте духа своего имел он дар прозорливства; иным, прежде объяснения ими своих обстоятельств, давал наставления, прямо клонящиеся ко внутренним их чувствованиям и мыслям сердечным. Особенную он имел любовь и почтение к тем Святителям, которые были ревнителями веры Христианской, как то: к Клименту Папе Римскому, Иоанну Златоустому, Василию Великому, Григорию Богослову, Афанасию Великому, Кириллу Иерусалимскому, Епифанию Кипрскому, Амвросию Медиоланскому и прочим подобным им, называя их столпами Церкви; часто приводил их в пример твердости и непоколебимости в вере. Убеждал твердо стоять за истину догматов Восточной Церкви, приводя также в пример Марка Ефесскаго, показавшаго особенную ревность в защищении Восточно-Кафолической веры на Флорентинском Соборе. Сам предлагал наставления о православии, объясняя, как оно нужно, в чем оно состоит, и как надобно защищать его. Любил говорить о Российских Святителях Алексие, Ионе, Филиппе, Димитрие Ростовском, Стефане Пермском, о Преподобном Сергие Радонежском и других Российских угодниках Божиих, — и их жизнь поставлял правилом на пути спасения. Жития Святых, описанных в Четьи Минеи, так твердо знал, что пересказывал целыми отделениями, советуя подражать Угодникам Божиим. Особенным свойством его бесед и обхождения была любовь и смиренномудрие; кто бы ни был приходившим к нему, бедняк ли в рубище, или богач в светлой одежде, даже какими бы кто ни был обременен грехами, всех лобызал он с любовию, всем кланялся до земли, и благословляя, сам целовал у многих непосвященных людей руки. Он никого не поражал жестокими укоризнами или строгими выговорами, ни на кого не возлагал тяжкаго бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями. Он говорил иным обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовию; старался возбудить действие совести советами, указывал путь спасения и часто так, что слушавший

на первый раз и не понимал, что дело идет о его душе; после же сила слова, осоленнаго благодатию, производила свое действие неизменно; не выходили от него без наставления ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни простолюдины: для всех доставало живой воды, текшей из уст смиреннаго и убогаго Старца, — все ощущали его благоприветливую любовь и ея силу, и токи слез вырывались иногда и у тех, кои имели твердое и окаменелое сердце. С особенною неусыпностию заботился он о тех, в коих видел расположение к добру, утверждал их советами, наставлениями, указанием пути спасения, и возбуждал их к любви любовию своею. Впрочем, не смотря на его любовь ко всем, он был для некоторых тяжек к видению; яко неподобно было иным житие его, и отменны были стези его (Премудр. Солом. Гл. 2. ст. 15). Но и с ненавидящими его он был мирен, обходился кротко и любовно. Не было замечено, чтобы он какое-либо доброе дело отнес к себе, или хвалил себя; но всегда, благословляя Господа Бога, говорил: Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу (Псал. 113. ст. 9). Когда же видел, что приходившие внимали его советам и повиновались его наставлениям, то он сим не восхищался. Мы, говорил, должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: о сем не радуйтеся, яко дуси вам повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесех (Лук. 10, 20). Один брат, к которому он имел особенное расположение, просил его, чтоб позволил списать с себя портрет; — Старец сказал ему: кто я убогий Серафим, чтоб мог позволить снять с себя портрет? Изображаются лики Господа нашего Иисуса Христа, Пречистой Его Матери и Святых, а мы грешные что значим? Когда же брат тот продолжал просить его, представляя, что сего желают многие из усердия, Старец сказал: мы всегда и во всех случаях должны стараться отсекать вины тщеславия в самом начале. Один брат сказал Отцу Серафиму: тебя много безпокоят обоих полов люди, и ты всех без всякаго различия пускаешь к себе; Отец Серафим привел на сие в пример Иллариона Великаго, который не велел затворять дверей ради странников; положим, сказал он, что я затворю двери келлии моея: но когда приходящие к ней люди, жаждущие слова утешения, будут меня заклинать Богом, и не получа от меня ничего, будут с печалию возвращаться; какой я тогда могу дать ответ на Страшном Суде Божием?

Другой брат спросил Отца Серафима: что ты всех учишь? На сие он ему ответствовал: я следую Слову Божию, которое учит: Добро, еже благословити Бога и возносити имя Его, словеса дел Божиих благочестно сказующе (Товит. 12, 6.), и уче-

нию Церкви, которая поет: не скрывай Словеса Божия, возвещай чудеса Его (во вторник Страстныя седмицы на вечерних стихирах).

Некто сказал Отцу Серафиму: тобою некоторые соблазняются. На сие он ответствовал: я не соблазняюся тем, что мною одни пользуются, а другие соблазняются.

Один богач, пришедши к Отцу Серафиму, начал говорить ему: что ты какое на себе носишь рубище? На сие он ответствовал: Иоасаф Царевич, данную ему пустынником Варлаамом мантию сочел выше и дороже багряницы Царския (Чет. Мин. Ноября 19-го дня). Отец Серафим часто говаривал: «Нам запрещают жить в пустыне; но первый наш Отец, Иоанн Предтеча, был пустынник».

Приближаясь к глубокой старости, за год до смерти, Старец стал чувствовать в телесных силах особенное изнеможение, и потому в пустынную свою келлию начал ходить реже; также и в монастыре не всегда уже принимал к себе посетителей. Это опечаливало некоторых; но усердные, желая непременно видеть его и воспользоваться его наставлениями, дожидались и проживали для сего в монастыре не малое время. За несколько дней пред смертию выходил он из келлии к Успенскому Собору, обмерил и назначил с боку олтаря место для могилы своей.

1833 года Генваря 1-го дня в последний раз пришел в больничную церковь к ранней литургии, и приобщился Святых Тайн. В сие время замечено было в нем крайнее изнеможение телесных сил; впрочем он показывал спокойный и радостный дух.

На другой же день, т. е. 2-го Генваря, во время утрени он предал Господу Богу дух свой. Когда от ранней литургии вошел к нему в келлию монах Иоанн, то видя в ней Старца на коленях, стоящаго пред Святыми Иконами с наклоненною головою, с руками пригбенными к персям, думал, что он стоит на молитве. Когда же приблизился к нему, то нашел его уже скончавшимся. Персть оставалась на земле, а душа была уже у Господа. Монах оный объявил о сем Настоятелю в собрании всей старшей братии. Все, будучи поражены сим известием, скорбели о разлуке с таковым доблественным подвижником, который был примером всей братии и служил украшением обители. При погребении его было необыкновенное стечение народа разнаго звания из окрестных мест и из соседних Губерний.

БЕСЕДА ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА С Н. А. МОТОВИЛОВЫМ О ЦЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ[10]

Это было в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка о. Серафим начал беседу со мной на ближней пажнинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне, — сказал великий старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с 12-летнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я, действительно, ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто, — продолжал о. Серафим, — не сказал вам о том определительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты небогоугодным любопытством, и говорили вам: высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чем действительно эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьяго. Пост же и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божьяго. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святаго Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «Всяк, иже не собирает со Мною, той расточает». Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, од-

нако же добро. Писание говорит: «Во всяком языце бойся Бога и делаяй правду, приятен Ему есть». И как видим из последовательности священного повествования, этот «делаяй правду» до того приятен Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился Ангел Господень во время молитвы его и сказал: «Пошли в Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра, и той ти речет глаголы живота вечнаго, в них спасешися ты и весь дом твой».

Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни паки бытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия, пришедшего в мир грешныя спасти, и приобретением себе благодати Духа Святаго, вводящего в сердца наши Царствие Божие и прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель наш дает средства на их осуществление. За человеком остается или осуществить их, или нет. Вот почему Господь сказал евреям: «Аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете — видим, и грех ваш пребывает на вас». Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святаго и притом, как сказано: «Не в меру бо дает Бог Духа Святаго. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его».

Так-то, ваше Боголюбие! Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божьяго.

— Как же стяжание? — спросил я батюшку Серафима. — Я что-то этого не понимаю.

— Стяжание все равно что приобретение, — отвечал мне он, — ведь вы разумеете, что значит стяжание денег? Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, от-

личий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос, уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именует куплею, и говорит всем нам: «Купуй — те, дондеже прииду, искупующе время, яко дние лукави суть», т. е. выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары — это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Все — святаго Духа. В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых не доставало елея, сказано: «Шедши купите на торжищи». Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены, и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой же это у них был недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, да все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятаго Духа Божьяго не доставало. Творя добродетели, девы эти по духовному своему неразумию полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы-де добродетель и тем-де и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они и сколько именно приносят благодати Духа Божьяго, и говорится в отеческих книгах: «Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его — во дно адово». Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: «Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: первая — Божия, всесовершенная и всеспасительная; вторая — собственная своя, человеческая, т. е. если не пагубная, то и не спасительная, и третья бесовская — вполне пагубная». И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая — собственная воля наша — научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то, и как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же — воля Бо-

жия и всеспасительная — в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святаго, как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оцениться не могущего. Оно-то, это стяжание Духа Святаго, собственно и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За это-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святаго, без Которого и спасения никому нет и быть не может, ибо «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеет же Тройческим Единством священнотайне». Сам Дух Святый вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Тройческого Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святаго, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божеству Всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божиему: «Вселюся в них и похожду, и буду им в Бога, и тии будут в людие Мои». Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дождаться и Жениха, пришедшего в полунощи, и войти с Ним в чертог радости. Юродивые же, видев, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище, да купят елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены. Торжище — жизнь наша; двери чертога брачного, затворенные и не допустившие к Жениху, — смерть человеческая; девы мудрые и юродивые — души христианские; елей — не дела, но получаемая через них вовнутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, т. е. от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, — в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших.

Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, т. е. невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: «Се стою при дверях и толку», разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью. О, как желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божием! «В чем застану, в том и сужду», — говорит Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечениями и печалями житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет! Вот почему сказано: «Бдите и молитеся, да не внидите в напасть», т. е. да не лишитесь Духа Божия, ибо бдение и молитва приносит нам благодать

Его. Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святаго, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет или случая сыскать неможно. А до молитвы это уже никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому и бедному, и знатному и простому, и сильному и слабому, и здоровому и больному, и праведнику и грешнику. Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она от всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Предания: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «Не мене ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ее!..» — и воскресил его Господь. Так-то, ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божьяго, и ее удобнее всего всякому исправлять. Блаженны мы будем, когда обрящет нас Господь Бог бдящими, в полноте даров Духа Его Святаго! Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех во сретение Господа на воздусе, Грядущего со славою и силою многою судити живым и мертвым и воздати коемуждо по делам его.

Вот, ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То что речем о Самом Господе, Источнике присно не оскудевающем всякой благостыни и небесной и земной?! А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим, беседовать удостаиваемся. Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святый не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: «Прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришел Он к нам во еже спасти нас, уповающих на Него и при-

зывающих имя Его святое во истине, т. е. с тем, чтобы смиренно и с любовью встретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия. Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все-таки стали меня приглашать: милости-де просим, пожалуйте, дескать, ко мне! То я поневоле должен был бы сказать: что это он? из ума, что ли, выступил? Я пришел к нему, а он все таки меня зовет! Так-то и до Господа Бога Духа Святаго относится. Потому-то и сказано: «Упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех, вознесуся на земли», т. е. являюсь и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и с другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобными. Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, т. е. что при молитвенной беседе с Богом надобно упразднить от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них при молитве необходимо упразднить, но когда при всемогущей силе веры и молитвы соизволит Господь Бог Дух Святый посетить нас и приидет к нам в полноте неизреченной Своей благости, то надобно и от молитвы упразднить. Молвит душа и в молве находится, когда молитву творит, а при нашествии Духа Святаго надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит притом быть в полном трезвении и души и духа и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божия на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть «огнь поядаяй все нечистое», и в общение с Ним не может войти никто же от скверны плоти и духа.

— Ну а как же, батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святаго? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите.

— Стяжевайте благодать Духа Святаго и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают. Собирайте капитал благодатных избытков благости Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных и не по четыре или по шести на сто, но по сто на один рубль духовный, но даже еще того в бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение — бдите и молитесь; много дает Духа Божия пост — поститесь; более да-

ет милостыня — милостыню творите и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и как в торговом деле не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: «Непрестанно молитеся», но да ведь, как помните, и прибавляет: «Хочу лучше пять словес реши умом, нежели тысящи языком». И Господь говорит: «Не всяк глаголяй Ми, Господи, Господи, спасется, но творяй волю Отца Моего», т. е. делающий дело Божие и притом с благоговением, ибо «проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением». А дело Божие есть: «Да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа». Если рассудить правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, т. е. вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот присно не оскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали себя, в Духе Божием вы обретаетесь или нет; и если в Духе Божием, то, благословен Бог, не о чем горевать: хоть сейчас на Страшный суд Христов. Ибо «в чем застану, в том и сужду». Если же нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святый изволил оставить нас, и снова искать и доискиваться Его, и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святый не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возметется, как сказал пророк Давид: «Пожену враги моя и постигну я, и не возвращусь, дон — деже скончаются, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима».

Так-то, батюшка! Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующим по примеру свещи возженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свещи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятаго Духа Божия?! Ибо, например, богатство земное при раздавании его оскудевает, богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более приумножается у

того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать самаряныне: «Пияй от воды сей возжаждет вновь, а пияй от воды, юже Аз ему дам, не возжаждет во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный».

— Батюшка, — сказал я, — вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святаго как о цели христианской жизни, но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святый может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

— Мы в настоящее время, — так отвечал старец, — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «И виде Адам Господа, ходящего в рай», или когда читаем у апостола Павла: «Идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами». Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам.

Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: «Как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителево в ноздрях моих?» Т. е. как-де я могу хулить Бога, когда Дух Святый со мной пребывает? Если бы я хулил Бога, то Дух Святый отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрях моих. Таким точно образом говорится и про Авраама и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, а Иаков даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали закона на горе Синае. Столп облачный и огненный или, что то же, явная благодать Духа Святаго, служили путеводителями народу Божию в пустыне. Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во сне видели и не в мечтании, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве. Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания

приемлем не в том смысле, как бы следовало. А все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей по гордости ума нашего вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией.

Вот, например, многие толкуют, что когда в Библии говорится «вдунул Бог дыхание жизни в лице Адама первозданного и созданного Им от персти земной» — что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная из персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святой апостол Павел утверждает: «Да будет всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа». И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего дыхания жизни, т. е. благодати Господа Бога Духа Святаго, от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божьими созданиями, как венец творения на земле, все-таки пребыл бы неимущим внутрь себя Духа Святаго, возводящего его в Богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святаго внутрь себя не имущим. Когда же вдунул Господь Бог в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и «Адам бысть в душу живу», т. е. совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную. Адам сотворен был до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из Всетворческих Уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет, да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек премудрее и многознательнее его. Когда Господь повелел ему нарещи имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божье-

му, дарованному ей при ее сотворении. Вот по этому-то дару вы неестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящего в рай, и постигать глаголы Его и беседу святых Ангелов, и язык всех зверей и птиц и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. Такую же премудрость и силу, и всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Едеме сладости, в рай, насажденном Им посреди земли. Для того чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог посадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа и непрестанную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением древа познания добра и зла — преждевременно и противно заповеди Божией — узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий «не убобе в мире, яко Иисус не убобе прославлен». Однако это не значит, чтобы Духа Божия вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а проявлялось только отвне, и признаки Его пребывания в мире были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним, были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобо понятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам видел Бога и день Его и возрадовался. Благодать Святаго Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божия или Ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагодатной земной

жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим бесчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Божественные явления, гласы, откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями.

Не с такой силой, как в народе Божием, но проявление Духа Божия действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы пророчицы, сивиллы, которые обрекали свое девство хотя для Бога Неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной, и Вседержителя, и Мироправителя, каковым Его и язычники сознавали. Также и философы языческие, которые хотя и во тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому Боголюбезному ее исканию не непричастными Духу Божиему, ибо сказано: «Языки, не ведущие Бога, естеством законная творят и угодная Богу соделывают». А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: «Истина от земли возсия, и правда с небесе приниче».

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском народе, и в язычниках, не ведущих Бога, а все-таки сохранялось ведение Божие, т. е., батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святый действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святый, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир.

Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святаго понимания, не было бы людям нипочем возможности узнать в точности, пришел ли в мир обетованный Адаму и Еве Плод Семени Жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65-м году его жизни тайны приснодевственного от Пречистой Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, прожив по благодати Всесвятаго Духа Божия 300 лет, потом на 365-м году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святаго, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мира, о вышеестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святаго ему было предвозвещено триста лет тому назад от Ангела.

Вот и святая Анна пророчица, дочь Фануилова, служившая 80 лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божием и известная по особенным дарам благодати Божией за вдовицу

праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть, обетованный миру Мессия, истинный Христос, Бог и человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по воскресении Своем дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую Адамовскую благодать Всесвятаго Духа Божия. Но мало сего, ведь говорил же Он им: «Уне есть им, да Он идет ко Отцу; аще же бо не идет Он, то Дух Божий не приидет в мир; аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то поведет Его в мир, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и воспомянет им вся, яже Он глаголал им еще сущи в мире с ними». Это уже обещана была Им благодать возблагодать. И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святаго в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемуждо из них седших и вошедших в них и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах причащающихся ее силе и действиям. И вот эту-то самую огнедухновенную благодать Духа Святаго, когда она подается нам всем, верным Христовым, в Таинстве Святого Крещения, священно запечатлевают Миропомазанием в главнейших, указанных св. Церковью, местах нашей плоти, как вековечной хранительницы этой благодати. Говорится: «Печать Дара Духа Святаго». А на что, батюшка, ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в Таинстве Крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь живоносна для человека, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, т. е. до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле — на что-де он будет годен и что-де он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить. И если бы мы не грешили никогда после Крещения нашего, то вовеки пребыли бы святыми, непорочными и изъятыми от всякой скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божием, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус, а напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божия и делаемся в многоразличных мерах грешными и многогрешными людь-

ми. Но когда кто, будучи возбужден ищущей нашего спасения премудростью Божией, обходящей всяческая, решится ради нее на утреневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянных грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради к приобретению Духа Святаго, внутрь нас действующего и внутрь нас Царствие Божие устраивающего. Слово Божие недаром говорит: «Внутрь вас есть Царствие Божие, и нуждно есть оно, и нуждницы е восхищают». То есть те люди, которые, несмотря и на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи придти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связок, нудятся расторгнуть узы их — такие люди являются потом действительно пред лице Божие паче снега убеленными Его благодатью. «Приидите, — говорит Господь, — и аще грехи ваши будут, яко багряное, то яко снег убелю их».

Так некогда святой тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей в одеждах белых, т. е. одеждах оправдания, и «финицы в руках их», как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь «Аллилуия». «Красоте пения их никто же подражати можаше». Про них Ангел Божий сказал: «Сии суть, иже приидоиша от скорби великия, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей», — испраша страданиями и убелиша их в Причащении Пречистых и Животворящих Таин Плоти и Крови Агнца Непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его собственной волей за спасение мира, присно и доныне закалаемого и раздробляемого, но николи же иждиваемаго, подающего же нам в вечное и неоскудеваемое спасение наше напутие живота вечного, во ответ благоприятен на Страшном судище Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа жизни, которого хотел было лишить род человеческий враг человеков, спадший с небесе Денница.

Хотя враг диавол и обольстил Еву, и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в Плоде Семени Жены, смертью смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Матерь и называется «язвой бесов», ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

Еще, ваше Боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святаго, священнотайне вселяющегося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда торжественно, радостотворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, строптотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. «Аминь, аминь, глаголю вам, всяк живый и веруяй в Мя не умрет вовеки»: имеющий благодать Святаго Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не умрет вовеки, но будет воскрешен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, вземлющего грехи мира и туне дарующего благодать возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: «В Том живот бе и живот бе свет человеком», и прибавлено: «И свет во тьме светится и тьма его не объят». Это значит, что благодать Духа Святаго, даруемая при Крещении во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом бесценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: «Льва Отче! не до конца прогневайся на нераскаянность эту!» А потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святаго, о стяжании которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатью Божией и как распознать ее, и в чем особливо проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа Святаго есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так Богоотец Давид сказал: «Светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим, и аще не закон Твой научение мне был, тогда убо погибл бых во смирении моем». То есть благодать Духа Святаго, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святаго, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во

тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих? И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святаго на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него: так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фаворе. Великий свет объял Его, и «быша ризы Его, блещущие яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились к Нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, «облак, — сказано, — осени их». И таким-то образом благодать Всесвятаго Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

— Каким же образом, — спросил я батюшку о. Серафима, — узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто, — отвечал он мне, — поэтому-то и Господь говорит: «Вся проста суть обретающим разум». Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не ищем этого разума Божественного, который не кичит, ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хощет всем спастися и в разум истины прийти». Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумеете ли?» Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что «отверз им тогда Господь разум разумети Писания». Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и проникнутые Им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему в посланиях своих писали: «Изволися Духу Святому и нам» и только на этих основаниях и предлагали свои послания как истину непреложную, на пользу всем верным, — так св. апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божия. Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто?

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божием? Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка о. Серафим отвечал:

— Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

— Надобно, — сказал я, — чтобы я понял это хорошенько!..

Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою! Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!..

О. Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, ваше Боголюбие! И вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы теперь в полноте Духа Божьяго, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И преклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то Сошествие Духа Твоего, которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей!» И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима...

Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь — Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе: в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажень кругом, и озаряющий ярким

блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня о. Серафим.

— Необыкновенно хорошо! — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, ваше Боголюбие, — сказал батюшка о. Серафим, — тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «Мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил свое, но якоже избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче дерзайте, яко Аз победих мир». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете: «Мир, — по слову апостольскому, — всяк ум преимущий». Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому; он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим... Что же еще чувствуете вы? — спросил меня о. Серафим.

— Необыкновенную сладость! — отвечал я.

И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «От тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоя напоиши я». Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка о. Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотой Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченной радостью, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: «Жена егда рождает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, к

тому не помнит скорби за радость, яко человек родися в мир. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце наше, и радости ваше я никто же возьмет от вас». Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с той, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, я же уготова Бог любящим Его». Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь, на земле?! Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какой радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: «Терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрилатеют, яко орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений... » Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вмале и вкратце, явится во всей полноте своей, и никто же возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?!

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

— И запах, — спросил он меня, — такой же, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания...

И батюшка о. Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас — так ли вы это чувствуете? Сущая правда, ваше Боголюбие! Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благо-

ухание Святаго Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему!.. Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святый словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: «Теплотою Духа Святаго согрей мя!» Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутрь вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это Царствие Божие теперь внутрь нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многоразличным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напояя сердца наши радостью неизглаголанной. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит «не в препретельных земной премудрости словах, но в явлении силы и духа». Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: «Суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе...» Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог!.. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую св. Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святаго»...

Этой-то полнотой Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго!.. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, батюшка, — сказал я, — удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

— А я мню, — отвечал мне о. Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благость Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божием, и другим могли быть полезными. Что

же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и в Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему, — вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое! — говорит Он. — А все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам. Весть бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требуете». Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что по положению нашему в жизни земной мы всех сих требуем, т. е. всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к Отечеству Небесному. На это опираясь, св. апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастья и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хочет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам через апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнять закон Христов. Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к Отечеству Небесному. Для чего же Он и с Небес сошел к нам, как не для того, чтобы, восприяв на себя нашу нищету, обогатить нас богатством благости Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видев явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. «Жатвы бо много, — говорит Господь, — делателей же мало». Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дар благодати Своей, чтобы, пожиная класы спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды ово тридесять, ово шестьдесять, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденными с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему один вместо двух — четыре, другой вместо пяти — десять. О милосердии

же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас. «Несмь Аз Бог издалече, но Бог изблизи и при устех твоих есть спасение твое». Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благостыню во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехваляся говорю я это и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше Боголюбие, нет! «Близ Господь всем призывающим Его во истинс, инесть у Него зрения на лица, Отец бо любит Сына, и вся дает в руце Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного, истинно, по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные, и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горушно», и оба двинут горы. «Един движет тысящи, два же тьмы». Сам Господь говорит: «Вся возможна верующему», а батюшка св. апостол Павел велегласно восклицает: «Вся могу о укрепляющем мя Христе». Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: «Веруяй в Мя, дела не точию я же Аз творю, но и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просисте ничесоже во имя Мое, ныне же просите и приимите...» Так-то, ваше Боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все восприимите, лишь бы только то было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «Вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе». Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: «...благ Господь всяческим, щедрит же и дает и не призывающим имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит и молитву их услышит, и весь совет их исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя». Одного опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Гос-

подь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будут всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром!..

И во все время беседы этой и с того самого времени, как лицо о. Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягой.

НАСТАВЛЕНИЯ СТАРЦА СЕРАФИМА[2]

1. О БОГЕ

Бог есть огнь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих хлад, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа, и Он пришед согреет наше сердце совершенною любовью не только к Нему, но и к ближнему. И от лица теплоты изгонится хлад доброненавистника.

Отцы написали, когда их спрашивали: ищи Господа, но не испытуй, где живет.

Где Бог, там нет зла. Все происходящее от Бога мирно и полезно и приводит человека к смирению и самоосуждению.

Бог являет нам Свое человеколюбие не только тогда, когда мы делаем добро, но и когда оскорбляем и прогневляем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония! И когда наказывает, как благоутробно наказывает!

Не называй Бога правосудным, говорит преп. Исаак, ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Если Давид и называл Его правосудным и правым, но Сын Его показал нам, что Он более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники и Христос умер за нас (Исаак Сир. сл. 90).

Поколику совершенствуется человек перед Богом, потолику вслед Его ходит; в истинном же веке Бог являет ему лицо Свое. Ибо праведные, по той мере, как входят в созерцание Его, зрят образ как в зерцале, а там зрят явление истины.

Если не знаешь Бога, то невозможно, чтобы возбудилась в тебе и любовь к Нему; и не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывет от познания Его: ибо созерцание Его не предшествует познанию Его.

О делах Божиих не должно рассуждать по насыщении чрева: ибо в наполненном чреве нет видения таин Божиих.

2. О ПРИЧИНАХ ПРИШЕСТВИЯ В МИР ИИСУСА ХРИСТА

Причины пришествия в мир Иисуса Христа, Сына Божия, суть:

1. Любовь Божия к роду человеческому: *Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего единороднаго дал есть* (Иоан. 3, 16).

2. Восстановление в падшем человеке образа и подобия Божия, как о сем воспевает Св. Церковь (1-й канон на Рожд.

Госп. песнь 1): Истлевша преступлением по Божию образу бывшаго, всего тления суща, лучшия отпадша Божественныя жизни, паки обновляетъ мудрый Содетель.

3. *Спасение душ человеческих: не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасется Им мир* (Иоан. 3, 17).

Итак мы, следуя цели Искупителя нашего Господа Иисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно Его Божественному учению, дабы чрез сие получить спасение душам нашим.

3. О ВЕРЕ В БОГА

Прежде всего должно веровать в Бога, яко есть и взыскающим Его мздовоздаятель бывает (Евр. 11, 6).

Вера, по учению преп. Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма Божия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, т. е. крестом, помощью вервия, т. е. благодати Духа Святаго.

Вера без дел мертва есть (Иак. 2, 26); а дела веры суть: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, несение креста и жизнь по духу. Только такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может быть без дел: кто истинно верует, тот непременно имеет и дела.

4. О НАДЕЖДЕ

Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света.

Если человек не имеет вовсе никакого попечения о себе ради любви к Богу и дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, — таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек сам печется о своих делах и обращается с молитвою к Богу лишь тогда, когда уже постигают его неизбежные беды, и в собственных силах не видит он средств к отвращению их и начинает надеяться на помощь Божию, — такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единаго Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет. Сердце не может иметь мира, доколе не стяжет сей надежды. Она умиротворит его и вольет в него радость. О сей-то надежде сказали достопокланяемые и святейшие уста: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), т. е. надейся на Меня и утешишься от труда и страха.

В Евангелии от Луки сказано о Симеоне: *И бе ему обещанно*

Духом Святым не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня (Лук. 2, 26). И он не умертвил надежды своей, но ждал вожделенного Спасителя мира и, с радостью приняв Его на руки свои, сказал: «Ныне отпущаеши меня, Владыко, идти в вожделенное для меня Царствие Твое, ибо я получил надежду мою — Христа Господня».

5. О ЛЮБВИ К БОГУ

Стяжавший совершенную любовь к Богу существует в жизни сей так, как бы не существовал. Ибо считает себя чужим для видимого, с терпением ожидая невидимого. Он весь изменился в любовь к Богу и забыл всякую другую любовь.

Кто любит себя, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земли сей; ибо душою и умом в своем стремлении к Богу созерцает Его одного.

Душа, исполненная любви Божией, во время исхода своего из тела, не убоится князя воздушного, но со Ангелами возлетит, как бы из чужой страны на родину.

6. ПРОТИВ ИЗЛИШНЕЙ ПОПЕЧИТЕЛЬНОСТИ

Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеждою нашею в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем искать прежде Царствия Божия, и *Сия вся приложатся нам, по слову Спасителя* (Мф. 6, 33).

Лучше для нас презирать то, что не наше, т. е. временное, и преходящее и желать нашего, т. е. нетления и бессмертия. Ибо, когда будем нетленны и бессмертны, тогда удостоимся видимого Богосозерцания, подобно Апостолам при Божественнейшем Преображении и приобщимся превыше умного единения с Богом подобно небесным умам. *Ибо будем подобны Ангелам и сынам Божиим, воскресения сынове суще* (Лук. 20, 36).

7. О ПОПЕЧЕНИИ О ДУШЕ

Человек по телу подобен зажженной свече. Свеча должна сгореть, и человек должен умереть. Но душа бессмертна, потому и попечение наше должно быть более о душе, нежели о теле:

какая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь и отщетит душу свою или что даст человек измену за душу свою (Мк. 8, 36; Мф. 16, 26), за которую, как известно, ничто в мире не может быть выкупом. Если одна душа сама по себе драгоценнее всего мира и царства мирского, то несравненно дороже Царство Небесное. Душу же почитаем драгоценнее всего по той причине, как говорит Макарий Великий, что Бог ни с чем не благоволил сообщиться и соединиться своим духовным естеством, ни с каким видимым созданием, но с одним человеком, которого возлюбил более всех тварей Своих (Макарий Вел. Слово о свободе ума. Гл. 32).

Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Амвросий Медиоланский и прочие от юности до конца жизни были девственники; вся их жизнь была обращена на попечение о душе, а не о теле. Так и нам все старания должно иметь о душе; тело же подкреплять для того только, чтобы оно способствовало к подкреплению духа.

8. ЧЕМ ДОЛЖНО СНАБДЕВАТЬ ДУШУ?

Душу снабдевать надобно словом Божиим: ибо слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири, что должно делать стоящему. От сего бывает просвещение в разуме, который изменяется изменением Божественным.

Надобно так себя обучить, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, которым руководствуясь должно устроять и жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочитать всю Библию разумно. За одно таковое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостью, но исполнит его дара разумения.

Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро и что есть зло.

Чтение слова Божия должно быть производимо в уединении для того, чтобы весь ум чтущего углублен был в истины Священного Писания и принимал от сего в себя теплоту, которая в уединении производит слезы; от сих человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Телесный труд и упражнение в Божественных писаниях, учит преп. Исаак Сирин, охраняют чистоту.

Пока не приимет Утешителя, человек имеет нужду в Бо-

жественных писаниях, чтобы воспоминание о благих напечатлевалось в уме его и от непрестанного чтения обновлялось в нем стремление ко благу и охраняло душу его от тонких путей греха (Исаак Сир. Сл. 58).

Следует также снабдевать душу и познаниями о Церкви, как она от начала и доселе сохраняется, что терпела она в то или другое время, — знать же сие не для того, чтоб желать управлять людьми, но на случай могущих встретиться вопрошаний.

Более же всего оное делать должно собственно для себя, чтоб приобрести мир душевный, по учению Псаломника, мир много любящим закон Твой, Господи (Пс. 118, 165).

9. О МИРЕ ДУШЕВНОМ

Ничто лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов: несть бо наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Ефес. 6, 12).

Признак разумной души, когда человек погружает ум внутрь себя и имеет делание в сердце. Тогда благодать Божия приосеняет его, и он бывает в мирном устроении, а посредством сего и в премирном: в мирном, т. е. с совестью благою, в премирном же, *ибо ум созерцает в себе благодать Св. Духа, по слову Божию: в мире место Его* (Пс. 75, 3).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнее бывает, когда ум видит внутренним оком Солнце правды Христа. Тогда воистину радуется радостью ангельскою; о сем и апостол сказал: *наше житие на небесех есть* (Фил. 3, 20).

Когда кто в мирном устроении ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары.

Святые отцы, имея мирное устроение и будучи осеняемы благодатью Божией, жили долго.

Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на других изливать свет просвещения разума; прежде же сего человеку надобно повторять сии слова Анны пророчицы: *Да не изыдет велеречие из уст ваших* (1 Цар. 2, 3), и слова Господни: *Лицемере, измн первее бревно из очесе твоего: и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Мф. 7, 5).

Сей мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим пред смертью Своею, глаголя: *Мир оставляю вам, мир Мой даю Вам* (Иоан. 14, 27). О нем также говорит и Апостол: *И мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе* (Фил. 4, 7).

Если не вознерадит человек о потребностях мирских, то не может иметь мира души.

Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: *Проидохом сквозе огнь и воду и извелъ еси ны в покой* (Пс. 65, 12). Хотящим угодить Богу путь лежит сквозь многие скорби.

Ничто так и не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собою и редкая с другими.

Итак мы должны все свои мысли, желания и действия сосредоточивать к тому, чтоб получить мир Божий и с Церковью всегда вопиять: *Господи Боже наш! мир даждь нам* (Ис. 26, 12).

10. О ХРАНЕНИИ МИРА ДУШЕВНОГО

Всеми мерами надобно стараться, чтоб сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески стараться удерживать гнев и посредством внимания ум и сердце соблюдать от непристойных движений.

Такое упражнение может доставить человеческому сердцу тишину и соделать оное обителью для Самого Бога.

Образ такого безгневия мы видим на Григории Чудотворце, с которого в публичном месте жена некая блудница просила мзды, якобы за содеянный с нею грех; а он, на нее нимало не разгневавшись, кротко сказал некоему своему другу: даждь скоро ей цену, колико требует. Жена, только что прияла неправедную мзду, подверглась нападению беса; святый же отогнал от нее беса молитвою (Четьи Минеи, ноября 17, в житии его).

Ежели же невозможно, чтобы не возмутиться, то, по крайней мере, надобно стараться удерживать язык, по глаголу Псалмопевца: *Смятохся и не глаголах* (Пс. 76, 5).

В сем случае сможем в образец себе взять св. Спиридона Тримифунтского и преп. Ефрема Сирина. Первый (Четьи Минеи, декабря 12, в житии его) так перенес оскорбление: когда, по требованию царя греческого, входил он во дворец, то некто из слуг, в палате царской бывших, сочтя его за нищего, смеялся над ним, не пускал его в палату, а потом ударил и в ланиту; св. Спиридон, будучи незлобив, по слову Господню, обратил ему и другую (Мф. 5, 39).

Преп. Ефрем (Четьи Минеи, января 28, в житии его), постясь в пустыне, лишен был учеником пищи таким образом: ученик, неся ему пищу, сокрушил на пути, нехотя, сосуд. Преподобный, увидев печального ученика, сказал к нему: не скорби, брате, аще бо не восхоте приити к нам пища, то мы пойдем к ней; и пошел, сел при сокрушенном сосуде и, собирая снедь, вкушал ее: так был он безгневен.

А как побеждать гнев, сие можно видеть из жития великого Паисия (Четьи Минеи, июня 19, в житии его), который явившегося ему Господа Иисуса Христа просил, дабы он освободил его от гнева; и рече ему Христос: аще гнев и ярость купно победити хощеши, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи.

Дабы сохранить мир душевный, должно отдалять от себя уныние и стараться иметь дух радостный, а не печальный, по слову Сираха: *Печаль бо многих уби и несть пользы в ней* (Сир. 30, 25).

Когда человек имеет большой недостаток в потребных для тела вещах, то трудно победить уныние. Но сие, конечно, к слабым душам относиться должно.

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Неосуждением и молчанием сохраняется мир душевный: когда в таком устроении бывает человек, то получает Божественные откровения.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я? При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили внутреннему человеку и не развлекали душу чувственными предметами: ибо благодатные дарования получают токмо те, кои имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

11. О ХРАНЕНИИ СЕРДЦА

Мы неусыпно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову Приточника: *Всяким хранением блюди твое сердце от сих бо исходища живота* (Притч. 4, 23).

От бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, для которой доступно видение Господа, по уверению вечной Истины: *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

Что втекло в сердце лучшего, того мы без надобности выливать не должны; ибо тогда только собранное может быть в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно, как сокровище, хранится во внутренности сердца.

Сердце тогда только кипит, будучи возжигаемо огнем Божественным, когда в нем есть вода живая; когда же вся выльется, то оно хладеет, и человек замерзает.

12. О ПОМЫСЛАХ И ПЛОТСКИХ ДВИЖЕНИЯХ

Мы должны быть чисты от помыслов нечистых, особенно когда приносим молитву Богу, ибо несть согласия между смрадом и благовонием. Где бывают помыслы, там и сложе-

ние с ними. Итак должно отражать первое нападение греховных помыслов и рассеивать их от земли сердца нашего. Пока дети вавилонские, т. е. помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос; особенно же три главные страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми старался диавол искушать даже Самого Господа нашего в конце подвига Его в пустыне.

Диавол, как лев, скрываясь в ограде своей (Пс. 9, 30), тайно расставляет нам сети нечистых и нечистивых помыслов. Итак немедленно, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы.

Требуется подвиг и великая бдительность, чтобы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и устами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловоние. Ибо Господь гнушается сердцем с нечистыми помыслами.

Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя пред лицем благости Божией, да очистит Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего.

Ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим. Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние; а к очистившимся от страстей приражается только со стороны, или внешне.

Человеку в младых летах можно ли не возмущаться от плотских помыслов? Но должно молиться Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится в человеке пламень страстей.

13. О РАСПОЗНАВАНИИ ДЕЙСТВИЙ СЕРДЕЧНЫХ

Когда человек приимет что-либо божественное, то в сердце радуется; а когда диавольское, то смущается.

Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует еще другого со стороны убеждения в том, точно ли сие от Господа; но самым тем действием убеждается, что оно небесное: ибо ощущает в себе плоды духовные: *Любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22).

Напротив же, хотя бы *диавол преобразился и во ангела светла* (2 Кор. 11, 14), или представлял мысли благовидные; однако сердце все чувствует какую-то неясность и волнение в мыслях. Что объясняя, св. Макарий Египетский говорит: хотя бы (сатана) и светлые видения представлял, благаго обаче дей-

ствия подати отнюдь не возможет: чрез что и известный знак его дел бывает (Слово 4, гл. 13).

Итак, из сих разнообразных действий сердечных может человек познать — что есть божественное и что диавольское, как о сем пишет св. Григорий Синаит: *От действа убо возможеши познати воссиявый свет в душе твоей, Божий ли есть или сатанин* (Добротолюбие, ч. I, Григорий Син. О безмолвии).

14. О ПОКАЯНИИ

Желающему спастися всегда должно иметь сердце к покаянию расположенное и сокрушенное, по Псаломнику: *Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). В каковом сокрушении духа человек удобно может безбедно проходить сквозь хитрые козни гордого диавола, коего все тщание состоит в том, чтобы возмутить дух человеческий и в возмущении посеять свои плевелы, по словеси Евангельскому: *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? Откуда убо имать плевелы? Он же рече: враг человеков сие сотвори* (Мф. 13, 27—28).

Когда же человек старается в себе иметь сердце смиренное и мысль невозмущенную, но мирную, тогда все козни вражии бывают бездейственны, ибо где мир помыслов, там почивает *Сам Господь Бог — в мире место Его* (Пс. 75, 3).

Начало покаяния происходит от страха Божия и внимания, как говорит мученик Вонифатий (Четьи Минеи, декабрь 19, в житии его): страх Божий отец есть внимания, а внимание — матерь внутреннего покоя, той бо рождает совесть, которая сие творит, да душа, якоже в некоей воде чистой и не возмущенной, свою зрит некрасоту и тако рождаются начатки и корень покаяния.

Мы во всю жизнь свою грехопадениями своими оскорбляем величество Божие, а потому и должны всегда смиряться пред Ним, прося оставления долгов наших.

Можно ли облагодатствованному человеку по падении восстать?

Можно, по Псаломнику: *Превратихся пасти и Господь прият мя* (Пс. 117, 13), ибо когда Нафан пророк обличил Давида во грехе его, то он, покаявшись, тут же получил прощение (2 Цар. 12, 13).

К сему примером служит и пустынник оный, который пошедши за водою, на источнике впал в грех с женою, и возвратясь в келью, сознав свое согрешение, паки начал провождать жизнь подвижническую, как и прежде, не вняв советам врага, представлявшего ему тяжесть греха и отводившего его от под-

вижнической жизни. О сем случае Бог открыл некоему отцу и велел впадшего в грех брата ублажить за таковую победу над диаволом.

Когда мы искренно каемся в грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает праздник и созывает на него любезные Ему силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, т. е. царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он приводит ее к Отцу Своему. В жилищах всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Итак, не вознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро и не предадимся беспечности и отчаянию ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. *Оно есть грех к смерти, как гласит Писание* (1 Иоан. 5, 16).

Покаяние во грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

Итак несомненно приступай к покаянию, и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом.

15. О МОЛИТВЕ

Истинно решившие служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве к Иисусу Христу, говоря умом: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго.

Таковым упражнением, при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам св. Исаака Сирина, кроме непрестанной молитвы, мы приблизиться к Богу не можем (Слово 69).

Образ молитвы весьма хорошо расположил св. Симеон Новый Богослов (Добротолюбие, ч. I). Достоинство же оной очень хорошо изобразил св. Златоуст: *Велие, говорит он, есть оружие молитва, сокровище неоскудно, богатство никогда не иждиваемо, пристанище безволненно, тишины вина и тьмам благих корень, источник и мати есть* (Марг. сл. 5, О непостижимом).

В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами во внутреннем внимании; открывать же очи разве тогда, когда унываешь, или сон будет отягощать тебя и склонять к дремянию; тогда очи обращать должно на образ и на горящую пред ним свечу.

Если в молитве случится плениться умом в расхищение мыслей, тогда должно смириться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствы.

Посему всегда должно стараться, чтоб не предавать себя рассеянию мыслей, ибо чрез сие уклоняется душа от памяти Божией и любви Его по действию диавола, как св. Макарий говорит: *Все супостата нашего тщание сие есть да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратит* (Сл. 2, гл. 15).

Когда же ум и сердце будут соединены в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

16. О СЛЕЗАХ

Все святые и отрекшиеся от мира иноки во всю жизнь свою плакали в чаянии вечного утешения, по уверению Спасителя мира: *Блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4).

Так и мы должны плакать о оставлении грехов наших. К сему да убедят нас слова Порфироносного: *Ходящии хождаху и плакахуся, метающе семена своя: грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя* (Пс. 125, 6), и слова св. Исаака Сирина: *Омочи ланите твои плачем очию твоею, да почиет на тебе Святый Дух и омыет тя от скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами, да приидет к тебе* (Сл. 68, Об отречении от мира).

Когда мы плачем в молитве и тут же вмешивается смех, то сие есть от диавольской хитрости. Трудно постичь врага нашего тайные и тонкие действия.

У кого текут слезы умиления, такового сердце озаряют лучи Солнца правды — Христа Бога.

17. О СВЕТЕ ХРИСТОВОМ

Дабы приять и узреть в сердце свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами и с верою в Распятого закрыв телесные очи, должно погрузить ум внутрь сердца, и вопиять призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа; и тогда по мере усердия и горячести духа к Возлюбленному находит человек в призываемом имени услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Когда чрез таковое упражнение укоснит ум в сердце, тог-

да воссиявает свет Христов, освещая храмину души своим Божественным сиянием, как говорит пророк Малахия: *И возсияет вам боящимся имене Моего солнце правды* (Мал. 4, 2).

Сей свет есть купно и жизнь по Евангельскому слову: *В том живот бе, и живот бе свет человеком* (Иоан. 1, 4).

Когда человек созерцает внутренно свет вечный, тогда ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений, но, весь будучи углублен в созерцание несозданной доброты, забывает все чувственное, не хочет зреть и себя; но желает скрыться в сердце земли, только бы не лишиться сего истинного блага — Бога.

18. О ВНИМАНИИ К САМОМУ СЕБЕ

Путь внимания проходящий не должен только одному сердцу своему верить, но должен сердечные свои действия и жизнь свою поверять с законом Божиим и с деятельною жизнью подвижников благочестия, которые таковый подвиг проходили. Сим средством удобнее можно и от лукавого избавиться и истину яснее узреть.

Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж, или неусыпный охранитель внутреннего Иерусалима. Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и приражающиеся к душе его противные силы, по Псаломнику: и на *враги моя воззре око мое* (Пс. 53, 9).

От ока его не скрыт диавол, яко лев рыкая, иский кого поглотити (1 Петр. 5, 8), и те, которые *напрягают лук свой состреляти во мраце правыя сердцем* (Пс. 10, 2).

А потому таковый человек, следуя учению Божественного Павла, *принимает вся оружия Божия, да возможет противитися в день люти* (Ефес. 6, 13) и сими оружиями, содействующей благодати Божией, отражает видимые приражения и побеждает невидимых ратников.

Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями; но должен быть внимателен к себе.

Особенно на сем пути наблюдать должно, чтоб не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по Псаломнику: *Не возглаголют уста мои дел человеческих* (Пс. 16, 4), а молить Господа: *От тайных моих очисти мя и от чуждих пощади раба Твоего* (Пс. 18, 13—14).

Человек должен обращать внимание на начало и конец жизни своей, к средине же, где случается счастье или несчастье, должен быть равнодушен. Чтоб сохранить внимание на-

добно уединяться в себя, по глаголу Господню: *Никого же на пути целуйте* (Лук. 10, 4), т. е. без нужды не говорить, разве бежит кто за тобою, чтоб услышать от тебя полезное.

19. О СТРАХЕ БОЖИЕМ

Человек, принявший на себя проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости.

В уме его всегда должны быть напечатлены сии пророческие слова: *Работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему с трепетом* (Пс. 2, 11).

Он должен проходить путь сей с крайней осторожностью и благоговением ко всему священному, а не небрежно. В противном случае опасаться должно, чтоб не отнеслось к нему сие Божие определение: *Проклят человек, творяй дело Господне с небрежением* (Иерем. 48, 10).

Благоговейная осторожность здесь нужна для того, что сие море, т. е. сердце со своими помыслами и желаниями, которые должно очищать посредством внимания, велико и пространно, тамо гади, их же несть числа, т. е. многие помыслы суетные, неправые и нечистые, порождения злых духов.

Бойся Бога, — говорит Премудрый, — и заповеди Его храни (Еккл. 12, 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле, и дело твое будет всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты из любви к Нему все делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола: для того диавол бессилен.

Два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа и не делай; а если хочешь делать добро, то бойся Господа и делай.

Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви благости Божией.

20. ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ МИРА

Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрекшись от мира и от всего, что в мире, сосредоточит все свои мысли и чувства в одном представлении о законе Божьем и весь погрузится в созерцание Бога и в чувство обещанного святым блаженства.

Нельзя отречься от мира и прийти в состояние духовного созерцания, оставаясь в мире. Ибо доколе страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевного. Но страсти не утишатся,

доколе нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы прийти в совершенное бесстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как возможно всецело и спокойно погружаться в созерцание Бога и поучаться в законе Его и всею душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди неумолчного шума страстей, воюющих в мире? Мир во зле лежит.

Не освободясь от мира, душа не может любить Бога искренно. Ибо житейское, по словам преп. Антиоха, для нее есть как бы покрывало.

Если мы, говорит тот же учитель, живем в чужом граде, и наш град далеко от града сего, и если мы знаем град наш: то для чего мы медлим в чужом граде и в нем уготовляем себе поля и жилища? И како воспоем песнь Господню на земли чуждей? Мир сей есть область иного, т. е. князя века сего (Сл. 15).

21. О ЖИЗНИ ДЕЯТЕЛЬНОЙ И УМОЗРИТЕЛЬНОЙ

Человек состоит из тела и души, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных — из деяния и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, вводит в живот вечный (Мф. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни состоит в возношении ума ко Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную: ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит к очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства; а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов Священного Писания: *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8) и из слов св. Григория Богослова (в слове на св. Пасху): к созерцанию безопасно могут приступать только совершеннейшие по своей опытности.

К умозрительной жизни приступать должно со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием Святых Писаний и, если можно найти, под руководством

какого-либо искусного старца, а не с дерзостью и самочинением: дерзый бо и прозорливый, по словам Григория Синаита (О прелести и о иных многих предлогах. Доброт., ч. I), паче достоинства своего взыскав с кичением, понуждается до того прежде времени доспети. И паки: аще мечтается кто мнением высокая достигнути, желание сатанино, а не истину стяжав, — сего диавол своими мрежами удобь уловляет, яко своего слугу.

Если же не можно найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, глаголя: *Испытайте Писания, яко вы мните имети в них живот вечный* (Иоан. 5, 39).

Так же должно тщиться прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, по силе исполнять то, чему научают оные, и таким образом мало-помалу от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной.

Ибо, по словам св. Григория Богослова (Слово на святую Пасху), самое лучшее дело, когда мы каждый сам собою достигаем совершенства и приносим призывающему нас Богу жертву живую, святую и всегда во всем освящаемую.

Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преспеяние и пришел бы уже в умосозерцательную: ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее возвышает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять оного потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас противностью своих мнений в самое чувство сердечное, и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия: ибо, по мнению учителей церковных (Блаж. Феодорита. Толков. на Песнь песней), умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувственных.

А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаяся в сем случае на слове Божием: *Страха же их не убоимся, ниже смутимся: яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятим в сердечной памяти Его Божественнаго имене и исполнения воли Его, и Той будет нам в страх* (Исаии 8, 12—13).

22. ОБ УЕДИНЕНИИ И МОЛЧАНИИ

Паче всего должно украшать себя молчанием; ибо Амвросий Медиоланский говорит: *Молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же ни одного.* И паки некто из отцов

говорит: *Молчание есть таинство будущего века, словеса же орудие суть мира сего* (Добротолюбие, ч. 11, гл. 16).

Ты только сиди в келье своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя ко Господу, и Господь готов сделать тебя из человека ангелом: *На кого бо, говорит Он, воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес моих* (Исаии 66, 2).

Когда мы в молчании пребываем, тогда враг-диавол ничего не успевает относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании в разуме.

Проходящий таковый подвиг должен все упование свое возложить на Господа Бога, по учению Апостола: *Всю печаль вашу возверзите Нан, яко Той печется о вас* (1 Петр. 5, 7). Оный должен быть постоянен в сем подвиге, последуя в сем случае примеру св. Иоанна, молчальника и пустынника (Четьи Минеи, декабря 3, в житии его), который в прохождении пути сего утверждался сими Божественными словами: *Не имам Тебе оставити, ниже имам от Тебе отступити* (Евр. 13, 5).

Ежели не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями; то хотя некоторое время, остающееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание, и за сие малое не оставит Господь Бог ниспослать на тебя богатую Свою милость.

От уединения и молчания рождается умиление и кротость; действие сей последней в сердце человеческом можно уподобить тихой воде Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исаия: *Воды Силоамли текущия тисе* (8, 6).

Пребывание в келье в молчании, упражнении, молитве и поучении день и нощь закону Божию делает человека благочестивым: ибо, по словам свв. отцов, келья инока есть пещь Вавилонская, *в нейже трие отроцы Сына Божия обретоша* (Доброт., ч. 3, Петр Дамаскин, кн. 1).

Монах, по словам Ефрема Сирина, не останется долго на одном месте, если не возлюбит прежде молчания и воздержания. Ибо молчание учит безмолвию и постоянной молитве, а воздержание делает помысл неразвлекаемым. Наконец *приобретшего сие ожидает мирное состояние* (т. 2).

23. О МНОГОСЛОВИИ

Одного многословия с теми, кто противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

Но всего жалостнее то, что от сего может погаснуть тот

огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел вовре-щи на землю сердец человеческих: ибо ничтоже тако устужает огнь, от Святаго Духа вдыхаемый в сердце инока к освящению души, якоже сообращение и многословие и собеседование (Ис. Сир. сл. 8).

Особенно же должно хранить себя от обращения с женским полом: ибо, как восковая свеча, хотя и не зажженная, но поставленая между зажженными, растаевает, так и сердце инока от собеседования с женским полом неприметно расслабевает, о чем и св. Исидор Пелусиот говорит так: *Аще (глаголющу писанию) кие беседы злые тлят обычаи благи: то беседа с женами аще и добра будет, обаче сильна есть растлити внутреннего человека тайно помыслы скверными, и чисту сущу телу, пребудет душа осквернена: что бо твердее есть камене, что же воды мягчае, обаче всегдашнее прилежание и естество побеждает; аще убо естество, едва подвижимое, подвизается, и от тоя вещи, юже имать ни во что же, страждет и умаляется, то како воля человеческая, яже есть удобь колеблема, от обыкновения долгого не будет побеждена и превращена* (Исид. Пелус. пис. 84 и Четьи Минеи, Февраля 4, в житии его).

А потому для сохранения внутреннего человека надобно стараться удерживать язык от многословия: *Муж бо мудр безмолвие водит* (Прит. 11, 12), и *иже хранит свои уста, соблюдает свою душу* (Прит. 13, 3) и помнит слова Иова: *Положих завет очима моима, да не помышлю на девицу* (31, 1) и слова Господа нашего Иисуса Христа: *Всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28).

Не выслушав прежде от кого-либо о каком-либо предмете, отвечать не должно: *Иже бо отвещает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение* (Прит. 18, 13).

24. О БЕЗМОЛВИИ

Преп. Варсонофий учит: доколе корабль на море терпит беды и приражения ветров, а когда достигнет пристанища тихого и мирного, уже не боится бед и скорбей и приражения ветров, но остается в тиши. Так и ты, монах, доколе остаешься с людьми, ожидай скорбей и бед и приражения мысленных ветров; а когда вступишь в безмолвие, бояться тебе нечего (Варс. Отв. 8, 9).

Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстьми и похотьми. Но подумай, Владыка наш Христос сколько наперед претерпел поношений и оскорблений, и потом уже восшел на крест. Так и нам нельзя прийти в совершенное безмолвие и надеяться свя-

того совершенства, если не постраждем со Христом. Ибо говорит Апостол: Аще с Ним страждем, с Ним и прославимся. Другого пути нет (Варс. Отв. 342).

Пришедший в безмолвие должен непрестанно помнить, зачем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому.

25. О ПОСТЕ

Подвигоположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос пред выступлением на подвиг искупления рода человеческого укрепил Себя продолжительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте.

Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало; и не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом и умом. В рассуждении пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедями вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, в разумном человеке недостойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему.

К строгому посту святые люди приступали не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самою скудною пищею. Преп. Дорофей, приучая ученика своего Досифея к посту, постепенно отнимал от стола его по малой части, так что от четырех фунтов меру его ежедневной пищи низвел, наконец, до восьми лотов хлеба.

При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодры, сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки, и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

В той мере, как плоть постящегося становится тонкою и легкою, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешась от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного.

Однако ж, чтобы наложить на себя строгое правило воз-

держания во всем, или лишить себя всего, что может служить к облегчению немощей, сие вместить не всякий может. *Могий же вместити да вместит* (Мф. 19, 12).

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтоб тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели; а иначе может быть то, что, изнемогшу телу, и душа слабеет.

По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, пищу, по примеру отцов, употребляй один раз в день, и ангел Господень прилепится к тебе.

26. О ПОДВИГАХ

Не должно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться, чтобы друг — плоть наша — был верен и способен к творению добродетелей.

Надобно идти средним путем, *не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* (Прит. 4, 27); духу давать духовное, а телу — телесное, потребное для поддержания временной жизни. Не должно также и общественной жизни отказывать в том, чего она законно требует от нас, по словам Писания: *Воздадите кесарево кесареви и Божия Богови* (Матф. 22, 21).

Должно снисходить и душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки ближних, но не обленяться и непрестанно побуждать себя к лучшему.

Употребил ли ты пищи много или сделал другое что сродное слабости человеческой, не возмущайся сим, не прибавляй вреда ко вреду; но, мужественно подвигнув себя к исправлению, старайся сохранить мир душевный, по слову Апостола: *Блажен не осуждаяй себе, о нем же искушается* (Рим. 14, 22).

Тело, изможденное подвигами или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, по воскрешении дочери Иаировой от смерти, тут же повелел *дати ей ясти* (Лук. 8, 55).

Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнуриться и дух, то таковое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели.

Лет до тридцати пяти, т. е. до преполовения земной жизни, велик подвиг человеку в сохранении себя, и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям, как о сем св. Василий Великий свидетельствует (в беседе на начал. Прит.): многие много собрали в юности, но посреде жития бывши, восставшим на них искушениям от духов лукавствия, не стерпели волнения и всего того лишились.

А потому, чтоб не испытать такого превращения, надобно поставить себя как бы на мериле испытания и внимательного за собою наблюдения, по учению св. Исаака Сирина: *Якоже на мериле приличествует извести коемуждо жительство свое* (Сл. 40).

Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и с пророком говорить: *Не нам, Господи, не нам но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9).

27. О БОДРСТВОВАНИИ ПРОТИВ ИСКУШЕНИЙ

Мы всегда должны быть внимательны к нападениям диавола; ибо можем ли надеяться, чтоб он оставил нас без искушения, когда не оставил Самого Подвигоположника нашего и Начальника веры и Совершителя Господа Иисуса Христа? Сам Господь апостолу Петру сказал: *Симоне! Симоне! се сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу* (Лук. 22, 31).

Итак, мы должны всегда во смирении призывать Господа и молить, да не попустит на нас быти искушению выше силы нашея, но да избавит нас от лукавого.

Ибо когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов пшеничное зерно.

28. О ПЕЧАЛИ

Когда злой дух печали овладеет душою, тогда, наполнив ее горестью и неприятностью, не дает ей совершать молитву с должным усердием, мешает заниматься чтением Писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братьями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумною и исступленною, не может спокойно ни принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как виновников ее смущения, и не понимает, что причина болезни внутри ее. Печаль есть червь сердца, грызущий раждающую его мать.

Печальный монах не движет ума к созерцанию и никогда не может совершать чистой молитвы.

Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстью обличается от печали.

Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел.

Как огонь очищает золото, так печаль по Бозе очищает греховное сердце (Ант. Сл. 25).

29. О СКУКЕ И УНЫНИИ

С духом печали неразлучно действует и скука. Она, по замечению отцов, нападает на монаха около полудня и производит в нем такое страшное беспокойство, что несносны ему становятся и место жительства, и живущие с ним братья, а при чтении возбуждается какое-то отвращение, и частая зевота и сильная алчба. По насыщении чрева демон скуки внушает монаху помыслы выйти из кельи и с кем-нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться от скуки, как непрестанно беседуя с другими. И монах, одолеваемый скукою, подобен пустынному хворосту, который то немного остановится, то опять несется по ветру. Он, как безводное облако, гонимое ветром.

Сей демон, если не может извлечь монаха из кельи, то начинает развлекать ум его во время молитвы и чтения. Это, говорит ему помысл, лежит не так, а это не тут, надобно привести в порядок, и это все делает для того, чтобы ум сделать праздным и бесплодным.

Болезнь сия врачуется молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением; потому что и рождается она от малодушия и праздности и празднословия (Ант. сл. 26, Ис. Сир. 212).

Трудно избежать ее начинающему жизнь монашескую, ибо она первая нападает на него. Потому прежде всего и должно остерегаться ее посредством строгого и беспрекословного исполнения всех возлагаемых на послушника обязанностей. Когда занятия твои придут в настоящий порядок, тогда скука не найдет места в сердце твоем. Скучают только те, у кого дела не в порядке. Итак, послушание есть лучшее врачебство против сей опасной болезни.

Когда одолевает тебя скука, то говори себе, по наставлению преп. Исаака Сирина: ты опять желаешь нечистоты и постыдной жизни. И если помысл скажет тебе: великий грех убивать себя, — ты скажи ему: убиваю себя, потому что не могу жить нечисто. Умру здесь, чтобы не увидеть истинной смерти — души моей в отношении к Богу. Лучше мне умереть здесь за чистоту, нежели жить в мире жизнью злою. Я предпочел смерть сию грехам моим. Убью себя, потому что я согрешил Господу и не буду более прогневлять Его. Что мне жить в удалении от Бога? Озлобления сии стерплю, чтоб не лишиться небесной надежды. Что Богу в моей жизни, если я буду жить худо и прогневлять Его (Сл. 22)?

Иное — скука и иное — томление духа, называемое унынием. Бывает иногда человек в таком состоянии духа, что, кажет-

ся ему, легче ему было бы уничтожиться или быть без всякого чувства и сознания, нежели долее оставаться в этом безотчетно-мучительном состоянии. Надобно спешить выйти из него. *Блюдись от духа уныния, ибо от него раждается всякое зло* (Варс. Отв. 73, 500).

Есть уныние естественное, учит св. Варсонофий, от бессилия, и есть уныние от беса. Хочешь ли знать это? Испытай так: бесовское приходит прежде того времени, в которое должно дать себе отдохновение. Ибо когда кто предположит себе сделать что-нибудь, оно прежде, нежели исполнена будет треть или четверть дела, нудит его оставить дело и встать. Тогда не надобно слушать его, но надобно сотворить молитву и сидеть за делом с терпением.

И враг, видя, что он поэтому творит молитву, удаляется, потому что не хочет давать повода к молитве (Варс. Отв. 562, 563, 564, 565).

Когда Богу угодно, — говорит св. Исаак Сирин, — повергнув человека в большие скорби, попускает ему впасть в руки малодушия. Оно рождает в нем крепкую силу уныния, в котором он испытывает душевную тесноту и это есть предвкушение геенны; вследствие же сего находит дух исступления, от которого происходят тысячи искушений: смущение, ярость, хула, жалоба на свою участь, развращенные помыслы, переселение из места в место и тому подобное. Если спросишь: какая сему причина? то скажу: твое нерадение, потому что ты не позаботился поискать уврачевания их. Ибо врачевание для всего этого одно, при помощи которого человек скоро находит утешение в душе своей. И что же это за врачебство? Смиренномудрие сердца. Ничем, кроме него, человек не может разрушить оплот сих пороков, а напротив того находит, что сии превозмогают над ним (Исаак Сир. Сл. 79).

Уныние у св. отцов иногда называется праздностью, леностью и разленением.

30. ОБ ОТЧАЯНИИ

Как Господь печется о нашем спасении, так человекоубийца — диавол старается привести человека в отчаяние.

Отчаяние, по учению св. Иоанна Лествичника, раждается или от сознания множества грехов, отчаяния совести и несносной печали, когда душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их боли погружается во глубину отчаяния, или от гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал. Первого рода отчаяние влечет человека во все пороки без разбора, а при отчаянии второго

рода человек держится еще своего подвига, что, по словам св. Иоанна Лествичника, и не совместно разуму. Первое врачуется воздержанием и благою надеждою, а второе — смирением и неосуждением ближнего (Лест. степ. 26).

Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастьях, каких бы то ни было. Иуда предатель был малодушен и неискусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и принудил его удавиться; но Петр — твердый камень, когда впал в великий грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем.

Итак, братья, учит преп. Антиох, когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему, но, укрепляясь и ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому духу: что нам и тебе, отчужденный от Бога, беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего.

Христос, Сын Божий, власть имеет и над нами и над всем. Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые честным Его крестом, мы попираем твою змииную главу (Ант. сл. 27).

31. О БОЛЕЗНЯХ

Тело есть раб души, душа — царица, а потому сие есть милосердие Господне, когда тело изнуряется болезнями; ибо от сего ослабевают страсти, и человек приходит в себя; и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей.

Отними грех и болезней не будет; ибо они бывают в нас от греха, как сие утверждает св. Василий Великий (Слово о том, что Бог не есть причина зол): откуда недуги? Откуда повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг; душу, а не грех. Что же паче всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение с Ним посредством любви. Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него, а отпадая подвергаемся различным и многообразным недугам.

Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига или даже более.

Один старец, страдавший водяною болезнью, говорил братьям, которые приходили к нему с желанием лечить его: отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болезни мой внутренний человек; а что касается до настоящей болезни, то я прошу Бога о том, чтобы Он не вдруг освободил меня от нее, ибо *поколику внешний наш человек тлеет, потолику внутренний обновляется* (2 Кор. 4, 16).

Буде Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога.

32. О ДОЛЖНОСТЯХ И ЛЮБВИ К БЛИЖНИМ

С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видов оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце нашем как бы камень ложится.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви.

Брату грешащу, покрой его, как советует св. Исаак Сирин (Сл. 89): *Простри ризу твою над согрешающим и покрой его.* Мы все милости Божией требуем, как Церковь поет: *Аще не Господь бы был в нас, кто доволен цел сохранен быти от врага, купно же и человекоубийцы.*

Мы в отношении к ближним должны быть, как словом, так и мыслью, чисты и ко всем равны; иначе жизнь нашу сделаем безполезною.

Мы должны любить ближнего не менее, как самих себя, по заповеди Господней: *Возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе* (Лук. 10, 27). Но не так, чтоб любовь к ближним, выходя из границ умеренности, отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, т. е. любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос: *Иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дщерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37). О сем предмете весьма хорошо рассуждает св. Димитрий Ростовский (ч. 2, поуч. 2): там видна неправдивая к Богу в христианском человеке любовь, где тварь со Творцом сравнивается, или более тварь, нежели Творец почитается; а там видна правдивая любовь, где один Создатель паче всего создания любится и предпочитается.

33. О НЕОСУЖДЕНИИ БЛИЖНЕГО

Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим, или коснеющим в преступлении заповедей Божиих, по слову Божию: *Не судите, да не судими будете* (Матф. 7, 1), и паки: *Ты кто еси судяй чуждему рабу? своему Господеви стоит или падает; станет же, силен бо есть Бог поставити его* (Рим. 14, 4).

Гораздо лучше всегда приводить себе на память сии Апостольские слова: *Мняйся стояти да блюдется, да не падет*

(1 Кор. 10, 12). Ибо неизвестно, сколько времени мы можем в добродетели пребывать, как говорит пророк, опытом сие дознавший: *Рех во обилии моем: не подвижуся во век. Отвратил же еси лице Твое, и бых смущен* (Пс. 29, 7—8).

Отчего мы осуждаем братий своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя и перестанешь осуждать других.

Самих себя должно нам считать грешнейшими всех и всякое дурное дело прощать ближнему, а ненавидеть только диавола, который прельстил его. Случается же, что нам кажется, другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это хорошо. Притом дверь покаяния всем отверзта и неизвестно, кто прежде войдет в нее — ты ли, осуждающий, или осуждаемый тобою.

Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай. Если осуждаешь ближнего, учит преп. Антиох, то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чем его осуждаешь. Судить или осуждать не нам надлежит, но единому Богу и Великому Судье, ведущему сердца наши и сокровенные страсти естества (Ант. 49).

Чтоб избавиться осуждения, должно внимать себе, ни от кого не принимать посторонних мыслей и быть ко всему мертву.

Итак, возлюбленные, не будем наблюдать за чужими грехами и осуждать других, чтобы не услышать: *Сынове человечестии, зубы их оружия и стрелы, и язык их мечь остр* (Пс. 56, 5).

34. О ПРОЩЕНИИ ОБИД

За обиду, какая бы не нанесена была, не только не должно отмщать, но напротив того должно еще прощать обидчика от сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убеждением слова Божия: *Аще не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш небесный отпустит вам согрешений ваших* (Матф. 6, 15), и паки: *Молитеся за творящих вам напасть* (Матф. 5, 44).

Не должно питать в сердце злобы или ненависти к ближнему враждующему, но должно любить его и, сколько можно, творить ему добро, следуя учению Господа нашего Иисуса Христа: *Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* (Матф. 5, 44).

Когда твою честь кто уничижает или отнимает, то всеми мерами старайся, чтобы простить ему, по слову Евангелия: *От взимающаго твоя не истязуй* (Лук. 6, 30).

Бог заповедал нам вражду только против змия, т. е. против того, кто изначала обольстил человека и изгнал из рая, — против человекоубийцы-диавола. Повелено нам враждовать и против Мадианитян, т. е. против нечистых духов блуда и студодеяния, которые сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

Поревнуем возлюбленным Божиим: поревнуем кротости Давида, о котором преблагий и любоблагий Господь сказал: Нашел Я мужа по сердцу моему, который исполнит все хотения Мои. Так Он говорит о Давиде незлопамятном и добром ко врагам своим. И мы не будем делать ничего в отмщение брату нашему, дабы, как говорит преп. Антиох, не было остановки во время молитвы.

Об Иове свидетельствовал Бог, как о человеке незлобивом (Иов. 2, 3); Иосиф не мстил братьям, которые умыслили на него зло; Авель в простоте и без подозрения пошел с братом своим Каином.

По свидетельству слова Божия, святые все жили в незлобии. Иеремия, беседуя с Богом (Иер. 18, 20), говорит о гнавшем его Израиле: *Егда воздаются злая за благая? Помяни стоящаго пред Тобою, еже глаголати за них благая* (Ант. сл. 52).

Итак если мы будем, сколько есть сил, стараться все сие исполнять, то можем надеяться, что в сердцах наших воссияет свет Божественный, озаряющий нам путь к горнему Иерусалиму.

35. О ТЕРПЕНИИ И СМИРЕНИИ

Надобно всегда терпеть все, что бы ни случилось, Бога ради, с благодарностью. Наша жизнь — одна минута в сравнении с вечностью; и потому недостойны, по Апостолу, *страсти нынешняго времене к хотящей славе явится в нас* (Рим. 8, 18).

Оскорбления от других переносить должно равнодушно и приобучаться к такому расположению духа, как бы их оскорбления не до нас, а до других касались.

В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг, и единому Господу открывай тогда свое сердце.

Когда люди поносят нас, мы должны считать себя недостойными похвалы. Ежели бы были достойны, то бы все кланялись нам.

Мы всегда и пред всеми должны уничижать себя, следуя учению св. Исаака Сирина: *Уничижи себе и узришь славу Божию в себе* (Сл. 57).

Не сущу свету, вся мрачна, так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма. Посему возлюбим смирение

и узрим славу Божию; идеже бо истекает смирение, тамо слава Божия источается.

Как воск не разогретый и не размягченный не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией. Когда диавол оставил Господа, тогда приступили ангелы и служили Ему (Матф. 4, 11). Так, если во время искушений несколько отходят от нас ангелы Божии, то недалеко, и скоро приступают и служат нам Божественными помышлениями, умилением, услаждением, терпением. Душа, потрудившись, стяжевает и прочие совершенства. Почему св. пророк Исаия говорит: *Терпящии Господа изменят крепость, окрылатеют, аки орли, потекутъ и не утрудятся, пойдут и не взалчут* (Ис. 40, 31).

Так терпел и кротчайший Давид: ибо, когда Семей поносил его и метал на него камни, говоря: *Изыди мужу беззаконный*, — он не сердился; и когда Авесса, вознегодовав на сие, сказал ему: *Почто проклинает пес умерший сей Господина моего Царя?* он запретил ему, говоря: *Оставите его и тако да проклинает мя, ибо Господь увидит и воздаст мне благое* (2 Цар. 16, 7—12).

Почему после и воспел: *Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39, 2).

Как чадолюбивый отец, когда видит, что сын его живет беспорядочно, наказывает его; а когда увидит, что он малодушен и наказание свое сносит с трудом, тогда утешает: так поступает с нами и благий Господь и Отец наш, употребляя все для нашей пользы, как утешения, так и наказания, по Своему человеколюбию. И потому мы, находясь в скорбях, как дети благопокорливые, должны благодарить Бога. Ибо если станем благодарить Его только в благополучии, то подобны будем неблагодарным иудеям, которые, насытившись чудной трапезы в пустыни, говорили, что Христос воистину есть пророк, хотели взять Его и сделать царем, а когда Он сказал им: делайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее в живот вечный, тогда говорили Ему: *Кое убо Ты твориши знамение? Отцы наши ядоша манну в пустыни* (Иоан. 6, 27—31). Прямо на таких падает слово: *Исповестся Тебе, егда благо сотвориши ему, — и таковый даже до конца не узрит света* (Пс. 48, 19—20).

Посему Апостол Иаков учит нас: *Всяку радость имейте, братия моя, егда во искушения впадаете различна, ведяще, яко искушение вашея веры соделывает терпение: терпение же дело совершенно да имать, и прибавляет: Блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв приимет венец жизни* (Иак. 1, 2—4, 12).

36. О МИЛОСТЫНЕ

Должно быть милостиву к убогим и странным; о сем много пеклись великие светильники и отцы Церкви.

В отношении к сей добродетели мы должны всеми мерами стараться исполнять следующую заповедь Божию: *Будите убо милосерди, яко же и Отец ваш милосерд есть* (Лук. 6, 36), а также: *Милости хощу, а не жертвы* (Матф. 9, 13).

Сим спасительным словам мудрые внимают, а неразумные не внимают; оттого и награда неодинакова, как сказано: *Сеющии скудостию, скудостию и пожнут; сеющии же о благословении, о благословении и пожнут* (2 Кор. 9, 6).

Пример Петра Хлебодара (Четьи Минеи, сентября 22), который за кусок хлеба, поданный нищему, получил прощение во всех его грехах, как это было показано ему в видении, — да подвигнет нас к тому, чтобы и мы были милостивы к ближним: ибо и малая милостыня много способствует к получению Царства Небесного.

Творить милостыню мы должны с душевным расположением, по учению св. Исаака Сирина: *Аще даси что требующему, да предварит деяние твое веселие лица твоего и словесы благими утешай скорбь его* (Сл. 89).

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] ЦГИАМ. Ф. 2393. Оп. 1. Д. 1492. Л. 1.

[2] *Серафим (Толстошеев), схиигумен.* Сказание о подвигах и событиях жизни старца Серафима, иеромонаха, пустынника и затворника Саровской пустыни. С присовокуплением очерка жизни первоначальницы Дивеевской женской обители Агафии Симеоновны Мельгуновой. Собственность Серафимо-Понетаевского монастыря. СПб.: Типо-литография В. В. Оболенского, 1877. С. 3.

[3] *Бочаров Г. Н.* К родословной преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Курск: Типография Курского губернского земства, 1911. С. 88.

Глава первая. КУРСК

[1] Курск: Очерки истории города. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1968. С. 12—13.

[2] Слово о полку Игореве / Исслед. и ил. А. В. Артемьева. М.: Родник, 2000. С. 5.

[3] *Федоров С. И.* Центры городов Орла, Курска и Белгорода — комплексные памятники истории и культуры. Л.: Стройиздат, 1975. С. 169.

[4] Курск: Очерки истории города. С. 25—27.

[5] Курск: Краеведческий словарь-справочник. Курск: Юмекс, 1997. С. 295.

[6] Улицы города Курска: Справочник по истории площадей и улиц города. 1782—2000 гг. / Сост. А. С. Травина. Курск: Гос. архив Курской обл.; Курское областное краеведческое общество, 2000. С. 3—5.

[7] *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке: По материалам таможенных и оброчных книг города. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 508.

[8] Там же. С. 549, 558.

[9] Там же. С. 553.

[10] Переписная книга Курска: 1678 г. / Изд. подгот. Н. Д. Борщик, А. И. Раздорский. Курск: Пресс-факт, 2007. С. 46.

[11] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1129. Л. 2.

[12] *Авдеева Е.* Воспоминания о Курске // Курский край. № 3—4 (66—67). Курск, 2005. С. 47.

[13] Там же. С. 48.

[14] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 243. Л. 104 об.

[15] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1129. Л. 2.

[16] Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1665. Л. 61.

[17] *Лещенко В. Ю.* Русская семья (XI—XIX вв.). СПб.: СПГУТД, 2004. С. 140.

[18] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1666. Л. 31.

[19] *Скобликова Т. Е.* Промысел Кожлянской игрушки // Курский край. № 1—2 (76—77). Курск, 2006. С. 64.

[20] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 215. Л. 263.

[21] ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 901. Л. 10.

[22] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1672. Л. 12.

[23] Там же. Л. 2.

[24] Там же. Д. 1670. Л. 48.

[25] Там же. Л. 47.

[26] Там же. Л. 48—48 об.

[27] ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 10. Л. 52.

[28] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1666. Л. 31 об. Также см.: там же. Д. 1665. Л. 73 об.

[29] Там же. Д. 1670. Л. 109.

[30] Там же. Ф. 742. Оп. 1. Д. 819. Л. 64 об.

[31] ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 190. Л. 549.

[32] Там же. Ф. 108. Оп. 8. Д. 1355. Л. 1—20.

[33] Курские губернские ведомости. 1903. 31 июля. № 163.

[34] *Денисов Л. И.* Житие, подвиги, чудеса, духовные наставления и открытие святых мощей преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. С историческими очерками Саровской пустыни и женских монастырей, основанных под благодатным воздействием преподобного Серафима. М.: Издание А. Д. Ступина, 1904. С. 699.

[35] *Бочаров Г. Н.* Указ. соч. С. 94.

[36] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 5 об.

[37] Там же. Д. 293. Л. 7 об.

[38] Там же. Л. 7.

[39] Там же. Л. 11.

[40] Там же.

[41] Там же. Д. 523. Л. 8.

[42] Там же. Д. 530. Л. 4 об.

[43] Там же. Д. 542. Л. 7 об.

[44] Там же. Л. 27 об.

[45] Там же. Л. 37 об.

[46] Там же. Д. 554. Л. 7 об.

[47] Там же. Д. 561. Л. 7 об.

[48] Там же. Д. 575. Л. 7 об.

[49] ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239 А. Д. 1187 (1834). Л. 252 об., 256.

[50] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 990. Л. 2.

[51] Духовный регламент. СПб., 1721. С. 87; Духовный регламент. М., 1804. С. 140.

[52] ГАНО. Арзамас. Ф. 20. Оп. 1. Д. 23. Л. 69.

[53] Там же. Д. 10. Л. 152 об.

[54] Там же. Л. 273.

[55] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 5.

[56] Там же. Л. 18 об.

[57] Там же. Д. 293. Л. 18.

[58] Там же. Л. 2.

[59] *Авель (Ванюков), иеромонах.* Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки в ней подвизавшиеся: Записки, собранные Троицкой Сергиевой лавры иеромонахом Авелем. М.: Типография А. Семена, 1853; М.: Сретенский монастырь, 1996 [репринт]. С. 91.

[60] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 361. Л. 108 об.

[61] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 830. Л. 505.

[62] Там же. Л. 510.

[63] Там же. Л. 573.

[64] Там же. Д. 1478. Л. 904.

[65] *Бочаров Г. Н.* Указ. соч. С. 86.

[66] *Раздорский А. И.* Указ. соч. С. 294, 310.

[67] *Сергий (Васильев), иеромонах.* Указ. соч. С. 5—6.

[68] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1103. Л. 33.

[69] Там же. Д. 1478. Л. 213—217.

[70] ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 27. Л. 28.

[71] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1348. Л. 639.

[72] Описание Курскаго наместничества из древних и новых разных о нем известий, вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней Расправы прокурором. М.: Вольная типография Пономарева, 1786. С. 21. Следует отметить, что в 1779 году в Курске был построен и освящен храм во имя Флора и Лавра, похожий на Сергиево-Казанский собор, но более пропорциональный.

[73] *Сергий (Васильев), иеромонах.* Указ. соч. С. 6.

[74] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135. Л. 14.

[75] Журнал Московской патриархии. 1991. № 12. С. 49.

[76] НИОР РГБ. Ф. 304/II. Д. 293. Л. 54.

[77] О цели христианской жизни: Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его о цели Христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым / Сост. А. Стрижев. М.: Паломник, 1999. С. 15.

[78] Словарь курских говоров / Науч. ред. Т. А. Пименова: В 2 т. Курск: Изд-во КГУ, 2004.

[79] *Серафим (Толстошеев), схиигумен.* Указ. соч. С. 232.

[80] НИОР РГБ. Ф. 213. Карт. 108. Д. 42. Л. 1—2.

[81] *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1959. С. 101.

[82] РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. Д. 315.

[83] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 498. Л. 21.

[84] Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкия Сергиевы лавры архимандриту Антонию. 1831—1867 гг.: В 4 ч. М.: Типография Э. Лисснер и Ю. Роман, 1877—1884. Ч. 3. С. 386.

[85] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 666. Л. 1—38.
[86] РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 10143. Л. 4, 74.
[87] Там же. Д. 10906. Л. 40, 41 об.
[88] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12431. Л. 73.
[89] Записки Николая Александровича Мотовилова... С. 131—132.
[90] Алкоран о Магомете, или Закон турецкий, переведенный с французского языка на российский. СПб., 1716. По описи 1804 года в монастырской библиотеке находилось три печатных экземпляра этой книги и один рукописный. На этот момент в книгохранилище находилось 2254 печатных и 487 рукописных единиц хранения, а в 1855-м – свыше пяти тысяч единиц хранения.
[91] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1129. Л. 17 об.
[92] Там же. Д. 1103. Л. 48.
[93] ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 53. Л. 2.
[94] НИОР РГБ. Ф. 214. Д. 303. Л. 107—110 об.
[95] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1445. Л. 4—4 об.
[96] ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 190. Л. 588.
[97] *Бочаров Г. Н.* Указ. соч. С. 92.
[98] ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 191. Л. 447 об. — 448.
[99] Там же. Д. 190. Л. 761.
[100] Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 27. Л. 66 об.
[101] Там же. Ф. 184. Оп. 2. Д. 191. Л. 448.
[102] Курские епархиальные ведомости. 1903. № 50 (неофициальная часть). С. 1032. Сообщение С. Булгакова: «В метрических книгах Курской градской Успенско-Ахтырской церкви, в третьей части об умерших, за 1800 год, под № 9, значится следующий акт: Февраля 29 дня погребена вдова мещанка Агафия Фатеева дочь Сидорова, жена Мошнина, 72 лет. Погребение совершал священник означенной церкви, о. Василий Псарев».
[103] ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 532. Л. 516.
[104] Там же. Д. 409. Л. 35 об. — 36.
[105] Там же. Д. 1018. Л. 261 об. — 262.
[106] *Бочаров Г. Н.* Указ. соч. С. 88.
[107] *Лев Лебедев, протоиерей.* Загадка одного портрета: Новые данные к жизнеописанию прп. Серафима Саровского. Курск: Церковно-краеведческий отдел Курской епархии РПЦ, 2004. С. 17—18.
[108] ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 409. Л. 70 об. — 71.
[109] Там же. Л. 41 об. — 42.
[110] Там же. Д. 1018. Л. 915 об. — 916.
[111] Там же. Д. 532. Л. 469 — 470.
[112] Там же. Д. 791. Л. 759 об.
[113] *Бочаров Г. Н.* Указ. соч. С. 106.
[114] Там же. С. 107.
[115] ГАНО. Арзамас. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.
[116] *Бочаров Г. Н.* Указ. соч. С. 108.
[117] ГАНО. Арзамас. Ф. 53. Оп. 1.
[118] *Танков А. А.* Несколько новых данных о преподобном Сера-

фиме Саровском (Из архива Курской духовной консистории) // Курские губернские ведомости. № 163. 1903. 31 июля.

[119] ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 356. Л. 659 об.

[120] Там же. Д. 190. Л. 575

[121] Там же. Д. 191. Л. 464.

[122] Там же. Д. 356. Л. 392.

[123] Там же. Д. 733. Л. 501 об.

[124] Там же. Д. 791. Л. 788 об.

[125] Там же. Д. 1018. Л. 795 об. — 796.

[126] Там же. Д. 356. Л.144.

[127] Там же. Д. 191. Л. 400 об.

[128] Там же. Д. 108. Л. 805.

[129] Там же. Д. 191. Л. 933—934.

[130] Там же. Д. 191. Л. 456 об. — 457.

[131] Там же. Д. 108. Л. 643.

[132] Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила. СПб.: Типография Департамента уделов, 1863. С. 1.

[133] *Бочаров Г. Н.* Указ. соч. С. 88.

[134] *Лев Лебедев, протоиерей.* Указ. соч. С. 11—12.

[135] ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 153. Л. 3.

[136] Там же. Л. 1.

[137] Там же. Д. 901. Л. 9.

[138] *Лев Лебедев, протоиерей.* Указ. соч. С. 14.

[139] РГАДА. Ф. 520. Оп. 1. Д. 6179. Л. 1.

[140] Там же. Д. 5867 (1764).

[141] Там же. Л. 1.

[142] Там же. Л. 3.

[143] Там же. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1129. Л. 1.

[144] Там же. Л. 3.

[145] Там же. Л. 17—17 об.

[146] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1129. Л. 4.

[147] *Танков А. А.* Указ. соч.

[148] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1129. Л. 17 об.

[149] Там же. Л. 13.

[150] Там же. Л. 16.

[151] Там же. Д. 7248. Л. 3.

[152] Там же. Л. 1 об.

[153] Там же. Л. 4 об.

[154] Там же. Д. 1129. Л. 18.

[155] Там же. Л. 19.

[156] ПСЗРИ. № 12474.

[157] ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 339. Л. 397.

[158] Там же. Д. 901. Л. 11.

[159] Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 27. Л. 12.

[160] Там же. Л. 25.

[161] Там же. Л. 17 об.

[162] Там же. Ф. 184. Оп. 2. Д. 190. Л. 588.
[163] *Сергий (Васильев), иеромонах.* Указ. соч. С. 5—6.
[164] *Лев (Лебедев), протоиерей.* Указ. соч.
[165] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1348. Л. 228.
[166] Историческое описание Коренной Рождества Богородицы пустыни. М.: [Б. и.], 1886. С. 203—204.
[167] НИОР РГБ. Ф. 214. Д. 313. Л. 2 — 3 об.
[168] Там же. Д. 366. Л. 88 об. — 90 об.
[169] Там же. Д. 350. Л. 200.
[170] ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 733. Л. 726 об. — 727.
[171] Там же. Д. 1018. Л. 1020 об. — 1021.
[172] О цели христианской жизни... С. 28.
[173] ПСЗРИ. Т. XI. № 85004.
[174] ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 943. Л. 5.
[175] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1129. Л. 19 об.
[176] Описание Курскаго наместничества... С. 24.
[177] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1317. Л. 65—69.
[178] Там же. Д. 1306. Л. 338.
[179] ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 901. Л. 12 — 12 об.
[180] Там же. Л. 9.
[181] Там же. Л. 10 об.
[182] Там же. Л. 9 об.
[183] Там же. Л. 11.
[184] Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила. М.: Типо-литография И. Ефимова, 1884. С. 21.
[185] ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 190. Л. 588.
[186] ПСЗРИ. № 3445, 16187, 21939, 24116.
[187] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 5.
[188] Там же. Д. 90. Л. 67 об.
[189] *Миклашевич В. С.* Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия: В 4 т. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1864—1865. Т. 4. С. 175—184.
[190] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5. Л. 17 об. — 18.
[191] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1445. Л. 5.
[192] ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 1086. Л. I.
[193] Там же. Д. 1087. Л. 1.
[194] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1445. Л. 4 — 4 об.
[195] Там же. Л. 6.
[196] Там же. Л. 8 — 8 об.
[197] Там же. Л. 7.
[198] Там же. Л. 10.
[199] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 13.
[200] Там же. Д. 74. Л. 5.
[201] НИОР РГБ. Ф. 214. Д. 55. Л. 61 об.
[202] Там же. Ф. 304/II. Д. 240. Л. 399.
[203] Поучения и беседы преподобного Серафима Саровского:

Стихиры, канон и акафист Богу Духу Святому. Служба и акафист преподобному Серафиму Саровскому. М.: Правило веры, 1999. С. 162.

[204] Сказания о жизни и подвигах старца Серафима, иеромонаха Саровской обители и затворника, извлеченные из записок ученика его // Маяк. СПб., 1844. Т. 16. С. 64.

[205] НИОР РГБ. Ф. 214. Д. 55. Л. 61 об.

[206] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 7.

[207] Там же. Л. 15.

[208] *Бочаров Г. Н.* Указ. соч. С. 88.

[209] ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 1554. Л. 5 об.

[210] Там же. Д. 1781. Л. 2. Опись дома Шандрикова состоялась в августе—сентябре 1798 года. Соседями на этот момент записаны Григорий Кавелин и Алексей Мошнин. По исследованию Г. Н. Бочарова, усадьба Кавелина в 1797 году перешла Шульгиной, что не увязывается с материалами данного дела.

[211] РГАДА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1445. Л. 13.

[212] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 16—16 об.

[213] Там же. Л. 14 об

[214] Там же. Л. 17—17 об.

[215] Там же. Д. 450. Л. 6—7.

[216] Там же. Д. 201. Л. 24.

[217] Там же. Д. 851. Л. 30 об.

[218] ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 458. Л. 63.

[219] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 851. Л. 71 об.

[220] *Сергий (Спасский), архимандрит.* Полный месяцеслов Востока: В 3 т. М.: Православная энциклопедия, 1997. Т. 1. С. 13.

[221] Сказание о первом жительстве монахов и о построении церкви Пресвятыя Богородицы Живоноснаго Ея Источника, в пустыне, на Старом Городище, где ныне стоит общежительная Саровская пустынь // Известия Тамбовской губернской ученой архивной комиссии (ИТУАК). Тамбов: Типо-литография губернского правления, 1904. Вып. 49. С. 104. Следует упомянуть двух патриархов Константинопольских: Серафим I (1733—1734) и Серафим II (1757—1760).

[222] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 243. Л. 39 об.

[223] Там же. Д. 979. Л. 21 об.

Глава вторая. САРОВ

[1] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101. Л. 1—5.

[2] РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. Д. 103. Л. 17 об.

[3] Там же. Ф. 1103. Оп. 1. Д. 673. Л. 4.

[4] Там же. Д. 670. Л. 2 об. — 4.

[5] Там же. Д. 3012. Л. 2 об.

[6] ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 457. Л. 83—83 об.

[7] Там же. Л. 91 об.

[8] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 43—43 об.
[9] Там же. Л. 44 об.
[10] Там же. Л. 48.
[11] ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 457. Л. 103 об. — 104.
[12] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 991. Л. 47 об.
[13] Там же. Д. 243. Л. 44.
[14] ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 457. Л. 106 об.
[15] Там же. Л. 112.
[16] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37.
[17] Там же. Д. 58. Л. 8 об.
[18] Там же. Д. 70. Л. 6 об.
[19] РГИА. Ф. 796. Оп. 15. Д. 5. Л. 534 об.
[20] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1000. Л. 2—9.
[21] Там же. Д. 65. Л. 6 об.
[22] Там же. Д. 73. Л. 24.
[23] РГИА. Ф. 796. Оп. 15. Д. 5. Л. 5.
[24] Там же. Л. 444 об.
[25] Там же. Л. 268—279 об.
[26] РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 370. Ч. 3. Л. 371.
[27] Там же. Ч. 5. Л. 2.
[28] Там же. Ч. 5. Л. 131.
[29] Там же. Л. 132.
[30] Там же. Л. 133 об.
[31] *Коновалов П.* На этом месте возвышался храм // Невский богослов. 2009. № 1. С. 46—49.
[32] РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 370. Ч. 5. Л. 137.
[33] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 151. Л. 56—60.
[34] Там же. Д. 68. Л. 5.
[35] Там же. Д. 357. Л. 6.
[36] Там же. Д. 75. Л. 3.
[37] Там же. Д. 70. Л. 7 об.
[38] Там же. Д. 1145. Л. 35 об.
[39] Там же. Л. 38.
[40] Там же. Д. 116. Л. 1—4.
[41] ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 458. Л. 18 об. — 19.
[42] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 11.
[43] Отец Феодор прибыл в Саров 3 февраля 1757 года (ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 11).
[44] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.
[45] Там же. Д. 93. Л. 28.
[46] Там же. Д. 137. Л. 8.
[47] Там же. Д. 116. Л. 24.
[48] *Миклашевич В. С.* Указ. соч. С. 184—187.
[49] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1145. Л. 69.
[50] Там же. Оп. 5. Д. 3. Л. 3.
[51] Там же. Л. 7 об. — 13.
[52] Там же. Оп. 1. Д. 1145. Л. 89—91.
[53] Там же. Л. 92—92 об.

[54] Там же. Д. 205. Л. 32—32 об.
[55] ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 458. Л. 60 об.
[56] Описание Курскаго наместничества... С. 23.
[57] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1670. Л. 64 об.
[58] Там же. Л. 22 об.
[59] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135. Л. 88—88 об.
[60] Там же. Д. 1145. Л. 46.
[61] Там же. Д. 143. Л. 5.
[62] Там же. Оп. 3. Д. 5. Л. 2.
[63] Там же. Оп. 1. Д. 851. Л. 2—124 об.
[64] Там же. Д. 135. Л. 87 об.
[65] Там же. Д. 90. Л. 47.
[66] Там же.
[67] ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 108. Л. 581.
[68] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201. Л. 14.
[69] ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 108. Л. 581.
[70] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1666. Л. 28.
[71] Там же. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1 «А». Л. 54 об. — 61.
[72] Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1670. Л. 30 об.
[73] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18. Л. 2 об.
[74] НИОР РГБ. Ф. 213. Карт. 92. Д. 37. Л. 31.
[75] Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила. М.: Типо-литография И. Ефимова, 1884. С. 7—8.
[76] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 25.
[77] Там же. Д. 74. Л. 5.
[78] ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 162. Л. 1—7.
[79] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 234. Л. 18—18 об.
[80] Там же. Д. 243. Л. 2.
[81] Там же. Л. 18.
[82] Там же. Л. 26.
[83] Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила. СПб.: Типография Департамента уделов, 1863. С. 23—24.
[84] *Серафим (Чичагов), архимандрит.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии, Ардатовского уезда. С жизнеописанием основателей ее схимонахини Александры, урожденной А. С. Мельгуновой, и блаженного старца иеромонаха о. Серафима и его сотрудников: М. Мантурова, протоиерея о. Садовского, блаженной Пелагеи Ивановны Серебренниковой, Н. А. Мотовилова, сподвижниц обители и других. СПб.: Серафимо-Дивеевский монастырь, 1903. С. 52.
[85] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1128. Л. 14.
[86] Там же. Оп. 2. Д. 27. Л. 2.
[87] Там же. Л. 2.
[88] Там же. Л. 2 об.

[89] Там же. Л. 72.
[90] Там же. Оп. 1. Д. 238. Л. 3.
[91] Там же. Л. 7.
[92] Там же. Л. 13 об.
[93] Там же. Д. 243. Л. 4.
[94] Там же. Л. 12.
[95] *Георгий (Павлович), иерей.* Первоначальница Дивеевской обители преподобная Александра (Мельгунова). Материалы к биографии // Саровский летописец: Материалы IX исторической конференции, посвященной 320-летию образования первого поселения на Саровском городище (21—22 апреля 2011 года). Саров — Арзамас: АГПИ, 2011. С. 332.
[96] ЦАНО. Ф. 570. Оп. 556 (1828). Д. 201. Л. 7 об. — 8 об.
[97] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201. Л. 32.
[98] Там же. Д. 851. Л. 110.
[99] Там же. Д. 231. Л. 87.
[100] ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 458. Л. 63.
[101] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 851. Л. 128 об.
[102] Там же. Д. 851. Л. 45—57.
[103] Там же. Д. 231.
[104] Там же. Д. 283. Л. 56.
[105] Там же. Оп. 2. Д. 22. Л. 96.
[106] *Сергий, иеромонах.* Указ соч. С. 11.
[107] Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила. М.: Типо-литография И. Ефимова, 1884. С. 33.
[108] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 175. Л. 6 об.
[109] Там же. Оп. 1. Д. 135. Л. 14.
[110] ЦАНО. Ф. 5. Оп. 40. Д. 111 (1797). Л. 1—2.
[111] РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. Д. 219. Л. 55.
[112] Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила. М.: Типо-литография И. Ефимова, 1904. С. 36.
[113] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 74.
[114] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1061. Л. 36.
[115] НИОР РГБ. Ф. 214. Д. 55. Л. 62 об.
[116] Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила. М.: Типо-литография И. Ефимова, 1904. С. 45.
[117] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 243. Л. 12.
[118] Там же. Д. 90. Л. 72 об.
[119] НИОР РГБ. Ф. 304 II. Д. 180.
[120] Там же. Л. 10.
[121] Там же. Л. 10 об. — 19.
[122] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1128. Л. 24—25.

[123] Там же. Оп. 2. Д. 175. Л. 7.
[124] Там же. Оп. 1. Д. 570. Л. 61.
[125] НИОР РГБ. Ф. 213. Картон 58. Д. 26. Л. 38 об. — 39.
[126] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135. Л. 25.
[127] Там же. Д. 851. Л. 83 об. — 84 об.
[128] Там же. Д. 243. Л. 91—91 об.
[129] Там же. Л. 97.
[130] Там же. Д. 327 А.
[131] Там же. Д. 293. Л. 4 об.
[132] Там же. Д. 530. Л. 1 об. — 2.
[133] Там же. Оп. 2. Д. 57. Л. 2 об.
[134] Там же. Оп. 1. Д. 378. Л. 2 об.
[135] Там же. Д. 378. Л. 3.
[136] Там же. Оп. 2. Д. 57. Л. 4.
[137] Там же. Оп. 1. Д. 91. Л. 4—5.
[138] Там же. Оп. 2. Д. 27. Л. 67.
[139] Там же. Л. 17 об.
[140] Там же. Оп. 1. Д. 403. Л. 10.
[141] Там же. Оп. 2. Д. 27. Л. 35—35 об.
[142] Там же. Оп. 1. Д. 275, 285, 291, 321, 324, 380 и т. д.
[143] Там же. Д. 361. Л. 74.
[144] Там же. Д. 293. Л.18.
[145] Там же. Д. 361. Л. 71—73.
[146] Там же. Л. 14.
[147] Там же. Л. 12—14.
[148] Там же. Оп. 2. Д. 27. Л. 45.
[149] Там же. Оп. 1. Д. 378. Л. 3 об.—4.
[150] Там же. Оп. 2. Д. 27. Л. 5 об.
[151] НИОР РГБ. Ф. 214. Д. 55. Л. 62—62 об.
[152] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 69—69 об.
[153] Там же. Д. 361. Л. 83.
[154] Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила. М.: Типо-литография И. Ефимова, 1904. С. 67.
[155] *Казанский П.* Очерк жизни архимандрита Антония, наместника Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М.: Университетская типография, 1878. С. 9—10.
[156] НИОР РГБ. Ф. 316. Карт. 76. Д. 13. Л. 1—2.
[157] Там же. Ф. 214. Д. 55. Л. 61—61 об.
[158] *Иоасаф (Толстошеев), иеромонах.* Сказание о подвигах и событиях жизни старца Серафима, иеромонаха, пустынника и затворника Саровской пустыни. С присовокуплением очерка жизни первоначальницы Дивеевской женской обители Агафии Симеоновны Мельгуновой. Собственность Серафимо-Понетаевского монастыря. СПб.: [Б. и.], 1849. С. 45—46.
[159] *Алехина Л. И.* К истории публикации первых жизнеописаний преподобного Серафима Саровского // Наследие Серафима

Саровского и судьбы России: Материалы конференции. Москва — Саров, июнь 2004. Нижний Новгород: Глагол, 2004. С. 22—23.

[160] НИОР РГБ. Ф. 214. Д. 55. Л. 61.

[161] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 623. Л. 9 об.—10.

[162] Там же. Д. 541. Л. 25.

[163] Там же. Д. 640. Л. 37.

[164] Там же. Д. 671. Л. 11 об.

[165] Там же. Д. 679. Л. 11 об.—12.

[166] РГИА. Ф. 796. Оп. 120. Д. 705. Л. 153.

[167] Там же. Л. 162 об.

[168] ГАНО. Арзамас. Ф. 20. Оп. 1. Д. 86. Л. 3.

[169] РГАДА. Ф. 1468. Оп. 3. Д. 107. Л. 120.

[170] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 522. Л. 2.

[171] Там же. Д. 498. Л. 18.

[172] Рассказы об основателе Дивеевской Свято-Троицкой обители старце священноиеромонахе Серафиме. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь. Дивеево: Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, 2015. С. 387.

[173] Рассказы об отце основателе нашем старце священноиеромонахе Серафиме: Рассказы стариц и монахинь. Дивеево: Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, 2009. С. 239.

[174] *Соколов С.* Воспоминания о затворнике Саровской пустыни, о. Серафиме // Духовная беседа. СПб., 1864. Т. 21. С. 513—517.

[175] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 361. Л. 96.

[176] ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 458. Л. 87.

[177] ЦГА РМ. Ф. 1 Оп. 1. Д. 90. Л. 64 об.

[178] Там же. Д. 511.

[179] Рассказ о саровском старце о. Серафиме //Духовная беседа. 1872. № 22. С. 398.

[180] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 1—12.

[181] Там же. Д. 458. Л. 12.

[182] *Кузнецов А. А., Чепурнов Н. И.* Наградная медаль: В 2 т. М.: Патриот, 1992. Т. 1. С. 225.

[183] Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина [б. г.]. Т. 2. С. 1493.

[184] ЦАНО. Ф. 570. Оп. 556. Д. 266 (1827). Л. 55.

[185] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 73 об.

[186] Там же. Л. 72.

[187] Там же. Л. 63.

[188] Рассказы об отце основателе нашем старце... С. 373.

[189] ГАНО. Балахна. Ф. 570. Оп. 559 Б. Д. 981. Л. 18 об.

[190] *Георгий (Павлович), иерей.* Четвертый удел Божией Матери и Ее святая Канавка // К свету: Церковно-исторический альманах. Вып. 21: И именем и духом Серафим. М.: Информационно-издательский центр «К свету», 2003. С. 31—33.

[191] Рассказ о саровском старце о. Серафиме. С. 396.

[192] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 175. Л. 7.

[193] НИОР РГБ. Ф. 213. Картон 58. Д. 26. Л. 21 об.

[194] *Краваль Л. А.* «...И шестикрылый Серафим на перепутье мне явился...» // Пушкинская эпоха и христианская культура. Вып. 6. СПб.: Российский фонд культуры, 1994. С. 107. Или: Пушкин и Серафим Саровский // Московский журнал. М., 1995. № 7. С. 11—13.

[195] ЦАНО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 137 (1830). Л. 5.

[196] Там же. Ф. 2. Оп. 6. Д. 113. Л. 11—11 об.

[197] *Лазарь, монах.* Дивный старец — первое полное жизнеописание преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского и всея Руси чудотворца. М.: Русский хронограф, 2000.С. 194—195.

[198] ГАНО. Арзамас. Ф. 20. Оп. 1. Д. 27. Л. 279.

[199] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 317. Л. 19—19 об.

[200] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 389. Л. 24 об.

[201] НИОР РГБ. Ф. 213. Картон 58. Д. 26. Л. 3 об.—4.

[202] *Муравьев А. Н.* Саровская пустынь. СПб.: Типография К. Края, 1849. С. 25.

[203] Там же. С. 19.

[204] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1266. Л. 23 об.

[205] Там же. Д. 1385. Л. 113.

[206] *Муравьев А. Н.* Указ. соч. С. 25.

[207] Записки Николая Александровича Мотовилова... С. 20.

[208] Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря, 1999. С. 14—15.

[209] Записки Николая Александровича Мотовилова... С. 34.

[210] Рассказы об отце основателе нашем старце священноиеромонахе Серафиме... С. 375.

[211] Записки Николая Александровича Мотовилова... С. 61.

[212] Там же. С. 38.

[213] Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель. С. 23.

[214] Там же. С. 43—46.

[215] Записки Николая Александровича Мотовилова... С. 42.

[216] Там же. С. 166.

[217] *Мельник В. И.* Птенцы гнезда Серафимова. Мотовилов и Мантуров. М.: Дар, 2007. С. 81.

[218] Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель. С. 34.

[219] Там же. С. 34—37.

[220] Записки Николая Александровича Мотовилова... С. 39.

[221] Там же. С. 37.

[222] Там же. С. 24.

[223] *Иоасаф (Толстошеев).* Указ. соч. С. 102—109.

[224] Записки Николая Александровича Мотовилова... С. 79.

[225] Там же. С. 84.

[226] Беседа преподобного Серафима с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни. М.: Благо, 2000. С. 3.

[227] Записки Николая Александровича Мотовилова... С. 140.
[228] Там же. С. 131.
[229] Там же. С. 133.
[230] Там же. С. 47.
[231] *Свт. Игнатий (Брянчанинов), еп. Кавказский и Черноморский.* Собрание сочинений: В 7 т. М.: Ковчег, 2006. Т. 1: Аскетические опыты. С. 228—256.
[232] Там же.
[233] Алкоран о Магомете, или Закон турецкий, переведенный с французскаго языка на российский. СПб., 1716.
[234] Записки Николая Александровича Мотовилова... С. 131—132.
[235] Святого Петра Дамаскина. Кн. 1: О рассуждении. Добротолюбие. Ч. 3. Цит. по: *Свт. Игнатий (Брянчанинов), еп. Кавказский и Черноморский.* Т. 1: Аскетические опыты. Примечания.
[236] Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель. С. 137.
[237] Записки Николая Александровича Мотовилова... С. 109—111.
[238] Там же. С. 11.
[239] Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель. С. 121.
[240] РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1495. Л. 92.
[241] Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель. С. 125.
[242] Там же. С. 128—129.
[243] Там же. С. 120.
[244] Там же. С. 131.
[245] Там же. С. 130—134.
[246] Записки Николая Александровича Мотовилова... С. 124.
[247] Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель. С. 83—84.
[248] Записки Николая Александровича Мотовилова... С. 171.
[249] Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель. С. 154.
[250] Там же. С. 159.
[251] Там же. С. 160—161.
[252] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 72.
[253] Справка находится в личном архиве автора.
[254] ГАНО. Балахна. Ф. 570 (1879). Оп. 3. Д. 628. Л. 27 об.
[255] Описание общежительной Саровской пустыни. М.: Типолитография И. Ефимова, 1903. С. 131.
[256] НИОР РГБ. Ф. 214. Д. 55. Л. 61 об.
[257] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27. Л. 80.
[258] *Муравьев А. Н.* Указ. соч. С. 33.
[259] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 252. Л. 61.
[260] Там же. Д. 317. Л. 168.
[261] Там же. Д. 361. Л. 147.

[262] Там же. Д. 623. Л. 1—50.
[263] РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 4763. Л. 1.
[264] ЦАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 59. Л. 14 об.—15.
[265] РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 5125. Л. 13 об.
[266] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 319. Л. 23—23 об.
[267] Там же. Д. 1160. Л. 69—69 об.

Глава третья. ИЗ УСТ В УСТА

[1] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 404. Л. 8—8 об.
[2] РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 4763. Л. 2.
[3] Там же. Д. 554. Л. 5 об.—6.
[4] Там же. Д. 488. Л. 1—2.
[5] Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкия Сергиевы лавры архимандриту Антонию. Ч. 1. С. 87.
[6] Там же. С. 95.
[7] ЦГИАМ. Ф. 2393. Оп. 1. Д. 1492. Л. 1.
[8] Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкия Сергиевы лавры архимандриту Антонию. Ч. 1. С. 301.
[9] *Сергий (Васильев), иеромонах.* Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. С присовокуплением духовных его наставлений, и начертания жизни старца Саровской пустыни, схимонаха и пустынника Марка. М.: Университетская типография, 1844.
[10] Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкия Сергиевы лавры архимандриту Антонию. Ч. 2. С. 31.
[11] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 488. Л. 14—14 об.
[12] Там же. Л. 19.
[13] Там же. Л. 20 об.
[14] РГАДА. Ф. 1204. Оп.1. Д. 9173. Л. 20.
[15] Там же. Л. 8.
[16] Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкия Сергиевы лавры архимандриту Антонию. Ч. 2. С. 155.
[17] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 582. Л. 55.
[18] ЦАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 59 (1838). Л. 14 об. — 15.
[19] РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 4937. Л. 6.
[20] Там же. Д. 5387. Л. 1.
[21] *Руди Т. Р.* Ранние жития Серафима Саровского: вопросы литературной истории // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 433.
[22] Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкия Сергиевы лавры архимандриту Антонию. Ч. 1. С. 289.

[23] *Руди Т. Р.* Указ. соч. С. 434.
[24] Маяк. СПб., 1845. Т. 23. С. 1—3.
[25] РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 5823. Л. 9.
[26] Там же. Д. 7009. Л. 43.
[27] Там же. Д. 7002. Л. 1—22.
[28] *Голышев И.* Борковская Николаевская пустынь во Владимирской губернии, основанная по завещанию князя Дмитрия Михайловича Пожарского, сыном его Иваном Дмитриевичем: Историческое описание. Владимир, 1871. С. 13.
[29] Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. С. 632.
[30] ЦГА РМ. Ф.1. Оп. 1. Д. 606. Л. 10.
[31] РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 5125. Л. 1—16.
[32] Там же. Д. 8008. Л. 7 об.—8.
[33] ЦГИАМ. Ф. 2393. Оп. 1. Д. 2395. Л. 3.
[34] *Субботин Н. И.* Митрополит Филарет и архимандрит Антоний как чтители заветов и памяти преподобного Серафима. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1904. С. 12.
[35] ЦГИАМ. Ф. 2393. Оп. 1. Д. 1952. Л. 2.
[36] *Пиккио Р.* История древнерусской литературы. М.: Кругъ, 2002. С. 145.
[37] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 498. Л. 21—22 об.
[38] Там же. Д. 785; 851; 991.
[39] РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 8008. Л. 9.
[40] Там же. Ф. 1468. Оп. 3. Д. 107. Л. 118—118 об.
[41] ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589 А. Д. 165. Л. 534.
[42] ГАНО. Арзамас. Ф. 20. Оп. 1. Д. 33. Л. 22 об., 81, 102.
[43] ЦАНО. Ф. 588. Оп. 1. Д. 84. Л. 17 об.
[44] Там же. Ф. 619. Оп. 1. Д. 92. Л. 87—90.
[45] ГАНО. Арзамас. Ф. 20. Оп. 1. Д. 86. Л. 3.
[46] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 677. Л. 15—15 об.
[47] *Мезьер А. В.* Словарь русских цензоров: Материалы к библиографии по истории русской цензуры. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2000. С. 50—51.
[48] *Рошко В., протоиерей.* Преподобный Серафим: Саров и Дивеево. М.: Sam & Sam, 1994. С. 31.
[49] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 498. Л. 25.
[50] Там же. Д. 496. Л. 15.
[51] Там же. Д. 496. Л. 104—105 об.
[52] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 496. Л. 135.
[53] Там же. Л. 16.
[54] Там же. Л. 103.
[55] РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1349. Л. 10.
[56] НИОР РГБ. Ф. 213. Картон 95. Д. 3. Л. 3 об. — 4.
[57] РГИА. Ф. 796. Оп. 142. Д. 1011. Л. 2.
[58] Там же. Оп. 205. Д. 427. Л. 5.
[59] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 12. Л. 2—4 об.
[60] Там же. Л. 5.

[61] Там же. Оп. 1. Д. 1160. Л. 22—27.
[62] Там же. Л. 63—64 об.
[63] Там же. Д. 498. Л. 5 об.
[64] Там же. Л. 18.
[65] Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила. М.: Типо-литография И. Ефимова, 1884. С. 240.
[66] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 12. Л. 47.
[67] *Серафим (Чичагов), архимандрит.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии, Ардатовского уезда... С. 482—483.
[68] *Черная В. В.* Краткое житие Высокопреосвященного митрополита Серафима (Чичагова) [Рукопись]. 1988. Архив автора.
[69] См.: Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). СПб.: Сатисъ, 2000.
[70] Дневные заметки во время путешествия по святым местам Востока Саровской пустыни иеромонаха Паисия. Казань: Типография А. А. Коковиной, 1881. С. 4—6, 36—37, 188.
[71] ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 457. Л. 3.
[72] Там же. Л. 5 об. — 6.
[73] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1177. Л. 4.
[74] Там же. Д. 1216. Л. 1.
[75] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 850. Л. 1—75. В настоящее время сборник исцелений издан отдельной книгой «Чудеса преподобного Серафима в записях монахов Саровской пустыни (М.: Отчий дом, 2006. Библиотека «Преподобный Серафим»).
[76] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 169. Л. 55 об.—57.
[77] РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 2134 (1895 г.). Л. 2 об.
[78] Там же. Л. 27.
[79] НИОР РГБ. Ф. 214. Д. 457. Л. 2—5.
[80] РГИА. Ф. 797. Оп. 67. Отд. 2. Ст. 3. Д. 38. 1897 г. Л. 4—4 об. Цит. по ст.: *Георгий (Павлович), иерей.* История подготовки прославления преподобного Серафима, Саровского чудотворца, в 1903 году // К свету: Церковно-исторический альманах. Вып. 21: И именем и духом Серафим. М.: АНО Информационно-издательский центр «К свету», 2003. С. 122.

Глава четвертая. ТОРЖЕСТВА ПРОСЛАВЛЕНИЯ

[1] РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 245. Л. 89.
[2] Там же. Л. 66.
[3] Там же. Л. 21. Список: Высочайшие особы, прибывшие на торжества: император Николай II и императрица Александра Федоровна, вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Сергей Александрович, великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Николай Николаевич, великий князь

Петр Николаевич, великая княгиня Милица Николаевна, великая княгиня Ольга Александровна, принц Петр Александрович Ольденбургский, княгиня Анастасия Николаевна Романовская. «Государь наследник и Великий князь Александр Михайлович, Великая княгиня Ксения Александровна не изволят ехать».

[4] ЦАНО. Ф. 5. Оп. 50. Д. 16063 (1903). Л. 2—4.

[5] Там же. Ф. 2. Оп. 6. Д. 2620. Л. 316.

[6] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 1903. Д. 2499. Л. 134.

[7] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5480. Л. 5.

[8] Там же. Оп. 1902. Д. 2499. Л. 188 Б.

[9] Там же. Л. 188 В.

[10] ГА РФ. Ф. 102. Оп.1903. Д. 615. Л. 35.

[11] Там же. Л. 32.

[12] НИОР. Ф. 135/II. Карт. 3. Д. 59. Л. 25 об.

[13] Церковные ведомости. 1903. № 24. С. 247—250.

[14] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5475. Л. 5.

[15] Там же. Л. 318.

[16] *Василий (Тигров), священник.* Воспоминания о Саровских торжествах // Преподобный Серафим, Царь и народ: Чудо прославления. Саров — Дивеево, 1903 год. М.: Издательский совет РПЦ, 2003. С. 131.

[17] ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1903. Д. 594. Л. 97—97 об.

[18] Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 246. С. 43. Цит. по: Преподобный Серафим Саровский: Агиография. Почитание. Иконография. М.: Индрик, 2004. С. 177.

[19] Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 246. С. 43—44. Цит. по кн.: Преподобный Серафим Саровский. Агиография. Почитание. Иконография. С. 177—178.

[20] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1999. Л. 1—8.

[21] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 246. Л. 48. Цит. по: Преподобный Серафим Саровский. Агиография. Почитание. Иконография. С. 187.

[22] Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 246. Л. 48. Цит. по: Преподобный Серафим Саровский. Агиография. Почитание. Иконография. С. 187.

[23] Там же. Ф. 673. Оп. 1. Д. 21. Цит. по: Преподобный Серафим Саровский. Агиография. Почитание. Иконография. С. 194—200.

[24] Там же. Ф. 648. Оп. 1. Д. 39. Л. 104—106.

[25] *Серафима (Булгакова), монахиня.* Воспоминания // Преподобный Серафим Саровский и Дивеевская обитель. М.: Отчий дом, 2011 (Библиотека «Преподобный Серафим»). С. 396.

[26] *Серафима (Булгакова), монахиня.* Указ. соч. С. 395.

[27] Из дневников Великой Княгини Ольги Александровны. Путешествие в Саровскую пустынь // Преподобный Серафим Саровский. Агиография. Почитание. Иконография. С. 200.

[28] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5480. Л. 188—188 об.

[29] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 1903. Д. 615. Л. 36.

[30] НИОР РГБ. Ф. 135/II. Картон 3. Д. 59. Л. 24.

[31] *Успенский Д. Н.* Саровские торжества и новые чудеса, совершившиеся по молитвам преподобного Серафима, Саровского чудотворца. М.: Типография Н. Н. Булгакова, 1903. С. 28.

[32] НИОР РГБ. Ф. 135/II. Картон 3. Д. 59. Л. 28 об.

[33] ГА РФ. Ф. Ф. 102. Д. 2499. Л. 189—192.

[34] ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 2620.

[35] *Фирсов С. Л.* Николай II: Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 112.

[36] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1291. Л. 2.

[37] Там же. Л. 3.

Глава пятая. ЗЕМНОЙ ПУТЬ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА

[1] *Серафим (Чичагов), архимандрит.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии, Ардатовского уезда...

[2] *Черная В. В.* Указ. соч. Архив автора. С. 19—20.

[3] Цит. по: *Георгий (Павлович), иерей.* История подготовки прославления преподобного Серафима, Саровского чудотворца, в 1903 году // К свету: Церковно-исторический альманах. Вып. 21: И именем и духом Серафим. М.: АНО Информационно-издательский центр «К свету», 2003.С. 125—126.

[4] Московские ведомости. 1902. 20 сентября. № 159.

[5] *Петр Поляков, священник.* Под сенью благодати: Непридуманные истории чудес Саровской обители. М.: Общество сохранения литературного наследия (ОСЛН), 2002. С. 102—103.

[6] *Авель (Ванюков), иеромонах.* Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки в ней подвизавшиеся. Записки, собранные Троицкой Сергиевой лавры иеромонахом Авелем. М.: Типография В. Готье, 1865. С. 229.

[7] Неизвестный Нилус: В 2 т. / Сост. Р. Багдасаров, С. Фомин. М.: Православный паломник, 1995. Т. 2. С. 443—434.

[8] *Венедиктов Г.* Царская охранка и мощи Серафима Саровского // Атеист. 1930. № 56—57. Сентябрь—октябрь. С. 18.

[9] *Серафима (Булгакова), монахиня.* Указ. соч. С. 445.

[10] ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 512. Л. 33.

[11] Неизвестный Нилус. С. 434—435.

[12] ГА РФ. Ф. 102 (1902). Оп. 1. Д. 2499. Л.322—322 об.

[13] РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 247. Л. 1—2 об.

[14] *Венедиктов Г.* Указ. соч. С. 14

[15] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 615. Л. 9 об.

[16] Там же. Л. 13—13 об.

[17] *Венедиктов Г.* Указ. соч. С. 15.

[18] Прибавление к «Церковным ведомостям». 1903. 28 июня. № 26.

[19] ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 512. Л. 74 об. — 75.

[20] *Петр Смирнов, протоиерей.* Нетление святых мощей // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1903. 22 марта. № 12. С. 441—446.

[21] НИОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 245 об. — 247. Цит. по: Русская церковь. Век двадцатый. История Русской церкви XX века в свидетельствах современников: В 2 т. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2014. Т. 1. Кн. 2. С. 609.

[22] Записки Николая Александровича Мотовилова... С. 126.

[23] *Добросоцких А. А.* Тайны и загадки мощей чудотворца Александра Свирского. М.: Даниловский благовестник, 2008. С. 84.

[24] *Протопопов Д. И.* О нетлении святых мощей. М.: Интердиалект плюс, 1997. С. 84—86.

[25] Закон Божий: Для семьи и школы / Сост. протоиерей Серафим (Слободской). Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994. С. 559—563.

[26] ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 512. Л. 63.

[27] *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской церкви. М.: Университетская типография, 1903. С. 297—298.

[28] *Димитрий (Троицкий), протоиерей.* Житие преподобного Серафима Саровского // Серафим Саровский: Задушевное слово о великом подвижнике земли Русской. М.: Голос-Пресс, 2002. С. 44.

[29] Там же. С. 38.

[30] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1177. Л. 9.

[31] Там же. Л. 19 об.

[32] Там же. Д. 361. Л. 146

[33] *Димитрий (Троицкий), протоиерей.* Указ. соч. С. 38—42.

[34] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1177. Л. 7 об.

[35] *Димитрий (Троицкий), протоиерей.* Указ. соч. С. 43—44.

[36] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1290. Л. 1 об.

[37] Там же. Д. 1316. Л. 91.

[38] Там же. Д. 1274. Л. 90 об.

[39] Там же. Д. 1198. Л. 45.

[40] Там же. Л. 55, 70.

[41] Там же. Л. 105—105 об.

[42] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6774. Л. 303—303 об.

[43] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1382. Л. 31.

[44] Там же. Л. 29—30 об.

[45] Там же. Д. 1377. Л. 75.

[46] Там же. Л. 16.

[47] Там же. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 16. Л. 55 об.

[48] Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 211. Л. 1—2 об.

[49] Там же. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 361. Л. 40—41.

[50] Там же. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 286. Л. 224.

[51] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1382. Л. 56.

[52] Там же. Д. 1385. Л. 159 об.

[53] Там же. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 158. Л. 10 об. — 11.

[54] Воспоминания матушки Серафимы (Булгаковой) [Рукопись]. Архив автора.

[55] *Добросоцких А. А.* Указ. соч. С. 85.

[56] *Кашеваров А. Н.* Светская власть и судьбы мощей православных святых. СПб.: Наука, 2013. С. 63.

[57] Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти: 1917—1943 гг. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный институт, 1994. С. 158.

[58] ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 690. Л. 97—97 об.

[59] Там же. Оп. 3. Д. 731. Л. 59.

[60] ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 379. Л. 1.

[61] Там же. Л. 10.

[62] Там же. Л. 37.

[63] ЦГА РМ. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 134. Л. 113 об.

[64] Там же. Д. 159. Л. 775—776 об.

[65] Там же. Л. 772.

[66] ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 379. Л. 202—206. Пять фотографий вскрытия мощей в 1920 г.

[67] ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1424. Л. 34—36.

[68] *Сергий (Страгородский)* (записан ошибочно, в действительности Тихомиров. — *В. С.*), *архимандрит*. Письма из Сарова: 13—22 июля 1903 года. М.: Синтагма, 1999. С. 42—43.

[69] ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1424. Л. 65—67.

[70] ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 766. Л. 28—29 об.

[71] Там же. Оп. 5. Д. 251. Л. 15.

[72] Там же. Л. 78—79 об.

[73] Там же. Л. 84.

[74] Там же. Оп. 5. Д. 251. Л. 18.

[75] ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 166. Л. 221.

[76] ЦГА РМ. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 139. Л. 740.

[77] ГАТО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 476

[78] Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 374.

[79] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики / Сост. Александр Мазырин (диакон), В. А. Гончаров, И. В. Успенский. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. С. 135—136.

[80] ГАНО. Арзамас. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 170. Л. 16.

[81] Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922—1925 гг.: В 2 кн. / Подгот. изд. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Новосибирск; М.: Сибирский хронограф; РОССПЭН, 1997. Кн. 1. С. 143.

[82] ЦГА РМ. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 257. Л. 105.

[83] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 393. Цит. по: Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. Кн. 1. С. 159—160.

[84] ЦГА РМ. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 258. Л. 3—3 об.

[85] Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 211. Л. 1.

[86] Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 37.

[87] Там же. Л. 58.

[88] Там же. Л. 466.

[89] ЦГА РМ. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 103. Л. 311 об. — 313.
[90] Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 211. Л. 22 об.
[91] ЦДНИ РМ. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 18. Л. 95–96.
[92] Там же. Л. 96.
[93] Архив УФСБ РМ. Ф. 4. Оп. 6. Д. 1. Л. 16.
[94] Там же. Л. 64.
[95] Там же. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 36.
[96] Там же. Ф. 4. Оп. 6. Д. 1. Л. 38.
[97] Там же. Л. 27—28 об. Послание монахам и мирянам, старцев Оптиной пустыни.
[98] Там же. Л. 26—26 об. Воззвание ко всем верным сынам Православной церкви.
[99] Там же. Л. 25.
[100] ЦГА РМ. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 286. Л. 282.
[101] Там же. Л. 280–281.
[102] Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 16.
[103] Там же. Л. 24—24 об.
[104] ЦАНО. Ф. 570. Оп. 4. Д. 1185. Л. 35.
[105] Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 40—40 об.
[106] ЦДНИ РМ. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 37. Л. 6 об.
[107] Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1.
[108] Там же. Л. 63.
[109] Там же. Л. 76.
[110] ЦДНИ ТО. Ф. Р-840. Оп. 1. Д. 2310. Л. 98. Отчет Тамбовского губкома РКП(б) за май—июнь 1924 г.
[111] Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 65.
[112] Там же. Л. 64.
[113] *Серафима (Булгакова), монахиня*. Указ. соч. С. 437.
[114] Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 462 об.
[115] Там же. Л. 94.
[116] Там же. Л. 174.
[117] Там же. Л. 161.
[118] Там же. Л. 112—113.
[119] Там же. Л. 200—201.
[120] Там же. Л. 255.
[121] ГАПО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 1424. Л. 46.
[122] Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 154.
[123] Там же. Л. 309.
[124] Там же. Л. 143.
[125] Там же. Л. 151.
[126] Там же. Л. 251.
[127] *Юрченков В. А.* Надругательство // Серафим Саровский: Альбом / Сост. В. А. Юрченков, А. И. Полосухина. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1998. С. 140.
[128] Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 280.
[129] Там же. Л. 281.
[130] Там же. Л. 272.
[131] Там же. Л. 159—160.

[132] Там же. Л. 160.
[133] ГАПО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 1424. Л. 99—100.
[134] Там же. Л. 256—256 об.
[135] Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 259.
[136] Там же. Л. 325.
[137] Там же. Л. 403—408.
[138] Трудовая правда: Ежедневная газета Пензенского губкома ВКП(б). 1927. 22 апреля. № 90.
[139] Там же. 1927. 23 апреля. № 91.
[140] Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 326—327.
[141] Там же. Л. 327 об.
[142] Там же. Л. 337—337 об.
[143] Там же. Л. 396.
[144] Там же. Л. 398.
[145] Там же. Л. 412.
[146] Там же. Л. 363.
[147] *Серафима (Булгакова), монахиня.* Указ. соч. С. 397—398.
[148] Легенды о мощах преподобного Серафима Саровского // Православная Русь. Джорданвиль, 1991. № 22; 1995. № 3. Цит. по: В гости к батюшке Серафиму / Сост. С. Фомин. М.: Паломник, 1997. С. 459—462.
[149] Там же.
[150] Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 389.
[151] Там же. Л. 414.
[152] Там же. Л. 392.
[153] Там же. Л. 369.
[154] Там же. Л. 378.
[155] Там же. Л. 389.
[156] Там же. Л. 387.
[157] Там же. Л. 380—381.
[158] Там же. Л. 382.
[159] Там же. Л. 64.
[160] Завод и пашня: Орган Мордовского окружкома ВКП(б) и Окружкома профсовета. 1929. 8 января. № 3 (1151).
[161] Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 366.
[162] Там же. Л. 464.
[163] Архив УФСБ РМ. Ф. Р-4. Оп. 6. Д. 1. Л. 395. Имеется в виду Союз воинствующих безбожников г. Пензы. «Добровольная организация союза безбожников г. Пензы начало своей деятельности положила 13 декабря (1925 года. — *В. С.*), когда деревообдельщиками организована первая ячейка союза безбожников» (Под знаменем ленинизма. 1926. № 15 (91). 9 апреля). Возглавил безбожников Александр Степанов.
[164] Под знаменем ленинизма: Еженедельный иллюстрированный журнал Пензенского губкома ВКП(б), губисполкома и межкоопсовета. 1927. № 35 (185). 2 сентября. С. 23—25.
[165] ЦГА РМ. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 361. Л. 158. Цит. по: Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области:

В 9 т. Нижний Новгород: Нижегородский печатник, 1997—2006. Т. 7.

[166] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1306. Л. 9 об.

[167] Там же. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 361. Л. 126 об.

[168] Православная энциклопедия. Т. 7. / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. С. 58. Цит. по базе данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

[169] *Дамаскин (Орловский), игумен.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним: В 5 т. Тверь: Фонд памяти мучеников и исповедников Русской православной церкви, 1998—2001. Т. 4. С. 4.

[170] ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 605. Л. 7.

[171] Патриарх Тихон и история русской церковной смуты: Кн. 1 / Сост. и авт. коммент. М. Е. Губонин. СПб.: Сатисъ, 1994. С. 197—198.

[172] *Семашко Н.* Наука и шарлатанство // Революция и церковь. 1922. № 1—3. С. 30—32.

[173] ГА РФ. Ф. Р-5407. Оп. 1. Д. 14. Л. 171.

[174] Антирелигиозник: Ежемесячный атеистический журнал Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР. М., 1928. № 6. С. 94.

[175] ГА РФ. Ф. Р-5407. Оп. 2. Д. 7. Л. 10.

[176] Там же. Оп. 1. Д. 21.

[177] Там же. Оп. 1. Д. 57. Л. 27—27 об.

[178] *Серафима (Булгакова), монахиня.* Указ. соч. 2011. С. 392.

[179] Где мощи пр. Серафима? // К 35-летию открытия мощей преп. Серафима Саровского: Однодневный журнал под ред. протоиерея Д. Троицкого, благочинного Парижских церквей. Париж, 1938. С. 23.

[180] *Кузнецов М.* О научной в кавычках работе Центрального антирелигиозного музея // Советский музей. 1937. № 1. С. 17—22.

[181] Там же.

[182] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти: 1917—1943 / Сост. М. Е. Губонин. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1994. С. 724.

[183] См.: *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2000.

[184] *Басин И.* Миф мощей Серафима Саровского // Страницы: Богословие. Культура. Образование. М., 1997. Т. 2. Вып. 3. С. 385—397.

[185] ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 616. Л. 1.

[186] Там же. Д. 605.

[187] Там же. Л. 4
[188] Там же. Л. 16.
[189] Там же. Л. 7.
[190] НИОР РГБ. Ф. 369. Картон 156. Д. 34. Л. 13.
[191] ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 606. Л. 28.
[192] Там же. Л. 29.
[193] НИОР РГБ. Ф. 369. Картон 178. Д. 6.
[194] Там же. Л. 20—20 об.
[195] НИОР РГБ. Ф. 369. Картон 178. Д. 6. Л. 80.
[196] Воспоминания Н. А. Хохлова [Аудиозапись от 3 декабря 2002 года]. Архив автора.
[197] Там же.
[198] ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 2. Д. 110. Л. 2—3. Цит. по: О. Георгий Павлович. Серафимо-Дивеевский монастырь в XX столетии // Саровский летописец. Материалы и статьи XI исторической конференции, посвященной 325-летию образования первого поселения на Саровском городище, 310-летию создания монастыря Саровская пустынь, 70-летию образования РФЯЦ — ВНИИЭФ (27 апреля 2016 г.). Саров: Интерконтакт, 2017. С. 300—302.
[199] Преподобный Серафим Саровский и Дивеевская обитель. М.: Отчий дом, 2011 (Библиотека «Преподобный Серафим»). С. 399—400.
[200] *Владимир Воробьев, протоиерей.* Как сохранились вещи преподобного Серафима // Серафимовский Дивеевский православный календарь-сборник на 2013 год. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2012. С. 589—595.
[201] *Павел Ходзинский, иерей, Горлевская С. И., Лебедева Л. П., Бутина Н. Ю.* Подвиг дивеевских монахинь в изгнании // Почитание новомучеников XX столетия и восстановление национального исторического самосознания: Материалы Пятой ежегодной Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». Москва — Саров — Дивеево. 20—22 июня 2008 года. Нижний Новгород: Глагол, 2009. С. 250—259.
[202] *Цыпин В. А., протоиерей.* История Русской православной церкви: 1917—1990: Учебник для православных духовных семинарий. М.: Хроника, 1994. С. 460; Пещеры Киево-Печерской лавры / Сост. М. Ю. Ефимова. Киев: Киево-Печерская Успенская Лавра, 2001. С. 17.
[203] *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече; Лепта, 2010. С. 409.
[204] Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1991. № 1, 2. С. 60—62.
[205] Святые мощи: Почитание мощей. Гонения на святые мощи. Лжемощи. СПб.: Сатисъ; Держава, 2007. С. 138—140.
[206] *Викторов А.* Перенесение мощей преподобного Серафима Саровского из Москвы в Дивеево. 23 июля — 1 августа 1991 года // Журнал Московской патриархии. 1991. № 12. С. 36.

[207] Из выступлений Святейшего Патриарха Алексия II // Журнал Московской патриархии. 1991. № 12. С. 38.

[208] *Владимир Воробьев, протоиерей.* Как сохранились вещи преподобного Серафима // Серафимовский Дивеевский православный календарь-сборник на 2013 год. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2012. С. 590—591.

[209] Крестный ход: Новомученики и исповедники Российские Дивеевской земли: Кн. 1. Дивеево: Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, 2002. С. 41.

Глава шестая. И ВНОВЬ САРОВ

[1] *Игнатия (Пузик), монахиня.* Старчество на Руси. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1999. С. 166.

[2] ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 2. Д. 30. Л. 30.

[3] *Шемякова М. Ф.* Саров моего детства. [Б. и.], 2009. С. 34.

[4] История создания ядерного оружия в СССР: 1946—1953 годы (в документах): В 8 т. / Отв. сост. А. Д. Пелипенко. Саров (Арзамас-16), 2000. Т. 2. Кн. 2. С. 198.

[5] Там же. С. 199.

[6] *Шемякова М. Ф.* Указ. соч. С. 37.

[7] *Тихон (Затекин), игумен, Дегтева О. В., Степашкин В. А.* Саровская святыня: История основания, строительства и восстановления храма во имя Преподобного Серафима Саровского и всея России чудотворца. Нижний Новгород: Нижегородская радиолаборатория, 2004. С. 89—93.

[8] *Степашкин В. А.* Преподобный Серафим Саровский: Предания и факты. Саров: ТПК, 2002. С. 6—11.

[9] «Всюду Серафим!»: О Всероссийском праздновании в 2004 году 250-летия со дня рождения в городе Курске преподобного Серафима, Саровского чудотворца. М.: Курский региональный общественный фонд православных традиций, социально-экономического и культурного возрождения «Коренная пустынь»; Строительная компания «Славяне», 2005. С. 166.

Приложения

[1] Цит. по: Беседа преподобного Серафима с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни. М.: Центр Благо, 2000. С. 3—47.

[2] Преподобне отче Серафиме: Сборник рассказов, преданий, воспоминаний о преподобном и богоносном отце нашем Серафиме Саровском Чудотворце и Серафимо-Дивеевской обители. Издательская группа Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря [Б. г.]. С. 279—309.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ, СЛУЖЕНИЯ И ПРОСЛАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

1754, 19 июля — в городе Курске в купеческой семье Сидора Ивановича и Агафьи Фотиевны Мошниных родился сын, названный Прохором.

1760, 10 мая — смерть Сидора Ивановича Мошнина.

1761 — падение Прохора со строящегося в Курске здания Сергиево-Казанского храма, закладка которого совершена в 1752 году И. И. Мошниным.

1764 — болезнь Прохора и исцеление его 11 июня во время крестного хода из Знаменского монастыря в Коренную пустынь, с изнесением иконы Божией Матери «Знамение».

1775 — предположительно, год окончания каменных работ на строительстве Сергиево-Казанского храма. Путешествие к киевским святыням.

1777, 27 марта — общим собранием выбран на должность строителя Саровского монастыря иеромонах Пахомий, уроженец города Курска, друг семьи Мошниных.

1778, 22 октября — окончание строительства Сергиево-Казанского храма и освящение верхней церкви во имя Казанской Божией Матери, после которого Прохор отправляется в Саровскую пустынь.

20 ноября — Прохор вступил в Саровскую обитель.

1780 — в документах Саровского монастыря впервые упоминается послушник Прохор, родом из курских купцов.

1781, 7 декабря — Прохор Мошнин по приговору курского городского головы, купечества и мещанства и по определению Городового магистрата получил увольнение в Саровскую пустынь для пострижения в монашеский чин.

1785, 13 февраля — Прохором получено окончательное увольнительное свидетельство, с утвердительной подписью Курского наместнического правления.

19 марта — Прохор пострижен в рясофор с наречением имени Серафим.

1786, 20 января — получен указ из Владимирской духовной консистории о пострижении в монашество рясофорного послушника Серафима.

13 августа — пострижение рясофорного послушника Серафима в монашество. При пострижении оставлено имя Серафим.

27 октября — отец Серафим посвящен в иеродиаконы.

1787, 14 июня — настоятель Саровского монастыря отец Пахомий освятил церковь в селе Нуча Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Вероятно, именно после посещения Нучи отец Пахомий и сопровождавший его иеродиакон

Серафим заехали в село Дивеево, где накануне скончалась основательница Дивеевской общины матушка Александра (Мельгунова). Похоронена матушка Александра при Казанской церкви села Дивеева.

1788, 13 января — получен указ о переводе престарелых монахов в больницу. Иеродиакон Серафим зачислен в штат Саровской пустыни на освободившееся вакантное место.

1793, 2 сентября — рукоположен в сан иеромонаха.

1794, 27 августа — окончательно ушел на жительство в Дальнюю пустынь.

1800, 29 февраля — смерть матери Агафьи Фотиевны Мошниной.

1804, 12 сентября — разбойное нападение на старца Серафима крестьян.

1807—1810 — предположительно в эти годы старец Серафим исполняет обет молчания и столпничества.

1810, 8 мая — возвращение отца Серафима из пустыни в монастырь по настоянию братии.

9 мая — уходит в келейный затвор.

1815 — выходит из келейного затвора и принимает первых посетителей.

1818, 14 марта — подписана грамота о награждении отца Серафима наперсным крестом в честь победы над французами в войне 1812 года, с правом носить его на Владимирской ленте.

1823 — зафиксирован первый случай чудесного исцеления старцем Серафимом больного, это был Михаил Мантуров.

1825, 25 ноября — выход старца Серафима из очередного затвора.

1826, 9 декабря — закладка мельницы в Дивееве, положившей начало девичьей Мельничной общины старца Серафима.

1827, 9 декабря — образована Мельничная община, состоящая из восьми сестер.

1831, 5 сентября — исцеление старцем Серафимом Николая Мотовилова.

1833, 2 января — на 79-м году от рождения скончался старец Серафим.

8 января — погребение отца Серафима у стен собора во имя Успения Пресвятой Богородицы.

Кончина брата отца Серафима, Алексея.

1839, декабрь — иеромонахом Сергием издано «Краткое начертание жизни старца Саровской пустыни, схимонаха и подвижника Марка» с приложением духовных наставлений старца Серафима.

1841 — иеромонахом Сергием (Васильевым) издано «Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника» — первое жизнеописание великого старца.

1844 — иеромонахом Георгием (Вырапаевым) в журнале «Маяк»

опубликовано «Сказание о жизни и подвигах старца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни и затворника, извлеченные из записок ученика его».

1849 — иеромонах Иоасаф (Толстошеев) публикует «Сказание о подвигах и событиях жизни старца Серафима иеромонаха, пустынника и затворника Саровской пустыни. С присовокуплением очерка жизни первоначальницы Дивеевской женской обители Агафии Симеоновны Мельгуновой».

1860 — иеромонахом Авелем (Ванюковым) опубликована книга «Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки в ней подвизавшиеся» с приложением жизнеописания старца Серафима.

1861, 10 февраля — указом Святейшего синода Серафимо-Дивеевская община возведена в степень третьеклассного женского монастыря.

1863 — увидело свет «Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила».

1864, 15 января — умер монах Феодосий, занимавший келью отца Серафима. С этого момента в келье никто не проживал.

11 ноября — указом Святейшего синода за № 3490 приказано принять «духовному и гражданскому начальству под свое покровительство, основанное в имении г. Копьевой при селе Понетаевка Арзамасского уезда женское общежитие под наименованием Серафимовской женской общины».

1869 — указом Святейшего синода Серафимовская община при селе Понетаевка возведена в степень третьеклассного женского монастыря под наименованием Серафимо-Понетаевский Скорбященский женский монастырь.

1876 — внучатые племянницы отца Серафима, Пелагея Семеновна и Екатерина Семеновна, поступили в Серафимо-Дивеевский монастырь.

1886, 13 августа — Саровскую обитель посетил епископ Тамбовский и Шацкий Виталий. Вечером этого дня, обходя монастырь, владыка посетил могилу о. Серафима, где с сожалением заметил о скудости вещественных предметов, хранящихся в обители, сопутствовавших старцу при жизни. «Поскорбел, что и келлии его пустынныя не уцелели в Сарове, а перешли вместе с прочим в Дивево».

17 августа — после посещения Протяжного и Филиппова хозяйств владыка Виталий осмотрел Дальнюю пустынь и камень отца Серафима. «Здесь Владыка выразил желание видеть на местах подвигов отца Серафима возстановленными здания пустынных его келлий в том виде, как оне существовали при нем, а над камнем устроить часовню, из монастырской же келлии сделать церковь». После этого посещения монастырское руководство во главе с игуменом Иосифом

всерьез задумалось над восстановлением памятных мест, связанных с именем старца Серафима, на что было получено благословение владыки.

1889 — на Ближней пустыни старца Серафима (при роднике) вновь построена жилая келья с сенями на каменном фундаменте. Так же у родника построена купальня на два отделения — мужское и женское. Над самим родником начато строительство часовни. На Дальней пустыни срублена деревянная келья того же размера, как при жизни отца Серафима. Внутренней отделкой она еще не закончена.

1890, 1 февраля — иеромонах Порфирий приступил к составлению «Сборника чудес иеромонаха Серафима»; описаны 102 случая исцеления или спасения.

19 июля — торжественно освящены вновь построенная деревянная часовня и прилегающие к ней строения.

В лесу, в версте от часовни, над камнем, на котором отец Серафим совершал молитвенный подвиг, обустроен шатер на четырех резных столбах с кровлей, главой и крестом.

1894 — на Дальней пустыни к дому пристроено помещение. В нем сделан погреб для хозяйственных нужд монашествующих.

25 августа — Комиссия Тамбовской духовной консистории рассмотрела собранные игуменом Саровской пустыни Рафаилом случаи исцеления, связанные с именем отца Серафима. В протоколе записано: «Обследовали 80 событий в 27 епархиях и отметили их как доступные точному и обстоятельному установлению факта, все в достаточной мере подтвердилось».

1895 — результаты обследования чудес представлены в Сятейший синод. После изучения доклада Тамбовской духовной консистории было предложено продолжить поиски чудесных событий и записывать их при свидетелях.

1896 — священник Леонид Чичагов составил «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии Ардатовского уезда. С жизнеописанием основателей ее схимонахини Александры, урожденной А. С. Мельгуновой, и блаженного старца иеромонаха Серафима и его сотрудников: М. Мантурова, протоиерея о. Садовского, блаженной Пелагеи Ивановны Серебренниковой, Н. А. Мотовилова, сподвижниц обители и других».

1902, июль — в «Церковных ведомостях» опубликовано решение Святейшего синода о предстоящем причислении старца Серафима Саровского к лику святых Русской православной церкви.

15 августа — прибытие в Саровскую пустынь епископа Тамбовского Димитрия и проведение секретного вскрытия могилы отца Серафима.

28 ноября — доклад епископа Димитрия Святейшему синоду о результатах вскрытия.

29 ноябр. — приказано: «...Святейший Синод, озабоченный принятием надлежащих мер для подготовления предстоящего торжества прославления почивающаго в Саровской пустыни приснопамятнаго старца Серафима, находит, что для приведения названной пустыни, а равно и ближайшаго к ней Серафимо-Дивеевскаго женскаго монастыря, Нижегородской епархии, основаннаго старцем Серафимом, в положение, соответствующее условиям предстоящего торжества, надлежит безотлагательно приступить к различным мероприятиям, к осуществлению коих ныне Высочайшею волею признаны архимандрит Суздальскаго Спасо-Евфимиева монастыря Серафим и Прокурор Московской Синодальной Конторы князь Ширинский-Шихматов».

1903, 11 января — в Саровской пустыни приступили к работе члены комиссии по прославлению отца Серафима.

26 января — по результатам обследования останков отца Серафима Святейшим синодом подготовлен доклад на имя императора Николая II со следующим заключением: «Благоговейнаго старца Серафима, почивающаго в Саровской пустыни, признать в лике святых, благодатию Божиею прославленных, а всечестные останки его — святыми мощами и положить оные в особо уготованную усердием Его Императорскаго Величества гробницу для поклонения и чествования от притекающих к нему с молитвою.

Службу преподобному отцу Серафиму составить особую, а до времени составления таковой, после дня прославления памяти его, отправлять ему службу общую преподобным, память же его праздновать как в день преставления его, 2 января, так и в день открытия святых его мощей.

Объявить о сем во всенародное известие от Святейшаго Синода».

29 января — Святейший синод предписал митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию вместе с епископами Тамбовской и Нижегородской кафедр совершить 19 июля 1903 года торжественное открытие мощей преподобного отца Серафима.

17 июля — начало торжественных мероприятий в Саровской пустыни, посвященных причислению старца Серафима к лику святых Русской православной церкви. Прибытие императора Николая II с сопровождающими лицами.

18 июля — прославление старца Серафима как преподобного Русской православной церкви.

20 июля — отъезд императора из Сарова в Дивеевский монастырь. Вечером состоялось всенощное бдение в храме, подготовленном к освящению в честь нового угодника преподобного Серафима.

21 июля — освящение храма во имя Преподобного Серафима

Саровского высокопреосвященным Антонием, митрополитом Санкт-Петербургским.

22 июля — освящение пятого придела Троицкого собора в Дивеевском монастыре во имя Преподобного Серафима.

1920, ноябрь — в городе Темникове состоялся IX уездный съезд Советов, на котором принято решение о вскрытии раки с мощами преподобного Серафима.

17 декабря (нового стиля) — состоялось вскрытие мощей преподобного Серафима, которые оставлены на всеобщее обозрение на неопределенный срок.

1921, 16 августа — всё возрастающее требование верующих прекратить кощунство, творимое над мощами отца Серафима, наконец удовлетворено. Мощи убраны со всеобщего обозрения.

1922, 6 апреля — в этот день уездные власти осуществили декрет Совнаркома по изъятию церковных ценностей «для спасения голодающих Поволжья». Из раки преподобного Серафима были изъяты жемчуг и аметисты.

1927, 5 апреля — вскрытие и изъятие мощей преподобного Серафима, которые увезены в Москву для размещения в Антирелигиозном музее.

1927—1929 — мощи находились на подворье Серафимо-Дивеевского монастыря в Москве.

1929—1946 — мощи находились в экспозиции, а затем в фондах Центрального антирелигиозного музея (Музей истории религии) города Москвы.

1946 — мощи перевезены в Ленинградский музей истории религии, находившийся в бывшем Казанском соборе.

1970 — мощи были выставлены в экспозиции на всеобщее обозрение. После уничтожения экспозиции были сокрыты в запасниках музея.

1990, ноябрь — при проведении плановых работ по отбору предметов для передачи их церкви, в фондах Музея истории религии и атеизма в Казанском соборе обнаружены мощи преподобного Серафима.

Декабрь — проведение идентификации останков, которая подтвердила первоначальное мнение об обнаружении мощей Саровского старца.

1991, 11 января — состоялась официальная передача мощей преподобного Серафима Саровского Русской православной церкви.

6 февраля — начало высокоторжественного шествия мощей преподобного Серафима из Ленинграда в Москву.

23 июля — из Богоявленского собора Москвы в Серафимо-Дивеевский монастырь отправился крестный ход с мощами преподобного Серафима.

30 июля — прибытие кортежа с мощами преподобного в Дивеево.

1999, 19 декабря — в Дивеевский монастырь возвращены вещи, принадлежавшие преподобному Серафиму, вывезенные после закрытия монастыря игуменьей Александрой (Траковской).

2003, 29 июля — в 9.00 из Дивеевского монастыря в Саров направился крестный ход с мощами преподобного Серафима, которые размещены для поклонения в храме в его честь. В 17.00 началось всенощное бдение в канун освящения храма в честь Преподобного Серафима.

30 июля — освящение храма Преподобного Серафима и Божественная литургия, которые возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в сослужении иерархов и священнослужителей, прибывших на торжества.

31 июля — прибытие в Саров президента Российской Федерации В. В. Путина. Молебен на площади перед колокольней монастыря. Начало крестного хода с мощами преподобного Серафима из Сарова в Дивеево.

1 августа — празднование в Дивееве 100-летнего юбилея со дня причисления отца Серафима Саровского к лику святых Православной церкви.

2004, 20 июля — прибытие мощей преподобного Серафима в Курск. Торжественные мероприятия, посвященные 250-летию со дня рождения преподобного.

23 июля — отбытие святых мощей в аэропорт Курска и затем возвращение в Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь.

1 августа — празднование в Дивееве 250-летия со дня рождения преподобного Серафима Саровского.

2006, 29 июня — празднование 300-летия со дня официального основания Саровской пустыни.

17 июля — на заседании Священного синода принято постановление о возобновлении мужского монастыря Свято-Успенская Саровская пустынь. Наместником обители назначен иеромонах Варнава (Баранов).

ЛИТЕРАТУРА

Авель (Ванюков), иеромонах. Краткая духовная лествица, возводящая христианина к любви Божией. М.: Университетская типография, 1848.

Авель (Ванюков), иеромонах. Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки, в ней подвизавшиеся: Записки, собранные Троицкой Сергиевой лавры иеромонахом Авелем. М.: Типография А. Семена, 1853; 1860. М.: Типография В. Готье, 1865. М.: Типо-литография И. Ефимова, 1884.

Авель (Ванюков), иеромонах. Описание Сатисо-Градо-Саровской пустыни, выбранное из разных записей и указов, в оной пустыни хранящихся. М.: Типография А. Семена, 1856. Муром: Типо-литография Н. В. Зворыкина, 1889.

Авель (Ванюков), иеромонах. Сказание о жизни и подвигах старца Саровской пустыни иеромонаха Серафима с приложением его наставлений. М.: Типография А. Семена, 1862. М.: Издание Саровской пустыни: Типография С. Орлова, 1863.

Акафист преподобному и богоносному отцу нашему Серафиму Саровскому чудотворцу. История создания: исследования и тексты. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006.

Акафист преподобному и богоносному отцу нашему Серафиму, Саровскому чудотворцу. М.: Синодальная типография, 1904. [Слав. яз.]

Акафист преподобному и богоносному отцу нашему Серафиму, Саровскому чудотворцу: [Издано по благословению Святейшего Патриарха Алексия II. В издании приняли участие обители и приходы РПЦ, а также: Ново-Дивеевский монастырь, Нью-Йорк, Церковь имени Серафима Саровского, Нью-Йорк]. [Без пагинации.

Акафист преподобному Серафиму Саровскому, чудотворцу: 1833—1933 гг. К столетию со дня его преставления. Париж: Православное изд-во, 1932.

Аксакова Н. Отшельник 1-й четверти XIX столетия и паломники его времени: Из детских воспоминаний о преподобном Серафиме Саровском. Вильна, 1903.

Александр (Григорьев), иеромонах. Назидательное значение благодатной личности преподобного Серафима Саровского для нашего времени. СПб.: Типография И. В. Леонтьева, 1905.

Александр, иеромонах. Апология Саровского торжества (19 июля) под пером светского писателя-рационалиста. СПб.: Изд-во журнала «Миссионерское обозрение», 1903.

Александров В. Митрополит Филарет и преподобный Серафим Саровский: К 150-летию издания «Жития преподобного Серафима» // Журнал Московской патриархии. 1991. № 12.

Алехина Л. И. История публикации первых жизнеописаний преподобного Серафима Саровского // «Российския державы

слово и ограждение»: Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России [Альбом]. М.: Лето, 2015.

Андрей, архимандрит. Царь и народ: Русь православная в Сарове. Казань: Издание журнала «Деятель», 1903.

Андроник (Трубачев), игумен. Из пророчеств преподобного Серафима Саровского // Православный вестник. 1991. № 8.

Антоний, митрополит. Об останках отца Серафима: Акт освидетельствования. СПб.: Издание газеты «Церковные ведомости», 1903.

Архангелов С. А. Старец Серафим и Саровская пустынь. СПб.: Издание П. П. Сойкина, 1903.

Базарова Э. Л. К вопросу о семантике культового ландшафта (на примере Саровской обители). // Материалы Второй и Третьей научно-практических конференций по проблемам истории, культуры и воспитания (август 1998, февраль 1999). Саров: Альфа, 1999.

Бакаев Е., Кирдин А. Мордовия. Саров. Серафим // Советская Мордовия. 1993. 31 июля, 3 августа, 4 августа.

Бахарева Н. Н. Келейный образ Серафима Саровского — икона Богоматери Серафимо-Дивеевской «Умиление» (вопросы истории, иконографии и семантики образа) // Материалы Второй и Третьей научно-практических конференций по проблемам истории, культуры и воспитания (август 1998, февраль 1999). Саров: Альфа, 1999.

Бахмустов С. Б. Монастыри Мордовии. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2000.

Бахмустов С. Б. Прославление Серафима Саровского: 1903—1993 // Вечерний Саранск. 1993. 6 августа.

Бахмустов С. Б. Серафим Саровский // Вестник Мордовского университета. 1991. № 4.

Беляев П., священник. Великие Саровские торжества в июле 1903 года. Саратов: Типография Феокритова, 1907.

Беляев С. А. Обретение дивеевских святынь // Преподобный Серафим Саровский: Агиография. Почитание. Иконография. М.: Индрик, 2004.

Благодатный источник преподобного Серафима и чудеса, совершившиеся при нем. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1904.

Благочестивые размышления в пользу женского Серафимо-Дивеевского монастыря Тамбовской епархии. С приложением вида церкви в Серафимо-Дивеевском монастыре. Посвящается священной памяти старца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни и основателя Серафимо-Дивеевского монастыря, скончавшегося 2 января 1833 года. СПб.: Типография Департамента уделов, 1862.

Блаженная кончина преподобного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца // Саровские листки. М., 1903. № 3.

Богданович Е. В. Святой Серафим Саровский: Новоявлен-

ный чудотворец земли Русской. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильберг, 1903.

Богрецов Л. Взаимоотношение между Церковью земною и небесною. По поводу открытия св. мощей преподобного Серафима, Саровского подвижника. Харьков: [Б. и.], 1903.

Бочаров Г. Н. К родословной преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Курск: Типография Курского губернского земства, 1911.

Братановский А., священник. Схиигумен Серафим, бывший настоятель Павло-Обнорского монастыря о. Иоасаф. Ярославль: [Б. и.], 1885.

Букова О. В. Женские обители преподобного Серафима Саровского. Нижний Новгород: Книги, 2003.

Букова О. В. К вопросу о влиянии старчества на развитие женского монашества в XIX — начале XX века (на примере Нижегородской губернии) // Памятники христианской культуры Нижегородского края: Материалы научной конференции 29—30 марта 2001 г. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов администрации губернатора Нижегородской обл., 2001.

Букова О. В. Тьма никогда не скроет свет: Жизнеописание схиигумена Серафима (Толстошеева), ученика прп. Серафима Саровского. М.: Приход храма Святаго Духа сошествия, 2010.

Булгаков С., протоирей. Преподобный отец Серафим, Саровский чудотворец и его духовные наставления. Киев: [Киевское религиозно-просветительское об-во], 1903.

В гости к батюшке Серафиму / Сост. С. Фомин. М.: Паломник, 1977.

Васильев М. Преподобный Серафим Саровский как подвижник. Тамбов: [Б. и.], 1904.

Введенский В. Новопрославленный угодник Божий преподобный о. Серафим Саровский, чудотворец и его житие. М.: Народная библиотека «Кормчего», 1903. Кн. 38.

Великая раба Божия, отроковица Мария, в схиме Марфа. Постриг и схиму приняла от преподобного Серафима, чудотворца Саровского. По документам Серафимо-Дивеевского монастыря изложил И. К. Кондратьев. М.: Издание И. А. Морозова, 1906.

Вениамин (Федченков), архиепископ. Записки о преподобном Серафиме и Дивеевском монастыре // Журнал Московской патриархии. 1991. № 8.

Вердеревская С. Житие святого Серафима Саровского чудотворца. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1903.

Виды Саровской пустыни (литографии Н. Осташева). М.: Издание Саровской пустыни; Типо-литография И. Ефимова, 1903.

Викторов А. Преподобный Серафим Саровский: Перемещение мощей преподобного Серафима Саровского из Москвы в Дивеево (июль — август 1991 г.) // Журнал Московской патриархии. 1991. № 12.

Волконский В. М. Саровские торжества // Литературная учеба. 1991. № 1.

Воскресенский А. Биографический очерк настоятеля Павло-Обнорского монастыря Вологодской епархии игумена Иоасафа, в схиме Серафима (ум. 20 ноября 1884 г.). СПб.: Серафимо-Понетаевский женский монастырь: Типо-литография В. А. Тиханова, 1906.

Воскресенский А. Многоскорбный ученик преподобного Серафима Саровского — игумен Павло-Обнорского монастыря Иоасаф, в схиме Серафим (ум. 20 ноября 1884 года). Вологда: Типография П. А. Цветова, 1914.

Всемирный светильник: Преподобный Серафим Саровский [К столетию со дня кончины (1833—1933)] / Сост. архиепископ Вениамин (Федченков). Париж: Православное изд-во; Русская типография им. о. Иоанна Кронштадтского, 1932.

Вспоминая с любовью: преподобный Серафим, Саров, Дивеево глазами паломников XIX—XXI вв. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. 2007.

«Всюду Серафим!»: О Всероссийском праздновании в 2004 году 250-летия со дня рождения в городе Курске преподобного Серафима, Саровского чудотворца. М.: Курский региональный общественный фонд православных традиций, социально-экономического и культурного возрождения «Коренная пустынь»; Строительная компания «Славяне», 2005.

Второе обретение мощей преподобного Серафима // Журнал Московской патриархии. 1991. № 12.

Георгий (Вырапаев), иеромонах. Сказание о жизни и подвигах старца Серафима, иеромонаха Саровской обители и затворника, извлеченные из записок ученика его // Маяк. СПб., 1844. Т. 16, раздел «Словесность».

Георгий (Павлович), иерей. Заповеди батюшки Серафима, данные для Дивеевской обители // К свету: Церковно-исторический альманах. Вып. 21: И именем и духом Серафим. М.: АНО Информационно-издательский центр «К Свету», 2003.

Георгий (Павлович), иерей. История подготовки прославления преподобного Серафима, Саровского чудотворца, в 1903 году // К свету: Церковно-исторический альманах. Вып. 21: И именем и духом Серафим. М.: АНО Информационно-издательский центр «К свету», 2003.

Георгий (Павлович), иерей. История создания художественной школы в Серафимо-Дивеевском монастыре // «Российския державы славо и ограждение»: Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России [Альбом]. М.: Лето, 2015.

Георгий (Павлович), иерей. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря: Источники и история создания // Саровский летописец. Материалы VIII исторической конференции, посвященной 55-летию со дня образования города Сарова (16—17 апреля 2009 г.). Саров — Арзамас: АГПИ, 2009.

Георгий (Павлович), иерей. Новообретенные рукописи Н. А. Мотовилова // Церковное предание и святоотеческое наследие: XII Международные Рождественские образовательные чтения. М.: Отдел религиозного образования и катехизации Русской православной церкви, 2004.

Георгий (Павлович), иерей. Первоначальница Дивеевской обители преподобная Александра (Мельгунова). Материалы к биографии // Саровский летописец: Материалы IX исторической конференции, посвященной 320-летию образования первого поселения на Саровском городище (21—22 апреля 2011 года). Саров — Арзамас: АГПИ, 2011.

Георгий (Павлович), иерей. Четвертый удел Божией Матери и Ее святая Канавка // К свету: Церковно-исторический альманах. Вып. 21: И именем и духом Серафим. М.: Информационно-издательский центр «К свету», 2003.

Глинка-Волжский А. С. В обители преподобного Серафима. М.: Путь, 1914.

Горчакова Е. С. Серафимо-Дивеевский общежительный женский монастырь. С приложением жизнеописаний отца Серафима, иеромонаха Саровского и матери Александры, первоначальницы Серафимо-Дивеевской общины. М.: Типография Снегиревых, 1889.

Гуличкина Г. Автограф преподобного Серафима Саровского // Журнал Московской патриархии. 1991. № 12.

Гурьев В., протоиерей. Поучения по руководству жития блаженного старца Серафима Саровского. М.: Университетская типография, 1904.

Давыдова Е. В. Изображения преподобного Серафима Саровского в произведениях прикладного искусства XIX века // «Российския державы славо и ограждение»: Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России [Альбом]. М.: Лето, 2015.

Давыдова Е. В. Изображения преподобного Серафима Саровского в произведениях прикладного искусства после канонизации // «Российския державы славо и ограждение»: Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России [Альбом]. М.: Лето. 2015.

Двадцатипятилетнее юбилейное торжество игумении Марии, настоятельницы Серафимо-Дивеевского монастыря. Нижний Новгород: [Б. и.], 1887.

[Денисов Л. И.] Житие преподобного отца нашего Серафима Саровского. М.: Издание А. Д. Ступина, 1903.

Денисов Л. И. Житие, подвиги, чудеса, духовные наставления и открытие святых мощей преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. С историческими очерками Саровской пустыни и женских монастырей, основанных под благодатным воздействием преподобного Серафима. М.: Издание А. Д. Ступина, 1904.

Денисов Л. И. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец (ум. 2 января 1833). С тремя изображениями преп. Серафима. М.: Издание А. Д. Ступина, 1904 (Общедоступная библиотечка).

Денисов Л. И. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец. М.: Издание А. Д. Ступина, 1903.

Деяние Святейшего Синода 29 января 1903 года. Отдельный выпуск. СПб.: Синодальная типография, 1903.

Дивеевские предания. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.

Дивеевский православный церковный календарь: 2001 год. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2000.

Дивное посещение Божие: Из жизни преподобного старца Серафима Саровского. М.: Московская синодальная типография, 1903 (Листок Московской синодальной типографии).

Дивный старец, блаженный иеромонах Серафим. Рига: Издание Рижского Петро-Павловского братства, 1903.

Дмитриев Д. С. Паломничество в обитель преподобного Серафима. М.: Университетская типография, 1905 (Троицкие листки: Духовно-нравственное чтение для народа. Ч. 1—2).

Дмитриев Д. С. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец. Сергиев Посад: Издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1903.

Дмитриев Д. С. Старец Серафим, пустынник и затворник Саровской обители. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1903.

Дмитриев Д. С. Старец Серафим, пустынник и затворник Саровской обители. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1903.

Д-н М-в. Житие и открытие св. мощей преподобного Серафима, Саровского чудотворца. М.: Издание. Е. И. Коноваловой, 1904.

Д-н М-в. Житие преп. Серафима, Саровского чудотворца. М.: Издание Е. И. Коноваловой, 1903.

Добронравов Н. Е. Чудеса, явленные при открытии святых мощей преподобного Серафима в Сарове. Из достоверных источников. М.: Издание А. Д. Сазонова, 1903.

Добротворский И. Поездка в Саров ко дню открытия святых мощей преподобного Серафима, Саровского чудотворца (19 июля 1903 г.) // Нижегородский церковно-общественный вестник: 1913—14 гг. Нижний Новгород, 1914.

Духовные наставления преподобного отца нашего Серафима, подвижника и чудотворца Саровского // Саровские листки. М., 1903. № 4.

Духовные светочи России: Портреты, иконы, автографы выдающихся деятелей Русской церкви конца XVII — начала XX века. М.: МСД, 1999.

Евдоким, архимандрит. У мощей преподобного Серафима Саровского. Сергиев Посад: Издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1903.

Елабужский М. К батюшке Серафиму. Ко дню 10-летия открытия мощей его. Киев, 1913.

Есаулов И. А. Преподобный Серафим Саровский в беседе с Н. А. Мотовиловым и проблема границ между земным и небесным в русской культуре // Материалы Второй и Третьей научно-практических конференций по проблемам истории, культуры и воспитания (август 1998, февраль 1999). Саров: Альфа, 1999.

Еще отзыв А. С. Хомякова о преподобном Серафиме // Русский архив. 1904. № 4.

Жизнь и подвиги отца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни. М.: Издание И. А. Морозова, 1902; 1903.

Жизнь и подвиги преподобного отца Серафима, чудотворца Саровской пустыни. М.: Издание А. М. Морозова, 1882; 1903.

Жизнь и подвиги преподобного Серафима Саровского. Бесплатное приложение к журналу «Народное образование», март 1903 года. СПб., 1903.

Жизнь и подвиги преподобного Серафима, Саровского чудотворца. М.: Издание А. И. Анисимовой, 1903.

Жизнь преподобного и богоносного о. нашего Серафима, Саровского чудотворца, и торжество освящения храма его имени в Плющинах Коротчанского уезда Курской епархии. СПб.: [Б. и.], 1907.

Жизнь старца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни, пустынножителя и затворника. СПб.: Издание А. А. Холмушина, 1903.

Жизнь, подвиги и чудеса преподобного Серафима Саровского. С приложением описания Саровской пустыни. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1903.

Житие блаженного Серафима, Саровского пустынножителя и затворника. М.: Издание А. Д. Сазонова, 1903.

Житие преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. М.: Издание М. Т. Соловьева, 1903.

Житие преподобного и богоносного отца нашего старца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни, пустынножителя и затворника. М.: Издание Н. П. Баркова, 1903. С. 36.

Житие преподобного отца нашего Серафима Саровского. М.: Московская синодальная типография, 1903.

Житие преподобного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. М.: Издание Саровской пустыни, 1903.

Житие преподобного отца Серафима, чудотворца Саровского. С приложением краткого описания случаев чудодейственной помощи прибегающим к его заступлению и краткого очерка Сарова и Дивеева. М.: Изд. И. А. Морозова, 1903.

Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца. М.: Московское об-во любителей духовного просвещения, 1903.

Житие преподобной Александры Дивеевской. Саранск: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2000.

Житие преподобной Елены Дивеевской. Саранск: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2000.

Житие преподобной Марфы Дивеевской. Саранск: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2000.

Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила. СПб.: Типография Департамента уделов, 1863; М.: Типо-литография И. Ефимова, 1877; 1884; Муром: Типо-литография Н. В. Зворыкина, 1893; М.: Типо-литография И. Ефимова, 1901; 1903; 1904.

Житие старца Серафима (Приложение к журналу «Сельский вестник»). СПб., 1902.

Житие, подвиги и чудеса преподобного и богоносного отца нашего Серафима, подвижника и чудотворца Саровского. Собственность Саровской обители. М.: Типо-литография И. Ефимова, 1904.

Завет преподобного Серафима христианским супругам, родителям и детям. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1904.

Завещание преподобного Серафима Саровского (против пьянства) // Почаевские листки. Почаевская лавра. 1905. № 1.

Зайцев Б. К. Около святого Серафима (к столетию его кончины) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1999.

Замечательный случай наказания раскольника за издевательство над святыми мощами при открытии святых мощей преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца, с приложением его жизнеописания. СПб.: Издание А. А. Холмушина, 1903.

Записки Николая Александровича Мотовилова, служки Божией Матери и преподобного Серафима. М.: Отчий дом, 2005 (Библиотека «Преподобный Серафим»).

Зеленина Я. Э. О саровских художественных традициях // «Российския державы славо и ограждение»: Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России [Альбом]. М.: Лето, 2015.

Зеленина Я. Э. Произведения художественных мастерских Серафимо-Дивеевского монастыря // «Российския державы славо и ограждение»: Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России [Альбом]. М.: Лето, 2015.

Зеленина Я. Э. Иконография преподобного Серафима Саровского до его прославления в лике святых // «Российския державы славо и ограждение»: Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России [Альбом]. М.: Лето, 2015.

Зеленова С. В. Серафимо-Понетаевский скорбященский монастырь // Материалы Второй и Третьей научно-практических конференций по проблемам истории, культуры и воспитания (август 1998, февраль 1999). Саров: Альфа, 1999.

Ивановский К., священник. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец. СПб.: Училищный совет при Святейшем Синоде, 1903.

Из выступления Святейшего Патриарха Алексия II // Журнал Московской патриархии. 1991. № 12.

Изгоев С. Саровские торжества и уроки жизни и учение преподобного богоносного о. нашего Серафима, нового чудотворца. СПб.: [Б. и.], 1903.

Ильин В. Н. Серафим Саровский. Париж: ИМКА-пресс, 1925.

Иоанн (Крестьянкин), архимандрит. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец. М.: Отчий дом, 2011.

Иоасаф (Толстошеев), иеромонах. Сказание о подвигах и событиях жизни старца Серафима, иеромонаха, пустынника и затворника Саровской пустыни, с присовокуплением очерка жизни первоначальницы Дивеевской женской обители Агафии Симеоновны Мельгуновой. Собственность Серафимо-Понетаевского монастыря. СПб.: [Б. и.], 1849; 1856; СПб.: Типо-литография кн. В. В. Оболенского, 1877 [это и последующие издания вышли под именем схиигумена Серафима]; СПб.: Типография В. В. Комарова, 1885; 1913.

Исцеление немой по молитве св. Серафима Саровского. С приложением его жизнеописания. СПб.: Издание А. А. Холмушина, 1903.

Исцеления у источника преподобного Серафима, чудотворца Саровского. М.: Типо-литография И. Я. Полякова, 1904.

К батюшке Серафиму: Воспоминания паломников в Саров и Дивеево (1823—1927). М.: Отчий дом, 2006 (Библиотека «Преподобный Серафим»).

К портрету святого о. Серафима Саровского // Русская старина. 1904. Ноябрь.

К тридцатипятилетию открытия мощей преподобного Серафима Саровского: 1903—1938. Однодневный журнал под редакцией протоиерея Д. Троицкого, благочинного Парижских церквей. Париж, 1938.

Канавка Царицы Небесной. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2001.

Кедров Н. И. Преподобный Серафим, Саровский подвижник и народный богомолец. М.: Издание журнала «Вера и церковь», 1903.

Кедров Н. И. Народный богомолец, преподобный Серафим, старец Саровский. С приложением общеполезных религиозно-нравственных наставлений святого Серафима. М.: Издание А. Д. Ступина, 1903.

Клячко Л. М. (Л. Львов). За кулисами старого режима: Воспоминания журналиста. Т. 1. Л.: Аврора, 1926.

Клячко Л. М. (Л. Львов). Повести прошлого. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929.

Ковалевский А. Пустынножитель Саровской пустыни схимонах Марко // Душеполезное чтение. 1870. Июль.

Ковалевский А. Из воспоминаний о приснопамятных старцах:

иеромонахе Серафиме Саровском, иеромонахе Аниките (князе Ширинском-Шихматове) и других // Душеполезное чтение. 1869. Апрель.

Ковалевский А. Из воспоминаний о Серафиме Саровском и о других старцах и старицах (Рассказ старушки) // Душеполезное чтение. 1867. Февраль.

Коваль В. В. Дивево — село и монастырь // Материалы Второй и Третьей научно-практических конференций по проблемам истории, культуры и воспитания (август 1998, февраль 1999). Саров: Альфа, 1999.

Колымагин Б. Второе обретение мощей преподобного Серафима Саровского // Журнал Московской патриархии. 1991. № 4.

Колымагин Б. Перенесение мощей преподобного Серафима в Москву // Журнал Московской патриархии. 1991. № 5.

Корольков Н. Ф. Новоявленный угодник Божий, преподобный Серафим, чудотворец Саровский. СПб.: Постоянная комиссия народных чтений, 1903.

Краткое жизнеописание старца Серафима Саровского и полковницы Агафьи Семеновны Мельгуновой, основателей Серафимо-Дивеева женского монастыря Нижегородской губернии Ардатовского уезда. М.: Издание Серафимо-Дивеевского монастыря; Типография В. Готье, 1874.

Лазарь, монах. Дивный старец — первое полное жизнеописание преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского и всея Руси чудотворца. М.: Русский хронограф, 2000.

Лев Лебедев, протоиерей. Загадка одного портрета: Новые данные к жизнеописанию прп. Серафима Саровского. Курск: Церковно-краеведческий отдел Курской епархии РПЦ, 2004.

Левитский Н. М. Житие, подвиги, чудеса и прославление преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца: М.: Издание Афонского русского Пантелеимонова монастыря; Типо-литография И. Ефимова, 1905.

Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря / Сост. священномученик Серафим (Чичагов). Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2015.

Ливанский И. В., протоиерей. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец: Поэма. М.: Народная библиотека «Кормчего», 1903. Кн. 40.

Лодыженский М. В. Свет незримый. СПб.: Типография «Сельского вестника», 1912.

Любомудров А. М. Прибежище и надежда: Саровский чудотворец в рассказах русского зарубежья // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1999.

Макаревский М. И. Житие преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца. СПб.: [Б. и.], 1903.

Макаревский М. И. Житие преподобного Серафима и описание Саровской пустыни. СПб.: Типография МВД, 1903.

Макаревский М. И. На празднике у преподобного Серафи-

ма Саровского: Воспоминания и впечатления очевидца. СПб.: [Б. и.], 1904.

Макаревский М. И. Новые чудеса преподобного Серафима, Саровского чудотворца, совершившиеся в начале текущего 1903 года, впервые оглашенные в печати. СПб.: Типография МВД, 1903.

Макаревский М. И. Преподобный Серафим. Саров—Дивеево—Понетаевка. СПб.: Типография МВД, 1903.

Макаревский М. И. Путеводитель для богомольцев, отправляющихся на Саровские торжества 15—21 июля 1903 года. СПб., 1903 (Издание для народа).

Макаревский М. И. Саровская пустынь: Краткое описание исторического прошлого и современного состояния обители. СПб.: [Б. и.], 1903.

Макаревский М. И. Серафимо-Дивеевский монастырь, краткое описание прошлого и современного состояния обители, основанной преподобным Серафимом. СПб.: Типография МВД, 1903.

Макаревский М. И. Серафимо-Понетаевский монастырь: Краткое описание возникновения обители, учрежденной в память преподобного Серафима. СПб.: [Б. и.], 1903.

Макушев В. В. Благовест из Саровской пустыни. СПб.: Типография Училища глухонемых, 1906.

Малицкий П. И. Преподобный старец Серафим, великий подвижник Саровской пустыни. Посвящается простому русскому богомольцу. Тула: издание П. И. Малицкого, 1903.

Малицкий П. И. Саровская пустынь и великий подвижник ея, преподобный старец Серафим. Тула: Издание автора, 1903.

Мацукевич А. А. Преподобный Серафим Саровский. М.: ОЛМА-ПРЕСС Гранд, 2004.

Мелетий, иеромонах. Путешествие во Иерусалим Саровския Общежительныя пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 годах. М.: Типография А. Решетникова, 1798; 1800.

Мельник В. И. Николай Мотовилов под кровом преподобного Серафима. М.: Международный благотворительный центр прп. Серафима Саровского, 2012.

Мельник В. И. Птенцы гнезда Серафимова. Мотовилов и Мантуров. М.: Дар, 2007.

Мельников А. П. Путеводитель для паломников в Серафимо-Саровскую пустынь. Нижний Новгород: [Б. и.], 1903.

Мефодий, архимандрит. Слово в день прославления честных мощей преподобного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца, 19 июля 1903 года. Одесса: [Б. и.], 1904.

Мумриков А., диакон. Праздник Похвалы Пресвятой Богородицы в Дивееве // Журнал Московской патриархии. 1991. № 8.

Муравьев А. Н. Саровская пустынь. СПб.: Типография К. Края, 1849.

Назарий, епископ. Благодатные исцеления по молитвам пре-

подобного отца Серафима Саровского // Нижегородские епархиальные ведомости. 1903. № 6—7.

Назарий, епископ. Слово в день памяти преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. Арзамас: [Б. и.], 1903.

Назидательное значение благодатной личности преподобного Серафима Саровского для нашего времени. СПб.: Типография И. В. Леонтьева, 1905.

Наставления преподобного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. Одесса: [Б. и.], 1916.

Наставления преподобного Серафима // Листки Казанской Амвросиевской женской пустыни. Калуга, 1909. № 68.

Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря, 1999.

Никольский П. А. Святой Серафим, Саровский подвижник и всея Руси чудотворец. Тамбов: Типография П. С. Москалева, 1910.

Никон, епископ. Саровская «Пасха»: Впечатления участника в торжествах. Сергиев Посад: Издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1904.

Нилус С. А. Великое в малом и Антихрист, как близкая политическая возможность: Записки православного. Царское Село: Типография Царскосельского комитета Красного Креста, 1905.

Нилус С. А. Голос веры из мира торжествующего неверия: Поездка в Саровскую пустынь. М.: Университетская типография, 1902.

Нилус С. А. Дух Божий явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его о цели христианской жизни с Симбирским помещиком и совестным судьей Н. А. Мотовиловым: Из рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова. М.: Университетская типография, 1903.

Новые чудеса и исцеления у источника преподобного Серафима, чудотворца Саровского. М.: [Б. и.], 1904.

Новые чудеса преподобного Серафима Саровского: свидетельства и размышления. М.; Нижний Новгород: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; Глагол, 2004.

О предстоящем 19 июля 1903 года открытии святых мощей преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца. С приложением его жизнеописания. СПб.: Издание А. А. Холмушина, 1903.

О том, как жил и подвизался преподобный отец наш Серафим, Саровский чудотворец // Саровские листки. М., 1903. № 1.

О цели христианской жизни: Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его о цели Христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым / Сост. А. Стрижев. М.: Паломник, 1999.

Об останках отца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни. СПб.: Издание газеты «Церковные ведомости», 1903.

Обитель преподобного Серафима. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2015.

Орнатский Ф., протоиерей. Саровские поучения. СПб.: Типолитография М. П. Фроловой, 1903.

Открытие мощей и прославление св. преподобного Серафима Саровского чудотворца в присутствии Их Императорских Величеств: Альбом видов с фотографий М. И. Грибова. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1903.

Отчет Арзамасского Александра Невского общества хоругвеносцев за первый по учреждении его 1903 год. Арзамас: Типография Н. Доброхотова, 1904.

Павлович М. К. Российская периодика и торжества в Сарове в июле 1903 г. // Материалы Второй и Третьей научно-практических конференций по проблемам истории, культуры и воспитания (август 1998, февраль 1999). Саров: Альфа, 1999.

Пак В. Ф. Изображения святого Серафима Саровского в современной ростовской финифти // Материалы Второй и Третьей научно-практических конференций по проблемам истории, культуры и воспитания (август 1998, февраль 1999). Саров: Альфа, 1999.

Паозерский М. Преподобный Серафим Саровский. М.: Главполитпросвет, 1924.

Паша Саровская: Юродивая подвижница Серафимо-Дивеевского монастыря. М.: Издание Е. И. Коноваловой, 1904.

Паша, Саровская юродивая. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1904.

Перегудова З. И., Зверева Н. К. Преподобный Серафим Саровский и Дом Романовых (по документам Государственного архива Российской Федерации) // Преподобный Серафим Саровский: Агиография. Почитание. Иконография. М.: Индрик, 2004.

Подурец А. М. Саров: памятник истории, культуры, православия. Саров; Саранск: Типография «Красный Октябрь», 1999.

Покровский. Уроки из жизни преподобного Серафима. М.: Издание Е. И. Коноваловой, 1904.

Поляков П., священник. Под сенью благодати: Впечатления паломника. СПб.: Издание И. Л. Тузова, 1904.

Попов А. Воспоминания о Сарове. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906.

Поселянин Е. Великий старец Серафим Саровский // *Поселянин Е.* Русские подвижники XIX века. СПб.: Издание И. Л. Тузова, 1901.

Поселянин Е. Отец Серафим Саровский. Составлено по печатным источникам, с рисунками Лебедева К. В. М.: Издание А. Д. Ступина, 1896.

Поселянин Е. Пелагия Ивановна, юродивая Дивеевская // *По-*

селянин Е. Русские подвижники XIX века. СПб.: Издание И. Л. Тузова, 1901.

Поселянин Е. Саровской пустыни схимонах Марк Саровский // *Поселянин Е.* Русские подвижники XIX века. СПб.: Издание И. Л. Тузова, 1901.

Поселянин Е. Н. Преподобный отец Серафим Саровский: Его жизнь, подвиги и чудеса по его молитве. М.: Издание А. Д. Ступина, 1903.

Поселянин Е. Н. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец. С новыми сведениями о старце. СПб.: Издание И. Л. Тузова, 1903.

Поселянин Е. Н. Старец Серафим Саровский. М.: Издание А. Д. Ступина, 1901.

Последние чудеса преподобного Серафима. М.: Издание Е. И. Коноваловой, 1904.

Преображенский И. В. Открытие святых мощей преподобного Серафима, Саровского чудотворца: Описание очевидца. СПб.: Типография Э. Арнгольда, 1904.

Преподобная Досифея, затворница Киевская: Житие с акафистом. Киев: Издание Свято-Троицкого Китаевского монастыря, 2003.

Преподобный отец наш Серафим, чудотворец Саровский. Житие его и чудеса. Наставления и келейное молитвенное правило. Торжественное открытие мощей преподобного в Сарове. М.: Издание И. А. Морозова, 1904.

Преподобный Серафим — обличитель раскола. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1904.

Преподобный Серафим как прозорливец. Замечательные случаи прозорливости преподобного Серафима. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1904.

Преподобный Серафим Саровский в XX—XXI веках: С репортажами о торжествах, посвященных 100-летию прославления великого святого. М.: Благо, 2004.

Преподобный Серафим Саровский в литографии XIX — начала XX века: Каталог / Авт.-сост. Н. И. Рудакова. М.: Индрик, 2008.

Преподобный Серафим Саровский и Дивеевская обитель. М.: Отчий дом, 2011 (Библиотека «Преподобный Серафим»).

Преподобный Серафим Саровский: Агиография. Почитание. Иконография / Сост. Н. Н. Чугреева. М.: Индрик, 2004.

Преподобный Серафим Саровский: Жизнь и подвиг / Сост. А. Пентковский, С. Бычков. М.: Тэтис паблишн, 2004.

Преподобный Серафим Саровский: Жизнь, подвиги и явления благодатной помощи по молитвам преподобного отца нашего Серафима. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1903.

Преподобный Серафим Саровский: Откровение о цели христианской жизни. По записи Н. А. Мотовилова и с приложением его же рассказа «Есть ли адские муки?». С примечаниями архи-

епископа Вениамина. Париж: Православное изд-во; Русская типография им. И. Кронштадтского, 1933.

Преподобный Серафим, новопрославленный Саровский подвижник // Волынские епархиальные ведомости. 1903. № 18.

Преподобный Серафим, Саровский чудотворец (1759—1833) / Сост. А. Веселицкий. Вятка: [Б. и.], 1903.

Преподобный Серафим, Саровский чудотворец, и священные места его благодатного подвижничества (из личных воспоминаний и впечатлений). Тула: Типография Е. И. Дружинина, 1909.

Преподобный Серафим, Саровский чудотворец, и священные места его благодатного подвижничества. Из личных воспоминаний и впечатлений. Тула: Типография Е. И. Дружининой, 1909.

Преподобный Серафим, Саровский чудотворец: Сборник рассказов и статей о жизни и чудесах его. СПб.: Об-во религиозно-нравственного просвещения; Типография Акционерного обва печатного и писчебумажного дела «Слово», 1903.

Пуаре А. Я., пристав. Заявление на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшего Назария, епископа Нижегородского и Арзамасского // Нижегородские епархиальные ведомости. 1903. № 11.

Путеводитель для паломников в Саровскую пустынь. Нижний Новгород: Типография Губернского правления, 1903.

Путешествие в Саров: Из воспоминаний Саровского паломника. М.: [Б. и.], 1904.

Раскольник-хулитель, наказанный преподобным Серафимом. М.: Издание Е. И. Коноваловой, 1904.

Рассказ о Саровском старце о. Серафиме // Духовная беседа. 1872. № 22.

Рассказы об основателе Дивеевской Свято-Троицкой обители старце священноиеромонахе Серафиме: Воспоминания серафимовских стариц и других современников. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2015.

Рассказы об отце основателе нашем старце священноиеромонахе Серафиме: Рассказы стариц и монахинь. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2009.

Розанов Н., священник. Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника [Санкт-Петербург. 1863 г.] // Церковная летопись «Духовной беседы». СПб., 1865.

Романский Н., священник. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец: Чтения для народных аудиторий с световыми картинами // Московские церковные ведомости. 1903.

Рошко В., протоиерей. Преподобный Серафим: Саров и Дивеево. М.: Sam & Sam, 1994.

Руди Т. Р. Ранние жития Серафима Саровского: вопросы литературной истории // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51.

Русский Л. И. Преподобный отец Серафим, Саровский чудотворец. М.: Издание А. Д. Ступина, 1903. С. 32.

Сабашникова М. Святой Серафим. М.: Духовное знание, 1913.

Савельев А. А. Николай II в Саровской пустыне. Из воспоминаний земского деятеля // Голос минувшего. 1918. № 4—6.

Саровская пустынь: Альбом видов. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1913.

Светлые дни в Сарове. СПб.: Издание журнала «Отдых христианина», 1903.

Святой Серафим, Саровский чудотворец, новый защитник Православия: Братское слово к чадам Церкви и отпадшим. СПб.: Миссионерское обозрение, 1903.

Святые источники Дивеевской земли. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2001.

Святый иеромонах Серафим: Жизнь и подвиги блаженной памяти старца Саровской пустыни. М.: Издание Н. Н. Шарапова, 1903.

Святый преподобный Серафим, Саровский чудотворец: Его жизнь и подвиги. С приложением наставлений для монашествующих. Одесса: Издание Русского Свято-Андреевского скита на Афоне, 1903.

Святый Серафим — великий подвижник и чудотворец Саровской обители. Одесса: Типография Е. И. Фесенко, 1903.

Святый Серафим Саровский, новоявленный чудотворец земли русской. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903 (Бесплатное народное издание Е. В. Богдановича).

Серафим (Толстошеев), схиигумен. Сказание о подвигах и событиях жизни старца Серафима, иеромонаха, пустынника и затворника Саровской пустыни. С присовокуплением очерка жизни первоначальницы Дивеевской женской обители Агафии Симеоновны Мельгуновой. Собственность Серафимо-Понетаевского монастыря. СПб.: Типо-литография В. В. Оболенского, 1877.

Серафим (Чичагов), архимандрит. Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца. СПб.: Серафимо-Дивеевский монастырь, 1903.

Серафим (Чичагов), архимандрит. Краткое содержание «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря с жизнеописанием основателей А. С. Мельгуновой и о. Серафима Саровского и подвижниц обители». М.: Серафимо-Дивеевский монастырь, 1896.

Серафим (Чичагов), архимандрит. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии, Ардатовского уезда. С жизнеописанием основателей ее схимонахини Александры, урожденной А. С. Мельгуновой и блаженного старца иеромонаха Серафима и его сотрудников: М. Мантурова, протоиерея о. Садовского, блаженной Пелагеи Ивановны Серебренниковой, Н. А. Мотовилова, сподвижниц обители и других. М.: Серафимо-Дивеевский монастырь, 1896 (авт. — *Чичагов Л. М.*); СПб.: Серафимо-Дивеевский монастырь, 1903.

Серафим Саровский / Сост. В. А. Юрченков, А. И. Полосухина. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1998.

Серафимовские торжества: Документы, воспоминания, фотографии / Авт.-сост. М. Виноградова, Т. Горбачева, И. Мещан. М.: Индрик, 2005.

Серафимовский Дивеевский православный календарь-сборник на 2004 год. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2003.

Серафимовский Дивеевский православный календарь-сборник на 2006 год. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2005.

Серафимовский Дивеевский православный календарь-сборник на 2013 год. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2012.

Серафимо-Дивеевские предания: Житие. Воспоминания. Письма. Церковные торжества / Сост. А. Н. Стрижев. М.: Паломник, 2001.

Серафимо-Дивеевский монастырь и подвижницы, в нем обитавшие. С приложением жизнеописания устроителя обители преп. Серафима Саровского. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1904.

[Сергий (Васильев), иеромонах]. Краткое начертание жизни старца Саровской пустыни, схимонаха и подвижника Марка. М.: Университетская типография, 1839.

Сергий (Васильев), иеромонах. Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. М.: Университетская типография, 1841.

Сергий (Васильев), иеромонах. Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. С присовокуплением духовных его наставлений, и начертания жизни старца Саровской пустыни, схимонаха и пустынника Марка. М.: Университетская типография, 1844.

Сергий (Васильев), иеромонах. Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника, начертание жизни старца Саровской пустыни Марка и мысли Святых Отцев о смирении и молитве Иисусовой. М.: Типография А. Семена, 1858.

Сергий (Тихомиров), архимандрит. Письма из Сарова: 13—22 июля 1903 года. СПб., Типо-литография М. П. Фроловой, 1903.

Сказание о жизни и подвигах приснопамятного старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. М.: Издание Саровской пустыни, 1903.

Сказание о жизни и подвигах старца Серафима, затворника и пустынножителя Саровской пустыни. М.: Издание А. И. Анисимовой, 1903.

Сказание о жизни и подвигах старца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни и затворника. С изображением его в пустынножительстве. СПб.: Французская типография, 1845.

Сказание о жизни и чудесах преподобного Серафима, подвижника Саровской пустыни. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1903.

Сказание о Христа ради юродивой подвижнице Серафимо-Дивеевского монастыря Пелагии Ивановне Серебренниковой. Собрано от лиц близких к ней. Тверь, 1891.

Служба и акафист преподобному и богоносному отцу нашему Серафиму, Саровскому чудотворцу. СПб.: Синодальная типография, 1904 (слав. яз.).

Служба преподобному и богоносному отцу нашему Серафиму, Саровскому чудотворцу. С литографированным изображением о. Серафима. М.: Московская синодальная типография, 1904 (слав. яз.).

Смирнов П. А., протоиерей. Прославление святых в Церкви христианской православной: К торжеству прославления преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского. СПб.: [Б. и.], 1903.

Соколов С. Воспоминание о затворнике Саровской пустыни, о. Серафиме // Духовная беседа. 1864. № 4.

Соколов Ф. С. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец. Тамбов: [Б. и.], 1904.

Соловьев И. И. Слава преподобного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца, в свете Христовой веры Православной Церкви // Вера и Церковь. 1903. № 7.

Соловьев И. И., протоиерей. Краткое сказание о житии и подвигах преп. Серафима, Саровского чудотворца, с замечанием об их значении для нас. М.: Университетская типография, 1903.

Старец Серафим Саровский. СПб.: Об-во распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, 1903.

Старец Серафим, иеромонах Саровской обители, пустынножитель и затворник. Его жизнь и подвиги. Одесса: [Б. и.], 1896; 1898; Одесса: Издание Е. И. Фесенко, 1902.

Старец Серафим, Саровский подвижник. Почаев: Издание Почаевской лавры, 1903.

Степашкин В. А. Биография преподобного Серафима Саровского в свете архивных документов // «Российския державы славо и ограждение»: Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России [Альбом]. М.: Лето, 2015.

Степашкин В. А. Год рождения преподобного Серафима Саровского (Новые архивные находки) // Памятники христианской культуры Нижегородского края: Материалы научной конференции 29—30 марта 2001 года. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Администрации губернатора Нижегородской области. 2001.

Степашкин В. А. К вопросу о прижизненном изображении иеромонаха Серафима и местночтимых иконах Саровской пустыни

на основании новых архивных находок // Материалы Второй и Третьей научно-практических конференций по проблемам истории, культуры и воспитания (август 1998, февраль 1999). Саров: Альфа, 1999.

Степашкин В. А. Краткая история Свято-Успенской Саровской пустыни // «Российския державы славо и ограждение»: Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России [Альбом]. М.: Лето, 2015.

Степашкин В. А. Награда императора Серафиму Саровскому. Новые находки // Городской курьер. 1999. № 30.

Степашкин В. А. Преподобный Серафим Саровский: История рода. Курск: Мечта, 2007.

Степашкин В. А. Преподобный Серафим Саровский: Предания и факты. Саров: ТПК, 2008.

Степашкин В. А. Преподобный Серафим. Новые архивные изыскания // Городской курьер. 2000. № 2.

Степашкин В. А. Родословная семьи Мошниных // Возрождение православных монастырей и будущее России: Материалы Третьей всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». Сергиев Посад — Саров — Дивеево. 28 июня — 1 июля 2006 года. Нижний Новгород: Глагол, 2007.

Степашкин В. А. Саровская пустынь в Новейшей истории // «Российския державы славо и ограждение»: Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России [Альбом]. М.: Лето, 2015.

Степашкин В. А. Уточнение фактов жизнеописания преподобного Серафима Саровского по архивным материалам // Наследие Серафима Саровского и судьбы России: Материалы конференции Москва — Саров. Июнь 2004. Нижний Новгород: Глагол, 2005.

Степашкин В. А. Хроника событий, связанных с именем преподобного Серафима Саровского // Преподобный Серафим Саровский. Агиография. Почитание. Иконография. М.: Индрик, 2004.

Стрижев А. Н. Указатель печатных источников и литературы о преподобном Серафиме Саровском // Преподобный Серафим Саровский: Агиография. Почитание. Иконография. М.: Индрик, 2004.

Субботин Н. И. Митрополит Филарет и архимандрит Антоний как чтители заветов и памяти преподобного Серафима. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1904.

Танков А. А. Несколько новых данных о преподобном Серафиме Саровском (Из архива Курской духовной консистории) // Курские губернские ведомости. № 163. 1903. 31 июля.

Титов Ф., священник. Житие, подвиги, чудеса и наставления преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. Киев: Киевское религиозно-просветительское об-во, 1903.

Тихон (Затекин), игумен, Дегтева О. В., Степашкин В. А. Саровская святыня: История основания, строительства и восстановления храма во имя Преподобного Серафима Саровского и всея России чудотворца. Нижний Новгород: Нижегородская радиолаборатория, 2004.

Троицкий Д. Житие преподобного Серафима Саровского и его торжественное прославление: К 35-летию открытия мощей. Таллин: [Б. и.], 1939.

Тютчева А. Ф. Святой Серафим Саровский в Царской семье. СПб.: Типография М. И. Акинфиева и И. В. Леонтьева, 1903.

Угодник Божий Серафим: В 2 т. / Сост. игумен Андроник (Трубачев), А. Н. Стрижев. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993.

Успенский Н., диакон. Житие и чудеса новоявленного чудотворца св. преподобного Серафима Саровского. М.: [Б. и.], 1903.

Успенский Д. Н. Саровские торжества и новые чудеса, совершившиеся по молитвам преподобного Серафима, Саровского чудотворца. М.: Типография Н. Н. Булгакова, 1903.

Успенский П. Утешение страждущим. Новые чудеса и благодатные знамения преподобного Серафима Саровского чудотворца. Тамбов: Типография П. С. Москалева, 1910.

Федоров А. В. Возрождение православной жизни в Сарове // Радость моя: Сборник статей и исторических материалов, посвященных 90-летию прославления и 160-летию блаженной кончины Преп. Серафима Саровского. Москва; Саров: Град Китеж, 1993.

Федотова Е. Преподобный Серафим Саровский. СПб.: [Б. и.], 1903.

Филарет, архиепископ. История Русской церкви: Период пятый. Синодальное управление. 1721—1826 гг. М.: Типография Бахметева, 1859.

Царевский А. Саровская пустынь: Ко дню прославления великого подвижника Саровского, отца Серафима. Казань: Издание А. А. Дубровина, 1903.

Церемониал торжественного открытия святых мощей преподобного о. Серафима, Саровского чудотворца // Тамбовские епархиальные ведомости. 1903. № 25.

Церковное прославление преподобного Серафима, великого чудотворца Саровского и открытие его честных и многоцелебных мощей. СПб.: Издание журнала «Миссионерское обозрение», 1903.

Церковь Казанской иконы Божией Матери в Дивееве. Дивеево: Издание Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2004.

Чугреева Н. Н. Иконы преподобного Серафима Саровского в собрании Музея им. Андрея Рублева // Материалы Второй и Третьей научно-практических конференций по проблемам истории, культуры и воспитания (август 1998, февраль 1999). Саров: Альфа, 1999.

Чугреева Н. Н. О вещах преподобного Серафима Саровского в

Серафимо-Дивеевском монастыре // «Российския державы славо и ограждение»: Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России [Альбом]. М.: Лето, 2015.

Чугреева Н. Н. О почитании преподобного Серафима Саровского Царственными Страстотерпцами // Преподобный Серафим Саровский: Агиография. Почитание. Иконография. М.: Индрик, 2004.

Чугреева Н. Н. Об иконах преподобного Серафима Саровского // «Российския державы славо и ограждение»: Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России [Альбом]. М.: Лето, 2015.

Чугреева Н. Н. Об иконографии преподобного Серафима Саровского после канонизации // Преподобный Серафим Саровский: Агиография. Почитание. Иконография. М.: Индрик, 2004.

Чудеса преподобного Серафима в записях монахов Саровской пустыни. М.: Отчий дом, 2006 (Библиотека «Преподобный Серафим»).

Чудеса, явленные при открытии святых мощей преподобного Серафима в Сарове. М.: Издание А. Д. Сазонова, 1904.

Чудесное исцеление младенца Прохора от иконы Богоматери // Саровские листки. Одесса, 1905. № 3.

Чудесное явление Богоматери в сонме святых угодниц Божиих преп. Серафиму Богоматери // Саровские листки. Одесса, 1905. № 13.

Чудо в Саровской пустыни, вразумление вольнодумца. С приложением жизнеописания преподобного о. Серафима, Саровского чудотворца. СПб.: Издание А. А. Холмушина, 1903.

Щегольков Н. Преподобный Серафим Саровский по отношению его к жителям города Арзамаса. Нижний Новгород: Типография Губернского правления, 1904.

Щегольков Н. Путеводитель в Саров и по Сарову. С приложением краткого очерка истории Саровской пустыни и жизнеописания о. Серафима. С планами монастырей. Нижний Новгород: Типография газеты «Волгарь», 1903.

Щенникова Л. А. Житийные иконы преподобного Серафима Саровского // Материалы Второй и Третьей научно-практических конференций по проблемам истории, культуры и воспитания (август 1998, февраль 1999). Саров: Альфа, 1999.

Юрьев В. Жизнь, подвиги, чудеса и открытие мощей преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца. М.: Издание Е. И. Коноваловой, 1904.

Явление Божией Матери преподобному Серафиму в день Благовещения // Саровские листки. М., 1903. № 2.

Явления благодатных знамений по молитвенному предстательству преподобного Серафима, Саровского чудотворца (с 1 сентября 1902 по 21 октября 1903 года включительно). По письмам и заявлениям, хранящимся в Саровской обители. М.: Издание Саровской пустыни, 1904.

A Wonderful revelation to the World a conversation of Saint Seraphim of Sarov with N. A. Motovilov. Seattle: St. Nectarios Press, 1993.

Beausobre I. de. Liekki lumessa: Venäläinen legenda. Heinävesi: Valamon luostari, 1991.

Boosalis H. M. The Joy of the Holy: Saint Seraphim of Sarov and Orthodox Shiritual Life. South Canaan, Pennsylania: St. Tikhon's Seminary Press, 1993.

Clement O. Saint Séraphim de Sarov, prophète et temoin de la lumiere // Le Visage intérieur. Paris: Stock, 1978.

Lassus L. A. Le staretz Séraphim de Sarov: Joie et lumière. Paris: O. E. I. L., 1984.

Lazarus (Moore), Archimandrite. St. Seraphim of Sarov: A Spiritual Biography. Sarov: New Sarov Press, 1994.

Malmstad I. E. Andrey Bely and Serafim of Sarov // Scott. Slavonic rev. Glasgow, 1990. № 14.

Nunna K. Pyhittäjä Serafim Sarovilainen. Helsinki: Maahenki, 2008.

Seraphim (Rose). Little Russian Philokalia. Vol. 1: St. Seraphim of Sarov: Spiritual Instructions. Alaska: New Valaam Monastery; St. Herman Press. 1991.

Séraphim Thaumaturge de Sarov. Saint-Benoît-du-Sault: Editions Bénédictines, 1997.

Spidlik T. s. i. Serafino di Sarov // La Mistica: Fenomenologia eriflessione teologica / A cura di E. Ancillient M. Paparozzi. Roma: Citta Nuova Editrice, 1981. V. 1.

Vie de Saint Seraphim de Sarov. Bussy-en-Othe: Monastere Notre-Dame de Toute Protection, 1986.

Zander V. Pyhittäjä Serafim Sarovilainen: Elämäkerta ja hengelliset ohjeet. Heinävesi: Valamon luostari.

Zander V. Saint Seraphim de Sarov. Paris: Comité diocésain de l'Enseignement; Eglise russe en Europe occidentale, sans date.

Архивы

Архив УФСБ РМ — Архив Управления федеральной службы безопасности по Республике Мордовия.

БАН — Библиотека Российской академии наук.

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГАКО — Государственный архив Курской области.

ГАНО. Арзамас — Государственный архив Нижегородской области в городе Арзамасе.

ГАНО. Балахна — Государственный архив Нижегородской области в городе Балахне.

ГАПО — Государственный архив Пензенской области.

ГАТО — Государственный архив Тамбовской области.

НИОР РГБ — Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

РПЦ — Русская православная церковь.

ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области.

ЦГА РМ — Центральный архив Республики Мордовия.

ЦГИАМ — Центральный государственный архив в Москве.

ЦДНИ РМ — Центр документации новейшей истории Республики Мордовия.

ЦДНИ ТО — Центр документации новейшей истории Тамбовской области.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение ... 6

Глава первая. КУРСК ... 11
Древний Курск ... 11
Родословие семьи Мошниных. Первые имена ... 14
Год рождения Прохора ... 23
Строительство церкви и чудесное спасение ... 31
Автограф Прохора ... 37
Родословие семьи Мошниных. Продолжение ... 46
Отеческий дом ... 52
Крестный ход и чудесное исцеление ... 64
Родословие семьи Мошниных. Окончания нет ... 68
«Родом я из курских купцов» ... 71
Выбыл в монашеский чин ... 74

Глава вторая. САРОВ ... 93
Благословенный Саров ... 93
Куряне в Сарове ... 134
Черные одежды ... 141
Иерусалим старца Серафима ... 150
И свеча бы не угасла ... 176
Ближе к миру ... 186
Мотовилов и его тайна ... 197
Могилу тихую кропим слезою... ... 237

Глава третья. ИЗ УСТ В УСТА ... 244
Потихоньку, полегоньку и не вдруг... ... 270

Глава четвертая. ТОРЖЕСТВА ПРОСЛАВЛЕНИЯ ... 282

Глава пятая. ЗЕМНОЙ ПУТЬ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА ... 309
1903 год ... 309
Начало скорби ... 336
Изъятие церковных ценностей ... 357
Изъятие мощей и ликвидация монастыря ... 360
Подлинные мощи Серафима ... 393
Мощи преподобного в Москве ... 413
Ленинградский период ... 421
Дивеевская обитель: от поругания к славе ... 436

Глава шестая. И ВНОВЬ САРОВ ... 458

Приложения 468
Приложение 1. Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника 468
Приложение 2. Беседа преподобного Серафима с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни 480
Приложение 3. Наставления старца Серафима 502

Примечания 530
Основные даты жизни, служения и прославления преподобного Серафима Саровского 556
Литература 563

Степашкин В. А.

С 79 Серафим Саровский / Валентин Степашкин. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 587[5] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1686).

ISBN 978-5-235-04050-2

Впервые в серии «Жизнь замечательных людей» выходит жизнеописание одного из величайших святых Русской православной церкви – преподобного Серафима Саровского. Его народное почитание еще при жизни достигло неимоверных высот, почитание подвижника в современном мире поразительно – иконы старца не редкость в католических и протестантских храмах по всему миру.

Об авторе книги можно по праву сказать: «Он продлил земную жизнь святого Серафима». Именно его исследования поставили точку в давнем споре историков – в каком году родился Прохор Мошнин, в монашестве Серафим. Доводы исследователя, высказанные еще в 2000 году на научной конференции в Нижнем Новгороде, а затем опубликованные в книге «Преподобный Серафим Саровский: Предания и факты», были признаны священноначалием Русской православной церкви обоснованными, и в 2004 году состоялось общероссийское празднование 250-летия со дня рождения преподобного Серафима.

Книга позволяет взглянуть на святого с исторической точки зрения, освободив его биографию из плена мифов и заблуждений.

УДК 271.2-36
ББК 86.372-574

знак информационной продукции **16+**

Степашкин Валентин Александрович
СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Редактор **Е. С. Писарева**
Художественный редактор **А. В. Наумов**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Л. С. Барышникова**

Сдано в набор 06.09.2017. Подписано в печать 20.11.2017. Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 31,08+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1720030.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04050-2

АКТУАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Владимир Широгоров

УКРАИНСКАЯ ВОЙНА

В XVI—XVII вв. Западная Русь предстала зоной соперничества Литвы и Польши, Швеции и Орды, Турции, Крымского ханства и Московского княжества. Кто мог предположить тогда, что речь шла о чем-то несравненно большем, нежели об очередном разделе пространств Восточной Европы? Многовековая Украинская война явилась одной из самых плотных в истории концентрацией боевых действий, затронув абсолютно все сферы: идеологию, экономику, общественные процессы, качества лидеров и стремления народов.

УЖЕ В ПРОДАЖЕ:

Книга I
Схватка за Русь
До середины XVI века

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Книга II
Турецкий прорыв
Балканы — Причерноморье — Кавказ
До конца XVI века

Книга III
Встречное наступление
Балтика — Литва — Поле
Вторая половина XVI века

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:
127055, Москва, Сущевская ул., 21
Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86
Телефоны для оптовых покупателей:
8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92
Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:
http://gvardiya.ru E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Данилкин
«ЛЕНИН»

В. Бондаренко
«ЛЕГЕНДЫ БЕЛОГО ДЕЛА»

А. Вдовин
«ДОБРОЛЮБОВ»

А. Коровашко
«МИХАИЛ БАХТИН»

И. Фаликов
«ЕВТУШЕНКО»

М. Макеев
«НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
http://gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Сенкевич
«БУДДА»

В. Антонов
«ЭЙТИНГОН»

П. Ренуччи
«КЛАВДИЙ»

А. Кулагин
«ШПАЛИКОВ»

А. Куланов
«ОЩЕПКОВ»

Н. Старосельская
«КАВЕРИН»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
http://gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»

В отделе реализации действует гибкая система скидок

Доставка книг по территории Москвы и Московской области БЕСПЛАТНО

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ
8(495) 787-64-20
8(495) 787-62-92
ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА
8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-04050-2

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ